

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

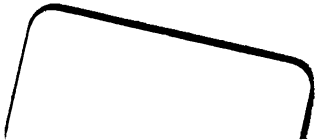
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

WYLLI RESEARCH LIBRARIES

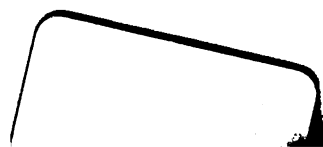
3 3433 05929344 3

Cellar

14A7

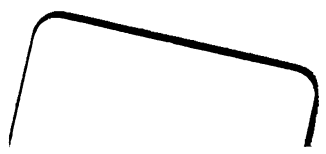
*QCA

Cellar

14A7

*

Cellar

14A7

*QCA

11

*QCA

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, ПОВОСТЕЙ И МОДЪ.

*Ἐπι δὲ τὶ αἰσχρὸν, τοῦς ἑτέροισι μὴ δύνασθαι περὶ
ἑμοῦ τὰ δίκαια μῆτι γινώσκει μῆτι ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἴσως καὶ τὴν δόξαν τῶν προηγουμένων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγιννομένοις οὐχ ὁμῶς καταλιπομένην εἶναι
τε ἀδικουμένων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

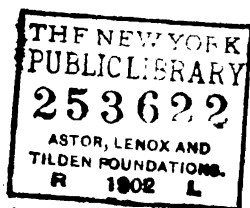
Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

ТОМЪ СЕМИДЕСЯТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. ЖЕРНАКОВА.

=
1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

если, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1845 года, мая 1 дня.

Целс

тис.

Цои

лтъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ
СЕМИДЕСЯТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНИЯ.

- Бой.** (Изъ пятой пѣсни Энеиды.) *Г. Шершеневича.* 5.
Шлемъ-мечеть и копьё-мшареть. (Уральское преданіе). *Д. Минаевъ*.....

ПРОЗА.

✓ Вояжеры Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. *Основьяненко*..... 1.
Башня Веселуха. Повѣсть московскаго старожилы..
Часть первая..... 109.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Яковъ Ванъ-деръ-Нэсъ. Романъ госпожи Пааль-
цовъ..... 1.
Часть первая..... 1.
Часть вторая и послѣдняя..... 51.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Естественная исторія пресмыкающихся..... 1.
Метеорическіе камни, преимущественно упавшіе въ
Россіи. Э. Эйхвальдъ..... 25.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Земледѣльческая статистика Франціи..... 1.
Всеволожская школа таксаторовъ. Н. Матвѣевскаго. 15.

V.

КРИТИКА.

Лекціи популярной астрономіи, С. Зеленаго. Статья вторая.....	1.
Описание Россіи. имперіи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ... ..	29.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Апрѣль, 1845. Новыя книги и брошюры.....	1.
— — Разныя извѣстія.....	12.
Май, 1845. Новыя книги и брошюры.....	15.
— — Разныя извѣстія.....	42.

VII.

СМѢСЬ.

Апрѣль.

Плоды обращенія Библіотеки для Читенія къ животному магнитизму. Взглядъ на современный ходъ животнаго месмеризма въ Россіи. Князя А. Долгорукаго.....	1.
Развалины древней Ниневіи. Путешествіе господина Фландена. Вавилонскій музеумъ въ Парижѣ.....	10.
Новая Лафайль.....	15.
Французскій театръ въ Парижѣ.....	25.
Новыя французскія книги.....	29.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	31.
Моды.....	34.

Тегеранскій сераль и ужинъ въ шахскомъ гаремѣ.	35.
Посмертная любовь. Норвежская быль Бергманна...	41.
Приключенія англійскаго миссіонера въ Испаніи.	
Путешествіе на мысъ Финистерръ. Мадрид- ская тюрьма.....	59.
Новыя французскія книги.....	86.
Новыя музыкальныя сочиненія.....	88.
Моды.....	91.

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

БОЙ.

(изъ пятой пѣсни звенды.)

Кончивъ эту игру и раздавши героямъ награды,
Эней говорить: «Теперь, кто силою бодръ и душою,
Пусть выходитъ и руки сложивъ надъ главою подниметь.»
Такъ сказалъ и бойцамъ предлагаетъ двойную награду:
Для побѣдителя тучный быкъ съ головою позлащенной,
И украшенный лентами; а побѣжденному будетъ,
Для утѣшенія, мечъ боевой съ блестящимъ шоломомъ.

И немедля подпавшись Даресъ и огромный и сильный,
Вышелъ впередъ, при громкомъ жужжаньи толпы любопытной.

Онъ, бывало, одинъ ходилъ ратовать на Париса,
И близъ могилы, въ которой покоится Гекторъ великій,
Мощной рукою сразилъ и простеръ на песокъ бездыхан-
нымъ

Сильнаго воина Бута, громаднаго тѣломъ, который
Тщетно хвалился породой бебрикского мужа Амьика.
Вышелъ на битву Даръ съ, возпосясь головою высоко;
Плечи широкія всѣмъ показалъ, взмахнулъ кулаками
Вкругъ головы, и съ свистомъ разсѣкъ воздушныя волны.
Ищутъ другаго бойца; но никто изъ толпы многолюдной
Противъ него не идетъ надѣвать боевыя перчатки.
Нестерпѣливый Даресъ, не видя соперника въ битвѣ,
Сталъ предъ очами Энея, и долго не медля, схватилъ онъ
Лѣвой рукою вола за рога, обратился къ Энею;

И говоритъ: «О, сынъ богини, если не смѣешь
Въ битву со мною никто, для чего же стоять мнѣ напрасно?
Долго ли медлить еще? Прикажи отвести мнѣ награду.»

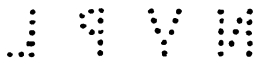
Тутъ Адестесъ рѣчью такой упрекаетъ Энтелла,
На зеленой травѣ сидѣвшаго тутъ недалеко:
«Что жъ ты, Энтелль, изъ героевъ нѣкогда славный по
силѣ?»

Ты равнодушно позволишь увести такую награду?
Гдѣ же нашъ тотъ полубогъ и славный наставникъ твой
Эриксъ?

Или напрасно о немъ вспоминаешь? Гдѣ громкая слава,
По Тринакрійскому царству гремѣвшая? гдѣ тѣ добычи,
Что украшаютъ стѣны твои?» — А Энтелль отвѣчаетъ:
«Царь, не отъ страху во мнѣ та прежняя жажда угасла
Къ славѣ въ болахъ; но кровь у меня холодна ужъ, и ота-
рость

Члены мои тяготятъ, и силы нзякли ужъ въ тѣлѣ.
Если бы мнѣ возвратилась та прежняя юность, въ которой
Этотъ смѣльчакъ такъ увѣренъ; если бы прежніе годы,
Я бы не шелъ подвизаться на бой для прекрасной награды,
И для такого тельца: я не разбираю награды.»

Такъ говоря, онъ въ средину ристанія бросилъ перчатокъ
Пару огромныхъ, тяжелыхъ, которыми Эриксъ бывало
Длани свои покрывалъ и вступалъ съ героями въ битву.
Всѣ изумились, увидѣвъ перчатки: семь кожъ воловьихъ
Туго торчали съ зашитымъ внутри свинцомъ и желѣзомъ.
Пуще всего изумился Дарѣсъ и не прнпалъ перчатокъ.
А благородный Эней, взявъ въ руки тяжелые цесты,
Началъ разсматривать ихъ, и туда и сюда обращал.
Старый Энтелль такіа слова говорить начинаеть:
«Чтобъ вы сказали, если бы видѣли броню Алкида,
И перчатки его, и у этого берега страшную битву?
Братъ твой Эриксъ, Эней, носилъ вотъ эти перчатки;
Съ ними онъ выступилъ противъ Алкида; съ ними бывало
Я выходилъ на бой, когда мнѣ кровь молодая
Сиду давала, а старость чела не усѣяла снѣгомъ.
Если Троянецъ Дарѣсъ отвергаетъ это оружье,

Если Энею угодно, и царь вашъ Ацестъ согласится,
Мы уравниемъ вашъ бой: я оставлю перчатки, не бойся;
Но и ты, Даресь, сними троянскіе цесты.»

Такъ гонора, откинуль отъ плечъ двойную одежду,
И огромные члены, огромныя кости и руки
Онъ обнажилъ, и громадой вошелъ на средину ристанья.
Тутъ Эней приказалъ подать одинакіе цесты
И обоимъ бойцамъ надѣлъ на широкія длани.

Тотчасъ оба бойца поднялися прямо на пальцы,
И богатырскіе руки высоко въ гору подняли,
И отътолкнулися назадъ головами отъ тяжкихъ ударовъ,
Руки съ руками сплетаются, — и разгорячилась битва.
Крѣпче ногами Даресь и въ надеждѣ на бодрую юность;
А Энтелъ громадою членовъ беретъ; но колѣна
Гнутся, дрожать, и широкую грудь вздымаетъ одышка.
Много напрасныхъ ударовъ давали герои другъ другу,
Часто стучались по выпуклымъ ребрамъ, и грудь издавала
Сильные звуки; и часто рука надъ челомъ пролетала
Мимо ушей и челюсть скрыпѣла подъ тяжкой рукою,
Тверде стоитъ громадный Энтелъ, и не движется съ мѣста;
Только очами поводитъ и въ бокъ подается немного,
Чтобъ уклониться отъ частыхъ ударовъ Даресовой длани.
Точно, какъ-будто врагъ разбиваетъ машиною городъ,
Иль осадивши войсками стѣны нагорной твердыни,
То съ одной; то съ другой стороны подступаетъ, чтобъ
средства

Всѣ испытать и мѣста; но всѣ наваденія тщетны:
Такъ и Даресь вкругъ Энтелла ходилъ, нападая напрасно.
Всталъ и Энтелъ на него и рукою замахнулся высоко;
Не быстроногій Даресь предвидѣлъ силу удара
Надъ головою своею, и въ бокъ съ быстротою отпрянулъ.
А Энтелъ по пустому гранувъ пространству, склонился
Тяжестью тѣла къ землѣ, и рухнулъ на землю огромный;
Будто высокая сосна, съ корнями исторгнута бурей,
На Эрмантъ высокою, или на Идѣ свалилась.
Вскрикнули разомъ Троянцы и молодежь Спидліицевъ;
Крики несутся къ небу; и первый Ацестъ, прибѣжавши,
Тронутый, самъ поднимаетъ съ земли равнолѣтнаго друга.

А богатырь, не испуганный этимъ паденіемъ, снова
 Съ большимъ жаромъ на бой возвратился: въ немъ гнѣвъ
 пробуждаетъ

Прежнюю силу его и сознаніе доблести прежней.
 Бодро погналъ онъ Дарѣса по цѣлому кругу ристанья;
 Правой и лѣвой рукою въ противника сыпалъ удары.
 Нѣтъ ни покоя, ни отдыха; будто бы градъ зашумѣвши
 Гривнетъ на кровли домовъ: такъ точно герой осыпаетъ
 Частымъ ударомъ Дарѣса, ворушаетъ вправо и влево.

Тутъ боговѣрный Эней не позволилъ гнѣву Энтелла
 Такъ выходить изъ границъ и свирѣпствовать страшно;
 но тотчасъ

Битву велѣлъ прекратить и вывести Дарѣса изъ боя.
 Онъ утѣшалъ побѣжденнаго мужа такими словами:
 «Что за безумье душою твоею овладѣло, несчастный?
 Развѣ не чувствуешь силы другой и протвннаго бога?
 Тщетно противиться богу.»—Сказалъ и вскричалъ на ге-
 роевъ,

Чтобъ прекратили битву. И вѣрные други Дарѣса
 Прочь къ кораблямъ отвели: онъ едва двигалъ колѣна,
 Взадъ и впередъ потрясалъ головою, и черною кровью
 Брызгалъ изъ рта, и съ кровью пльли сокрушенные зубы.
 Тамъ получилъ онъ и мечъ и шоломъ отъ друзей, въ утѣ-
 шенье;

А прекрасный телецъ остался въ награду Энтеллу.

Тутъ побѣдитель въ восторгѣ души, и гордяся наградой,
 Такъ говоритъ: «О, сынъ богиня, и вы, о Троянцы,
 Знайте, какую силу имѣлъ я въ юныя лѣта,
 И отъ какой неизбѣжной кончины спасли вы Дарѣса.»
 Такъ говоря, онъ къ стоявшему тутъ же быку подошелъ, и
 Ставъ передъ нимъ, замахнулся рукою высоко, и твердымъ
 Цестомъ грянулъ вола межъ роговъ: отъ такого удару
 Черепъ въ куски сокрушился и выскочилъ мозгъ на по-
 верхность:

Рухнулъ на землю быкъ и духъ испустилъ, содрогаясь.
 Стоя надъ нимъ Энтеллъ богатырь говоритъ такъ:
 «Эриксъ, тебѣ приношу я на жертву, вмѣсто Дарѣса,
 Лучшую душу, и оставляю побѣдныя цесты.»—

ВОЯЖЕРЫ.

Проезжавшія въ трактиръ, близъ неважнаго городка на большой дороге, по которой ходятъ diligensы.

Для всѣхъ дней декорація одна и та же: надъ среднею дверью написано: «Опѣщай залю.» На боковой двери надпись: «Въ хотъ въ НН.» Въ комнатахъ разставлены безъ всякаго порядку диваны, кресла, стулья, столики, все разныхъ родовъ. На стѣнахъ такія же картины.

Д Е Н Ъ П Е Р В Ы Й.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, хозяинъ трактира.	АЛЕКСИСЪ, молодой человекъ.
<i>Отъезжающіе за границу:</i>	ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ,
МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, повариха.	ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ,
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, дочь ея.	НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, поварихинъ.
	АФОНЬКА, слуга въ трактиръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, сидитъ у столика и по книгамъ сводитъ счеты.

И вчерашній день не окупился..... Бѣда, да и полно!... Вотъ же, напрасно считаютъ пятницу несчастнымъ днемъ. Тутъ-то мнѣ и доходъ. Вотъ судьба, проведя у себя по деревнямъ цѣлую недѣлю, потомъ и спѣшатъ въ пятницу въ городъ подписать все, чтѣ втеченіи недѣли секретари за нихъ рѣшили; по дорогѣ зайдутъ ко мнѣ подкрѣпить силы на

трудъ, а въ обратный путь въ тотъ же день, заѣзжаютъ отдыхать по трудахъ, такъ дѣло-то и на-порядкахъ, пятница и вознаграждаетъ недѣльную убыль. Ну, вотъ сказать и эти *делижанцы*. Увидимъ, какую пользу принесутъ намъ? Назначена у меня перемѣна лошадей и обѣдъ. Послалъ къ становому объявленіе, прося его повѣстить по всему околотку, что здѣсь-де отправляется делижанецъ за границу, но не слышать еще ничего. Да и кой чортъ понесетъ Русскаго въ чужую землю? Развѣ съ-дуру захочетъ понапрасну деньги кидать.—Что скажешь, Афонька?

(Афонька входитъ.)

АФОНЬКА.

Да вотъ что. Не прикажете ли отпустить на кухню провизію, что третьяго дня въ городѣ испутили?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Это зачѣмъ?

АФОНЬКА.

Да такъ. На кухнѣ только знай пустая вода варится, а иногда спрашиваютъ.....

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Кто еще спроситъ. Не нужно.

АФОНЬКА.

Да вонъ-же глядите сколько катить, и кажись.... все къ намъ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Да, да! Карета, да еще и четверомѣстная.... а вона бричка..... еще шель..... и все къ намъ. Вотъ это ладно.—Афонька! будь здѣсь, пока я ворочусь. Бѣгу на кухню, распорядиться обѣдомъ..... ужъ не уйдутъ отъ меня безъ обѣда. Оставайся. О чемъ спросятъ, отвѣчай умненько, велать что подать, бѣги ко мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ отворяетъ двери, входитъ АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА. Введя ее съ поклонами, трактирщикъ уходитъ; послѣ него ДОКТОРЪ вводитъ МАЛАНЬЮ КАРПОВНУ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Несносная дорога! Меня ужастъ закачало! (Сжимаетъ

шляжку съ суалемъ и подходитъ къ зеркалу.) Ахъ, на что я похожа! Блѣдна, какъ смерть! Это же еще только другой день вояжу.... да еще я по проселочнымъ дорогамъ.... И этотъ воздухъ гадкій, деревенскій, мужицкій..... свѣвъ въ дилижансъ и ѣдучи по шоссе, я, конечно, буду покойнѣе..... а переѣхавъ границу?.... Радость! восторгъ!.... вздохну европейскимъ воздухомъ..... (Афонькь.) Дилижансъ скоро придетъ?

А ФОНЬКА, смѣшавшись, всторону.

Про кого спрашиваетъ? Вѣрно, про хозяйна. (Отъ-части съ ей.) А вотъ..... пошелъ на кухню..... обѣдъ приготовить для вашей милости.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Экой скотъ! Не понимаетъ ничего..... Да гдѣ же это шатап? Ужъ пока высаждать ее изъ кареты..... пока ввести..... а мнѣ такъ нужно ее..... А' вотъ, на-силу!

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, едва идетъ за ведущимъ ее докторомъ.

Уфъ!... пропадаю совсѣмъ!... закачало.... растрясло.... а еще только семьдесятъ верстъ проѣхала. (Афонькь.) Нѣтъ ли, голубчикъ, гдѣ особой комнатки, полежать бы мнѣ маленько, пока вашъ т.м.жжансъ придетъ?

А ФОНЬКА, всторону.

Не буду имъ ничего отвѣчать. Вишь, по-барски говорить, такъ какъ имъ умно отвѣчать?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что ты это, шатап, вдумала въ волжѣ лежать, отдыхать?... Ты только о себѣ и заботишься. Взгляни-ка прежде да какова твоя дочь?

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Раскраснѣлась, мой другъ, Сашенька!—Ну, да это отъ вѣтру.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, дразнить ее.

Раскраснѣлась!.... когда я сама вижу, что я блѣдна какъ смерть.... мнѣ нужно освѣжиться.... Мамап, принеси мнѣ стаканъ воды.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Да ужъ воля твоя, Сашенька, другъ мой, съ мѣста не могу двинуться..... Вотъ лакей. Принеси.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Что ты это вздумала, шатап?... Этакой гадкой и принесеть.....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Вотъ докторъ, хотѣла я сказать. Замѣни-ка, голубчикъ, мою старость.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, шатап, какая ты, право! Можно ли доктору отлучиться отъ меня, больной, нервной? И что за усталость для больной дочери? Пожалуй, я не буду тебя тревожить, лягъ-себѣ, пожалуй; я сама сойду внизъ, но знаю, что уже не возвращусь назадъ.....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ахъ, другъ мой, Сашенька, что ты это говоришь! Не накликай на себя бѣды!... я сама побѣгу, сколько слабыя ноги позволяютъ.....

(Уходитъ.)

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Давно бы такъ. *(Напльвая, подходитъ къ зеркалу и отправляетъ на голову.)* Докторъ. Посмотрите, здорова ли я? *(Протягиваетъ ему руку.)*

ДОКТОРЪ, шуная пульсъ.

Гмъ. Да.... Но..... увидимъ.

АФОНЬКА, встороню.

Подумаешь, то ли дѣло народиться баринномъ! Умныя слова, вотъ такъ, сами собой съ языка льются, а нашъ братъ?... Куда ему до такой премудрости! Хоть бы половину понять удалось.—Вотъ еще прибѣжалъ одинъ. Вотъ, пойдуть умныя рѣчи, слушаюсь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

тѣ же и АЛЕКСИСЪ, съ сигарою во рту, въ шляпѣ, лорнетка у глаза, руки въ карманахъ.

АФОНЬКА, снѣшитъ отворить дверь.

Сюда пожалуйте. Здѣсь зало; вотъ и написано. А это номерныя.....

А Л Е К С И С Ъ, не примѣчая никого.

Скоро пойдетъ дилижансъ?

А Ф О Н Ъ К А, всторону.

А чортъ его знаетъ кого онъ спрашиваетъ! Не то, по-господски, хозяйна, что ли? (Ему.) А вотъ, барыня про то знаетъ.

А Л Е К С И С Ъ, внимательно осматривъ
Александру Иванову.

А! (Всторону, съ досадою.) Чортъ возьми эти русскіе предрасудки!... Надобно оставить шляпу. (Срываетъ съ себя шляпу и бросаетъ на стулъ.) Но съ сигарою, ни за что не разстанусь, хотя до истернки доведу, а курить не перестану. (Ходитъ по комнатъ, попивая.)

А Л Е К С А Н Д Р А И В А Н О В Н А.

Вы, конечно, предполагаете волжировать за границу?

А Л Е К С И С Ъ.

Да. И не въ первый разъ.

А Л Е К С А Н Д Р А И В А Н О В Н А.

Завидую вамъ. Вы уже жили счастливою жизнью. Куда вы располагаете ѣхать?

А Л Е К С И С Ъ, сѣлъ на диванъ, гдѣ она,
и разлегся.

Куда?... Ужъ вѣрно по-дальше изъ вашей Россіи.

А Л Е К С А Н Д Р А И В А Н О В Н А.

Я тоже располагаю быть вездѣ, но у меня еще не составленъ планъ. Вы будете такъ добры, поруководствуете меня....

А Л Е К С И С Ъ.

Да. Я дамъ вамъ мой журналъ. Изъ него вы узнаете все.

(Малаша Карповна приноситъ стаканъ воды дочери.)

А Л Е К С А Н Д Р А И В А Н О В Н А.

На что это? къ чему?... Пока ты ходила, я отыскала воду, я успѣла оправиться.

А Л Е К С И С Ъ, всѣ куря сигару, хотя
Александра Ивановна отмахивается платкомъ.

Это ваша компаньонка?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Это шатав. Взяла ее съ собою. Знаете, дѣвнн , безъ такого лица, въ свѣтъ какъ-то неловко.

АЛЕКСИСЪ.

Vous avez raison.—(Протягиваетъ ноги на диванъ.)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Не нужна вода тебѣ, сама выпью..... Горло ст... пересохло.... Да исходила же этотъ проклятый двор..., пока отыскала воду. Ногъ не слышу.... Посажу, отдохну, пока теляжанецъ подойдетъ..... (Хочетъ садиться ея кресло.)

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какое сидѣть!... Какъ можно сидѣть, когда дилижансъ скоро придетъ?... Иди, присмотри, чтобъ все мое было уложено. Пожалуйста, шатав, не забудь ничего, особливо что изъ моихъ ближайшихъ вещей.... Какъ мнѣ разломилло голову!

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, поднимаясь съ кресла.

Вотъ—таки и отдохнула. Не знаю, какъ дойду. (Подойдя къ Алексису, простосердечно.) А ты бы, господинъ честной, бросилъ бы свою трубочку: Сашенька моя не можетъ переносить табачнаго дыму. (Едва идетъ отъ усталости.)

АЛЕКСИСЪ.

Somme votre shatav est drôle!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Воппе femme. Она мнѣ очень нужна для вояжа. За всѣмъ присмотритъ.... Голова нестерпимо болятъ.... Докторъ, посмотрите меня (протягиваетъ ему руку).

ДОКТОРЪ, щупая пульсъ, задумывается.

Гмъ. Да!.... но..... это двойко.....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не отъ дыму ли табачнаго?

ДОКТОРЪ, размышляя.

Гмъ. Да.... но.... находимъ примѣры....

АЛЕКСИСЪ.

Позвольте мнѣ дать вамъ первый урокъ. Вы идете къ образочнымъ народамъ и не можете терпѣть табачнаго дыму! Идете во Франціи, въ Парижѣ, васъ засмѣютъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Видите-ли, какъ я нова для свѣта?

АЛЕКСИСЪ.

На-мудрено; вы всё жили въ Россіи.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Продолжайте курить больше и больше. *(Значительно.)* При васъ, съ вами, я надѣюсь ко всему привыкнутьъ. Руководствуйте мною.

АФОНЬКА, всторону.

Не мудрена штука такую повести куда захочетъ. Помажуй, и за руку не бравши. Вотъ, и еще гость.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ И НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Скоро ли обѣдъ?

АФОНЬКА.

Готовятъ, да не знаю. Какъ успѣютъ.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Гдѣ карта блюдамъ?

АФОНЬКА.

Господинъ честной, трактиръ-то вновь, такъ картами не запаслся.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Дуракъ!... Пошли мнѣ кухмистра.

АФОНЬКА.

Да такого у насъ нѣтъ. Есть поварихка, вятый на-пробу.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, вѣ себя отъ досады?

Такъ что же я буду обѣдать?... Вы хотите уморить меня голодомъ?... За чѣмъ на ближнихъ станціяхъ не предупредили, что здѣсь нѣтъ стола, я не отпустилъ бы своей кухни. Умру съ-голоду.

АФОНЬКА.

Да помилуйте, чего умирать! Обѣдъ готовится знатный.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Готовится! Да что готовится?... Какая кухня, французская, англійская?

АФОНЬКА.

Куда намъ до такихъ!... Извѣстное дѣло, все жирное, вкусное, всего вдоволь.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, вскрикивая.

Уморять они меня.... чисто уморять. Сдѣлаютъ безъ обѣда первый разъ въ жизни! Я въ крайности!... И что дѣлать, не придумаю!... Почтенные сотоварищи по вояжу! Намъ угрожаетъ голодная смерть. Надобно придумать средства къ отвращенію бѣды. Гдѣ хозяйнѣ?... Гдѣ ваша кухня?... Я бѣгу туда.... я устрою.... (*встрѣчалась съ Маланьей Карповною*). И вотъ мнѣ помощь. Сударыня! Вы женщина, слѣдовательно имѣете сострадательное сердце.... я, вы, мы всѣ—гибнемъ!... Нужно дѣйствовать.... Пожалуйте, матушка, со мною.... (*Хочетъ вести ее*.)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, противясь ему.

Куда это?... Что это?... зачѣмъ!...

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Не далѣе какъ на кухню.... я хочу пронести....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, вырвавшись отъ него.

Отвяжись, сударь, отъ меня!... Мнѣ не впрямую ходить на кухню.... и что вамъ надо?

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Жестокое сердце! Черезъ тебя, я долженъ самъ кипятить воду!... Но въ крайности, рѣшаюсь на все. Не умру голодною смертью. Гдѣ ваша кухня? Сведи меня туда. Сейчасъ отпустить мнѣ кормленную индѣйку, трюфелей, анчоусовъ, отличнаго сотерну или мадеры.... я докажу.... всѣхъ спасу!... (*Уходитъ таща Афоньку съ собой*.)

АФОНЬКА.

Пожалуй, я пойду. Да что скажетъ хозяйнѣ? Кухня есть, а прочаго ничего нѣтъ....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Что́ это? Али безумный, али озарникъ какой?... Ташить меня на кухню.... что́ я застряпуха такаа!...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ничего, ташап. Чего ты сердисься? Человѣкъ голодный, хлопочетъ объ обѣдѣ.... Въ самомъ дѣлѣ помогла бы ему тамъ. Вѣдь будешь сама кушать.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

И, что́ ты, Сашенька? Съ незнакомымъ оставаться вдвоемъ.... и гдѣ же?... на кухне?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, Алексису.

N'est ce pas, comme elle es drôle. Ну, хорошо, пощадимъ твою разборчивость, останься здѣсь, да высматривай дилжанса....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ужъ теперь-то за все отдохну. (*Усаживается въ кресла у окна.*)

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, Алексису, дружески.

Вы такъ много ѣздили.... такъ много видали въ чужихъ земляхъ.... скажите, какія воды полезнѣе для меня?

АЛЕКСИСЪ.

Но надобно знать болѣзнь вашу. Чѣмъ вы страдаете?... что́ чувствуете?...

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, жеманно.

Ахъ, я чувствую много!.... и какъ, иногда, страдаю!... Желанія.... тоска.... ожиданія... Наконецъ я рѣшилась волжировать и быть на водахъ.... Докторъ! объясните мою болѣзнь.

ДОКТОРЪ, подумавши.

Гмъ!... да!... о, ваша болѣзнь все это имѣетъ.... но.... мы увидимъ....

АЛЕКСИСЪ.

Въ такомъ разѣ, пирмонтская вода вамъ очень будетъ полезна.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Такъ, батюшка, ваша правда. Вотъ и тотъ Французъ, что у князя живетъ—хвалить очень парамоновскую воду....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, строго къ матери.

Перестань, тата; не стыди меня. Лучше молчи при чужихъ людяхъ.... Эта вода во Франціи?

АЛЕКСИСЪ.

Въ самой глубокой. Я самъ ѣду туда.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ахъ, какъ это кстати. Не оставляйте меня.... въ одиночествѣ.... Помогайте мнѣ....

(Тихо разговариваетъ съ Алексисомъ.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, а потомъ ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, вышелъ и не обративъ ни на кого вниманія принялся разсматривать картины. Вдругъ передъ одною останавливается. Удивляется ей, отходитъ, смотритъ въ кулакъ, отойдетъ всторону, сравниваетъ съ другими и тому подобно. Все это дѣлаетъ въ продолженіи бывшаго разговора Александры Ивановны съ Алексисомъ. По временамъ вскрикиваетъ.

Это необыкновенно!... превосходно!... древность—и такая изящная отдѣлка!...

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, самъ съ собою.

Чортъ побери этого обжору! Давай ему то, чего у меня и въ намѣреніи не было имѣть! Что ни подамъ, все не хорошо, не годится. Сердится даже за то, что въ печкѣ огонь горитъ по-русски, а не по-иностранному! Въ-силу ушелъ отъ него, оставивъ ему Афоньку. Пока тотъ чудакомъ стряпааетъ, не спросили бы тутъ чего? (Лаврентію Ивановичу.) Не угодно ли вамъ что спросить въ нашемъ заведеніи?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, какъ-будто омонясь.

А! да!... Я ѣду въ дилижансѣ, запишите меня.... Скажите, пожалуйста, давно ли вы владѣете этою драгоценностью?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Какою это?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Этою рѣдкою, такъ искусно написанною, такъ тщательно сохраннымъ картиною? Она должна быть древнѣйшая.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

И очень такъ, сударь, древнѣйшая. Извольте замѣтить. Господишь цензоръ апробовалъ ее къ напечатанію, еще въ 1828 году.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

О! это поддѣлка. Наши братья, любители древностей, часто дѣлаютъ такія штуки, чтобы насъ, знатоковъ, одурачить. Какую цѣну вы ей назначаете? (*Говоритъ тихо съ Паромономъ Михайлычемъ*).

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, продолжая разговоръ съ Алексисомъ.

Впрочемъ, я соглашаюсь. Вы слышали первѣйшихъ пѣвцовъ въ Европѣ, имѣйте терпѣніе послушать и моего пѣвца. Матап! принеси мои ноты, знаешь что въ большомъ чинаданѣ на коврѣ лежатъ....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ахъ, мои матушки! И это все отвязывать, развязывать, выкидывать..... за нотами?....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, серьезно.

Ну, что же, когда надобно. Иди же, матап, скорѣе.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, ворча про себя.

Вотъ тебѣ и отдохнула!... Это египетская работа!... выложи, уложи....

АЛЕКСИСЪ, Маланья Карповна.

Послушайте, тамъ же прикажите моему камердинеру достать мой портфель. Тамъ у меня новѣйшія. Идите же скорѣе! (*Маланья Карповна ушла.*) Мы рассмотримъ ихъ вмѣстѣ, споемъ дуэты.... я покажу вамъ методу Рубини, я ваялъ у него три урока, но далѣе продолжать онъ нашелъ не нужнымъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ah, сомне c'est interessant. Вы меня научите пѣты!

АЛЕКСИСЪ.

И всему чему угодно. Вы имѣете большія способности. И во всемъ у васъ много европейскаго.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТЪ ЖЕ ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, войдя скоро.

Не опоздалъ ли я? Дилижансъ не пришелъ еще? Не пришлось бы мнѣ возвращаться?... Да, вотъ прочіе пассажиры. (*Увидя Лаврентія Ивановича.*) Ва, ба, ба! Лаврентій Ивановичъ! какими судьбами и куда ѣдешь?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, занимаясь картинами, толкуя съ хозяиномъ, отвѣчаетъ холодно.

Бду за границу, вояжирую.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Что слышу?—(*Смѣется, всторону.*) Вотъ на старости съ ума сходитъ! (*Ему.*) Скажи, пожалуй, что за дурь пришла тебѣ въ голову?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, отойдя отъ картины, съ важностью.

Не дурь, а полезная для всѣхъ васъ цѣль, заставляетъ меня сдѣлать пожертвованіе. Ты знаешь мою страсть къ древностямъ и отдашь мнѣ справедливость, что я все такое умѣю отыскать и оцѣнить. Не находя у насъ ничего занимательнаго, я пустился вояжировать, чтобъ удовлетворить страсть свою. И какъ буду въ Римѣ, въ Неаполѣ, въ Помпеѣ, приобрѣту много отличнаго, изящнаго, то и привезу къ вамъ. Изумлю наше отечество, открою глаза Русскимъ, очисти вкусъ ихъ, дамъ понятіе объ изящномъ, сдѣлаю себя извѣстнымъ....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, все слушалъ съ насмѣшкою.

Охота тебѣ кидать деньги на такіе пустыя!

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, съ большимъ жаромъ.

Что же дѣлать мнѣ, когда я не нахожу здѣсь пищи на удовлетвореніе страсти моей! Когда у насъ нѣтъ

ничего интереснаго! Могутъ ли ваши древности сравнить-ся съ италіянскими? Рѣшительно, я не нахожу въ Россіи ничего рѣдкаго.

АЛЕКСИСЪ, оставивъ разговоръ съ Александрой Ивановной, ходилъ по комнатѣ, поѣввалъ и, вслушавшись, подошелъ къ нимъ.

Везите къ намъ всѣ рѣдчайшія произведенія искусства, никто исключая насъ не многихъ, не обратитъ вниманія. Повѣрьте, для многихъ, ихъ квась, деготь и тому подобныя славности, предпочтительнѣе всего.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Цицероновскія слова ваши, молодой человекъ. Руку вашу. Изъ которой губерніи?

АЛЕКСИСЪ, насмѣшливо.

Губерніи?... Вселенной.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Но позвольте.... съ кѣмъ.... имѣю честь....

АЛЕКСИСЪ.

Я?... человекъ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Но.... мѣсто жительства?

АЛЕКСИСЪ.

Миръ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Званіе.... имя?...

АЛЕКСИСЪ.

Другъ людей... Горжусь этимъ именемъ и презираю всѣмъ званіями.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Ну, ужъ этого я въ толкъ не возьму. Въ обращеніи съ людьми, нужно же имя, хотя пожалуй, Фалалей; а для свѣта нужно званіе. Ну, какъ же къ вамъ надписывать письма, а?

АЛЕКСИСЪ.

О! для этихъ глупостей, я, сударь, Алексѣй.... дальше, Тимофѣичъ что ли, право не помню, да—(Смѣется.)—и не знаю навѣрное. Кажется, этого довольно для свѣта и вашего адреса.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Ну, вѣтъ, молодой человекъ!... Не думаю, чтобъ одинаково глядѣли на васъ конверты съ надписями: его благородію, или съ выраженіемъ: его превосходительству. А?

АЛЕКСИСЪ, отворотаясь отъ него.

Пустой человекъ!

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, Алексису.

Куда же вы именно ѣдете?

АЛЕКСИСЪ.

Въ свѣтъ, къ свѣту, за свѣтомъ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Да свѣтъ-то великъ, батенька! Куда именно, въ какую страну?

АЛЕКСИСЪ, посмотрѣвъ на него съ сожалѣніемъ.

Смѣшной вопросъ!... Странно, видя солнце, спрашивать, что именно освѣщаетъ, живить міръ? Неужели полагать что и звѣзды, не больше дающія свѣта, какъ гнилушки, могутъ свѣтить, пресвѣщать, производить? Пустое! свѣтъ и жизнь въ солнцѣ, отъ солнца и наше солнце— Парижъ!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, Алексису.

Escoutez, monsieur Alexis.... (Она идетъ къ ней.)

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, всторону.

Препустѣйшій человекъ! И затѣмъ его несетъ чортъ за границу, вотъ какъ и этого чудака, моего Лаврентія? Одинъ ѣдетъ отыскивать диковинъ, а другой везетъ себя показывать какъ диковину. Чудаки, право! Вотъ еще новое явленіе.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, въ бѣломъ фартукѣ и вмѣсто колпака голова завязана бѣлымъ платкомъ, въ рукѣ тарелка, въ другой чумичка.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я пропадаю! Скажите, гдѣ найду ховяина?...

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Что я вижу?... Какими судьбами нахожу тебя кухмистеромъ въ этомъ трактиришкѣ? Здорово, здорово!

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Какъ я радъ что столкнулся съ тобой! Куда ты ѣдешь?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Я-то ѣду за границу, да какъ ты попалъ въ новарской цехъ!

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Вотъ, любезнѣйшій, тебѣ живой примѣръ, какъ человѣкъ не долженъ пренебрегать ни какимъ знаніемъ, ни какимъ искусствомъ, а особливо что относится къ продолженію его жизни. Вообрази: вотъ я и всѣ мы, ѣдемъ за границу, почему и надобно было предполагать у каждаго изъ насъ отличный аппетитъ. Такъ что же дѣлають съ нами? Намъ предлагаютъ убійственные щи, мучительное жаркое—и все это, такъ пахнетъ Русью, что я боялся умереть съ-голоду: рѣшился самъ состряпать что-нибудь съносное. Но вообрази мое положеніе: вовсе нѣтъ ничего и вездѣ получить что-нибудь.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Это убійственно! *(Отворачиваясь смеется.)*

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Хозяинъ! Пощади всѣхъ насъ, избавь ты насъ отъ не-носной русской кухни. Прикажи отпустить мнѣ пулярдокъ, пикулей, трюфелей..... Вы увидите, какимъ соусомъ я васъ угощу. Окорокъ ветчины, само по себѣ, какъ я его приготовлю вамъ!....

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Всего желаемого у насъ не имѣется, а взаимѣнъ того, не угодно ли будетъ получить индѣйку отличную, маленькіе огурчики....

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Убійца!... Индѣйка!... Я не вспомню ничего, что бы я ѣлъ изъ индѣйки, но.... давай, давай что есть. Я долженъ поспѣшать.... Чувствую, что ослабѣваю безъ обѣда. Иди, любезный, отпущай все на кухню, вели приготовить къ

моему приходу. (*Парамонъ Михайлычъ уходитъ. — Ивану Макаровицу.*) Скажи, любезнѣйшій, ты куда это снаря- дился?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Бду за границу, свѣта повидать.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Ну, ужъ въ твои лѣта я не совѣтовалъ бы тебѣ....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Что значать лѣта, когда я надѣюсь извлечь пользу изъ вояжа! Вотъ ты-то зачѣмъ ѣдешь?

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Мое дѣло совсѣмъ другое. Испытавъ кухни всѣхъ на- родовъ по одной теоріи, я, читая Сѣверную Пчелу, разла- комился описаніями въ ней обѣдовъ, и отложивъ все, скачу безъ памяти, воображая, что вотъ въ Петербургѣ-то ѣдятъ, и что эти господа кормятъ на-славу. Что же вы- шло?... Дрянъ! умеръ-было съ-голоду. Нигдѣ не отварятъ такъ окорока и не изготовятъ цыплятъ, какъ это дѣлалъ одинъ плѣнный Французъ. Я вспомнилъ это наслажденіе въ молодости моей и пустился за границу. Да ужъ поѣмъ. Тамъ, братъ, не Россія! разлакомисься. И кстати уже, вникну въ хваленую англійскую кухню, испытаю голланд- скую.... но мнѣ пора.... не перекипѣла бы зелень!... (*Ухо- дитъ.*)

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Вотъ и еще чудакъ!.... Ѣдетъ за тѣмъ, чтобы ѣсть.....

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, возвратился.

А вообрази мое наслажденіе! Швейцарскій сыръ буду ѣсть самый свѣжѣйшій. А? (*Цѣлуетъ кончики пальцевъ и уходитъ.*)

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

На здоровье, на здоровье. Не завидую тебѣ; прошей- царисься, братъ, скоро, вояжируя съ цѣлью, подобною какъ мой Лаврентій ѣдетъ. (*Къ Лаврентію Ивановичу, за- нимавшемуся картинами.*) Послушай, сосѣдшукъ, добраго совѣта, не шути выше рубля. Сиди дома, не ѣзди, не трать денегъ на рѣдкости; предоставь другимъ, любовать- ся на собранныя уже тобою диковины съ тобою вмѣстѣ.

ЛАВРЕНТІЙ ІВАНОВИЧЪ, отойдя отъ картинъ
говорить съ важностію.

Это дѣло кончено. Я ѣду съ цѣлью пріобрѣсти пользу для васъ же, Русскихъ. Но я удивляюсь тебѣ, Иванъ Макаровичъ! Какъ ты, безъ образованія, не зная въ совершенствѣ языковъ, объ искусствахъ и художественныхъ произведеніяхъ даже судить не умѣя, ѣдешь за границу. Съ какою цѣлью, для чего, зачѣмъ и на что?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, долго смотрѣлъ на него
смѣясь.

Читай ли ты 78, 79, и 80 нумера Московскихъ Вѣдомостей?

ЛАВРЕНТІЙ ІВАНОВИЧЪ.

А это зачѣмъ? Чтò тамъ куріознаго?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Куріознаго... Эхъ, люди-люди! Тамъ всего-на-все, только припечатано: отставной-молъ титулярный совѣтникъ Иванъ Макаровичъ Умихалкинъ, отъѣзжаетъ въ Англію, Австрію, Францію, Италію, Пруссію, Швецію, Голландію, Швейцарію и въ Американскіе Штаты. А?... Каково мы прогремѣли по всей Россіи?... Такъ, скажешь, нѣтъ цѣли въ моей поѣздкѣ?... Да не только въ Россіи, я полагаю, что и въ чужіе края долетитъ эта вѣсточка. Скажутъ: Monsieur Умихалкинъ не шуточный помѣщикъ, когда предпринялъ такой вояжъ. Свои поудивятся, а иностранецъ съ нетерпѣніемъ станеть ожидать. Такъ вотъ, любезнѣйшій! Еще только къ началу дѣло, а ужъ пропечатанъ въ вѣдомостяхъ, да еще въ столичныхъ, да еще трижды, сударикъ! Вѣдь дѣлаю, батюшка, честь и славу своему неблагодарному отечеству. За границею, я заставаю говорить о себѣ, у меня послѣдняя копѣйка ребромъ станеть. Какъ сыпну деньгами, такъ меня и пошли вѣлчать ринсе Умихалкинъ, и въ словесности и въ литературѣ, то есть, въ рѣчахъ и въ счетахъ трактирщиковъ, врачейъ, мастеровыхъ... Не пожалѣй только денегъ, такъ и votre altesse схватишь, какъ нюхъ табаку. Такъ это я безъ цѣли ѣду? (Смѣется.) Тамъ не то, чтò здѣсь, индай герстами извошкамъ на водку, все въ благородіи кнст-

нещь. Иногда повернетъ счастье, пробѣжая проселочною дорогою, выкажетъ бархатный съ широкими разводами жилетъ, такъ полкоматъ высокоблагородіанъ — не больше.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Всѣ-таки подумай, сколько ты издержкиш на такой дегидъ вояжъ?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Долгій вояжъ? да это навечатано, знаешь, для «оня! Знай нашихъ. Буду, гдѣ удастся быть, да и ворочусь. Привыкаться, не хотѣлось отставать отъ другихъ, такъ я, чтобы поддержать себя, имѣніе заложилъ, а вещи, это старинное предковское серебро, все продалъ....

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, съ ужасомъ.

Барваръ, что ты надѣлалъ?!... Эти древнія чаши, эти кубки, конскіе уборы, драгоцѣнные, по своей древности, ты продалъ, уничтожилъ?!

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

А чортъ ли въ нихъ! мертвый капиталъ. Теперь принесуть мнѣ пользу.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Хоть скажи, гдѣ и кому ты ихъ продалъ. Сейчас отпра- влю эстафетъ, выкуплю. Гдѣ, у кого это сокровище?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

А чортъ его знаетъ кто онъ! Въ Калугѣ онъ заплатилъ мнѣ чистыя деньги—и я себѣ на умѣ.

АЛЕКСИСЪ, вслушавшись въ разговоръ ихъ.

Ка-лу-га! какія названія городовъ!... Еще есть Хара- ковъ, Астра-хань, Жиз-дра.... Умора! языкъ сломаешь, горло разорвешь.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Имѣемъ честь почтеннѣйше доложить почтеннѣйшему проѣзжану, что тотъ господинъ проѣзжій, что въ серту-

хѣ, разорилъ меня совершенно.... Чтѣ имъ спросить провинъ, а все поставляю; онъ сострипаеаъ, выйдеть негодно и онъ выкидываетъ вонъ и за новое принимается. На такихъ распорядкахъ, нельзя ожидать морядка. Такъ во избѣжаніе всего прочаго, не прикажете ли подать нашъ простой столъ?... Дележанецъ скоро наспѣеть.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Не худо вздумалъ. На нашего кухмистра надежда плоха. Приготовь ка, батюшка, въ другой комнатѣ. Охотники найдутся, какъ и я первый.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, долго глядѣвшій въ окно, вдругъ вскрикиваетъ.

Ба, чтѣ я вижу? Древность, священная древность! (Къ Парамону Михайлычу, таща его къ окну.) Скажите мнѣ, извѣстно ли вамъ, когда выстроена вонъ эта башня?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, всматриваясь.

Какая башня?... Не-што эта голубятня?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, пусть по-вашему и голубятня. О, Русскіе!... Она, должно быть, выстроена въ древности?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Точно такъ, сударь. Я былъ еще мальчикомъ, а она....

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

А она уже была? Такъ. Она въ чистомъ мавританскомъ вкусѣ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Именно такъ. Хозяинъ, чтѣ сдаль мнѣ это заведеніе, купилъ его прежде у Маврина. Такъ это изволите, сударь, находить драгоценнымъ?

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Безцѣннымъ, поцѣненнымъ! Тамъ должны быть амбразуры....

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Не могу увѣрить, а когда безцѣнна эта голу.... башня, такъ должно быть и это.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, съ жаромъ хватаетъ его за руку.

Господинъ смотритель замка! Скорѣ снабдите меня работами, лѣстницами, веревками, топорами, факелами...

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Господи милостивый! Что вы хотите сдѣлать? Разорять меня, жечь!...

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, нетерпѣливо.

Эхъ, вы не понимаете меня!... Пойдемъ, я все объясню на мѣстѣ. *(Тащитъ съ собою Парамона Михайлыча.)*

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, ходилъ во все это время.

Охъ, мочи нѣтъ!... умру, умру отъ смѣху. И съ такими глупостями везетъ себя за границу?... Ну, сидѣлъ бы дома, да занимался бы хозяйствомъ, такъ нѣтъ! *(Хочетъ.)*

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, Алексису.

Посмотрите на чудака. Смѣется надъ другимъ, а самъ зачѣмъ ѣдетъ? Сорить деньгами, чтобы замѣтя его глупости, дурчили во всемъ.

АЛЕКСИСЪ, съ презрѣніемъ.

Mais.... чего же вы хотите отъ такихъ людей?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, всё смѣясь, обращается къ Александрѣ Ивановнѣ.

Я думаю онъ много позабавилъ васъ своею странностью?

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Не онъ одинъ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Ахъ, ваша правда. Изволили замѣтить нашего кухмистера? *(Смѣется.)*

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Какъ же. Но я почти извиняю его странности. Онъ ѣдетъ, чтобъ утолить жажду наслажденій. Это всё-равно, какъ-бы онъ желалъ узнать тайну науки, видѣть все изыщное. Такая цѣль путешествій похвальна. Вотъ и я, я ѣду видѣть все лучшее въ Европѣ, изощрить свой вкусъ, постичь тонкости свѣтскаго обращенія; услышу первѣйшихъ артистовъ въ музыкѣ и пѣніи, увижу всѣ наилучшія художественныя произведенія, буду въ царствѣ модъ, изучу все нужное для себя—и, возвратясь, не буду бояться упрека въ дикости и необразованности Русскихъ, надѣ-

ясь, что для многихъ стану образцомъ. Такъ и я во-
жирую безъ цѣли?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

О, помиуйте!... Ваша цѣль уже образцовая. (*Встѣ-
рому.*) Вотъ и еще чудачка! Ёдетъ усовершенствоваться
во всѣхъ глупостяхъ, которыхъ и дома понабралась до-
волью.

АЛЕКСИСЪ, Александръ Ивановичъ.

Но постигнуть ли васъ по возвращеніи?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Какъ же, молодой человекъ?

АЛЕКСИСЪ.

Если я и тѣ, которыхъ я знаю, возвратимся когда-нибудь
въ вашу Россію, то мы ее преобразуемъ совершенно. Это
видно изъ меня. Я... почему не признаться въ слабости....
Я былъ Русскій и даже (*хохочетъ*), повѣрите ли? опредѣ-
лился-было въ службу.... *parole d'honneur*, служилъ двѣ
недѣли. По особенному счастью открылся мнѣ воляжъ и я
два мѣсяца прожилъ въ Парижѣ..... въ Парижѣ! Ничего
не осталось чего бы я не видалъ. Я уже не говорю о те-
атрахъ.... нѣтъ, больше. Я знаю фizioномію каждой рес-
тораціи, извѣдалъ въ тонкости духъ кондитерскихъ, по-
нялъ милыя интрижки прелестныхъ гризеточекъ..... ни
что, ни что не ушло отъ меня. И послѣ-того, когда я дол-
женъ былъ въ ѣхать въ Россію, чтобы устроить себя
въ будущемъ, продавши отцовское имѣніе, я ужаснулся,
чисто ужаснулся, что я прожилъ здѣсь лучшее для на-
слажденія время до семнадцатилѣтняго возраста!....
Ахъ, сколько убито времени безъ пользы для меня и
другихъ!... *Imaginez!* Здѣсь, въ Россіи, еще и до-сихъ-
поръ не образовался классъ гризетокъ. Ихъ здѣсь нѣтъ
вовсе..... Вонъ, вонъ отсюда!.... А! кстати, вотъ наши
ноты.... займемся.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣ же и МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, несетъ портфель.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ну, далися мнѣ знать ваши затѣи!.... Измучилась, пока
все отъѣскала. Да еще, вашъ-то лакей....

АЛЕКСИСЪ.

Каммердинеръ.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ну, всё одинъ чортъ ; камердинеръ. Такъ онъ Пѣмецъ, что ли?

АЛЕКСИСЪ.

Французъ.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Всё же нехристь проклятая! Ужъ дался онъ мнѣ знать. Ужъ коли не понимаетъ моего, что я говорю, такъ говорилъ бы самъ ладно, а то бормочетъ, бормочетъ, что ничего не пойму. А твои-то, Сашенька, ноты, ужъ мучилась, мучилась пока изъ-подъ всего отыскала!

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ну, что жъ, велика важность! А притомъ, сколько разъ я говорила тебѣ, можешь меня называть Сашенькою, когда мы однѣ, но здѣсь есть чужіе люди. (*Между-тѣмъ перебирала ноты и вскрикиваетъ.*) Ахъ, вотъ жантильный романсъ! Я его пою отлично.

АЛЕКСИСЪ.

Я буду слышать его, а потомъ мы пропоемъ вотъ этотъ дуэттъ. (*Занимаются разборомъ нотъ.*)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Ужъ занялась бы она скорѣе; да не мѣшала бы мнѣ отдохнуть. (*Садится.*) Уфъ, ноженьки мои! Вовсе ихъ не слышу, а вотъ скоро опять ѣхать.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, садится возлѣ нея.

Вы, конечно, компаньонка этой госпожи?

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, съ гордостью.

Нѣтъ, батюшка, я ея мать. Это, сударь, дочь моя.

АЛЕКСИСЪ.

Но, знаете ли? Здѣсь намъ пѣть такъ не ловко, мѣшаютъ. Пойдемте, вошь что-то въ родѣ саду. Тамъ, въ тѣни, намъ будетъ свободнѣе.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Ваша правда. Идемъ. Берите же и ваши ноты. Маман!

Когда дилижансъ будетъ готовъ, прибѣги намъ сказать...
(Уходитъ съ Алексисомъ.)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Прибѣга! Дай Богъ и просто дойти этими усталыми ногами. И гдѣ ихъ тамъ отъискивать?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Зачѣмъ же вы отпустили дочь одну одну съ поведальнѣмъ теломъ, да еще въѣтъ дуэль? Это на такъ-то ловко.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

И, батюшка! Да она у меня образованная, въ пенсіонѣ воспитанная. Она не только въ саду, она и съ музыкою пѣвала.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

До границы провожаете ее?

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Какое проважю? Ёду съ ней прямо въ чужіе края. Ужъ я и отпалаивалась и отпращивалась, куда-шолъ меня въ такую даль таскать и зачѣмъ? Я-моль, дура женщина.... знаешь, прикидываюсь такъ; меня-дискать въ чужихъ лодкахъ и засмѣютъ и одурчатъ не одинъ разъ. Такъ, куда! Все свое. Беру-дискать, съ собою, повезу тебя вездѣ, по-каму все, смотри, переимай, воротись такую же образованною, какъ и я сама-моль. Куда ужъ намъ съ тобою, батюшка, образовываться! Одной ногой въ гробу стоимъ. Чай и тебя везетъ съ собой вотъ этотъ молодой?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, вставъ отъ нея съ досадою.

Я ёду самъ по-себѣ. (Всторону.) И такую чучелу везуть за границу! Правду сказать, и всѣ, то они хороши! Нѣтъ! Чуть лишь за границу, такъ и отчалило отъ нихъ. Съ ними бывши, даже и женсоніера не схватишь. (Глядя съ окно.) Ва! что я вижу? Мой Лаврентій быкъ на голубятнѣ. Видно, распухалъ голубей, осматрѣлъ всѣ древности и лѣзетъ назадъ... У! отступился, ушалъ!... Помогите, помогите!.... Люди! кто есть?.... (Суетится.)

Русская Словесность.
ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

ТЪ ЖЕ И АФОНЬКА.

АФОНЬКА.

А что, господа? Извольте обѣдать скорѣе. Делижанецъ идетъ.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Не до делижанса теперь!... Бѣги, вонъ тамъ.... баринъ упалъ.... ушибся.... лежитъ... осторожиѣе внесите его сюда. Дамъ на водку, знатно. Скорѣе, скорѣе....

АФОНЬКА.

Такъ лежачаго взять и сюда принести? Хорошо. Заработаетъ Афонька. *(Убѣгаетъ.)*

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, заботливо.

Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Здѣсь и доктора трудно найти.

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

Какое, батюшка, трудно? Съ нами ѣдетъ докторъ, преискусный, такой молчаливый. Ужъ не знаю, поможеть ли, а осматрѣть—осмотрить. Эй, мусь докторъ! Гдѣ ты, батюшка?

ДОКТОРЪ, давно сошедшій со сцены,
теперь выходитъ изъ боковыхъ дверей съ салфеткою на груди, съ вилкою въ рукахъ и что-то ѣстъ.

Что.... на что я ну.... женъ?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Помоги, батюшка! Ушибся нашъ товарищъ. Бѣги къ нему.

(Слышенъ рожокъ кондуктора.)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, удерживая доктора.

Постой, не ходи. Ужъ намъ не до больнаго..... Бѣги, скажи Сашенькѣ, что делижансъ.....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, таща къ себѣ доктора.

Къ чорту, съ Сашенькою! Пусть себѣ тамъ дуэты строятъ. Нужно помочь.....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, тоже таща его къ себѣ.

Онъ отъ насъ деньги беретъ, намъ долженъ [служить.... Бѣги!....

ДОКТОРЪ, передается то въ ту, то въ другую сторону и только каждому тащущему его, говоритъ:

Да.... но... нѣтъ....

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, входитъ, въ рукѣ блюдо, въ другой ложка, кричитъ съ восторгомъ.

Побѣда! Посрамилъ Карѣма, Вателя и даже Эконома!... Чтѣ за соус! Отвѣдай, любезный, и согласишься, что ты вкусишь ничего не ѣдалъ. *(Набираетъ ложку соуса и тычетъ въ ротъ Ивану Макаровичу. Тотъ уходитъ отъ него, а онъ преслѣдуетъ.)*

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, съ досадою отталкиваетъ его.

Утопись ты въ своемъ соусѣ. Мой сосѣдъ въ бѣдѣ.... а тутъ и докторъ.....

(Маланья Карповна отняла его и вывела за дверь. Вся сцена идетъ смѣшанно, суматошно. Каждый говоритъ, не слушая другаго, кричитъ, занимается своимъ.)

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛИЧЪ, вбѣгал.

Помигуйте, да чтѣ же это? Дилижансъ пришелъ, скоро пойдетъ далѣе, а еще никто не обѣдалъ. Заплатите мнѣ... *(Къ каждому относится, никто не слушаетъ его.)*

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, также, во все время подходитъ къ каждому и предлагаетъ ложку съ соусомъ.

Только отвѣдайте.... и вы не разстанетесь.... Вы полагаете.... Вы подумаете, что эта индѣйка съ трюфелями?... Совсѣмъ нѣтъ. Это я, я придалъ такой вкусъ. А въ соусѣ, думаете, есть анчоусы? Совсе ничего. Я изобрѣлъ

этот соус..... везу окрогъ въ Парижъ.... вы услышите въ какой славѣ будетъ sauce à la Nazard..... отвѣдайте..... хотѣ только отвѣдайте.....

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, въ свою очередь суетится, бѣгаетъ, собираетъ дочеринны перчатки, вуаль, ноты, складываетъ, торопится.

Да гдѣ же?... да гдѣ же?... Не успѣю собрать всего.... уложить. Делижансъ готовъ..... (Кричитъ.) Сашенька.... какъ бы не прогнѣвалась!... Да гдѣ же?.. все ли? (Ищетъ.)

АФОНЬКА, съ мужиками, вносятъ Алек-
сиса.

Вотъ вамъ и онъ.... (Смѣется.) Скавали, большой ле-
жить.... а онъ только на колѣнахъ стоялъ, да у барышни
ручки цѣловалъ, мы тутъ его и схватили.... Да какой
здоровенный! въ-силу сладилъ съ нимъ.

АЛЕКСИСЪ, вырывается отъ него.

Отвяжитесь отъ меня, скоты!.... въ самомъ интерес-
номъ мѣстѣ прервали....

АФОНЬКА, Ивану Макаровичу.

Баринъ, а на водку?....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Не его мнѣ надобно было.... тамъ другой лежитъ....

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, входитъ, зрѣвая.

Насилу дотащился.....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, бросаясь къ нему.

Что ты? Каково тебѣ? Здѣсь есть докторъ, осмотримъ
тебя.....

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Не нужно ничего. Что эта боль, передъ тѣмъ сокраще-
ниемъ, которое я открылъ! Древности, священные древ-
ности! Хозяинъ! Ворочусь изъ вояжа, покупаю у тебя это
зданіе.

ПАРАМОНЪ И МХАЙЛЫЧЪ.

Но прошу обѣдать..... скоро дилижансъ....

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, Ивану Макаровицу.

Какую забавную сцену видѣлъ я сверху башни у этого молодого человѣка съ этою.... и признаюсь, заглядѣвшись, оступился и упалъ.... Не много хромаю, но ничего....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, забѣлѣва.

Это ты говоришь въ нервой горячности, что ничего. Докторъ, осмотрите.....

Между-тѣмъ Александра Ивановна воротилась съ докторомъ, сердится на мать, вырываетъ у нея шляпку, вуаль и прочее. Та оторопѣла, не то подаетъ ей; она ворчитъ на нее. Иванъ Макаровицъ усаживаетъ Лаврентія Ивановича; тащитъ къ нему доктора; Лаврентій Ивановичъ не дается осматривать себя, докторъ то возьмется за ноги Лаврентія Ивановича, то выпуча глаза глядитъ на Ивана Макаровица, твердя все «но.... да... гмъ!» Алексисъ то оправляется передъ зеркаломъ, постъ, то любезничаетъ съ Александрой Ивановной, которая продолжая сердиться на мать, даетъ ему подвизывать шляпку, надѣвать верхнее платье. Хозяинъ упрямничаетъ остаться обѣдать. Назаръ Петровицъ носится съ своимъ соусомъ, предлагаетъ каждому отвѣдать. Среди такой суматохи и безпрестанныхъ отъ каждаго въ своемъ родѣ восклицаній, слышенъ рожокъ. Нѣкоторые кричатъ: дилижансъ! дилижансъ! Всѣ бѣгутъ къ дверямъ, суматоха, крикъ. Заважсь опускается.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.**ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛЕЦА.**

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, хозяинъ трактира.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ, поваръ.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, жена его.

НАТАША, дочь ея.

БАЗИЛЬ, другъ ея.

НАСТАСЬЯ ЛУКШИНА, поварница.

МНОСЪ КЛАРА.

М-ше ВАВЕТТЕ.

ЮЛЬХЕНЪ.

ДУНЯША, ея горничная.

ЛАКЕЙ ея.

АФОНЬКА, слуга въ трактирѣ.

} компаніонки ея.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, сидитъ у стола и печатаетъ въ бандероли карты, откладывая особо на столѣчкѣ чашки, кисточки и что нужно для поддѣлки картъ.

Не довольно ли? Если каждая игра принесетъ ожидаемое, тогда хорошо.... Но, когда же я выберусь изъ этого омута? Терпѣнія недостаетъ. Нѣтъ ни какого проѣзжаго, чтобы можно было извлечь пользу.... въ этомъ трактиришкѣ и поѣсть нечего порядочно.... А! вотъ и хозяинъ съ обычнымъ напоминаніемъ.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ и ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Что скажешь, мой любезный Парамонъ Михайлычъ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Извѣстное дѣло, какъ и каждый день. Купилъ, батюшка, Леонтій Яковлевичъ, разной провизіи для нашего заведенія, такъ, знаете, нужны бы деньги....

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, хладнокровно, тасуя между-тѣмъ карты.

Кому они не нужны! Особливо, какъ примѣчаю, вотъ десять дней проживши у тебя: доходы твои довольно плохи.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, значительно.

Съ чего же быть имъ отличнымъ, когда что издерживаешь, да не получаешь обратно своего. Вотъ какъ и съ

вашей милости, господинъ честной, когда-то я получу?
А ужъ порядочное число понабралось!

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, равнодушно.

Да, я думаю.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Такъ вотъ, батюшка, ЛеонтиЙ Яковлевичъ, въ этотъ счетъ, не можно ли чего получить? Истинно доложу вамъ, крайности необходимыя, или яснѣе сказать, крайняя необходимость....

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вѣрю, любезный, очень вѣрю. Но пока до расплаты, вотъ мы что сдѣлаемъ. Когда я спрошу подать просто карты, тогда подавай свои и бери за нихъ что хочешь; но когда я скажу: прикажите подать намъ карточекъ! Тогда за каждую игру записывай на меня по десяти рублей.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Да долго ли еще намъ записывать? Вѣдь водъ нумеръ за вами, ежедневный столъ съ отличнымъ виномъ и другія требованія, все отпускаемъ, а еще ничего....

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Не получаешь?... Ужъ, конечно, получишь же когда-нибудь. Когда идетъ дилжансъ?... Много ли записалось?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Всѣ мѣста взяты и вотъ скоро съѣдутся пассажиры: нужно позапасться.

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Да, похлопочи, любезный. А между-тѣмъ убери же карты отсюда. Онѣ всѣ запечатаны.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, осматривая игры картъ.

Да и какъ ловко.... Умудрелся же народъ!

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вотъ кто-то изъ пассажировъ прибылъ. Оставь насъ. (Парамонъ Михайлычъ уходитъ.) Кабы попался гусь, что бы можно было ощипать его. Въ нынѣшнее золотое для насъ время, когда всѣми обуяла смѣшная дурь, непремѣн-

но ѣхать за границу, нашему брату, космополиту, хлопать не надобно. Не удастся ли гдѣ пріютиться въ путеводители ко всѣмъ заграничнымъ славностямъ, чтобы на чужой счетъ ѣздить и жить. Непремѣнно надобно умудриться, зашибить копѣйку и кое-какъ выбраться въ чужіе края. Тамъ толпа нашихъ русскихъ мужчинъ и женщинъ; выбирай любую глупость, пристань — и желаніе твое достигнуто. По милости дураковъ, пользуйся отъ нихъ и проживешь цѣлый вѣкъ спокойно. Этотъ молодой человекъ, конечно, хочетъ избавить землю русскую еще отъ одного глупца: тоже, вижу, дуется за границу.

ДВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ при входѣ БАЗИЛЯ, не переиъняетъ положенія, гасуетъ карты и внимательно разсматриваетъ.

БАЗИЛЬ, ходитъ по комнатѣ, поглядываетъ иногда на Леонтія Яковлевича.

И спросить не у кого. Хоть бы слуга явился.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Въ здѣшнихъ трактирахъ не спрашивайте порядка. Это не то, что за границей.

БАЗИЛЬ.

О, какая разница!

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, всторону.

Бывалъ за границей.... Далѣе.

БАЗИЛЬ, осматривая вездѣ.

Хоть бы книгу отыскать....

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вы, кажется, интересуетесь отъѣзжающими въ дилжансѣ?

БАЗИЛЬ.

Вы отгадали! Не знаете ли вы нашихъ спутниковъ?.... Я полагаю, что вы тоже ѣдете за границу?....

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, спокойно.

Да. Я почти рѣшаюсь. (Всторону.) Кажется.... я долженъ знать этого молодца. Испытаю, онъ ли это? (Ему.)

Но этого дилижансъ ѣдетъ за границу, а вы, кажется, возвращаетесь домой?

ВАЗИЛЬ.

Непріятнымъ обстоятельства заставляюгъ возвращаться, а впрочемъ.... если бы.....

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Да. Когда нѣжніе поступило въ чужія руки, такъ трудно располагать собою.

ВАЗИЛЬ.

Какъ?.... Вамъ извѣстно?...

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, всё въ томъ же тонѣ.

Яковъ Михайлычъ велъ свои дѣла хорошо, а послѣ....

ВАЗИЛЬ.

Такъ вы знали моего старика?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, всторону.

Отгадалъ. Этого замытыгу слыхалъ. На него плоха надежда. (Ему.) Зналъ его, знаю и все объ васъ. Такъ вы теперь располагаете, приставни къ кому-нибудь, съѣхать съ ними за границу?

ВАЗИЛЬ.

Чудно, какъ вы поняли меня!... Но не съ кѣмъ-нибудь, а съ родными моими. Еще на обратномъ пути сюда, я имѣлъ извѣстіе, что они собираются ѣхать въ чужіе края, такъ я по дорогѣ велѣ справляюсь объ нихъ. Не записались ли они здѣсь на мѣста въ дилижансъ?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Это тотчасъ можно узнать. Эй, мальи! (Афонька выходитъ.) Книгу, гдѣ записываются.

ВАЗИЛЬ.

Вы меня обязали. (Приносятъ явну, онъ разсматриваетъ и вскрикиваетъ.) А! это они. Даже дядошку везутъ съ собою. Къ чему эта мебель? Онъ намъ будетъ лишній... На, вотъ и пріѣхали. (Глядитъ съ окно.) Ахъ, еще не они!

ДВЕННА ЧЕТВЕРТОЕ.

тѣ же, ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, вводитъ НАСТАСЬЮ ЛУКИШНУ: за нею КЛАРА несетъ подушку, БАБЕТТЪ скамейку, ЮЛЬХЕНЬ собачку, ДУНЯША двухъ собачекъ и дорожное зеркало.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, Парамову Михайлычу.

Прежде всего, скажи мнѣ, батюшка, не проѣзжала ли здѣсь Оекла Степановна? (*Садится на диванъ.*) Миссъ Клара! Чтò же, подушку? (*Клара кладетъ ей за спину подушку.*) По-выше. Такъ. Мамзель Бабеттъ! скамейку! (*Ставитъ къ ногамъ.*)... Уфъ! Дуняша, зеркало!

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Дня три, какъ ни одна дама не изволила проѣзжать.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

За границу, за границу не проѣзжала?... Мамзель Юльхень, подай мнѣ Жучку. (*Ласкаетъ собачку.*)

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Никакъ нѣтъ-съ, и въ запискѣ на дилижансъ ее не состоитъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ну, легче моей душевѣ. Теперь я впереди цѣлую недѣлю. Снимите съ меня эти дорожнія тягости. (*Компаніонка снимаетъ съ нее шляпку и прочее дорожное.*) Занисана ли я, мой батюшка? Я присылала моего дворецкаго, да онъ, плуть, можетъ, деньги утаилъ, а меня надулъ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Первыя мѣста за вами, какъ же-съ!

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

То-то же. Дуняша, подай-ко мнѣ Минетку и Блака, а сама вели внести сюда сундукъ съ платьемъ: хочю видѣть, не измято ли чтò дорогою.

ДУНЯША.

Будьте увѣрены, что все хорошо уложено, а вынимать и укладывать, много будетъ хлопотъ....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

А тебѣ ужъ это и тяжело? Зачѣмъ же я и везу тебя, какъ не для услугъ мнѣ! Не вздумай умничать и въ чу-

нихъ государствахъ, да стыдить меня. (Дуняша, отдавъ ей собачекъ, уходитъ. Она, вздыхая нѣсколько, обращается къ Леонтію Яковлевичу.) Конечно, я буду имѣть честь, батюшка, держать вояжъ съ вами?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Да, почти такъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Вашъ курсъ куда?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Тамъ посмотрю.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

А я-то, батюшка, вамъ расскажу про себя исторію. Я не скажу, чтобы я не располагала вояжировать; къ чему мнѣ отставать отъ людей! да всё откладывала, устроивала свои дѣлшки. Какъ вотъ, Фекла Степановна, сосѣдка моя, всегда подтрунивавшая надо мною во многомъ, возьми, да и скажи при мнѣ: «Чай и вы, Настасья Лукишна, собираетесь вояжировать»? Я говорю: ѣду-молю. Она мнѣ въ-пикку: «Съ чѣмъ и зачѣмъ ѣхать? Пока, вы, молъ, соберетесь, я прежде васъ вездѣ буду и все огляжу. Вернитесь и нечего будетъ рассказывать, я-дискать—все поразкажу», и это меня взорвало! Чтò, въ самомъ дѣлѣ, буду я за пошлая дура, что дамъ возможность ей побывать вездѣ и высказать всѣ видѣнныя диковинки прежде меня. Вотъ я благимъ-матомъ домой. Какъ на то у сосѣда деньги случились, заложила деревнюшку, да въ губернский городъ, заказала разныхъ разностей, накупила разныхъ вещей и качу за границу. Пусть Фекла Степановна ѣдетъ теперь у меня въ хвостъ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Кчему же вы запасались здѣсь гардеробомъ и другими вещами?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Какъ же, мой батюшка? ѣхать въ чужіе люди, въ иноземныя государства, да не экипировать себя? Въ чемъ бы я показала? Когда и къ сосѣду ѣдешь на праздникъ, такъ дѣлаешь обнову, а то, самъ посуди, въ чужомъ горсдѣ, а еще случится и столичномъ, явиться въ домашнемъ

тряпья? Что скажутъ про меня? Засмѣютъ. (Лакен, по дорожному одѣтые, вносятъ большой сундукъ. Дуляша оттираетъ его.) Да какъ платья, такъ и паряды у меня все отличныя. Покажи-ка розовое. (Дуляша вынимаетъ.) А? что, батюшка? каково? (Осматриваетъ сама.) Да, не взято. Покажи-ка голубое? Какова отдѣлка? Въ немъ, прѣзвѣвши въ какой городъ, буду дѣлать визиты къ первымъ дамамъ, а тамъ для домовъ по-проще, есть и платье тиффенское. Розовое же у меня будетъ для баловъ. А ужъ какъ отдѣлано! А вотъ ящикъ съ галантерейными разными вещами. Онъ хоть и ничего, но, знаешь, батюшка, всё-таки кидается въ глаза и дастъ знать, что мы изъ Россіи прѣѣхали, не такъ чтобы уже и вотъ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вы бы могли, не убыточась такъ много, все нужное для себя сдѣлать за границую. Разница въ томъ, что вы имѣли бы все отличное и гораздо дешевле здѣшняго.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ну что вы это мнѣ, батюшка, говорите! Когда и наши купцы берутъ съ насъ въ-четверо и надуютъ на всякой покупкѣ, что и собственно бы: слыхалъ, можетъ, нашу фамилію; а въ чужихъ земляхъ имъ своя рука: такъ олурягъ, что и дома не скажешься. Жаловаться, куда? Я, батюшка, безвзычная; ваговорять не-свѣдому, не по-нашему, а я краснѣй, да въ молчанку играй и оставайся въ дурачкѣ. Миссъ Клара! спросите мнѣ стаканъ ормаду. Если же захѣсь нѣтъ, то прикажите мѣсму кондитеру Фомкѣ, чтобы сдѣлалъ.

КЛАРА.

Фомка очень озабоченъ: увязываетъ и развязываетъ.....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Озабоченъ, ужъ и ему знать заботу! Пусть оставитъ все и сдѣлаетъ ормадъ, а тамъ примется увязывать.

КЛАРА.

Но когда же? Вѣдь споре дѣлалась....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ты имъ, сударыня, не потвори. Имъ всё и всегда.

(Клара уходитъ.)

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Позвольте вамъ замѣтить. Вы очень грузно ѣдете.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Это какъ, батюшка?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Сколько прислуги при васъ! Вамъ все это будетъ немѣрно дорого.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

А вамъ бы хотѣлось, чтобы русская барыня, помѣщица, въ чужихъ городахъ показала въ мизерномъ видѣ, что у ней-де, ни подать, ни принять, и испить подать нѣкому. Каково будутъ судить обо мнѣ!... Для этого я и излишней прислуги набрала съ собой. Мамзель Бабеттъ! Возьмите Жужу: онъ хочетъ воздуха, а мнѣ подайте Блака.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вотъ и это. К чему вы везете даже трехъ собачекъ съ собою?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Какое трехъ? Пять, батюшка, везу съ собою: двѣ остались въ каретѣ. Не могу разстаться съ этими невинными животными и они привязаны ко мнѣ, словно дѣти къ матери. Я, батюшка, не долго жила съ мужемъ и овдовѣла бездѣтною; любить нѣкого, такъ вся моя нѣжность обращена къ нимъ. Мамзель Юльхенъ! Посмотрите, спокойно ли спать собачки въ каретѣ? Да принажите Дунашѣ, когда онъ проснется, покормить ихъ. Возьмите и этого милашку съ собою и подтвердите ей, что если хотя одна изъ собачекъ не будетъ накормлена до-сыта, такъ, кромѣ прочаго, я не дамъ ей три дня ни нити, ни ѣсть. Она знаетъ меня. Не скажу нѣ-вѣтеръ.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

И компаніонками вы себя отяготили. К чему вамъ три?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Я, батюшка, хочу быть въ трехъ земляхъ, гдѣ говорятъ по-французскому, по-нѣмецкому и по-аглицкому. А

какъ я воспитана по-старинному, не тѣмъ будь старики помянуты!.. Кромѣ своего, чужаго ни бельмесь, такъ мнѣ и нужно, что буду замѣчать въ чужихъ краяхъ, знать, какъ оно по-нашему зовется. А безъ того, дура-дураой прослышу.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Онѣ иностранки?... И хорошо знаютъ языки?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Кто ихъ знаетъ, а мнѣ тѣмному человѣку въ этой премудрости и по давно нельзя знать ничего. Болтаютъ по-каковскому-то бѣгло. Я ихъ отыскала въ губернскомъ городѣ. Просила пріятеля, онѣ и нашель. Не дешево взяли съ меня за вояжъ. Вздумали-было прихотничать дордогой, но я ихъ съ-разу осадила. У меня не вздергивай носу.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, встору.

Вотъ бы случай схватить мѣстечко, втереться въ прожатыс. (Ея.) Позвольте вамъ предложить, сударыня....

ВАЗИЛЬ, всё смотритъ въ окно, потомъ вскрикиваетъ.

Наконецъ, они пріѣхали! Какъ-то мои дѣла пойдуть! (Съ безпокойствомъ ходитъ по комнатѣ. Леонтій Яковлевичъ тихо разговариваетъ съ Настасьей Лукишной. Она безпрестанно посылаетъ компаніонковъ за разными препорученіями. Душша и лакеи приносятъ ей разныя вещи, назадъ уходятъ. Оржадь подають, собачекъ показываютъ и тому подобнос.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ, ПАРАМОШЪ МЕХАЙЛЫЧЪ вводитъ СТЕПАНИДУ ИВАНОВНУ и НАТАШУ. За ними входитъ ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ и болышею частью стоитъ въ углу.

НАТАША, увидѣвъ Вазиль, бѣжитъ къ нему.

Вазиль!.... Cousin!.... Какой сюрпризъ!.... (Обнимаетъ ея.)

ВАЗИЛЬ.

Chère cousine!... Тѣтушка!... Какъ я радъ!...

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, обнимая его.

Какая пріятная встрѣча!... Здоровъ ли ты, мой сбер?

БАЗИЛЬ.

Здоровъ и очень обрадованъ....

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ, хотеть обнять его.

Милый мой Васенька!...

БАЗИЛЬ, уклонясь отъ обниманія,
подаетъ ему руку.

А! и вы здѣсь?... *(Отворачивается отъ него.)*

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Какъ же? Знаешь ли, я ѣду....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, Базилю.

Ты уже совсѣмъ возвращаешься домой?

БАЗИЛЬ.

Да.... пока....

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

И воображаю, съ какою радостью возвращаешься!...

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Перестаньте. Вы его беспокоите своими глупостями.

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ, съ робостью идетъ
въ уголъ.

Да я.... ничего, я.... хотѣлъ....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Вы не должны ничего ни хотѣть, ни желать; ваше дѣло молчать, слушать и заботиться о выгодахъ и спокойствіи вашей жены и дочери. Идите же.

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Право, не знаю, что бы... *(Подумавъ, рѣшается на что-то, уходитъ и скоро возвращается.)*

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Ну, мой сбер! Наглядѣлся и навидѣлся всего и повсюду? То-то, я думаю, съ удовольствіемъ проводилъ время?

БАЗИЛЬ.

Ах, ma tante! Вы не можете вообразить какъ я восхищенно провелъ его, и въ-особенности въ Парижѣ! Какъ оно было, я не замѣтилъ, какъ оно прошло, и не примѣтилъ!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Но, мой свет, на твоёмъ мѣстѣ я не выѣхала бы. За-чѣмъ и для чего оставлять всё такія славности и возвра-щаться.... Куда?... Поггеуг!

ВАЗИЛЬ.

Vous avez raison, ma tante. Съ горемъ выѣзжалъ.... об-стоятельства стѣснили....

НАТАША, смѣясь.

А! помоталъ—таки довольно, прожилъ?

ВАЗИЛЬ.

О, вовсе нѣтъ. Я жилъ очень скромно и, могу сказать, служилъ примѣромъ для подобныхъ себѣ. Но... изволите видѣть... въ Парижѣ народъ удивительно сострадательнъ, въ тонѣ филантропія и я предался ей совершенно. Участвуя во всѣхъ обществахъ благотворительныхъ, я, по чувствамъ моимъ, вовсе безъ разсчета, дѣлалъ приношенія, и оттого.... очень скоро увидѣлъ себя довольно въ стѣснительномъ положеніи, до того, что долженъ былъ веротиться — и.... о восторгъ.... долженъ сдѣлаться, хотя на-время, заботливымъ пемѣщикомъ....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Какая проклятая разниа, послѣ жизни въ Парижѣ!...

ВАЗИЛЬ.

И, прибавьте, какой еще жизни! (Съ восторгомъ.) Ахъ, сколько я имѣлъ наслажденій!... Представьте себѣ только это одно, что я пилъ шампанское, самое цѣльное, мѣст-ное, натуральное. И сколько я выпилъ его!.. Да... вы должны знать, что тамъ правило каждаго благодѣтельнаго об-щества, при рѣшеніи какого вопроса или приведеніи въ дѣйство какого предположенія, пить покал шампанска-го.... Это уже такъ постановлено. Такъ бывши членомъ многихъ обществъ, въ-необходимости былъ пить часто....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Да; по правиламъ общества, непремѣнно. Теперь ѣдешь въ деревню и долго проживешь?

ВАЗИЛЬ.

Смотря по обстоятельствамъ... Старикъ отецъ мой, до-

того былъ слабъ въ управленіи нашими имѣніемъ, доводило четверствовалъ мужикамъ, что они разбогатѣли, а у него очень мало доходовъ. Imaginez! Не могъ жить въ Парижѣ!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Теперь, на все это время, пока услышишь свои доходы, должно погребсти себя живого въ этой деревнѣ. Но не можно ли всего этого устроить иначе? Напримѣръ продать имѣніе и освободиться отъ заботъ?

ВАЗИЛЬ.

Ваша мысль неподобна и я постараюсь воспользоваться ею....

ТРОФИМЪ БЕДОРОВИЧЪ.

Но развѣ ты, Васенька, не знаешь, что произошло съ твоимъ имѣніемъ?

ВАЗИЛЬ, съ насмѣшкою.

Ну, что произошло?... Что вы тамъ знаете?..

ТРОФИМЪ БЕДОРОВИЧЪ.

За твои заграничные долги, по требованію, оно взято въ опеку....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Перестаньте говорить такія глупости!

ВАЗИЛЬ, хохочетъ.

Нѣтъ, ma tante, не вѣшайте ему. Этакіе люди всегда понимаютъ вещи по-своему. Изволите видѣть: чтобы лучше послѣ старика, его брата, моего любезнаго... сомнѣніи?... Ба-тю-шш-ки.... насилу выговорилъ!... Чтобы лучше управлялось имѣніе, я просилъ друзей взять его въ свое вѣдѣніе, а они перетолковали это: взять въ опеку..... Mais qu'est ce que c'est.... опека?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Je ne sais pas. Quelque chose.... сомнѣніе ça....

ВАЗИЛЬ.

Какъ бы то ни было, я долженъ страдать въ имѣніи!... Сколько времени убито будетъ, пока устрою свои доходы!

НАТАША.

Напротивъ, cousin! Я воображаю, сколько ты найдешь

удовольствія, живя въ деревнѣ и посвятивъ себя хозяйству. Какія пріятныя занятія! Работы въ полѣ, разведеніе сада, удовольствіе отъ цвѣтовъ.... Какъ это мило! Тутъ по временамъ труды твои вознаграждаются, продукты свои сбываешь выгодно, доходъ употребляешь на новыя заведенія, также могущія принести тебѣ пользу. А если ты въ самомъ дѣлѣ филантропъ, такъ сколько для тебя наслажденій, входитъ въ нужды крестьянъ твоихъ, улучшать ихъ состояніе....

ВАЗИЛЬ.

Кого?... мужиковъ?... *Ma chère cousine!* Конечно, я филантропъ, другъ человечества; но... За границею тамъ этотъ классъ людей—совсѣмъ другое дѣло: въ женскомъ полѣ вовсе не видишь этой грубости, дикости, непріязненности, которыми отталкиваютъ насъ отъ себя русскія женщины. Ты, кузина, съ своею сентиментальностью, за границею будешь порядочно смѣшна. Совѣтую тебѣ настроиться по-европейски, или имѣть ментора....

НАТАША.

Ничего мнѣ не нужно, потому что я, благодаря Бога, въ чужихъ краяхъ не буду вовсе или очень не скоро.

ВАЗИЛЬ.

Comment?... Mais... вы же воюжируете за границу?

НАТАША.

Совсѣмъ нѣтъ.

ВАЗИЛЬ.

Ma tante?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Это правда, *mon cher!* Я уже совсѣмъ достигала своей цѣли, чтобы воюжировать. Лишнюю деревню продала, все устроила, улежались.... но лишь къ выѣзду, Наташа начала меня убѣдительно просить, отложить поѣздку въ чужіе края, а вмѣсто-того—какъ-будто это всё-равно?.... Ѣхать къ умирающей сестрѣ моей. Никакія мои доказательства, нѣ настоянія, не могутъ убѣдить ее и я, совершенно противъ воли, уложившись Ѣхать за границу, думаю отложить и Ѣхать на печальныя сцены.

(Вазиль въ большомъ смущеніи ходитъ по комнатѣ задумавшись.)

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, подходя къ нему,
вполголоса.

Что? Ваши ожиданія и планы не сбылись?... Я все слышалъ.

ВАЗИЛЬ.

Вообразите, какая досада!... Тѣмъ болѣе.... что я въ крайнемъ положеніи.

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Мои дѣла идутъ лучше, я устроенъ. Вамъ можно по-собить ротъ какъ. *(Говоритъ тихо съ нимъ.)*

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, войдя, къ Степанидѣ Ивановнѣ.

Имѣю честь доложить вашей милости, кушанье на столѣ.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Для насъ обѣдъ не нуженъ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Какъ же съ? Дворецкой вашъ именно спросилъ полнаго стола три порціи....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Какой мой дворецкой?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, указывая на Трофима Федоровича.

Вотъ этотъ самый.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, сама съ собою.

Дворецкой!... и наружность-то его дотога жалка, что его не считаютъ тѣмъ-нибуль по-важнѣе. *(Мужу.)* Подойди сюда, голубчикъ! *(Онъ подходитъ съ робостью.)* Ну, какъ можно такъ вести себя, что васъ никто не считаетъ господиномъ?...

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Да... да я никакъ не веду себя, а вольно ему такъ считать меня; когда мнѣ ни въ чемъ воли нѣтъ....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Какъ ни въ чемъ воли нѣтъ?.. Пошелъ, и самъ по себѣ заказалъ обѣдъ на три персоны. Съ чего это вы взяли?

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

Вы же приказали мнѣ заботиться о выгодахъ вашихъ и Наташи, то я и разсудилъ, что въ дорогѣ лучшая выго-

да—хорошій столъ; я потому и привагалъ. Извольте по-
смотреть: столъ дѣйствительно, отличный!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Пошелъ съ нимъ. Ъшь самъ.

ТРОФИМЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

Слушаю-сь. *(Уходитъ съ Парамономъ Михайлычемъ въ боковую дверь.)*

Между-тѣмъ Леонтій Яковлевичъ съ Базилемъ, под-
ходятъ къ Настасьѣ Лукишнѣ; она, поговоривъ съ
нимъ, приказала кое-что компаньонкамъ и Дунишѣ; по-
томъ встаетъ и подходитъ къ Степанидѣ Ивановнѣ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Честь имѣю себя рекомендовать, матушка: оставшая
поручица Настасья Лукишна Пучеглазова, помѣщица
въ ближнемъ уѣздѣ. Долгомъ поставила просить знако-
ства вашего. Позвольте. *(Цѣлуетъ въ обѣ щеки, хотя та
уклоняется отъ того.)* А это, конечно, ваша любезная
дочь? Позволь, моя милая! *(Наташа протягиваетъ ей ру-
ку, но она не взявши ее, цѣлуетъ ее въ одну щеку, какъ-
одругъ Леонтій Яковлевичъ останавливаетъ ее.)*

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, Настасья Лукишнѣ
тихо.

Помилуйте, чтѣ вы дѣлаете? Нынче женщины не цѣ-
луются.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, стоя въ той же по-
зиціи.

Будто бы? А какъ же?

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Подайте только руку.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, подавая руку На-
ташѣ.

Такъ? Прошу меня полюбить, какъ и маменька ваша
того удостоила. *(Къ Степанидѣ Ивановнѣ.)* Чтѣ, матушка,
вожировать и вы пустились?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Еще не рѣшила; должно ѣхать къ роднымъ.... такъ за
границу почти раздумала....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Раздумала? Ахъ, какъ это можно? Нынче вояжировать въ большой модѣ и даже необходимо; кѣкъ было въ нашу молодую вѣкъ чулокъ вязать, а лѣтъ десять назадъ по канѣ въшивать, такъ теперь необходимо вояжировать. Сидѣчихъ на мѣстѣ, засибуютъ. И то правду сказать (съ чванствомъ),—кому позволяютъ обстоятельства. Иной бы летѣлъ, не ѣхалъ, да не съ чѣмъ подняться. Вотъ я, очень нѣтъ возможность и ѣду со всѣмъ демою.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Слышишь, Наташа, черезъ тебя глотаю эти пилюли!

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

А какіхъ славностей, говорятъ, тамъ можно навидаться! Тамъ, за границею, говорятъ, тотчасъ пойдетъ все не то. Другіе люди, другой языкъ, другая пища.... и все преудивительное! Воды простой не спрашивай. Даже въ лужахъ все уже цѣлительная отъ всѣхъ болѣзней... правду сказать, тамъ и болѣзни отличныя отъ нашихъ. Такъ ли, батюшка, молодой человекъ? Чай, вы много на себѣ испытали?

БАЗИЛЬ.

О! ваша правда. Я вамъ скажу, болѣтъ или имѣтъ нѣсколько болѣзней, нынче въ большомъ употребленіи и, главнѣе, для того чтобы имѣтъ поводъ пользоваться водою.

НАТАША.

Но для дѣйствительно больныхъ, есть воды въ Россіи, дома у насъ.

БАЗИЛЬ.

Ah, ma chère cousine, не мучьте вы меня вашими русскими водами! Не прикажете ли, для поправленія здоровья ѣхать на вашъ прелестный Кавказъ?

НАТАША.

Я слышала, что въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ тамошнія воды очень полезны.

БАЗИЛЬ.

Да; но проѣздъ къ нимъ очень затруднителенъ.

НАТАША.

Помилуйте, кто это вамъ сказалъ?

ВАЗИЛЬ.

Я читалъ въ Парижѣ.... да какъ написано!... живо, увлекательно! Но у насъ, въ Европѣ, какая разница! Во-первыхъ, самыя употребительныя воды теперь по берегамъ Рейна, плыва по которому, вы непременно должны имѣть въ рукахъ Гюгò....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

А это, батюшка, что такое и гдѣ оно продается?

ВАЗИЛЬ.

Это прекрасное стихотвореніе, книга....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Знаю, знаю. У меня осталась дома книга, собраніе стихотвореній какого-то господина. Оглупѣла, не взяла съ собою. Да вотъ, батюшка, Леонтій Яковлевичъ, ужъ вы мнѣ отыщете книжончку со стихами?... .

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ

Цѣлую фуру навалю стихотвореній къ вашимъ услугамъ, да будетъ ли толкъ?

ВАЗИЛЬ.

Все это не то. Надобно непременно читать Гюгò, чтобы вполнѣ наслаждаться величественными видами береговъ Рейна, гдѣ, во-первыхъ, останавливаются въ Боннѣ, потомъ проѣзжая черезъ Кобленцъ, Майнцъ, Эмсъ, вы останавливаетесь въ Висбаденѣ....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Эка пропасть городовъ! А я полагала, что мы чуть лишь за границу, такъ мы и въ Европѣ, анъ вонъ сколько нужно проѣхать. Что же это, батюшка, все города губернскіе, или такъ, уѣздные городишки?

ВАЗИЛЬ.

Позвольте, я кончу картину. Оттуда, проѣхавъ Франкфуртъ, Гейдельбергъ, Дармштадтъ, Расштадтъ и Карльсруэ, вы въѣзжаете наконецъ.... въѣзжаете въ Баденъ!...

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Какъ бы, батюшка, Леонтій Яковлевичъ, записать всѣ

эти названія городовъ. Я за свою память не берусь. Перевру все. Собью съ толку извозчиковъ, завезутъ нивѣсть куда.

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Это будетъ мое дѣло... не безпокойтесь.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, восторгову.

И съ такими понятіями, эта чудиха ѣдетъ за границу! Я умерла бы отъ стыда съ нею. (Базилю.) Продолжай, мой другъ!... Моя душа полна восторгу, только слушавшая тебя, а какое чувство обладало бы мною, если бы я была тамъ, на мѣстѣ! Наташа, слушаешь ли ты?

НАТАША.

Слушаю, маменька; но какъ ни представляетъ кузенъ все это обворожительнымъ, я не вижу необходимости ѣхать туда, безпокоиться, тратиться — и все только для того, чтобы видѣть, осмотрѣть. Міръ Божій украшенъ всею и на каждомъ шагу. Осмотрѣть все, мало тысячеклѣтія. Хотя бы намъ налюбоваться всею прекраснымъ въ нашей Россіи!

БАЗИЛЬ.

Человѣку съ чувствомъ, съ душою, — непременно нужно, хотя на нѣсколько времени побывать за границею. Иначе смерть, мучительная смерть!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Я согласна съ тобой, mon cher! Видишь ли, Наташа, если мы не будемъ волжировать, то умремъ въ этой Россіи. Но, продолжай, mon cher! Я надѣюсь, ты убѣдишь ее своимъ краснорѣчивымъ разговоромъ.

БАЗИЛЬ.

О! безъ всякаго сомнѣнія. Кузина во всею согласится со мною, когда пріѣдетъ въ Баденъ. Вотъ ужъ тутъ самое очаровательное мѣстопробываніе, самое лучшее, восхитительное провозженіе времени! Какъ вы можете себѣ вообразить, весь іюль мѣсяцъ, отъ начала до конца, состоитъ день-въ-день въ балахъ, праздникахъ, концертахъ, заго-

родныхъ гуляньякъ, гдѣ собирается..... *comptent élite?* краса всей Европы. А въ программахъ концертовъ вы всегда найдете имена первыхъ знаменитостей: Листъ, Рубини, мамзель Гейнцеттеръ, которой процессъ придалъ еще болѣе славы и извѣстности; а Гауманъ, Дрейшокъ, Тальбергъ.... да всѣхъ не перечтешь!

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, перебивая его.

И то-то, я думаю, какъ заиграютъ разомъ, всѣ вдругъ, такъ что твои органы?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, съ досадою, всторону.

Мочи нѣтъ!... Ну, можно ли такой глупешѣ пускаться за границу!

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Да. Жизнь въ Баденѣ имѣетъ много прелестей. Но скажу вамъ, что самый лучший видъ Бадена, это зеленое сукно на карточныхъ столахъ. Безъ того, лѣса, долины, холмы, развалины, луга и всѣ чудеса столько превозносимыя, потеряли бы много въ глазахъ тѣхъ, которые длатого только и посѣщаютъ ихъ, чтобы имѣть случай двигать и распорядить украшеніями, лежащими на зеленыхъ столахъ.

БАЗИЛЬ, съ усмѣшкою, жметъ ему руку.

Vous avez raison.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, съ удовольствіемъ.

Ужъ онъ безрезонно ничего не скажетъ! Да какой мастеръ красно говоритъ!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, подумавъ.

Ну, мой другъ, Наташа, какъ ты хочешь, а мы ѣдемъ за границу.

НАТАША.

Но вспомните тѣтенку. Ея опасность.... положеніе семейства. Вы привезете имъ отраду!...

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Какъ ты это, ма сѣго, рассуждаешь! Лекаръ ли я, и въ случаѣ, могу ли воскресить? Дѣла останутся ногаѣ мои зачутаны. Я же не секретарь какой, чтобы имъ писать

бумаги, ходить по дѣламъ. Притомъ же мнѣ нужно и для того объѣздить Европу, чтобы усовершенствовать твои таланты, которыми ты съ избыткомъ награждена отъ природы. (Къ мужчинамъ.) Вообразите, что она уже въ такіа лѣта, пишетъ стихи и другія сочиненія отлично, играетъ превосходно, поетъ чудесно, рисуетъ прелестно!... И съ такими дарованіями оставаться въ Россіи? Здѣсь ее и оцѣнить не умѣютъ.

(Наташа отошла всторону съ досадою.)

БАЗИЛЬ.

Ваша правда, ma tante. Надобно, непремѣнно надобно всѣ эти дарованія развить, воспроизвести, усовершенствовать до послѣдней точки, и тогда, возвратясь въ Россію, какую блестящую партію кузинѣ можно будетъ устроить!...

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Ахъ, уволь меня отъ такого униженія! Чтобы я свою дочь, съ такимъ образованіемъ, съ такими дарованіями, кинула въ какую-нибудь деревню, передала бы ее въ руки жадкаго, русскаго помѣщика? Ни за что на свѣтѣ! Я проживу въ чужихъ краяхъ по-долѣе, буду на всѣхъ водахъ и гдѣ значительные сѣзды. Я очень вижу, что моя дочь вездѣ выйдеть изъ ряду обыкновенныхъ дѣвицъ, и потому.... отъ чего бы не надѣяться, что князь, герцогъ.... замокъ.... шатъ.... а подъ-часъ и принцъ, хотя бы и такой.... понимаете?... нынче всему предпочитается знатность, пышность, а происхожденіе и прочее-такое, все вздоръ.

БАЗИЛЬ.

Аъ, ma tante, какъ вы преблагоразумно разсуждаете! Совершенно по-европейски. Я подозреваю, не бывали ли вы уже прежде въ чужихъ краяхъ.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, mon cher, я постигаю своимъ разсудкомъ.

БАЗИЛЬ.

Это безнадобно! Я восхищенъ дотого, что жертвую вамъ, бросаю хозяйство и всѣ свои выгоды, и ѣду съ вами.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Ахъ, ты меня восхищаешь! Теперь ѣду рѣшительно и съ тобою буду покойна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

тѣ же, ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ и компаньонки одна за другою.

Дилижансъ пришелъ и скоро пойдетъ. Прикажете укладывать наши вещи?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Что за странный вопросъ? Неужели вы этого сами не знали? Скорѣе; но чтобы не забыли чего.

БАЗИЛЬ, съ насмѣшкою.

Ma tante! Да не буду ли я лишній? Съ вами ѣдетъ надежный распорядитель, путеводитель, заботливый, старательный. Это почтеннѣйшій мой дядюшка.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, хохочетъ.

Ав, топ сбер, не умори меня!...

БАВЕТТЪ, къ Настасьѣ Лукишнѣ.

Настасья Лукишна! Вашихъ сундуковъ и чемодановъ не беруть въ дилижансъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Какъ они смѣютъ? Я плачу имъ деньги.

БАВЕТТЪ.

Говорять, громоздко, тѣсно.

ЮЛЬХЕНЪ.

Настасья Лукишна! Говорять, что люди ваши не должны съ вами ѣхать.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Кто смѣетъ такъ распорядиться? Съ кѣмъ же я буду въ чужой землѣ, въ чужихъ людяхъ? Ни принять, ни подать, ни услужить некому будетъ!

ЮЛЬХЕНЪ.

Говорять, что для нихъ мѣстъ нѣтъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Что они врутъ! мѣстъ нѣту? Лакейское дѣло, на заняткахъ. Батюшка, Леонтій Яковлевичъ, вижу, что правду говорилъ. Какъ бы мнѣ управляться безъ мужскаго пола,

когда и тутъ, дома, притѣсняють меня, бѣдную! Войди въ мое положеніе. Какъ мнѣ быть безъ гардероба и придичной прислуги?

К Л А Р А.

Настасья Лукишна! не хотятъ взять....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ну, еще что-нибудь! Добивай меня скорѣе. Говори, какая новая бѣда?

К Л А Р А.

Собачекъ вашихъ, говорятъ, нельзя взять....

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ахъ, они, варвары!... душегубцы!... убійцы мои!... Въ ту же минуту умру; какъ разлучать меня съ моими крошками!... За что, почему они такъ терзають меня?

К Л А Р А.

Говорятъ, что правила запрещаютъ, чтобъ не беспокоить прочихъ пассажировъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Вотъ такой-то здѣсь во всемъ порядокъ! Да какая мнѣ нужда до пассажировъ? Мои радости, мое дыханіе, мои милшки, должны быть со мною..... иначе я не ѣду.... не ѣду, и возвращаюсь домой.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Фекла Степановна сейчасъ присылала узнать, есть ли мѣсто въ дилижансѣ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, въ себя.

Нѣтъ ей.... нѣтъ мѣста; если и есть свободное, такъ я плачу за него, лишь бы ей не досталось. Ѣдемъ, батюшка, Ѣдемъ скорѣе..... боюсь, чтобъ она меня не обогнала.

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Такъ ужъ безъ собачекъ и безъ компаніонокъ?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Ахъ, нѣтъ, не могу!.... (Мечется и тоскуетъ.) Ахъ, что мнѣ дѣлать? Тутъ собачки.... тутъ Фекла Степановна.... прежде объѣдетъ всѣхъ и прежде меня расскажетъ... Ахъ, что мнѣ дѣлать?

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Послушайте моего совѣта. Отправьте всѣ свои тяжести и собачекъ на своихъ до границы. Мы прѣйдемъ туда и распорядимся, чтобы уже потомъ ѣхать вмѣстѣ....

НАСТАСЬЯ ЛУКШИНА.

Но собачки.... собачки!... какъ разстанусь я съ ними!...

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Вы видите, что уже всѣхъ взять нельзя, возьмите одну съ собой, это вамъ позволить.

НАСТАСЬЯ ЛУКШИНА.

Ахъ, правда. Совѣтъ вашъ благоразумный. Я возьму съ собой Жужу.... нѣтъ, не могу съ Бланкомъ разстаться!.... А Мишишъ?... А Бомбонъ?... А Шарлотта?... Ахъ, пособиите моему герою!.... Научите меня, какъ разстаться съ ними. О, Фекла Степановна! Злодѣй моего спокойствія!.... Но не радуйся..... я всё-таки поѣду и буду прежде тебя!.... Миссъ Клара! Прикажите подать мнѣ моихъ малашекъ. Одну оставлю съ собою, а съ прочими прощусь...
(Она тоскуетъ и мечется.)

Слышенъ рожокъ.

ЛЕОНТИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, приноситъ нѣсколько запечатанныхъ колодъ карты

Вотъ мое имущество, библіотека и учебныя занятія. Самъ трудился и обработалъ.

ВАЗИЛЬ.

Ахъ, какъ это хорошо. Берите съ собой. Намъ еще пригодятся.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, убираясь въ дорожку, мужу, который входитъ, утирается.

А вы гдѣ это запропастились? Помогите Натальѣ убраться. Неужели не слышали сигнала?

ТРОФИМЪ ОКОДОРОВИЧЪ.

Какъ? развѣ и мы ѣдемъ?... Куда же мы ѣдемъ?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Да ужъ не спрашивайте. Поѣжайте, куда повеселитъ васъ.....

(Лаетъ Наталья Лукшиной и Дуляша кричатъ собачкамъ.)

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, бросающъ къ нимъ со слезами.

Ахъ, мои умницы!... Жестокій рокъ насъ разлучаетъ... Но я скоро увижусь съ вами..... *(Цѣлуетъ прочихъ, а одну беретъ съ собой.)* Мнѣ со мной поѣдетъ..... Смотри же, Дуляша, и вы, олухи! берегите ихъ какъ глаза своего, иначе..... вы знаете меня..... Ахъ, нѣтъ!.... Жужу со мной. Видите, какъ жалко смотреть?... *(Мпѣлетъ одну за другою.)* Но, какъ разстанусь съ Блакомъ? Его возьму.... Ахъ, нѣтъ! Шарлоттинька со мной.....

(Прочіе всѣ вышли.)

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ.

Пора, сударыня. Дилижансъ скоро уѣдетъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, въ большемъ горѣ, плачетъ, ломаетъ руки и нѣмлетъ собачекъ.

Ахъ, Оекла Степановна!.... Съ кѣмъ ты меня разлучаешь?... Прощайте, друзья мои! *(Цѣлуетъ собачекъ.)* Нѣтъ, Мимочку ко мнѣ..... Нѣтъ, не ея..... Ахъ, я теряюсь!.... слабью.....

ЛЕОНТІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, поддерживаетъ ее.

Поспѣшите, сударыня! Оторвемъ ее отсюда, прервемъ эту трогательную сцену. *(Онъ и Парамонъ Михайлычъ едутъ ее.)*

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА, въ слезахъ кричитъ.

Жужу..... Бонбонъ!.... Оекла Степановна!.... Подайте мнѣ Блака.... онъ ѣдетъ со мною.... Мимочка, прощай....

(Занавѣсъ опускается.)

Д Е Н Ъ Т Р Е Т І Й.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ПАРАМОНЪ МИХАЛЫЧЪ, трактира.	хозяйнъ	ЛУКЕРІЯ ИВАНОВНА. ФЕНЮШКА.	} доктори ил.
ЖОРЖЪ, молодой человекъ.		АКСИНЬЮШКА.	
КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.		МАТРЕНУШКА.	
АФРОСИНЯ МАРКОВНА.		УЛЪЯНУШКА.	
ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ, человекъ.	молодой	АКУЛИНКА. ФЕТИНЬЮШКА	
ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ.		АФОНЬКА, слуга въ трактирѣ.	

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ ЖОРЖЪ, за нимъ АФОНЬКА несетъ два портфеля, наполненные бумагами.

ЖОРЖЪ.

Сюда все подай, вотъ къ столу..... поставь кресла по-покойнѣе.... Я буду заниматься....

АФОНЬКА, исподняя.

Не будутъ ли вамъ мѣшать? Сюда найдесть народу видимо-невидимо. Нашъ хозяйнъ не любитъ, какъ прійдется сводить счеты, а ему мѣшаютъ....

ЖОРЖЪ, съ презрѣніемъ.

Счеты!... мѣшаютъ!... *(Вынимаетъ изъ портфеля много чистыхъ тетрадей.)* Разрушайся вселенная, такъ не помѣшаетъ мои занятія. *(Раскладываетъ тетради.)* Здѣсь напишутся приключенія.... здѣсь замѣчанія.... очерки.... мои разсужденія....

АФОНЬКА.

Не подать ли вамъ чернилицу?

ЖОРЖЪ, въ размысленіи.

Для чего?

АФОНЬКА.

Счетъ, или что другое записать.

ЖОРЖЪ.

Не нужно. У меня все изложено здѣсь. *(Указавъ на лобъ.)* Кончу вояжъ, тогда изолью на бумагу.... Рѣдкое произведеніе!... Счастливый девятнадцатый вѣкъ!... Удивляюсь, какъ ни кому изъ вояжеровъ не пришелъ въ голову придуманный мною планъ для изложенія своего путешествія!.... Удивляюсь и тому, какъ наши журналисты.

читая въ газетахъ, что я ѣду за границу, не отнеслись ко мнѣ съ просьбою, о присылкѣ съ дороги моихъ статей для помѣщенія въ ихъ журналъ?... Но я не отдалъ бы и на вѣсъ золота!... (Схвативъ тетради, прижимаетъ ихъ къ сердцу.) Нѣтъ! это мое сокровище!... Слава моя!...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ЖОРЖЪ и КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, вошелъ при послѣднихъ словахъ.

Экъ привасъ какую кучу денегъ для вояжа!... Видно ма-тушкинъ сынокъ. (Ему.) Путь-дорога вамъ, молодой человекъ! По шаружности узналъ, что вы вояжёръ. А куда именно?

ЖОРЖЪ, важно.

Въ Европу.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Да это мы понимаемъ, что не куда вашего разбору людямъ дѣваться, какъ только въ Европу, да Европа-то вѣдь не изба, что ввалился въ нее, такъ и знаешь, что въ Европѣ. Она-то велика. Вѣдь и мы въ Европѣ.

ЖОРЖЪ.

Ну, такъ позвольте мнѣ говорить съ вами по-вашему же, прозаически.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Прозою, Бога ради, батюшка, прозою; стиховъ и вашей поэзіи на-смерть не люблю. Русскій человекъ, православный, бѣсовщины чуждаюсь. Такъ извольте ѣхать въ Европу? Похвальное дѣло. Съ какою цѣлью?

ЖОРЖЪ, съ жаромъ.

Цѣль моя?... Вотъ эти листы бумаги.... конечно, они еще чисты, но что напишется на нихъ?... Какія чувства, какія замѣчанія изольются изъ этой, нѣкогда неугасимымъ пламенемъ пылавшей души, изъ этого, разбитого людьми сердца.... О! здѣсь многое будетъ! многое узнаютъ Россіе....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Не по части ли винокуренія? Пожалуйте, выкажите

издать. У меня плохо вино идетъ. Жидъ-комонганъ пору-
уничаля....

ЖОРЖЪ.

Совсѣмъ не то. Русскіе узнаютъ о себѣ, увидать нѣтъ
моего изображенія каковы они доселѣ. Десять лѣтъ,
сударь, я наблюдаю за этимъ нестройнымъ созданіемъ, че-
ловѣкомъ, и знаю его хорошо. Могу все примѣнить....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Сколько же вамъ, батюшка, лѣтъ, отъ-роду?

ЖОРЖЪ.

Осемнадцатъ. Но не забудьте, я родился не въ вашъ вѣкъ,
Теперь ъду далѣе, обозрю все и вездѣ и что замѣчу, съезъ
закрышки изложу здѣсь... Читайте.... Но не я буду вино-
вать за точность изображеній. Слушая отъ меня горькія
истины, Русскіе отладутъ справедливость моимъ замѣча-
ніямъ, моимъ наблюденіямъ. Имъ странно покажется, что
человѣкъ, который не признанъ ими быть достойнымъ
званія дѣйствительнаго студента, такъ видѣлъ и такъ на-
писалъ, какъ нѣкто у насъ не видѣлъ и не писалъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, всторону.

Не велика же птица. Не цѣннѣе нуля. Однако жъ, ви-
дишь куда топоршится! (Ему.) Я, батинька, по моимъ лѣ-
тамъ, люблю все куріозное, такъ съ охотою возьму эк-
земплярнѣкъ, только безъ переплета. Такого роду книжка въ
листахъ гораздо полезнѣе. А какъ шмякно будущему ва-
шему сочиненію?

ЖОРЖЪ.

Да; о заглавіи я еще не думалъ. Надобно приличное.
(Разсуждая.) Путешествіе? Фи! обще, старо.... (Ходитъ
по комнатѣ и думаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

Тѣ же и ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА со всѣми дочерьми своими. Онѣ
входятъ толпою, отгѣсня одна другую, даже и мать, которая ста-
рается важничать.

ВСѢ ДОЧЕРИ, кричатъ каждый свое.

Вотъ печальное свиданіе! Кондратій Ивановичъ здѣсь!
Какими судьбами попалъ вы сюда, Кондратій Ивановичъ!

Вотъ и пореше, что случей правель часъ проснулись съ вами, добрый нашъ Кондратій Ивановичъ! Ахъ, шѣ я вижу? Мой почтенный кумаиць? Здравствуйте и прощайте, не споре достанется намъ видѣться!

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, бека говорить дочери, она не перерывала ихъ, говорить свое.

Ахъ, любовный куманѣкъ! Какъ хорошо сдѣлалъ, что выѣхалъ сюда, по-крайней-мѣрѣ промудрь съ добрыми сосѣдомъ и кумомъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, на привѣтствія дочерей не обращаетъ вниманія и всегда больше относится къ Лукерьи Ивановнѣ.

Куда же ты это, кума, собралась со всей саранчей своею, скажи, пожалуйста? Когда въ Кіевъ, похвально; а кабы въ Соловки, такъ я еще больше похвалилъ бы.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Что ты меня, батюшка, старишь и шлешь по богомольнымъ мѣстамъ? По моимъ лѣтамъ, я могу еще вполне наслаждаться жизнью....

Ж О Р Ж Ъ, ходя къ задумчивости.

Вздорь!... Нелѣпо!... Неприлично!...

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, вслушавшись, тихо Кондратью Ивановичу.

Что это, батюшка, за нахалъ такой?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, ей, также тихо.

Это, кума, философъ, размышляетъ о своемъ. Не уважай имъ и ты, какъ и всѣ. Скажи же мнѣ, на какую прогулку это вы собрались?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

На какую прогулку? Мы ѣдемъ...

ДОЧЕРИ, перебиваютъ мать, каждая своимъ фразамъ.

Мы ѣдемъ въ чужіе краи.—Ѣдемъ за границу.—Ѣдемъ воджировать.—Обѣздимъ Европу.—Увидимъ всѣ рѣдкости, въ Римѣ, Неаполѣ....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, съ большимъ удивленіемъ.

Ѣде-те за гра-ни-цу-у-у? (Стоитъ, наклонивъ голову, потомъ смотритъ на Лукерью Ивановну и протяжно, мед-

ленно спрашивается.) Кума! Скажи мнѣ, сдѣлай милость, за чѣмъ ты тащишься туда, гдѣ тебя не спрашиваютъ?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Смѣшной вопросъ! Когда всѣ, кто имѣетъ возможность, а много и не имѣющихъ способствъ, всѣ ѣдутъ, такъ почему же мнѣ отставать отъ другихъ?

ДОЧЕРИ, не давши ей договаривать.

Какъ? отъ чего же намъ не ѣхать? Почему намъ лишать себя удовольствія?

ФЕНИЮШКА.

Мы увидимъ все достопамятное....

АКСИНЬЮШКА.

Займемъ необходимое, чего Россія не имѣетъ, и передадимъ съ своими замѣчаніями.

МАТРЕНУШКА.

Изложимъ, напишемъ....

ЖОРЖЪ, занимаясь своимъ.

Очерки.... Замѣчанія.... все это будетъ вздоръ!

(Всѣ остановились, смотря на него съ изумленіемъ.)

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Не конфузьтесь его правдою. Къ сожалѣнію, онъ это еще не про васъ говоритъ. Продолжайте, продолжайте. Какую вы пользу извлечете изъ вашего вояжа?

АКУЛИНЬКА.

Станный вопросъ! Видимая польза для насъ. Мы все лучшее въ Европѣ узнаемъ, постигнемъ и привеземъ въ Россію.

МАТРЕНУШКА.

Напишемъ сперва теорію и потомъ будемъ руководствовать другихъ для приведенія въ практику.

ФЕТИНЬЮШКА.

Для этого познакомимся съ первѣйшими умами, съ знаменитыми писателями: Дюма, Бальзакъ, Ламартинъ, Жюль-Жаненъ.... и еще.... помнишь, та соеуг, что намъ всѣмъ нравился? Какъ-бышь его имя?...

ЖОРЖЪ.

Анахарсисъ!...

ФЕТИНЬЮШКА.

Ахъ, нѣтъ, совсѣмъ не то.

ЖОРЖЪ, подойдя къ нимъ.

Нѣтъ, точно Анахарисъ. Приличнѣ этого ничего не можетъ быть.

ФЕВНЮШКА, и нѣкоторыя изъ дочерей
Лукарья Ивановны пристають къ нему.

Что вамъ угодно? О какомъ Анахарисѣ вы говорите? Растолкуйте намъ, что вы хотите сказать?

ЖОРЖЪ, важно.

Изволите видѣть, я путешествую по Европѣ съ цѣлью.... о которой не могу еще ясно сказать....

МАТРЕНУШКА.

Ахъ, какой отличный молодой человѣкъ!

АКСИНЬЮШКА.

Это необыкновенное явленіе въ нашемъ вѣкѣ!

АКУЛИНЬКА.

Продолжайте, продолжайте; мы съ жадностью васъ слушаемъ.

ФЕВНЬЮШКА.

Ловимъ каждое ваше слово. И такъ, вы путешествуете...

ЖОРЖЪ.

Я сказалъ, что я путешествую съ цѣлью...

Нѣкоторыя дочки, одна за другою.

Мы тоже путешествуемъ — у насъ нѣтъ еще главной цѣли. Но, та воецг, кажется вы согласитесь на мое предложеніе?

ПРОЧІЯ, всѣ вмѣстѣ.

Ни за что въ свѣтѣ! ужъ если согласиться на твою идею, такъ лучше принять мою. Безподобная твоя идея! Просто бѣзтолочы!... И ты можешь такъ говорить, послѣ твоей глупости? (*Шумъ между ними.*)

АКСИНЬЮШКА, унимая ихъ.

Mais, mes vœux, finissez... вы и забыли, что разспрашивали объ Анахарисѣ....

Всѣ.

Ахъ, Анахарисъ, милый Анахарисъ. (*Бросаются къ Жоржу.*) И такъ, что же вашъ Анахарисъ? Продолжайте, вы такъ трогательно начали.

ЖОРЖЪ.

Я опишу свое путешествіе—и дамъ ему титулъ....

ДОЧЕРИ.

Знаю, знаю. Guide.... Очерки... Замѣчанія.. Наблюденія.... Взглядъ....

ЖОРЖЪ.

Ни то, ни другое. Я назову его просто, Анахарсисъ.

ДОЧЕРИ, въ восторгѣ.

Ахъ, Анахарсисъ!... Анахарсисъ!... *Мes vœux, sonne c'est touchant!* Удивительный человѣкъ!... Столько ума, воображенія!... Это гениі!...

ЖОРЖЪ.

Есть путешествіе....

ДОЧЕРИ, каждая одна къ другой.

Слушайте! слушайте! Пожалуйста молчите! Каждое слово его надобно ловить.... Говорите?

ЖОРЖЪ.

Есть путешествіе *младаго* Анахарсиса, я не хочу подражать. Я назову свой трудъ: Юный Анахарсисъ!

ДОЧЕРИ.

Юный Анахарсисъ!... Анахарсисъ! Ахъ! Ахъ! Это прелесть!... Юный! Поразительно! Трудъ! Надобно же избрѣсть такое слово! *(Окружаютъ и говорятъ съ Жоржомъ. Изъ нихъ одна Ульянушка не участвовала въ разговоръ, а всё смотрѣла въ окно.)*

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, до того говорившій съ Лукерьей Ивановной тако.

Послушай, кума! Все что ты ни говорила мнѣ, все это вздоръ, не зачѣмъ тебѣ ѣхать въ чужіе края. Смѣшно даже. Выслушай меня, какъ много я тебѣ ни наговорю. Ты знаешь, Лукерья Ивановна, что....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Нѣтъ, куманѣкъ, извини. Я уже не Лукерья Ивановна. Прощу оставить это.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, съ удивленіемъ.

Когда же ты переродилась и кто ты теперь такая!

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Рѣшась жить въ просвѣщенныя государства, къ образованнымъ людямъ, некрестительно было бы съ моей стороны, явиться туда Лукерьей, съ именемъ, которымъ нагредили меня мои старыки, не имѣвшіе вовсе европейскаго образованія. Устроивая свои дѣла къ волю, я на первое, на нѣя обратила свое вниманіе. Хороша я буду между Шарлоттами, Аделандами и другими децантными именами, буду метаться всѣмъ въ глаза, Лу-ке-рья! Точь-въ-точь ворона!... А тутъ еще и дочки утѣшили меня своими имлчками, которыми утѣшался мой покойный, глухой и капризный муженѣкъ. Сколью я не умоляла его, чтобъ понѣжилъ мой слухъ порядочнымъ именемъ дочки, такъ нѣтъ: въ который день родилась которая, въ то имя онъ ее и бухнетъ, да вотъ и оставилъ меня съ Фетиньей, Аксиньей, Матрѣною.... Пришлось исправлять все.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, лукаво.

Какъ же ты, кумушка, исправила эту неладницу?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

По порядку, примѣняясь къ европейскому вкусу. Я Лукерья—Лолѡ, а дочери: Фенюшка, у меня—Фозѡ; Матрѣнушка—Момѡ; Ульянушка—Жожѡ; Акулинушка—Кокѡ; Фетиньюшка—Фифѡ. Вотъ Аксиньюшкѣ въ-силу могла придумать приличное. Скажи, пожалуйста, правильно ли будетъ—Кикѡ?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, смотритъ на всѣхъ ихъ съ сожалѣніемъ.

Очень, очень все это вамъ прилично. *(Подумавъ и покачаетъ головою.)* Эхъ, кума! Много имѣлъ тебѣ сказать, да ужъ послѣ этого языкъ не пошевелится, вздохнешь и молчишь. Тебя уже никто не исправитъ. *(Махнулъ рукою и отошелъ всторону; пригорюнясь ходитъ.)*

ДОЧЕРИ, бросаются къ матери и говорятъ всѣ вдругъ, каждая свое.

Ахъ, мамаша, какой мы кладъ нашли! Вообрази, мамаша, съ нами выѣстъ волжируетъ сочинитель! Ахъ, какъ онъ напишетъ свой воляжъ! Ахъ, какой у него всеобъемлющій умъ! Какое счастье, что онъ съ нами ѣдетъ! Онъ много насъ обравуетъ. Это гений. *(Всѣ.)* Гений, гений!

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Видите, мои милыя, какъ все благопріятствуетъ нашему волю! Занимайтесь нѣтъ безпрестанно. Не улускайте ни малѣйшей его мысли, извлекайте для себя пользу. (*Подойдя къ Ульяшинькѣ.*) Ты вѣчно отстаешь отъ сестеръ, не принимаешь участія въ ихъ умственныхъ занятіяхъ. Посмотри, какъ они восторжены, найдя сродный себѣ умъ. А ты, у окна, что дѣлаешь?

УЛЯШИНЬКА, смѣшавшись.

Я..... я люблюсь природою....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Какая природа въ Россіи, да еще близъ трактира? Занялась бы литературою; книгъ нѣтъ, ну, вотъ перечитывала бы надписи на стѣнахъ. Смотри-ка, вездѣ исписано. Сколько найдешь блескокъ ума, затѣливыхъ выраженій, нестолкуемыхъ мыслей....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, ужъ если заниматься предлагаемыми вамъ надписями, такъ ужъ пусть лучше моя крестная дочка любитъ природою задняго двора въ трактирѣ....

УЛЯШИНЬКА, вдругъ вскрикнула-было.

Ахъ! Наконецъ... (*Печально.*) Нѣтъ!... Это не онъ!...

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ДИМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ.

ДИМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ, садясь у стола, вынимаетъ изъ-за пазухи тетрадь, располагается писать, разспрашивая у вошедшаго съ нимъ Аѳомьки.

Ну, хорошо. Запишемъ о хозяинѣ. (*Записываетъ карандашомъ.*) Теперь скажи мнѣ, какія у васъ цѣны за номеръ въ сутки, столъ на одну персону, порція чаю?... (*Продолжаетъ разспрашивать и пишетъ.*)

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ахъ, мои батюшки! Да вотъ еще воляжёръ. Никакъ весь свѣтъ вздурился? Кого ни увидишь, все это воляжёръ..... Ъдетъ за границу. Съ ними бывши, право боюсь, чтобы и на меня не нашла блажь, также воляжировать. Вотъ ужъ

этакой глупости никогда не сдѣлаю. (*Подойдя къ Дмитрію Матвѣевичу.*) Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь....

ДМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ.

Я?— я вояжёръ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, всторону.

Ну, такъ и есть. Соскочилъ съ разсудка, пустился за прочими. (*Ему.*) Куда именно изволите ѣхать и съ какою цѣлью?

ДМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ, Афонкѣ.

Иди, мой другъ, къ своему дѣлу, я призову тебя послѣ. (*Кондратию Ивановичу.*) Цѣль моего вояжа полезна для всего человѣчества. Перечитывая иностранные журналы и видя пустыя болтовни въ парламентахъ, палатахъ и вездѣ гдѣ введена представительная система правленія, я нашелъ средство все это переначить, привести въ единообразіе. И вотъ, съ моими наблюденіями, замѣчаніями, ѣду прямо въ Англію. Начавъ мой вояжъ, я съ мѣста узнаю цѣны на все и записываю для моихъ соображеній. Оттуда хочу начать преобразование, а объѣздивъ Европу и устроивъ по изобрѣтенному мною плану, подарю своимъ возвратомъ Россію и ожидаю, какъ торжественной себѣ встрѣчи, такъ и много трудовъ въ преобразованіи существующаго, здѣсь хаоса.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, всторону.

О! да это уже просто сумасшедшій!.. Свести бы ихъ съ тѣмъ, что еще готовится къ тому. (*Дмитрію Матвѣевичу.*) Мнѣ очень пріятно и назидательно было бы послушать вашихъ предположеній, но.... признаюсь... я не приготовленъ къ тому и все это еще темно для меня.... Позвольте мнѣ познакомить васъ съ этимъ господиномъ, также вояжѣромъ. Вы поймете другъ друга. (*Подходитъ къ Жоржу, который отошелъ отъ женщинъ и стоялъ задумавшись.*) Вы чѣмъ-то заняты? думаете о чемъ-то?

Ж О Р Ж Ъ, съ удивленіемъ поглядывая на него.

Умному существу не мыслить? Человѣку оставаться безъ занятія, безъ мышленія?

ДМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ, всторону.

А! вотъ умный человѣкъ. Узнаемъ его, покажемъ и се-

бя. (Подойдя къ нему, всорочитъ ослыно.) Ваши мыслительныя занятія, по обращеніи моего внимательнаго на васъ созерцанія, должны быть весьма и ограниченно опредѣлены. Васъ, конечно, занимаетъ планъ цѣля, для которой вы ѣдете.

ЖОРЖЪ, всторону.

Вотъ еще первый человѣкъ попался мнѣ, который такъ умно и красно говорить. Какой влады! (Торжественно.) Цѣль моя обширна. Я ѣду видѣть такихъ же по фигурѣ, по формѣ братьевъ моихъ, но одаренныхъ умомъ. Видѣть существъ понимающихъ себя, умѣющихъ жить, мыслить.... Ёду изучаться у нихъ всему; постигнуши же должное мыслящему существу, изложу все въ своемъ огромномъ сочиненіи, которому даю скромное названіе «Юный Анахарсисъ», возвращаюсь сюда, не для чего болѣе, какъ обучить, просвѣтитъ всѣхъ и довести Русскихъ до высшей степени образованія.

ДМИТРИЙ МАТЪВѢВИЧЪ.

Всякій горизонтъ имѣетъ свою опредѣлительность и на основаніи этой утонченности, мнѣ хотѣлось бы знать, гдѣ и у кого постигли вы планъ возгнѣздившейся въ васъ мудрости?

ЖОРЖЪ.

Мнѣ сказали, увѣрили, убѣдили, что университетъ открываетъ свѣтъ. Я ходилъ на лекціи, слушалъ и, подтвердите ли? Всѣ профессоры все изъясняли ложно. Я не выдержалъ, потребовалъ себѣ экзамена.... и что же? меня не признали дѣйствительнымъ студентомъ и — отказали въ дальнѣйшемъ ученіи. Меня!... Но они будутъ читать мой трудъ и — устыдятся. Изъ этого видите, что мой учитель, училище, университетъ..... адѣсь (указавъ на лобъ).

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ, между-тѣмъ хохотавшій тихо, подымаетъ дѣшныя.

Охъ, мѣчи нѣтъ! Послушайте Момо, Шошѣ, Троло.... кто васъ знаетъ, какъ кликать васъ! Идите, послушайте какъ говорятъ современные мудрецы.

Ф В Ы Ю Ш К А, оставляя сестеръ, бѣжитъ къ нимъ.

Ахъ, какъ они говорятъ!... Это золотыя слова!

А К С И Н Ы Ю Ш К А, также.

Ахъ, какія рѣчи!... сейчасъ печатать.

М А Т Р Ъ И У Ш К А, также.

Ахъ, я въ первый разъ слышу, что можно такъ говорить! Кто изъ нихъ говорилъ?

В Ъ К О Т О Р Ы Е.

Анахарсисъ, нашъ Анахарсисъ.

ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ.

Какъ наши свойственности, производя отъ союза мысленія, производятъ одно удостовѣреніе! Я не учился — въ такъ-называемыхъ училищахъ, хотя уже въ моей молодости, учреждены были они, но я вперился въ самого себя, окружилъ себя ученѣйшими книгами и избиралъ изъ нихъ одну принадлежность, составилъ себѣ идеалъ мысленія и за развитіемъ его, сиѣшу отъ толпы народа къ людямъ. Мой планъ объемлетъ всеобщность, и полезенъ будетъ нашему отечеству.

(Дѣвцы окружили ихъ и при каждой фразѣ восклицанія: «Ah, mes soeurs! какія истины! Ахъ, наконецъ мы слышимъ мудрость!»)

Ж О Р Ж Ъ, съ презрѣніемъ.

Отечеству? Чтѣ есть отечество? Гдѣ я нахожусь въ это время, тамъ мое отечество. (Восклицанія дѣвцы: Ахъ, какая новая мысль!) Люди—одно семейство; вселенная — домъ вмѣщающій его. Французъ, Русскій, Чухонецъ, Англичанинъ, Цыганъ, Италіанецъ — всѣ члены одного семейства, братья мои. (Восклицанія: Истина, неслыханная доселѣ истина! Жантльный Анахарсисъ! Душенька Анахарсисъ!) Если я вижу, что братъ мой постигъ жизнь, умѣетъ наслаждаться всѣмъ представляемымъ ею, я замѣстную у него, подражаю ему, иду съ нимъ рука объ руку: не разбираю, Жидъ ли онъ, Кадмыкъ, Татаринъ. (Восклицанія.) Но я это неажу современемъ на опытѣ. Голову эту самую, собственно мою, которая вѣрно чего-нибудь стоитъ, а для меня дороже всѣхъ сокровищъ въ мирѣ, се

предлагаю, если возвратись изъ Парижа, не далѣе какъ въ три года, вы и никто Россіи не узнаете. (Съ жаромъ.) Я, я берусь за это. Сказалъ и докажу.

(Восклицаніа: вѣрнѣе, вѣрнѣе, шагманъ, жантильнѣе, душенька Анахарсисъ.) Лукерья Ивановна то прислушивалась къ разговаривавшимъ, то занималась въ сторонѣ своимъ, а Кондратій Ивановичъ разговаривалъ тихо съ Ульяшиной, всё смотрѣвшею въ окно. Она съ уныніемъ рассказывала ему что-то и иногда утирала слезы. Жоржъ и Дмитрій Матвѣевичъ продолжаютъ говорить тихо съ большимъ жаромъ. Дѣвцы изъявляютъ восторгъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Вижу, мой другъ, Ульяшка, что плохо тебѣ. Увезутъ тебя за границу и, дай Богъ, чтобъ года черезъ два воротились. Ты исчахнешь..... Эхъ, кабы вотъ онъ прѣхалъ прежде дилижанса!

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А.

Ахъ, папаша! Я съ минуты на минуту ожидаю. Но что же вы сдѣлаете?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ужъ я придумаю.... употреблю все.... Да скажи ты мнѣ, какая главная причина, что не отдають тебя за него?

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А.

Я не знаю, но мамашенька почти давши уже слово, вдругъ раздумала и побожилась, что ни для чего и ни для кого въ свѣтѣ не согласится на наше счастье. А почему? не говорить.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, такъ не доспрошусь ли я у нея. (Подойдя къ Лукерья Ивановнѣ.) Послушай, кума, ты и не похвалишься, что за крестную мою дочь съискался достойный женихъ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Отличный молодой человекъ! И мнѣ очень жаль, что не могу выдать ее за него.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Почему же? Когда достойный человекъ, такъ не должно ни на что смотрѣть.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Но есть очень важное препятствіе.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Какое же именно?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Не могу сказать.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Какъ? и мнѣ не можешь сказать, крестному ея отцу, для котораго счастье ея такъ же дорого, какъ и тебѣ?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ и быть. Тебѣ точно, я должна сказать всю правду. Онъ человѣкъ съ отличными достоинствами. Ни родителей, ни близкихъ родныхъ, никого нѣтъ у него и отличное состояніе нераздѣльно все его; уменъ, скромнѣнъ. Такъ фамилія же его!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

А чтò же фамилія?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Такая что не соберусь съ духомъ сказать.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, да чтò тутъ такое? Я тебѣ кумъ, ты мнѣ кума, мы словно братъ и сестра. Да и мнѣ уже за-пятьдесятъ, тебѣ за-сорокъ. Рѣжь прямо, или на-ухо шепни.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Нечего шептать; оно не то, чтобы того.... Видишь, какая фамилія: Иванъ Никифоровичъ—а тутъ.... Рыло.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Такъ чтò же?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Тебѣ-то, кумъ, пичего, но каково материнскимъ нѣж-нымъ чувствамъ? Ну, положимъ, выйдетъ она за него; вышла и поѣхала съ визитомъ. Лакей доложить: госпожа Рыло пріѣхала. А вѣдь это будетъ моя дочь! А каково мнѣ отвѣчать на вопросы: ваша дочь Рыло? Да и мало ли чего подобнаго тому.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Эхъ, кума, какіе пустяки взяла ты себѣ въ голову! Мало ли есть какихъ фамилій, да нигдѣ онѣ нейдутъ въ

счетъ. Прежде отъѣзда въ чужую сторону, благослови ее, а я безъ тебя и свадьбу ихъ съиграю. Кстати, это кажется онъ пріѣхалъ? Видишь ли какъ Уляша встрепенулась?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Да, это онъ. Я позволила ему проводить насъ досюда и здѣсь проститься на вѣкъ. А отдаать, не отдамъ. Мои причины важны и неоспоримы.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

тѣ же и ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Съ нимъ занимаются Лукерья Ивановна, Уляшинька и Кондратій вановичъ. Дѣвцы все были около Жоржа и Дмитрія Матвѣевича.

Ф Е Т И Н Ь Ю Ш К А, Жоржу.

Скажите, monsieur Анахарсисъ... мы всё васъ зовемъ Анахарсисомъ..... вашъ трудъ, какъ вы правильно называете его, будетъ писанъ стихами?

Ж О Р Ж Ъ.

Да... Кое гдѣ... гдѣ душою возобладаютъ мрачныя мысли, тамъ, конечно, нельзя удержаться отъ порыва поэзіи. А мнѣ такъ много мрачнаго предстоитъ!..

ДИМИТРІЙ МАТВѢВИЧЪ.

Но при восторженности сосредоточенной въ абсолютности, когда эти самыя мрачныя идеи возобладаютъ помысленностью, тогда нашъ индивидуумъ, находясь въ самомъ себѣ и дѣйствуя на насъ чрезъ самого себя, обращается въ самобытность высипреннюю и тѣмъ рѣшаетъ самого себя.

Ф Е Н Ю Ш К А, Матрѣнушкѣ вполголоса.

Воля твоя, та боеуг, этотъ еще умнѣе и Анахарсиса: того я могу понимать, но этого никакъ не пойму что онъ скажетъ. Какіе умы!

МАТРѢНУШКА.

Какъ мы счастливы, бывъ окружены въ воляхъ такими геніями!

Ж О Р Ж Ъ, ходитъ въ размышленіи.

Я, или не вслушался, или не понялъ его разсужденія. Надобно изворотиться. (Ему.) Да..... конечно..... если взять въ соображеніе... Впрочемъ, я какъ-то смѣшанъ, занять мнѣ вожемъ.... и не могу.....

ДМИТРІЙ МАТВѢВВИЧЪ, съ самодовольствомъ.

Но и то надобно вамъ сказать, что никто не могъ отъвѣчать мнѣ на это, потому.... *(Разговариваютъ тихо.)*

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, Лукерья Ивановна.

Ахъ, кумушка, да ты теряешь много времени безъ пользы. Иди, послушай этихъ умниковъ; подобныхъ имъ только и найдешь между вашей братьей, волжерами. Оставьте насъ, мы вотъ съ Иваномъ Никифоровичемъ займемся рѣчью о хозяйствѣ, тебѣ скучно будетъ, а тамъ откроешь глубину премудрости.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! Наши ученые ведутъ какой-то горячій разговоръ. Займуся, послушаю ихъ и — навѣрное, много позанимствую для себя полезнаго.

Жоржъ и Дмитрій Матвѣевичъ ведутъ между собою разговоръ. Лукерья Ивановна съ дочерью изъясняютъ удивленіе, восторгъ, иногда вмѣшиваются въ ихъ сужденія. Ульяшишка всё всторонѣ, съ Кондратіемъ Ивановичемъ и Иваномъ Никифоровичемъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, Ивану Никифоровичу.

Вы видите, что ничего нельзя сдѣлать противъ ея глупаго предрассудка. Не прогнѣвайся, Ульяша. Одно средство я тебѣ, батинька, скажу — и оно необходимо. Ждать возвращенія ихъ изъ-за границы....

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Я умру до того!... Какъ мнѣ перенести такую долговременную разлуку?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Да таки, ничего. Что значать для здороваго мужчины два года?... Вѣдь не походъ ломать! Эхъ, вы, горе-богатыри! Посмотрѣли бы вы насъ, какъ мы влюблялись и страдали въ разлукахъ. Разстался съ своей милашкой, грустно, больно, ну, смерть, да и всё тутъ! Оглянулся сюда-туда, ужъ другая зазнобила сердце, пошли съ ней лады, а старое забыто. Вотъ такъ, батинька, поступай, такъ сохранишь свое здоровье, не исчахнешь, и такъ намѣчешься, что лишь на тебя взглянуть, а ты и растаялъ.

УЛЪЯНУШКА.

Вы всё шутите, папаша! Помогите намъ, научите насъ!...

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Нѣтъ крайности, на которую не рѣшился бы я въ моемъ горестномъ положеніи!

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Эхъ, правда твоя, правда. Былое дѣло и съ нами... Да и чего ей въ глаза смотрѣть? Слушай, Иванъ Никифоровичъ. Я ихъ тамъ всѣхъ заговорю, займу, а ты въ это время Уляшпшкѣ за руку, да и въ коляску... да и былъ таковъ!...

У Л Ъ Я Н У Ш К А, вскрикнувъ.

Папаша! ни за что на свѣтъ!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, передразнивая ее.

Ни за что на свѣтъ!... Ну, такъ вотъ ожидай. Сію минуту дилижансъ явится, матушка тебя схватятъ и не опомнишься, какъ очутишься въ какой-нибудь Германіи или куда васъ тамъ пелегкая несѣтъ. Слушай, Иванъ Никифоровичъ, слушай Уляша, крестная моя дочка! Вотъ вамъ мое благословеніе, женитесь, живите счастливо. Коли молодецъ, увези ее среди дня, изъ-подъ носу матери, въ глазахъ всѣхъ. Ты будешь дура, если не согласишься; плачься тогда на себя. Я пойду къ нимъ, а ты тутъ работай; послѣдствія беру на себя. Маршъ. *(Идетъ къ Жоржу и прочимъ.)*

У Л Ъ Я Н У Ш К А, ломая руки.

Ни за что въ свѣтъ!...

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Но посуды, милая!... *(Тихо уговариваетъ ее и потомъ, съ свое время, почти насильно уводитъ.)*

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Чего съ человѣкомъ не случается! Не думано не гадаю, попалъ въ любовную интригу. Продолжать, авось либо и удастся. *(Подойдя къ Жоржу и Дмитрію Матѣевичу.)* Чтò, господа?... Али совѣтуетесь, въ какихъ предметахъ усовершенствовать себя за границею и потомъ избрать службу? А?

ЖОРЖЪ, съ презрѣніемъ.

Службу? Животному свободному въ волѣ, въ желаніяхъ

неограниченному, подвергнуться зависимости? Какія запоздалыя понятія!

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Правда ваша, батюшка, правда! К чему животное въ службѣ? Мимо, долой его!

ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ.

И тѣмъ болѣе, что при устроеніи администраціи, уклоняющаяся популярность, сосредоточась въ предметъ индивидуальности, отвергаетъ.... Да!.. Какъ бы?... гениальную самостоятельность....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, всторону.

О творецъ мой! Эти же еще и не были за границею, а только собрались туда. Какъ-то заговорятъ они по возвращеніи? Ужъ не пуститься ли и мнѣ съ ними для образованія?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, куманѣкъ, какъ они здѣсь прекрасно говорили!....

ДОЧЕРИ.

Ахъ, какъ прекрасно говорили!....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

И всё о путешествіяхъ....

ДОЧЕРИ.

О путешествіяхъ говорили.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Объ опасностяхъ въ вояжѣ...

ДОЧЕРИ.

Объ опасностяхъ въ вояжѣ..... Да какъ страшно!.... ужасно!... невыразимо!

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, если бъ и ты согласился вояжировать! Сколько нашелъ бы прелестей въ пути!

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, всё поглядывая на Улиньку и Ивана Никифоровича.

Желаю другимъ благополучнаго пути.... но самъ, слыша отъ васъ же объ опасностяхъ, ни за что въ свѣтъ не поѣду.

ДМИТРИЙ МАТВѢВВИЧЪ.

Но опасность, если она не импровизированная, а какъ бы сказать..... специальная..... нѣтъ, реальная.... какъ бишь, субъективная....

КОНДРАТИЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, будь она хоть объективная, да всё же опасность. Не спохватившись, какъ и очутился на другомъ свѣтѣ....

ЖОРЖЪ.

Да. Это, точно, былъ бы переходъ въ другую жизнь.... внезапность поразила, изумила бы... и какой былъ бы эффектъ! Вдругъ, вижу все иное... я самъ уже не тотъ я... если только....

КОНДРАТИЙ ИВАНОВИЧЪ.

Да такъ, батинька, эффектъ-то эффектомъ, да какъ грѣшки-то осыпятъ тебя, такъ и радъ бы назадъ отъ эффекта убѣжать, да ужъ поздно.

ЖОРЖЪ.

Прекрасное разсужденіе читалъ я объ этомъ не далѣе какъ вчера! Какъ ясно изложены всѣ сомнѣнія, какъ доказана невозможность признаваемого многими. Умная книга эта успокоиваетъ насъ насчетъ мнимаго грознаго будущаго и разсѣиваетъ всѣ тревоги. Она рѣшительно развязываетъ всѣмъ руки на все и примиряетъ насъ съ тревожащимъ прошедшимъ.

КОНДРАТИЙ ИВАНОВИЧЪ.

Все такъ. Безподобная книга! Но..... вотъ схватили дупельку за обѣ руки. .. она упрямится.... а ее ведутъ.... ведутъ.... и бухъ за дверь!... *(Все это Иванъ Никифоровичъ дѣлалъ съ Ульшей.)* Ура! ищите, а слѣдъ ее простылъ... Такъ-то говорится, но вы, умные люди, знаете больше нашего, куда намъ за вами! *(Слышенъ рожокъ.)* Да вотъ вамъ и дилижансъ готовъ. Прощайте, до свиданія.

ДМИТРИЙ МАТВѢВВИЧЪ.

Къ мыслямъ моего товарища по путешествію, но соперника по идеямъ, я хочу вамъ добавить, что сомнѣніе, возраждающееся отъ сознательности преднамѣреній, не всег-

да выходить удобообразнѣшимо въ-отношеніи нравственности. Понимаете?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Хоть сейчасъ убейте меня, если я хоть что-нибудь могу понять. Да и передъ вами вся эта мудрость. Вы себѣ въ дорогу, я себѣ въ другую. Ну, кума, счастливаго пути!

ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ, всторону.

Мудрено ему понять меня, потому что этакой умной рѣчи и я не ожидалъ отъ себя.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну же, дѣти, собирайтесь; сейчасъ ѣдемъ.

ДОЧЕРИ.

Ахъ, ѣдемъ, ѣдемъ.... сейчасъ ѣдемъ.... собирайтесь!...
(*Всѣ суетятся.*)

МАТРѢНУШКА.

Да гдѣ же наша Жожѡ? У нея мой ключъ....

ПРОЧІЯ.

Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ Жожѡ?... Гдѣ Жожѡ?... Жожѡ!... Жожѡ!....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Какъ? Одной изъ васъ нѣтъ! Остановитесь.... я осмотрю.... Такъ, именно, одной нѣтъ.... и точно Жожѡ.... Гдѣ Жожѡ?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, взявъ шляпу.

Буря начинается, уйти по-скорѣе...

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

Затруднительно вамъ будетъ ѣхать, если почтенно вамъ доложу... Семь персонъ записано по всѣмъ книгамъ, а въ натурѣ оказывается шесть.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ что же, батюшка?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

То именно, что выѣхать вамъ нельзя, нѣтъ одной особы—и она уже далеко....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Такъ точно: моей Жожѣ нѣтъ! Куда же она уѣхала?

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЬЧЪ.

Почтительно не можемъ вамъ доложить куда; а съ кѣмъ? такъ мы это видѣли. Ее изволилъ препроводить въ коляску тотъ самый молодой человѣкъ и самъ уѣхалъ съ нею.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, это Иванъ Никифоровичъ! Куманѣкъ, любезный! Помоги нарядить погоню....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Съ умомъ ли ты, кума? Могу ли я что сдѣлать въ чуломъ мѣстѣ? Кого пошлю и кто послушаетъ меня? Вернись лучше сама и поѣдемъ со мной догонять.

ДОЧЕРИ.

Ахъ, какъ можно воротиться! Ни за что въ свѣтъ!

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, какъ я офрапирована!

ДОЧЕРИ, повторяютъ.

Ахъ, какъ мы офрапированы! Посуди, та зоеиг! Слышшь, та зоеиг!

(Толкуютъ между собою.)

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Да и ѣхать же вамъ не можно. Слышите ли, у васъ недостаетъ одной особы.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, какое жестокое положеніе!... Мнѣ нельзя ѣхать за границу!

ДОЧЕРИ.

Намъ нельзя вояжировать? Поггеиг!... malheur!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Вернись, кума; займись, устрой счастье дочери....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, въ большомъ гнѣвѣ.

Не хочу!... Пусть она сама себя устроиваетъ. Какъ она смѣла помѣшать намъ ѣхать за границу?

ДОЧЕРИ.

Какъ смѣла помѣшать намъ вояжировать? Она злая!... Погубила насъ!...

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ.

Средины и выбора нѣтъ. Ъхать тебѣ нельзя. Воротись, кума!

ЛУКЕРЬЯ ІВАНОВНА.

Есть средство помочь всѣмъ намъ. Куманѣкъ! милый, любезный! поѣзжай съ нами.

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ.

Куда?

ЛУКЕРЬЯ ІВАНОВНА.

За границу.

Д О Ч Е Р И.

Поѣзжайте съ нами.... выкупите насъ изъ бѣды! cher!... joli!.... charmant!....

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ.

Что, вы меня въ такіе же дураки записать хотите, какъ и вы? Кчему мнѣ ъхать въ чужіе края? я еще сохранилъ рассудокъ.

ЛУКЕРЬЯ ІВАНОВНА.

Нужды нѣтъ. Хотя безъ разсудка, только поѣзжай, стань на мѣсто погибшей Жожд. Дѣти, просите!

Д О Ч Е Р И, бросаются къ нему.

Сдѣлайте милость! пожалуйста! мы васъ просимъ! Выведите насъ изъ бѣды! Не лишите насъ удовольствія быть въ Римѣ.... въ Неаполѣ.... въ Парижѣ....

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ, отдѣлываясь отъ нихъ
то направо, то налево.

Не хочу!... Не могу!... ни за что!... Дуракъ я вамъ, что ли?

ЛУКЕРЬЯ ІВАНОВНА, съ дочерьми окружили его
и упрасиваютъ.

Ну, пожалуйста! Войдите въ наше положеніе!... Иначе мы и за границую не будемъ.... Вы насъ уморите!... Ахъ, что съ нами будетъ? Ахъ!.... ахъ!

КОНДРАТІЙ ІВАНОВИЧЪ, освободясь отъ нихъ,
призадумался.

Ну, что мнѣ съ ними дѣлать? Характеръ мой такой мягкій, чувствительный.... За что я запишусь въ дураки и

туда же за прочими пушусь таскаться изъ края въ край?.. Да ностой же; какъ ѣхать безъ всего? Со мною здѣсь ничего нѣтъ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, дочери ей вторять.

И не нужно ничего. Въѣдъ мимо твоего дома ѣхать, заѣдешь, деньги возьмешь и больше ничего не надобно.

ЖОРЖЪ.

Я васъ могу увѣрить, что у пресвѣщенныхъ народовъ, съ деньгами, вы тутъ же найдете все что нужно вамъ.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Такъ вотъ что? А у насъ, въ непресвѣщенной, необразованной Россіи, ищутъ случая одолжить заѣзжаго человека, хоть у него нѣтъ ни гроша. Какое варварство! а?

ЖОРЖЪ.

Ваша Россія отстала отъ человѣчества болѣе нежели на полвѣка. Вы это увидите на опытѣ, когда поѣдете съ нами. Ахъ, сколько вы увидите рѣдкаго....

МАТРЕНУШКА.

Изящнаго....

АКУЛЕНЬКА.

Совершеннаго....

ФЕНЮШКА.

Восхитительнаго.....

ФЕТИНЬЮШКА.

Чудесно-прекраснаго....

АКСИНЬЮШКА.

Волшебно-обворожительнаго....

ДМИТРИЙ МАТВѢВВИЧЪ.

Кромѣ прелестей изящной природы, вамъ предстанеть на взоръніе.... все.... то есть, много такого.... что вы увидите сами....

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, дочери вторять.

А болѣе всего, что какъ много одолжишь насъ!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, подумавъ.

Эка, подумаешь... Что за манія нашла на людей .. (Еще подумаетъ.) А что же? Можетъ и взаправду такого нагложусь, что и самъ доволенъ буду. Вѣдь то чужіе края. Кума!... Была-не-была, вѣду. Прельстили, обаяли вы меня.... Пусть назовутъ дуракомъ.... смѣлся надъ другими, теперь самъ дурачусь. Давай, кума, руку; и я туристъ. Пойдемъ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Постой, топ шаг!... Первое условіе, вѣдемъ за границу, должно вести себя по-европейски. Не зови меня ни кумой, ни Лукерьей, а вѣжливо кличь: Лолд.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Экая ахинея у этихъ вояжеровъ! Ну, а меня, изъ православнаго Кондратія, какъ переименуете? Дро-дрд, что ли?

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ну, тамъ придумаемъ. Пойдемте, дѣти!

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, идучи за ними.

Э-э-эхъ!... Участь моя кака!... Неволя скачетъ, неволя плачетъ, неволя за границу везетъ. Э-э-эхъ!

(Слышенъ рожокъ. Занавѣсъ опускается.)

—

Э П И Л О Г Ъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ, хозяинъ трактира.	ДУНЯША, горничная ея.
МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, поварница.	ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ РЫЛО.
АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, дочь ея.	УЛЪЯШИНЬКА, жена его.
ДОКТОРЪ при ней.	ЖОРЖЪ, молодой человекъ.
АЛЕКСИСЪ, молодой человекъ.	КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, поварница.
ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, поварница.	АФРОСИНЬЯ МАРКОВНА, поварница.
ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, поварница.	ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, поварница.
НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, поварница.	ФЕНЮШКА, } дочери ея.
ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ, поварница.	АКСИНЫЮШКА, }
СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, жена Троима Федоровича.	МАТРЕНУШКА, }
НАТАША, дочь ихъ.	АКУЛИНУШКА, }
БАЗИЛЬ, кузнецъ ея.	ФЕТИНЬЮШКА, }
НАСТАСЬЯ ЛУКШНА, поварница.	ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ, среднихъ лѣтъ поварница.
	АФОНЬКА, слуга въ трактирѣ.

—
Атрактъ два года.
—

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

АФОНЬКА одинъ.

О, да и разбогатѣлъ же нашъ хозяинъ! И не мудрено: обдуваетъ проѣзжихъ господъ, порченное продаетъ за свѣжее, дешевое за дорогое и лупитъ съ нихъ денежки. Ужъ никого такъ не легко надувать какъ этихъ, ѣдущихъ въ чужія земли. Бранять насъ и все наше, да безъ толку и платять, что ни спросишь. По ихъ-то милости, и я, глядя на хозяина, то лукава, то плутуя, зашибъ копейку.... (Тащитъ изъ кармана суму.) Вотъ, ровно два рубля сорокъ копѣекъ. Это же въ два года, а какъ еще лѣтъ десятокъ поведу себя такъ, да еще можетъ и похитрѣе, такъ, чего добраго, наберется до десяти рублей. Эка пропасть денегъ!... А пока, дай-ка и на эти погулять.... да какъ?... Да вотъ какъ, по-барски: отправлюсь-ка и я въ чужія земли. Да такъ прямехонько пойду въ Степковку, что вотъ верстъ восемь отсюда.... И чего-то я тамъ не наглажуся!.... Накуплю себѣ всего: пряниковъ, орѣховъ.... збитню напьюся по самое горло.... Гулай, Афоня, въ чужихъ земляхъ!....

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ РЫЛО, жена его и **АФОНЬКА**.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Скоро ли ожидаютъ дилижансовъ?

АФОНЬКА.

Да уже четыре прокатило вонече утромъ.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Туда, къ границѣ!

АФОНЬКА.

Вѣстимо. А что народу отъ насъ повезено въ чужія земли, такъ видимо невидимо! И всѣ бранять свое, ѣдутъ чужимъ любоваться.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Увидимъ впоследствии. (*Женъ.*) Ты, милая, не отдохнешь ли пока въ ожиданіи приѣзда маменьки?

УЛЪЯШИНЬКА.

Не могу, другъ мой! Въ страшномъ безпокойствѣ!... Нетерпѣніе сильное видѣть маман и сестерь.... но боюсь показаться на глаза.... послѣ того что я сдѣлала.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Не тревожься слишкомъ. Ты знаешь сердце маменьки... одна минута, а потомъ она все забудетъ и благословитъ насъ. Я ожидаю хорошаго и отъ нечаянности, что она найдеть насъ здѣсь. Ты хорошо придумала, чтобы вмѣсто того, чтобы выслать имъ экипажи, самимъ встрѣтить ее и въ томъ же мѣстѣ, гдѣ мы разстались съ нею.... Но вотъ, кажется, и дилижансъ.... (*Смотритъ въ окно.*) Нѣтъ, это на перекладныхъ.... Какіе-то мужчины....

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

тѣ же, **БАЗИЛЬ**, **АЛЕКСИСЪ**, **ЖОРЖЪ**, **ДМИТРІЙ МАТВѢВВИЧЪ**.
Всѣ они одѣты съ большою утрировкой, по-парижски, кто въ блузѣ, странномъ сюртукѣ; прическа, шляпы, все на нихъ необыкновенное.

БАЗИЛЬ.

Можно бы, кажется, намъ и отдохнуть.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Откуда, господа, изволите ѣхать и куда?

ВАЗИЛЬ.

Въ разныхъ стороны.

ЖОРЖЪ.

Я..... въ Вятку.....

АЛЕКСИСЪ.

Я въ Оренбургъ..... образовывать Калмыковъ.

ВАЗИЛЬ.

Чортъ побери!.... Я въ Красноярскъ.... Уфъ!...

ДМИТРИЙ МАТВѢЕВИЧЪ.

А я въ деревню: буду жить дома, не выѣзжать ни куда, не принимать никого и не писать никому, но это будетъ..... пока моя организація прійдетъ въ формулярную стройность.....

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Не завидно ваше положеніе!...

ВАЗИЛЬ.

Да, вѣхота пришлось воротиться изъ царства наслажденій.....

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Вы в костюмѣ своемъ будете отличны между Русскими.

АЛЕКСИСЪ.

Ну, едва-ли!... Подобныхъ намъ можно найти десятки...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТЪ ЖЕ, ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ, СТЕПАНИДА ИВАНОВНА ЖЕ
НАТАША.

Трофимъ Федоровичъ, по обыкновенію, стоитъ въ углу.

Степанида Ивановна, снимая шляпу и оправляясь.

Наконецъ, избавилась я отъ этихъ дилижансовъ и несноснаго общества въ нихъ! (*Мужу.*) А ты чего сталъ? Справься, здѣсь ли наши экипажи, такъ скорѣй уложиться и ѣхать.....

ТРОФИМЪ ФЕДОРОВИЧЪ.

О, Боже мой!.... еще ѣхать?.... А куда еще ѣхать?....

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Не ваше дѣло. Васъ повезутъ и вы не спрашивайте куда.

ТРОФИМЪ ОБОДРОВИЧЪ, восторону.

Куда-нибудь, лишь бы не въ чужіе края!... (Уходитъ.)

НАТАША.

Мaman!.... это, кажется, кузень?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Онъ долженъ быть..... но какъ странно одѣтъ.... Cher Basile! ты ли это?

БАЗИЛЬ, холодно.

Я.

НАТАША.

Ахъ, кузень! Чтò ты это надѣлалъ съ нами?

БАЗИЛЬ, также.

Ничего особеннаго.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Какъ, ничего?... Ты насъ разорилъ, нанесъ намъ непри-
ятности.....

БАЗИЛЬ, также.

Не гнѣмъ ли, что забралъ у васъ всѣ деньги въ Пари-
жѣ? Но посудите: мнѣ нечѣмъ было жить вовсе: въ кругу
моихъ тамошнихъ знакомыхъ.... Вотъ я сошелся съ ними,
и какъ мнѣ нечѣмъ было поддержать себя въ такомъ об-
ществѣ.....

НАТАША.

Конечно, филантропическомъ?

БАЗИЛЬ.

Тамъ ужъ какъ хочешь разумѣй, но мнѣ нужны были
деньги, и какъ у васъ ихъ было много, такъ я и взялъ...

НАТАША.

Какой ужасъ! а ты не стыдншься?

БАЗИЛЬ.

Чего? Это между своими позволительно.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Но насъ оставилъ безъ копѣйки.....

БАЗИЛЬ.

Пустое, ma tante. Вы, кое-какъ перебились, пока вамъ
слова выслали.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Да чего мнѣ это все стоило? Всѣ вещи продала лишь на
содержаніе и не могла явиться нигдѣ въ томъ блескѣ какъ

располагала, а оттого и таланты Наташины въ наукахъ и искусствахъ остались незамѣченными. Самое замужество ея не устроилось вовсе и всѣ мои надежды и планы лопнули черезъ тебя, именно черезъ тебя!

ВАЗИЛЬ.

Я и не спорю въ томъ. (*Закуриваетъ сигару и отворачивается.*)

НАТАША.

Ахъ, какой человекъ! Я умоляла васъ, паша, не ѣздить за границу. Ну, что мы видѣли тамъ? Ровно ничего, а разорились совершенно.

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ, жентъ.

Слышишь ли, Улинька? Вотъ съ такими-то разсужденіями многіе возвращаются изъ чужихъ краевъ.

УЛЬЯШИНЬКА.

Боюсь, что и мамаша то же скажетъ.

АЛЕКСИСЪ, Базилю.

Comme vos parents sont drôles! (*Смѣются оба.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ, НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА и ДУНЯША. На рукахъ у нихъ по двѣ собачки.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Осторожнѣе, Дуняша, съ Пшикою. Лапка у ней не поджила. (*Ласкаетъ собачку.*) Отдохнемъ немного и поѣдемъ. О! какъ бы скорѣе домой!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Эта дама, кажется, знакома. Точно. Я имѣла удовольствіе ѣхать съ вами вмѣстѣ изъ Россіи за границу, года два назадъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Такъ точно, матушка. Доѣхали до какого-то мудреного города.... не вспомню.... тутъ мы и разѣхались.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Были въ Парижѣ—и долго ли прожили?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Куда, матушка! И понюхать Парижа не досталось.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, всторону.

Легче мнѣ. (*Ей.*) Чтò же вамъ помѣшало?

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Навязался мнѣ, матушка, этотъ всесвѣтнѣйшій надувало, какой-то Леонтій Яковлевичъ — и кто онъ такой и откуда, велегая его знаетъ! Онъ взялся возить меня по городамъ и всѣ диковины показывать, а компаньонки мои, вотъ тѣ Нѣмки изъ разныхъ государствъ, что ѣхали со мною, должны были по-свѣдому это все переписывать, да по-мѣстному мнѣ пересказывать, а я, воротясь, всѣмъ бы выдавала, что это я-моль видѣла и замѣтила. Что же, матушка? Вотъ и прѣѣхали мы въ этотъ мудренѣйшій нѣмецкѣй городъ; онъ и остановилъ меня. Съ утра до утра пропадаетъ, говоритъ, осматриваетъ-моль рѣдкости, а я съ-глузу, вѣрю и ожидаю, не дѣлаю визитовъ къ первымъ дамамъ, всё жду пока онъ все высмотритъ. Какъ тутъ.... сошла одна компаньонка, снесла довольно кое-чего; за ней другую сманилъ какой-то князь — и та обобрала меня тайкомъ. Третью взяли въ ихнюю полицію — и какъ въ воду по сей день въ моемъ платьѣ и съ моимъ зонтикомъ. Гляжу, ко мнѣ солдаты въ домъ, обыскиваютъ меня, навезла я-моль фальшивыхъ картъ. Мое ли это дѣло?... Что же, вѣдь нашли. Проклятый онъ, надѣлалъ всякихъ мошенническихъ картъ и на нихъ обигрывалъ всѣхъ. Его подмѣтили, схватили, выслали обратно въ Россію, а меня держали, держали, судятъ не судятъ и домой не отпускаютъ, Заплатила много за своего Леонтія Яковлевича и въ силу нашла съ чѣмъ обратно подняться. Вотъ тебѣ и вояжъ! И другу и недругу закажу. А тутъ на бѣду. Блэкъ простудился, околѣлъ; Жужу украли; достала себѣ вотъ Пипку и везу, какъ обгоняетъ меня Фекла Степановна, смѣется надо мной. Чай давно дома, пересказываетъ все, а я засяду въ-дурахъ. Такъ вотъ наши вояжи каковы!

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, съ насмѣшкой.

Но гдѣ же всѣ ваши прелестныя платья, которыми вы хвалились дорѣгою, вещицы?...

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Все сбыла за безцѣнокъ, какъ пришла нужда. *(Говоритъ съ Степанидой Ивановной тихо и ласкаетъ собаку.)*

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Ты же, НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, а потомъ ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Высотъ съ дилжансомъ, протай мое наслажденіе!...
О, Франція!... о, Парижъ!...

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ, пододвигъ къ нему.

Конечно, онъ оставилъ вамъ пріятное о себѣ воспомина-
ніе?

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Я жилъ тамъ, что называется жизнью, которой де-
сяткой доли нигдѣ нѣтъ. Вообразите, я обѣдывалъ въ
лучшихъ ресторацияхъ, но какъ меня кормили? На удив-
леніе эта французская кухня! Я объѣзжалъ Европу и про-
тивъ всѣхъ спорить буду, что одна Франція вѣсть, а
прочія—ничто. Я много усовершенствовалъ нѣкоторыя
блюда открытіемъ....

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Много ли вамъ стоило путешествіе?

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Давъ два года.... тысячъ за тридцать.... Но за то, что
я ѣлъ и какъ ѣлъ? Осталось ли что, чего я не ѣлъ въ
Парижѣ? Нѣтъ! Поуправлялъ съ доходами по имѣнію, ѣду,
опять ѣду. Въ Россіи я умру съ-голоду.... Не угодно
ли, я закажу здѣсь блюдо, одно только блюдо, но по-мѣ-
ду.—и вы объѣдитесь. (*Убываетъ и по временамъ припа-
даетъ оуеть.*)

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, восторгъ на послѣдніе
слова.

Эка ебжора! Онъ только затѣмъ и ѣзжалъ, чтобы ѣсть;
путнаго ничего не замѣтилъ!

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ.

Вотъ вы, полагаю, много нашли тамъ любовитнаго?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Какъ же иначе. За границею, да не найти любовитна-
го? Кто съ чѣмъ ѣдетъ, а я, батюшка, все видѣлъ и все
замѣтилъ. Во-первыхъ, тамъ все не то, что здѣсь у насъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Помилуй, батюшка! Тамъ точнѣхонько все то же. Горо-
да, строенія, земля, воды, все точнѣхонько какъ и у насъ.

Только люди не такъ одѣваются и не такъ говорятъ какъ мы. Такъ для этого не стоило бы тратить столько денегъ и ѣздить такъ далеко.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Что вы говорите? Изъѣздили ли вы столько какъ я? Въ какихъ я государствахъ ни былъ! Я былъ и въ томъ городѣ что двѣ тысячи лѣтъ былъ въ землѣ..... Не помню какъ называется. Пропастъ, батюшка, городовъ объѣздилъ, только всѣхъ не припомню по названіямъ; какъ въ немъ, такъ и помнишь, а выѣхалъ и забылъ. Только ужъ и тамъ народъ обрусѣлъ. Я, знаешь, изъ амбицій, платилъ всегда щедро; сыпну и жду услышать *voire altesse* или по-крайней-мѣрѣ *prince*, такъ куда! Изъ мусье не выведутъ, чортъ ли въ этомъ мусье. И въ Россіи меня рѣжутъ благородіемъ. Зачѣмъ ѣздить того не добкая. Обрусѣли, вездѣ люди обрусѣли.

ДМИТРИЙ МАТВѢЕВИЧЪ.

Но вы были ли въ англійскомъ парламентѣ, въ французскихъ палатахъ? Несравненный Тіеръ, безсмертный Гизо, всеобъемлющій Пиль...

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Нѣтъ, батюшка, этихъ не видалъ, а въ театрѣ-то бывалъ: вотъ ужъ пальчики обсосешь. Показывали Тальони. Вотъ это штука, а особливо какъ она сдѣлаетъ вотъ такъ.... (*Притренивается.*) Прелестъ! я не могу такъ потрафить, а она это дѣлаетъ мастерски. Пожито, могу сказать. Ни одного дня въ воажѣ не скучалъ, всегда находилъ надъ чѣмъ раскохотаться. Не жалѣю объ издержкахъ.

АЛЕКСИСЪ.

Изъ шампанскихъ, какое вы предпочитаете?.. Испытали ли вы всѣ роды ихъ?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Я, батюшка, не изъ ученыхъ, а сужу просто. То изъ нихъ изящнѣе, котораго больше войдетъ въ покаръ. А?... каково?.. Вотъ и я наметался отпускать каламбуры, что ли, по-вашему.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА, Василию вполголоса.

По твоей милости, я между ими, какъ-будто и ногой не была за границей. Всѣ говорятъ, всѣ описываютъ что за-

мѣтлѣ, что видѣли въ чужихъ краяхъ, а мнѣ стыдно похвалиться, что была, да въ чужихъ стѣнахъ просидѣла.

БАЭИЛЬ, съ насмѣшкой.

Такъ не угодно ли вамъ препровождать меня въ мой волажь? (*Молодые люди смѣются.*)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

тѣ же и ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ. У него во всѣхъ карманахъ разные свертки въ бумагѣ Его провожаетъ ПАРАМОНЪ МИХАЙЛЫЧЪ.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Я васъ тотчасъ узналъ по мавританской башнѣ, помните?

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Съ которой ты слетѣлъ и, если бѣ не я, такъ лишился бы ноги.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Не о томъ рѣчь. Но вотъ что. Мнѣ ее всей прибрѣсти нельзя, я издержался много въ чужихъ краяхъ. Вотъ со мною всѣ мои сокровища. Это копыто того коня, на которомъ Бонапартъ сидѣлъ въ Ватерлооскомъ сраженіи. Тутъ завернуть истинный зубъ Семирамиды. Мы знаемъ, что его есть одинъ экземпляръ только, и я, я прибрѣлъ его! Тутъ песокъ изъ аравійскихъ степей, которымъ засыпало въ 1348 году.....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, удерживалъ его.

Разскажешь намъ все дома въ твоёмъ чудесномъ кабинетѣ.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Да, прошу пожаловать ко мнѣ: есть чѣмъ полюбоваться. Но прежде мнѣ надобно прибрѣсти вотъ эту картину... Видите ли, господинъ смотритель замка, я ничего не забылъ! А отъ башни, я пока беру одну доску. Поговоримъ объ условіяхъ. (*Говоритъ съ Парамономъ Михайлычемъ тихо.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

тѣ же и АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, ее ведетъ докторъ, за нимъ едва идетъ МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, усталая и съ тростью.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Браво! какое здѣсь собраніе!... Отдыхъ можно прове-

сти пріятно.... (Увидя Алексиса.) Ахъ, измѣнникъ!... Ты здѣсь?

А Л Е К С И С Ъ, холодно.

Какъ видите; но уже не къ услугамъ вашимъ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Вспомни....

А Л Е К С И С Ъ, со смѣхомъ.

Право, почти уже ничего не помню.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Жестокій человѣкъ!... но..... докторъ.... мнѣ дурно....
осмотрите меня....

Д О К Т О Р Ъ, держитъ ее за пульсъ.

Гмъ!.. Да!.. излишнее движеніе... но.... мы знаемъ....

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я слабѣю.... Алексисъ.... поддержите меня.....

А Л Е К С И С Ъ, закуривая сигару.

Некогда. (Хочетъ.)

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА, усѣлась-было, но съ
трудомъ встала, спѣшитъ къ ней.

Что ты, моя милая, скажешь? Тебя знать закачало? При-
лягъ, отдохни.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, улегшись на диванъ.

Докторъ около нея.

А ты, шатап, здѣсь? Какъ тебѣ не совѣстно не поза-
ботиться о твоей дочери! Бѣги, справься, здѣсь ли мой эки-
пажъ? Скорѣе уѣду, не хочу дышать однимъ воздухомъ
съ этимъ злодѣемъ!

МАЛАНЬЯ КАРПОВНА.

То ужъ истинный злодѣй! И какъ-будто ни въ чемъ
не бывалъ!... Побѣгу справляться. Ужъ когда-то я успоко-
юсь!.. Буду помнить чужіе края! (Шатаясь уходитъ.)

В А З И Л Ъ, Алексису.

Не изъ ошибшихся ли въ своихъ надеждахъ?

А Л Е К С И С Ъ.

Она? Не помню только счетомъ которая. (Хочутъ оба.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ТѢ ЖЕ И АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Ахъ, какъ кстати я поспѣла. Здѣсь происходитъ что-

то ужасное..... Нѣтъ ли убійства?... Женщина умирающая.... На всѣхъ злодѣйскія лица.... крови не видно.... Жаль!

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Не поздравить ли и васъ, матушка, съ благополучнымъ возвращеніемъ на родину?

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Возвращаюсь, но поздравлять не съ чѣмъ. Я ни въ свой вояжъ очень неудачно.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Какъ такъ?

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Очень просто. Я была за границей, объѣхала всѣ знаменитые города и мѣста и—завсѣмъ тѣмъ, бывши вездѣ, видѣвши все, я ничего не видала.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Странно!—Отчего же это?

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Я искала сильныхъ ощущеній, я желала почувствовать наслажденіе отъ сильнаго потрясенія...

НАСТАСЬЯ ЛУКИШНА.

Стало, матушка, васъ не опрокидывали съ экипажемъ?

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Все это испытала, но это такъ просто, что я только чувствовала боль въ головѣ.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА, лежа на диванѣ.

Счастливица!.... Васъ не оставилъ неблагодарный!

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

И это было, но произошло и кончилось очень просто: обыкновенные упреки рѣшили все, къ прискорбію моему!

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ, въ то время тутъ же хлопочетъ, отбираетъ у хозяйки изъ шкафа разные специіи для кушанья.

Неужели вы никогда не обжигались горячимъ соусомъ или супомъ?

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Всего меньше.

АЛЕКСИИ СЪ.

Наужели вы не были въ театрѣ?...

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

И не видали знаменитой Рашель?

АФРОСИНЯ ИВАНОВНА.

Что мнѣ все это? Я видѣла все лучшее, изящное — и
убыла. Ничто не потрясло души моей.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Но, признаюсь, на пароходѣ, развѣ мертвая душа не
дрогнетъ. У, страшно! шумъ, трескотня! Я, бывало, тот-
часъ усну. Невозможно, не вынесетъ душа человѣческая
такого шуму!

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Все это очень обыкновенно. Я искала случая, чтобъ его
взорвало, или бы онъ загорѣлся, чтобы въ то время ви-
дѣть различіе ужасовъ на лицахъ всѣхъ. Театры? Они
такіе же какъ и вездѣ. Вездѣ музыка, говорятъ, поютъ,
танцуютъ. Но у сосѣда моего, Григорья Петровича, я каж-
дый разъ была съ большимъ наслажденіемъ. Не проходить
ни одинъ спектакль, чтобы или кулиса не упала, или лампа
не лопнула, и какъ при этомъ всегда доставалось кому-ни-
будь изъ дѣйствующихъ лицъ, то душа моя всегда чувство-
вала болѣе или менѣе потрясенія. Одинъ разъ, при новомъ
балетѣ, вся сцена, какъ можете вообразить, вся сцена обру-
шилась!... Всѣ ушли, но я осталась, пока вытащили всѣхъ
изъ подъ обломковъ. Я ожидала видѣть потоки крови....
ничего не бывало. Марфушѣ, первой танцовщицѣ, пере-
ломилло ногу, Антошѣ, первому любовнику, разбило грудь,
и прочимъ досталось въ такой же мѣрѣ, а крови я и не
видала, и только легкая дрожь пробѣжала по мнѣ. Не
болѣе.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Чтобъ насладиться сильными ощущеніями, я совето-
валъ бы вамъ, матушка, побывать на бойнѣ.

АФРОСИНЯ МАРКОВНА.

Я придумала лучшее средство. Теперь воляжирую на
Кавказъ, къ цѣлительнымъ водамъ. Первое потому, что
нынче принято, имѣя хроническую болѣзнь, ѣхать къ
водамъ, а главное, тамъ природа необыкновенная! Увижу

горы, увѣнчанныя первобытнымъ снѣгомъ, загляну въ невѣримыя пропасти, можетъ-быть испытаю чувство невыразимаго страху....

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ, смѣясь.

Отъ Черкесовъ?....

АФРОСИНЯ МАРКОВНА, съ одушевленіемъ.

Ахъ, я бы желала видѣть ихъ!... Желала бы, чтобы они набѣжали и произвели значительную тревогу..... Это навело бы на насъ страхъ..... вездѣ испугъ, смятеніе, отчаяніе..... Какая картина!... Ощущеніе невыразимое, не могущее быть постигнуто и здѣсь испытано!... Какъ бы это потрясло мою душу!... Какъ бы я желала упиться этимъ необыкновеннымъ чувствомъ!... Ну, что въ этой прозаической жизни, хоть бы и въ Парижѣ?... Давайте намъ поэзія, поэзія высокой, возвышенной, невыразимой!... Гдѣ же болѣе можно ощутить ее, какъ не между ужасами, страшными опасностями?... Это наслажденіе!... А если къ этому.... во смѣю мечтать.... если къ этому, похищеніе, плѣнъ.... заключеніе.... освобожденіе исполненное высокаго романтизма!... *(Потружается въ мысли и стоитъ ссторонъ одна. Ее давно никто не слушалъ, каждый занимался съ другимъ. Иванъ Макаровичъ шутилъ надъ Лаврентіемъ Ивановичемъ насчетъ его рѣдкостей, тотъ досадовалъ, и тому подобное.)*

ДВЕНАДЦАТЫЙ ДѢЙСТВІЕ.

тѣ же и КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, одѣтъ съ утрировкой по иностранному. Вошелъ тихо, съ печальнымъ лицомъ и задумчиво повѣсивъ голову, запѣлъ.

Врѣмя Врѣмя!

Сидѣлъ бы ты дома ..

Кой чортъ меня за границу носилъ?... За какимъ дьяволомъ я таскался туда?... Ну что изъ того, что я видѣлъ?... К чему мнѣ все это послужить? Дѣлалъ много глупостей въ своей жизни, а ужъ это.... признаюсь!...

У Л Ъ Ш И Н Ъ К А, бросаюсь къ нему.

Панаша мой крестный!... наконецъ вы воротились!... Какъ я радъ!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, обнимая такса ео.

Ульяшинька.... другъ мой!... Здорова ли ты?... Счастлива ли, главнѣе всего? Хорошо ли я устроилъ тебя?

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А.

Счастлива, какъ не воображала. Вотъ мой другъ. Благодарю васъ за все....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, обнимая Ивана Никифоровича.

Спасибо тебѣ, мой любезный! Я вѣдь скоръ, на все рѣшусь вдругъ, да послѣ и обдумываю. Разставшись съ вами, я много ночей не спалъ, всё думая объ участи своей крестной дочки; но спасибо, не ошибся, вѣривъ ее честному человѣку.

И В А Н Ъ Н И К И Ф О Р О В И Ч Ъ.

Вы устроили мое счастье!...

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А.

Гдѣ маменька?... Скоро ли увижу ее?... Какъ она приметъ меня?...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Надѣюсь, что дѣло обойдется ладно. Надобно вамъ знать, что она объевропелась до крайности, притомъ же, цѣнить мое пожертвованіе, что я съ нею таскался по этой глупой Европѣ, переносилъ всѣ неприятности....

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А, осматривая его.

Какъ вы, папаша, перемѣнились въ наружности!....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Вотъ плоды моей глупости! Пропустилъ пятнадцать тысячъ, нарядился чучеломъ, сталъ туристомъ, а пользы и толку ни на грошъ.

И В А Н Ъ М А К А Р О В И Ч Ъ.

Позвольте товарищу по вояжу относиться прямо. Стало быть вы вояжировали безъ наблюденія?

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Какія къ-чорту, батенька, наблюденія? Гляжу на все, вижу все, да ничего не понимаю. Вояжировать надобно, przygotowася къ тому. Надобно твердо знать исторію страны, куда вѣзжаешь, о городѣ, о достопамятностяхъ въ немъ

жить самое полное свободіе, уиить-дешигривать, разспрашивать, а я, въ одного иностраннаго языка не знавши, ходилъ повсюду безъ толку, въдуше глаза.

ВРАТЬ МАКАРОВИЧЪ.

Эхъ, мой любезнѣйшій! Надобно имѣть опарову. Я вотъ, не знавши ничего, съ однимъ бонжуремъ, прокатился по всей Европѣ. Иной, изъ книжекъ, знаешь, такой.... и подвернется ко мнѣ, учнетъ точить свои заморскіе баласы; слушаешь-слушаешь, да и отвѣтишь ему по-нашему: не-знаю-молъ, по-вашему. Не понимаетъ, продолжаетъ. Тутъ я хвачусь за умъ, начну ему сказку говорить, вотъ какъ мой Сенька-сказочникъ: въ нѣкоторомъ царствѣ въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ Бова-королевичъ.... да учну: гей сивка-бурка и прочее такое. Догадается, бестія! посмотритъ-посмотритъ на меня, да и уйдетъ, а я послѣ въ-волю захохочусь надъ нимъ. Примѣнился я къ этимъ товарищамъ.

НАСТАСЯ ЛУКИШНА.

Да и какіе плуты между ними бываютъ! Будто и не понимаетъ по-нашему, а начни брать или требовать чего, такъ за все дай деньги. Не понимаютъ они будто нашихъ обычаевъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ И ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, съ дочерью.

Д О Ч Е Р И, еще за дверью начинаютъ кричать и съ гѣмъ входятъ толпою, не давая мѣста матери.

Ахъ, мы уже въ Россіи!... Hélas! мы уже не за границею!... Adieu, Франція, Парижъ, всѣ радости.... всѣ удовольствія!...

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Ахъ, какъ хорошо! Все знакомые по волюжъ, по Парижу.... и теперь возвращаемся вмѣстѣ.

У Л Ъ Я Ш И Н Ъ К А, бросаясь къ матери.

Маменька!... Простите меня.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Кто это?... А! Это дочь моя!

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ, цѣлуя ей руку.

Матюшка! Всему причиною сильная любовь моя!...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, что же, кума? Дѣло сдѣлано, воротить нельзя. Пришлось благословить по причинѣ давности времени. Уже они, чай, семейкою обзавелись, имѣютъ кого наказывать. Предоставь имъ это, а сама прости великодушная!...

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, съ важностью.

Послушайте. Счастье ваше что я вожировала, постигла европезизмъ въ его духѣ—и потому, смотрю на вещи совсѣмъ иначе. Воляжъ образовалъ меня, и я съ презрѣніемъ смотрю на обладавшіе мною предрасудки. Ты очень хорошо сдѣлала, дочь моя, вышедши, хотя и противъ воли моей, замужъ. Что значить воля моя и к чему она, когда ты нашла человѣка, котораго, хотя въ часъ рѣшимости любила или тебѣ казалось что ты его любила! Любить ли онъ тебя, сохранить ли къ тебѣ уваженіе....

ИВАНЪ НИКИФОРОВИЧЪ И УЛЯШИНКА, вмѣстѣ.

Мы будемъ другъ друга любить вѣчно!...

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, перебивая ихъ.

Фу! Полноте, друзья мои! такія чувства, а еще больше увѣренія въ томъ, вовсе не приняты. И что значить вѣчность на землѣ?... Годъ, день, часъ, минута. Каждому изъ васъ кажется, что любить другаго: хорошо, пользуйтесь минутою, женитесь; за чувства ваши впослѣдствіи вы не отвѣчаете: они не отъ насъ. Будете сносны другъ другу—проживете вмѣстѣ; нѣтъ,—разойдетесь. Отказывать и принуждать себя ни въ чемъ не должно. Chez nous à Paris, c'est comme ça. Обнимитесь при мнѣ. Поздравляю васъ.

ДОЧЕРИ, бросаюся къ Уляшинкѣ и луку ся, крича каждая свое.

Поздравляю тебя, та сюзиг! Ахъ, какъ ты счастлива, та сюзиг, ты замужемъ уже! А мы какъ чудесно вожировали!... Ахъ, та сюзиг! какой большой городъ Парижъ!... Ахъ, что мы въ немъ видѣли!...

МАТРѢНУШКА.

Вообрази, та сюзиг! Мы видѣли Бальзака, Жюль-Жюльона....

А К С И Н Ь Ю Ш К А .

Читали сочиненія Гюгò, Ламартина, Альфонса Карра, Эжена Сю.

Ф Е Н Ю Ш К А .

Слышали про Фредерика Сулиё, Мюссе, Готіё, Бовуара.....

А К У Л И Н Ь К А .

Какія художественныя произведенія видѣли, любовались!...

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА .

И это намъ такъ легко было. Вообрази, у насъ въ Парижѣ улицы убраны живописными и литературными украшеніями.

НАСТАСЬЯ МАРКОВНА, всторону, вздыхая.

А я, точная глупѣша! Была въ Парижѣ и ничего этого не видала. Никто мнѣ не сказалъ, что тамъ есть такія диковины.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА .

Вы, конечно, разумѣете подъ этимъ ученые кабинеты, а на улицахъ я этого не видала.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА, съ сожалѣніемъ.

Такъ были ли вы въ Парижѣ? А если были, такъ вспомните эти прелестныя вывѣски, краснорѣчивыя объявленія, которыми украшены дома съ верху до низу. Мнѣ все это указывала мадамъ Курдюкова. Она хоть и русская, но ученая женщина, прекрасно знаетъ языки.

Ф Е Н Ю Ш К А .

Ахъ!... Какъ весело въ Парижѣ!...

А К У Л И Н Ь К А .

Ахъ, сколько мы танцевали!...

Ф Е Т И Н Ь Ю Ш К А .

И знаешь, по-воскресеньямъ, за городомъ. Ахъ, какъ тамъ весело бываетъ!

Ф Е Н Ю Ш К А .

Какъ прелестно разряжены дѣвицы!

МАТРЕНУШКА .

Какое множество тамъ кавалеровъ! Есть изъ чего выбирать.

А К С И Н Ь Ю Ш К А .

Какіе все ловкіе, развязные. Отъ нихъ прямо все услышишь. Да такъ остроумно!...

Д О Ч Е Р И , всѣ бросаются къ Жоржу и кричатъ по порядку.

Ахъ, вотъ нашъ Анахарсисъ! Юный Анахарсисъ! Чтò же, написали вы свой трудъ? Скоро ли издадите? Пожалуйста, напишите въ стихахъ, какъ Ламартинъ.

Ж О Р Ж Ъ .

Еще не написалъ. Займусь.

В А З И Л Ъ .

Ему нѣтъ теперь времени. Онъ.... ѣдетъ въ Вятку.

Д О Ч Е Р И , всѣ.

Это за чѣмъ?

В А З И Л Ъ , насмѣхался.

Начинать отсюда преобразовывать Россію, сближать ее еще болѣе съ Европою.

А Л Е К С И С Ъ .

Я скажу рѣшительно и истинную правду. Чтобы преобразовать Россію и подвести ее, хотя сколько-нибудь, къ европеизму, надобно вотъ намъ дать волю и ни въ чемъ не стѣснять насъ. Я уже началъ дѣйствовать. Забѣтили ли вы, mesdames, на мнѣ галстухъ? Божусь, что нѣтъ. Ахъ, какъ же вы не внимательны! Присмотритесь-ка. Вы всѣ были въ Парижѣ, но, конечно, ни на комъ не замѣтили, чтобъ былъ такъ завязанъ ловко, уютно, покойно. Теперь, конечно, Россія увидитъ это на мнѣ и станетъ подражать. Это, конечно, метода парижская, но мною усовершенствована. Отъ галстуха я пойду далѣе.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Я сама вывезла много полезнаго для русскаго общежитія. Чтò за глупый у насъ обычай ужинать? Готовятъ два раза въ день, мучать поваровъ, прислугу; мы, Русскіе, понятія не имѣемъ о филантропін.

НАТДША, съ насмѣшкой.

Мой кузенъ беретъ показывать ее въ совершенствѣ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Возвратись въ Россію, домой, я покажу примѣръ. У

меня не будетъ вовсе ужина, какъ и у насъ, въ Парижѣ. Потому пойду далѣе.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Не прогнѣвайся, кума, я не твой гость.... Признаюсь, хоть и объевропейчился порядочно, но старые русскіе предразсудки гнѣзятся во мнѣ; люблю поужинать плотно, иначе не засну.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Все вы, господа, замѣтили и вывезли ни вѣсть что, а путнаго ничего, что бы знаете, какую часть въ Россіи усовершенствовать.

ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ, въ продолженіи всего важничавшій.

Очень можно, но для произведенія этого въ совершенствѣ, надобно, такъ сказать, пересадить сюда Беріе, Гизо, Тіера, Вильямия.... и если бы я показалъ свою методику...

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Объясните мнѣ, какъ и въ какомъ духѣ они дѣйствуютъ. А?

ДМИТРІЙ МАТВѢЕВИЧЪ.

Когда мы обратимся къ политическому устройству.... всѣхъ составныхъ частей.... тогда..... то...

ЖОРЖЪ.

Нечего объяснять: самъ все герцогомъ лучше знаю, начиная отъ главныхъ частей до послѣдняго. Доль, запряжѣрь, вакса; найдете ли вы, въ запискѣ Петербургъ, такую чудесную ваксу? Взгляните на менѣе много, сравните съ вашими. Видите ли разницу между Европою и Россією? Чувствую какъ это васъ поразило и въ эту минуту, вы сознаетесь, что вы еще жама. Терпѣніе, — и мы установимъ новый порядокъ.

НАСТАСЬЯ ЛУКЪИНА.

Дай Богъ, батюшка, вашими устами скорѣе медь писать. А пока попрошу васъ вѣтъ о чемъ. Какъ будете жаро-создавать эту Россію, такъ потрудитесь написать такой законецъ, чтобъ купцы имѣли все наилучшее, продавали бы не дорого и въ долгъ безспорно отдавали.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Въ случаѣ же неплатежа, просили бы уплаты со всею вѣ-

жизнью, а не возлюбивши съ нею, дворянъ, такъ точно, какъ-будто съ вѣстого мужа.

ИВАНЪ МАКАРОВИЧЪ.

Да. Последнее обстоятельство нужно бы ввести въ Россію.

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Противъ измѣнниковъ и обманщиковъ написать жестокой указъ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Необходимо постановить, чтобы ни одинъ мужчина, послѣ двадцати-пяти лѣтъ, не осмѣливался оставаться холостымъ.

АЛЕКСЕЕВЪ, усмѣхался.

Мы, законодатели, должны же позаботиться о своемъ спокойствіи.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, говорившій прежде съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Такъ вот и кстати. У васъ рѣчь о женитьбахъ. Вотъ, пока мы воляжировали, моя крестная дочь вышла замужъ. Маленька ея возвратилась и приглашаетъ къ дочеру на свадебный балъ.

ЛУКЕРЬЯ ИВАНОВНА.

Очень охотно. Теперь не фрашируетъ меня фамилія моего зятя. У насъ, въ Парижѣ, много фамилій еще страшнѣе его. Мадамъ Рыло, я ѣду къ тебѣ.

Дочь и зять цѣлуютъ ея руки.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Прошу и всѣхъ любезныхъ товарищей по волю, выѣхать отпраздновать наше возвращеніе.

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Но мои наряды....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

За-просто, матушка, за-просто. Въ деревнѣ не какъ у васъ, въ Парижѣ. Не забудьте своего любезнаго супруга взять съ собой.

ТРОФИМЪ ЕВДОРОВИЧЪ.

Еще ѣхать?... А куда еще?

СТЕПАНИДА ИВАНОВНА.

Не ваше дѣло. Велите подавать экинажъ.

СЛУГА, входя, молодымъ людямъ.

Господа, лошади готовы; прошу садиться проворнѣе.

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

Que faire!... Поѣдемъ.

ДОЧЕРИ.

Куда же вы? Лучше къ намъ на балъ. Ахъ, какія фигуры мы знаемъ. *(Тихо говорятъ съ ними.)*

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВНА.

Я ѣду охотно, когда тиранъ мой не будетъ тамъ. Маша! поѣзжай со мною. Докторъ также. Нервы мои еще слабы.

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ, къ суетящемуся Назару Петровичу.

Ѣдемъ, братъ, на свадебный циркъ. Прійми въ свое вѣдѣніе кухню.

НАЗАРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

О! тутъ мнѣ обширное поле! Накормлю васъ чисто по-парижски.... Закормлю!

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Братъ, Лаврентій, ѣдемъ съ нами. У хозяйна конюшня выстроена изъ сосенъ, росшихъ на горахъ араратскихъ, не помню только въ которомъ вѣкѣ.

ЛАВРЕНТІЙ ИВАНОВИЧЪ, собирая свои рѣдкости.

О! я тотчасъ рѣшу....

КОНДРАТІЙ ИВАНОВИЧЪ.

Ну, ѣдемъ же скорѣе.

(Всѣ уходятъ.)

АФОНЬКА, одинъ.

Хорошо такъ болтаютъ.... но баринова пѣсня лучше всѣхъ идетъ къ нимъ:

Ерѣма, Ерѣма!

Сидѣлъ бы ты дома.

Не хочу подражать господамъ, не пойду въ чужія земли.

Г. ОСНОВЬЯНЕНКО.

==

ШЛЕМЪ-МЕЧЕТЬ

VI

■

КОПЬЁ-МИНАРЕТЬ.

=

(УРАЛЬСКОЕ ПРЕДАНИЕ.)

=

Не такъ нынче льется Уралъ,
Какъ шелъ онъ въ старинные годы!
Онъ дво золотое скрывалъ
И были сильны его воды.

Бывало все пьютъ казаки,
Да чѣмъ? золотыми ковшами!
Чекмени-то всё изъ камки
Защиты кругомъ галунами.

Бывало земли не ори,
Куда за работой? въ наѣзды!
Примчались, все наше, бери,
Какъ въ морѣ хвалынскія звѣзды.*

* Хвалынскіи звѣзды; казаки называютъ раковинами, которыми
ушными берега Каспія, гдѣ вливается Уралъ въ море.

Бывало, бѣда-не-бѣда,
И жизнь не дороже полушки!
Зато ужъ себѣ госиода:
На шапкахъ червѣютъ мерлушки,

Тулупы на крымскомъ мѣху,
Опушка вокругъ изъ кунницы!
Лежи на гагачьемъ пуху
Подъ пѣсни казачки-дѣвицы.

Бывало, сидятъ на коврахъ
А жены въ парчѣ, да въ уборахъ!
Ихъ кони паслися въ лугахъ
Да въ чемъ? въ шамаханскихъ попонахъ.

Но это ли видѣлъ Уралъ!
И чтó ему съ золотомъ горы!
И кто въ немъ воды не пивалъ
И мы и кайсацкіе воры.

А помнить не это Уралъ!....
Давно, до казатчины было.
Какой-то здѣсь ханъ проживалъ
Съ своей некрещеною силой.

Онъ былъ, говорятъ, молодець.
И только засвищетъ къ походу.
И первый его жеребець
Бросался въ уральскую воду.

И вотъ занесутся въ пыли,
Все въ-лоскъ, заматаютъ хвостами!
У нихъ и Хива не дремля,
Ханъ дани собиралъ головами.

И чтó жъ на него, молодца,
Нашла наконецъ нещогода.
Не битвы сломили бойца;
А семьдесятъ лѣтъ, и два года.

Однажды полночной порой,
Ханъ слышитъ и шумъ и тревогу.
Звонъ шашекъ, и свистъ за рѣкой
А онъ не дойдетъ до порогу.

Ему ужъ тяжелъ атаганъ,
Двойной не надѣтъ ужъ кольчуги,
И три раза хлопаютъ ханъ
И вотъ собрались его слуги.

«Ну что?» — На дворець твой набѣги!
«Откуда?» — Съ востока изъ степи,
Сюда пріѣзжалъ Печенѣгъ
И въ даръ привозилъ тебѣ цѣпи!»

«А! цѣпи!... носили сюда,
Собрать вокругъ дворца мою силу!
Пусть хана возьметъ не орда;
При войскѣ я лигу въ огонь!»

И вотъ на чеканныхъ щитахъ,
Несутъ полководца-героя.
И тихо все въ грустныхъ рѣдахъ,
Ничто не волнуется цѣпь строя.

Вотъ стали, и слышутъ, гудитъ съ полночи:
Буранъ ли несется, встаетъ ли гроза;
Глядятъ, и не видятъ раздумныя очи;
Тамъ звѣздами блещутъ одни небеса.

Но вотъ, что-то въ дали, поднялось отъ земли,
Вотъ всё выше, всё выше взбѣгаетъ.
Вотъ взомелъ во весь ростъ, съ шишака его хвостъ
Будто туча по небу сверкаетъ.

Тяжкимъ шагомъ впередъ, богатырь тамъ идетъ,
И на немъ глухо воютъ доспѣхи.

Вотъ копье въ перевѣсъ, отъ земли до небесъ,
Онъ несеть для кровавой потѣхи.

У него изъ-подъ ногъ, бурей хлещетъ песокъ,
А слѣды, какъ овраги тянулись.
Вотъ онъ мимо, къ рѣкѣ, онъ ужъ тамъ на песокъ;
Лишь уральскія воды всплеснулись.

Гдѣ жъ орда, ее нѣтъ, кровью взмокъ ея слѣдъ
Въ полѣ только кибитки да вьюки.
Къ хану скачетъ гонецъ, вотъ взошелъ во дворецъ,
И все передалъ въ царскія руки.

Шумъ пошелъ по дворцу, вирь готовить бойцу,
И на всходъ ворота разломали.
На дворѣ сто князей, клали столъ изъ камней
И звать гостя пословъ наряжали.

Поздно въ свѣтлый дворецъ прибылъ грозный боецъ,
И на столъ положилъ шишачище!
А на мѣстѣ воротъ, чтобы помнилъ народъ,
Вбилъ онъ въ землю въ сто сажень копыще.

И съ-тѣхъ-поръ надъ столомъ, подъ стальнымъ шиш-
шакомъ
Стала Божья мечеть въ дань завѣта.
А подъ чуднымъ копьемъ, между царскимъ дворцомъ,
Вышла башня съ луной минарета.

Д. МИНАЕВЪ.

Оренбургъ.

=

БАШНЯ ВЕСЕЛУХА.

ПОВѢСТЬ СМОЛЕНСКАГО СТАРОЖИЛА.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.

=

Это было въ концѣ ноября 1783 года, въ Смоленскѣ. У Двѣпровскихъ Воротъ, съ лѣвой стороны отъ вѣзда въ городъ, прохаживался часовой, солдатъ мѣстнаго гарнизона. Глубокія морщины, которыми время изукрасило лицо его, показывали, что ему уже за-шестьдесятъ. На немъ были куртка, широкіе шаровары и фуражка изъ грубаго свѣтло-зеленаго сукна; патровая сума, прикрѣпленная къ широкой, выбѣленной перевязи, свободно висѣла за спиной, а длинный тесакъ качался на лѣвомъ бедрѣ. Сгорбившись отъ старости, одряхлѣвъ на службѣ, въ которой провелъ болѣе сорока лѣтъ, онъ едва передвигалъ ноги, прохаживаясь съ ружьемъ на плечѣ взадъ и

впередъ предъ караульню. Подъ курткой былъ на немъ овчинный полушубокъ, а сверху бѣлый суконный плащъ; но несмотря на эту теплую одежду, онъ сильно дрожалъ отъ стужи и съ нетерпѣніемъ ожидалъ той минуты, когда капралъ приведетъ къ нему смѣну.

Смеркалось. Сухой снѣжокъ поросилъ обнаженную, мерзлую землю. Дибиръ, протекающій у самыхъ городскихъ воротъ, покрывался льдомъ. Смоленскіе жители, давно уже ожидавшіе зимы, радовались ея появленію. Дневной шумъ утихъ, и тишина прерывалась только звономъ небольшого колокола на деревянной часовнѣ, пристроенной къ Дибировскимъ Воротамъ, на которыхъ сооружена церковь Смоленской Богоматери. Прихожане спѣшили къ всенощной. Въ это время послышался въ отдаленіи почтовой колокольчикъ, дребезжаніе котораго быстро приближалось. Черезъ нѣсколько минутъ вѣхала въ городскія ворота дорожная кибитка. На правомъ облучкѣ ея сидѣлъ молодой офицеръ, съ кожанною сумкой на груди, на лѣвомъ деньщикъ его.

— Стой! вскричалъ хриплымъ голосомъ ветеранъ-часовой. Ямщикъ остановилъ лошадей. Старый служивый подошелъ къ деньщику, и спросилъ: — Кто ѣдетъ? — «Ростовскаго пѣхотнаго полка капитанъ Кайсановъ», отвѣчалъ деньщикъ твердо и рѣзко. Часовой, обратясь къ офицеру, продолжалъ: «Пожалуйте, ваше благородіе, подорожную, или извольте сами идти къ караульному офицеру.» Капитанъ соскочилъ съ облучка и пошелъ въ караульню.

Въ то время караульня не были еще въ такой исправности, какъ нынче. Та, о которой мы говоримъ, раздѣлялась на двѣ половины: въ одной помѣщались караульный офицеръ и за перегородкой солдаты; въ другой, гдѣ окна были съ желѣзными рѣшетками, содержались арестанты. Порядочной мебели не было: даже и тамъ, гдѣ находился офицеръ, столъ только длинный, лубочный столъ, почернѣвшій отъ времени и испещренный застарѣлыми чернильными пятнами. Деревянная скамейка, придѣланная къ стѣнамъ и ничѣмъ не обитая, досаждала отъ частаго сидѣнія на нихъ. На одномъ концѣ стола, къ окну на улицу, лежала книга, въ ветхомъ кожаномъ пере-

влетѣ, воль заглавизнь: «Позоди болрина Шанна къ Авдѣу.» Не много по-далѣ стояль штооъ съ отбитымъ гарлышникомъ, наполовинный мутнымъ квасомъ и воль наго стаканъ, простаго зеленого стекла, рестреснувшійся владь и воцерегъ. Во другомъ концѣ, обращенномъ къ перегородкѣ, красовалась глиняная чернышница съ перьями, во близости которой лежало нѣсколко писаныхъ бумагъ и тетрадей. За столомъ, на длинной скамейкѣ, сидѣль караульничій писарь, въ долгополомъ мундирномъ сюртукѣ, и глубокомысленно устремивъ глаза на лежащія передъ нимъ бумаги, сочиняль суточный рапортъ о благосостоянн карула. Пожилыхъ лѣтъ, гарнизонный перучикъ Заряновъ прохаживался взадъ и впередъ по комнатѣ съ трубкою во рту.

— Логиновъ! сказалъ, возвыся голосъ, поручикъ сержанту, который былъ за перегородкой: — Пора смѣннть часовыхъ: шесть уже пробило.

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ сержантъ и передаль это приказаніе капралу. Въ ту же минуту капралъ началъ выкликать поиманно солдатъ, которымъ прихидла очередь становиться на часы.

— А ты, Парамоновъ, продолжалъ поручикъ, обратясь къ писарю: Зажги восковую свѣчку и поставь ее къ образу: благоустроить ко всенощной.

Писарь заткнулъ перо за-ухо, всталъ, перелѣвъ черезъ скамейку и, увидя у перучика во рту трубку, сказалъ съ робкою улыбкой:

— Не прогнѣвайтесь, ваше благородіе, что осмѣливаюсь напомнить.... Кажется, во время богослуженія грѣшно курить табакъ....

— Ты кстати это зашѣтилъ, отвѣчалъ поручикъ: хоть я и не придерживаюсь этого престонароднаго мнѣнн, однако жъ дышать табакомъ передъ теплоущейся у образа свѣчей, какъ-то неприлично.... А ты не раскольникъ ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе: я крещенъ по новой вѣрѣ.

Поручикъ положилъ трубку. Писарь высѣкъ огню, зажегъ двухъ-копѣечную свѣчку и прилѣпилъ ее къ образу, стоявшему на полкѣ, въ переднемъ углу. Образъ дото-

го заюптился, что нельзя было узнать ни красокъ, ни лица святаго угодника. Лишь—только Парамоновъ пригнѣшилъ свѣчку, дверь отворилась и прїѣзжій офицеръ вошелъ въ караульню.

Послѣ обыкновенныхъ короткихъ прїѣтствій, капитанъ вынулъ изъ сумки подорожную и подалъ ее караульному офицеру. Заряновъ развернулъ и, взглянувъ бѣгло на подпись и печать, отдалъ ее писарю записать въ книгу проезжающихъ; потомъ обратился къ капитану и, прося его прїѣсть, спросилъ для какой надобности прїѣхалъ онъ въ Смоленскъ?

— Я посланъ сюда за рекрутами, отвѣчалъ молодой офицеръ: мнѣ предписано принять ихъ здѣсь и, раздѣливъ на партіи, отправлять въ полкъ.

— Далеко ли квартируетъ полкъ вашъ? спросилъ Заряновъ.

— Въ Витебскѣ.

— Гдѣ жъ ваша команда?

— Я оставилъ ее въ пятьдесятъ верстахъ отъ Смоленска, а самъ отправился сюда на почтовыхъ, чтобъ заблаговременно вытребовать квартиры....

— Извините, ваше благородіе, перервалъ писарь, подошедши къ капитану съ подорожной въ рукѣ: я не могу разобрать вашей фамиліи: Кйса..... Какси..... Право, такъ нечетко написано, что ничего понять нельзя....

— Кайсановъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Кайсановъ! повтѣрилъ поручикъ съ изумленіемъ: позвольте узнать какъ ваше имя и отчество?

— Александръ Степановъ.

— Батюшку вашего звали Степаномъ Николаевичемъ, а матушку Натальей Захаровной?

— Точно такъ! Развѣ вы знали ихъ?

— Какъ не знать!... Ты сынъ сестры моей.... родной мой племянникъ!

— Возможно ли?... вы мой дядя!... Какая неожиданная прїятная встрѣча!...

Тутъ оба бросились обнимать другъ друга.

— Могъ ли я думать, что сегодня прижму къ сердцу любезнаго моего племянника, котораго никогда еще не ви-

далъ и о которомъ молилъ Бога, чтобъ онъ послалъ мнѣ его скорѣй! сказалъ Заряновъ, держа въ объятіяхъ молодаго капитана: скажи, жива ли твоя мать, а моя сестра?

— Она уже лѣтъ пять назадъ скончалась.

— А отецъ твой?

— Онъ еще прежде кончины матушки убить при стычкѣ съ Пугачовымъ.

— А я всё-еще надѣялся увидѣть сестру!... Двадцать семь лѣтъ прошло, какъ она уѣхала отсюда, вышедши за отца твоего.... Послѣ-того получалъ я отъ нея нѣсколько писемъ, по вотъ уже пятнадцать лѣтъ не имѣю объ ней никакого извѣстія. Расскажи, любезный племянникъ, все что ты знаешь о твоихъ родителяхъ.

Капитанъ рассказалъ подробно, что было ему извѣстиво объ нихъ. Главнѣйшее въ его разказѣ то, что отецъ его служилъ подполковникомъ въ Первомъ полевомъ баталіонѣ оренбургскаго линейнаго корпуса, и что мать, оставшись, послѣ несчастной кончины своего мужа, въ разстроенномъ положеніи, отвезла малолѣтнаго сына въ столицу и отдала на воспитаніе въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ; потомъ возвратилась въ Оренбургъ, гдѣ былъ у нея небольшой домикъ. Въ 1778 году, продолжалъ Кайсановъ, выпустили меня изъ корпуса въ Ростовскій пѣхотный полкъ поручикомъ. Какъ ни лестенъ былъ для меня этотъ чинъ на осемнадцатомъ году отъ-роду, но нечаянное извѣстіе о кончинѣ нѣжно-любимой матери чрезвычайно огорчило меня. Я остался совершенно одинъ, безъ родственниковъ. Когда я еще былъ ребенкомъ, матушка сказывала мнѣ, что у нея былъ братъ, но, долгое время не получая объ немъ никакого извѣстія, думала, что его нѣтъ уже на свѣтѣ. Вамъ, я думаю, извѣстно, что у родителей моихъ не было никакого имѣнія, а потому я ничего не получилъ отъ нихъ и до нынѣшняго года жилъ однимъ жалованьемъ; но нѣсколько мѣсяцовъ назадъ, фортуна совсѣмъ нечаянно улучшила мое состояніе. Одинъ изъ сослуживцевъ моихъ почти насильно навязалъ мнѣ билетъ на гамбургскую лоттерейю — и я на этотъ билетъ выигралъ пятнадцать тысячъ талеровъ. Получивъ деньги, я употребилъ часть ихъ на экипировку, остальные бере-

гу, какъ говорится, на черный день. Въ нашемъ военномъ быту издержекъ не много, и если вы, любезный дялюшка, нуждаетесь въ чемъ-нибудь, я охотно поделюсь съ вами.

— Благодарю за добродушное твое предложеніе, отвѣчалъ Заряновъ, пожавъ руку племяннику: — правда, что состояніе мое незавидно, однако жъ у меня есть здѣсь также домишко. Дѣтей у меня нѣтъ и я живу только самъ-третей съ женою и прислугой. Авось какъ-нибудь промажусь до конца. А ты еще молодъ и долженъ заботиться о себѣ самомъ.

— Мнѣ довольно будетъ и половины того, что у меня осталось отъ выигрыша. Мы, военные, живемъ безъ лишнихъ затѣй и прихотей.

— Оно такъ, любезный племянникъ, сказалъ Заряновъ: только всё-таки для молодаго человѣка деньги нужныѣ, чѣмъ для старика.

Впродолженіи этого разговора, писарь, записавъ подорожную, прислушивался къ рѣчамъ обоихъ офицеровъ. Ему очень странно казалось, что одинъ изъ нихъ такъ радушно предлагалъ деньги, а другой такъ хладнокровно отказывался. Чтобъ не упустить случая воспользо-ваться щедростью молодаго капитана, онъ подошелъ къ нему съ почтительнымъ видомъ и, отдавая подорожную, сказалъ: — Извольте, ваше благородіе, получить обратно подорожную. Она больше намъ не нужна.... Онъ хотѣлъ было еще что-то прибавить, но, не зная, какъ по-лучше выразить свое желаніе, остановился. Капитанъ догадался, что было у него на умѣ, и опустивъ руку въ карманъ, вынулъ серебряный рубль и, отдавая писарю, сказалъ:

— Вотъ тебѣ за прописку подорожной.

— Приношу всенижайшую благодарность! отвѣчалъ писарь, дай Богъ, чтобъ ваше благородіе по-чаще къ намъ пріѣзжали и чтобъ я всякой разъ былъ тогда въ караулѣ и имѣлъ счастье величать васъ высокоблагородіемъ!

— Ты напрасно ему такъ много дагъ, племянникъ, перервалъ Заряновъ: онъ проплетъ это въ одинъ день. Потомъ, обратясь къ писарю, прибавилъ: смотри же, Парамоновъ!

будь воздержень и помни, что намъ остается еще двое сутокъ стоять въ караулѣ.

— Помилуйте, ваше благородіе! неужели вы изволите думать обо мнѣ такъ обидно? Хотя я, грѣшный человекъ, люблю иногда пропускать за газетухъ, однако жъ никогда не забываю порядка службы. Извольте быть увѣрены: пока мы стоимъ въ караулѣ, я лишней капли въ ротъ не возьму; а послѣ, какъ смѣнюсь, то выпью за здравіе его благородія господина капитана и за ваше также!

Кайсановъ положилъ дорожную въ сумку и хотѣлъ простаться съ дядей, но тотъ удержалъ его и спросилъ:

— Гдѣ жъ ты намѣренъ остановиться, пока отведутъ тебѣ квартиру?

— Ямщикъ сказывалъ, что здѣсь на Верхнемъ Рынкѣ есть нѣмецкій трактиръ, гдѣ можно нанять хорошую комнату съ мебелью и кушаньемъ.

— Правда, этотъ трактиръ у насъ лучший, но прожить въ немъ нѣсколько дней, обойдется не дешево. Я совѣтовалъ бы тебѣ, пока получишь квартиру, пристать у меня. Домикъ мой на Ковловской Горѣ: хотя онъ уже ветхъ и тѣснѣе, однако жъ дня на два, или на три, можно какъ-нибудь помѣстить тебя.

— Если я не стѣсню васъ, то съ благодарностью прииму ваше предложеніе.

— Я очень радъ, что хоть этимъ могу услужить тебѣ.

Тутъ Заряновъ приказалъ сержанту, чтобъ онъ послалъ одного изъ караульныхъ солдатъ, проводить капитанскую кибитку до его дому и сказать женѣ его, что дорогій гость, котораго онъ къ ней посылаетъ, родной его племянникъ и чтобы она приказала очистить для него одну комнату.

Кайсановъ, прощаясь съ дядей, спросилъ:— Вѣрно здѣсь надъ городскими воротами церковь? При въѣздѣ въ городъ я заштилъ множество народу, идущаго на стѣну.

— Здѣсь храмъ Смоленской Чудотворной Богоматери, отвѣчалъ Заряновъ: въ немъ всегда, и лѣтомъ и зимою, накануне праздника служатъ всенощную съ вечера.

— Это очень кстати, перервалъ Кайсановъ, я пойду туда

и поблагодарю Бога, что такъ нечаянно нашелъ васъ. Прощайте, дядюшка! завтра я приду къ вамъ.

Между-тѣмъ, пока дядя и племянникъ разговаривали, на дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло, спѣгъ пересталъ, морозъ увеличивался; полная луна проглядывала сквозь рѣдѣющія облака, улицы и кровли домовъ и высокихъ зданій одѣлись зимнимъ покровомъ. Въмѣсто стараго часоваго поставили другаго, который былъ нѣсколько по-моложе. Ямщикъ, дожидаясь капитана и поколачивая руками, продаживался возлѣ кибитки.

Капитанъ приказалъ своему денщику и посланному отъ Зарянова солдату, ѣхать съ кибиткой въ домъ его дяди и прибавилъ:—Дуловъ, выложи наши вещи въ комнату, которую отведутъ намъ, дай ямщику на водку и явись опять сюда: я буду въ церкви, здѣсь надъ воротами.

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Дуловъ и, съвѣсь проводникомъ на облучокъ, приказалъ ямщику ѣхать.

Тотъ схватилъ возжи, стегнулъ лошадей и крикнувъ:— «Эй, вы, дружки-соколики!» сталъ подыматься на Соборную Гору.

Кайсановъ остался одинъ на улицѣ, и пошелъ по деревянной дѣстницѣ въ церковь. Богомольцевъ было такъ много, что Кайсановъ, которому хотѣлось стать по-ближе къ иконостасу, насилу могъ продраться впередъ; наконецъ нашелъ онъ мѣсто, откуда можно было обозрѣть внутренность церкви. Перекрестясь нѣсколько разъ, онъ обратилъ вниманіе на царскія двери, живопись иконостаса, на множество образовъ въ богатыхъ ризахъ и окладахъ, на паникадила и прочія церковныя украшенія, потомъ принялся разсматривать прихожанъ.

Взоры его остановились на одной прелестной дѣвушкѣ, которая стояла отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ, съ молодой женщиною, по-видимому ея матерью. Судя по одеждѣ, должно было полагать, что онѣ изъ купеческаго сословія. На головахъ у нихъ возвышались по-крайней-мѣрѣ на шесть вершковъ, гродетуровые, вышитые золотыми цвѣточками, платки, какіе носили въ то время купчихи, да и многія офицерскія жены и дочери. Эти платки повязывались сверхъ подплаточника, сдѣлан-

ваго изъ политуры, или картузной бумаги, которая обвертывалась и подкладывалась мягкой матеріею. Такой головной нарядъ былъ довольно тяжелъ и его можно было надѣвать и снимать, какъ монашескій клобукъ. Одежда матери и дочери состояла изъ кофты и юбокъ, сверхъ которыхъ накинуты были на плеча коротенькія мантильи, подбитыя мѣхомъ черно-бурыхъ лисицъ и опушенныя собольями. Различіе между обѣими въ нарядѣ состояло только въ томъ, что у молодой платокъ былъ голубой, а у старой зеленого цвѣта.

Пожилая безпрестанно крестилась и казалась очень набожною; но по лицу ея было замѣтно, что она всегда помнить о своемъ богатствѣ. Напротивъ того, въ прекрасныхъ чертахъ молодой изображался скромность и добродушіе. Живые, плѣнительные ея глазки, осянныя тоненькими, черными бровями, неподдѣльный, свѣжій румянецъ, играющій на бѣлыхъ щечкахъ, вьющіеся изъ подъ платка темно-русые локоны, благородная осанка, обнаруживавшія образованность, какой, судя по костюму, нельзя было и предполагать въ ней; все это могло бы прельстить и самого хладнокровнаго мужчину.

Кайсановъ стоялъ очень недалеко отъ этихъ купчихъ, однако жъ подвинулся еще по-ближе, чтобъ лучше разсмотрѣть красавицу.

Отъ неожиданнаго появленія молодцоватаго полеваго охотника, какихъ въ то время въ Смоленскѣ рѣдко можно было видѣть, и который такъ пристально смотрѣлъ на нее, прелестная дѣвушка смѣшалась нѣсколько, поминутно то опускала, то поднимала глаза и приходила еще въ большее замѣшательство.

Она не могла спокойно стоять на мѣстѣ и безпрестанно поглядывала то направо, то налѣво. Нечаянно, а можетъ быть и съ намѣреніемъ, уронила она бѣленькій свой платочикъ. Кайсановъ тотчасъ наклонился, поднялъ его и съ ловкою учтивостью подалъ молодой красавицѣ. Двумя коротенькими, но пріятнымъ, серебрянымъ голоскомъ произнесенными словами, взявшия она благодарность за эту услугу — и розовыя щечки ея еще болѣе разгорѣлись.

Купчиха догадалась, отъ чего дочь ея пришла въ замѣшательство и, опасаясь чтобы и другіе стоявшія возле нея женщины не обратили на нее астремитыкъ глазъ своихъ, поминутно поглядывала на дочь свою и на офицера, и наблюдала за ними, какъ стотлазый аргусъ.

Черезъ полчаса всеночная кончилась. Нѣкоторые изъ горожанъ стали прикладываться къ образамъ, другіе спѣшили выйти. Купчиха и дочь ея ждали, когда будетъ попросторнѣе. Кайсановъ, желая воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ, искалъ предлога, чтобы начать разговоръ, но купчиха, угадавъ его намѣреніе и полагая не безъ причины, что молодой офицеръ вѣрно обратится къ ея дочери, сама начала говорить съ нимъ:

— Вы, вѣрно, недавно пріѣхали? спросила она.

— Сейчасъ только.

— И, вѣрно, по какой-нибудь казенной оказіи?

— Я командированъ изъ полка за рекрутами.

— О! такъ вы долго здѣсь пробудете: рекрутскій наборъ только-что начался..... Не нарочно ли вы отпросились въ Смоленскъ, чтобы повидаться съ родственниками?

— Нѣтъ, я не просился и совсѣмъ не воображалъ найти здѣсь родныхъ; но случилось иначе: первый человекъ, съ которымъ довелось мнѣ говорить въ Смоленскѣ, оказался роднымъ моимъ дядей, котораго я не только никогда не видалъ, но и не полагалъ, чтобы онъ существовалъ еще на свѣтѣ.

— Кто жъ это такой?

— Гарнизонный поручикъ Заряновъ, который теперь въ караулѣ у этихъ воротъ.

— Какъ! Лукьянъ Захаровичъ родной вашъ дядя? Стало-быть и вы также Заряновъ?

— Нѣтъ; фамилія моя Кайсановъ. Поручикъ братъ покойной моей матери.

— Матушки вашей я не знала; но дялюшку и его сожительницу, Матрену Сидоровну, очень коротко знаю; мы долгое время жили съ ними дворъ-ободворъ. Онъ очень добрый и честный старичокъ.... Жаль только, что судьба его такъ несчастна.

— Несчастна? а почему?

— Извините.... Видя васъ вперыбе, я не могу откровенно говорить о семейныхъ обстоятельствахъ вашего дядьки.... Поживя здѣсь по-долге, вы сами узнаете, какова его участь.

— Однако жъ.... мнѣ хотѣлось бы узнать прежде.... можетъ-быть, я найду средство помочь ему.

— Нѣтъ; ему никакъ нельзя помочь.

— Вы еще болѣе возбуждаете мое любопытство. Скажите, прошу васъ, чѣмъ именно несчастливъ мой дядя?

— Конечно.... всё-равно, отъ меня ли вы узнаете... отъ другаго кого-нибудь, или сами.... только ради Бога, не подумайте, чтобъ я изъ ненависти или по другой какой причинѣ....

— О, нѣтъ! этого я не подумаю; только скажите пожалуйста.

Купчиха оглянулась на всѣ стороны и, увѣрившись, что ни кто не можетъ ее услышать, шепнула Кайсанову на-ухо:

— Сожительница Лукьяна Захаровича, не въ осужденіе сказать, очень сварливая и злобравная женщина... и притомъ придерживается чарочки. Это чрезвычайно огорчаетъ почтеннаго вашего дядюшку: онъ, бѣдненькій, ни днемъ, ни ночью не имѣетъ отъ нея покою.... Ктому жъ и богатое его состояніе....

Хотя это извѣстіе и не показалось Кайсанову диковинкой, потому что и въ старыя времена, многіе добрые мужья страдали отъ злобравныхъ женъ и многія добрыя жены отъ своихъ злыхъ мужей, однако жъ всё-таки неприятно ему было, что такой жребій выпалъ его дядѣ.

— Это мнѣ очень прискорбно! перерывъ Кайсановъ: дядюшка мой показался мнѣ такимъ добрымъ и почтеннымъ старичкомъ....

— Онъ, дѣйствительно, добръ и достоинъ сожалѣнія, продолжала купчиха. Хорошо еще, что у него нѣтъ дѣтей, а то бы судьба его была еще горестнѣе.

Разговоръ этотъ продолжался, пока народъ выходилъ изъ церкви. Когда стало по-просторнѣе, купчиха, дочь ея и Кайсановъ приблизились къ дверямъ и вышли вмѣстѣ. Деньщикъ капитана былъ уже тутъ и стоялъ на паперти.

Купчиха, узнавъ отъ Кайсанова, что онъ нѣсколько дней будетъ жить въ домѣ своего дяди и полагая, что, можетъ-быть, сегодня же увидитъ свою тѣтку, спохватилась и внутренно досадовала на свой невоздержный языкъ, который такъ поспѣшно и совсѣмъ некстати выдалъ поручицѣ Заряновой лестный аттестатъ. Хотя прежде ея знакомство съ нею давно уже прекратилось, однако жъ ей не хотѣлось, чтобъ бывшая ея сосѣдка узнала какими красками разрисовала она ее передъ племянникомъ. Что жъ ей оставалось сдѣлать, чтобъ Кайсановъ не рассказалъ тѣткѣ, что она ему говорила? Она давно ломала голову, какъ бы выпутаться изъ бѣды, которую сама навязала себѣ на шею, наконецъ рѣшилась обратиться къ обыкновенному у женщинъ средству, — польстить молодому офицеру и стараться привлечь его къ себѣ какимъ-нибудь угожденіемъ.

Сходя съ лѣстницы и продолжая разговаривать съ Кайсановымъ, купчиха сдѣлалась съ нимъ гораздо ласковѣе, пресила его пожаловать къ нимъ въ домъ и познакомиться съ ея мужемъ; потомъ, остановясь на крыльцѣ, прибавила:

— Неужели вы пѣшкомъ хотите идти домой? Теперь довольно уже поздно; здѣшнія улицы вамъ незнакомы, а ктому жъ у насъ много глухихъ переулковъ и закоулковъ, крутыхъ горъ и глубокихъ овраговъ: безпрестанно надобно то подыматься, то опускаться. Не угодно ли, я прикажу кучеру моему отвезти васъ въ нашихъ саняхъ?

— Покорно благодарю! Но въ чемъ же вы сами поѣдете?

— Нашъ домъ очень недалеко отсюда: мы дойдемъ и пѣшкомъ.... впрочемъ.... можно такъ распорядиться, что и вы и мы воспользуемся санями, если вамъ не противно будетъ, доѣхать сначала до нашихъ воротъ, которые почти видны отсюда. Вы бы сдѣлали намъ этимъ большую честь.... Да оно и кстати, потому что если заблагоразсудите удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ, такъ будете уже знать, гдѣ мы живемъ.

— Если это васъ не обезкокоптъ, то я съ удовольствіемъ провожу васъ.

— Сани у насъ широкія: тронимъ очень удобно въ нихъ помѣститься.

Тутъ купчиха закричала кучеру: — Сенька! подѣзжай! Но Сенька, соскучась дожидаться выхода своей госпожи, залѣзъ въ сани и растянувшись въ нихъ заснулъ преспокойно. Кайсановъ послалъ деньщика разбудить его. Проворный Дуловъ тотчасъ подбѣжалъ къ санямъ и, давъ кучеру порядочный солдатскій толчокъ, сказалъ: — Экъ ты заспался! Живѣе, подавай сани!

Сенька проснулся, вытаращилъ глаза и, увидѣвъ передъ собой незнакомаго солдата, проворчалъ: — «А ты что за указчикъ!» и хотѣлъ повернуться на другой бокъ, но услышавъ рѣзкій голосъ купчихи, выскочилъ изъ саней, сѣлъ на свое мѣсто и подѣхалъ къ паперти.

— Прошу покорно садиться, сказала купчиха Кайсанову, указывая на сани; но онъ, взявъ ее подъ руку, помогъ ей устѣться прежде; потомъ съ такою же вѣжливостью посадилъ и дочь ея, а наконецъ помѣстился и самъ возлѣ послѣдней. Деньщикъ сталъ на запятки. Сенька тронулъ возжамы и лошади пустились легкою рысью по улицѣ, идущей параллельно съ городской стѣною, отъ Дябровскихъ Воротъ направо.

Не нужно рассказывать, что чувствовали молодой офицеръ и прелестная купеческая дочь, сидя такъ близко одинъ возлѣ другаго. Кайсановъ скоро нашелъ предметъ для разговора. Изъ немногихъ словъ миленькой своей сосѣдки, онъ замѣтилъ, что она выражалась гораздо правильнѣе своей матушки и что образование ея вовсе не похоже на купеческое. Къ большому его сожалѣнію, сани минуты черезъ двѣ остановились уже у воротъ довольно порядочнаго домика купчихи.

— Вотъ и нашъ домъ! сказала купчиха, стараясь выкарабкаться изъ саней, въ чемъ однако жъ, по дородности своей, не могла успѣть. Кайсановъ замѣтилъ ея успіе, выскочилъ съ другой стороны, обошелъ кругомъ и, подавъ руку, помогъ ей выйти. Между-тѣмъ дочь ея выпорхнула изъ саней какъ птичка и также подошла къ матери. Учтивость и ловкость молодаго офицера очень понравились смоленской купчихѣ, а еще болѣе ея дочери.

— Шокорте благодаригъ васъ, батюшка! сказала купчиха. Извините, что мы васъ обезпокоили. Я осталась въ пріятномъ ожиданіи, что завтрашній день вы пожалуете къ намъ откушать. Мужъ мой сочтетъ за особенную честь познакомиться съ вами. Мы живемъ не открыто, однако жъ рады принимать во всякое время почтенныхъ и добрыхъ гостей.

Кайсановъ благодарилъ за приглашеніе и общалъ прійти.

— Не прикажете ли прислать за вами сами? продолжала купчиха.

— Нѣтъ, не беспокойтесь. Завтра мнѣ надобно рано выйти со двора и сверхъ-того я далъ слово дядѣ навѣстить его; а караульня недалеко.

— Ну, какъ изволите; только пожалуйте сдержите ваше слово. Тутъ обратилась она къ кучеру и продолжала: «Сенька! отвези господина офицера на Козловскую Гору, въ домъ поручика Зарянова,—знаешь? возлѣ котораго мы жили прежде. Да смотри, ѣдучи назадъ не останавливайся у кабаковъ: у тебя есть эта мерзкая привычка. А васъ, батюшка, продолжала она, относись опять къ Кайсанову: покорнѣйше прошу не давать ему на водку: онъ очень неводерживъ. Прощайте! Желаю вамъ покойной ночи!... Почтенинѣйшей тѣтушкѣ вашей прошу засвидѣтельствовать отъ меня поклонъ..... Только, сдѣлайте одолженіе, прибавила она шопотомъ: пусть останется между нами, что я вамъ про нее говорила.

Тутъ взялась она за кольцо, прибитое къ калиткѣ и начала бречать; но вдругъ обратилась опять къ Кайсанову:—Ахъ, я безтолковая! Совсѣмъ изъ ума вонъ! не спросила о самомъ нужнѣйшемъ: чинъ вашъ, батюшка, нмѣ и отечество?

— Я капитанъ, а зовутъ меня Александромъ Степановичемъ.

— Наденька! продолжала купчиха, взглянувъ на дочь. Слышишь? Запиши, какъ придемъ въ горницу: ты знаешь, память-то у меня плохая.

— Позвольте и мнѣ также узнать вашу фамилію, спро-

сѣлъ Кайсановъ. И какъ зовутъ васъ, вашего сунруга и вашу дочь?

— Мужъ мой второй гильдіи купецъ Алексѣй Харитоновичъ Кубышкинъ; меня зовутъ Аграфсою Кузминшиной, а дочь нашу Надеждой Алексѣвной.

Потомъ она повторила свое приглашеніе и прибавила, что будетъ ожидать его къ исходу перваго часа; наконецъ, пожелавъ ему опять покойной ночи, вошла въ калитку.

— Я также желаю вамъ пріятнаго сна, примолвила Наденька, оставаясь еще позади матушки: надѣюсь, что завтра вы пожалуете къ намъ откупать?

— Непремѣнно, отвѣчалъ Кайсановъ, и—остерегаюсь, чтобъ Аграфсена Кузминшина не замѣтила, — поцѣловалъ Наденькину ручку. За такую вѣжливость, по заведенному обычаю, и она поцѣловала его въ щеку.

Послѣ такого тайнаго прощанія, Наденька прыгнула въ калитку и побѣжала за матерью. Калитка затворилась. Кайсановъ сѣлъ въ сани и велѣлъ кучеру ѣхать, а Дулову стать на запятки.

Сенька поворотилъ лошадей назадъ и поѣхалъ тѣмъ же путемъ до городскихъ воротъ. Оттуда повернулъ онъ вправо, на Большую улицу, вымощенную камнемъ и только-что покрывшуюся снѣгомъ, и медленно взбирался на Соборную Гору. Приблизясь къ церкви Благовѣщенія, находящейся на лѣвой сторонѣ улицы, и поднимаясь всё выше и выше, Кайсановъ удивился необыкновенной крутизнѣ, по которой должно было ѣхать. Онъ сказалъ Дулову, что никогда еще не случилось ему видѣть такой высокой горы.

— Да, судырь, ваше благородіе *, перервалъ Сенька: Энта гара у насъ давольна высаконька. Хто, незнавши, станеть спускатыца зъ нея, таму не минаватся бяды: маленька аплашай, анъ-таво и глядзи, што каляска и лошади на боку! Вчастую трахвлялася, што праязжающіе пе-

* Такимъ нарѣчіемъ говорятъ въ Смоленскѣ всѣ простолудины; выговоръ крестьянъ, живущихъ въ ближайшихъ къ Смоленску деревняхъ, а особливо на бѣлорусской границѣ, еще страшнѣе.

реламывали сердешными сван косточки, а въ иншую пору и да смерти зашибались!

— Это не больно хорошо! примолвилъ Дуловъ. Чтѣ, если бѣ пришлось противъ непріятеля лѣзть на такую вышину?

— Стыдись! сказалъ Кайсановъ, русскій солдатъ не долженъ бояться ни высокихъ горъ, ни глубокихъ овраговъ.

— Правда, ваше благородіе, прибавилъ Дуловъ: русскому солдату все тринь-трава!

Между-тѣмъ, кучеръ всё-еще поднимался на гору. По лѣвую сторону, на значительномъ возвышеніи представился взору Кайсанова, во всемъ своемъ величій, огромный Успенскій Соборъ, который въ ту минуту былъ озаренъ сіяніемъ полного мѣсяца. Миновавъ этотъ великолѣпный храмъ и примыкающій къ нему архіерейскій дворъ, сани поравнялись съ Троицкимъ Монастыремъ, стоящимъ также на лѣвой сторонѣ. Здѣсь переѣхали они каменный мостъ, устроенный черезъ ровъ и называемый по монастырю, также—Троицкимъ. На правой его сторонѣ, къ оврагу, сдѣланы были деревянныя перилы. Проѣхавъ этотъ мостъ, Кайсановъ замѣтилъ, что здѣсь дорога пошла ровнѣе. За Верхнимъ Рынкомъ кучеръ повернулъ налѣво, въ улицу, идущую на Козловскую Гору. Недалеко отъ этого поворота, на правой сторонѣ, стояла еще каменная церковь съ зеленымъ куполомъ. Кайсановъ спросилъ у Сеньки, какъ она называется? Ягитріей (Одигитріей), отвѣчалъ онъ. Миновавъ эту церковь, кучеръ опять сталъ подниматься на гору, называемую Козловскою, которая однако жъ была не такъ высока и крута, какъ Соборная. Тамъ Сенька повернулъ еще налѣво, въ узенькій переулочекъ и остановился у воротъ стараго, небольшого домика, у котораго было три окна на улицу.

— Вотъ и наша фатера! сказалъ Дуловъ. Кайсановъ вышелъ изъ саней и, забывъ предостереженіе Аграфены Кузминичны, далъ Сенькѣ на водку и приказалъ благодарить ее за одолженіе. Тутъ онъ вспомнилъ, какъ она рекомендовала своего кучера; но Сенька получилъ уже деньги и поправить ошибку было невозможно.

Между-тѣмъ Дуловъ стучался у воротъ. Со двора по-

дошелъ какой-то хромой, хилый старикъ и отворилъ ка-литку. Въ сѣняхъ встрѣтила Кайсанова служанка, въ изодранной нагольной шубейкѣ и сказала, что барыня ея легла уже почивать, приказавъ извиниться передъ господиномъ капитаномъ, что не можетъ сама принять его, потому что не очень здорова. Потомъ она проводила гостя въ назначенную для него комнату, гдѣ лежали уже дорожныя его вещи, поставила на столъ свѣчу, поклонилась и вышла.

Кайсановъ сталъ разсматривать новое свое жилище. Оно было очень скромно: кромѣ простой, деревянной кровати, обтянутой веревками, плохого стола, двухъ такихъ же стульевъ съ дырявыми кожаными подушками и разбитаго зеркальца, не было ничего. Остатки бумажныхъ шпалеръ, висѣли, какъ полковыя знамена, отслужившія свои сроки. Дуловъ покачалъ головой и хватился за печь.

— Э! да и печка-то нетопленая! А я нарочно просилъ хозяйшку, чтобъ она приказала истопить ее до вашего прибытія. Да видно и объ ужинѣ никто не заботился.... однако жъ, подождемъ: можетъ-быть служанка принесетъ чего-нибудь.

Прошло добрыхъ полчаса, но служанка не являлась. Дуловъ отправился на рекогносцировку, въ надеждѣ поживиться какой-нибудь добычей; но вездѣ было тихо и, по-видимому, всѣ спали уже глубокимъ сномъ.

Дуловъ отразпортовалъ объ этомъ своему капитану. Кайсановъ спросилъ, не осталось ли чего-нибудь отъ дорожной ихъ провизіи?

— Есть, ваше благородіе, небольшой кусокъ окорока.

— Ну, такъ давай его.

Дуловъ вынулъ изъ узелка кушанье, досталъ изъ погребца караминчикъ съ водкой, небольшую рюмку и столовый приборъ, и накрылъ столъ. Кайсановъ сѣлъ, поужиналъ и велѣлъ деньщику поѣсть.

Дуловъ кончилъ дѣло разомъ, по-солдатски; потомъ, положивъ на кровать тюфякъ, двѣ подушки и одѣяло, приготовилъ для капитана постель.

— Не холодно ли будетъ тебѣ лежать на голомъ полу? спросилъ Кайсановъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше благородіе: я и кроюсь пла-
нотъ. Миѣ не привыкать-стать валаться на доскахъ. Въ
ншую пору, на походѣ, спити бывало подъ открытымъ не-
бомъ, на матушкѣ-сырой землѣ, а здѣсь всё-таки по-лучше:
по-крайней-мѣрѣ сухо, ни откуда не дуетъ, да и сверху не
каплетъ.

Хотя было еще не очень поздно, однако жъ Кайсановъ
торопился лечь въ постель, потому что въ комнатѣ было
довольно свѣжо. Дуловъ раздѣлъ капитана, снялъ со сту-
льевъ подушки, разложилъ ихъ на полу и, загасивъ свѣ-
чу, улегся.

— Дай-то Богъ, бормоталъ онъ лежа, чтобъ по-скорѣй
пришла наша команда: тогда будетъ у насъ не этакая фа-
тера.

— Послѣ завтра должна она прійти непременно, ска-
залъ Кайсановъ, а между-тѣмъ мы успѣемъ здѣсь осмо-
трѣться и ознакомиться съ городомъ. Вотъ уже и сегодня
встрѣтились со мной разные печальные случаи. Во-пер-
выхъ, я нашелъ здѣсь моего дядю....

— Знаю, ваше благородіе: я все слышалъ изъ-за пере-
городки, что вы изволили говорить съ караульнымъ офи-
церомъ.

— Во-вторыхъ, продолжалъ Кайсановъ, при выходѣ
изъ церкви, удалось миѣ познакомиться съ одною здѣш-
нею купчихой и съ миленькою ея дочкой.

— Какъ вамъ такъ посчастливилось, ваше благородіе?
Я замѣтилъ, что дочка-то безпрестанно пялила на васъ
черненькіе свои глазенки: да и ваше благородіе что-то
шибко на нее засматривались. Я видѣлъ также, какъ, при
прощаньи, ваше благородіе поцѣловали ее въ ручку, а
она васъ въ щечку. Тутъ я смѣкнулъ, что войдетъ дѣло
на ладъ!... только, неча грѣха таять, я и самъ не нагла-
дѣлся бы на такую бѣлую лебедушку. Какая взрачная!
чистая, румяная, словно маковъ цвѣтъ!

— Завтра я пойду къ намъ обѣдать и опять увижу ее.

— Доброе дѣло, ваше благородіе. А послѣ можно какъ-
нибудь по-ближе къ ней присосѣдиться.

— Какъ присосѣдиться?

— Вѣстимо какъ: завести любовишку, чтобъ не скучно было на незнакомой сторонкѣ.

— Ты знаешь, Дуловъ, что я не волокита и не вѣтренникъ; а сверхъ-того эта дѣвушка такая милая, такая скромная... и, кажется, очень хорошо воспитана. Она совсемъ не похожа на болтливую свою матушку.

— Правда, ваше благородіе. Матушка далеко отстала отъ дочки и, какъ бы сказать, не слишкомъ великатою обхожденія: тарантить и щебечеть, какъ сорока. Каковъ-то батюшка?

— Завтра я съ нимъ увижусь и посмотрю, стоюгъ ли они всѣ, чтобъ продолжать съ ними знакомство. — А теперь уснемъ спокойно.

Тутъ оба замолчали, и черезъ минуту уснули.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЕМЕЙСТВО КУБЫШКИНЫХЪ.

Наденька, прелестная дочь купца Кубышкина, была уже въ такомъ возрастѣ, когда красавицы кружатъ головы мужчинамъ и сами подвергаются головокруженіямъ. Еще до того времени многіе смоденскіе франты сходили отъ нея съ ума, но она хладнокровно смотрѣла на это. Теперь наступилъ и для нея роковой часъ. Сердце ея затрепетало, мысли встревожились: всю ночь провела она безъ сна. Безпрестанно мечтался ей красивый, ловкій молодой офицеръ, который такъ пристально смотрѣлъ, такъ вѣжно поддерживалъ ее, сажая въ сани, такъ пламенно поцѣловалъ руку! Она надѣялась, что завтра опять его увидитъ, будетъ говорить съ нимъ, сидѣть вмѣстѣ за столомъ. Такія мысли мѣшали дѣвушкѣ уснуть: она поворачивалась съ боку на бокъ и только передъ разсвѣтомъ сомкнулись ея миленькіе глазки.

На соборной колокольнѣ пробило семь часовъ. Уже раз-

свѣтало: небо было ясно; полная луна разбрасывала послѣдніе лучи свои, опускаясь къ горизонту, и яркая звѣзда, превосходящая блескомъ всѣхъ своихъ подругъ и названная по имени богини любви, показалась на востокѣ. Морозъ постепенно увеличивался и съ трескомъ еще болѣе разщелялъ ветхіе, маленькіе домики. Выпавшій, накануне, новый снѣжокъ, хрустѣлъ подъ ногами прохожихъ, возвращавшихся отъ заутрени.

Кайсановъ, утомившійся отъ дороги, спалъ еще въ отведенной ему комнатѣ и какъ въ комнатѣ было холодно, то помпуптно видѣлъ пріятные сны, въ которыхъ мпленькая купеческая дочка всегда играла главную роль. Тѣтушка успѣла уже сходить къ заутрени и, возвратясь домой, принялась за хозяйственные распоряженія. Въ то время Смолянки средняго класса еще не пили кофе поутру: одні замѣняли его чаемъ, другія молокомъ, а нѣкоторые, съ горя, увеселяли сердце болѣе эспрнымъ напиткомъ. Поручицу Зарянову можно было причислить къ послѣдней категоріи. Лишь-только пришла она изъ церкви, тотчасъ приказала служанкѣ подать утреннюю порцію. Служанка, не получившая на то денегъ, не могла благовременно приготовить отраднago для барыни питья. Поручица разсердилась, закричала и начала бранить свою прислужницу, зачѣмъ не взяла въ долгъ. Та съ своей стороны представляла рѣзкія, но совершенно основательныя возраженія, которыя, сливаясь съ звучными аргументами госпожи, громогласно отражались въ той комнатѣ, гдѣ спали Кайсановъ и деньщикъ его.

Дулова разбудилъ этотъ гармоническій дуэтъ. Онъ вскочилъ и, протирая глаза, сталъ прислушиваться.

— Господи твоя воля! сказалъ онъ, перекрестясь: что это?... ужъ не турецкіе ли янычары напали на насъ въ-расплохъ?... Ваше благородіе!... ваше благородіе! Пора вставать: послушайте, какая тутъ идетъ баталія!

Шумъ за стѣной продолжался и кончился двумя пощечинами.

Кайсановъ всталъ, надѣлъ мундирный сюртукъ и вышелъ въ сѣни. Въ самое это время кухонная дверь отво-

рилась. Запачканная служанка бросилась опрометью изъ кухни на дворъ и чуть не сплибла съ ногъ Кайсанова; увѣсистая тѣтушка, въ смоленскомъ домашнемъ неглижѣ, съ повязаннымъ на головѣ платкомъ, который едва держался на одномъ ухѣ, выскочила вслѣдъ за дѣвухой и хотѣла довершить надъ ней свой храбрый подвигъ; но та уже стояла на дворѣ и концомъ передника утирала заплаканные глаза. Къ спасенію несчастной, поручица зацѣпилась за что-то въ сѣняхъ и упала на земь. Растянувшись на полу, она только уже кричала охриплымъ голосомъ:

— Погоди, погоди!... пусть только Лукьянъ Захаровичъ смѣнитъ съ караулу, я не отстану, пока онъ не прикажетъ высѣчь тебя порядкомъ!... тогда узнаешь, каково огрызаться съ барыней!...

Она хотѣла еще продолжать правоученіе, но, увидѣвъ Кайсанова, смѣшалась, и кое-какъ вскарабкалась на ноги, забывъ въ-торопяхъ поднять головной платокъ съ полу. Растрепанные волосы ея, какъ два бунчука турецкаго пашы, развѣвались по плечамъ.

— Ахъ, батюшка!... племянничекъ!... не знаю, какъ звать васъ по имени и отчеству... извините... можетъ-быть вамъ покажется странно... но вы видите, какая у насъ негодная служанка...

— Я очень жалѣю, что долженъ вамъ рекомендоваться при такомъ неприятомъ случаѣ, сказалъ Кайсановъ: я вчера ввечеру хотѣлъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе... но вы уже почивали.

— Не взъищите, любезный племянничекъ. Я не могла васъ дожидаться. У меня такъ ужасно разболѣлась голова отъ угару; что я принуждена была лечь въ постель. Да и безъ того, когда проведешь цѣлый день въ домашнихъ хлопотахъ, такъ невольно захочется уснуть по-раньше. Прошу покорно пожаловать въ горницу, а я, между-тѣмъ... отправлюсь немножко.

Кайсановъ, желая по-скорѣй вывести тѣтку изъ замѣшательства, тотчасъ взошелъ въ горницу, а поручица скрылась въ чуланъ. Черезъ нѣсколько минутъ она явилась къ

племяннику съ повязаннымъ на головѣ платкомъ и съ накиннутымъ на кофту салопомъ, который, изъ нѣкогда-чернаго, сдѣлался втеченіи вѣковъ бурнымъ.

— Вотъ я и готова! сказала поручица, что жъ вы стоите, племянничекъ? Садитесь.

— Я вошелъ только на минуту, чтобъ вамъ рекомендоваться. Мнѣ надобно тотчасъ идти къ здѣшнему коменданту и просить его назначить квартиру командѣ моей и мнѣ.

— Какі развѣ вы не у насъ будете жить? спросила поручица съ печальною улыбкою, которая показывается противъ воли у многихъ грѣшныхъ при неожиданной пріятной вѣстѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кайсановъ: мнѣ надобно имѣть квартиру по-близости моей команды.

— Ахъ, какъ жаль, что вы насъ оставляете! А я приказала истопить печь въ вашей комнатѣ!

— Это не худо, потому что можетъ-быть я пробуду у васъ еще дня два. Морозъ сегодня довольно великъ, а комната, въ которой я спалъ, кажется, давно не топлена.... Для меня это ничего, потому что я пойду со двора, но деньщику моему нужно погрѣться съ дороги.

— Онъ крѣпостной вашъ?

— Нѣтъ, онъ данъ мнѣ изъ полку.

— О! такъ онъ вѣрно привыкъ ко всему: я слышала, что солдаты на походѣ переносятъ и холодъ и голодъ.

— Правда, это случается, но только въ непріятельской землѣ; въ свосей они должны пользоваться на квартирахъ и теплотой и хорошей пищей.

— Ахъ, племянничекъ! мы люди бѣдные: наслы сами маячимся кое-какъ....

— Я не къ тому сказалъ, чтобъ вы пожертвовали чѣмъ-нибудь для моего деньщика: благодаря Бога, я въ-состояніи содержать его. Просьба моя состоитъ только въ томъ, чтобъ вы приказали истопить печь, а на дрова я дамъ денегъ. Пошлите кого-нибудь купить дровъ: деньщикъ мой незнакомъ еще съ городомъ и не скоро найдетъ.

Услышавъ о деньгахъ, поручица тотчасъ перемѣнила тонъ.

— Ахъ, батюшка! неужели вы думаете, что у насъ не съжжется столько дровъ, чтобъ раза два три истопить печь? Я сказала только потому.... потому что....

Кайсановъ не далъ ей кончить: онъ пошелъ въ свою комнату и черезъ минуту возвратился съ двадцати-пяти рублевою ассигнаціею въ рукъ.

— Вотъ вамъ, тётушка, на издержки..... извольте приказать натопить по-теплѣе печь и сварить для денщика хорошихъ щей.

— А для васъ что прикажете приготовить?

— Я не буду обѣдать дома.

— Гдѣ жъ вы будете кушать?

— У купца Кубышкина.

— Какъ! развѣ вы его знаете?

— Нѣтъ, я никогда не видалъ его; но вчера, послѣ всенощной, познакомился я нечаянно съ его женой и дочерью. Аграфена Кузминьшна, выходя изъ церкви, приказала отвезти меня сюда въ своихъ саняхъ, просила познакомиться съ ея мужемъ и пригласила къ себѣ обѣдать.

— Скоро же познакомились вы съ этой купчихой, сказала поручица, лукаво улыбаясь. Но я понимаю!... Какъ показалась вамъ ея дочка?

— Сколько я могъ замѣтить, она прекрасная и образованная дѣвица.

— То-то вы и хотите къ нимъ идти! О! я знаю, что молодые офицеры очень любятъ волочиться за пригоженькими дѣвушками..... Однако.... я не совѣтовала бы вамъ знакомиться съ этимъ семействомъ: старикъ спѣсивъ и угрюмъ, старуха записная сплѣтница, а дочь жеманная щеголиха.

— Но я далъ уже слово быть у нихъ сегодня.... впрочемъ, постараюсь узнать ихъ по-короче. Прощайте, тётушка! мнѣ пора къ коменданту.....

— Позвольте еще предостеречь васъ: у насъ не каминдантъ, а оберъ-каминдантъ; онъ вѣдь снаралъ. Старичокъ очень добрый, всѣ его любятъ и уважаютъ.... Жаль только, что за нимъ есть небольшой порокъ.

— Какой?

— Онъ Нѣмецъ.

— Развѣ это порокъ?

— Конечно, оно ничего: но всё-таки лучше, если бы онъ былъ Русскій. Какой ужъ это начальникъ, который проходя мимо русской церкви не крестится и кромѣ табельныхъ дней никогда къ обѣднѣ не ходитъ? Впрочемъ, онъ всё-таки добрый камандерь. А вотъ жена его оберъ-каминдантша..... и Боже сохрани какаѣ гордая и прекапризная! Только и знается съ дворянками и Нѣвками, а на нашихъ сестеръ, гарнизонныхъ офицершъ, не умѣющихъ говорить по-нѣмецки, или по-французски, не обращаетъ никакого вниманія, хотя сама очень хорошо говорить по-русски.....

— Стало-быть она свѣтская, образованная дама?

— Ужъ не знаю, какъ вамъ сказать: только по бѣльшей части она всё сидитъ дома и любитъ маленькимъ своимъ сыномъ, или цвѣтамъ. Лѣтомъ, почти съ утра до вечера прохаживается по цвѣтнику: то разсаживаетъ, то поливаетъ кусточки да цвѣточки, и все это дѣлаетъ сама: иногда по локоть замазаетъ землею приваскадательныя свои ручки. Вотъ на это и гордости нѣтъ! Чтѣ бы приказать кому-нибудь заниматься этимъ дѣломъ? у насъ въ гарнизонѣ и садовниковъ и всякихъ мастеровыхъ тматмушая!.... А какъ балуетъ она своего сына! Какія позволяетъ ему шалости! Это на издивленье! Однажды, вы не повѣрите, послала она за мной, чтобъ я пришла скропить для нее бѣлье; признаться, на это руководѣе такой мастерицы, какъ я, по всему Смоленску не съищешь. Нечего дѣлать: надобно было уважить просьбу камандерши. Я пошла. Чтѣ же? только-что отворяю дверь въ залу, и вижу на полу, по всей комнатѣ, мокрыя кучи песка и глины, а маленькій барченокъ съ своими дядьками строить изъ глины башни! Я поклонилась ему и спросила:—«Чтѣ это вы, сударь, пачкаете свои ручки такую дрянью?» — А вамъ чтѣ за дѣло? отвѣчалъ онъ угрюмо и гордо: я строю крѣпость и хочу атаковать ее. Кончивъ свою работу, онъ началъ швырять въ башни мячиками; а матушка его сидитъ на канапели, да любитъ проказами взбалмочнаго своего сыночка. Ну, скажите на милость, прилично ли енаральскому сыну заниматься такой потѣхой?! Вчужѣ жалъ,

право, что матушка его такъ избаловала; а мальчикъ могъ бы быть хорошъ: такой бойкій и понятливый; въ три дня выучился русской грамотѣ и, говорятъ, читаетъ теперь не хуже много большаго.... Но это не все: послушайте, какъ еще его тѣшутъ! Въ хорошую погоду, если соскучится ему заниматься домашними шалостями, матушка пуститъ его, съ толпою ординарцевъ, дядекъ и нянекъ, прогуляться по городу, къ разводу, или къ вечерней зарѣ, послушать музыкантовъ. А когда повезутъ его въ каретѣ, мимо гарнизонной школы, гдѣ обучаются солдатскіе дѣти, то, стоящіе тамъ въ караулѣ, школьники, выбѣгаютъ для него къ ружью, дѣлаютъ на караулѣ, бьютъ въ барабанъ и отдаютъ ему такую же честь, какъ и батюшкѣ его! Какъ это вамъ покажется? не мудрено, если этотъ барчевокъ выростетъ гордецомъ. И теперь уже, даромъ-что ему только осьмой годокъ, онъ высоко поднимаетъ свой носикъ: если кто заговоритъ съ нимъ не въ-попадъ, тотчасъ окрысится и закричитъ: «Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной? Знаешь ли, что я енаральскій сынъ?»

Тутъ поручица остановилась, чтобъ перевести одышку отъ длиннаго своего монолога. Кайсановъ терпѣливо выслушалъ почтенную тѣтушку-говорунью и, когда она готовилась продолжать, сказалъ:

— Миѣ никакой нѣтъ нужды знать, какова ваша комендантша и маленькій сынъ ея. Я имѣю надобность только до самаго коменданта, потому что, пока пробуду въ Смоленскѣ, долженъ находиться въ его командѣ; и такъ....

— Я ужъ говорила вамъ, что онъ очень добрый начальникъ, даромъ-что Нѣмецъ: не гордъ, не взыскателенъ.... однако жъ, однажды съ куманькомъ моимъ, прапорщикомъ Красаулинымъ, обошелся онъ не очень-то снисходительно. Куманѣкъ мой явился къ нему немножко хмѣльненекъ, не совсѣмъ, чтобы сказать, пьянъ, а такъ, маленько *подвыпимши*. Каминдантскій носъ тотчасъ почувствовалъ винный запахъ. Какъ закричитъ на него енараль осердясь: «Если въ другой разъ осмѣлишься прійти ко миѣ въ такомъ видѣ, такъ я велю арестовать тебя и посадить на абвахту.» Какъ-бы вы думали? За такую

бодялицу грозить арестомъ! Эна бѣда, что куманѣкъ мой выпилъ нѣсколько рюмочекъ! Лишь бы стоялъ на ногахъ и помнилъ службу..... Нѣтъ, въ этотъ разъ его приисхадительство слишкомъ погорачился. Превжній нашъ командантъ только одиннѣ чинномъ ниже былъ этого, но иногда не журилъ за такіе пустяки.....

Кайсановъ, замѣтивъ, что тѣтушка его опять пустилася въ болтовню, перервалъ ея ораторство и сказалъ:

— Извините, мнѣ некогда. Скажите, пожалуйста, какъ найти мнѣ домъ, въ которомъ живетъ обер-комендантъ?

— А вотъ какъ, батюшка: спуститесь съ Козловской Горы, по которой вы вчера сюда ѣхали, и идите все прямо до самаго Облонья; тамъ спросите, кого угодно: всякій укажетъ вамъ его квартиру.

— И такъ, прощайте! Я очень долго у васъ замѣшкался: боюсь, чтобъ не опоздать.

Кайсановъ оставилъ свою тѣтку и очень радъ былъ, что отвязался отъ такой многорѣчивой рассказчицы. Возвратясь въ свою комнату, онъ надѣлъ мундиръ и отправился къ обер-коменданту.

По описанію поручицы, онъ тотчасъ нашелъ его квартиру. Войдя въ комнату, въ которой генералъ принималъ по утрамъ посѣтителей, Кайсановъ засталъ его сидящаго въ креслахъ, передъ конторкой. Въ это время былъ у него плацъ-маіоръ, который ежедневно подавалъ два рапорта: одинъ о состояніи гарнизона, другой отъ полиціи.

Оберъ-комендантъ принялъ Кайсанова очень благосклонно. Выслушавъ его просьбу, онъ тотчасъ приказалъ плацъ-маіору отвести для рекрутской команды хорошія, теплыя квартиры и распорядиться, чтобъ еще до прибытія ея въ Смоленскъ, дома были уже назначены. Плацъ-маіоръ, получивъ такое приказаніе, обратился къ Кайсанову и предложилъ отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ полицію для соображенія, сколько должно назначить квартиръ для офицеровъ и сколько для нижнихъ чиновъ.

Кайсановъ откланялся генералу и вышелъ съ плацъ-маіоромъ. Кончивъ въ полиціи распоряженія о квартирахъ, онъ пошелъ къ Днѣпровскимъ Воротамъ навѣстить

дядю. Заряновъ уже ждалъ его. Кайсановъ разсказалъ ему все, что случилось съ нимъ послѣ вчерашняго ихъ свиданія; но не упомянулъ ни слова о побѣдѣ поручицы надъ служанкой и объ ея краснорѣчивыхъ разсказахъ. Заряновъ сообщалъ ему нѣсколько свѣдѣній о семействѣ Кубышкина и прибавилъ, что этотъ купецъ слыветъ въ Смоленскѣ довольно зажиточнымъ торговцемъ и очень честнымъ человѣкомъ; что и жена его также порядочная женщина, только любить иногда, какъ и всѣ вообще, подобныя ей, покритиковать своихъ знакомыхъ. А дочь ихъ, продолжалъ поручикъ, считается у насъ одною изъ достойнѣйшихъ дѣвицъ по всему городу. Она прекрасна не только лицомъ, но и душевными качествами и вовсе не походитъ на другихъ зѣвшихъ купеческихъ дочерей, потому что воспитывались въ богатомъ дворянскомъ домѣ. Многія, такъ-называемыя, благородныя дѣвицы не могутъ сравниться съ нею въ хорошемъ образованіи.

Кайсанову очень пріятно было слышать такой панегирикъ дѣвицѣ, которая съ перваго взгляду чрезвычайно ему понравилась.

Былъ уже первый часъ пополудни. Кайсановъ простился съ дядей и пошелъ къ Кубышкину.

Деревянный, одноэтажный, обитый новымъ тесомъ, домикъ этого купца, имѣлъ довольно красивую наружность. Кровля, ставни и рѣшетка у палисадника выкрашены были зеленою краской. На обѣихъ половинахъ воротъ наклевано было большими каррикатурными, красными, буквами: «Съ топоромъ.»

Кромѣ этой, не было другой надписи, по которой можно было бы узнать, кому принадлежитъ домъ; но Кайсановъ еще наканунѣ замѣтилъ его очень хорошо, хотя тогда было уже довольно темно. Да и какъ не замѣтить того дому, въ которомъ живетъ прелестная, милая дѣвушка!

Подошедши къ запертой калиткѣ, онъ побренчалъ кольцомъ. Дворовая, цѣпная, собака начала лаять. Знакомый уже намъ Сенька, бормоча себѣ подъ носъ, подошелъ къ воротамъ и суровымъ голосомъ спросилъ: «Хто здѣсьятка стукаетца?» Кайсановъ отозвался на вопросъ. Сенька

отворилъ калитку и, узнавъ офицера, котораго отвозилъ наканунѣ, проворно схватилъ съ головы шапку и, поклонившись въ полъ, сказалъ:

— Милосердіе просимъ, вашее благородіе! Хазлева жас давно уже ждутъ-сь васъ и хатѣли-бола послать меня за вами.

— Здоровы ли они? спросилъ Кайсановъ.

— Слава Богу, судырь. Только паутру Надежда Алексѣевна изволила жаловаться, што галава балить-сь, атьтаво-дискать-сь, што ночь худо спала. Аднака анослі порасхадзлася и одѣлася; а таперетка изволить-сь читать книшку.

Кайсановъ вошелъ на крыльцо, которое было о трехъ, или четырехъ ступенькахъ и покрыто навѣсомъ. Проходя мимо оконъ, онъ замѣтилъ предъ однимъ Аграфену Кузминишну, которая стояла, какъ онъ полагалъ, съ своимъ сожителемъ, а изъ другаго смотрѣла дочь ихъ. Хозяинъ, узнавъ отъ жены своей, что пришедшій офицеръ тотъ самый, котораго они ожидали, вышелъ въ сѣни и встрѣтилъ гостя.

— Добро пожаловать! сказалъ онъ Кайсанову, съ добросердечнымъ привѣтствіемъ. Благодарю за честь, что удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Рекомендую себя въ вашу благосклонность: прошу полюбить и жаловать!

— Извините, отвѣчалъ Кайсановъ, что я, совсѣмъ не зная васъ, рѣшился прійти къ вамъ. Вчера имѣлъ я удовольствіе познакомиться съ вашимъ семействомъ, и ваша супруга пригласила меня на нынѣшній день....

— Я очень радъ видѣть у себя такого дорогаго гостя, перервалъ Кубышкинъ. Просимъ пскорно пожаловать въ горницу.

При входѣ въ гостиную, встрѣтили Кайсанова Аграфена Кузминишна и Надежда Алексѣевна. Первая благодарила его за исполненіе даннаго слова и просила сѣсть на канапе, передъ которымъ на столикѣ, покрытомъ камчатною салфеткой, стояла уже приготовленная закуска.

Гостиная убрана была въ купеческомъ вкусѣ. Въ переднемъ углу стоялъ большой кивотъ краснаго дерева съ стеклянными дверцами. Онъ наполненъ былъ образами

разной величины, изъ которыхъ нныя блестяли серебряными и ярко вызолоченными ризами. Передъ кивотомъ, на серебряной цѣпочкѣ, висѣла теплящаяся лампада. Два лонберные стола и нѣсколько стульевъ, съ черными кожаными подушками, разставлены были у стѣнъ въ симметрическомъ порядкѣ. На стѣнахъ красовались портреты хозяина и хозяйки, и около дюжины гравированныхъ картинъ за стеклами, въ вызолоченныхъ рамкахъ. При входѣ изъ передней, направо къ окну, висѣли стѣнные часы съ кукушкой, а налѣво была печь, изъ зеленыхъ, муравленыхъ изразцовъ; съ разными фигурами. Эта печь поддерживалась снизу деревянными столбиками. На полу, передъ канапе, обитомъ также кожей, постланъ былъ узорчатый коверъ, на которомъ стояли четырехугольный, небольшой столикъ и, съ двухъ его сторонъ, по креслу.

Кубышкину было лѣтъ около пятидесяти. Онъ былъ средняго роста; волосы у него были черные, съ просѣдью, бороды онъ не брилъ. Почтенный видъ съ перваго взгляду вселялъ уваженіе къ нему. Онъ уже давно жилъ въ Смоленскѣ, но родомъ былъ изъ Калуги, и переселился по торговымъ обстоятельствамъ.

Аграфена Кузминична также была средняго роста, довольно дородна, но не толста, и тремя, или четырьмя годами моложе своего мужа. По чертамъ лица ея можно было замѣтить, что въ молодости своей она была очень не дурна. Разговорами и непритворнымъ радушіемъ умѣла она привлечь къ себѣ всѣхъ, которые ей нравились; зато съ тѣми, къ кому она не благоволила, обращалась сухо и съ нѣкоторою напыщенностью.

А Наденька?... но можемъ ли мы описать подробно всѣ ея прелести? Прибавимъ только къ тому, что сказано уже объ ней въ первой главѣ, что она была мила, прекрасна и умна, какъ всѣ героини прежнихъ, нынѣшнихъ и будущихъ романовъ.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, хозяинъ и хозяйка спросили гостя закусить и—какъ у многихъ и теперь еще водится, стали разговаривать о погодѣ.

— Таки холодненько стойтъ, Степанъ Александро-

вить!... Охъ! ошиблась: Александръ Степановичъ, хотѣла я сказать. Такъ начала Аграфена Кузминшна.

— Слава Богу, что наконецъ дождалась зимы! перервалъ Кубышкинъ. Въ нынѣшнемъ году она поздненько къ намъ пожаловала: а для насъ, промышленниковъ, невыгодна продолжительная осень.

— Вы торгуете чѣмъ-нибудь? спросилъ Кайсановъ.

— Охъ, батюшка! лучше не спрашивайте. Прежде торговалъ я дровами, а въ нынѣшнемъ году подрядился поставить въ Кіевъ провіантъ на армію; да что-то плохо идетъ. Мука вздорожала, а я снялъ поставку на прошлогодней цѣнѣ—и теперь, навѣрное, останусь въ накладѣ.

— Никто, какъ Богъ, Алексѣй Харитоновичъ! сказала Аграфена Кузминшна. Авось будетъ хоть небольшой барышокъ.

Послышался звукъ кольца у калитки. Хозяйка закричала:—Сенька! выйди и посмотри, кто бренчитъ у воротъ; если незваный, скажи, что никого нѣтъ дома.

— Это, вѣрно, Максимъ Петровичъ съ сожительницей, сказалъ Кубышкинъ. Вышедши вмѣстѣ отъ обѣда, я просилъ ихъ къ себѣ откушать..... Такъ и есть! они! продолжалъ онъ, взглянувъ въ окно на улицу. Прикатили въ саняхъ... Ухъ! какая лихая пара! знать недавно купилъ.

— Да и салопа на Лукерья Тихоновна новенькой! подхватила Аграфена Кузминшна, глядя въ другое окно: Смотри, какъ живутъ! не по-нашему.

— Ну что жъ? пусть себѣ наживаются, сказалъ Кубышкинъ, и пошелъ встрѣчать новопривывшихъ.

Максимъ Петровичъ былъ такой же переселившійся въ Смоленскъ купецъ и такую же носилъ бородку; а высокая, сухопарая его сожительница, Лукерья Тихоновна, ходила въ такомъ же костюмѣ, какъ и Аграфена Кузминшна.

Новые гости вошли въ комнату, стали у дверей и, смотря на образа, принялись креститься. Потомъ поклонились хованцу, хозяйкѣ, ихъ дочери, а наконецъ и Кайсанову.

Аграфена Кузминшна, поцѣловавшись съ Лукерьей Тихоновной, присла ее занять мѣсто на канapé, а Максимъ Петровичъ усѣлся возлѣ дверей на стулѣ.

— Ахъ, матушка! начала Лукерья Тихоновна, обыкно-

важнымъ предисловіемъ: Какая сегодня стужа! Я такъ озлябла, что мѣчи нѣтъ!

— Да! подтвердилъ протяжно Максимъ Петровичъ: морозикъ хоть-куда!

Изъ этого вступленія завязался между стариками разговоръ, который мы не считаемъ любопытнымъ.

Между-тѣмъ Надежда Алексѣевна стояла у окна, возлѣ котораго на столѣ лежали книги: одна изъ нихъ была раскрыта. Кайсановъ подошелъ къ столу и, взглянувъ на раскрытую книгу, спросилъ у Наденьки:

— Это вы изволили читать? Я слышалъ, что вы охотницы до чтенія.

— Отъ кого вы это слышали? спросила Наденька: впрочемъ это правда, — я люблю заниматься чтеніемъ.

Раскрытая книга была первая часть «Собесѣдника любителей россійскаго слова», а другія три — комедіи: «Недоросль», «Перстень» и «Нашла коса на камень».

Кайсановъ, пересмотрѣвъ всѣ заглавія, сказалъ: — Эти книги недавно еще вышли и считаются лучшими произведеніями нынѣшней нашей литературы, а особливо «Собесѣдникъ», въ которомъ помѣщаются стихотворенія новаго нашего поэта.

— Я страстная любительница стиховъ, сказала Наденька, и очень много ихъ читала, но такихъ прекрасныхъ, каковы напримѣръ: «Ода на смерть князя Мещерскаго», «На рожденіе порфиророднаго отрока» и прочихъ, помѣщенныхъ въ этой книгѣ, мнѣ не случилось еще читать на русскомъ языкѣ.

— Ваша правда, сударыня, отвѣчалъ Кайсановъ, такихъ стиховъ никто еще у насъ не писалъ, прежде Державина. Можно надѣяться, что онъ еще подаритъ насъ своими трудами. Тутъ перевернулъ онъ заглавный листъ «Собесѣдника» и продолжалъ: — Вотъ и эта ода его же. Въ бытность мою нынѣшнимъ лѣтомъ въ Петербургѣ, я слышалъ, что за это стихотвореніе Императрица прислала автору драгоценный подарокъ.

— И я это слышала, сказала Надежда Алексѣевна. До нынѣшняго времени считался у насъ лучшимъ поэтомъ

Ломоносовъ, но теперь едва-ли не должны будемъ отдать первенство Державину.

— Я вижу, прервалъ Кайсановъ, что вы не только охотницы читать стихи, но умѣете и цѣнить ихъ. Признаюсь, я самъ любитель чтенія. Жаль, что у насъ въ Россіи мало еще хорошихъ сочинителей.

— А о переводчикахъ и говорить нечего, прибавила Наденька: ни одна переведенная книга не вѣрна съ подлинникомъ. Недавно читала я первую часть «Новой Элоизы» на русскомъ языкѣ, и замѣтила, что мысли сочинителя выражены совсѣмъ не такъ, какъ въ оригиналѣ. После этого пропала у меня охота читать переводные романы, и теперь я стараюсь, если можно, достать ихъ въ подлинникѣ.

— Позвольте мнѣ откровенно говорить съ вами, продолжалъ Кайсановъ, восхищенный ея сужденіями: я слышалъ, что вы воспитывались не въ домѣ вашихъ родителей.

— И это уже вамъ извѣстно? подхватила Надежда Алексѣевна, съ маленькой улыбкой: точно такъ, я жила восемь лѣтъ у крестной моей матушки, полковницы Друкорть, которая любила меня столько же, какъ и родную дочь свою и обѣимъ намъ доставила одинаковое образованіе....

Тутъ Аграфена Кузминишна подошла къ дочери и сказала:—Наденька, голубушка! прикажи накрыть столъ; да скажи Агафѣ, прибавила она ей на-ухо: чтобъ положила новую скатерть,—знаешь? ту, что нынѣшнюю осень купили.

Наденька пошла, а Аграфена Кузминишна обратилась къ Кайсанову и начала выхвалять дочь свою.—Наденька наша, сказала она такое для насъ сокровище, какое Богъ рѣдко кому посылаетъ! Чего она не знаетъ? и по-французски, и по-нѣмецки! танцуетъ, играетъ на клавикордахъ! Притомъ мастерица вышивать въ тамбуръ и любить заниматься хозяйствомъ. А нравъ у нея такой кроткій, такой милый!.... Только за то не могу похвалить, что слишкомъ уже пристрастилась къ чтенію; если бъ не это, то можно бы сказать, что у нея *формально* никакого нѣтъ недостатку.

— А мнѣ кажется, прервалъ Кайсановъ, что охота къ чтенію такое достоинство въ дѣвицѣ, какого нынче рѣдко найти можно. Всѣ наши барышни любятъ только наряжаться, прогуливаться и танцовать, а болѣе ничѣмъ не занимаются и ни къ чему другому не имѣютъ охоты.

— У насъ, батюшка, въ купеческомъ быту, мало танцуютъ, возразила Аграфена Кузминична: развѣ только о святкахъ у кого-нибудь изъ родныхъ, или на именинахъ и свадебныхъ пирахъ; да и то пляшутъ по-русски, а не танцуютъ *по-нѣмецкому*. Вотъ у покойницы кумушки моей, а Наденькиной крестной матушки, Катерины Александровны, очень часто бывали нѣмецкіе танцы: тамъ я довольно насмотрѣлась на нихъ; однако жъ, не знаю, какъ вамъ сказать, хороши ли они, или нѣтъ, Богъ вѣсть! Вертятся, крутятся и фигурируютъ ногами, такъ что намъ бы вѣкъ этого не пережить.

Тутъ вбѣжалъ въ комнату Сенька, совершенно запыхавшись, (онъ отправлялъ у Кубышкина не только кучерскую и дворническую должности, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ камердинеромъ и дворецкимъ) и доложилъ, что стоя за воротами онъ увидѣлъ вдали, бывающаго часто у Алексѣя Харитоновича повѣтчика намѣстническаго правленія Цапкана, который, какъ онъ полагаетъ, и теперь идетъ къ нему; а потому прибѣжалъ спросить, прикажутъ ли его впустить?

— Пусти! сказалъ Кубышкинъ: онъ обѣщалъ мнѣ принести копію, которую я просилъ его списать.

Сенька вышелъ, и черезъ нѣсколько минутъ явился въ гостиную небольшого роста человѣчекъ, сутуловатый, неуклюжій, съ густо-напудренными и приглаженными назадъ волосами; на затылкѣ торчала у него коротенькая, тоненькая коса. Мѣшковатый и довольно поношенный кафтанъ голубаго цвѣта, передѣланный изъ стараго намѣстническаго мундира, черный, тафтяный камзолъ, съ длинными висячими карманами и нижнее платье изъ черной гарусной матеріи, составляли его нарядъ. Все это надѣто было на немъ какъ на чучелъ, которую ставятъ въ гороховыя гряды, чтобы пугать воробьевъ. Только-

что онъ вошелъ, Кубышкинъ встрѣтилъ его и, взявъ за руку, сказалъ:

— А! почтениѣйшій Финногенъ Карповичъ! милости просимъ! Очень радъ, что вы пожаловали: прошу покорно садиться и согрѣться водочкой.

— Поравнявшись съ вашимъ домомъ, сказалъ Цапкинъ, я никакъ не хотѣлъ преминуть, дабы не засвидѣтельствовать милостивцу моему, Алексѣю Харитоновичу и почтениѣйшей супругѣ его Агриппинѣ Косминичѣ, а также и благолѣвной ихъ дочери Надеждѣ Алексѣевнѣ все-нижайшаго моего высокопочитанія. Честь имѣю проздравить васъ съ храмовымъ праздникомъ!

Потомъ, шаркнувъ три раза ногами и отвѣсивъ всѣмъ по поклону, онъ продолжалъ:

— А! да здѣсь и Максимъ Петровичъ, общій нашъ благопріятель, и сожительница его Гликерія Тихоновна! Какъ обрѣтаетесь вы въ вашемъ здравіи?

Сказавъ это, онъ протянулъ руку Максиму Петровичу, а тотъ, не отвѣчая ни слова, сжалъ ее такъ крѣпко, что Цапкинъ не могъ вытерпѣть такого дружескаго привѣтствія и вскрикнулъ, отдергивая свою руку:

— Нѣтъ, почтениѣйшій! Это ужъ слишкомъ дружно! Ида косточки мои хруснули.

Такіе комплименты продолжались нѣсколько минутъ. По окончаніи ихъ, хозяинъ взялъ Цапкина подъ руку, подвелъ къ столу, на которомъ стояла закуска, и спросилъ:— Чего угодно вамъ, Финногенъ Карповичъ: настойки, водочки, или ренскаго?

— А вотъ, посмотримъ! отвѣчалъ Цапкинъ. Сперва познакомимся съ настоечкой, а потомъ доберемся и до высшей инстанціи. Нашимъ братьямъ-приказнымъ подобаетъ разсматривать всѣ документы и изготовлять ихъ къ слушанію по очереди; а настойка, водочка и ренское, по моему мнѣнію, принадлежатъ къ важнѣйшимъ документамъ въ горемычномъ нашемъ свѣтѣ.

Онъ быстро окинулъ глазами всѣ рюмки, выбралъ самую большую, налилъ ее настоечкой, по самое края и, держа отраднѣйшій напитокъ въ рукѣ, провозгласилъ краснорѣчивое поздравленіе и желаніе каждому многолѣтняго

здравія и душевнаго спасенія и проглотилъ настойку залпомъ. Потомъ схватилъ вилкой кусокъ балыка, закусилъ, рюмку наполнилъ рюмку настойкой и съ такою же поспѣшностью отправилъ куда слѣдуетъ дубликатъ, и въ другой разъ закусилъ икрой. Послѣ такого исправнаго дѣлопроизводства, онъ хотѣлъ-было выпить винограднаго вина, но хозяинъ просилъ выжидать еще третью рюмочку «православнаго» напитка, а потомъ уже принялся за чужеземный. Цапкинъ повиновался безпрекословно. По отправленіи трипликата, принялся онъ и за вино, но вмѣсто рюмки, взялъ одинъ изъ стакановъ, стоявшихъ на накрытомъ для обѣда столѣ, и налилъ въ него вина также до самаго вѣлья. Приобщивъ эту статью къ прочимъ таковымъ же, онъ обтеръ губы и съ пресмѣшными ужимками поклонился хозяину и хозяйкѣ.

Подали кушанье. Аленсѣй Харитоновичъ и Аграфена Кузминична стали просить гостей за столъ. Кайсанову предложили занять почетнѣйшее мѣсто съ правой стороны, возлѣ хозяйки, Лукерья Тихоновна сѣла по лѣвую, Максимъ Петровичъ возлѣ Кайсанова, Цапкинъ напротивъ хозяйки, рядомъ съ хозяиномъ, а Надежда Алексѣевна помѣстилась возлѣ Лукерьи Тихоновны.

Аграфена Кузминична разрѣзала кулебяку, и подала прежде всѣхъ Кайсанову, примолвивъ:—Извините Степ... оный-было ошиблась; экая безмятная!... Александръ Степановичъ! можетъ-быть вамъ не понравится востное кучеческое кушанье, но мы не умѣемъ готовить на французскій манеръ; поваровъ не держимъ, а стряпаемъ сами: вотъ и эту кулебяку я сама пекла.

— Я привыкъ ко всякому кушанью, отвѣчалъ Кайсановъ, лишь бы оно опрятно было изготовлено; а если вы сами стряпали, то я увѣренъ, что ваше кушанье должно быть вкусно.

Аграфена Кузминична была очень довольна этимъ complimentомъ и всячески старалась угодить молодому офицеру. Отъ каждаго блюда подавала она ему сама, выбирая лучшее.

Послѣ кулебяки хозяинъ и хозяйка стали подчивать гостей виномъ. Замѣтно было, что Кайсанова угощали усерд-

нѣе прочихъ, и говорили съ нимъ болѣе нежели съ другими; особенно Аграфена Кузминична. Она пустилась разспрашивать его обо всемъ: Кто были его родители? Есть ли у него, кромѣ Зарянова, еще гдѣ-нибудь родственники? Который ему годъ? и напоследокъ спросила съ улыбкой, не женатъ ли онъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Кайсановъ, тоже улыбаясь немного.

Этотъ отрицательный отвѣтъ очень пріятенъ былъ Аграфенѣ Кузминичнѣ и еще болѣе Наденькѣ, хотя ни та, ни другая, не показывали этого.

Цапкинъ въ свою очередь также обращался къ Кайсанову, величая его, почти при каждомъ словѣ, вашимъ благородіемъ. Узнавъ, что молодой капитанъ въ первый еще разъ въ Смоленскѣ, онъ сказалъ:

— Я увѣренъ, что нашъ Смоленскъ очень *понадравится* вашему благородію. Здѣшніе дворяне любятъ жить весело и рады угощать пріѣзжихъ. А притомъ и всѣ съѣстные припасы у насъ очень дешевы.

— Истинная правда! подтвердилъ Максимъ Петровичъ, который въ продолженіи обѣда ничего еще не говорилъ и выѣхался теперь въ разговоръ для того только, чтобъ сказать что-нибудь. Здѣсь все очень дешево: фунтъ хлѣба продается у насъ по копѣйкѣ, а говядины, самой лучшей, три копѣйки. У насъ очень часто бываютъ и публичныя собранія, примолвилъ Кубышкинъ: всякую зиму безпрестанно маскарады и балы; сверхъ-того два раза въ недѣлю, дворянскій клубъ. Всѣ значительныя особы съѣзжаются туда танцовать и играть въ карты.

— А въ прошломъ году, прибавила жена его, когда стояли у насъ полевые полки, былъ здѣсь и *тіятръ*. За городомъ, на Покровской Горѣ, смоленскаго полку полковникъ князь Долгоруковъ приказалъ сдѣлать изъ хвороста шалашъ, въ которомъ представляли разныя комедіи. Всѣ чиновники и дворяне съ фамиліями ѣздили туда смотреть безденежно. Однажды и мы, грѣшныя, съ Наденькиной крестной сестрицей были тамъ. — Какую-бишь представляли тогда комедію, Наденька?

— «Такъ и должно», а послѣ этой еще другую: «Нарциссъ», отвѣчала Надежда Алексѣевна.

— Я никогда такъ не хохотала, какъ въ тотъ вечеръ, смотря на эту кропотливую Аэросинью Сысоевну, продолжала Кубышкина: сперва я думала, что въ самомъ дѣлѣ говоритъ барыня, а въ вышло, что это былъ переодѣтый мужчина! Но онъ представлялъ такъ естественно, что никто не сказалъ бы, что это не женщина... вотъ точнёхонько, ни дать ни взять, сердитая, капризная деревенская помещица, какихъ я на своемъ вѣку много видывала.

— И прочихъ женскихъ лицъ представляли всё мужчины, прибавилъ Кубышкинъ.

— Откуда жъ набрали актеровъ? спросилъ Кайсановъ.

— Изъ полковыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, отвѣчалъ Кубышкинъ. Помнится, одинъ изъ нихъ, который игралъ въ первой комедіи офицера, а въ послѣдней влюбленнаго въ самого себя, назывался Клаушинымъ, а другой, который представлялъ служанку, Цетреусомъ; онъ сынъ здѣшняго гарнизоннаго капитана. Только одинъ былъ изъ придворныхъ актеровъ, который перешелъ какъ-то въ военную службу. И вотъ этотъ самый игралъ Аэросинью Сысоевну и во многихъ другихъ комедіяхъ старухъ. По фамиліи звали его: Семичевъ. Цетреусъ тоже славно отличался. Онъ почти всегда представлялъ служавокъ; но разъ какъ-то, когда случилось мнѣ одному быть въ театрѣ, сыгралъ онъ учителя—Нѣмца, такъ мастерски, что всякой подумалъ бы, что это настоящій пріѣзжій Нѣмчурка.

— Видите ли, батюшка, Александръ Степановичъ, примолвила Аграфсна Кузминична: какія бываютъ въ Смоленскѣ потѣхи?

— Ну что за потѣха, *тіятръ*? перервалъ Цапкинъ. Я не нашелъ въ немъ никакого толку: передражниваютъ добрыхъ людей; мелютъ такую чепуху, что иногда ничего не поймешь. Такія ли забавы бывали у насъ при корпусномъ командирѣ генералѣ Игельстромѣ! Вотъ ужъ можно было повеселиться вдоволь! Бывало, объ масляницѣ, велитъ онъ прицѣпить рядомъ саней, паръ съ полсотни, или болѣе; пригласитъ высшихъ чиновниковъ и дворянъ, съ женами и дочерьми, и всѣ разсядутся по санямъ и поѣдутъ по городу. Впереди бѣгутъ скороходы, за ними

Идутъ музыканты и пѣсельники, а потомъ чинъ за чиномъ: сперва намѣстникъ нашъ, высокосіятельнѣйшій князь Николай Васильевичъ Рѣвентъ; за нимъ самъ генералъ Игельстромъ, а тамъ губернаторъ, оберъ-комендантъ и другіе генералы, военные и статскіе чиновники, и каждый съ дамой. Весь этотъ поѣздъ разтянется версты на полторы! вотъ это можно назвать потѣхой; любедорого смотреть! поневолѣ, бывало, и самому захочется прокатиться: наймешь за гривенку, да вслѣдъ за ними ипустишься!

— Какихъ не бываетъ у насъ веселостей! сказала Лукерья Тихоновна, которая до-тѣхъ-поръ всё сдѣла молча и прилежно занималась кулебякой и другими блюдами:—О святкахъ, по вечерамъ ходятъ семинаристы и гарнизонныя школьники съ вертепами. А я, признаться, люблю смотреть на выпускныя куклы, которыя такъ смѣшно пляшутъ и коверкаются: отъ однѣхъ прибаутокъ животини надорвешь со смѣху.

— Сюда приѣзжаютъ иногда иностранныя фигляры и плясуны на канатахъ, прибавилъ Кубышкинъ. Прошлаго году былъ здѣсь удивительный фокусникъ; какъ-бишь, онъ назывался?....

— Мегеліусъ, отвѣчала Наденька.

— Вотъ можно сказать, совершенный былъ колдунъ! продолжалъ Кубышкинъ. Между прочимъ у него была голова, которая стояла на оловянномъ блюдѣ и которую онъ то и дѣло заводилъ ключикомъ, какъ часы. Фокусникъ называлъ се какимъ-то именемъ.....

— Голоперомъ, или какъ-то на это похоже, отвѣчала Аграфена Кузминична.

— Олоферномъ, поправила матушку свою Надежда Алексѣевна.

— Да, да: Ал.... Ал.. .феромъ.... тѣфу пропасть! никакъ не могу выговорить французскихъ словъ. Трудно тому ломать языкъ, кто привыкъ только горить по-русски.

— Эта волшебная башка дышала, говорила и отгадывала карты, которыя зрители выдергивали изъ колоды; а что всего удивительнѣе, она узнавала, сколько кому отъ-роду лѣтъ!

— Съ нами крестная сила! сказала перекрестясь Лукерья Тихоновна: это ужъ настоящее колдовство! Я ни за что не поѣхала бы смотрѣть такую бѣсовщину. Удивляюсь, какъ вамъ пришла охота!

— И мы не поѣхали бы, отвѣчалъ Кубышкинъ, да вотъ, Наденькина крестная естрица насъ взбаламутила.

Наденька усмѣхнулась и сказала, что тутъ не было никакого колдовства, что всѣ эти мнимыя чудеса дѣлались посредствомъ физики и механики.

— Какъ бы не такъ! перервалъ Цапкинъ: пѣтъ, извините! меня никто не увѣрять, чтобъ тутъ не было грѣха. Чтò за хвизика и мушаника? Это все пустяки: кто вамъ такъ сказалъ, тотъ видно, бусурманъ! Тутъ не чтò иное, какъ, прости Господи, обморочиваніе. Я слыхалъ отъ стариковъ, что если представляютъ такія штуки, то надобно замѣтить гдѣ-нибудь сучокъ, напримѣръ на стѣнѣ, въ столѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и закрыть его указательнымъ пальцемъ правой руки: тогда все обморочиваніе исчезнетъ и всѣ эти штуки и обманы покажутся въ настоящемъ видѣ.

— И я это слыхалъ, примолвилъ Максимъ Петровичъ.

Тутъ Надежда Алексѣевна и Кайсановъ взглянули другъ на друга и оба улыбнулись. Послѣдній обратился къ Кубышкину и завелъ другую матерію.

— Алексѣй Харитоновичъ! сказала, не много спустя, хозяйка своему сожителю: наши разговоры надобли Александру Степановичу: я замѣчаю, что онъ начинаетъ уже скучать, поди-ка, принеси бутылочки двѣ шиппанскаго, да поподчуй дорогихъ гостей.

— Мнѣ совсѣмъ не скучно, отвѣчалъ Кайсановъ: напротивъ, я съ удовольствіемъ слушаю.

Кубышкинъ всталъ и пошелъ за шампанскимъ. Между-тѣмъ хозяйка подвинула къ Кайсанову блюдо съ сладкими пирожками и предложила ему. — Эти пирожки, сказала она, дѣлала Наденька.

Кайсановъ взялъ парочку, но Аграфена Кузминична просила неотступно взять по-больше, говоря, что пирожки не велики. Кайсановъ не могъ отговориться и взялъ еще третій. Потомъ Кубышкина одѣлала такое же предложеніе

и другияхъ гостяхъ. Когда дошла очередь до Цапкина, то онъ, сдѣлавъ кисло-сладкую подъяческую гримасу, сказалъ:

— Хотя я и не охотникъ до лакомыхъ яствъ, но послѣку эти пирожки сочинены благолѣпными ручками, того-да не откажусь взять парочку.

Кубышкинъ возвратился, неся двѣ бутылки шампанскаго. Вслѣдъ за этимъ явился Сенька съ подносомъ, на которомъ стояли покалы.

Хозяинъ откупорилъ одну бутылку и, разливъ вино въ покалы, велѣлъ Сенькѣ подносить гостямъ. Кайсанову поднесли прежде всѣхъ. Онъ привсталъ и провозгласилъ здоровье хозяина, хозяйки и ихъ дочери.

— Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, перервала Аграфена Кузминина: если ужъ вамъ угодно пить за здоровье всего нашего семейства, то просимъ покорно выкушать за каждого изъ насъ особый покальчикъ.

Кайсановъ сталъ-было отговариваться, но Кубышкинъ, его сожительница и всѣ гости утверждали, что въ Смоленскѣ никогда не пьютъ по одному покалу и что это будетъ непростительнымъ нарушеніемъ общаго порядку и старинныхъ обычаевъ. Кайсановъ долженъ былъ согласиться.

Въ то время всякія вина были гораздо лучше и дешевле нынѣшнихъ: Шампанское, котораго бутылка стояла тогда въ Смоленскѣ два рубля, было въ десять разъ превосходнѣе того, которое стоитъ теперь въ Петербургѣ пятнадцать рублей.

Окончивъ тосты, всѣ встали изъ-за стола.

Кайсановъ подошелъ опять къ тому столу, на которомъ лежали книги. Онъ взялъ одну изъ театральныхъ вѣсть. Это была комедія «Недоросль», недавно еще присланная изъ Петербурга къ дѣвицѣ Друкорть, крестной сестрѣ Наденькиной, отъ которой, изъ деревни, она получила ее. Аграфена Кузмининшна спросила Кайсанова, читалъ ли онъ эту комедію?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но я довольно слышалъ объ ней отъ моего полковника, который большой любитель театра и знатокъ въ литературѣ. Онъ сказывалъ, что

видѣлъ ее на петербургскомъ театрѣ, когда ее давали въ первый разъ, и увѣрилъ, что такой прекрасной русской пьесы у насъ еще не бывало.

— Откровенно признаюсь вамъ, Александръ Степановичъ, сказала Аграфена Кузминична, я не охотница до свѣтскихъ книгъ,—мало знаю въ нихъ толку, да и не умѣю разбирать гражданской печати, а читаю только по церковной; однако жъ эта комедія мнѣ очень понравилась. Вчера Наденька читала ее вслухъ. Мы съ Алексѣемъ Харитоновичемъ довольно посмѣялись. Ктому жъ надобно отдать справедливость Наденькѣ: она читаетъ такъ мастерски и такъ искусно перемѣняетъ голосъ, что думаешь, будто говорятъ разные люди.... ну-ка, Наденька, прочитай намъ что-нибудь изъ этой комедіи.

— Нѣтъ, маменька, отвѣчала Надежда Алексѣевна, покраснѣвъ немножко: вы ужъ слишкомъ меня расхвалили. Я не хорошо читаю.

Кайсановъ сталъ убѣдительно просить, чтобъ она прочитала хоть одну страницу; къ этой просьбѣ присоединил свои Кубышкинъ и Цапкинъ, и Наденькѣ никакъ нельзя было отказаться. Она начала читать. Всѣ слушали ее съ великимъ удовольствіемъ и удивлялись ея умѣнью измѣнять голосъ соотвѣтственно характеру каждаго дѣйствующаго лица. Она читала безъ застѣнчивости и безъ самолюбивой увѣренности въ своемъ искусствѣ. Прочитавъ нѣсколько явленій, она положила книгу, взглянула на Кайсанова и извинилась, что можетъ-быть въ нѣкоторыхъ рѣчахъ невѣрно выразила мысли автора.

— Безъ всякой лести скажу, возразилъ Кайсановъ, что я въ первый разъ слышу дѣвицу, которая умѣла бы читать вслухъ съ такимъ искусствомъ и съ такою пріятностью.

Наденька, съ приличною скромностью, поблагодарила за похвалу и опять покраснѣла.

— За это искусство и за все, что она знаетъ, сказала Аграфена Кузминична, должны мы благодарить покойную крестную ея матушку: она всячески старалась дать ей хорошее образованіе. Дай Богъ ей царство небесное!... Хотя сначала мы неохотно соглашались отдать ей на

воспитаніе единственное наше, малое дитя, однако жъ теперь я очень рада, что Надежка воспитывалась у насъ. Могла ли бы она научиться у насъ тому, чему научилась живучи у покойной Катерины Александровны?

Тутъ Цапкинъ взялъ подъ руку Кубышкина, отвелъ къ сторонѣ и, вынувъ изъ кармана сложенный четверолистъ писаной бумаги, сказалъ шепотомъ: — Вотъ коніица, которую вы желали имѣть: я нарочно для этого и пришелъ, чтобъ вамъ ее доставить.

— Премного вамъ обязанъ, Финогенъ Карповичъ! сказалъ Кубышкинъ, и, взявъ копию, повелъ Цапкина въ спальню. Тамъ далъ онъ ему пять цѣлковиковъ. (Ассигнацій въ то время еще не было, а пять цѣлковыхъ, по тогдашнему курсу составляли пять рублей мѣди.)

Черезъ часъ явилось еще нѣсколько гостей: это были всё купцы съ женами и дочерьми. Аграфена Кузминина принимала ихъ съ радушіемъ. Надежка также; но сколько ни старалась она обращаться съ своими подругами ласково, тотчасъ можно было замѣтить, что образованіе прибывшихъ вовсе не равнялось съ ея образованіемъ, и оттого разговоры дѣвицъ были изысканны и принужденны. Мужчины занялись сужденіями о торговлѣ и купеческихъ оборотахъ. Кайсановъ подходилъ то къ купцамъ, то къ купчихамъ и вмѣшивался также въ ихъ бесѣды, но никто изъ этихъ новыхъ гостей не могъ привлечь его вниманія. Разговорами они всё почти похожи были на Максима Петровича и Лукерью Тихоновну.

Кайсанову очень хотѣлось поговорить еще съ Надеждой Алексѣвной; но чтобъ не подвергнуть ее и себя злословію купчихъ, онъ удерживался отъ этого. Цапкинъ, получивъ благостыню, тотчасъ простился и ушелъ. Часу въ девятомъ начали расходиться и прочіе гости. Кайсановъ также взялъ шляпу и сталъ прощаться. Хозяинъ и хозяйка упрашивали его посидѣть еще, но онъ извинился, сказавъ, что ему надобно заняться дома распорядженіемъ, какъ разставить по квартирамъ свою команду, которая завтра должна прійти очень рано. Онъ хотѣлъ уже откланяться, но Аграфена Кузминина просила его подождать минуты двѣ.

— Нѣтъ, батюшка, Александръ Степановичъ! прибавила она, мы не отпустимъ васъ прѣзжомъ. Квартира ваша довольно далеко отсюда и вы не успѣли еще ознакомиться съ смоленскими улицами: не мудро сбиться съ дороги. Наденька! скажи Сенькѣ, чтобъ заложилъ въ сани пару лошадей и отвезъ Александра Степановича.

Наденька пошла исполнить приказаніе своей матушки и тотчасъ возвратилась.

— Это правда, сказалъ Кайсановъ: Смоленскъ еще мало мнѣ знакомъ; при всемъ томъ, я замѣтилъ уже, что мѣстоположеніе его прелестное, и эти горы и рвы, которыхъ въ немъ такъ много, еще болѣе придаютъ ему красоты.

— Конечно, перервалъ Кубышкинъ: для прѣзжихъ наши горы и рвы кажутся красивыми, но намъ, здѣшнимъ жителямъ, они ужъ приглядѣлись и очень затрудняютъ насъ въ ходьбѣ и ѣздѣ.

— Всего страннѣе было для глазъ моихъ, продолжалъ Кайсановъ: что здѣсь и въ оврагахъ есть жилища и сады. Я намѣренъ на этихъ дняхъ, когда придетъ съ командой мой товарищъ и другъ, осмотрѣть съ нимъ вмѣстѣ весь Смоленскъ и познакомиться со всѣми здѣшними достопримечательностями.

Сенька, преобразившись въ кучера, вошелъ въ переднюю и, отворивъ изъ нея дверь, доложилъ, что сани уже воданы.

Кайсановъ, поблагодаривъ хозяевъ за угощеніе, простился съ ними. Алексѣй Харитоновичъ, Аграфена Кузминшна и Надежда Алексѣевна проводили его до выхода изъ передней и просили убѣдительно продолжать съ ними знакомство.

Онъ съ удовольствіемъ благодарилъ за это искреннее приглашеніе и обѣщалъ посѣщать ихъ. Откланявшись еще разъ, онъ вышелъ, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ свою квартиру.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

СТРАННЫЕ СЛУХИ.

Кайсановъ, восхищенный прелестями и талантами Надежды Алексѣевны, видѣлъ въ ней осуществленіе того идеала, который желалъ найти въ будущей спутницѣ своей жизни и, — если бъ не препятствовало небогатое его состояніе, онъ тотчасъ рѣшился бы предложить ей свою руку и сердце. Но нѣсколько тысячъ рублей, которыя остались у него отъ лотерейнаго выигрыша, были очень недостаточны, чтобы счастливо и спокойно жить съ любимою особой.

Многіе изъ нынѣшнихъ жалкихъ спекулянтовъ, которые начинаютъ уже бредить о женитьбѣ, а еще болѣе о богатомъ приданомъ, когда у нихъ только-что пробиваются усики, не нашли бы препятствія посвататься за Надежку, даме и въ такомъ случаѣ, если бъ она не была умна и прекрасна. Пожитью-бытью купца Кубышкина можно было навѣрное разсчитать, что онъ дастъ за дочерью порядочное количество тысячъ рублей; но у Кайсанова былъ странный характеръ: онъ поставилъ себѣ правиломъ жить своими деньгами, а не женными.

Воротившись отъ Кубышкиныхъ, онъ легъ въ постель и продолжалъ размышлять о красотѣ и достоинствахъ Надежды Алексѣевны. Прошелъ сляшкомъ часъ въ такихъ мечтаніяхъ. Наконецъ глаза его начали смыкаться; но вдругъ громкій гѣворъ, раздавшійся возлѣ окна его комнаты, помѣшалъ ему заснуть. Сквозь закрытыя ставни нельзя было слышать о чемъ толковали на улицѣ. Кайсановъ разбудилъ деньщика, который спалъ уже богатырскими сномъ, и приказалъ ему узнать, не случилось ли въ городѣ чего-нибудь необыкновеннаго. Дуловъ вскочилъ, накинулъ на себя шинель и вышелъ на улицу. Вскорѣ возвратился онъ, едва удерживаясь отъ смѣху.

— Чему ты смѣешься? спросилъ Кайсановъ.

— Какъ не смѣяться, ваше благородіе: умора, да и только! отвѣчалъ Дуловъ.

— Чтò жъ такое? расскажи.

— У самыхъ нашихъ оконъ, продолжалъ деньщикъ, разговаривали двѣ бабы и какіе-то два сорванца. Я сталъ прислушиваться къ ихъ рѣчамъ. Одна изъ бабъ рассказывала, что илучи теперъ изъ гостей, повстрѣчалась она съ своимъ кумомъ, который, четверть часа назадъ, проходилъ мимо какой-то башни.... Какъ-бишь она назвала ее?... Ну, да чтò до того! Лишь-только поравнялся кумъ ея съ этой башней, какъ-вдругъ выскочили оттуда, цѣлыми толпами, рогатые и косматые лѣшіе.... или домовые, прахъ ихъ знаетъ! и начали бѣгать по городской стѣнѣ: иные вгребали на вольнкахъ и балалайкахъ, а другіе пустились въ-запуски плясать голубца и ваньку-горюна.... Да всего не перескажешь, чтò врала эта баба! Сметнувъ, что она клюкнула лишнюю чарку, я велѣлъ ей замолчать и сказалъ, чтобъ она шла въ другое мѣсто пороть такую дребедень, а здѣсь-де живетъ полевой офицеръ, которому громкіе разговоры мѣшаютъ опочивать. «Это недредень, господинъ служивый, отвѣчала баба: у насъ, въ Смоленскѣ часто бываютъ на городской стѣнѣ демонскія проказы». На это я сказалъ, что такимъ пустякамъ только дураки повѣрятъ. Тутъ одинъ изъ сорванцовъ сталъ увѣрять и божиться, что это точная правда и что если поживу я здѣсь по-долѣе, то можетъ-быть и самъ увижу такія чудеса. Я засмѣялся и сказалъ, что это несбыточное дѣло, а онъ всё стоялъ на-своемъ. Видя, что ихъ не урезонишь, я ихъ въ шею и прогналъ всѣхъ отъ окна.

— И хорошо сдѣлалъ, перервалъ Кайсановъ. Простой народъ любитъ рассказывать и слушать суевѣрныя небылицы. Ложись спать: недавно пробило на городскихъ часахъ двѣнадцать. Не знаю, отъ чего мнѣ не спится.... Однако жъ надобно уснуть, чтобы встать по-раньше и принять квартиры для команды.... Разбуди меня въ седьмомъ часу.

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Дуловъ и, сбросивъ съ себя плащъ, свернулся опять на полу и уснулъ

по-прежнему. За часъ до разсвѣту, онъ всталъ, вычистилъ капитанскій мундиръ и разбудилъ своего командира. Кайсановъ одѣлся и, передъ выходомъ со двора, зашелъ къ своей тѣткѣ.

Поручица сидѣла за небольшимъ столикомъ, на которомъ стояли караванъ и стаканъ. Хотя они были порожніе, однако жъ, распространившійся по комнатѣ спиртуозный ароматъ, доказывалъ, что незадолго передъ тѣмъ, были они не пусты. Въ почтительномъ отдаленіи отъ стола, стояла очень неопратно одѣтая, среднихъ лѣтъ, женщина, по-видимому гарнизонная солдатка. Кайсановъ, не входя еще къ тѣткѣ, слышалъ изъ-за дверей женскій разговоръ о какомъ-то любопытномъ происшествіи, но лишь отворилъ онъ дверь, рассказчица замолчала. Поручица, слушавшая ее съ большимъ вниманіемъ, желала нетерпѣливо узнать развязку, а потому очень сухо приняла своего племянника и понуждала бабу продолжать повѣствованіе.

— Рассказывай, рассказывай, Пантелѣевна! Мнѣ очень хочется знать, чѣмъ кончились эти проказы.

Рассказчица, приведенная въ замѣшательство приходомъ полевого офицера, остолбенѣла, опустила руки, вытнувшись въ струнку, какъ солдатъ передъ своимъ командиромъ, и не рѣшалась продолжать своего повѣствованія. Кайсановъ, замѣтивъ что она смѣшалась, сказалъ ей:

— Чтò жъ ты молчишь? Говори, когда поручица тебѣ приказываетъ.

Ободренная этими словами, солдатка начала опять рассказывать, но только не съ такою живостью, какъ прежде.

— Вотъ, сударыня-матушка, Матрена Сидоровна! Какъ они напугались и натѣшились вдоволь, то начали кричать и заорали пѣсни. А одинъ изъ этихъ проклятыхъ— наше мѣсто свято!—(тутъ она перекрестилась) какъ подбѣжить къ часовому, да какъ треснетъ его въ ухо, а тотъ, сердечный, и съ ногъ свалился, да и лежитъ безъ памяти. Едва-едва, горемычный, почувствовался и кое-какъ, по-маленьку, да по-тихоньку, началъ приподниматься и хотѣлъ кричать: нерауль! А тутъ какъ подскочатъ ошнѣ

еще двое—страшнѣе прежняго, да какъ схватить его за руки, да повалить на землю и давай затыкать ему ротъ пенькой! Оканянные такъ заткнули ему ротъ, что старичокъ еле-еле могъ духъ переводить. Насмѣлявшись надъ нимъ въ-волюшку, нечистые начали-было опять плясать, а въ ту же минуту пропѣли. Вотъ какъ пропѣли пѣтухи, то всѣ проклятые какъ всполошатся, да какъ побѣгутъ назадъ, и давай по-скорѣй убираться въ башню Веселуху, опереживая другъ друга. Вотъ какъ они убрались въ башню, то поднялся въ ней такой стукъ, какъ-будто вся эта сволочь сквозь полъ тамъ провалилась — и все утихло.... А знаете ли, сударыня-матушка, Матрена Сидоровна, кто этотъ часовой, котораго такъ уподобляли нечестивые?.... Анто́въ Митрофановъ, тотъ самый, котораго намѣднн привели на ротный дворъ, за то, что напилси пьянъ. Вы тогда очень жалѣли, что сержантъ за такую бездѣльную вину..... Тѣбу пропасть! на чемъ-бишь я остановилась?.... Да! вотъ какъ нечистые убрались въ башню и провалились сквозь полъ, то старикъ Митрофановъ пролежалъ съ заткнутымъ ртомъ, ни живъ, ни мертвъ до самаго разсвѣта. Передъ зарей онъ очнулся, поднялся на ноги, перекрестился и началъ вытаскивать изъ рта пеньку: и что жъ? въ пенькѣ нашель онъ золотой *ампирьялъ*! Старинушка обрадовался и хотѣлъ-было положить его въ карманъ, но спохватившись, что великій грѣхъ брать демонскія деньги, онъ призадумался и не зналъ, что дѣлать съ *ампирьяломъ*. Не взять—жалко; а взять—бѣда! Вдругъ, что бы вы изволили думать? *Ампирьялъ* почернѣлъ весь, какъ уголь! Часовой швырнулъ его отъ себя: манета покатиалась и разсыпалась маленькими искорками, которыя тутъ же оборотились въ угольки! Провалились я сквозь землю, еслу лгу, Матрена Сидоровна! Все что я вамъ говорю, слышала я отъ двоюродной моей сестры, что въ замужствѣ за мѣщаниномъ Разгулинымъ, который въ эту ночь шелъ возлѣ городской стѣны и видѣлъ эти дѣвольскія наважденія своими глазами. Онъ такъ перепугался, что чуть-чуть дотащился до дому: говорить, что доползъ на четверенькахъ, и всю ночь не могъ заснуть, а теперь побѣжалъ въ полицію, объявить обо всемъ плацъ-маіору.

Когда солдатка кончила, Кайсановъ сказалъ тѣткѣ, что и деньщикъ его, котораго высылалъ онъ ночью на улицу, слышалъ такой же вздоръ, отъ пьяной бабы, стоявшей передъ окномъ его комнаты.

— Нѣтъ, племянничекъ, отвѣчала поручица, это не вздоръ, а суцая правда. Но вамъ простительно не вѣрять, потому что вы недавно еще въ нашемъ городѣ и въ первый разъ слышите объ этихъ чудесахъ. А если сами увидите своими глазами, то заговорите другое.

— Но кто жъ такъ проказничаетъ? спросилъ Кайсановъ.

— Вѣстимо кто! отвѣчала поручица: врагъ человѣческаго рода, которому за грѣхи наши позволяется иногда куралѣсить надъ нами!

— Вы шутите, перервалъ Кайсановъ, съ усмѣшкой.

— Какая тутъ шутка! возразила поручица. Стоявшіе на стѣнѣ часовые и многіе прохожіе своими глазами видѣли эти страсти.

— Удивительно! замѣтилъ Кайсановъ: я не думалъ, чтобы въ Смоленскѣ происходили такія невозвѣрныя явленія. Но всегда ли въ одномъ мѣстѣ они показываются?

— Только у башни Веселухи, отвѣчала поручица; большею частію случается это зимой, передъ святками и даже въ самыя святки. Говорятъ, что въ это время нечистые празднуютъ свои свадьбы. Часовые рассказываютъ, что лишь-только наступитъ двѣнадцатый часъ ночи, то изъ этой башни начнутъ выходить цѣлыя вереницы страшныхъ образинъ, одѣтыхъ въ разныя платья. У иныхъ торчатъ на головѣ крутые, высокіе рога, а сзади волочатся мохнатыя хвосты; другіе наряжены въ блестящіе кафтаны, странцыя кофты, сарафаны и душегрѣйки. А впереди всей ватаги, маршируютъ скоморохи, играя на дудкахъ, вольнкахъ и балалайкахъ. Пройдя въ такомъ порядкѣ нѣсколько шаговъ, начнутъ всѣ кобениться, кривляться и плясать, а идущіе сзади орутъ во все горло пѣсни. Иногда, дошедши до другой башни, схватываютъ они стоящаго тамъ часоваго, сажаютъ его на зубецъ стѣны, или сбрасываютъ на землю и потѣшаются такъ до самой полночи. Потомъ, лишь пропойтъ пѣтухи, всѣ ки-

даются опроретью назад и прячутся въ башню Веселуху. Многие говорятъ, что на другой день послѣ такой демонской шутки находятъ на стѣнѣ разбросанные платки, кушаки, шапки и даже деньги; но если кто позарится на эти вещи и возьметъ ихъ, то при первомъ крестномъ знаменіи, все найденное превращается въ камни, да въ уголья.

— Неужели всѣ здѣшніе жители вѣрятъ такимъ бреднямъ? перервалъ Кайсановъ.

— Какъ же не вѣрять, батюшка, когда рассказываютъ такіе люди, которые своими глазами все это видѣли?

— Но эти рассказчики принадлежатъ къ простому народу, а такимъ людямъ вѣрять не должно, отвѣчалъ Кайсановъ: если бы и въ самомъ дѣлѣ показывались такія привидѣнія, то стоить только поймать ихъ сколько-нибудь, тогда бы открылось, что здѣсь ничего нѣтъ сверхъестественнаго.

— Да какъ же можно поймать нечистую силу? и кто осмѣлится идти въ башню ночью? Своя жизнь никому еще не надобна! Сунься-ка кто-нибудь, то зададутъ такого карачуна, что и помпнай какъ звали!

— Но съ вооруженною командой.....

— Чтò тутъ команда противъ демонскихъ каверзъ? Да и какъ найдешь этихъ проклятыхъ! прикинутся невидимкой, такъ гдѣ ихъ съищешь? Нѣтъ, любезный племянникъ, это не статочное дѣло! Тутъ никакая человѣческая сила пособить не можетъ. Всѣ эти проказы не чтò иное, какъ сатанинское наважденіе, отъ котораго да спасетъ насъ мать Пресвятая Богородица! (Тутъ поручица взглянула на образъ и перекрестилась.)

— Все, чтò я смышлялъ отъ васъ и ночью отъ деньщика моего, возразилъ Кайсановъ, кзжется мнѣ очень страннымъ. Можетъ-быть удастся мнѣ гдѣ-нибудь по-обстоятельнѣе развѣдать объ этихъ мнимыхъ чудесахъ. Прощайте!

Кайсановъ вышелъ, оставя тѣтку свою съ солдаткой, которая принялась досказывать поручицѣ неоконченную повѣсть.

Проходя по улицамъ, Кайсановъ замѣтилъ во многихъ

мѣстахъ собравшіяся толпы народа; всё толковали о явленіяхъ показывавшихся въ эту ночь у башни Весслука. Когда пришелъ онъ въ полицію, то и тамъ одинъ получившій мѣщанинъ, (вѣроятно тотъ, о которомъ говорили солдаты,) рассказывалъ съ жаромъ такую страшную исторію, что даже у плѣшивыхъ чуть-чуть не поднимались волосы дыбомъ.

Нѣкоторые изъ бывшихъ тутъ гарнизонныхъ офицеровъ слушали рассказчика, хотя не съ полною довѣрчивостію, однако жъ съ большимъ любопытствомъ и дѣлали ему нѣкоторыя возраженія; но мѣщанинъ увѣрялъ, что говоритъ истину и что все имъ рассказанное, видѣлъ онъ своими глазами. Плацъ-маіоръ сначала смѣялся, но видя, что рассказчикъ крѣпко стоитъ на-своемъ, наконецъ рассердился, назвалъ его дуракомъ и велѣлъ идти домой проспаться отъ вчерашней попойки.

— Да смотри! прибавилъ онъ: не смѣй нигдѣ разглашать такихъ глупостей, а нето я прикажу посадить тебя подъ караулъ!

По уходѣ мѣщанина, Кайсановъ сказалъ, что онъ сегодня въ третій разъ уже слышитъ эти странные рассказы, и что тѣтка его увѣряла, будто подобныя явленія не рѣдко случаются въ Смоленскѣ.

— Въ четырехлѣтнюю бытность мою при нынѣшней должности, отвѣчалъ плацъ-маіоръ, уже нѣсколько разъ доходили до меня такія пошлыя сказки, но послѣ изслѣдованія всегда оказывалось, что онѣ не имѣли никакого основанія, а потому я и не доводилъ объ нихъ до свѣдѣнія высшаго начальства, опасаясь, чтобъ и меня не сочли такимъ же суевѣромъ, какъ и тѣхъ, которые мнѣ объ этомъ рассказывали.

Перемѣнивъ разговоръ, плацъ-маіоръ приказалъ выдать Кайсанову росписаніе отвѣденнымъ подъ команду его домамъ, которые находились на Пятницкомъ Ручьѣ въ тѣсныхъ закоулкахъ. Кайсановъ, получивъ проводника, отправился принять квартиры, а потомъ явился къ оберъ-комманданту.

Онъ пришелъ къ генералу въ самое то время, когда камердинеръ отворилъ дверь въ приемную и ожидавшие

сять передней плацц-маіоръ и другіе гарнизонные офицеры вошли въ генеральскій кабинетъ.

Оберъ-коммандантъ, въ тепломъ плафрокѣ, сѣдѣлъ передъ конторкой у окна. Офицеры, вступивъ въ комнату, поклонились и стали у дверей. Одинъ только плацц-маіоръ подошелъ къ генералу и подалъ ему два обыкновенные суточные рапорта; потомъ, отступивъ на нѣсколько шаговъ, сталъ впереди прочихъ офицеровъ. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ генеральскихъ ординарцевъ отворилъ дверь изъ передней и, остановивъ у порога посланнаго съ гауптвахты мелльдъ-срейтора, выдернулъ изъ обшлага его суточный рапортъ и подалъ генералу. Солдатъ, державшій ружье на плечѣ, сѣдлалъ на караулъ и отрапортовалъ словесно объ исправности городского караула; потомъ сѣлавъ опять на плечо, поворотился направо-кругомъ и пошелъ назадъ, сопровождаемый ординарцемъ.

Генералъ, принявъ рапорты, пробѣжалъ ихъ глазами и положилъ на конторку. Потомъ обратясь къ плацц-маіору началъ говорить о дѣлахъ службы. Спусти четверть часа прибѣжалъ осьмилѣтній сыночекъ оберъ-комманданта. Онъ подошелъ къ своему папенькѣ, поцѣловалъ его руку, и потомъ поклонился довольно важно всѣмъ бывшимъ тутъ офицерамъ. Кайсацовъ догадался, что этотъ малютка долженъ быть тотъ самый, о которомъ наканунѣ такъ много рассказывала его тѣтка, поручница Зарянова.

Оберъ-коммандантъ поцѣловалъ сынка своего въ щеку и, замѣтивъ, что малютка хочеть ему сказать что-то, спросилъ:

— Я замѣчаю по лицу твоему, что у тебя есть какая-нибудь новость?

— Очень любопытная и удивительная, папенька, отвѣчалъ оберъ-коммандантскій сыночекъ. Ординарецъ, Червоуховъ, рассказывалъ мнѣ, что въ прошедшую ночь выходилъ изъ башни Веселухи, какіе-то черти, плясали на городской стѣнѣ и пѣли пѣсни.

— Я думалъ, перервалъ генералъ, услышать что-нибудь новое, но ты опять подчуешь меня нелѣпостями, о которыхъ говоришь мнѣ очень часто. Вѣроятно, ординар-

цы, замѣтивъ, что ты охотникъ слушать волшебныя сказки, хотятъ угодить тебѣ такимъ вадоромъ.

Плацъ-маіоръ улыбнулся и приподвинулъ: — И я также слышалъ сегодня эту небылицу, которая теперь разнеслась по всему городу. Я приказалъ тотчасъ представить ко мнѣ солдата, стоявшаго ночью на часахъ у Позняковой башни, и спрашивалъ его подробно; но онъ признался мнѣ, что становясь съ вечера на часы, былъ нѣсколько хмѣлецъ и задремалъ скоро: ночью померещилось ему, будто изъ башни Веселухи вышли странно одѣтые люди, приблизились къ нему, стали его давить и потомъ исчезли. Но дѣйствительно ли это случилось, или пригрезилось ему во снѣ, того утвердительно сказать не можетъ. Черезъ часъ послѣ, явился въ полицію одинъ заѣшній мѣщанинъ, который объявилъ мнѣ, что возвращаясь вынѣшней ночью, изъ гостей, мимо башни Веселухи, онъ слышалъ въ ней сильный стукъ, похожіи на топотъ бѣгущихъ людей, которые потомъ выскочили изъ башни, пѣли, плясали, кувыркались и скрылись опять въ башню; но и этому чело-вѣку нельзя повѣрить, потому что онъ давно уже замѣченъ въ нетрезвомъ поведеніи, а сверхъ-того и самъ признался, что былъ на именинномъ пиру. Слѣдовательно....

Плацъ-маіоръ замолчалъ, предоставивъ оберъ-комменданту придѣлать заключеніе къ его «слѣдовательно».

Кайсановъ также рассказалъ генералу то что слышалъ отъ деньщика, а потомъ отъ тѣтки и бывшей у нея солдатки.

Оберъ-коммендантъ смѣялся, однакожъ приказалъ плацъ-маіору поставить у башни Веселухи скрытый въ домахъ караулъ, который бы въ ночное время наблюдалъ, что будетъ происходить на городской стѣнѣ, и если опять появятся какія-нибудь привидѣнія, то немедленно донести ему.

Плацъ-маіоръ и гарнизонныя офицеры скоро откланились оберъ-комменданту и вышли. Остался одинъ Кайсановъ, съ которымъ генералъ занялся продолжительнымъ разговоромъ. Замѣтивъ, что молодой офицеръ хорошо образованъ и узнавъ, что онъ воспитывался въ кадетскомъ

корпусъ, генералъ началъ говорить съ нимъ по-нѣмецки и, при окончаніи разговора, сказалъ:

— Вѣроятно, вы не успѣли еще въ короткое время пребыванія вашего въ Смоленскѣ, познакомиться съ хорошими домами и оттого вамъ покажется у насъ скучно. Желая доставить вамъ нѣкоторое развлеченіе, я приглашаю васъ приходить ко мнѣ всякое воскресенье отобѣдать и провести вечеръ. Этотъ день провожу я съ короткими моими знакомыми, въ числѣ которыхъ мнѣ очень пріятно будетъ видѣть и васъ.

Кайсановъ, не ожидавшій такого лестнаго приглашенія, поклонился и отвѣчалъ, что онъ сочтетъ за особенную честь быть принимаемымъ въ домъ его превосходительства.

Вошелъ камердинеръ и доложилъ, что изъ рекрутскаго присутствія присланъ сторожъ съ извѣщеніемъ, что всѣ члены уже собрались и ожидаютъ его превосходительства. Оберъ-комендантъ приказалъ подать одѣваться. Кайсановъ хотѣлъ откланяться, но генералъ продолжалъ разговаривать съ нимъ, пока подана была къ крыльцу карета. Оберъ-комендантъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ молодымъ офицеромъ и, сѣвъ въ карету, поѣхалъ въ рекрутское присутствіе, а Кайсановъ пошелъ къ своему дядѣ.

Слухи о ночныхъ явленіяхъ дошли и до Зарянова. Кайсановъ спросилъ у Лукьяна Захаревича: давно ли и отчего возникла такая странная молва?

— Здѣшніе старожилы, отвѣчалъ Заряновъ, рассказываютъ, что по преданіямъ, слышаннымъ ими отъ отцовъ и дѣдовъ, такіе слухи начались со времени построенія городской стѣны, но потомъ, мало-по-малу смолкли; однако жъ, лѣтъ шестнадцать назадъ, неизвѣстно отъ чего, опять появились. Многіе изъ простыхъ людей выдавали за истину, будто они дѣйствительно видѣли на стѣнѣ чудныя явленія. Правительство пыталось узнать причину такихъ странныхъ разказовъ. Приказано было осмотрѣть башню, одизко жъ и по нынѣ ничего подозрительнаго въ ней не найдено.

— Но правда ли, продолжалъ Кайсановъ, что нѣсколько

разъ находили стоявшихъ въ башнѣ часовыхъ, сброшенныхъ съ городской стѣны, или посаженными на зубцы?

— Дѣтъ десять тому, отвѣчалъ Заряновъ, дѣйствительно, нашли однажды часового, унавагаго со стѣны: но это случилось отъ того, что становясь на часы, принесъ онъ съ собою порядочный запасъ вина, отъ котораго вскорѣ заснулъ, а ночью, проснувшись, вообразилъ, что онъ находится въ своемъ домѣ, началъ прохаживаться не вдоль, а поперекъ стѣны и попалъ въ такое мѣсто, гдѣ было нѣсколько сломанныхъ зубцовъ. Онъ оступился и упалъ на землю. На другой день нашли его въ безчувственномъ положеніи и отвезли въ лазаретъ. Передъ смертью пришелъ онъ нѣсколько въ память и рассказалъ, отъ чего случилось его паденіе. Послѣ-того, другому часовому приключилась горячка съ бредомъ; въ этомъ пароксизмѣ полѣзъ онъ на зубецъ и просидѣлъ тамъ до утра, пока пришла смѣна. Эти два происшествія простой народъ перетолковалъ по-своему и разгласилъ, что они случались отъ нападенія нечистой силы. Теперь, всякій годъ, ббльшею частію въ зимнее время, носятя слухи, будто на городской стѣнѣ появляются привидѣнія. Образованные жители смѣются надъ этими пустяками, но преданіе такъ глубоко вкоренилось въ суевѣрные умы, что очень трудно разуверить простяковъ въ томъ, что съ давняго времени закоснѣло въ ихъ головахъ. Впрочемъ эти рассказы скоро проходятъ: поговорятъ нѣсколько дней, а потомъ перестанутъ, пока не вздумается кому-нибудь опять возобновить молву. По моему мнѣнію, если и въ самомъ дѣлѣ видятъ на стѣнѣ какія-нибудь явленія, то это не что иное, какъ проказы мѣшениковъ, которые пользуются древнимъ преданіемъ.

Кончивъ этотъ разговоръ, Кайсановъ сталъ смотрѣть въ окно на улицу. Въ это время показались выходящіе изъ Днѣпровскихъ Воротъ полевые солдаты съ ружьями и ранцами. Кайсановъ узналъ въ нихъ свою команду. Начальствующій надъ нею офицеръ, остановилъ солдатъ близъ воротъ и командовалъ: «къ но-гѣ!» Сложивъ ружья въ ковалы, служивые стали прохаживаться взадъ и впередъ и нотирали-овябшія руки; четыре офицера, прибывшіе съ коман-

дой, вошли въ караулю и предъявили свои подорожныя. Поручикъ Блюмъ, который послѣ Кайсанова остался старшимъ надъ командой, очень удивился, увидя въ караульнѣ своего друга. Онъ подошелъ къ нему съ дружескимъ прѣтствіемъ и спросилъ по какому случаю встрѣчаетъ его въ этомъ мѣстѣ? Кайсановъ отвѣчалъ, что караульный офицеръ родной его дядя и разсказалъ подробно, какъ случилось это пріятное для него открытіе.

— Твой дядя! подхватилъ Блюмъ: я очень радъ такому несчастному случаю.

Тутъ обратился онъ къ Зарянову, отрекомендовался и просилъ полюбить его столько же, сколько любить его Кайсановъ, который задушевный ему другъ и лучший товарищъ по службѣ.

— Мнѣ очень пріятно познакомиться съ другомъ моего племянника, перервалъ Заряновъ: прошу полюбить и меня, старика.

— Извини, любезный Александръ Степановичъ, продолжалъ Блюмъ, обратясь опять къ Кайсанову: извѣстіе о твоёмъ дядѣ такъ меня изумило, что я совсѣмъ забылъ субординацію. Тутъ онъ пріосанился и отрапортовалъ Кайсанову о благосостояніи ввѣренной ему команды.

Кайсановъ пожалъ ему руку и сказалъ, что дядя его далъ ему на нѣсколько дней убѣжище въ своемъ домѣ и что теперь онъ пойдетъ туда приказать своему деньщику, тотчасъ перебраться въ отведенную для нихъ обонхъ квартиру. Тутъ онъ далъ Блюму росписаніе домамъ, назначеннымъ подъ рекрутскую команду и просилъ, чтобъ онъ развѣстилъ солдатъ по квартирамъ; потомъ, поблагодаривъ Зарянова за данный ему пріютъ, просилъ, послѣ свидѣній съ караула, посѣтить его въ новомъ жилищѣ, и вышелъ.

Блюмъ выпросилъ у Зарянова проводника, который бы показалъ назначенныя для рекрутской команды квартиры, и, простясь съ почтеннымъ старикомъ, повелъ своихъ солдатъ вслѣдъ за провожатымъ.

Здѣсь нужно сказать нѣсколько словъ о поручикѣ Блюмѣ, о которомъ впослѣдствіи, будемъ говорить очень часто. Ему было не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ отъ-роду.

Еще въ младенчествѣ лишился онъ отца своего, который находился въ военной службѣ, былъ полковникомъ и убитъ при взятіи, въ 1770 году, Бендеръ. Послѣ смерти родителя, малолѣтній Блюмъ остался на попеченіи своей матери, довольно богатой лфляндской помѣщицы, которая вслѣдствіи старалась дать единственному сыну своему хорошее образованіе, и записала его въ гвардію. На осьмнадцатомъ году своего возраста, Блюмъ выпущенъ поручикомъ въ ростовскій пѣхотный полкъ, въ которомъ, отличаясь исправностью по службѣ, приобрѣлъ особенную благосклонность полковаго своего командира. Привлекательная его наружность и ловкое обращеніе нравились всѣмъ; во всѣхъ благородныхъ обществахъ принимали молодаго Блюма съ удовольствіемъ, а особливо дамы: онѣ ни съ кѣмъ такъ охотно не танцовали и не любезничали, какъ съ нимъ. Заслуженные, почтенные старички также любили его и очень часто рассказывали ему о своихъ походахъ. Молодой офицеръ слушалъ ихъ со вниманіемъ и уваженіемъ. Короче сказать, Блюмъ вовсе не похожъ былъ на тѣхъ молокососовъ, которые, не успѣвъ вступить въ кругъ общества, вбиваютъ себѣ въ голову, что умнѣе ихъ цыкого нѣтъ на свѣтѣ, что только они имѣютъ право обо всемъ судить и рѣдить и что не они стариковъ, а старики должны ихъ уважать и слушать.

Но какъ ни одинъ человекъ не можетъ быть совершеннымъ, то и Блюмъ, при всѣхъ своихъ отличныхъ достоинствахъ, имѣлъ нѣкоторыя слабости. Онъ былъ нѣсколько вѣтренъ и, награждаемый верѣдко благосклонными взорами и милыми улыбками красавицъ, — любилъ поволочиться.

Черезъ два часа послѣ размѣщенія команды по квартирамъ, Кайсановъ и Блюмъ сидѣли вмѣстѣ въ новомъ своемъ жилищѣ и разговаривали съ дружескою откровенностью.

Кайсановъ рассказалъ своему товарищу все, что случилось съ нимъ по прѣздѣ въ Смоленскъ; какъ познакомился онъ съ Кубышкиной, ея дочерью, а потомъ и съ Кубышкинымъ. Онъ очень живо описалъ прелестную Наденьку и не скрылъ, что она очень ему понравилась.

Блюмъ, выслушавъ Кайсанова, рассказалъ своему другу что случилось съ нимъ послѣ того какъ онъ оставилъ его съ командой въ пятьдесятъ верстахъ отъ Смоленска. Важнѣйшимъ обстоятельствомъ въ его разсказѣ, было то, что на дорогѣ удалось и ему познакомиться съ одною примаюю дѣвницей—дочерью помѣщицы той деревни, гдѣ жилъ онъ дѣвчу.

— Я увѣренъ, продолжалъ онъ, что и въ Смоленскѣ буду имѣть случай познакомиться со многими прелестными барышнями; но до того времени, надѣюсь, что ты отрекомендуешь меня Кубышкинымъ. Можетъ у Наденьки есть подружки, такія же хорошенькія, какъ и она.... но я знаю твой характеръ: пожалуй, чего добраго! ты подумаешь, что я хочу приволокнуться за твоей красавицей и станешь ревновать! Не опасайся: я не принадлежу къ числу такихъ, которые любятъ отнимать у своихъ друзей лакомый кусочекъ.

Кайсановъ улыбнулся и сказалъ, что онъ завтра же ввечеру поведетъ его къ Кубышкинымъ.

— Но поутру, продолжалъ онъ, надобно мнѣ всѣхъ васъ, новоприбывшихъ офицеровъ, представить здѣшнему оберъ-комменданту, почтенному и доброму генералу, который сегодня разговаривалъ со мною такъ снисходительно и пригласилъ къ себѣ по воскресеньямъ.

Въ это время на дворѣ, возлѣ крыльца, послышался говоръ двухъ женщинъ. Блюмъ, надѣясь полюбоваться милымъ личикомъ, подошелъ къ окну и взглянулъ на дворъ, но въ ту же минуту попятился назадъ и сдѣлалъ кислую мину: у крыльца стояла старуха въ изношенномъ салопѣ, съ черною на головѣ шапочкой, похожею на жидовскую ериолку. Она разговаривала съ другою, стоявшею на крыльцѣ пожилою женщиной, хозяйкою офицерской квартиры. Пискливые и пронзительные голоса этихъ двухъ женщинъ, проникали такъ звучно сквозь зимнія рамы, что офицеры очень внятно могли слышать почти каждое ихъ слово. Чѣмъ болѣе Блюмъ разсматривалъ странно одѣтую старуху, тѣмъ любопытнѣе она казалась ему. Онъ подозвалъ Кайсанова къ окну и сказалъ, что ему хотѣлось бы знать къ какому сословію принадлежитъ

эта старуха, и что, несмотря на ветхую ея одежду, она кажется не обыкновенною нищей. Изъ разговоревъ этихъ двухъ женщинъ, офицеры поняли, что хозяйка убѣждала приходшую погадать ей на рукѣ, но старуха не согласалась.

— Нѣтъ, отвѣчала она, ты не одинъ разъ меня обманывала: сулишь золотыя горы, а отпочуешь пощечкой, иногда и ничего не дашь. Положи-ка сперва на ручку рублевичекъ, такъ я и погадаю.

— Это Цыганка, сказалъ Блюмъ, я позову ее въ комнату; иногда и старухи могутъ быть для насъ полезны.

Кайсанову очень не хотѣлось видѣть у себя такую запачканную нищую, но Блюмъ такъ убѣдительно настаивалъ, что Кайсановъ не могъ отказать своему другу и Блюмъ вышелъ на крыльцо въ то самое время, какъ хозяйка кончила со старухой разговоръ и пошла въ свою горницу. Нищая оборотилась къ воротамъ и хотѣла уже идти со двора, но Блюмъ остановилъ ее.

— Послушай, старушка! закричалъ онъ ей вслѣдъ: зайди на минуту въ нашу комнату; ты, я вижу, умѣешь гадать, а мы съ товарищемъ давно уже ищемъ случая, чтобъ кто-нибудь предсказалъ, что съ нами случится.

— А кто вы таковы? спросила старуха.

— Мы полевые офицеры.

— Офицеры?... знаемъ мы вашу братью полевыхъ! сурово отвѣчала нищая: вы ребята гладкіе; любите только посмѣяться и подтрунить надъ старухами, а путнаго ничего отъ васъ не ожидай.

— Наврасно ты такъ дурно объ насъ думаешь, старушка, сказалъ Блюмъ, и, вынувъ изъ кошелька серебряную монету, подалъ ей: вотъ возьми задатокъ, а если погадаешь, то получишь и болѣе.

Нищая взяла монету и перекрестилась.

— Ну, спасибо, ваше благородіе! сказала она, отвѣсивъ низкій поклонъ. Дай Богъ вамъ всего, чего желаете.... Если угодно, то я погадаю: изволь-ка, баринъ, вроткнуть ручку.

Блюмъ сказалъ, что она шла за нимъ въ комнату. Старуха пошла и, переступивъ черезъ порогъ, осталась,

начала креститься и, поклонясь обоимъ офицерамъ, спросила:—О чемъ же прикажете погадать вамъ, господа кавалеры?

Блюмъ протянулъ руку и сказалъ:—Погодай-ка, старушка, скоро ли увижусь я съ моею женою?

— Полно морочить, баринъ, отвѣчала нищая: ужали ты думаешь, что я дура безсчотная? У тебя нѣтъ жены: скажи лучше, что тебѣ хочется знать, скоро ли увидишь-ся съ своею сударушкой, съ которою ты разлучился и которая зазнобила молодецкое твое сердечко.

— Ну, если ты такая искусная угадчица, то признаюсь, что ты сказала правду. И такъ погодай: думаетъ ли обо мнѣ моя любезная?

— Давно бы такъ сказалъ! Съ гадалъщицами, такъ же какъ съ лекарями, всегда должно быть откровеннымъ.

Тутъ старуха начала разсматривать руку Блюма и продолжала: — Э! да у тебя цѣлая куча загадычныхъ пріятельницъ! Какъ же мнѣ отгадать, про которую ты задумалъ?

Кайсановъ усмѣхнулся и сказалъ: — Твоя правда, старушка, онъ таки-любитъ приволокнуться.

— Однако жъ, продолжала гадалъщица, смотря Блюму въ глаза: сколько ни волочись, а всё-таки придется жениться.

— Можетъ-быть это и сбудется, когда-нибудь, сказалъ Блюмъ: только еще не скоро.

— Нѣтъ, ваше благородіе, подхватила старуха: очень скоро.

— А какъ бы, на примѣръ? спросилъ Блюмъ.

— Да изъ нашего города безъ жены не уѣдешь, отвѣчала гадалъщица.

— Вотъ ужъ этому не повѣрю, вскричалъ Блюмъ: въ Смоленскѣ я никого не знаю и пробуду здѣсь не болѣе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ; а притомъ я вовсе еще не расположенъ сковать себя такъ рано брачными цѣпами.

— Да ужъ чему быть — того не миновать! подхватила старуха.

— Если по-твоему, непременно должно уже быть такъ, то скажи, по-крайней-мѣрѣ, какова будетъ моя жена?

— О! Жена твоя будетъ красавица, умница и богатая, отвѣчала старуха.

— Спасибо за хорошее предсказаніе, только, право, я совсѣмъ не желаю, чтобъ оно сбылось скоро.

— Погадай-ка и мнѣ, старушка, сказалъ Кайсановъ, положивъ на руку рубль: исполнится ли то, о чемъ я думаю?

Гадая Блюму, старуха почти не смотрѣла на Кайсанова; теперь, взглянувъ на него пристально, она вдругъ поблѣднѣла и, какъ-будто пораженная сверхъестественнымъ ужасомъ, затрепетала и отскочила назадъ.

— Что съ тобою? спросили офицеры.

— Ахъ!... Гдѣ я?... вскрикнула гадальщица и, устремивъ на Кайсанова неподвижный взоръ, продолжала:— Отставь меня!... пощади многогрѣшницу и пусти душу мою на покаяніе! Выговоривъ эти слова, она грянулась на полъ и завопила дикимъ голосомъ.

Не понимая отчего старуха пришла въ такой ужасъ, офицеры удивились и испугались. Пробывъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, старуха мало-по-малу стала приходить въ себя. Кайсановъ вынулъ изъ шкатулки нѣсколько серебряныхъ монетъ и, подавая ихъ гадальщицѣ, сказалъ:— Возьми, старушка, и успокойся.

Старуха всё-еще лежала на томъ же мѣстѣ, рвала на себѣ волосы и не понимала, что ей говорили. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ Блюмъ, которому очень непріятна была такая сцена, сказалъ:

— Удивляюсь отчего она, взглянувъ на тебя, испугалась, Кажется лицо твое вовсе не страшно.... Однако жъ, не лежать же ей здѣсь на полу: такая гостья не очень пріятна.

Онъ позвалъ обоихъ деньщиковъ, приказалъ вывести старуху и препоручилъ ее домовою хозяйкѣ.

Деньщики подняли гадальщицу и понесли за дверь; но эта ноша была довольно тяжела, и они не могли удержать ее. Въ снѣгахъ старуха опять повалилась на полъ. На этотъ стукъ вышла хозяйка. Деньщики рассказали ей что случилось и просили, чтобъ она приказала отвезти ввѣщую до ея жилища.

— А мнѣ какое до нея дѣло? отвѣчала хозяйка: изъ

домашнихъ моихъ никто не знаетъ, гдѣ ея квартира; да, правду сказать, у нея и нѣтъ постояннаго жилища. Всякой день, отъ зари до зари, шатается она по улицамъ, перебивается во многихъ домахъ и ночуетъ тамъ, гдѣ застанутъ ее сумерки. Прежде жила она у какого-то здѣшняго мѣщанина, но послѣ смерти его осталась безъ всякаго приставища и теперь питается только мірскимъ подалніемъ. Впрочемъ съ нею часто случаются разные припадки.

— Она Цыганка, что ли? спросилъ Дуловъ.

— Нѣтъ, батюшка, она Русская; но изъ какого званія и кто такова,—этого никто не можетъ отъ нея добиться. Всѣ называютъ ее просто—Ивановной.

— Возьмите жъ ее къ себѣ, сказалъ Дуловъ: пусть она у васъ переночуетъ.

— Вотъ еще! отвѣчала хозяйка: что за охота въ чужомъ пиру принимать похмѣлье? Легко можетъ статься, что она умретъ въ эту ночь.

Тутъ хозяйка ушла въ свою комнату и захлопнула за собою дверь.

— Куда же намъ дѣвать ее? спросилъ Суминъ, дежурщикъ поручика Блюма: не отвести ли на Съѣзжую? Пусть пробудетъ тамъ до утра.

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ Дуловъ: чего намъ не приказано, то не можемъ сдѣлать. Лучше спросимъ-ка нашихъ командеровъ. Сказавъ это, онъ пошелъ къ офицерамъ, рассказалъ, что слышалъ отъ хозяйки и спросилъ, не прикажутъ ли они отвезти старуху на Съѣзжую?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ Кайсановъ: тамъ не хорошо ее примутъ: полиція не очень вѣжливо обращается съ тѣми, которымъ даетъ ночной пріютъ. Возьмите ее въ кухню и уложите спать, а завтра можно отвезти ее въ больницу. Если жъ будетъ ей легче, то пусть войдетъ куда хочетъ.

— Прекрасная гостья! замѣтилъ Блюмъ.

— Что жъ дѣлать, возразилъ Кайсановъ. Къ больнымъ и несчастнымъ должно имѣть состраданіе, не разбирая кто они. Тутъ онъ обратился къ Дулову и продолжалъ: —

Положите ее возлѣ печки, авось, согрѣвшись, она придетъ въ чувство.

— Ну, братъ, Суминъ, сказалъ Дуловъ, возвратясь въ сѣни, гдѣ Ивановна всё-еще лежала безъ чувствъ: пособи поднять эту красотку. И вдвоемъ понесли старуху въ кухню, положили на лавку у печки и прикрыли солдатскимъ плащомъ.

— Вотъ намъ и кладъ! продолжалъ Дуловъ: не думалъ не гадалъ, что нынѣшнюю ночь придется мнѣ спать въ одной избѣ съ бабой.

— Да еще съ какою! подхватилъ Суминъ: съ беззубою старухой—въ тряпьяхъ и лохмотьяхъ!

— Правда, прибавилъ Дуловъ: шкура на ней не слишкомъ церемонна.

— И такъ же ветха, какъ она сама, продолжалъ Суминъ.

— Ну, нельзя сказать, чтобъ она была слишкомъ стара, возразилъ Дуловъ: ей лѣтъ съ небольшимъ пятьдесятъ, не болѣе.

— Только? прервалъ Суминъ: а развѣ по этимъ лѣтамъ нельзя назвать ее старухой?

— Не о лѣтахъ рѣчь, продолжалъ Дуловъ: есть много пожилыхъ женщинъ, которыя молодыхъ за-попсы заткнуть. Я видалъ двадцати-лѣтнихъ, на которыхъ—прости Господи!—тошно взглянуть. Иныя такія поджарыя, такія щедушныя и тоненькія, словно соломенка: того и гляди что по-поламъ переломятся.

— Воля твоя, перервалъ Суминъ, а на мой *скусъ*, молодья, каковы бы собой ни были, всё-таки лучше старухъ.... только вотъ бѣда, что мнѣ нѣтъ *талану* ни въ какомъ женскомъ отродѣ! Дорогой, идучи сюда, куда ни приходилъ, всё попадались старыя корфи, а если гдѣ и случались молодья, то либо хромья, либо слишкомъ черномазья.

— Стало-быть я счастливѣе тебя, подхватилъ Дуловъ, съ самодовольной улыбкой. Вотъ и здѣсь уже въ Смоленскѣ, удалось мнѣ, на другой день нашего прибытія, познакомиться съ служанкой его благородія дядюшки Алексан-

дра Степановича: хотя она и не очень смазлива, зато молодая—лѣтъ двадцати-пяти, и такая здоровенькая и крѣпкая, словно рѣпа. А что всего лучше, такая учливая и привѣтливая! Сегодня на разставаньи, она чуть-было не заплакала и проводила меня до перваго кабака. Какъ быть! принужденъ дать ей на орѣхи двадцать копѣекъ! тутъ она видѣвшись—было чмокаться со мной, но я оттолкнулъ ее и сказалъ, что нашему брату-солдату не годится на улицѣ цѣловаться съ бабами.

— А мнѣ видно на-роду написано быть безсчастному въ *эдакихъ* *оказалъ!* перерывалъ Суминъ... Да и то сказать: ужели горевать о томъ, что бабы не любятъ? прахъ ихъ побери! Былъ бы милостивъ до меня камандеръ мой, Федоръ Ивановичъ, дай Богъ ему здоровья! а о бабьихъ *ла-слахъ* тужить не стану.

Тутъ Кайсановъ кликнулъ своего деньщика и спросилъ, успокоилась ли старуха? Дуловъ сказалъ, что она заснула крѣпкимъ сномъ.

— Когда проснется, продолжалъ Кайсановъ, дай ей что-нибудь поужинать; а завтра, если оправится, проводи до какого-нибудь знакомаго ей дома, но если останется въ такомъ же положеніи, какъ теперь, то найми извозчика и отвези въ больницу.

— Не прикажете ли, ваше благородіе, дать ей простаго вина съ стручковымъ перцомъ? Это лекарство польнительно отъ всякихъ болѣстей.

— Если она пьетъ вино, то можно дать ей небольшую рюмку: только смотри, не залечи ее до-пьяна.

— Что вы это, ваше благородіе! ужели изволите думать, будто я въ этомъ ничего не смыслю? Мы знаемъ указную мѣру, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Кайсановъ взялъ изъ шкатулки нѣсколько серебряныхъ денегъ и сказалъ:—Отдай это завтра старухѣ и скажи, что я и товарищъ мой, посылаемъ ей эти деньги за гаданье. Теперь ступай и состряпай намъ что-нибудь на ужинъ.

— Слушаю, ваше благородіе! отвѣчалъ Дуловъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДСКОЙ СТѢНѢ.

Лишь-только ударили въ соборный колоколъ къ заутренѣ, старуха Ивановна проснулась, приподнялась съ своего ложа, перекрестилась и, при свѣтѣ ночника, начала осматриваться. Не помня что случилось съ нею наканунѣ, она очень удивилась, видя себя въ незнакомомъ мѣстѣ, покрытую солдатскимъ плащомъ. Мало-по-малу вошло ей въ мысль, что, вчера ввечеру, зашла она на дворъ купца Балаханова, гдѣ какіе-то офицеры позвали ее въ комнату погадать имъ на рукѣ; по болѣе ничего не могла вспомнить.

Скоро проснулись и оба деньщика. Дуловъ, увидѣвъ что незваная ихъ гостыя сидитъ на лавкѣ, спросилъ у ней:

— Ну, что, бабушка: есть ли тебѣ по-легче?

— Слава Богу, родимый! отвѣчала старуха: но скажи, господинъ служивый, какъ попала я сюда?

Дуловъ разсказалъ все и спросилъ, въ-силахъ ли она идти теперь?

— А вотъ, попытаюсь, батюшка, отвѣчала она, вставая съ лавки, и начала прохаживаться по кухнѣ. Кажется, кое-какъ, добреду до Божія храма.

— Не хочешь ли, перекусить чего-нибудь? продолжалъ Дуловъ: мой капитанъ приказалъ еще ввечеру накормить тебя, но ты спала крѣпко, такъ я не хотѣлъ тебя тревожить, чтобъ пуще не растормошить твоего здоровья. Поѣшь, коли хочешь.... А вотъ и деньги, которыя пожаловали тебѣ наши офицеры, за твое гадање.

Взглянувъ на серебряныя монеты, старуха затряслась отъ радости: столько денегъ давно уже не бывало у нея: она сомнѣвалась даже, не во снѣ ли грезится ей такое счастье; но когда Дуловъ увѣрилъ ее, что этотъ подарокъ дѣйствительно прислали ей офицеры, то она перекрестилась, взяла деньги и со слезами благодарила Бога и добрыхъ офицеровъ. Дуловъ вторично предложилъ ей вы-

пить рюмку настойки съ перцомъ и закусить чѣмъ-нибудь, но Ивановна рѣшительно отказалась, говоря, что теперь намѣрена идти къ заутренѣ.

— Ну, такъ возьми чтъ-нибудь съ собой: послѣ придется на завтракъ, сказала Дуловъ; вотъ бѣлый хлѣбъ и маленько жареной рыбки—не прогнѣвайся: на этотъ разъ болѣе ничего мы не готовили.

Завязавъ предлагаемое въ салфетку, онъ подалъ ей и сказалъ:—Теперь ступай себѣ съ Богомъ! я выпровожу тебя за ворота. И взявъ ее подъ руку, вывелъ на дворъ, отворилъ калитку и выпустилъ на улицу, примолвивъ:—Хриѣтось съ тобой, бабушка!

Старуха поблагодарила и пошла, крестясь и прославляя великодушныхъ офицеровъ, которые такъ щедро наградили ее и дали ей приютъ въ болѣзненномъ положеніи.

На разсвѣтъ всѣ офицеры рекрутской команды собрались въ квартиру Кайсанова и, вмѣстѣ съ нимъ и Блюмомъ, пошла къ оберъ-комменданту. Кайсановъ представилъ ихъ генералу, который у каждаго спросилъ чинъ, и фамилію.

Пока оберъ-коммендантъ говорилъ съ повоприбывшими офицерами, въ комнату его вошла дама, довольно высокаго роста и съ стройною таліею. По моложавому и привлекательному ея лицу, казалось, что ей не болѣе сорока лѣтъ, хотя недавно минуло пятьдесятъ. Эта дама была супруга оберъ-комменданта. Услышавъ фамилію поручика Блюма и узнавъ что онъ ливонскій дворянинъ, она начала говорить съ нимъ по-нѣмецки и изъ разговора узнала, что онъ сынъ полковника, который нѣкогда служилъ подъ начальствомъ ея родителя, генералъ-поручика Б...на, и съ которымъ она и мужъ ея, лѣтъ пятнадцать назадъ, знакомы были въ Ригѣ.

— Мы знали васъ, когда вы были еще малюткой, продолжала оберъ-коммендантша: я очень рада, что нечеловѣчій случай доставилъ намъ удовольствіе видѣть васъ уже офицеромъ.

Потомъ разспрашивала она Блюма о нѣкоторыхъ рижскихъ своихъ знакомыхъ, но онъ давно уже не былъ въ

Ригѣ и потому не могъ удовлетворительно отвѣчать на ея вопросы. Кайсановъ, который въ началѣ нынѣшняго года, по казенной надобности, провелъ въ Ригѣ нѣсколько мѣсяцовъ и имѣлъ случай познакомиться со многими изъ тѣхъ особъ, о которыхъ спрашивала генеральша, вступилъ въ этотъ разговоръ и отвѣчалъ по-нѣмецки на ея вопросы. Чистое и правильное нѣмецкое произношеніе и свѣтская образованность Кайсанова очень понравилась оберъ-комендантшѣ. Она продолжала разговаривать съ нимъ и съ Блюмомъ и при выходѣ изъ комнаты, сказала:

— Намъ съ мужемъ очень пріятно будетъ видѣть васъ въ числѣ нашихъ знакомыхъ, съ которыми, по заведенному у насъ обыкновенію, проводимъ мы каждое воскресенье. Прошу васъ обоихъ пожаловать къ намъ завтрашній день откушать и провести вечеръ.

Кайсановъ и Блюмъ благодарили за такое лестное приглашеніе. Тутъ вошелъ плацъ-маіоръ, съ которымъ генераль занялся дѣлами службы. Кайсановъ, съ своими товарищами откланялся оберъ-коменданту и вышелъ.

Въ это же утро Кайсановъ представилъ своихъ сослуживцевъ губернатору и еще нѣкоторымъ изъ почетнѣйшихъ смоленскихъ чиновниковъ. Всѣ принимали полевыхъ офицеровъ съ радушною привѣтливостью, а особливо Кайсановъ и Блюмъ приобрѣли отъ всѣхъ особенную благосклонность. Всѣ желали по-короче съ ними познакомиться и приглашали ихъ на обѣды и вечера.

Кончивъ визиты, Кайсановъ и Блюмъ пошли къ разводу. Въ эту зиму въ Смоленскѣ только одинъ разъ въ недѣлю и именно по субботамъ, была смѣна караулу. Полевые офицеры очень любопытствовали видѣть гарнизонныхъ ветерановъ. На Облонѣ стоялъ уже вахтпарадъ, которымъ командовалъ дежурный маіоръ. Офицеры и солдаты, изъ которыхъ составленъ былъ новый караулъ, корчили, ѣжились, потирали руки и дрожали отъ стужи. Каждому изъ нихъ было лѣтъ пятьдесятъ пять отъ-роду, если не болѣе. Маіоръ, ожидая приказанія, черезъ посланнаго къ оберъ-коменданту мельдъ-ефрейтора, развести смѣну, началъ, между-тѣмъ учить солдатъ экзерциціи, а потомъ маршировать.

Наши полевые офицеры невольно улыбались, смотря на старыхъ, неуклюжихъ солдатъ и на мѣшковатые ихъ мундиры, которые покроемъ разительно отличались отъ полевой уютной формы.

По окончаніи развода, молодые наши друзья прохаживались вокругъ Облонья и любовались прелестнымъ его мѣстоположеніемъ. Обойдя вокругъ этой площади, Кайсановъ предложилъ своему товарищу посмотреть дворецъ. Они вошли въ это большое, деревянное зданіе, чрезъ крыльцо; но тамъ не было человѣка, который бы могъ показать имъ дворцовыя комнаты. Друзья наши пошли, черезъ сѣни, на дворъ, и увидѣли большой садъ, раздѣленный на двѣ половины рѣшетчатымъ заборомъ, между которымъ лежала тропинка, ведущая къ заднимъ зданіямъ. Офицеры пошли по ней и дойдя до конца, увидѣли длинный рядъ деревянныхъ строеній, людскихъ, погребовъ, конюшенъ и сараевъ. На крышкѣ, посрединѣ этихъ зданій, возвышался высокій бельведеръ. Нашимъ пріятелямъ захотѣлось взойти на его вершину; по винтообразной лѣстницѣ, между выкрашенными перилами, взобрались они на самый верхъ. Тутъ открылась имъ обширная панорама, представляющая со всѣхъ четырехъ сторонъ разнообразныя виды. Полюбовавшись нѣсколько минутъ этимъ зрѣлищемъ, офицеры спустились съ бельведера и, тѣмъ же путемъ, возвратились на улицу, шедшую къ почтовому двору.

Блюмъ предложилъ своему товарищу, зайти на почту: ему нужно было узнать вѣтъ ли къ нему изъ Риги письма, котораго ожидалъ онъ отъ своей матери.

Пройдя поперечную улицу, ведущую къ Вознесенскому Монастырю друзья наши увидѣли на лѣвой сторонѣ, надъ крыльцомъ угловаго дома, казенный гербъ, съ надписью: «Смоленская губернская почтовая контора». Они вошли въ сѣни. Почтальонъ сказалъ имъ, что рижская почта пришла полчаса назадъ и что самъ почтмейстеръ присутствуетъ теперь при ея разборѣ. Офицеры пошли въ контору, которая помѣщалась въ двухъ комнатахъ: въ передней занимались человѣкъ шесть писцовъ, а въ другой, за столомъ покрытымъ краснымъ сукномъ, сидѣлъ почт-

мейстеръ. Стоящій возлѣ него секретарь распечатывалъ пакеты, читалъ вслухъ почтовые карты и, вмѣстѣ съ помощникомъ своимъ, повѣрялъ полученные письма.

Подошедши къ почтмейстеру, офицеры извинились, что помѣшали ему въ отправленіи его должности и объявили причину своего прихода. Почтмейстеръ, которому отъ-роду было лѣтъ около сорока-пяти и который имѣлъ очень веселый и откровенный характеръ, принялъ ихъ съ вѣжливымъ, непритворнымъ привѣтствіемъ и пригласилъ сѣсть. Между-тѣмъ, пока секретарь отыскивалъ присланное Блюму письмо, онъ началъ разговаривать съ офицерами, спрашивалъ ихъ о томъ и о сѣмъ и безпрестанно отпуская забавные каламбуры и поговорки.

Блюмъ, получивъ и прочитавъ письмо, хотѣлъ идти, но почтмейстеръ, замѣтивъ ихъ намѣреніе, просилъ повременить немного и сказалъ:

— Я надѣюсь, господа, что вы не откажетесь сдѣлать мнѣ удовольствіе познакомиться со мною по-короче. Теперь, какъ говорилъ Петръ Великій, адмиральскій часъ, а потому время уже подкрѣпить себя закуской: и такъ, если вы не расположены быть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то пожалуйте въ занимаемая мною, въ верхнемъ этажѣ, комнаты.

Кайсановъ и Блюмъ не могли отказаться отъ такого радушнаго и простосердечнаго приглашенія.

Кончивъ свои занятія, почтмейстеръ повелъ офицеровъ по лѣстницѣ во второй этажъ. Пришедши въ гостинную, онъ представилъ новыхъ посѣтителей жепѣ своей, которая, разодѣтая, какъ кукла, сидѣла на канapé и занималась какимъ-то женскимъ рукодѣльемъ. Хотя она была въ такихъ же лѣтахъ, какъ и мужъ ея, но изысканностію въ нарядѣ не уступала ни одной молодой щеголихѣ. Страсть къ нарядамъ обладала ею въ самой высочайшей степени, но только должно замѣтить, что вкусъ и выборъ ея въ платьѣ и уборахъ были самыя странныя и вычурныя и очень часто подвергали ее критикѣ и насмѣшкамъ многихъ смоленскихъ дамъ образованнаго круга.

— Прошу покорнѣйше садиться, сказалъ радушный хозяинъ гостямъ своимъ, и подошедъ къ жепѣ, шепнулъ ей

на-ухо, чтобъ она приказала подать закуску. Почтмейстерша, желая подражать высшему тону, не тронулась съ мѣста, но обратилась къ дверямъ и, какъ попугай въ клеткѣ, зашипала тоненькимъ дискантомъ: Наталья! На этотъ призвъвъ явилась молоденькая служанка и подошла къ госпожѣ своей, которая, плохимъ русскимъ языкомъ, приказала ей накрыть столикъ, стоящій передъ канапе, и подать водки, французскаго вина, масла, сыру, селедокъ и хлѣба.

По уходѣ служанки, почтмейстерша пустилась говорить съ офицерами по-русски, но мужъ перервалъ ее и сказалъ, что оба господа офицеры знаютъ по-вѣмецки. Хозяйка очень рада была, что избавилась отъ труда коверкать свой языкъ и стала говорить по-вѣмецки. Въ этомъ разговорѣ голосъ ея понизился нѣсколькими октавами: изъ дисканта образовался альтъ, какимъ наградила ее природа. Справно употребляла она только, когда кликала свою служанку.

Послѣ закуски, офицеры собрались идти. Почтмейстеръ и жена его просили новыхъ своихъ гостей посѣщать ихъ до-чаще, а особливо по-вечерамъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ почтмейстеръ, что вы не доскучите въ моемъ домѣ: всякій вечеръ посѣщаютъ меня многіе изъ здѣшнихъ жителей высшаго круга. Если вы охотники играть въ карты, то можете у меня позабавиться вистакомъ, или памфиломъ. Въ понедѣльникъ, то есть, послѣ завтра, соберутся ко мнѣ нѣсколько пріятелей на вечеринку, и я желалъ бы, чтобъ и вы тоже удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. При этомъ случаѣ вамъ очень легко будетъ познакомиться со многими образованными людьми; а также и съ прекрасными барышнями, какихъ у насъ въ Смоленскѣ найдется довольно. Я знаю, что ваша братья, полевые кавалеры, любятъ покуртизанить съ красавицами; да и онѣ, — правду сказать, — очень падки къ военнымъ. Но за это и осуждать ихъ не должно: такъ ужъ порядокъ вещей. Я и самъ въ прежніе годы былъ страстный охотникъ по любезничить съ пригоженькими дамами, да и теперь еще, — несмотря на то, что подвигаюсь къ пятидесяти годамъ, — не откажусь отъ этого удовольствія.

Кайсановъ и Блюмъ улыбнулись, а послѣдній взглянувъ

на почтмейстершу, обратился опять къ ея мужу и сказалъ:—Но покажется ли это вашей сунругѣ?

— О! съ этой стороны я безопасенъ! продолжалъ почтмейстеръ: я могу отдать полную похвалу женѣ моей, что она не ревнива и позволяетъ мнѣ иногда приволокнуться за чужбинкой.

— Не слушайте его, прервала почтмейстерша: онъ любить похвастать молодечествомъ.

Провожая офицеровъ до дверей, почтмейстеръ подтвердилъ свое приглашеніе на понедѣльничную вечеринку и прибавилъ: — Я надѣюсь, что вы пожелаете ко мнѣ непременно.... можно будетъ составить и танцы. Жена моя бренчить кое-какъ на клавесинѣ, а старшій сынъ нашъ довольно порядочно пикируетъ на скрипкѣ; сверхъ-того будетъ еще скрипачъ, который обучаетъ другаго моего сына. Тутъ пожалъ онъ руки офицерамъ и еще повторилъ, что онъ будетъ ожидать ихъ и что они своимъ посѣщеніемъ доставятъ ему большое удовольствіе.

Кайсановъ и Блюмъ дали вѣрное слово прійти въ понедѣльникъ и простились съ нимъ. Веселый и простодушный характеръ почтмейстера очень понравился молодымъ нашимъ друзьямъ.

— Теперь, сказалъ Кайсановъ, вышедшій съ своимъ другомъ на улицу: пойдѣмъ къ моему дядѣ, который пригласилъ меня отобѣдать у него сегодня съ тобою вмѣстѣ. Надѣюсь, что ты не откажешься?

— Съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Блюмъ: твой дядя очень мнѣ понравился.

— Жаль только, что сожительница его, а моя дражайшая тѣтушка, совсѣмъ ему не пара.

— Да, если она такова, какъ ты ее описывалъ, то дядя твой достоинъ сожалѣнія.

Продолжая этотъ разговоръ, офицеры поднялись на Козловскую Гору и, повернувъ въ переулокъ, пришли къ Зярянову.

Лукьянъ Захаровичъ, увидѣвъ ихъ изъ окна, вышелъ на встрѣчу и съ откровеннымъ привѣтствіемъ принялъ любезнаго своего племянника и его друга.

Черезъ нѣсколько минутъ явилась и благовѣрная сунруга

га Лукьяна Захарьевича. По глазамъ ей можно было замѣтить, что она успѣла уже насладиться ежедневною порціей. Блюмъ всталъ со стула и началъ ей рекомендовать. Поручица хотѣла что-то отвѣчать, но такъ смѣшалась, что не могла произнести ни полслова. Оправившись нѣскольکو, она залепетала такой вздоръ, отъ котораго Заряновъ пришелъ въ замѣшательство, Кайсановъ покраснѣлъ, а Блюмъ едва могъ удержаться отъ улыбки.

Желая по-скорѣе выйти изъ смущенія, Лукьянъ Захарьевичъ прервалъ изъясненія своей краснорѣчивой сожительницы и сказалъ, чтобъ она приказала накрыть столъ и подать кушанье. По выходѣ ея, онъ шепнулъ своему племяннику: — Не дай Богъ никому такую жену, какова твоя тѣтка! Вотъ уже тридцатый годъ маюсь я съ нею и во все это время не проходило почти ни одного дня, чтобъ не имѣлъ я въ домашнемъ быту какого-нибудь неудовольствія!

Между-тѣмъ служанка накрыла столъ и принесла большую миску щей. Тутъ опять явилась хозяйка и всѣ сѣли за обѣдъ, который состоялъ изъ постныхъ щей и жареной рыбы. Поручица безпрестанно предлагала гостямъ выкушать настоечки, но это подчиванье было не отъ радущія, а чтобъ для компаніи и самой полакомиться отраднѣлымъ нектаромъ. Молодые офицеры, которые не могли пить передъ обѣдомъ болѣе одной рюмки, отказывались отъ частыхъ предложеній. Такіе отказы очень не пріятны были Матренѣ Сидоровнѣ. Сдѣлавъ еще нѣсколько тщетныхъ предложеній, она не вытерпѣла и сказала:

— Въ жизни моей первый разъ вижу я мужчину, которые такъ много церемонятся. Почему бы вамъ, для возбужденія аппетита, не выкушать еще сколько-нибудь рюмочекъ, кромѣ той, которую выпили передъ обѣдомъ? Извините, что я, хотя и женщина, но не послѣдую вашему примѣру. Тутъ налила она въ большую рюмку настойки и пропустивъ ее залпомъ, ни сколько даже не поморщилась; потомъ, указавъ на мужа, продолжала: — Вотъ и еще такой же скромникъ, какъ вы! Онъ всегда негодуетъ на меня, что въ продолженіи обѣда выпиваю я рю-

мочки три, а иногда и болѣе, но я испытала уже, что вино подкрѣпляетъ мое здоровье и веселитъ сердце.

— Позвольте не согласиться съ вами, сказала Блюмъ: излишнее употребленіе спиртуозныхъ напитковъ, не подкрѣпляетъ, а разстроиваетъ здоровье.

— Неправда, батюшка, отвѣчала поручица: я знаю много такихъ, которые чѣмъ болѣе пьютъ, тѣмъ болѣе краснѣютъ и толстѣютъ.

— Эти признаки, отвѣчалъ Блюмъ, не служатъ еще доказательствомъ здоровья, а напротивъ того, предшествуютъ неизлечимымъ болѣзнямъ и ускоряютъ смерть. Охотники до напитковъ всегда жалуются, что послѣ неумѣреннаго ихъ употребленія болитъ голова и сильное бываетъ расслабленіе во всемъ тѣлѣ.

— Это случается только съ такими, которые пьютъ рѣдко, отвѣчала поручица.

Заряновъ, соскучась слушать нелѣпныя возраженія своей сожительницы, сказалъ, что употребляющіе неумѣренно горячіе напитки, не только чувствуютъ вредныя послѣдствія для здоровья, но и подвергаются всеобщему презрѣнію порядочныхъ людей.

— Ну, ну, старый воркунъ! подхватила поручица: ты опять принялся читать мнѣ свою проповѣдь, — Богъ съ тобой!

Тутъ встала она изъ-за стола, перекрестилась и, отретировавшись въ спальню, легла спать.

Послѣ обѣда молодые офицеры продолжали бесѣдовать съ Лукьяномъ Захарьевичемъ, спрашивали его о смоленскихъ достопамятностяхъ и изъявляли желаніе осмотрѣть все, что заслуживаетъ вниманіе, а особливо чудесную башню Веселуху, которая сдѣлалась теперь предметомъ общихъ разговоровъ. Заряновъ вызвался быть ихъ путеводителемъ.

— Теперь я свободенъ, продолжалъ онъ, и могу посвятить вамъ нѣсколько часовъ въ день. Завтра воскресенье: и такъ, если вы согласны, то отстоявъ обѣдню въ Успенскомъ Соборѣ, который, по огромности и великолѣпію, считается достопримѣчательнымъ Божиимъ храмомъ во всей Россіи, мы начнемъ нашу прогулку по городской стѣ-

нѣ. Жаль, что теперь зима и скоро смеркнется, а потому мы не успѣемъ въ одинъ день обойти всю стѣпу, которая въ окружности имѣетъ около шести верстъ. Завтра мы можемъ обозрѣть только одну ея половину, а другую когда-нибудь послѣ.

Кайсановъ и Блюмъ съ благодарностью согласились на это предложеніе и условились сойтись на другой день въ Успенскомъ Соборѣ.

Простившись съ почтеннымъ старичкомъ, молодые друзья пошли домой. Дорогой, они очень сожалѣли о несчастной участи добраго Лукьяна Захарьевича, котораго судьба надѣлила такою недостойною спутницей. Кайсановъ прибавилъ, что хотя Аграфена Кузминшна, при первомъ съ нимъ свиданіи, описала тѣтку его съ невыгодной стороны, однако жъ онъ полагалъ, что можетъ-быть она по злобѣ увеличила ея пороки; но теперь онъ увѣрился что она говорила правду.

Имя Кубышкиной напомнило Блюму обѣщаніе Кайсанова познакомить его съ этимъ семействомъ. Онъ просилъ своего друга исполнить данное слово. Въ это время подходили они къ Дибировскимъ Воротамъ, изъ которыми служили уже всю ночь.

— Я навѣрное полагаю, отвѣчалъ Кайсановъ, что Кубышкина и дочь ея теперь въ этой церквѣ; такъ пойдемъ и мы туда. Если и не найдемъ ихъ тамъ, то по-крайней-мѣрѣ ты можешь посмотреть церковныя украшенія.

Офицеры вошли въ Божій храмъ и остановились у средняго окна, откуда можно было видѣть всѣхъ прихожанъ. Въ самомъ дѣлѣ, Аграфена Кузминшна и Надежда Алексѣевна были здѣсь и стояли по лѣвую сторону алтаря. Кайсановъ описалъ своему другу всѣ примѣты, по которымъ можно было узнать ихъ. Блюмъ обратилъ любопытный взоръ на Наденьку, которая, замѣтивъ Кайсанова, тотчасъ догадалась, что пришедшій съ нимъ офицеръ, долженъ быть тотъ самый его товарищъ, о которомъ онъ говорилъ у нихъ.

Когда всеобщая кончилась и всѣ стали расходиться, Кайсановъ представилъ Блюма Кубышкиной и ея дочери, и отреккомендовалъ какъ задушевнаго своего друга.

Спустясь съ церковной лѣстницы, Кубышкины пошли пѣшкомъ. Офицеры, которымъ должно было идти тѣмъ же путемъ, проводили ихъ до воротъ ихъ дома. При разставаніи Аграфена Кузминнишна пригласила обоихъ офицеровъ въ слѣдующій вторникъ откушать у нихъ хлѣба-соли.

Возвратясь въ квартиру, оба друга очень долго разговаривали между собой. Хотя Блюмъ имѣлъ привычку свещкомъ строго разбирать красавицъ и большой охотникъ былъ критиковать ихъ прелести и нравственныя достоинства, однако жъ въ Наденькѣ онъ не нашелъ никакого недостатка; напротивъ того, ему чрезвычайно понравились прелестныя ея глазки, гибкая талія, ловкость въ обращеніи и пріятное произношеніе.

На другой день, поутру, офицеры, услышавъ соборный благоговѣсть къ обѣднѣ, отправились въ Успенскій Соборъ. По ступенькамъ, которыхъ насчитали болѣе сотни, они взошли на широкую паперть и, чрезъ огромныя мѣдныя двери, вступили во внутренность храма. Заряновъ былъ уже тамъ. Лишь-только онъ увидѣлъ ихъ, то соединился съ ними, и всѣ трое помѣстились въ срединѣ, противъ царскихъ дверей. Необыкновенной вышины рѣзной иконостасъ и множество образовъ, украшенныхъ драгоценными камнями и жемчугомъ, привлекли особенное вниманіе Кайсанова и Блюма. Всѣ описанія и рассказы, какіе читали и слышали они прежде съ этомъ соборѣ, не подавали о немъ настоящей идеи. Пораженные такимъ неожиданнымъ и великолѣпнымъ зрѣлищемъ, молодые офицеры долго стояли въ благоговѣйномъ безмолвіи. Наконецъ обратились они къ ночтенному Лукьяну Захарьевичу и просили, чтобъ онъ сообщилъ имъ, когда-нибудь, историческія свѣдѣнія объ этомъ соборѣ. Заряновъ съ удовольствіемъ обѣщавъ удовлетворить ихъ желаніе.

Началась обѣдня. Царскія двери растворились и въ алтарѣ показался маститый старецъ, облеченный въ богатую ризу. Заряновъ шепнулъ своимъ пріятелямъ, что это смоленскій преосвященный епископъ Пареній, и прибавилъ, что, несмотря, на престарѣлыя свои лѣта, онъ почти каждый праздникъ самъ отправляетъ литургію.

Впродолженіи богослуженія, безпрестанно пріѣзжали значительныя особы обоего пола. Заряновъ указалъ Кайсанову и Блюму всѣхъ, которыя, по почетному званію и богатству, хоть сколько-нибудь отличались отъ прочихъ, и называлъ ихъ по фамиліямъ.

Было уже около половины двѣнадцатаго. Кайсановъ рече, что если простоятъ въ соборѣ до конца обѣдни, то не ближе трехъ часовъ послѣ полудня успѣютъ они обойти половину городской стѣны, а отъ того могутъ оиздать на обѣдъ къ оберъ-коменданту, который вмѣстѣ съ супругою своею такъ благосклонно приглашалъ ихъ на сегодняшній день откушать. Онъ шепнулъ Зарянову, что пора уже начать предполагаемую прогулку. Лукьянъ Захарьевичъ, нѣза что не рѣшился бы выйти изъ церкви прежде окончанія обѣдни; но уважая представляемую племянникомъ его причину, согласился выйти изъ собора. Пріятель протѣснился сквозь народъ, вышли изъ храма и, отправились къ Дивровскимъ Воротамъ.

— Передъ начатіемъ вашей прогулки, сказалъ Заряновъ, приближаясь со своими друзьями къ тому мѣсту отъ котораго намѣренъ былъ взвестъ ихъ на городскую стѣну: должно бы рассказать вамъ, въ короткихъ словахъ, исторію нашего города, но я увѣренъ, что вы, получивъ хорошее образованіе, знаете о Смоленскѣ столько же, сколько и я; однако жъ не лишнимъ считаю предувѣдомить васъ, что во многихъ мѣстахъ предстоящаго пути, намъ должно будетъ спускаться съ городской стѣны, потому что нѣкоторыя башни теперь уже разрушены и оттого сдѣлались въ стѣнѣ интервалы. Кромѣ-того, въ одномъ мѣстѣ, между двумя башнями, на пространствѣ стѣны, хранятся вывѣ принадлежація здѣшнему гарнизону разныя аммуничныя вещи, которыя покрыты деревянной крышей, а потому пройти тамъ невозможно. И такъ, если такія затрудненія покажутся вамъ неприятыми, то не пеняйте, что я не отвлекъ васъ отъ этой прогулки, которая, вмѣсто-того чтобы доставить удовольствіе, покажется вамъ, можетъ-быть, слишкомъ утомительною.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ Кайсановъ: если только для васъ не будетъ она отяготительна, то мы готовы предо-

лѣтъ всѣ непріятности, какія представляются намъ при этомъ случаѣ.

— А особливо мнѣ очень хочется посмотрѣть эту чудесную башню Веселуху, прибавилъ Блюмъ.

— Если вы непоколебимы въ своемъ намѣреніи, продолжалъ Заряновъ, то начнемъ наше путешествіе отъ Днѣпровскихъ Воротъ: этотъ пунктъ считается серединой сѣвернаго фаса городской стѣны.

Лукьянъ Захарьевичъ привелъ своихъ спутниковъ къ ближайшей башнѣ, находящейся отъ Днѣпровскихъ Воротъ къ востоку, которая называлась Волковскою. По сдѣланнымъ въ стѣнѣ изъ кирпичу ступенькамъ, наши пріатели поднялись на вершину стѣны. Молодые офицеры съ любопытствомъ разсматривали открывшіеся ихъ взорамъ, съ обѣихъ сторонъ города, виды, а Заряновъ объяснялъ все, что казалось имъ достопримѣчательнымъ. Полюбовавшись нѣсколько минутъ разными предметами, они пошли далѣе и, дошедши до другой башни, должны были сойти внизъ, потому что отъ этого мѣста до третьей башни стѣна покрыта была деревянною крышею. Минувавъ это пространство и Рачевскія Ворота, они взошли опять на стѣну и пошли по восточному ея фасу. Пройдя еще двѣ башни, они приближались къ большой четырехугольной, называемою Позняковой. Поставленный въ ней, для караула, престарѣлый солдатъ инвалидной команды, вовсе не ожидая, чтобы кто-нибудь помѣшалъ ему въ его занятіяхъ и пріятныхъ мечтахъ о быломъ, мурлыкалъ старинную военную пѣсню, сочиненную во время прусской войны. Дребежжащій и синоватый голосъ инвалида очень явственно доносился къ нашимъ тремъ обозрѣвателямъ и они услышали слова:

Ты звѣзда, звѣзда восточная!
 Высоко звѣзда восходила,
 Выше краснаго солнышка,
 Выше свѣтлаго мѣсяца.
 За рѣкой было, за Одромъ*,
 Во Кистринѣ, славномъ городѣ;

* Такъ первоначали наши солдаты рѣку: *Одери*.

Что возговоритъ российскийъ графъ
Чернышевъ, Захаръ Григорьевичъ:
Ахъ вы, гой еси, солдатушки,
Послужите вѣрой, правдою,
Милосердной нашей матушкѣ,
Всероссийской государынѣ, и прочая.

При послѣднемъ стихѣ, наши пріатели вступили въ башню и застали, одѣтаго въ овчинный тулупъ, караульнаго, сидящаго на скамейкѣ и плетущаго лапти. Увидя вошедшихъ офицеровъ, старикъ нѣсколько смѣшался, бросилъ свою работу и старался вытянуться, сколько позволяла его согбенная позитуря. Чтобы ободрить стараго ветерана. Кайсановъ началъ съ нимъ разговаривать. Спросивъ, въ которомъ полку онъ служилъ прежде, гдѣ былъ на сраженіяхъ и когда вышелъ въ гарнизонъ, онъ далъ ему небольшую серебряную монету и похвалилъ его пѣсню. Старикъ обрадовался и не зналъ, какъ благодарить за такой нечаянный подарокъ.

Оставивъ эту башню, пріатели наши подошли къ другой, круглой.

— Вотъ, сказалъ Лукьянъ Захарьевичъ, предметъ вашего любопытства. Эта башня называется Веселухой.

Кайсановъ и Блюмъ съ величайшимъ вниманіемъ осматривали эту мнимую чудесницу, но не замѣтили въ ней ничего такого, что могло бы открыть малѣйшія причины къ оправданію разнесшихся по всему Смоленску невозвѣрныхъ слуховъ. Она ничѣмъ не отличалась отъ другихъ круглыхъ башенъ, черезъ которыя наши офицеры уже проходили.

Посмѣявшись надъ суевѣрнымъ смоленскимъ народомъ, обозрѣватели наши остановились здѣсь на нѣсколько минутъ и разсматривали открывшуюся ихъ глазамъ новую панораму. Потомъ продолжали путь свой. Достигнувъ угла, соединяющаго восточный фасъ съ южнымъ, гдѣ находилась круглая башня Золотарня, друзья наши обратились къ западу, и проходя то мимо малыхъ четырехугольныхъ, то сквозь большія и круглыя башни, они дошли до Никольскихъ Воротъ, проломанныхъ за годъ назадъ. Здѣсь спустились на землю и, осмотрѣвъ новыя

воротъ, поднялись опять на стѣну и продолжали идти до Шенна-Пролома. Заряновъ объяснялъ молодымъ офицерамъ, почему онъ такъ называется и обратилъ ихъ вниманіе на рavelинъ, сдѣланный вокругъ разрушенной стѣны. Пройдя по валу, они пришли къ башнѣ, въ которой были Молоховскія Ворота. Тутъ спустились они на землю и на этотъ разъ кончили довольно утомительное свое путешествіе.

Время приближалось къ двумъ часамъ по полудни. Кайсановъ напомнилъ Блomu, что пора уже идти къ оберъ-коменданту.

Поблагодаривъ почтеннаго Лукьяна Захаревича, молодые офицеры извинились, что слишкомъ утомили его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ добрый старичокъ, я не чувствую сильной усталости: напротивъ, мнѣ очень пріятно, что доставилъ вамъ небольшое удовольствіе. Теперь простимся; но прежде чѣмъ разстанемся, покажу я вамъ еще нѣчто достопамятное, здѣсь передъ нашими глазами. Тутъ указалъ онъ небольшой деревянный шатеръ, сдѣланный возлѣ самыхъ Молоховскихъ Воротъ, противъ караульни: подъ нимъ стояли двѣ мѣдныя, огромной величины, осадныя пушки, поставленныя здѣсь вскорѣ послѣ обратнаго взятія Смоленска отъ Поляковъ.

Осмотрѣвъ ихъ, Кайсановъ и Бломъ простились съ почтеннымъ Лукьяномъ Захаревичемъ и пошли къ оберъ-коменданту.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЯКОВЪ ВАНЪ-ДЕРЪ-НЭСЪ.

=

РОМАНЪ ГОСПОЖИ НААЛЬЦОВЪ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

Въ одной изъ аристократическихъ улицъ Амстердама, гдѣ еще императоръ Карлъ Пятый, около 1521 года, запретилъ строить деревянные дома, посреди новѣйшихъ каменныхъ зданій, долгое время сохранялся старинный деревянный домъ съ далеко выдвинутымъ впередъ вторымъ этажемъ, съ двойною высокою кровлей и навѣсами и обремененный богатствомъ прихотливыхъ деревянныхъ скульптурныхъ украшеній. Онъ принадлежалъ нѣкогда графамъ Пурмурандамъ, которые истощили на внутреннее и внѣшнее убранство его всѣ современныя изобрѣтенія роскоши, а потомъ по наслѣдству достался знаменитой несчастіями фамиліи Барневельдовъ. Въ то время, когда начинается нашъ разсказъ, то есть въ первой четверти семнадцатаго столѣтія, домъ этотъ дарно уже былъ въ запустѣніи. Рѣзная широкая дверь посреди фасада и калитка въ узенькій проходъ, которымъ каждый деревянный домъ обыкновенно отдѣлялся отъ сосѣдняго, были заколочены на-глухо и заложены тяжелыми желѣзными засовами; кольцо, которымъ когда-то стучались

посѣтители, выломлено изъ пасти мѣдной львиной головы; мелкіе, разноцвѣтные, оправленные въ свинець стекла широкихъ оконъ совсѣмъ потускли и сдѣлались непрозрачными; стѣны, покрытыя вычурными арабесками, почернѣли отъ времени и частію вывѣтрились; площадь передъ домомъ заросла высокою травой; по кровлямъ и на двѣсахъ разстился мохъ, а изъ шлема надъ великолѣпнымъ гербомъ Пурмурацловъ, словно перо, торчала молодая березка. Тысячи страшныхъ и смѣшныхъ фантастическихъ чудовищъ, взбѣгая по всѣмъ краямъ и угламъ до самой вершины кровли, свѣснались со всѣхъ карнизовъ и косяковъ, казалось, стерегли входъ и готовы были броситься на всякаго, кто бы вздумалъ подойти близко. Впрочемъ, съ этой стороны никто и не подходилъ. Изрѣдка только какой-нибудь завѣзшій останавливался посмотреть на замысловатые и въ то время уже странные орнаменты. На вопросъ—чей это домъ? сосѣди называли только имя послѣдняго его хозяина и жильца. Этого было достаточно: всякому извѣстна была кровавая повѣсть о религиозныхъ и политическихъ смутахъ, жертвою которыхъ былъ Ольдентъ-Барневельдъ.

Однако жъ домъ былъ не совсѣмъ необитаемъ. Ольдентъ-Барневельдъ когда-то приютилъ у себя осиротѣвшаго сына одного изъ своихъ слугъ. Этотъ мальчикъ выросъ съ сыновьями великаго вѣнсюрна и почитался болѣе ихъ товарищемъ нежели слугою. Это былъ Яковъ Ванъ-деръ-Несъ. Впослѣдствіи несчастная вдова Барневельда, выѣхавъ изъ Амстердама, оставила Якова въ домѣ въ видѣ сторожа, обезначила его судьбу на нѣкоторое время небольшою суммою, но наконецъ и домъ и сторожъ были совсѣмъ забыты: некогда было вспоминать объ нихъ, потому что на несчастное семейство обрушились новыя бѣды. Пылкіе сыновья безавиито погибшаго захотѣли отомстить за отца и подверглись гоненіямъ Меррица Нассаускаго. Ихъ ожидала участь, одинаковая съ отцовскою.

У Якова Ванъ-деръ-Неса съ малыхъ лѣтъ проявился страсть къ приобрѣтенію и мелодичность. Причиной послѣдней нѣсколько было его безобразіе, которое под-

вергало его насмѣшкамъ и грубымъ шуткамъ другихъ слугъ. Это дотога ожесточило его противъ людей вообще, что онъ сталъ считать всѣхъ злыми и не допускалъ ни какого исключенія, кромѣ семейства своего благодѣтеля, въ которому питалъ слѣпую, истиннѣйшую привязанность. По смерти Ольденъ-Барневельда, Яковъ Ванъ-дербъ-Насъ рѣшительно возненавидѣлъ все, что носитъ человѣческій образъ и далъ себѣ торжественную клятву не довѣрять никому, провести жизнь въ одиночествѣ и имѣть сношенія съ людьми не болѣе того, сколько нужно, чтобы пріобрѣтать деньги. Онъ сдержалъ слово. На заднемъ дворѣ, который выходилъ на набережную рѣки и гдѣ были кладовыя, сарай и другія хозяйственныя строенія, Яковъ Ванъ-дербъ-Насъ пыхтѣлъ съ утра до ночи въ трудахъ, которые далеко превосходили обыкновенныя сплы молодого человѣка его лѣтъ. Но онъ готовъ былъ лучше взнемочь отъ изнуренія, чѣмъ взять помощника. Такое неутомимое трудолюбіе, несмотря на молодость, вскорѣ доставило ему славу надежнаго коммиссіонера. Ему со всѣхъ сторонъ стали давать выгодныя порученія и тутъ-то вполнѣ развилась главная черта его любостаянія.

Якова Ванъ-дербъ-Наса всѣ считали глупымъ. Ума у него въ самомъ дѣлѣ не было, но онъ былъ хитеръ. Никто не зналъ навѣрное, сколько добывалъ Ванъ-дербъ-Насъ своими немовѣрными трудами и вообще добывалъ ли что-нибудь или въ глупомъ раболѣпствѣ работалъ на другихъ даромъ. Онъ уже былъ хозяиномъ болѣе части товаровъ, которые хранились въ кладовыхъ Барневельдова дому, а ни одинъ маклеръ, ни одинъ купецъ не могъ доказать ему этого. Онъ такъ искусно и хитро обманывалъ ихъ въ этомъ отношеніи, что они знали о Ванъ-дербъ-Насѣ только то, что онъ дѣятельный, работающій человѣкъ, которому можно довѣрить всякое порученіе, но который слишкомъ глупъ и неловокъ, чтобы вести собственные торговые промыслы.

Непасынный честолюбецъ, окруженный почестями и раболѣпнымъ поклоненіемъ современной толпы, въ минуты величайшаго торжества не могъ чувствовать такого отраднаго наслажденія, какое испытывалъ Ванъ-дербъ-Насъ,

терня глубокое презрѣніе и пренебреженіе отъ торговцевъ, съ которыми имѣлъ дѣла. И тотъ, навѣрное, содрогнулся бы, кто бы подслушалъ хриплый хохотъ, какимъ презрѣнный праздновалъ это наслажденіе, возвратясь вечеромъ въ свою пустую, неопрятную, нищенскую каморку и вспоминая всѣ бранныя слова, всѣ униженія, какихъ его удостоили впродолженіи дня. Этого-то ему и нужно было: это давало ему болѣе правъ ненавидѣть, презирать и обманывать людей. Притомъ, униженіе было ему полезнѣе всякаго почету: онъ подслушивалъ совѣщанія и тайны, которыя высказывались въ его присутствіи въ полной увѣренности, что глупый, безтолковый Нэсъ ничего не пойметъ. А глупый Нэсъ толстыми, мозолистыми пальцами вдавливалъ глаза глубже подъ закрытый исключенными волосами лобъ, чтобы они не искривлись, не горѣли, когда ему случалось подмѣтить новую выгоду, открыть новый лучъ свѣту на нерѣдко темныхъ путяхъ торговаго промысла, а на безобразномъ, рябомъ лицѣ его ничего невозможно было бы прочесть, потому что оно искривлялось только одною безсмысленною гримасой или улыбкой огромнаго рта съ оскаленными зубами. Эта улыбка была такъ постоянна и всегда одинакова, что никто не взялся бы рѣшить, что она выражаетъ, удовольствіе или неудовольствіе. При такомъ лицѣ Ванъ-деръ-Нэсъ былъ одаренъ неуклюжимъ, невысокаго росту станомъ, но широкими плечами, длинными, жилистыми руками, желѣзною крѣпостью мышцъ и богатырской силой. Ванъ-деръ-Нэсу не нужно было ни какой славы. А онъ могъ бы прослыть чудомъ на весь Амстердамъ, если бы люди узнали, что онъ, послѣ утомительныхъ трудовъ цѣлаго дня, трудовъ, которые, казалось, вполне истощали всѣ возможныя физическія силы, часто просиживалъ бо́льшую часть ночи за своими книгами и счетами, съ величайшею точностью дѣлалъ выкладки, записывалъ, повѣрялъ барыши, укладывалъ и пряталъ деньги или приготовлялъ для оборотовъ на слѣдующій день и, наконецъ, ловкимъ, четкимъ почеркомъ писалъ дѣловыя письма къ торговцамъ и маклерамъ, которые считали его исполнителемъ чужихъ порученій и не знали, что бо́льшая часть покупки и продажи

предпринималась на собственный счетъ. Ванъ-деръ-Нэсъ, только подъ чужими именами. При такихъ трудахъ Нэсъ, какъ обыкновенно называли его, ходилъ всегда въ полурубашцѣ, рѣдко разводилъ огонёкъ на большомъ очагѣ и въ три или четыре дня одинъ разъ самъ готовилъ какую-нибудь скудную похлебку, которою позволялъ себѣ приправлять главную свою пищу, сухой черной хлѣбъ. Онъ боялся привыкнуть къ роскоши, и потому не пользовался даже тѣми удобствами, которыми легко могъ бы пользоваться даромъ въ домѣ, гдѣ послѣ отъѣзда хозяевъ, осталась почти вся необходимая утварь. Ему было предоставлено право, взять себѣ изъ этой утвари все необходимое для собственнаго обзаведенія въ которой-нибудь части дома. Онъ и взялъ изъ хозяйскаго столько, сколько считалъ позволительнымъ присвоить себѣ, но взялъ только для того, чтобы продать и пустить вырученныя деньги въ оборотъ, а самъ помѣстился въ пустой и темной каморкѣ, похожей на чуланъ, гдѣ оставилъ только одинъ плохой столъ, одинъ стулъ и большой сундукъ, на которомъ устроилъ соломенную постель, покрытую цыновками и грубымъ шерстянымъ одѣяломъ.

Въ дѣла политики Нэсъ не мѣшался, и ничего не зналъ объ успѣхахъ и неудачахъ партій, которыя всё-еще, подъ предлогомъ борьбы за святую истину и вѣру продолжали терзать Голландію. Единственною цѣлью его жизни было приобрѣтеніе золота, безъ всякихъ другихъ видовъ, какъ это обыкновенно бывасть у всѣхъ скрягъ по страсти. Но тѣмъ не менѣе вѣсть о несчастномъ заговорѣ противъ штатгалтера, въ который были замѣшаны сыновья Барневельда, поразила его ужасомъ и пробудила страшныя воспоминанія о минувшемъ. Въ тотъ день, когда самъ благодѣтель его сложилъ покрытую сѣдинами голову на плаху, Ванъ-деръ-Нэсъ въ отчаяніи метался съ такимъ дикимъ неистовствомъ, раздиралъ свое тѣло ногтями и разбивалъ лобъ о стѣну, такъ, что не мнилъ бы цѣпей и дому ума лишенныхъ, если бы кто-нибудь увидѣлъ его. Но онъ тогда ушелъ въ кладовую, чтобы въ уединеніи предаться своей скорби и не показывать людямъ, что у него тоже есть чувство. Теперь, узнавъ, что сыно-

вья Барневельда сдѣлали неудачное покушеніе отомстить за отца и что штатгалтеръ преслѣдуетъ ихъ съ такимъ же ожесточеніемъ какъ и старика, Нэсъ ушелъ домой, заперся въ своей каморкѣ и цѣлый день не выходилъ. Тамъ только могъ онъ дать полную волю своему бѣшеному отчаянію и ненависти къ людямъ, которые неумолимо гнади и истребляли тѣхъ, къ кому онъ еще могъ питать привязанность.

Въ этотъ день Нэсъ забылъ не только о пищѣ, но даже о деньгахъ. Поздно вечеромъ онъ сидѣлъ на своей постелѣ и, судорожно стиснувъ сложенные руки между колѣнями, испускалъ глухіе стоны. Платье его было изорвано, лицо дико искривлено, изцарапано, лобъ обезображенъ синими волдырями. На дворѣ было темно; бушевала буря; ливень съ градомъ стучалъ въ звонкое окно, въ щели котораго проникали холодъ и сырость. Нэсъ продрогъ; пылъ его отчаянія мало-по-малу прошелъ и въ изнеможенную душу прокралось робкое желаніе погрѣться у огня. Онъ пошарилъ въ кожаной сумкѣ, въ которую обыкновенно собиралъ щепки и уголья на пристани и набережной. Сумка была пуста, но въ углу, за дверью, онъ нашелъ столько запаса топлива, что могъ развести скудный огонѣкъ; за свѣтилъ свой ночникъ и вышелъ въ кухню. Едва Нэсъ расположился у большаго очага, какъ ему послышался стукъ въ столовой, куда былъ ходъ изъ кухни черезъ небольшой темный корридоръ. Нэсъ притаялся. Буря выла; дождь хлесталъ въ окна и съ шумомъ лилъ изъ кровельныхъ жолобовъ.

— Почудилось..... ничего нѣтъ, подумалъ Нэсъ и принялся опять раскладывать щепки.

Но тутъ онъ снова, ясно слышалъ стукъ въ окно столовой, съ улицы, и пошелъ посмотрѣть. Въ ту минуту, когда онъ отворялъ двери, стукъ еще разъ послышался сильнѣе прежняго и одно цвѣтное стекло, вышибленное изъ свинцовой оправы, съ звономъ вылетѣло и разбилось въ дребезги. Нэсъ поставилъ лампу на каминъ и, загородивъ ее синною, съ трепетомъ сталъ прислушиваться. Кто-то сильною рукой потрясъ раму окна и задыхающимся голосомъ назвалъ Нэса по имени. Нэсъ подошелъ по-бли-

же. Черезъ пробитое отверстіе въ темнотѣ сверкнула пара глазъ и тотъ же голосъ послѣднюю проговорилъ:

— Отвори!.... отвори скорѣе..... дверь!

Нэсъ узналъ голосъ молодаго Реніе Барневельда; тотчасъ догадался въ чемъ дѣло, и подскочилъ къ окну.

— Дверей не отворишь теперь..... заколочены и заложены съ обѣихъ сторонъ..... Нельзя ли кругомъ..... съ небережной?

— Не успѣю... далеко... я не одинъ... отвори хоть окно!..

И оба, одинъ изнутри, другой снаружи, съ осторожностью, чтобы сосѣди не услышали стуку, принялись отворять забухшія рамы окна. Послѣ нѣкоторыхъ усилій, попытка удалась: окно отворилось. Нэсъ выглянулъ и съ трудомъ различилъ въ темнотѣ подъ навѣсомъ неопредѣленную группу. Черезъ минуту Реніе подошелъ съ тяжелою пошею, которую передалъ черезъ окно на руки Нэсу и шепнулъ:

— Подержи..... осторожнѣй.....

Вслѣдъ затѣмъ онъ самъ вскочилъ, опять взялъ пошу и бережно положилъ на широкую дубовую скамью у противоположной стѣны. Нэсъ помогъ влѣзть служанкѣ, принявъ сперва небольшой узелъ, потомъ затворилъ окно и старался уничтожить слѣды беспорядку, кое-какъ загородилъ выбитое стекло и опустилъ тяжелыя занавѣсы.

Реніе стоялъ на колѣняхъ передъ скамьею, на которую положилъ свою жену, лишенную чувствъ. Она была похожа на мертвую. Несчастный съ трепетомъ отыскивалъ признаковъ жизни и уже предавался отчаянію, когда наконецъ слабый стонъ обнаружилъ, что страдальца приходитъ въ себя.

Служанка замѣтила, что барынь нельзя оставить на жесткой деревянной скамьѣ, что ей нужна постель. Реніе тотчасъ вскочилъ и съ торопливостью отчаянія приступилъ съ требованіями къ Якову.

— Наверху все есть, отвѣчалъ Яковъ: все, какъ было, такъ и осталось. Отнесемте ее туда.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила служанка; теперь уже нельзя болѣе таскать ее по лѣстницамъ.... Лучше принести постель сюда.

— Но и сюда не хорошо, отвѣчалъ Насъ: въ окнахъ могутъ увидѣть свѣтъ. Развѣ вонъ туда, въ ту комнату.... она выходитъ на дворъ.

Онъ указалъ на сосѣднюю комнату, которая нѣкогда служила гостиною.

— Ну, туда можно. Ступай по-скорѣе.

Яковъ отыскалъ огарокъ свѣчи и побѣжалъ съ Реніе наверхъ. Въ нѣсколько минутъ они принесли все необходимое и устроили спальню. Служанка между-тѣмъ то присматривала за больною, то разводила въ каминѣ огонь щепками, которыя нашла въ кухнѣ, и кое-какими обломками старой мебели. Потомъ она потребовала у Якова посуды, чтобы приготовить питье. Яковъ отперъ чуланъ, гдѣ была вся кухонная и прочая столовая посуда, и по-мѣрѣ требованій съ трудомъ доставалъ, что нужно. Онъ едва успѣвалъ поворачиваться, такъ помыкала имъ дѣятельная Сусанна, которая въ хлопотахъ не забывала отъ времени до времени посмотреть на больную барыню, которую уже уложили въ постель. Наконецъ Якова выпроводили со всѣмъ и, когда опять потребовали для новыхъ услугъ, онъ, войдя въ комнату увидѣлъ, что Реніе держитъ на рукахъ ребенка, котораго съ отеческою нѣжностью укутываетъ въ бѣлье.

— Посмотри, говоритъ Реніе обращаясь къ Якову: вотъ это бѣдное существо скоро, быть-можетъ, одно останется на свѣтѣ изъ всего знаменитаго роду Барневельдовъ.

Больная застонала. Реніе передалъ ребенка Сусаннѣ и бросился къ постели. Супруги нѣсколько минутъ шопотомъ вели разговоръ, прерываемый вздохами и глухими стenanіями скорби. Несчастная жена о чемъ-то умоляла непреклоннаго мужа. Наконецъ она чуть внятнымъ голосомъ подозвала Якова.

— Послушайте, Ванъ-дерь-Насъ, говорила она: вы вѣрный другъ нашего семейства... я слышала... Умоляю васъ, спасите моего мужа.... уведите его отсюда.... спасите.... Скоро, скоро гонители и здѣсь найдутъ его.... уведите его, ради Бога!...

— Нѣтъ! перебилъ Реніе: нѣтъ, Бригитта! я не уйду отсюда. Здѣсь я буду ожидать тѣхъ, которые преслѣду-

ютъ и травить меня какъ дикаго кабана!... Пусть они найдутъ меня здѣсь, если имъ такъ хочется еще одной жертвы. Сынъ Барневелда погибнетъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ погибъ отецъ... кровь моя смѣшается съ его кровью. Я не боюсь палачей.

— О! вскрикнула Бригитта съ отчаяніемъ: такъ зачѣмъ же ты спасалъ меня!... зачѣмъ же укрывъ меня здѣсь, когда хочешь, чтобы я и это бѣдное существо погибли ужаснѣйшею изъ смертей?

— Нѣтъ, нѣтъ, Бригитта! ты будешь жить... ты должна жить! Ты сохранишь этого ребенка, чтобы онъ могъ увидѣть лучшія времена, которыя должны же начаться когда-нибудь... которыя теперь покупаются нашею кровью. Не вѣчно же будутъ продолжаться эти смуты... не вѣчно люди будутъ терзать другъ друга такъ безчеловѣчно... Нѣтъ, нѣтъ! вы съ этимъ ребенкомъ, доживете до лучшихъ дней.

— Я.... нѣтъ, Реніе, глухо отвѣчала Бригитта: ребенокъ нашъ тоже не доживетъ.... Здѣсь судьба наша погружается въ мракъ могилы.... Если ты погибнешь, и я погибну.... Некому будетъ поддержать и возрастить наше дитя....

— Перестань! перестань, ради Бога! вскричалъ Реніе: обѣщай мнѣ, что ты будешь жить.... что ты побережешь себя.... будешь жить для нашей дочери!

— Побереги ты себя, тогда и я попытаюсь, чуть внятно отвѣчала Бригитта.

— Послушайтесь ее, шепнулъ Яковъ: вы въ большой опасности. Здѣсь васъ скоро отыщутъ и тогда мы всѣ погибемъ. До завтра вамъ здѣсь не должно оставаться. Если вы сейчасъ отправитесь, то мы можемъ воспользоваться остаткомъ ночи.... Я отвезу васъ на своей лодкѣ до безопаснаго мѣста, откуда знакомый мнѣ рыбакъ доставитъ васъ на Флиландъ. Въ совершенной безопасности вы будете не ближе какъ въ Англии.

— О! послушайся его! умоляла Бригитта, стараясь приподняться, между-тѣмъ какъ Реніе въ безмолвномъ отчаяніи ломалъ руки: если не хочешь, чтобы я умерла отъ одного страха, спасайся!

Долго еще Бригитта умоляла и клятвою заклинала несчастнаго Реніе прежде нежели онъ рѣшился покинуть жену, дитя и родину. И то нельзя сказать, чтобы онъ рѣшился. Яковъ силою оттащилъ его отъ жены, которая лишилась чувствъ. Реніе и самъ былъ почти въ безсмысленствѣ. Только тогда пришелъ онъ въ себя, когда Сусанна поднесла ему ребенка, чтобы онъ благословилъ его. Реніе одною рукою схватилъ за руку Якова, другую положилъ на ребенка и, съ разгорѣвшимися глазами, голосомъ дрожащимъ отъ внутреннихъ терзаній, вскричалъ:

— Яковъ! поклянись мнѣ спасеніемъ души твоей, надеждою на воскресеніе, на отпущеніе грѣховъ и милосердіе Божіе.... поклянись, что ты укроешь и сохранишь мою жену и мое дитя; поклянись, что ты почитаешь ихъ какъ должно и не дашь имъ почувствовать чѣмъ они тебѣ будутъ обязаны.... поклянись, что ты обережешь ихъ мнѣ, покуда я буду имѣть возможность воротиться или безопасно призвать ихъ къ себѣ....

— Клянусь! глухо отвѣчалъ Яковъ.

Реніе бросился къ нему на шею и крѣпко обнялъ его. Ванъ-деръ-Насъ между-тѣмъ уже успѣлъ облудить планъ, который предложилъ къ спасенію Реніе, и, не давъ ему опомниться, силою увлекъ въ свою комнату, проторою помогъ замѣнить бархатное и шелковое платье зарусскими смоленымъ камзолемъ и другими принадлежностями рыбацьяго наряда, потомъ выбѣжалъ на набережную, чтобы посмотрѣть, не мѣшаетъ ли что-нибудь пѣбѣгу.

Хотя буря немного утихла, однако жъ погода всё-еще была ужасна и благоприятствовала предпріятію. Было за полночь. Ванъ-деръ-Насъ отвязалъ лодку, носившую приготавливалъ все, что нужно, и воротился къ Реніе, который всё-еще медлилъ въ верѣшности.

— Пойдемте; все готово, сказалъ Ванъ-деръ-Насъ.

— Яковъ, отвѣчалъ Реніе, если предчувствіе не напрасно пугаетъ меня, я теперь расстаюсь съ женою и дочерью навсегда. Я чувствую, что мнѣ не мѣновать участи моего отца, и потому такъ неохотно сокращаю часы, которые еще могъ бы провести съ моими милыми. Когда моя жена и дочь будутъ совершенно покинуты. Зло:

лей нантъ не удовольствуется и моею смертию: онъ захочетъ истребить все, что носитъ мое имя. Жена и дочь моя только тогда избѣгутъ смерти, когда никто не будетъ знать, гдѣ они. Ты ни за что не долженъ открывать ихъ убѣжища ни моей матери ни прочей роднѣ, потому что и тѣ тоже только тогда избавятся отъ преслѣдованія и насилья, когда дѣйствительно ничего не будутъ знать.

— Это все дорогою можно сказать.... притомъ я и самъ знаю, возразилъ Ванъ-дере-Нэсъ: садитесь скорѣе. Время дорого.

— погоди.... сейчасъ. Вотъ, продолжалъ онъ отвѣщая большой кошель, который былъ у него подъ камзоломъ: здѣсь все имущество моей дочери. Оно заключается въ кредитныхъ бумагахъ, французскихъ и англійскихъ, и въ значительной суммѣ золотомъ. А въ этой шкатулкѣ брилліанты моей жены. Себѣ я оставляю столько, сколько нужно, чтобы добраться до Англии. Тамъ я уже найду средства. Но ты не говори моей матери, что я передалъ тебѣ все: она станетъ беспокоиться обо мнѣ. Скажи тогда только развѣ, когда участь моя будетъ рѣшена. А ты между тѣмъ сохрани это имѣніе; будь опекуномъ моей вдовой жены и моего ребенка. Быть-можетъ, придетъ время, когда дочери моей можно будетъ назваться своимъ именемъ. Тогда ей нужно будетъ это имущество... Для жены у меня не много надежды. Ея участь рѣшится вмѣстѣ съ моею.... Ей не долго придется страдать.... Но дитя же.... дочь моя!... О, Яковъ! тяжело человѣку отрыватья отъ родительскихъ радостей, длятого только, чтобы идти на встрѣчу неизбежной смерти!... Береги.... береги мое дитя!....

Слезы заглушили его слова. Ванъ-дере-Нэсъ стоялъ передъ нимъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, опустивъ руки, и не бралъ тяжелаго кошель, а уставилъ на него неподвижный взоръ и силился удержать внутреннее волненіе, отъ котораго крупныя капли поту выступили у него на лбу. Какое-то бѣшенство, скорбь, алчность и страхъ раздвигали его душу и приводили въ трепеть все тѣло. Онъ какъ-будто стоялъ на краю пропасти, на краю ада, который готовился поглотить его, такъ дико и страшно смотрѣлъ онъ

на кошель въ рукахъ Реніе. Тутъ было золото и брилліанты, тутъ было огромное сокровище..... ему стоить только протянуть руку и взять.... А безумецъ, который подаетъ ему это сокровище, идетъ на вѣрную смерть, которую уже предчувствуетъ.... и никого нѣтъ, кто бы могъ видѣть и знать, что тутъ дѣдается.... ему стоить взять и оно будетъ его собственностью.... онъ можетъ вдругъ овладѣть тѣмъ, чего добивался мучительными трудами въ потѣ лица.... онъ можетъ взять это и вступить въ ряды тѣхъ промышленниковъ, которымъ дотолѣ столько завидовалъ.... Онъ могъ взять это золото.... пустить въ оборотъ.... утронть.... удесатерить.... и ему стоить только протянуть руку.... и никто, никто не узнаетъ и не увидитъ этого!

Всѣ эти обстоятельства, какъ демоны-искусители, съ страшною быстротою тѣснились въ голову Ванъ-дербъ-Нэса, котораго всѣумственные способности развились насчетахъ и выкладкахъ. Онъ задыхался. Но вдругъ опять заговорила совѣсть. Онъ вспомнилъ, что сейчасъ, за нѣсколько минутъ, былъ готовъ пожертвовать жизнью для спасенія сына своего благодѣтеля, и имъ овладѣлъ ужасъ, потому бѣшенство на самого себя, на всѣ тѣ чувства и мысли, которыя рождались въ немъ противъ его воли, и, наконецъ, на самаго Реніе, который вдругъ показался ему адскимъ искусителемъ и злѣйшимъ врагомъ. Онъ судорожно сжалъ кулаки и бросилъ на него огненный взглядъ, котораго Реніе не примѣтилъ, потому что глаза его были отуманены слезами. Самое благородное довѣріе, какое человѣкъ можетъ оказать другому, показалось Ванъ-дербъ-Нэсу самою жалкою, самою непростительною глупостью. Онъ почувствовалъ глубокое презрѣніе къ Реніе и это наконецъ сложило послѣднюю преграду, которая еще удерживала его дикія страсти. Онъ счелъ себя нисколько не обязаннымъ въ отношеніи къ человѣку, который такъ безумно и легкомысленно покидаетъ достояніе своего семейства. Онъ не хотѣлъ признаться себѣ, что беретъ предложенное съ тѣмъ, чтобы утаить совершенно, но хотѣлъ подумать послѣ, в тѣмъ на первый случай отдѣлался отъ своей совѣсти. Эта новая мысль такъ обрадовала его, что ему почудился хо-

хоть..... То былъ хохоть ада. У самого у него вырвался дикій, хриплый звукъ, какъ-будто отголосокъ. Онъ схватилъ кошель и шкатулку, и ему показалось, что онъ никогда не держалъ въ рукахъ такой тяжести. Колѣни его задрожали. Онъ готовъ былъ повалиться на землю.

— Спрячь это и поѣдемъ; пора, сказалъ Рениѣ.

Эти слова какъ-будто пробудили Вань-дери-Наса. Онъ вострепнулся, прыгнувъ какъ тигръ, съ непонятнымъ ворчаньемъ бросилъ кошель и шкатулку въ уголъ, за дверь, и прикрывъ шепками и старою пенькой, которая тамъ была навалена. Кончивъ это, онъ подозрительно посмотрѣлъ на Рениѣ, не примѣтилъ ли тотъ чего-нибудь страннаго. Но Рениѣ былъ слишкомъ занятъ своимъ горемъ и ничего не примѣтилъ. Онъ уже былъ за дверью. Вань-дери-Насъ бросился бѣжать и опередилъ его. Они сѣли въ лодку и поплыли. Рѣка волновалась и шумѣла; мелкій и частый дождь еще усиливалъ глубокій мракъ. Ни на рѣкѣ ни на набережной не слышно было живой души. Возбужденный, раздраженный Вань-дери-Насъ работалъ веслами съ немощною силой и скоростью. Его страсти рвались на просторъ, ему хотѣлось кричать и бѣсноваться, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, когда что-нибудь спльно чувствовалъ, но ни бѣсноваться ни кричать было невозможно. Онъ налегъ на весла и только отъ времени до времени кряхтѣньемъ и отрывистыми стонами облегчалъ дикое терзаніе души. Ему страшно было смотрѣть на блѣднаго своего спутника, который какъ могильный призракъ все напоминалъ ему ужасное искушеніе. По-временамъ на него находило такое бѣшенство, что ему хотѣлось утопить Рениѣ или опрокинуть лодку и утонуть съ нимъ вмѣстѣ.

Между-тѣмъ нужды оставленныхъ женщинъ обнаруживались болѣе и болѣе ощутительно. Утомленная Сусанна почувствовала голодъ и напрасно обшарила всѣ углы въ домѣ, чтобы найти что-нибудь съѣстное. Наконецъ и огонь въ каминѣ сталъ потухать. Она еще разъ отправилась на поискъ и шарила еще усерднѣе прежняго, но все напрасно. Наконецъ она забрела въ комнату Вань-дери-Наса и ужаснулась его нищеты и неопрятности. Она хотѣла уже воротиться, какъ-вдругъ примѣтила въ углу гру-

ду щепокъ и вѣшки, поспѣшно наклонилась, чтобы набрать этого топлива въ передникъ. Захвативъ горсти дѣтри, она водила и уронила на полъ что-то тяжелое. Это былъ кошель Реніе, о которомъ Сусанна знала, что въ немъ заключается все богатство ея господъ. Она вздрогнула и остановилась на минуту въ недоумѣніи. Тайный страхъ овладѣлъ ея сердцемъ; она съ трепетомъ озиралась вокругъ и при слабомъ мерцаніи лампы старалась найти разгадку этого страху въ мрачномъ и зловѣщемъ жилищѣ. Она ожидала увидѣть что-нибудь ужасное и вспомнила притомъ, какое непріятное впечатлѣніе произвелъ на нее съ перваго взгляду хозяинъ этой комнаты. Она вообразила, что Реніе, быть-можетъ, уже убитъ изъ-за того, что свиритано въ этомъ углу. Но наконецъ она опять собралась съ духомъ и успокоилась насчетъ убійства, хотя не могла отбиться отъ подозрѣніи въ похищеніи.

Въ первую минуту она хотѣла-было взять кошель и отнести къ своей госпожѣ, но струсила, когда вспомнила суровый и полудикій видъ человѣка, во власти котораго всѣ они находились. Если онъ похитилъ имѣніе Реніе, то унести это, значило побудить его къ новому, еще ужаснѣйшему преступленію. Сусанна затрепетала, толкнула кошель ногою далѣе въ уголъ и оставила нѣсколько пеньки и щепокъ для прикрытія.

Тяжко было на сердцѣ у Сусанны, когда она воротилась къ бѣдной матери, которая напрасно прижимала свое плачущее дитя къ груди, изсохшей отъ страданія.

Сусанна снова развела потухшій огонь и спѣшила приготовить питье, чтобы хоть чѣмъ-нибудь доставить необходимое подкрѣпленіе своей истощенной госпожѣ и ребенку. Бѣдная мать со слезами на глазахъ слѣдила за заботливыми хлопотами вѣрной служанки и, принявъ изъ рукъ ея по возможности напоенное и успокоенное дитя, сказала дрожащимъ голосомъ:

— Сусанна!... если я буду жива и въ-состояніи буду научить эту дѣвушку чему-нибудь... я научу ее любить и уважать тебя какъ вторую мать.

Сусанна стала на колѣни подлѣ постели и поцѣловала руку, которая съ нѣжною ласкою скользила по ея лицу.

Говорить она не смѣла, боясь встревожить утомленную госпожу. Она чувствовала, что была единственною опорой несчастныхъ, и тайно, но пламенно молила Бога, чтобы Онъ послалъ ей сверхъ-человѣческія силы и возможность выдержать постоянную стражу въ опасныхъ обстоятельствахъ.

Сидя у огня, она прислушивалась къ малѣйшему шороху, и вѣтеръ, дико и страшно завывавшій въ трубахъ и слуховыхъ окнахъ стараго дому, содержалъ бѣдную Сусанну въ безпрестанномъ, боязливомъ безпокойствѣ.

Наконецъ настало сырое и холодное утро, котораго свѣтъ едва проникалъ въ тусклыя окна. Безпокойство Сусанны съ часу на часъ возрастало. Если подозрительный хозяинъ не скоро воротится, ей самой надобно будетъ пойти со двора, во что бы то ни стало, и добыть пищи, безъ которой уже не могла долѣе оставаться ни больная ни она сама. Минуты тянулись для нея годами. Она то ходила, то садилась, то выбѣгала на дворъ и все ждала человѣка, при встрѣчѣ съ которымъ не далѣе какъ за нѣсколько часовъ, содрогнулась бы отъ ужаса.

Наконецъ Сусанна услышала шаги и тяжелое бремя спало съ ея груди. Она слышала какъ Ванъ-дербъ-Насъ прошелъ корридормъ въ свою комнату и, пробывъ тамъ не долго, съ силою захлопнулъ дверь. Потомъ онъ вышелъ и отправился къ столовой.

Хотя Сусанна должна была опасаться, что Ванъ-дербъ-Насъ тотчасъ замѣтитъ убыль щенокъ и выведетъ изъ этого свои заключенія объ ней, однако жъ она побѣжала къ нему на встрѣчу какъ къ забывителю; но увидѣвъ, при дневномъ свѣтѣ, его страшное безобразіе и дико беспорядочную одежду, она содрогнулась. Онъ встрѣтилъ ее грознымъ, ужаснымъ взглядомъ, въ которомъ горѣла бѣшенство и иснытующее адское подозрѣніе. Сусанна прочла въ этомъ взглядѣ свой смертный приговоръ и онемѣла; сердце ея застыло. Ванъ-дербъ-Насъ продолжалъ отглядывать ее съ головы до ногъ, какъ-будто хотѣлъ вытнуть изъ нея этимъ взглядомъ все, что она могла знать о его ужасной тайнѣ. Онъ узналъ все, что было нужно ему, для того чтобы увеличить свое терзаніе, и уже въ-де-

бавокъ, какъ-будто для того, чтобы показать, что все знаетъ, съ презрѣніемъ толкнулъ ногою клокъ пеньки, которую увидѣлъ тотчасъ же, какъ вошелъ въ комнату.

Бригитта услышала, что Ванъ-дерь-Нэсъ воротился, и съ раздирающимъ стономъ произнесла имя своего мужа. Ванъ-дерь-Нэсъ вошелъ къ ней и сказалъ съ большою кротостію, чѣмъ какъ можно было ожидать.

— Успокойтесь, сударыня. Онъ въ безопасности. Я передалъ его надежному человѣку, который доставитъ его на Флиландъ, а оттуда ему уже легко будетъ уѣхать въ Англію.

Бригитта хотѣла говорить, благодарить, но могла только поднять руки къ небу и лишилась чувствъ.

— Ахъ, Боже мой! она умретъ! она умретъ! вскричала Сусанна и видѣ себя отъ скорби упала подлѣ постели на колѣни.

Даже Ванъ-дерь-Нэсъ съ испугомъ увидѣлъ синій цвѣтъ лица и мертвенное одѣщеніе членовъ несчастной женщины. Онъ съ замѣшательствомъ поглядывалъ то по сторонамъ, то опять на безчувственную и досадовалъ на свое неумѣнье обращаться съ людьми: ему хотѣлось подать бѣдной какую-нибудь помощь. И въ душѣ Ванъ-дерь-Нэса пробудилось состраданіе. Потому, когда Сусанна, забывъ свой собственный страхъ и отвращеніе, умоляла его о помощи, онъ поспѣшно изъявилъ свою готовность и внимательно примѣчалъ все, чего отъ него требовали. Это такъ успокоило Сусанну, что по уходѣ Якова ей пришла въ голову утѣшительная мысль: она подумала, что взвела напраслину на этого человѣка. Ей стало легче: она почувствовала себя не совершенно безпомощною.

Судьбы людей столько же разнообразны по времени, сколько по обстоятельствамъ: у одного драма, рѣшающая участь цѣлой жизни, разыгрывается въ одинъ день, у другаго антракты тянутся цѣлые десятки лѣтъ. И часто для обрисовки этихъ десятковъ лѣтъ достаточно взять на выдержку одинъ день, одинъ часъ, чтобы подать понятіе о всѣхъ мелочахъ, изъ которыхъ составлено многолѣт-

нее существованіе и произошли важныя перемены и превращенія обстоятельствъ. Мы не станемъ слѣдить за жизнью обитателей барневельдовскаго дому изо дня въ день, а пропустимъ десять однообразныхъ лѣтъ.

Была опять осенняя, холодная, туманная пора, когда въ воздухѣ бываетъ гораздо больше сырости чѣмъ свѣту. Сусанна, блѣдная и худая, въ грубой, изношенной и покрытой заплатами юбкѣ, стоитъ на колѣняхъ передъ каминомъ, въ столовой, которая служитъ вмѣстѣ и кухней. Въ каминѣ, превращенномъ въ очагъ, лежитъ толстое дубовое полѣно, изъ котораго огонь отъ горящихъ мелкихъ щепокъ съ трудомъ выжимаетъ щиплящую воду. Сусанна, безпреставно подиравая, едва можетъ поддержать столько огня, чтобы сварить въ маленькомъ горшечкѣ скудную похлебку на обѣдъ. Цвѣтъ и бодрость молодости давно исчезли съ лица бѣдной дѣвушки. Ихъ замѣнили уныніе и робость. Въ убранствѣ комнаты замѣтна нѣкоторая перемена: она чиста, сколько это возможно при исполненіи кухонныхъ, хотя по-видимому и небольшихъ потребностей. Посреди комнаты стоитъ дубовый столъ, окруженный четырьмя стульями. У окна большое старое кресло, обитое полинялою кожей и обложенное подушками. Подлѣ, на столѣ, шитье и рабочая корзинка, а на окнѣ нѣсколько бѣдныхъ игрушекъ. Занавѣсы закоптились и полиняли, но бережно починены Сусанной и подобраны съ нѣкоторымъ вкусомъ. Все чисто, только стекла въ окнахъ по-прежнему тусклы и покрыты густымъ отвердѣвшимъ слоемъ пыли, который почти вовсе не пропускаетъ свѣту. Никакія убѣжденія не могли вынудить у Ванъ-дербъ-Несса согласія на обмывку оконъ. Въ углу, подлѣ каминна, лежалъ небольшой запасъ мелко наколотыхъ дровъ, связанныхъ въ пучки, которые отпускались счетомъ. Сусанна не смѣла сжечь болѣе одного пучка въ день, какой бы холодъ ни былъ.

Сусанна была одна. Послышались шаги въ корридорѣ. Она вздрогнула, поспѣшно потушила и отбросила всторону дѣ или три тонкія головни. Вошелъ Яковъ Ванъ-дербъ-Нессъ. Первый взглядъ его упалъ на очагъ. Онъ не отвѣчалъ на привѣтъ Сусанны, а прямо подошелъ, чтобы от-

бросить остальные головки, которые еще тлели около горшка.

— Похлебка давно готова, вскричал онъ, а ты всё ждешь дрова! Что они, даромъ что им делятся? Въ комнатѣ, слава Богу, еще тепло отъ вечерняго огня, а ты всё тешишь безъ толку.

Сусанна молча потушила огонь, а Ванъ-дербъ-Насъ молду-тѣмъ озирался въ комнатѣ, не найдетъ ли чего-нибудь за что бы можно было поворчать. Онъ ничего не нашелъ, однако жъ всё покачивалъ головой и шевелилъ губами.

Ванъ-дербъ-Насу было теперь лѣтъ тридцать съ небольшимъ, но онъ казался гораздо старше, потому что ходилъ сгорбившись и волочилъ ноги. Безобразное лицо его стало еще мрачнѣе прежняго, а голова постоянно склонялась на грудь, какъ обыкновенно у людей размышляющихъ или расчитывающихъ. На немъ былъ хотя не прежній парусинный и смоленый, однако жъ всё-таки грубый суконный и засаленный камзолъ. Яковъ Ванъ-дербъ-Насъ былъ уже не простой повѣренный, а купецъ, у котораго свои дѣла на биржѣ. Несмотря на старанія безпрестанно приглядываться или бѣднякомъ или пострадавшимъ отъ переворотовъ въ торговыхъ дѣлахъ, кредитъ его постоянно возрасталъ и тотъ, кто прежде, по-видимому, едва былъ въ состояніи заплатить за смоленую куртку, теперь слылъ у проныцательныхъ торговцевъ чуть-чуть не миллиономъ.

Ванъ-дербъ-Насъ по-прежнему обдѣлывалъ свои дѣла одинъ. У него не было ни конторы, ни писца. Въ наглухо запертый домъ его не было никакого доступа. Съ Яковомъ Ванъ-дербъ-Насомъ можно было видѣться и говорить только на биржѣ и на рынкахъ: только тамъ онъ занимался дѣлами. О домашнихъ же обстоятельствахъ никто не смѣлъ спрашивать его, подъ опасеніемъ получить вмѣсто отвѣта потокъ величайшихъ грубостей. Двухъ, трехъ такихъ примѣровъ было достаточно, чтобы навсегда удержать неумѣстное любопытство въ приличныхъ границахъ.

Между-тѣмъ какъ Ванъ-дербъ-Насъ озирался въ комнатѣ, Сусанна вышла, чтобы позвать своихъ господъ къ обѣ-

ду. Ванъ-деръ-Нэсъ какъ-будто ждалъ этого. Онъ съ величайшею поспѣшностью отперъ сперва дверь въ стѣнѣ, потомъ вдѣланный въ этой стѣнѣ желѣзный шкафъ за двумя тяжелыми замками. Наконецъ, всѣ озирался во кругъ, выворожилъ карманы своего грубаго кафтана и осторожно положилъ нѣсколько тяжелыхъ свертковъ золота къ тѣмъ, которые уже хранились въ шкафу, и страшный, отрывистый смѣхъ и коначій прыжокъ высказали блаженство его при видѣ накопленнаго золота. Потомъ онъ такъ же поспѣшно заперъ обѣ двери и спряталъ ключи въ карманъ.

За дверью послышался звонкій дѣтскій голосъ и веселый смѣхъ. Улыбка на лицѣ Ванъ-деръ-Нэса мало измѣнилась. Онъ потеръ руки, сгорбившись, зажалъ ихъ между колѣнъ и уставилъ глаза на дверь. Дверь отворилась. Въѣжала десятилѣтняя Анжела и бросилась прямо къ Ванъ-деръ-Нэсу, который привялъ ее въ отверзтыя объятія и прижалъ къ себѣ съ жадностью. Даже эта любовь походила на корыстолюбіе.

— Нэсъ! милый Нэсъ, здравствуй! кричала дѣвочка, лаская нѣжными ручками жесткое его лицо и цѣлуя его въ низкій лобъ.

Между-тѣмъ Сусапна привела и усадила за столъ Бригитту. Бригитта наклонилась впередъ къ Нэсу и Анжелѣ, и улыбнулась. Но у всякаго, кто впервые увидѣлъ бы эту улыбку, стѣснилось бы сердце. Нэсъ и теперь, казалось, испытывалъ то же самое. Онъ выпрямился и съ смущеніемъ отдалъ неловкій поклонъ.

— Спрячь ее, Нэсъ, шептала Бригитта: спрячь ее, чтобы никто не видалъ.... Ты вѣдь знаешь, что она дочь Реніѣ... не хорошо, если увидятъ.... Мы посадимъ ее подъ столъ, на случай, если они прійдутъ, и будемъ спокойно кушать и смѣяться.... чтобы никто не догадался, что она тамъ сидитъ. Слышишь, Нэсъ?

— Да, да, сударыня, отвѣчалъ Нэсъ, такъ и сдѣлаю.

Осемь лѣтъ уже Бригитта каждое утро говорила эти слова и каждый разъ довольствовалась тѣмъ же отвѣтомъ къ утѣшенію.

Предчувствіе Реніе сбылось вполнѣ. Онъ былъ схваченъ на островѣ Фландрѣ, куда отвезъ его рыбакъ, и отправленъ въ Гагу, гдѣ вскорѣ погибъ на эшафотѣ. Получивъ эту вѣсть, несчастная Бригитта, едва оправившаяся отъ тяжелой болѣзни, помѣшалась. Первые припадки были ужасны, но потомъ съумасшествіе мало-по-малу превратилось въ тихое отсутствіе сознанія страданій. Изъ всего прошедшаго она сохранила только одно смутное опасеніе за дочь, но и за эту мысль неспособна была держаться долго, а развивать ее и того менѣе.

Теперь Бригитта почти весела. Улыбка не сходитъ съ ея губъ, но похудѣвшее лицо, покрыто мертвенною, прозрачною блѣдностью; когда-то прекрасные каштановые волосы совершенно посѣдѣли, хотя она еще молода. Она одѣта въ черное шерстяное платье съ бѣлымъ воротничкомъ; на головѣ бархатная шапочка, съ кружевною оборкой. Несмотря на худобу и блѣдность, она еще хороша, особенно нѣжныя бѣлыя руки, высокий, чистый лобъ и ясные, дѣтски-невинные глаза. Видъ ее производитъ на Ванъ-деръ-Нэса такое впечатлѣніе, что служитъ Сусаннѣ защитою и опорой, когда онъ слишкомъ увлечется своею безмѣрною страстью къ экономіи и дойдетъ до нелѣпыхъ требованій. Въ ней сосредоточено для Сусанны все горе и все счастье.

Бѣдная и безкорыстная служанка, хотя жертвовала всею своею жизнью для обожаемой несчастной госпожи и ея дочери, однако жъ не умѣла ни разсудить какъ должно, ни собраться съ духомъ, чтобы принять какія-нибудь рѣшительныя мѣры для вѣшняго обезпеченія ихъ участи. Послѣ ужасныхъ впечатлѣній, которыя бѣдная дѣвушка испытала во время бѣгства и гибели своего господина, Ванъ-деръ-Нэсу легко было застращать ее опасностями, которыя сначала въ самомъ дѣлѣ грозили матери и дочери, и легко было удержать ее отъ всякой попытки перемѣнить образъ жизни. Уже чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ позволилъ ей выходить на улицу, а тогда робость и безнадежность уже дотогу укоренились въ сердца бѣдной Сусанны, что она и не подумала заводить какія-нибудь сно-

шенія, кромѣ самыхъ необходимыхъ для удовлетворенія ежедневныхъ потребностей.

Въ первое время Сусанна могла доставлять своей госпожѣ все нужное на деньги, которыя та еще имѣла при себѣ. Отъ Ванъ-деръ-Неса она боялась потребовать чего-нибудь, хотя знала, что ему слѣдовало бы позаботиться обо всемъ. Она не могла забыть ужаснаго взгляду, которымъ онъ поразилъ ее въ роковое утро. Сусанна перебивалась, какъ могла, покуда не истощила всего запаса. Потомъ она воспользовалась впечатлѣніемъ, которое производила на скупаго грабителя помѣшанная, и, хотя съ трудомъ, однако жъ заставила его принять расходы на свой счетъ. Зато онъ съ своей стороны старался отдѣлаться какъ-можно по-дешевле и безпрестанно мучилъ бѣдную Сусанну упреками за расточительность.

Состояніе Ванъ-деръ-Неса было тоже не завидное. Ему вдругъ, совершенно неожиданно, навязалась на шею доля, которую онъ всегда считалъ самою ужасною: у него явилась цѣлая семья со всѣми хозяйственными нуждами, которыя были ему отвратительны, а между-тѣмъ онъ не имѣлъ въ этой семьѣ ни какого права собственности. Часто ушедши въ свою комнату, онъ съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ катался по полу и вылъ какъ дикій звѣрь. Тысячу разъ собирался онъ забрать имущество Реніе и уѣхать куда-нибудь по-дальше, чтобы опять свободно предаться своему дикому образу жизни, но его удерживали мелкія выгоды, которыми онъ уже пользовался, всѣя дѣла въ Амстердамѣ. Притомъ отъ всё-еще не могъ совершенно рѣшиться на прямое похищеніе: искушеніе не давало ему покою ни днемъ ни ночью, но едва въ соображеніи его обрисуетя полное обладаніе, на него нападетъ ужасъ и бѣшенство. Тысячу разъ бѣсился онъ, что имѣніе принадлежитъ именно этому семейству, къ которому онъ чувствовалъ такую слабость. Ему нужно было поладить съ совѣстью и онъ ждалъ случая, чтобы по какому-нибудь праву завладѣть ввѣренными ему сокровищемъ. Случай этотъ представился со смертію Реніе. Тутъ уже, когда и несчастная Бригитта лишилась разсудка, Ванъ-деръ-Нессъ могъ сказать себѣ, что необходимо долженъ заступить его мѣсто,

принять на себя обязанности опекуна. Страшная была минута, когда Ванъ-дерь-Нэсъ наконецъ дѣйствительно захватилъ сиротское наслѣдіе, которое такъ часто похищалъ мысленно. Но эта минута прошла. Яковъ Ванъ-дерь-Нэсъ занисался въ купцы. Сусанны онъ плохо боялся: она была слишкомъ занята своею госпожею и ребенкомъ и слишкомъ напугана, чтобы помѣшать ему или бороться съ нимъ. Одинъ разъ только она сказала ему страшное слово, и то уже тогда, когда долговременное обладаніе и привычка къ мысли о необходимости опекунства почти совсѣмъ заглушили совѣсть.

Когда у Сусанны вышли всѣ деньги, бывшія у госпожи ея, и когда она наконецъ принуждена были обращаться съ требованіями къ Ванъ-дерь-Нэсу, скрага, каждый разъ, за каждую копѣйку, подымалъ страшный шумъ, осыпалъ бѣдную служанку бранью, угрозами и проклятіями. Однажды онъ взбѣсился дотого, что рѣшительно отказался дать денегъ, увѣрялъ и клялся, что у него денегъ нѣтъ, что онъ уже совсѣмъ разоренъ, что не можетъ долѣе кормить своими трудами чужую семью. Между-тѣмъ Бригитта изнемогала, а трехлѣтняя Анжела плакала съ-голоду. Видя это, Ванъ-дерь-Нэсъ еще болѣе бѣсновался и мучилъ Сусанну упреками за жадность и утайку хозяйскаго добра, Сусанну, которая никогда куска въ ротъ не брала, покуда не удостовѣрится, что ея госпожа и Анжела сыты. Доведенная до отчаянія рѣшительнымъ отказомъ безумнаго, Сусанна со всею силою негодованія схватила прыгавшаго въ бѣшенствѣ Ванъ-дерь-Нэса за руку; вонзила ему въ душу неподвижный, грозный, укоризненный взглядъ и дрожащимъ, глухимъ голосомъ вскричала:

— Берегись, грабитель! я знаю, что ты можешь и долженъ кормить семью Реніе.

Ванъ-дерь-Нэсъ внутренно вздрогнулъ, остановился въ положеніи подстерегающей кошки и сомнительнымъ, блуждающимъ взглядомъ озиралъ разгнѣванную. Съ теченіемъ времени онъ мало-по-малу убѣдился-было себя, что Сусанна, которая всегда молчала, ничего не знаетъ о его преступленіи. Теперь ему хотѣлось задушить ее на-мѣсть. Бѣшенство и страхъ раздирали его черную и слабую

душу. Онъ боялся, что дѣло дойдетъ до болѣе подробнаго объясненія, и старался давить дерзкую, а между-тѣмъ у самого кровь застывала въ жилахъ.

— Что ты бредишь? сказалъ онъ наконецъ не своимъ голосомъ, въ которомъ отразилось все состояніе его души.

Въ эту минуту Сусанна могла бы совершенно уничтожить его, но сила уже оставила ее. Она ерѣбѣла въ свою очередь и уже раскаявалась, что измѣнила своей тайнѣ перелъ этимъ чудовищемъ.

— Развѣ можно такимъ образомъ требовать? продолжалъ Ванъ-дере-Нэсъ, мало-по-малу ободряясь: развѣ ты думаешь, я допущу чтобы онѣ умерли съ-голоду, покуда я еще въ-состояніи работать? Но я же не могу возволить, чтобы мною понукали, какъ какимъ-нибудь рабомъ.... притомъ, я долженъ же останавливать твоего расточитель-ности: иначе мы всѣ умремъ съ-голоду....

Онъ пустился въ обыкновенныя свои разсужденія, и, постоянно разгорячаясь, дошелъ опять до совершеннаго бѣшенства. Глаза его сверкали, губы пѣнились, брань полилась потокомъ. Его называли грабителемъ. Онъ, правда, не понималъ чести, но понималъ, что въ одномъ этомъ словѣ Сусанны уже заключалось покушеніе отнять у него добро, купленное цѣною растерзанной совѣсти. Онъ жаждалъ мести и уже рассчитывалъ, что можетъ убить Сусанну однимъ ударомъ кулака. Сусанна, блѣдная какъ смерть, опустила голову, потушила глаза и не трогалась съ-мѣста, какъ каменная. Это болѣе и болѣе распалало труса. Онъ сжалъ кулаки, подвигался къ ней всё ближе и ближе, и, вѣроятно, вся судьба несчастной была написана на страш-но-искаженномъ лицѣ злодѣя, потому что вдругъ взглянувъ на него, Сусанна съ ужасомъ вскрикнула и схватила сидѣвшую на стулѣ Анжелу на руки, какъ-будто нища ея защиты).

— Нэсъ! Нэсъ! зачѣмъ ты обижаешь Сусанну? закричала дѣвочка.

Нэсъ задрожалъ и опустилъ руки.

— Какъ тебѣ не стыдно, Нэсъ! продолжала Анжела: Сусанна кушать хочетъ.... маленька тоуе и ниѣ тоже ѣсть хочется.

Нэсъ съ судорожными корчами началъ прыгать и вѣтаться по комнатѣ, обшарилъ карманы своего жилета, досталъ рѣскольکو монеть, бросилъ на столъ и выбѣжалъ какъ въ масшедшій, который воображаетъ, что за нимъ гонятся.

Сусанна знала, какую власть имѣеть надъ скрыгою маленюшкою Анжела, но только не смѣла слишкомъ часто пользоваться этимъ вліяніемъ, чтобы не ослабить его. Ванъ-дерь-Нэсъ проклиналъ себя за малодушіе, за недѣльную покорность и за непостижимую страсть къ этому ребенку, который совершенно обезоруживалъ его одною улыбкой, одною невинною лаской или просьбой, но всѣтаки не могъ ожесточиться противъ внучки Барневелда. Эта единственная человѣческая привязанность такъ сплелась съ его душою, что сдѣлалась неустрашимой. Часто онъ убѣгалъ въ свою комнату, запирался тамъ и предавался бѣшеннымъ изліяніямъ негодованія на самого себя, но потомъ, увидѣвъ опять малютку, становился передъ нею на колѣни, игралъ съ нею, забавлялъ ее, ласкалъ и дурачился самъ какъ ребенокъ. Потомъ нерѣдко случалось, что самъ онъ примѣчалъ недостатокъ за столомъ или видѣлъ, какъ Анжела плачетъ съ-голоду. Тогда и онъ тоже вскрикивалъ отъ испугу и бросалъ Сусаннѣ деньги безъ счету. Но когда наступала ночь, онъ не находилъ покою въ своей конурѣ, отправлялся въ обходъ по всему дому, обшаривалъ всѣ углы, чтобы отыскать спрятанныя Сусанною деньги. Часто онъ приходилъ къ ея постели и Сусанна съ ужасомъ глядѣла на безумца, поручая свою душу Богу и ждала смертельнаго удара. Деньги Ванъ-дерь-Нэсъ рѣдко находилъ, потому что Сусанна нашла для нихъ единственное безопасное мѣсто, въ постелькѣ Анжелы, до которой скрыга не осмѣливался дотронуться. Но онъ находилъ другія средства воротить хоть часть того, что у него отняли. Онъ кралъ у Сусанны припасы и потомъ опять продавалъ ей ихъ или относилъ на рынокъ, продолжая между-тѣмъ ежеминутно осмѣять бѣдную служанку упресками и бранью за расточительность и обжорство.

Все это Сусанна принуждена была терпѣливо сносить,

потому что не видала ни какихъ средствъ переимѣнить положеніе свое и своей несчастной госпожи.

Сосѣда давно знали, что у Якова Ванъ-дербъ-Наса живутъ женщины, но никто не зналъ, когда и откуда онѣ явились. Онъ умѣлъ осторожно скрыть настоящее время ихъ появленія. Безъ замѣчаній и сплетней не обошлось, однако жъ опаснаго для семьи Реніе ничего не обнаруживалось. Анжелу довольно поздно окрестили въ отдаленной церкви, подъ Сусаннинимъ родовымъ прозваніемъ Альткомъ. Бѣдная служанка спокойно приняла на себя подозрѣніе проницательныхъ, которые сочли ее и Якова родителями этого ребенка. Оставалось, правда, рѣшить, кто та женщина, которую раза два случайно видѣли въ лѣтнюю пору у открытаго окна въ верхнемъ этажѣ; но время вообще было неспокойное: преслѣдованія, несправедливости и оскорбленія стучались во всякую дверь. Граждане молча соглашались въ томъ, что каждый обязанъ по силамъ беречь сосѣда, и вреднѣйшее изъ золъ, сплетничество, потеряло свою силу. Съ теченіемъ времени къ скрытности Ванъ-дербъ-Насова семейства привыкли, такъ же какъ и къ запертому его дому, и рѣдко кому приходило въ голову вспомнить объ этомъ.

Анжелѣ минуло десять лѣтъ. Сусанна сама была простая, необразованная женщина, однако жъ понимала, что нельзя оставить дочь знатныхъ родителей безъ всякаго воспитанія. Руководѣльямъ она могла бы научить ее сама, потому что была искусна во всякомъ шитьѣ и въ плетеніи кружевъ, но и на это у нея не ставало времени и притомъ не было денегъ для закупки необходимыхъ матеріаловъ. Долго она терзалась тайнѣй и наконецъ рѣшилась приступить къ Ванъ-дербъ-Насу съ требованіемъ, чтобы онъ отдалъ Анжелу куда-нибудь, учить грамоть, или нанялъ бы ей учителя.

Пистолетный выстрѣлъ прямо въ лобъ не поразилъ бы Ванъ-дербъ-Наса смертельнѣе этого неожиданнаго требованія. Напрасно пытался онъ застрашать Сусанну опасностями: на этотъ разъ она была непоколебима. Благочестивую женщину болѣе всего тревожило то, что десятилѣтняя Анжела еще не видывала церкви и не умѣла про-

честь ни слова въ Библии, въ которой перелазывала картинки. Сусанна наставляла, а малодушный скрига не накопидель довольно сильныхъ доводовъ для противорѣчя, потому что опасности, которыя онъ грозилъ, уже миновали. Принцъ Морицъ, гонитель роду Барневольдовъ, умеръ; мѣсто Морица заступилъ братъ его, благородный, кроткій Фридрихъ Нассаускій, и никто уже не страшился ни гоненій ни притѣсненій. Сусанна тоже узнала объ этомъ на рынкѣ. Ванъ-дербъ-Насъ со страхомъ увидѣлъ, что рѣшительное сопротивление только заставитъ Сусанну своевольно искать другихъ средствъ и можетъ даже совсѣмъ погубить его. Онъ сталъ успокоивать ее, соглашался въ справедливости требованія, между-тѣмъ всё откладывалъ исполненіе и тянулъ время день-за-день. Сусанна не отставала. Наконецъ онъ предложилъ, что самъ будетъ обучать Анжелу грамотѣ, но и это не помогло: главнымъ дѣломъ для Сусанны были уроки въ законѣ Божіемъ. Притомъ она съ естественною въ женщинѣ проникательностью тотчасъ примѣтила, что имѣетъ право настоять на своемъ. Но всё-таки проходили дни и недѣли, а Ванъ-дербъ-Насъ не думалъ исполнить обѣщанія. Сусанна стала придумывать, какъ бы самой исполнить свое желаніе.

Торговцы и торговки, у которыхъ Сусанна закупала съѣстные припасы, всѣ любили бѣдную женщину, несмотря на то, что она принуждена была торговаться за каждый кусокъ болѣе всякаго другаго покупателя. Ее любили за то, что она была такая кроткая, ласковая и очевидно страдала. Всѣ знали, что она живетъ въ домѣ злаго скриги Ванъ-дербъ-Наса. Между-прочимъ къ ней очень благоволила булочница, къ которой она ходила каждое утро за хлѣбомъ. Сусанна тоже полюбила добрую фрау Ливерсъ, хотя довѣренность ся къ ней никогда не доходила до разсужденія о домашнихъ обстоятельствахъ.

Однажды утромъ Сусанна, послѣ жаркаго спору съ Ванъ-дербъ-Насомъ, занятая мыслью о собственныхъ мѣркахъ касательно Анжелы, пришла къ булочницѣ печальнѣе и безмолвнѣе обыкновеннаго.

— Сусаннушка! что это съ вами? сказала фрау Ливерсъ: вы день-о-те-дня всё больше въ землю смотрите! Не хоро-

но. Не давайте воли кручинѣ: сердце отдавить!

Сусанна прослезилась и не отвѣчала.

— Видно, что не легко вамъ жить на свѣтѣ, продолжала булочница: но на все вѣдь есть мѣра... Есть Богъ, и въ свѣтѣ вѣдь не безъ добрыхъ людей. Неужели вамъ никто не поможетъ, не дѣломъ такъ совѣтомъ? Хоть бы вы кому-нибудь хоть слово сказали.... вѣдь и то облегчаетъ.

— Нѣтъ! отвѣчала Сусанна съ глубокимъ вздохомъ: у меня никого нѣтъ.... никого во всемъ свѣтѣ.... кому бы я могла высказать свое горе....

Неудержимый потокъ слезъ заглушилъ ея слова. Сусанна въ первый разъ заплакала при чужомъ человѣкѣ и смутившись закрыла лицо шейнымъ платкомъ. Въ эту минуту позади несчастной раздался звучный, пріятный мужской голосъ, отъ котораго она затрепетала.

— Если пришлетъ фрау Гопенъ, говоритъ голосъ: то пошлите, пожалуйста, ея мальчика ко мнѣ въ семинарію. Я, до обѣда, оттуда прямо зайду къ бѣдной старушкѣ. Она, конечно, нуждается въ утѣшеніи.

— Очень хорошо, ваше преподобіе. Будетъ исполнено, отвѣчала булочница: благослови Богъ вашу добрую душу.

Сусанна опустила платокъ и обратила наполненные слезами глаза къ двери. Тамъ стоялъ молодой пасторъ Гарзенъ, который съ женою и первымъ ребенкомъ занималъ двѣ верхнія комнаты въ маленькомъ домѣ булочницы. Сусанна, приходя по утрамъ за хлѣбомъ, нерѣдко встрѣчалась съ нимъ, когда онъ, подбирая полы своей черной расы, осторожно пробирался мимо враждебныхъ мучныхъ ларей и привѣтствовалъ хозяйку словомъ и взглядомъ, которые одна уже обнаруживали всю доброту его души. Сусанна передъ нимъ какъ и передъ всякимъ встрѣчнымъ всегда робко уклонялась съ дороги. Теперь она впервые взглянула ему прямо въ глаза и ей показалось, что она нашла того, кого ей нужно. Пасторъ тоже остановился и съ участіемъ смотрѣлъ на плачущую. Онъ былъ молодъ, однако жъ привыченъ къ обращенію съ несчастными и умѣлъ отгадывать состояніе скорбящихъ душъ. Подоидя къ Сусаннѣ, онъ вѣжно взялъ ее за руку и спросилъ такъ ласково и кротко, о чемъ она плачетъ, что не встрѣтилъ

ки малѣйшаго сопротивленія. Сусанна не могла говорить потому только, что слезы полились быстрѣе и обильнѣе прежняго.

Между-тѣмъ фрау Ливерсъ отворила дверь, которая вела изъ пекарни въ чистенькую и свѣтлую жилую комнату, и знаками просила пастора войти туда. Спѣ послѣдовалъ приглашенію и тиховько увлекъ за собою Сусанну. Будочница затворила дверь и воротилась къ своей стойкѣ.

Освободившись отъ перваго бремени слезъ, подъ вліяніемъ ласковыхъ утѣшительныхъ рѣчей пастора, Сусанна наконецъ скрѣпилась и спросила рѣшительно:

— Скажите, можете ли вы.... захотите ли вы помочь мнѣ.... захотите ли?

— Очень, очень хочу и охотно помогу, если буду въ состояніи, отвѣчалъ Гарзенъ.

— Да! вскричала Сусанна, снова залившись слезами: но вамъ нужно будетъ сбросить обыкновенную оболочку человека.... вы должны стать выше всѣхъ людей.... Скажите, безкорыстны ли вы, такъ, какъ солнце небесное, которое всѣхъ надѣляетъ и ничего не требуетъ?... Нѣтъ у васъ любопытства?... въ-состояніи ли вы быть молчаливымъ какъ могла?

— Надѣюсь, что Господь не введетъ меня въ искушеніе, съ кротостью отвѣчалъ пасторъ: говорите, въ чемъ я могу помочь вамъ?

Тутъ Сусанна высказала свое желаніе, описала жалкое, беспомощное состояніе своей питомицы, скрывъ однако жъ причины и всѣ обстоятельства, касавшіяся до происхожденія Анжелы. Кончивъ разсказъ, она еще разъ взяла съ пастора слово, что онъ никогда не станетъ спрашивать, кто и откуда дѣвушка, которую къ нему приведуть. Пасторъ успокоилъ, утѣшилъ ее, и Сусанна поспѣшила домой.

Ванъ-деръ-Нэса она уже не боялась, хотя смутно предчувствовала, что приступила къ дѣлу, которое можетъ произвести сильный переворотъ во всѣхъ обстоятельствахъ, которыя тотъ, цѣлые десять лѣтъ, съ величайшимъ упорствомъ старался сохранить въ прежнемъ видѣ. Ванъ-деръ-Нэсъ впадалъ въ обыкновенную ошибку всѣхъ тара-

новъ: онъ допустилъ Сусанну сдѣлаться слишкомъ несчастною, такъ, что ей уже нечего было терять. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, бороться до конца.

Въ тотъ день случилось, что Ванъ-деръ-Нэсъ не приходилъ домой къ обѣду и вечеромъ воротился нѣсколько позже обыкновеннаго. Сусанна была уже наверху, укладывала Анжелу спать. Полагая, что она и сама уже не придетъ внизъ, Ванъ-деръ-Нэсъ по обыкновенію расположился за большимъ столомъ сводить свои счѣты, разложилъ книги и бумаги; но Сусанна пришла, и онъ съ испугомъ оглянулся на нее, потому что малѣйшее необыкновенное движеніе этой женщины, исполнявшей дневной трудъ свой какъ правильные часы, наполняло его душу трепетомъ. Онъ зналъ, что она носится съ тяжкими для него требованіями.

— Нэсъ, сказала Сусанна остановившись передъ нимъ у противоположнаго конца стола: я нашла Анжелѣ учителя. Пасторъ Гарзенъ готовъ давать ей уроки даромъ. Теперь намъ нужно только знать, какъ вы хотите... чтобы онъ приходилъ сюда или чтобы я отводила Анжелу къ нему.

Ванъ-деръ-Нэсъ не отвѣчалъ. У него отнялся языкъ; глаза выступили изъ своихъ впадинъ; губы и лицо сдѣлались пепельнаго цвѣту; обремененное чернилами перо упало на чистый листъ развернутой книги. Въ то же время Ванъ-деръ-Нэсъ медленно поднимался со стула и, уставивъ неподвижные глаза на Сусанну, постепенно наваливался на столъ. Какъ ни часто Сусанна видывала его въ неистовомъ гнѣвѣ, но такимъ ужаснымъ онъ еще не представлялся ей. Первою мыслью ея было, что онъ сошелъ съ ума и что ей грозитъ неизбѣжная смерть. Она содрогнулась, такъ, что зубы застучали во рту, и закрыла глаза руками.

— Чудовище! дьяволъ! прохрипѣлъ страшный голосъ надъ ея ухомъ: понимаешь ли ты, что сдѣлала?... чувствуешь ли ты, чего ты заслуживаешь?

Сусанна опустила руки и пронзительно вскрикнула. Ванъ-деръ-Нэсъ въ корчахъ ярости переползъ черезъ столъ какъ крокодилъ и готовъ былъ прыгнуть на свою жертву. Сусанна отскочила къ стѣнѣ. Онъ за нею. И

туть началось нещастіе, которое невремѣнно кончилось бы убійствомъ, если бы собственный его страшный вой и крики Сусанны не перебили спешу въ самую роковую минуту. Несчастная лежала на полу. Онъ топталъ ее ногами и билъ кулаками съ такимъ ожесточеніемъ, что уже не помнилъ, что дѣлаетъ. Но вдругъ утонувшее въ бѣшенствѣ сознаніе воротилось, когда онъ почувствовалъ подъ кулаками предметъ болѣе нѣжный и услышалъ крикъ существа, которое одно только въ-состояніи было укротить его.

Онъ въ ужасѣ отскочилъ. На набитой и безчувственной Сусаннѣ лежала обезображенная его безчеловѣчными руками, облитая кровью и по-видимому уже мертвая Анжела. Передъ нимъ огромнымъ привидѣніемъ явилась мысль—убійца, быть-можетъ двойной убійца, потому что и Сусанна не подавала уже ни какого знаку жизни.

Бѣшенство Ванъ-дерь-Наса потухло. Онъ содрогнулся передъ самимъ собою. Мелкія, медленно крадущіяся преступленія онъ позволялъ себѣ и еще могъ сохранять самоудовольство. Убійство счастья вѣрренныхъ ему людей онъ не считалъ злодѣяніемъ, потому что увѣрилъ себя, будто нечестъ объ нихъ же. А теперь передъ нимъ было явное, ничѣмъ не извинительное преступленіе и онъ задрожалъ отъ страху и отчаянія. Волосы у него встали дыбомъ; глаза потухли. Еще минута и онъ, быть-можетъ, лежалъ бы себя жизни тутъ же, если бы не носылпався слабый стонъ Анжелы. Это дало другой оборотъ его мыслямъ. Онъ подбѣжалъ, схватилъ ребенка на руки и посадилъ въ кресло. Только тутъ онъ рассмотрѣлъ, что кровлется изъ носу, что дѣвочка босая и полунагая, какъ въскочила изъ постели, и что на лбу у нея большой красный волдырь отъ удара кулакомъ. Наказанія ужаснѣе этого Ванъ-дерь-Насъ не могъ испытать. Если оставалась надежда на жизнь Анжелы, то уже не было надежды на ея любовь. Онъ долженъ былъ сказать себѣ, что это невозможно, что и она возненавидитъ его, потому что онъ не только жестоко оскорбилъ ее, но сдѣлалъ свидѣльницею своего звѣрскаго бѣшенства.

Онъ унагъ на колѣни передъ полубезчувственной, съ

счастливѣе дональ руки и вылъ, оттого что не умѣлъ придумать ни какой помощи. Вдругъ онъ вадрогнулъ и чуть не сворокнулся отъ ужасу, когда надъ его головой потонулась къ Анжелѣ тонкая рука. Онъ вскопчилъ. Передъ нимъ стояла Сусанна. Избитая до полу-смерти, окровавленная, она сама держалась на ногахъ, однако жъ успѣшила на помощь къ своей питомницѣ.

— Воды! воды! проговорила Сусанна глухо: она изойдетъ кровью.

Ванъ-дёръ-Нессъ выбѣжалъ какъ полоумный и тотчасъ принесъ холодной воды. Сусанна смочила платокъ и стала прикладывать къ разбитому лицу ребенка. Кровь остановилась и вскорѣ потомъ Анжела открыла глаза. Ванъ-дёръ-Нессъ во все время стоялъ на колѣняхъ и со страхомъ ждалъ, что будетъ, оживетъ она или нѣтъ. Приидти, что дѣвочка открыла глаза, онъ отъ радости взбѣсился почти еще больше чѣмъ отъ гнѣву, сталъ визжать, плакать, цѣловалъ ея ноги и руки.

Анжела, казалось, не вдругъ пришла въ полную память: она долго, неподвижно, безъ участія смотрѣла на окружающее. Но, выпивъ холодной воды, она вдругъ какъ-будто проснулась. Первымъ движеніемъ ея было оттолкнуть Несса. Она еще не могла найти словъ, но во взглядѣ ея выражался весь его приговоръ. Потомъ она съ гнѣвомъ сбросила съ себя кафтаны, которымъ онъ укрывалъ ее, съ крикомъ и плачемъ кинулась на шею къ Сусаннѣ. Яковъ былъ вѣдъ себя, но ему готовился еще ударъ. Отворилась дверь, и тихо, медленно какъ привидѣніе, вошла Бригитта. Яковъ содрогнулся, холодъ пробѣжалъ по всему его тѣлу, когда онъ увидѣлъ бѣдную страдалицу съ вѣчною улыбкою на безцвѣтныхъ губахъ и, противъ обыкновенія, въ бѣломъ длинномъ одѣяніи, которое волочилось за нею какъ саванъ. Ванъ-дёръ-Нессъ никогда не могъ смотрѣть на помѣшанную хладнокровно, но въ этотъ разъ она явилась ему вѣстницею страшнаго суда. Сердце его остыло и ему казалось, будто волосы на головѣ его пылаютъ.

Бригитта тихо подошла и, съ удивленіемъ остановившись передъ группою, раза два всплеснула руками. Узнавъ мать свою, Анжела закричала пуще прежняго.

— Маленька! маленька! Нѣтъ, прибилъ Сусанну!... уйми его: онъ еще хочетъ бить се!

Напрасно виновный ползалъ на колѣняхъ, утѣрля, что больше не будетъ, клялся и просилъ прощенія, Анжела не хотѣла подпустить его близко и всё крѣпче обнимала Сусанну, чтобы защитить ее отъ новыхъ обидъ. Сусанна между-тѣмъ побѣдила свое изнеможеніе, и что гораздо труднѣе и выше, свое отвращеніе къ Якову. Думая только о томъ за что столько пострадала, она приняла въ душѣ твердое намѣреніе воспользоваться всѣми средствами, какія случай представлялъ ей въ эту минуту.

— Прости его, сказала она Анжелѣ съ самоотверженіемъ, которое могло бы служить украшеніемъ величайшему героизму.

— Сусанна! Сусанна! кричалъ Яковъ внѣ себя: вернѣ мнѣ любовь ея... пусть она проститъ меня... заступись, спаси меня... нето я сойду съ ума!

Сусанна посадила Анжелу въ кресла, оставивъ ей руку, которую та не выпускала, и, выпрямившись, съ твердостью сказала:

— Согласитесь ли вы поступать наконецъ по справедливости, какъ должно? Позволите ли вы бѣдному ребенку учиться? Или не перестанете придумывать новыя препятствія?

Яковъ крѣпко ударилъ лбомъ по ручкѣ кресла. Предложеніе Сусанны казалось ему смертнымъ приговоромъ. Но онъ услышалъ крикъ Анжелы и это опрокинуло всѣ его мысли.

— Да, да! вскричалъ онъ задыхаясь: я согласенъ... я согласенъ на все, что ты хочешь, Сусанна... только вернѣ мнѣ любовь Анжелы... заставь ее забыть, что случилось.

— Ну, слава Богу!... Такъ поклянитесь же на рукѣ этого ребенка... поклянитесь памятью ея отца... тою клятвою, которую вы нѣкогда дали на этомъ же мѣстѣ и которую ни въ какомъ отношеніи не сдержали... поклянитесь, что вы теперь сдержите слово и не станете сопре- твляться мнѣ.

Сусанна должна была удовольствоваться киваньемъ

Ванъ-деръ-Нэса вмѣсто клятвы. Душа его возмущалась; онъ слишкомъ ненавидѣлъ всякое обязывающее слово и никогда никому не пожималъ руки. Вмѣсто всего этого онъ принялъ обычай неопредѣленно кивать головой и вло прикасаться концами пальцевъ, выраженія, въ которыхъ для друга и недруга оставался открытымъ обходъ въ случаѣ нужды. Онъ и теперь не могъ рѣшиться дать клятву яснѣе, какъ ни пламенно желалъ примиренія съ Анжелой.

Зато и онъ не вполнѣ достигъ своей цѣли. Анжела только перестала плакать, но не сказала ему ни слова. Сусанна взяла ее на руки, чтобы отнести въ спальню, и уходя, еще разъ воспользовалась выгодой своего положенія, обратилась къ побѣжденному съ строгимъ видомъ и сказала:

— Будьте увѣрены, Нэсъ, что если вы не исправите то, что здѣсь случилось теперь, то я найду другія средства и помощь... клянусь вамъ!

Бригитта тоже ушла вслѣдъ за дочерью и Сусанной.

Долго еще сидѣлъ Ванъ-деръ-Нэсъ неподвижно въ обширной, тускло освѣщенной лампою комнатѣ, гдѣ оставила его Анжела не сказавъ даже слова на прощанье. На этотъ разъ онъ не предавался своему бѣшенству, какъ обыкновенно, чтобы излить ту злобу, которая еще кипѣла въ сердцѣ и не могла быть извергнута на другихъ. И онъ былъ утомленъ совершенно. Онъ изнемогъ и только вздыхалъ. Онъ считалъ себя въ эту минуту самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и желалъ смерти, однако жъ обвинялъ не себя, а Сусанну, Реніе, всѣхъ.... кромѣ Анжелы и себя. Чтобы оправиться, онъ сталъ-было пригадывать какъ бы побѣдить упорство Сусанны, но и духъ интриги оставилъ его. Онъ съ уныніемъ взялъ лампу и какъ тѣнь побрелъ въ свою каморку.

На-утро можно было бы подумать, что вся сцена прошедшей ночи была только сновидѣніе. Сусанна была попрежнему покорною служанкой. Она уничтожила въ комнатѣ всѣ слѣды беспорядка и спокойно готовила на очагѣ завтракъ. Нэсъ, по обыкновенію, вѣшалъ въ комнату, чтобы застать служанку въ-расплахъ. Придраться было

нѣкчему. Онъ только вздрогнулъ, когда увидѣлъ, что забылъ ночью книги на столѣ, и скоро успокоился и на этотъ счетъ, потому что Сусанна не умѣла читать. Онъ занялся своимъ дѣломъ и не обращалъ на нее ни какого вниманія.

Сусанна вышла и Ванъ-дерь-Нэсъ сдѣлался безпокойнѣе. Онъ сталъ прислушиваться. Надъ головой его раздавался слабый отголосокъ шаговъ Анжелы.... слышался нѣсколько жалобный голосъ въ спорѣ съ Сусанною. Ванъ-дерь-Нэсъ сдѣлалъ отвратительную гримасу и кривляясь засмѣялся себѣ въ горсть. Онъ догадался, что Сусанна уговариваетъ Анжелу на миръ. Когда Ванъ-дерь-Нэсъ видѣлъ, что человекъ упускаетъ случай отомстить другому или платитъ добромъ за зло, онъ всегда съ презрѣніемъ насмѣхался и считалъ такого глупца слишкомъ малодушнымъ, или, уже въ крайнемъ случаѣ, признавалъ такую уступчивость только за средство къ достиженію новой выгоды. Къ этому заключенію онъ пришелъ наконецъ и о Сусаннѣ, когда вспомнилъ, какъ упорно и строго она настаивала на своихъ требованіяхъ наканунѣ. Это снова встревожило его и возбудило подозрительныя опасенія. О данномъ словѣ онъ и думать не хотѣлъ. Это онъ считалъ дѣломъ прошлымъ.

Наконецъ Сусаннѣ удалось уговорить Анжелу. Она рѣшилась сойти внизъ и хотя не бросилась, по обыкновенію, на шею къ Нэсу и ничего не сказала, однако жъ подошла, робко подала ему руку и не принимала, а только свосила ласки и услуги, которыми онъ старался загладить свою вину. Тревогу Ванъ-дерь-Нэса еще увеличивала Бригитта, которая, помня, вѣроятно, впечатлѣнія прошедшей ночи, была противъ обыкновенія безпокойна, безпрестанно вставала, озиралась въ комнату, поглядывала то на того, то на другаго и на лицѣ ея по временамъ вмѣсто улыбки появлялось выраженіе заботы. Это терзало Ванъ-дерь-Нэса. Онъ изъ-подлобья поглядывалъ на Сусанну, которая, давно убравъ посуду послѣ завтраку, сидѣла за своей прялкой. Ванъ-дерь-Нэсу тоже давно пора была отправиться по дѣламъ, но онъ всё-еще медлилъ и злость снова начинала вскипать въ его сердцѣ. Онъ не зналъ,

что ему теперь дѣлать съ Сусанной. Ему хотѣлось запереть ее.... переломать ей ноги, чтобы она не вышла со двора, или похитить ее, увезти куда-нибудь, навязать камень на шею и утопить въ рѣкѣ. Сусанна, блѣдная и тихая, сидѣла за своей работой подлѣ Бригитты. Съ другой стороны у нея былъ другой щать, Анжела. Обѣимъ этимъ существамъ она была необходима какъ источникъ существованія, какъ воздухъ. Уничтожить Сусанну, значило уничтожить Бригитту и Анжелу.

Ворочая въ головѣ всѣ эти мысли, Несъ въ нерѣшимости остановился передъ неразрывною группой и когда Сусанна взглянула на него, онъ не могъ удержаться, чтобы тайкомъ не погрозить ей сжатымъ кулакомъ.

— Что вамъ нужно, Несъ? сказала Сусанна мрачно: ступайте, ступайте, простудите свою бѣшеную кровь. Мы съ Анжелой останемся дома. Развѣ намъ можно такъ показаться въ люди?

Она указала на большое синее пятно на лбу и подлѣ глазомъ Анжелы и на свое избитое лицо. Несъ проворчалъ что-то сквозь зубы и какъ безумный выбѣжалъ изъ комнаты. Анжела хохотала глядя на его кривлянья. Несъ слышалъ хохотъ когда былъ уже въ корридорѣ и обрадовался даже этому. Не будь Сусанны, онъ бы воротился, чтобы еще потѣшить свою любимицу какимъ-нибудь фарсомъ. Но подумалъ и отложилъ.

Прошло нѣсколько дней. Сусанна молчала и ждала, куда пятна не будутъ замѣтны на лицѣ Анжелы. Ванъ-деръ-Несъ между-тѣмъ горѣлъ на угольяхъ. Всѣ видывавшіе его на биржѣ и на рынкѣ хотя давно уже привыкли къ страннымъ его прыжкамъ и кривляньямъ, за которые часто награждали насмѣшками и бранью, однако жъ теперь удивлялись его поведенію. Онъ посередѣ разговора или торгу, на половинѣ важной сдѣлки или торговаго условія, вдругъ все бросалъ, стрѣлою пускался бѣжать и потомъ, черезъ полчаса или часъ возвращался покрытый пылью, облитый потомъ, едва переводя дыханіе. Это онъ бѣгалъ къ своему дому, посмотреть, тутъ ли клочокъ бумажки, который онъ уходя нарочно защемилъ въ замкѣ.

Наконецъ Сусанна дождалась, что знаки на лицѣ Анже-

лы совершенно исчезли. Однажды утромъ, тотчасъ по уходѣ Ванъ-дерь-Неса, она нарядила се какъ могла, объяснила куда ведетъ, сама положила ей на голову руки бѣдной, безсознательной матери, помолилась за всѣхъ и они отправились. Трогательно было волненіе Анжелы, когда она впервые вышла на улицу. Это было такое счастье, для котораго она не находила выраженія. Все привлекало ее, все останавливало. Въ тѣсный кругъ ея понятій вдругъ тѣснилось такъ много новаго, что она не могла прийти въ себя отъ удивленія. Но Сусанна сѣвши къ пастору.

Булочница встрѣтила ихъ радостнымъ привѣтомъ, обласкала оробѣвшую дѣвушку, подарила ей булку и сама проводила на верхъ, къ Гарзену.

Пасторъ былъ дома. Онъ радушно встрѣтилъ вошедшихъ. Булочница, поздоровавшись съ нимъ, тотчасъ ушла. Она уже знала, чего Сусанна просила, и что первымъ условіемъ было постановлено устраненіе всякаго любопытства и разспросовъ.

Окинувъ жилище пастора бѣглымъ взглядомъ, Сусанна увѣрилась, что тутъ ея Анжелѣ будетъ хорошо. Квартира состояла всего изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Убранства ни какого: всѣ вещи самыя необходимыя. У одного окна, на улицу, стоялъ письменный столъ съ бумагами и книгами; у противоположнаго, которое выходило на дворъ, столъ обѣденный; подлѣ него въ одномъ углу шкафъ съ занавѣскою, въ которомъ хранились кухонныя и столовыя принадлежности; надъ шкафомъ полка съ нѣсколькими блестящими оловяннымъ кружкамъ и прочей посудой. Въ другомъ углу каминъ, окруженный свѣтло вычищеною мѣдною рѣшеткой; передъ нимъ, на небольшой мелко плетеной цѣновкѣ, самопрѣлка и кожаный табуретъ хозяйки. Около стѣны нѣсколько соломенныхъ стульевъ, а черезъ отворенную дверь въ спальню видна была висячая колыбель, въ которой заключалась вся отрада и все счастье молодыхъ супруговъ. Но вездѣ, во всемъ, чистота и опрятность, которая вполне замѣняла роскошь и возбуждала удивленіе, даже въ Фрау Ливерсъ. А она и сама почиталась образцомъ по этой части.

Миловидная жена пастора тотчасъ подошла къ Анжелѣ

и тоже старалась ободрить ее ласками. Сусанна между-тѣмъ обратилась къ Гарзену и сказала торжественно:

— Во имя Христа-Спасителя, пріймите эту бѣдную сироту подъ свою защиту, внушите ей истинную святую вѣру и научите, чему можете.

Пасторъ подошелъ къ Анжелѣ, которую жена его усадила на стулъ, положилъ руку на голову смущенной и прослезившейся дѣвочки и сказалъ съ кротостью и искреннимъ участіемъ:

— Будьте спокойны и увѣрены, что мы все сдѣлаемъ, что будетъ нужно и возможно. Какъ ее зовутъ?

— Зовите ее Анжелой.

— У васъ нѣтъ свидѣтельства о крещеніи?

— Есть. Но въ этомъ свидѣтельствѣ выставлено мое недостойное имя, потому что бѣдные, несчастные господа мои не смѣли выставить своего..... Дитя это законное и не такого визкаго роду какъ я..... Но, простите.... оставьте.... не спрашивайте, сказала она вдругъ: я давно отвыкла отъ обращенія съ людьми и не знаю, что отвѣчать, когда нужно скрыть истину. Прошу васъ, не разспрашивайте меня, потому что я не хочу навлечь на себя ни какого укора за теперешній поступокъ, а лгать не съумѣю ни здѣсь, ни дома.

— Успокойтесь. Мы не станемъ тревожить васъ. Для того, что намъ предстоитъ дѣлать, мы уже знаемъ довольно. Богъ поможетъ, все будетъ хорошо. Теперь скажите только, всегда ли Анжела будетъ приходить сюда, или мнѣ навѣщать васъ?

— Пусть она приходитъ сюда, отвѣчала Сусанна, провожая глазами Анжелу, которая уже подружилась съ ласковою пасторшей.

Та показывала ей воробьевъ, которые сидѣли стаями на обнаженной березѣ посреди двора и слетались на знакомое окно подбирать крохи отъ бѣднаго, но гостепріимнаго стола. Потомъ Анжела подошла къ колыбели и съ безмолвнымъ восхищеніемъ, сіяющими глазами смотрѣла на спящую розовую малютку. О такомъ чудѣ ей и во снѣ не снилось.

— Пусть она ходитъ сюда, повторила Сусанна: здѣсь

она научится чувствовать по-человѣчески. Завтра я опять приведу ее и оставлю на столько времени сколько позволите.

— Хорошо, хорошо. Такъ я буду ждать васъ, сказалъ пасторъ, видя, что Сусанна готовилась идти.

Сусанна вынула зашпиганный за воротъ платья конецъ шейнаго платка, торопливо развязывала затянутый узелокъ и вынула золотую монету.

— Возьмите это, сказала она: не знаю, буду ли я въ состояніи когда-нибудь сдѣлать больше..... я это берегу давно уже, на важный случай.

— Такъ поберегите же еще, любезная Сусанна, отвѣчалъ пасторъ: важный случай еще не представился. Я уже сказалъ вамъ, что не требую ни какого вознагражденія. Мнѣ этого не нужно, прибавилъ онъ, окинувъ свое жилище съ радостнымъ; довольнымъ видомъ: поберегите ваши деньги на что-нибудь другое.

Сусанна тоже оглянулась и созналась, что онъ правъ. Но ей пришла другая мысль.

— Если ужъ вы не хотите взять себѣ, сказала она помолчавъ немного: такъ возьмите по-крайней-мѣрѣ для Ангелы.... Видите, она бѣдная такая худенькая, блѣдная.... это отъ дурной пищи.... На эти деньги вы будете ей покупать что-нибудь на завтракъ, когда она пройдетъ на чистомъ воздухѣ. Вѣдь въ такія лѣта хорошая пища главное..... Дома я не могу дать ей лишняго: приучать ее ко жи я не стану, а не запретишь, такъ она все расскажетъ. А про то, что заѣсъ дадутъ, пусть себѣ говоритъ. Вамъ однако жъ нельзя же ее кормить: вѣдь у васъ тоже нѣтъ лишняго. Если жъ и есть, такъ найдутся можетъ-быть и такіе, которые нуждаются больше нашего. Съ тѣми по-дѣляйтесь. Намъ Богъ какъ-нибудь поможетъ.

Пасторъ понялъ ее и взялъ монету безъ противорѣчія. Сусанна такъ обрадовалась, что обѣими руками схватила и пожала его руку. Блѣдное, худое лицо ея просіяло удовольствіемъ и даже покрылось легкою краской.

— Чего-нибудь, такъ.... хоть молочка съ булкой.... когда прійдетъ, проговорила она съ живостью: авось, сколько-нибудь подсластитъ кровь у бѣдняжки.

— Будьте увѣрены, жена моя съумѣетъ распорядиться, съ улыбкою отвѣчалъ пасторъ.

Довольная успѣхомъ, Сусанна распростилась съ пасторомъ, взяла Анжелу за руку и поспѣшно отправилась домой, потому что прошло уже много времени, а ей хотѣлось поспѣть до возвращенія Ванъ-дёръ-Нёса.

Подошедши къ дому, она затрепетала. Вѣшная калитка была отворена и та, которою задній дворъ отдѣлялся отъ чистаго, тоже стояла настежь. Вступивъ туда, она услышала ревъ Ванъ-дёръ-Нёса и такъ оробѣла, что хотѣла-было бѣжать, но вспомнивъ, что нельзя же покинуть Анжелу и Бригитту, остановилась. Между-тѣмъ Анжела уже вбѣжала въ столовую.

Ванъ-дёръ-Нёсъ уже успѣлъ пройти всѣ степени бѣснованія. Онъ сидѣлъ за столомъ, опустивъ голову на руки, и выпускалъ страшный вой и рыданія. Надъ нимъ, склонясь, стояла бѣдная помѣшанная. Она тоже плакала и, тоскливо озираясь, ломала свои тонкія, бѣлыя руки.

— Нёсъ! Нёсъ! милый Нёсъ! вскричала Анжела, бросившись къ нему и обвивъ одною рукой его шею, а другою приподнимая голову: что съ тобою? О чемъ ты плачешь? Нёсъ! милый Нёсъ!

Онъ встрепенулся, посмотрѣлъ на Анжелу и лицо его, какъ-будто съ одного удара волшебнаго жезла, вдругъ приняло другое выраженіе, не лучше можетъ-быть, и несколько не пріятнѣе, но по-крайней-мѣрѣ такое, какимъ у него обыкновенно обозначалась радость. Онъ съ жадностью обнималъ, цѣловалъ Анжелу, хохоталъ, кривлялся, прыгалъ. Анжела тоже хохотала и съ живостью рассказывала ему про все, гдѣ была и что видѣла, какъ добра и ласкова пасторша, какой у нея хорошенькій ребеночекъ въ колыбелькѣ и сколько у нея воробьёвъ слетается на окно. Ванъ-дёръ-Нёсъ былъ радъ только тому, что Анжела воротилась. Онъ уже подумалъ-было, что Сусанна увела ее съ тѣмъ, чтобы скрыться совершенно, и дикое воображеніе его нарисовало себѣ тысячу странныхъ предположеній и опасностей. Слушая рассказы Анжелы, онъ мало-по-малу уже начиналъ примиряться съ мыслью объ этомъ посѣщеніи. Но когда вошла Сусанна, онъ всё-таки

не зналъ на что рѣшиться. Въ первомъ пылу бѣшенства онъ о томъ только и думалъ, какъ жестоко отплатить ей, и отведенное однажды наслажденіе руконашнаго бою ввухало ему самыя звѣрскія мысли.

Сусанна вошла, спокойная и кроткая какъ всегда, а у Ванъ-деръ-Нэса уже не было силъ на мщеніе: Анжела обезоружила и связала его. Онъ только крикнулъ и тайно погрозилъ Сусаннѣ кулакомъ. Но и на это не было обращено никакого вниманія. Анжела всё продолжала говорить о пасторѣ и его семействѣ и о томъ, какъ она пойдетъ туда завтра и послѣ-завтра, и будетъ ходить каждый день. Она говорила объ этомъ съ увѣренностью, какъ о вещи совершенно естественной и необходимой, такъ, что Ванъ-деръ-Нэсъ не посмѣлъ и противорѣчить. Потому Сусанна объяснила ему, какія приняла предосторожности для сохраненія тайны происхожденія Анжелы, и Ванъ-деръ-Нэсъ успокоился, до того что впоследствии даже самъ иногда провожалъ воспитанницу къ пастору, если Сусаннѣ бывало недосугъ.

Прошло девять лѣтъ. Анжелѣ минуло девятнадцать. Досихъ-поръ Ванъ-деръ-Нэсъ, несмотря на значительную перемену обстоятельствъ, хитростью и грубостями умѣлъ оградить своихъ домашнихъ отъ всякаго невыгоднаго вліянія постороннихъ. Анжела, правда, почти каждый день ходила къ пастору, и тогда, когда уже перестала учиться, но тамъ на нее, какъ и прежде, смотрѣли какъ на бѣдную сироту, призрѣнную Ванъ-деръ-Нэсомъ. Заглушенное съ самаго начала любопытство не имѣло никакого повода къ пробужденію. Съ этой стороны Ванъ-деръ-Нэсъ былъ спокоенъ. Но гроза поднялась съ другой и онъ затрепеталъ, потому что одинъ ударъ могъ разбить въ прахъ все его счастье, купленное долготѣнными трудами и терзаніями.

Жену Реніе Барневельда еще не всѣ забыли. У нея была сестра, такъ же какъ и она, урожденная графиня де-Казамбортъ, которой минулъ одинъ годъ отъ-роду, когда Бригитта вышла замужъ. Вскорѣ послѣ этого Урика осиротѣла и была принята въ домъ Бригиттиной тещи, вдовы

Ольгень Барневельда. Воспитанная въ этомъ семействѣ она была, такъ сказать, вскормлена бѣдствіями и вспоена слезами. Всѣ окружающіе, родственники, друзья и слуги въ домѣ своими разказами сохранили въ Урикѣ воспоминавіе о нѣжной и несчастной сестрѣ ея и судьба Бригитты стала веретенемъ, на которомъ была выпрядена вся жизнь пылкой дѣвушки. Будучи еще ребенкомъ, она вздумала отправиться искать сестру. Двадцати лѣтъ отъ-роду она, преклонивъ колѣно передъ Фридрихомъ Нассаускимъ, такъ гордо и жарко требовала помилованія своей сестрѣ и дочери Реніе Барневельда, что ея друзья трепетали, а штатгалтеръ улыбнулся, потому что давно уже рѣшилъ такъ и только ждалъ удобнаго случая къ исполненію. Достигнувъ этого удовлетворенія, предприимчивая Урика своими планами къ отысканію сестры, далеко превзошла всѣ предполагаемыя распоряженія родственниковъ. Передъ смертью, Реніе увѣрилъ мать свою, что жена и дочь его въ безопасности, но съ твердостью отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій, для того чтобы избавить ее и всѣхъ остальныхъ родственниковъ отъ всякой отвѣтственности. Поэтому никто кромѣ Ванъ-деръ-Неса, не зналъ объ ихъ убѣжищѣ. Урика рѣшилась обнародовать вызовъ о пропавшихъ безъ вѣсти во всѣхъ земляхъ и въ-особенности по всей Голландіи. Въ вызовѣ этомъ было объявлено помилованіе и возвращеніе всѣхъ гражданскихъ правъ всѣмъ членамъ семейства Барневельдовъ и обѣщана большая награда тому, кто укажетъ мѣстопробываніе жены и дочери Реніе.

Однимъ изъ первыхъ городовъ, въ которыхъ республиковали этотъ вызовъ, былъ—Амстердамъ. Урика обращала на него особенное вниманіе, потому что изъ бумагъ по дѣлу Реніе, которыя она достала, можно было заключить, что онъ расстался съ женою именно въ этомъ городѣ.

Легко представить себѣ, какое впечатлѣніе этотъ вызовъ произвелъ на Ванъ-деръ-Неса. Въ первую минуту онъ счелъ все погибшимъ и преувеличилъ до крайности опасность, которой могъ подвергнуться. Онъ получилъ это извѣстіе на биржѣ и едва-едва, съ величайшимъ трудомъ, скрылъ свой испугъ отъ знакомцевъ. Однако жъ не

могъ выдержать долѣе ни одной минуты. Побѣжалъ домой, заперся въ кладовой, чтобы никто не видѣлъ его, и тамъ только, собственно, принялъ ударъ вполне. Долго метался онъ въ изступленіи и долго потомъ сидѣлъ въ безчувственномъ оцѣпенѣніи, не будучи въ состояніи собрать своихъ мыслей. Наконецъ онъ услышалъ звучный голосъ Анжелы, какъ разбитый пловецъ сквозь завыванье бури слышитъ голосъ спасителя-коричаго:

— Нэсъ! Нэсъ! милый Нэсъ!

Онъ вскочилъ и далъ страшную клятву, что удержать при себѣ ее и все ей принадлежащее, во что бы то ни стало; потомъ побѣжалъ на нѣжный зовъ.

Анжела была въ полномъ своемъ цвѣтѣ, но не красива и даже не хороша собой. Тонкому и довольно стройному стану ея недоставало необходимой полноты и округлости, такъ что ее можно было принять за неразвитаго и слишкомъ рано вытянувагоса ребенка. Черты лица были неправильны и слишкомъ рѣзки, угловаты. Только большіе голубые глаза были прекрасны, но и въ тѣхъ недоставало блеску жизни. Притомъ въ выраженіи ея физиономіи всегда было что-то смутное, нерѣшительное; на лбу набѣгали морщины отъ усилій ума, который безпрестанно боролся съ препятствіями. Анжелу нельзя было назвать глупою, но умъ ея, такъ же какъ и тѣло, былъ малъ и не во-время развитъ, оттого слабъ и не способенъ даже къ посредственно быстрымъ соображеніямъ, скоро утомлялся и отказывался отъ самаго ничтожнаго труда. Причиною всей этой слабости и незрѣлости организма былъ, конечно, жалкій образъ жизни и плохая, недостаточная пища, особенно въ первые десять лѣтъ. Впослѣдствіи голоду собственно, она, конечно, уже не терпѣла. Насмотрѣвшись на другое хозяйство, Анжела, безсознательно пользуясь своимъ вліяніемъ, мало-по-малу заставила Ванъ-дерь-Нэса допустить и у себя нѣкоторыя измѣненія, чтобы сколько-нибудь приблизиться къ удобствамъ, замѣченными у фрау Ливерсъ и у пасторши. Но все-таки бывшій Барневельдовъ домъ оставался мрачнымъ жилищемъ.

Ванъ-дерь-Нэсъ вышелъ изъ кладовой. На дворѣ его встрѣтила Анжела, въ слезахъ, съ просьбою, чтобы онъ

пришелъ къ ея матери. Когда они нѣспѣшно вошли въ столовую, Сусанна, по-прежнему усердная и внимательная, но уже хворая и почти дряхлая, хлопотала около Бригитты, которая лежала въ креслахъ, въ ожиданіи смерти. Яковъ въ первую минуту подумалъ, что она въ самомъ дѣлѣ умерла, и ужаснулся, потому что видѣлъ въ этомъ новую опасность. Но увѣреніе Сусанны, что тѣло еще тепло и гибко, успокоило его. Онъ предложилъ отнести больную на верхъ и уложить въ постель. Тамъ страдальца, правда, очнулась, но была такъ слаба, что уже не могла встать съ постели.

Много часовъ спустя, когда Бригитта уже спала, насилу уговорили Анжелу сойти внизъ, гдѣ она со слезами сѣла за простывшій обѣдъ. Ванъ-деръ-Несъ только-что началъ было заводить съ нею разговоръ, чтобы сколько-нибудь разсѣять ее, какъ-вдругъ на улицѣ послышался шумъ сбѣжавшейся толпы народу и звукъ трубы. Трубачъ, верхомъ на лошади, объѣзжалъ весь городъ и останавливаясь черезъ девять домовъ у десятаго, громогласно читалъ вызовъ отъ имени графини де-Казамборъ.

У Ванъ-деръ-Неса занялся духъ. Онъ не слышалъ словъ, но уже зналъ, въ чемъ дѣло. Анжела подбѣжала къ окну, но скоро опять воротилась и рассказала Якову, что будучи у пасторши уже слышала, какъ трубачъ читалъ объявленіе передъ домомъ фрау Ливерсъ.

— Это какая-то знатная дама отъискиваетъ свою сестру и племянницу и обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ, гдѣ они живутъ..... Какъ это странно, Несъ!.... Знатные и, вѣрно, богатые люди, а затерялись, какъ-будто булавка какая-нибудь!....

Несъ молчалъ. Душевныя терзанія отняли у него языкъ. Анжела была такъ углублена въ свою мысль, что не замѣтила этого.

— Я спросила пастора... прибавила она, но не успѣла договорить.

— Пастора?... перебилъ Несъ, судорожно схвативъ ее руку, выше кисти: пастора?... ты спрашивала пастора?

— Ну, да! отвѣчала Анжела, съ нетерпѣніемъ освобождая руку: онъ рассказывалъ мнѣ, что такихъ случаевъ бывало

очень много въ наше время, потому что, когда я была еще ребенкомъ и до моего рожденія много было смуть и гоненій въ нашей землѣ и многія семейства ни зачѣмъ ни прочтѣмъ истреблены и разсѣяны по всѣмъ краямъ свѣта; много людей погнбло отъ рукъ убійцъ и палачей; много несчастныхъ умерло съ-голоду въ крайней нищетѣ, и все это подѣ предлогомъ охраненія чистоты и святости вѣры..... О, это ужасно! Не правда ли, Нэсъ?... Хорошо еще тѣмъ теперь, у кого есть такіе добрые родственники, какъ эта графиня, которая отыскиваетъ бѣдныхъ изгнанниковъ... О, если бы я могла надѣяться, что найду, я непременно пошла бы помогать отыскивать сестру и племянницу этой дамы... Вѣдь и ты то же сдѣлалъ бы, Нэсъ, неправда ли?

Она съ нѣжностью положила руку на его плечо, заглянула ему въ глаза и вдругъ съ ужасомъ отскочила: такъ страшно было искажено лицо его.

— Нэсъ! Нэсъ! чтѣ съ тобою? вскричала Анжела, въ недоумѣніи.

— Ты хочешь оставить меня? вскрикнулъ онъ задыхаясь: ты хочешь жить съ другими.... для другихъ.... Ты хочешь убить меня?

— Полно, Нэсъ! спокойно возразила Анжела, давно уже привычная къ припадкамъ Якова и увѣренная, что всегда можетъ укротить и успокоить его: перестань дурачиться. Развѣ это значитъ оставить и убить тебя, если я говорю, что желала бы помочь этой знатной дамѣ отыскать родственниковъ? Если бы я и въ самомъ дѣлѣ отправилась искать, такъ развѣ я могла бы отправиться безъ тебя? Чтѣ я могу безъ тебя сдѣлать!...

Нэсъ скоро оправился, но какой-то злой демонъ нарочно толкалъ его въ этотъ день безпрестанно на новые острые ножи.

— Ахъ, Анжела! вскричалъ онъ: всегда ли ты такъ будешь думать? Можетъ ли быть, чтобы тебѣ никогда не пришло на мысль оставить этотъ домъ и меня?

— Ты думаешь, когда я выйду замужъ? простодушно спросила Анжела.

Нэсъ вскочилъ со стула, какъ-будто бы его взорвало по-

рохомъ , потомъ опять упалъ на мѣсто и, заломивъ руки надъ головой, дико закричалъ:

— Замужъ?... замужъ!... Ты хочешь выйти замужъ?

— А то какъ же? спросила Анжела: какимъ же образомъ, ты думаешь, я оставлю этотъ домъ!... Фя! чтó это такое! вскричала она строго, когда Ванъ-дербъ-Нэсъ вскочилъ и бѣгая вокругъ стола сталъ рвать на себѣ волосы: извольте сейчасъ спокойно сѣсть на мѣсто, чтобы мы могли поговорить толкомъ.

Нэсъ исполнилъ приказаніе , но дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Ну, чтó жъ? говори. Развѣ ты думаешь, я не выйду замужъ?... Фрау Ливерсъ говоритъ... и пасторша тоже... что мнѣ уже можно выйти замужъ. Онѣ говорятъ, что замужней женщиной гораздо лучше жить, чѣмъ одинокой дѣвушкой....

Яковъ стоналъ какъ подъ пыткой, но не шевелился, потому что Анжела положила руку на его кулакъ. Въ сердцѣ его кипѣла злоба на проклятыхъ искусительницъ.

— И онѣ, не бойсь, уже выбрали тебѣ жениха, неправда ли? спросилъ онъ язвительно: такимъ образомъ онѣ, пожалуй, у меня за глазами похитятъ тебя.... просватаютъ и выдадутъ прежде чѣмъ....

У него прервался голосъ.

— Разумѣется! отвѣчала Анжела съ безпечнымъ смѣхомъ: обѣ онѣ предлагаютъ мнѣ по жениху: фрау Ливерсъ своего сына, фрау Гарзенъ своего брата. Но за булочника я не хочу выйти, хотя хозяйство у фрау Ливерсъ лучше и богаче... Мнѣ бы не хотѣлось цѣлый день сидѣть въ лавкѣ и продавать хлѣбъ, безпрестанно возиться съ толпою покупателей. Я думаю, будущій пасторъ, лучше.... Такое тихое и скромное житье, какъ у фрау Гарзенъ, мнѣ гораздо больше нравится.

— О , Боже мой! Боже мой! кричалъ Нэсъ въ отчаяніи.

— Но братъ пасторши очень бѣденъ, продолжала Анжела: онъ служить еще покуда младшимъ учителемъ въ семинаріи. Если ты хочешь, чтобы я вышла за него, такъ ты долженъ будешь дать мнѣ по-больше приданого... Впро-

чемъ булочница говорить, что ты, конечно, во всякомъ случаѣ дашь мнѣ что-нибудь, когда я выйду замужъ. Она говоритъ, что ты богатъ, что у тебя много денегъ....

Это было уже слишкомъ. Нэсъ съ бѣшенствомъ вскочилъ.

— Богатъ?... богатъ!... я богатъ?.. у меня много денегъ?... Выдать тебя замужъ.... дать приданое!... Ахъ, они, скоты!... звѣри!... чудовища!... Что они.... хотятъ растерзать, заѣсть меня? Въ какіе же ты пошла руки? Ты, которую я вскормилъ кровью своего сердца.... ты!... ты сговорила съ этими негодяйками погубить меня, загнать меня въ гробъ.... хуже этого!... ты хочешь ограбить меня.... отнять у меня все, что я приобрѣлъ тяжкими трудами.... приобрѣлъ для тебя же!

Онъ дико завылъ.

— Анжела! продолжалъ онъ, всхлипывая: Анжела! ты такъ равнодушно хочешь оставить меня!.. Ты хочешь вѣрнаться этимъ бабамъ, чертовкамъ.... ты вѣришь имъ, что въ другомъ мѣстѣ тебѣ лучше будетъ чѣмъ у меня? Анжела, Анжела! я не проживу ни одного часу, если ты уйдешь отъ меня.... я брошусь въ рѣку.... я разобью себѣ голову объ стѣну! Останься! останься! кричалъ онъ какъ съумасшедшій, бросившись передъ нею на колѣни: я дамъ тебѣ все.... что ты хочешь.... Ты будешь у меня богата.... житье тебѣ будетъ въ тысячу разъ лучше нежели у этихъ бабъ..... Я могу..... я хочу сдѣлать тебя богатою..... Но останься у меня! Ты будешь, будешь богата.... очень богата..... Вотъ, посмотри..... посмотри сюда..... все будетъ твое....

Съ этими словами онъ выхватилъ изъ кармана ключи и хотѣлъ отворить шкафъ, но не дойдя до стѣны зашатался и упалъ. Анжела нѣсколько минутъ присидѣла неподвижно на своемъ стулѣ. Испугъ и сожалѣніе, что такъ огорчила бѣднаго Нэса, совсѣмъ одолѣли ее. Потомъ она со слезами стала подлѣ него на колѣни, подняла его голову на руки и, нѣжно лаская, принялась утѣшать. Почувствовавъ это, Ванъ-дербъ-Нэсъ зарыдалъ, потомъ вскочилъ и распростеръ объятія. Анжела упала къ нему на грудь. Онъ

крѣпко обнялъ ее и со всею нѣжностью, къ какой былъ способенъ, спросилъ, останется ли она у него.

— Ахъ. Несъ! отвѣчала она: могла ли я думать, что ты такъ любишь меня? Какъ можно, чтобы я захотѣла разстаться съ тобой? Я ни кого такъ не люблю какъ тебя!... вѣдь я только потому говорила, выйду замужъ, что думала, такъ надобно.... что ты самъ этого захочешь.

Несъ былъ счастливъ и не спрашивалъ себя, стоить ли онъ этого счастья. Однако жъ потомъ, когда онъ остался одинъ, это спокойствіе, естественно, миновало. Онъ мало-по-малу убѣдился, что обѣщаніе Анжелы не разставаться съ нимъ не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ, если убѣжище ея будетъ открыто; что онъ противъ Бригиттиной родственницы не имѣетъ ни какой силы и что Анжела, разумѣется, будетъ думать иначе, когда отъ богатой и знатной тѣтки узнаетъ все то, отъ чего онъ такъ осторожно удалялъ ее. Сколько вопросовъ тогда представитъ на разрѣшеніе! Сусанна знала, что имѣніе Ревіе перешло въ его руки. Можно ли было сомнѣваться, что она откроетъ это и что отъ него потребуютъ отчету? Выступитъ съ тѣмъ являлась ужасная отвѣтственность за то, что онъ самое священное, вѣренное ему сокровище наследниковъ этого имѣнія, заморилъ и погубилъ въ нищетѣ и голодѣ. Въ наказаніе, Несу приходило въ голову все что могутъ тогда сказать ему.... Развѣ бѣдную помѣшанную нельзя было спасти съ помощью врачей, попеченій и средствъ, которыхъ онъ лишилъ ее изъ скупости?... Развѣ Анжела, по своему званію и какъ богатая наследница, не имѣла права на болѣе приличное воспитаніе? И впервые онъ сравнилъ это бѣдное невинное существо съ благородными и изящными женщинами фамиліи Барневельда, которыхъ съ подобострастіемъ удивлялся еще въ дѣтствѣ, и затрепеталъ, когда принужденъ былъ сознаться, что сдѣлалъ изъ наследницы этого знатнаго дома простую служанку! Какъ ничтожна была единственная причина, которою онъ застрашалъ близорукую Сусанну, передъ людьми, которые легко могли доказать ему, что по смерти принца Морца уже не могло быть рѣчи объ опасности и что онъ, во всякомъ случаѣ, обязанъ былъ извѣстить фамилію Бар-

невѣльда о мѣстопробываніи этихъ близкихъ родственниковъ! На сколько же должна увеличиться эта отвѣтственность, если онъ не объявитъ объ нихъ теперь, когда формальный вызовъ уже необходимо долженъ быть извѣстенъ ему? И какъ невѣроятно, чтобы при такихъ обстоятельствахъ домъ его остался по-прежнему въ забвеніи у сосѣдей, когда у него столько враговъ и завистниковъ!

Долго думалъ Ванъ-дерь-Нэсъ.... не о томъ, какъ исправить проступокъ и оправдаться, а о томъ, какъ удержать за собою то, чѣмъ завладѣлъ. Перебирая тысячи средствъ, онъ остановился наконецъ на одномъ, единственномъ вѣрномъ, и мысль эта напала на него какъ лихорадка: онъ задрожалъ, зубы застучали и волосы поднялись дыбомъ. Но онъ побѣдилъ это потрясеніе, обдумалъ и твердо рѣшился.... жениться на Анжелѣ.

Ангела сама невинною своею болтовней приготовила путь этому заключенію. Рѣчи ея о замужствѣ вдругъ разорвали завѣсу, позади которой Яковъ жилъ съ нею: доселѣ онъ всё-еще почиталъ ее ребенкомъ. Но и теперь онъ не подумалъ бы о возможности жениться на ней, если бы обстоятельства не принудили его искать средства къ спасенію. Средство это было удовлетворительно какъ-нельзя болѣе. Оно упрочивало за нимъ присвоенное имѣніе; оно обезоруживало всякое нападеніе разгнѣванныхъ родственниковъ; оно связывало Анжелу, ограждало ее отъ всякаго искушенія съ той стороны, и доставляло ему обладаніе ею на всю жизнь! Въ этомъ заключалось единственное его счастье, это было единственное чувство, не столько испорченное и грязное, сколько другія его наклонности, и потому онъ держался за него всею ужасною силою своего характера: на немъ только могъ онъ отдохнуть, когда бывалъ загнанъ и измученъ остальными дикими страстями и терзаніями нечистой совѣсти. Сегодня только впервые въ душѣ его возникло чувство вины передъ Анжелюю. Онъ такъ любилъ ее, что считалъ себя ни сколько не виновнымъ передъ нею.

Но вдругъ ему пришла въ голову мысль: захочетъ ли Ангела выйти за него замужъ? Тяжко было Якову Ванъ-дерь-Нэсу, когда пришлось вдругъ задать себѣ вопросъ:

нѣтъ ли у него столько вѣшнихъ пріятностей, сколько нужно, чтобы понравиться невѣстѣ? Онъ презрительно захохоталъ, когда вспомнилъ о своемъ безобразіи, котораго не могъ не сознавать, но къ которому дотолѣ былъ совершенно равнодушевъ. Насмѣхаясь надъ самимъ собою, совѣтовалъ онъ себѣ позаботиться объ украшеніи своей пренебреженной наружности, оглянулся въ своей мрачной, тѣсной каморкѣ, тускло освѣщенной копѣившимся ночникомъ, посмотрѣлъ на свою грязную, засаленую одежду, потомъ на соломенную подстилку, на которой сидѣлъ подавши ноги, провелъ рукою по включеннымъ волосамъ и захохоталъ еще пуще.

Но всё-таки Ванъ-дербъ-Насъ не бросалъ своей мысли. Въ этой каменной душѣ, въ мрачныхъ пещерахъ которой доселѣ выработывалась только жажда золота, вдругъ пробуждлся общій врагъ чловѣчества, тщеславіе, и передъ скупостью явился первый дѣйствительно побѣдоносный противникъ. Прежде всего Ванъ-дербъ-Насъ привился считать года. Анжелѣ было девятнадцать, ему сорокъ. Счетъ казался ему не дурнымъ. Съ этой стороны не было ничего невозможнаго. Онъ всталъ, началъ твердыми шагами ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и разсуждалъ, но уже не насмѣхался, а подробно разбиралъ всѣ свои средства, какъ отцвѣтшая кокетка, которая въ послѣдній разъ намѣревается испытать свое могущество.

— Надѣну платье по-лучше и по-чище.... новое, тонкое бѣлье.... остригусь, причешусь, обрѣюсь.... и буду не хуже другихъ! сказалъ онъ, самодовольно выпрямившись.

Тщеславіе съ своими бичами сидѣло у него на плечахъ и хотело надъ скупостью, которая съ трепетомъ поглядывала на наполненные золотомъ мѣшки. Тщеславіе приняло намѣреніе совершенно свести съ ума своего новаго питомца, развязать мѣшки и пустить золото на всѣ четыре стороны.

— Тогда пусть они прійдутъ, продолжалъ Ванъ-дербъ-Насъ: пусть прійдутъ эти гордые родственники.... эти Барневельды и Казамборты.... что они мнѣ сдѣлаютъ? что они съ меня возьмутъ? Идѣніе Реніе во сто разъ увеличилось и кто можетъ сказать, что оно принадлежитъ

не его наслѣдницѣ?... Только наслѣдница-то принадлежитъ мнѣ! прибавилъ онъ припрыгнувъ и захохотавъ: а какъ доселѣ жили здѣсь, этого никто не увидитъ. Мнѣ стѣнитъ только отворить кладовыя и развѣсить по стѣнамъ аррасскія и брюгенскія обои, венеціянскія зеркала, выставить французскую и англійскую посуду, развязать тѣки съ шелковыми матеріями и бархатомъ... выкупить Анжелины заложеныя брилліанты.... Тогда пусть себѣ прійдутъ. Женѣ богатаго негоціанта Якова Ванъ-дербъ-Неса нечего будетъ совѣститься передъ какими-нибудь Казаибортами.... Еще посмотримъ, кто кому уступить!.... Завтра же все порѣшу....

Ванъ-дербъ-Несъ вдругъ остановился и на минуту опять сталъ прежнимъ мрачнымъ, подозрительнымъ скрагой, который со страхомъ отыскивалъ, нѣтъ ли какого-нибудь другаго средства сохранить драгоценное имущество, безъ такой траты на безумную и бесполезную роскошь. Но разсудокъ говорилъ — нѣтъ! Грозовая туча висѣла надъ головой. По всему городу въ буквальный смыслъ протрублена объявка. Домъ, доселѣ еще принадлежащій фамиліи Барневельда, естественно, долженъ обратить на себя первое вниманіе. При малѣйшемъ розвѣскѣ все откроется и Яковъ Ванъ-дербъ-Несъ — погнѣбъ.

— Нѣтъ! Анжела должна быть моею женой. Потому.... когда пройдетъ первое время.... обживемся.... ненужную роскошь можно отбѣнить. Немножко лишняго всё-таки будетъ.... что дѣлать! Зато Анжела будетъ моею женой!... Анжела — моя жена!...

Эта мысль перевѣсила многое. Съ той минуты, когда роковое слово «замужство» сорвалось съ языка Анжелы, Ванъ-дербъ-Несъ понялъ, что составляетъ для него эта дѣвушка. Онъ любилъ ее, любилъ до безумія, и ему казалось, что онъ чувствовалъ къ ней то же самое и тогда уже, когда ей было десять лѣтъ; что онъ такъ упорно сопротивлялся предположеннымъ ся урокамъ единственно изъ ревности.

Ванъ-дербъ-Несъ проклиналъ медленную ночь, которая ишла ему исполнить задуманное. Наконецъ утро настало.

ЯКОВЪ ВАНЪ-ДЕРЪ-НЭСЪ.

=

РОМАНЪ ГОСПОЖИ ПЛАЛЬЦОВЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Всѣ обстоятельства расположились благопріятно для Ванъ-деръ-Нэса, который задумалъ жениться на бѣдной своей питомицѣ, Анжелѣ. Сусанна не могла и не хотѣла стоять отъ больной, которая имѣла нужду въ непрерывномъ попеченіи. Когда Нэсъ вѣшалъ въ столовую, дочь Барневельда, племянница Казамбортовъ, стояла на колѣняхъ передъ каминомъ и готовила завтракъ для него.

На-скоро позавтракавъ, онъ смѣло приступилъ къ исполненію зрѣло обдуманнаго плана. Но прежде всего надобно было заставить Анжелу плакать. Онъ заговорилъ о вѣрности кончины ея матери и это подействовало какъ нельзя лучше. Потомъ, давъ ей время предаться скорби, онъ сталъ нугать ее мыслями о будущности.

— Извольнишь видѣть, продолжалъ онъ, когда Анжела со страхомъ взглянула на него: ты вѣдь мнѣ ни сестра, ни родственница, стало-быть мнѣ уже нельзя будетъ держать тебя въ своемъ домѣ.

— Нэсъ! вскричала она заплакавъ: теперь ты хочешь покинуть, изгнать меня?... ты... единственная моя опора, когда бѣдная маменька умретъ.... Ты говоришь, что я тебѣ не родня.... Но скажи же мнѣ, пожалуйста, кто я? Развѣ это не правда, что Сусаннинъ братъ—мой отецъ?... и скажи, отчего Сусанна никогда не хотѣла, чтобы я называла ее тѣткой, тогда какъ я пошу ея имя?

Этого Нэсъ не ожидалъ. Онъ закашлялся и потомъ съ важностью пустился въ объясненія такимъ образомъ:

— Послушай, Анжела.... скажи-ка.... что, умный-то пасторъ научилъ тебя пятой заповѣди?... а? Ну-ка, что говорится въ этой заповѣди?

— Чти отца твоего и мать твою, отвѣчала Анжела, изумленная такимъ вступленіемъ.

— Вотъ то-то и есть!... Чти отца твоего и мать твою.... Что это значить?... Это значить, покоряйся имъ... а покоряйся, значить—не суйся не въ свое дѣло... не спрашивай о томъ, чего дѣтлѣмъ не нужно знать.... Дѣти должны благодарить Бога, за то что они рождены.... какъ и гдѣ.... кѣмъ и для чего.... объ этомъ скромные, послушные и почтительные дѣти никогда не спрашиваютъ. Понимаешь, Анжела?

Анжела молчала. Ей было стыдно, хотя она и не знала хорошеенько, отчего. Яковъ, довольный этимъ впечатлѣніемъ, уполѣвъ между-тѣмъ совершенно собраться съ мыслями и продолжать:

— Ты должна руки дѣловать намъ вѣтъ, за то что мы открыли отъ тебя вещи, которые привычны бы тебѣ много горя... Бригитта твоя мать, и—баста! Твой любимый любилъ тебя. Нэсъ, съ опасностью собственной жизни стареетъ тебя, чтобы ты ничего болѣе не узнала, и, если дѣти мое будутъ зависѣть, такъ ты въ этомъ отношеніи до конца жизни будешь такъ же невѣрна, какъ когда родилась. Будь же благодарна за это и не шучь на себя на меня такими вопросами и мыслями.... да и не слушай болтовни злыхъ языковъ... то есть, булочницы и пасторши.

— Любимый Нэсъ, сказала смягченная Анжела: я готова тебя слушаться. Но скажи же, что будешь со мной

когда маленькая упрости? и отчего мнѣ нельзя оставаться у тебя?

Насъ чуть не захрипнулъ отъ радости.

— Этакая ты простенькая! сказалъ онъ, прижимувшись къ ней по-ближе: развѣ ты не знаешь, что я еще человекъ молодой и могу, не сегодня, такъ завтра, жениться?

— Ты молодецъ, Насъ? спросила Анжела, разсмѣявшись, несмотря на свою печаль: а я думала, что всѣ старика должны быть такіе какъ ты!

Это, конечно, было не очень ободрительно для Наса. Но онъ уже приготовился выслушать нѣчто въ этомъ родѣ и рѣшился не отступать ни на шагъ. Онъ захохоталъ, потрепалъ Анжелу по плечу и сказалъ:

— Э! голубушка, это тебѣ только такъ кажется, оттого что ты знаешь меня съ самаго своего дѣтства.... Но тѣмъ не менѣе я вступилъ именно въ тотъ возрастъ, когда люди думаютъ о женитьбѣ.

— Такъ ты думаешь о женитьбѣ, Насъ? сказала Анжела съ безпокойствомъ: и оттого я должна оставить твой домъ?... оттого, что ты хочешь взять себѣ другую хозяйку?

— А почему жъ бы мнѣ не думать о женитьбѣ, когда и ты думаешь о замужствѣ?... и когда твоя пріятельница, пасторша и булочница, уже выбрала тебѣ жениховъ? Это те и навело меня на мысль.... Что же будетъ со мной, когда ты оставишь меня?

— Но я вѣдь не оставляю тебя! съ жаромъ воскричала Анжела: вѣдь мы вчера уже порѣшили это, а сегодня ты опять принялся меня мучить!

— Послушай, Анжела! ты ничего не понимаешь въ томъ, что дѣлается и какъ водится въ свѣтѣ. Такому молодому человеку, какъ я, в такой молодой дѣвушкѣ-нездѣстѣ, какъ ты, нельзя жить волью одною кровлею, когда упрости твоя мать и у тебя не останется ни какой другой физической защиты. Понимаешь ли теперь, душа моя?

Говоря это онъ какъ-то странно поглядывалъ на нее, и Анжела, можетъ-быть въ первый разъ въ жизни, покраснѣла передъ Насомъ.

— Баронъ Сусанну, спросилъ пасторшу и булочницу: всѣ

тебѣ скажутъ, что Яковъ Ванъ-доръ-Нэсъ поступаетъ какъ честный человѣкъ, когда предупреждаетъ тебя объ опасности и не хочетъ, чтобы злые языки заняли твое доброе имя.

— Боже мой! вскричала Анжела: но.... вѣдь это ужасно!... Боже мой, Боже мой! какъ я несчастна буду тогда!... куда же я дѣнусь?... Какъ я стану жить на свѣтѣ безъ тебя!

Она закрыла лицо руками и горько заплакала.

— Жаль мнѣ тебя, милая моя Анжела, сказалъ Нэсъ, съ наслажденіемъ поглядывая на нее и видя какъ она все ближе и ближе подходитъ къ его западнѣ: если бы я могъ помочь тебѣ, я бы крови своей не пожалѣлъ..... Скажи только, чего ты хочешь, я на все готовъ для тебя.

— Ахъ, Нэсъ! вскричала Анжела съ отчаяніемъ: сдѣлай это... помоги мнѣ... помоги!... ты, конечно, сможешь, если захочешь: вѣдь ты умнѣе всѣхъ....

— Анжела, скажи мнѣ откровенно.... хотя мнѣ и больно будетъ слушать.... скажи, за кого ты лучше хочешь выйти замужъ? За булочника или за брата пасторина?

Онъ очень хорошо зналъ, что она уже не хочетъ ни за того ни за другого.

— Нѣтъ, нѣтъ, Нэсъ! я ничего не хочу такого, что можетъ огорчить тебя. Нѣтъ, нѣтъ!... Я сегодня же побѣгу и скажу имъ, что не хочу выходить за ихъ жениховъ.

— Такъ это дѣло конченное, продолжалъ Яковъ: я знаю, если ты рѣшительно скажешь что-нибудь, такъ уже не отступишься. Но видишь ли, душа моя, этимъ отказомъ ты забираешь отъ себя единственный домъ, гдѣ бы кромѣ моего могла еще найти пріютъ, въ случаѣ нужды....

— Ахъ, Боже мой! да какой же мнѣ еще пріютъ? На что мнѣ пріютъ? Неужели ты хочешь покинуть меня? Боже мой!... Нэсъ! что же я сдѣлала тебѣ со вчерашняго дня, что ты такъ жестоко поступаешь со мною? Вѣдь я вчера же отреклась отъ всего, что огорчало тебя.... и ты вчера ничего не говорилъ о женитьбѣ, а сегодня и это говоришь, чтобы сдѣлать меня несчастною!

Нэсъ какъ-будто заресъ. Онъ уже готовъ былъ за-

хлопнуть ловушку, но всё-еще сомнѣвался въ своемъ невмѣрномъ счастьи, еще разъ побѣдилъ себя и продолжалъ, какъ могъ спокойнѣе:

— Отчего же мысль о моей женитьбѣ дѣлаетъ тебя такою несчастною? Быть-можетъ мнѣ удалось бы уговорить будущую жену, чтобы она позволила тебѣ остаться здѣсь.... хоть такъ, напримѣръ, какъ Сусанна осталась при твоей матери....

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Анжела: этого я тоже не хочу!... Я сама хочу вести твое хозяйство, Нэсъ.... по-прежнему.... Никто другая не должна заботиться о тебѣ... Я не хочу, чтобы другая здѣсь распоряжалась.

— Ну, теперь я встоишь всё свои предложенія, сказалъ Нэсъ: ты всё отвергла.... ты стоишь на томъ, чтобы остаться здѣсь. Чтѣ же мнѣ, какъ честному человѣку, дѣлать? Ума не приложу.... развѣ ужъ ты бы вышла зѣмужъ за меня, прибавилъ онъ шутя, съ насмѣшливою улыбкой.

Анжела привскочила, однако жъ тоже улыбнулась, потомъ задумалась, потомъ покраснѣла и сказала:

— Скажи, Нэсъ, можно это?... женился бы ты на мнѣ?

— И! поди! отѣчалъ Нэсъ, съ трудомъ добывая голосъ изъ груди: я для тебя слишкомъ старъ.... ты скоро стала бы пренебрегать мною, стала бы думать, что могла бы выйти за инаго мужа, по-моложе и по-краснѣе.

Анжела молчала. Нэсъ боялся задохнуться. Анжела дѣйствительно вспомнила, что всегда представляла себѣ мужа молодого и красиваго и что ей никогда и въ голову не приходило, чтобы Нэсъ могъ быть ея мужемъ. «Но, думала она далѣе, Нэсъ самъ же говоритъ, что онъ еще молодъ.... ему это лучше знать... притомъ, я тогда осталась бы здѣсь.... Ахъ, если бы онъ женился на мнѣ!... лучше чѣмъ... если въ домѣ явится другая хозяйка.... станетъ распоряжаться.... повелѣвать мною... и, Богъ знаетъ, какое еще несчастіе можетъ случиться...» прибавила она, смутно угадывая новыя заботы.

Яковъ ни однимъ звукомъ не мѣшалъ ея размышленію. Онъ зналъ, что оно будетъ выгодно ему, однако жъ съ величайшимъ трудомъ побѣждалъ свое нетерпѣніе, иску-

сжалъ себѣ языкъ до крови и втиснулъ ногти въ шею любезнаго стола.

— Ахъ, Нэсъ, сказала вдругъ Анжела: я не поняла зарешенько, что ты говорилъ о своихъ годахъ. Ты говоришь, что ты не такъ старъ, какъ я полагала.... Ну, тѣмъ лучше. Вообще.... если подумаю.... кого же бы я полюбила больше тебя, Нэсъ? какого-нибудь чужаго человѣка... за то только, что онъ по-моложе и по-красивѣе?... Нѣтъ, не хочу.... Я тебя люблю больше всѣхъ.

— Анжела! сказалъ Нэсъ, по-немножку затягивая петлю Анжела! какую ты подаешь мнѣ великодушную мысль! Ты хочешь выйти за меня за-мужъ, быть моею женой.... мы на всю жизнь останемся вѣстѣ! Анжела! милая моя! ты не шутишь?

Анжела обрадовалась удовольствію Нэса, съ нѣжностью улыбнулась ему и подала руку, которую онъ сжалъ какъ въ тискахъ.

— Послушай, продолжалъ Нэсъ, собравъ еще разъ помраченный разумокъ, потому что далъ себѣ слово выдержать до конца и не давать воли буйнымъ страстямъ: послушай, Анжела! знаешь ли ты, что ты лучшаго, вѣрнѣйшаго своего друга, который любитъ тебя больше всего на свѣтѣ, вводишь въ страшное искушеніе? Вообрази, если я теперь увлекусь твоею мыслью, почувствую себя безумно счастливымъ и, чтобы почтить тебя какъ жену мою и осчастливить тебя, возьму да переверну весь этотъ домъ, такъ, что онъ заблещетъ богатствомъ, красотой и роскошью.... если я привыкну къ моему счастью и ты потомъ расквешься въ томъ, что обѣщала мнѣ.... послушаешься Сусанны.... своихъ пріятельницъ, которыхъ отсовѣтуютъ тебѣ, напугаютъ тебя.... и если ты вдругъ прійдешь ко мнѣ и скажешь: «Нѣтъ, Нэсъ, я обдумала: я не могу быть твоею женой?»

Нэсъ замолчалъ и внутренне содрогнулся отъ ужасу передъ картиною, которую самъ нарисовалъ. Но Анжела не дала ему времени мучиться.

— О, Нэсъ! вскричала она: какъ ты можешь думать это? Нѣтъ, если ты хочешь жениться на мнѣ, я выйду за тебя и тогда пусть другіе говорятъ, что хотятъ.

— Галъ поклялся! Нёсъ вскочилъ и поднялъ Анжелу съ собою: поклянись! поклянись мнѣ, что ты ничего не послушаешь врозь меня..... я никому не доверюсь кромѣ меня..... что ты не откажешься отъ желанія быть моею женою..... поклянись, Анжела!.... И если нарушишь клятву, ты убьешь меня.... я ни минуты не переживу этого.... клянись, клянись!

— Клянусь! сказала Анжела.

Но она поблѣднѣла какъ смерть, потому что испугалась верную давно задержанныхъ страстей Якова и не понимала, счастливъ онъ или взбѣшонъ.

Услышавъ ея клятву, Нёсъ обезумѣлъ отъ радости. Онъ схватилъ Анжелу на руки, потомъ опять поставилъ и ухватилъ къ ея ногамъ, потомъ опять началъ душить ее въ своихъ объятіяхъ и бѣгалъ по комнатамъ, испуская недѣльные крики. Анжела между-тѣмъ успокоилась, сбѣла и смотрѣла на него съ улыбкой, повторяя:

— Нёсъ, Нёсъ! полно же дурачиться!... Вотъ, видишь, мы по-напрасну только мучили себя. Теперь у меня гора съ плечъ..... Тебѣ весело, и я тоже рада. Ахъ, если бы мы только могли растолковать это маленькѣ!.... И что-то скажетъ Сусанна? Я немножко опасюсь.

Это предчувствіе было не безъ основанія. Сусанна постоянно боролась со своимъ глубокимъ отвращеніемъ къ Ванъ-дёръ-Нёсу. Если бы она не чувствовала, что у Анжелы нѣтъ другой опоры кромѣ его и что сирота его любовью ограждена по-крайней-мѣрѣ отъ другихъ, болышихъ страданій, она давно уже открыла бы все, чѣмъ было черезъ край переполнено ея сердце. У людей ограниченныхъ, привычка замѣняетъ характеръ и правила. Сусанна молчала и потому, что привыкла молчать. Будучи съ самаго начала застращена и долго не видя никакихъ средствъ перемѣнить положеніе своихъ господъ, она уже не смѣла думать объ этомъ или полагала, что еще время не пришло. Но ей, конечно, никогда въ голову не приходило, что благородное имя внуки Барневельда можетъ утонуть въ имени торгаша Ванъ-дёръ-Нёса, этого грязнаго скряги, этого грабителя, который современемъ долженъ еще отдать отчетъ въ похищенномъ имѣніи. Извѣстіе объ этомъ

да про себя: «Что же такое случилось, что онъ вдругъ такъ переживаетъ?»

Нэсъ былъ такой превосходный знатокъ въ людяхъ, что безъ малѣйшей заботы выжидалъ этого объясненія Анжелы съ Сусанной. Онъ зналъ, что это не произведетъ на нее сильнаго впечатлѣнiя. Воспитанiе не дало ей ни какой мѣрки для преимуществъ высокаго роду, къ которому она принадлежала по имени. Благодаря ограниченiю, въ которомъ онъ содержалъ ее, понятiя и склонности ея шли такъ тѣсно рука объ руку, что благосостоянiе выше нежели у фрау Ливерсъ почти превосходило ея желанiя. Притомъ онъ давно уже развилъ и укрѣпилъ въ ней мысль, что большое богатство и въ-особенности знатность, непременно требуютъ высокаго образованiя и многихъ знанiй, ученiя, которое, мимоходомъ сказать, не очень нравилось ей и которое она считала несноснымъ мученiемъ. Нэсъ радовался даже, когда вспоминалъ, какую выгоду это доставитъ ему, если Анжела узнаетъ о знатности своего происхожденiя и всё-таки добровольно выйдетъ за него за-мужъ. Тогда она по своему твердому характеру и неподкупной правдивости, уже ни за что не отречется отъ своего согласiя на союзъ съ нимъ. Кто же тогда посмѣетъ упрекнуть его въ чемъ-нибудь?

Притомъ, случай явно благопрiятствовалъ Ванъ-деръ-Нэсу. Сусанна была въ эти дни такъ озабочена состоянiемъ своей госпожи, что не отходила отъ нея ни на шагъ и ничего не знала о вызовѣ, котораго не могла слышать въ спальней, выходявшей окнами на дворъ. Иначе, конечно, это произвело бы на нее сильное впечатлѣнiе, отъ котораго всё планы Ванъ-деръ-Неса могли разрушиться. Теперь ему оставалось только удержать Анжелу отъ посѣщенiй дома булочницы и это удалось безъ труда: онъ завалилъ ее хлопотами въ своемъ домѣ, гдѣ въ тотъ же день начались преобразованiя. Пришли столяры, обойщики, принесли мебели, матерiй, ковровъ; принялись чистить, убирать, украшать. Ванъ-деръ-Нэсъ каждый часъ являлся съ новою корзинкой или коробомъ. Разступившись разъ, скряга, который дрожалъ надъ каждою полуской и тушилъ полусгорѣвшiя головки, вдругъ прiнялся со-

рять тысячи и въ два три дня разукрасилъ догъ на-свану, то есть, со всѣмъ безкусіемъ грузной и безогонивой рас-саше челоуѣка, не имѣющаго ни какаго понятія о потреб-ностяхъ вѣщной жизни.

Чтобы замѣнить Сусанну и чтобы Анжелѣ не-зачѣмъ было ходить со двора, Ванг-дерб-Нэсъ въ первый же день привелъ молодую служанку, которую нашелъ въ одной деревушкѣ, на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Амстама. Онъ съ важностью представилъ ее своей невѣстѣ и самъ объяснилъ служанкѣ всѣ ея обязанности. Но Анжела была смущена и робка съ молодымъ, бодромъ служанкой, кото-рая, казалось, стояла мало ниже ея и по образованію и по платью. Нэсъ безпрестанно принужденъ былъ тайношъ удерживать Анжелу силой, потому что она всё хотѣла вскочить и услужить гостѣмъ.

Нужно приварядить ее, подумалъ Нэсъ, усмѣхался: это возвышаетъ дѣвушку въ ея собственныхъ глазахъ.

И онъ отправился съ нею къ швеямъ и портнихамъ, на-купилъ и заказалъ нарядовъ и кружевъ столько, что Ан-желѣ стало страшно. Роскошь, обрушившаяся на нее такъ неожиданно, слишкомъ далеко превосходила ея потребно-сти и привычки. Она не знала, что ей дѣлать со всею этою массой прекрасныхъ и дорогихъ вещей и едва осмѣ-ливалась прикоснуться къ нимъ. Она съ безпокойствомъ и робостью ступала по мягкимъ коврамъ, осторожно об-ходя мебели и обитыя стѣны и съ завистью поглядывала на живую, смѣлую служанку, которая теперь исполня-ла прежнія ея обязанности. Когда все было поставлено на мѣсто, она уже не знала что ей дѣлать и чѣмъ за-няться. Новый нарядъ тяготилъ ее и она безпрестанно придумывала предлоги, чтобъ снять его. Чуть Нэсъ не угладить, она какъ-разъ надѣнетъ свое прежнее грубое тиковое платье, и примется укладывать свои обновки, бе-режно прятать ихъ въ шкафы и ящики. Можно было пе-думать, что Анжела и Нэсъ помѣнялись ролями. Онъ упо-реблялъ всѣ возможныя усилія, чтобы приучить ее къ новому положенію, между-тѣмъ какъ Анжела съ нѣкото-рымъ ужасомъ смотрѣла на каждую издержку, особенно на тѣ, какія дѣлала служанка для стола, и безпрестанно

выговаривала ей зато, что было приказано самимъ Носомъ. После этого очень естественно, что служанка говорила:

— Хозяинъ-то хорошъ, да только невеста его ужасно скупа.

Сусанна смотрѣла на все эти превращенія съ недоувѣрчивостью и подозрѣвиемъ. Она не вѣрила въ чистосердечіе Вань-дери-Нэса и была убѣждена, что онъ дѣлаетъ все это принужденно или только для того, чтобы «ощипать курочку», какъ она выражалась, намѣкая на Анжелу.

Довольнѣе всѣхъ новыми обстоятельствами была бѣдная помѣшанная, которая нѣсколько оправилась отъ болѣзни и опять стала приходить внизъ. Сусанна не могла безъ волненія смотрѣть на нея.... самъ Нэсъ нерѣдко бывалъ пораженъ, когда Бригитта съ радостнымъ удивленіемъ всемъ указывала на свои новыя платья, на свѣтлый огонь въ каминѣ, мягкую постель и удобное кресло, и когда она, съ наслажденіемъ глядя на свою тарелку, всякому предлагала попробовать давно невѣданной вкусной пищи. Нэсъ очень хорошо чувствовалъ ужасный укоръ и опускалъ глаза, чтобы не видѣть слезъ или мрачнаго, строгаго взгляду Сусанны. Анжела между-тѣмъ въ этомъ удовольствіи матери находила единственную положительную причину радоваться новому порядку вещей и была глубоко признательна Нэсу. Она называла его лучшимъ изъ людей, а себя счастливѣйшею въ свѣтѣ невестой.

— О, Нэсъ! милый Нэсъ! часто говаривала она: ты ошастливилъ мою бѣдную мамевку, вотъ что мнѣ дороже всего! Во всю жизнь мою я буду благодарить и любить тебя за это!

Вань-дери-Нэсъ принималъ эту благодарность и былъ счастливъ какъ достойный. Онъ въ самомъ дѣлѣ невольно становился лучше. Онъ истинно любилъ Анжелу, а истинная любовь всегда нѣсколько очищаетъ и просвѣтляетъ даже самую черную душу.

Если Вань-дери-Нэсъ сначала употребилъ все хитрости, чтобы удержать Анжелу отъ свиданія съ булочницей и пасторшей, зато теперь онъ самъ желалъ этого, но она не хотѣла. Она стыдилась пройти по улицѣ въ своихъ новыхъ

платяхъ и боялась удивленія своихъ пріятельницъ. Нэсъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она сама увѣдомила пастора о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ, чтобы все бы ему разсказала, и въ отвѣтъ на вѣроятныя возраженія, осталась бы при своемъ мнѣніи. Этого онъ могъ ожидать отъ нея. Видя, что она не рѣшается итти, Нэсъ придумалъ средство, довольно обыкновенное по его характеру: онъ купилъ нѣсколько игрушекъ и предложилъ подарить дѣтамъ пасторши. Анжела такъ обрадовалась возможности обрадовать другихъ, что совсѣмъ забыла о своемъ нарядѣ и всѣхъ его неудобствахъ, одѣлась по указанію и выбору своего жениха и не пошла, а побѣжала въ домъ булочницы.

То, что ожидало ее тамъ, превзошло всѣя опасенія. Фрау Ливерсъ совсѣмъ не хотѣла узнать Анжелу и мѣрла бѣдную дѣвушку холодными, острыми взглядами. Будучи наконецъ принуждена узнать, она осыпала ее упреками за долгое отсутствіе, за то, что забываетъ своихъ старыхъ друзей, которые не-разъ кормили и поили ее голодную и на которыхъ богачиха теперь, небойсь, смотрѣтъ не хочетъ. При этомъ, разумѣется, досталось и Ванъ-дербъ-Нэсу: посыпались насмѣшки надъ извѣстнымъ уже обрученіемъ и двусмысленныя намеки на оказавшееся вдругъ богатство, намеки, которыхъ Анжела не поняла, потому что рыдая уже не слышала словъ булочницы.

Наконецъ бѣдняжка ободрилась и пробѣжала мимо разгнѣванной булочницы на верхъ, къ доброй пасторшѣ. Тутъ у Анжелы отлегло отъ сердца, когда дѣти окружили ее съ прежними ласками и любовью. Родители тоже ласково подали ей руки, хотя оба были нѣсколько важны, чего Анжела однако жъ не замѣтила. Пасторша еще болѣе смягчилась, когда дѣти пришли въ восторгъ отъ игрушекъ. И наконецъ Анжела по-прежнему сидѣла подлѣ пасторши, которая съ обыкновеннымъ участіемъ разспрашивала ее о новомъ положеніи. Напуганное сердце бѣдной Анжелы растаяло и она все пересказала своимъ друзьямъ. Нападеніе булочницы было причиною, что Анжела, какъ-будто желя оправдать и Нэса, старалась какъ-можно живѣе и ярче изобразить его доброту и нѣжность.

Пасторъ ничего не возражалъ. Онъ сознавался, что не

покинулъ Ванъ-деръ-Несса и началъ составлять себѣ болѣе выгодное мнѣніе объ немъ, когда ясно увидѣлъ сильную любовь Анжелы къ нему и безкорыстную женитьбу скупого на бѣдной сиротѣ. О тайнѣ, которую открыла Сусанна, Анжела не сказала ни слова, потому что считала это дѣломъ совершенно постороннимъ.

Черезъ нѣсколько дней потомъ пасторъ Гарзенъ обвинялъ Якова Ванъ-деръ-Несса и Анжелу Альткомъ.

Анжела была довольна. Ванъ-деръ-Нессъ сходилъ съ ума отъ счастья и выражалъ это тѣмъ, что наматывалъ на свою неуклюжую и безобразную фигуру цѣлый грузъ дорогой и безвкусной одежды, въ которой Анжела, къ немалому удивленію своему, находила его даже красавцемъ. Нессъ былъ такъ счастливъ, что даже забывалъ настоящія побудительныя причины, по которымъ устроилъ себѣ это счастье. Иногда онъ какъ-будто пробуждался отъ сна и съ удивленіемъ поглядывалъ на окружающую его роскошь, заведенную въ домъ вовсе не длятого, чтобы удовлетворить собственнымъ потребностямъ.

Наконецъ, черезъ полгода, графиня Урика де-Казамбортъ разбудила его совершенно. Она повторила вызовъ во всѣмъ землямъ и городамъ. Въ этомъ объявленіи между прочимъ Амстердамъ былъ поименованъ въ-особенности, какъ вѣроятное первое убѣжище, откуда должно было начать искать слѣдовъ пропавшихъ безъ вѣсти. Объявлялось также, что графиня втеченіи мѣсяца сама намѣрена пріѣхать, чтобы лично управлять розысками.

Послѣ этого Ванъ-деръ-Нессъ ни минуты не оставался въ нерѣшимости. Обстоятельства его были безопасны и онъ теперь уже самъ намѣревался все открыть. Онъ началъ объясненіе съ Сусанной.

На этотъ разъ Сусанна тоже слышала объявленіе и какъ-будто очнулась отъ летаргіи, когда слухъ ея поразило имя несчастныхъ ея господъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, она съ такимъ отчаяніемъ ломала себѣ руки и разразилась такою странною, безсвязною рѣчью, что бывшая при ней служанка ужаснулась и подумала, что Сусанна съ ума сошла. Въ головѣ бѣдной Сусанны въ самомъ дѣлѣ закрутилась такой вихрь противорѣчащихъ мыслей и напѣре-

дѣй, что она ни за одно не могла удержаться: въ этомъ состояніи застала ее Ванъ-дерь-Нэсъ.

Индю ея пылало, глаза сверкали отъ гнѣву, когда она побѣжала къ нему на встрѣчу. Онъ съ спокойною, насмѣшливою улыбкой увелъ ее въ другую комнату, чтобы и дѣнная служанка не могла слышать разговора.

— Видишь ты, старая! вскричалъ онъ съ дерзкою веселостью и сильно дергая несчастную за руку: виднись, счастье такъ и сыплется на насъ! Вотъ наконецъ и знатная роденька объ насъ вспомнила. Теперь полно прятаться и таиться. Словно гора съ плечъ свалилась. Теперь по-крайней-мѣрѣ я могу открыто всѣмъ сказать, кто моя жена, и дитя, которое она родить мнѣ, тотчасъ вступать во всѣ свои права.

— Правѣ! правѣ! повторила Сусанна съ отчаяніемъ: да! время теперь говорить о правахъ!... Лучше ужъ по-прежнему прятаться.... лучше молчать Анжелѣ, чѣмъ явиться передъ знатными родственниками занятіиною именемъ Ванъ-дерь-Нэсъ.... О, Боже мой! какъ Ты допустилъ такое униженіе!...

Сусанна разразилась плачемъ, воплями негодованія и упреками, которые ни сколько не тронули Ванъ-дерь-Нэса. Онъ развалился на креслахъ, засунулъ руки въ карманы жилета и съ самодовольнымъ видомъ глядя на Сусанну, пятками выводилъ узоры на полу.

— Когда нарвешься до-сыта, такъ скажи, вскричалъ онъ вдругъ, захохотавъ во все горло: я схожу за моею любезною женою, Анжелой Ванъ-дерь-Нэсъ, урожденной Ванъ-дерь-Грѣневельдъ-Барневельдъ, и мы порадуемся скорому прибытію тѣтушки, графини де-Казамбортъ. Да, да, Сусанна! Нэсъ не ударилъ лицомъ въ грязь. Теперь уже никто не скажетъ ему, что онъ промазвалъ въ званіе фрау Ванъ-дерь-Нэсъ какую-то бездомную и безъименную изгнанницу. Видишь ты, старая кошка! этого ты не сообразила.... ты не понимала, что Ванъ-дерь-Нэсъ предложеніемъ своей руки дѣлаетъ честь той, которая была всѣми оставлена. Зато теперь не Ванъ-дерь-Нэсъ поклонится знатной роденькѣ, а она къ нему прійдетъ. Ванъ-дерь-Нэсъ богатъ!

— О, позоры! о, позоры! вскричала Сусанна: ты... негодный раб знатнаго дому, къ которому принадлежать Анжела... ты еще хвалишься своимъ богатствомъ! а отчего ты сталъ богачемъ?... Ты и забылъ, что замѣдлѣлъ наследіемъ и имуществомъ сироты?

— Нѣтъ, старая ты, ядовитая жаба! я не забываю ничего, вспоминаю Вань-дери-Насъ съ злобною, самодовольною улыбкой: я не забываю, что принялъ это наследіе изъ рукъ самого Реніе и что я честно и усердно управлялъ имъ и увеличивалъ его. Надѣюсь, что знатные наши родственники будутъ въ большомъ затрудненіи, чѣмъ награждать Вань-дери-Наса за все это, когда онъ уже взялъ себѣ самую приличную и достойную награду, то есть самую наследницу и видѣсть съ тѣмъ—прибавлялъ онъ всмолчать и подбѣжавъ къ Сусаннѣ: приобрѣлъ законное право на полное обладаніе этимъ имѣніемъ. Слышавши, старая сова? Дочь Реніе Барневельда вышла за меня не собственному своему желанію, а я черезъ это сталъ законнымъ владѣльцемъ ея имѣнія и не боюсь ни твоей графини де-Казамбортъ, ни чорта, ни тебя—чортовой бабушки!

Сусанна вдругъ увидѣла всю огромность его силы и это такъ поразило ее, что она ошѣлила и поблѣднѣла какъ полотно. Довольный этимъ, Вань-дери-Насъ осыпалъ ее еще нѣсколькими напыщенными, хвастливыми фразами шутеть того, какъ радушно приметъ любезную тѣтушку, и ушелъ.

Онъ отправился къ Анжелѣ, которая была въ цвѣтничкѣ или садикѣ на чистомъ дворѣ и, по обыкновенію, ухаживала за своими цвѣтами. Бригитта сидѣла подъ тѣнью развѣсистой яблони, слѣдила глазами за каждымъ движеніемъ дочери и старалась удержать у себя на колѣнѣхъ неблагодарнаго блага котѣнка, который беспрестанно борывался убраться.

Увидѣвъ мужа, Анжела по обыкновенію поспѣшила къ нему на-встрѣчу и стала показывать ему, какъ хорошо распустилась гвоздика и какъ цвѣтутъ яблони.

— Оставивъ это, сказала Вань-дери-Насъ, вставъ ее за руку и сѣдая подлѣ себя на скамью: у насъ есть дѣло поважнѣе.

— Что такое?... что случилось?

— Приятныя вѣсти.

— Какія?... говори.

— Ты слышала какъ здѣсь трубилъ?

— Слышала. Что же это такое? Опять какая-нибудь объявка?

— Да. Двадцать лѣтъ тому назадъ случилась проважа... и вотъ, теперь ищутъ: какъ ты думаешь, Анжела, если бы мы могли помочь имъ?

— Двадцать лѣтъ, Насъ?... Это очень давно. Какъ же можно намъ найти то, чего они ищутъ?

— Правда, что трудновато. Представь же себѣ, какой счастливецъ Насъ. Онъ нашелъ!

— Ты?... въ самомъ дѣлѣ?... Гдѣ же это?... Что жъ это такое?... Или ты уже отдалъ?

Ванъ-дерь-Насъ самодовольно захохоталъ.

— Отдалъ!... отдалъ!... Вотъ то-то и есть! Въ томъ-то и штука, что я не хочу отдать!

— Какъ же это можно, Насъ? сказала Анжела, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ: если вещь не твоя, такъ надобно же отдать.

— Увидимъ! возразилъ Насъ, опять захохотавъ: я думаю, и ты то же скажешь, что не надо отдавать, когда узнаешь, какая это вещь.

Анжела ждала, что онъ назоветъ эту вещь, но Ванъ-дерь-Насъ уже слишкомъ долго говорилъ спокойно: ему нужно было палить свое волшебіе хоть хохотомъ. Котёнокъ, полагая, что онъ хохочетъ только длятого, чтобы прыгала и моталась кисточка на бархатной шапкѣ, вмгъ вырвался изъ рукъ Бригитты, махнулъ Якову черезъ плечо на голову, кувырнулся вмѣстѣ съ шапкою по лицу на-земь и исчезъ въ кустахъ. Анжела въ свою очередь захохотала, а озадаченный и взбѣшенный Ванъ-дерь-Насъ вскочилъ и погнался-было за обидчикомъ, но поймалъ только свою шапку.

— Да, смѣйся! говорилъ Ванъ-дерь-Насъ съ досадою: эта бестія, вѣрно, изцарапала мнѣ все лицо! Хорошо я буду, когда придется цѣловать ручку сіятельной тѣтушки-графини!

Анжела за похотонъ не расслышала, что онъ сказалъ. Ванъ-дери-Насу уже становилось досадно, что она вовсе не любозытствуетъ знать того, что ему нужно было сказать.

— Странная ты женщина, Анжела! сказалъ онъ наконецъ: главного-то матушка Евва и не дала тебѣ, то есть, любозытства. Неужели тебѣ вовсе не хочется знать, что я нашелъ?

— Какъ же! Вѣдь я уже спрашивала тебя, что это такое. Вѣроятно, что-нибудь особенное?

— Да, конечно, особенное! Это предметъ, который я люблю столько же, сколько тебя и твою мать и, пожалуй, въ-добавокъ, даже нелиценную Сусанну.

— Ну, ну! ужъ не слишкомъ ли ты наговорилъ? вскричала Анжела.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ванъ-дери-Насъ ухмыляясь и потягиваясь: нѣтъ, не слишкомъ, потому что эта находка— ты сама, мое сокровище!... ты! Тебя и твою мать ищутъ; тѣтушка Казамбортъ кличъ кличетъ и сборъ трубить.... оттого и тревога по городу.

— Боже мой! вскричала Анжела, всплеснувъ руками: и изъ-за этого поднимаютъ такую тревогу? Про насъ трубятъ на рынкахъ и площадяхъ для востѣхи всему городу? Боже мой!... что это такое?... Насъ, ты вѣдь защитишь насъ?.... Ты не допустишь, чтобы насъ вывели на площадь?... Что ей нужно, этой старой тѣткѣ, которую я вовсе не знаю и знать не хочу?... За что она хочетъ опозорить насъ.... выставить на посмѣшище? Насъ, Насъ! ради Бога, не допусти до этого!

Насъ зналъ свою жену наизусть какъ таблицу умноженія. Онъ зналъ напередъ, что она скажетъ, и потому не мѣшалъ ей говорить, а самъ съ довольнымъ видомъ только похлопывалъ объими сжатыми ногами вдругъ по плитной мостовой двора.

— Ну, вотъ, то-то и есть! вскричалъ онъ, смѣясь: видишь ты! теперь ты сама совѣтуешь мнѣ не выдавать находки, какъ бы они ни трубили? А? неправда ли? Небойсь, Насъ войдетъ теперь и отнесетъ то, что поднялъ на улицахъ двадцать лѣтъ назадъ, когда этого никто не хотѣлъ

взять?... Отнеси теперь, когда высокородная роденька уже не видит ни какой опасности и может безъ страху признать свою кровь!... А?... Пойди теперь, Нэсъ, и скажи: вотъ, милость ваша, извольте получить! Нэсъ не имѣетъ ни какихъ правъ на тѣхъ, кого онъ съ опасностью собственной жизни, въ годину смуть и кровопролитій, спасъ, укрывалъ и берегъ.... тогда, когда высокородная родня отступилась отъ нихъ! Поди теперь, Нэсъ, выдай жену и тѣщу и удвоенное, утроенное имущество Рениѣ, которое смѣшалъ съ своимъ собственнымъ, чтобы сохранять.... Поди, Нэсъ, выдай все, потому что трубачъ говоритъ: сѣятельной графинѣ-тѣтушкѣ Казамбортъ вспало на умъ, что у нея могутъ быть сестра и племянница!

— Боже мой!... Нэсъ, милый Нэсъ! неужели они въ самомъ дѣлѣ требуютъ, чтобы ты выдалъ насъ? Какъ же это возможно? Вѣдь я твоя жена и ты одинъ имѣешь надо мною правъ.... никто больше.... никто на свѣтѣ!

— Ты моя добрая, вѣрная жена, отвѣчалъ Нэсъ снисходительно: я знаю, что ты безъ меня жить не можешь. Между-тѣмъ, дѣло такого роду, что всё-таки нужно подумать.... Промолчать нельзя.

— Обѣщай мнѣ только, что я останусь здѣсь, въ этомъ домѣ, сказала Анжела спокойнѣе: а тамъ говори и дѣлай, что хочешь и какъ знаешь.

— Да, это не очень легко, отвѣчалъ Нэсъ съ важно-стью: во всякомъ случаѣ я долженъ сказать графинѣ Казамбортъ, родной сестрѣ твоей матери, гдѣ ты находишься. Она втеченіи нынѣшняго мѣсяца пріѣдетъ въ Амстердамъ и должна знать, гдѣ ея племянница. Ванъ-деръ-Нэсъ человекъ честный. Ему нечего прятаться, а племянница графини Казамбортъ — жена почтеннаго амстердамскаго купца. Это, кажется, чего-нибудь да стоить.

— Конечно, конечно, Нэсъ! Больше этого не нужно. А тѣтушкѣ я не гожусь, потому что я вовсе не умѣю обращаться съ такими знатными господами.... Ты говоришь, что они очень ученые?

— Да, да, разумѣется.... Но, вотъ, видишь ты, намъ нельзя же и укрываться: чего подумаютъ, будто у насъ совѣсть нечиста. Видишь ты, объявлено, что господниѣ

Бургоместръ Миссъ-Мисъ сама принимала посылковъ тѣхъ, которыя приходило и могла сообщить новость о продавцѣ бѣды вѣста. Заигра красненье. Мы пойдёмъ въ церковь и, при выходѣ, представимся его милости.

— Что ты говоришь, Насъ?... вы!... а!.. я должна жить-ся къ господину бургоместру... Къ бургоместру! вскричала Анжела въ себя: вы!.. Насъ! этого ты не сдѣлаешь!.. ты не станешь меня мучить! Какъ можно! Я вовсе не знаю, что и какъ говорить съ такими важными людьми!.. Ты наквешешь стыда со мною...

— Дурочка! сказалъ Насъ, надменно выставивъ грудь и глядя на меня съ сострадательной улыбкой: чего ты боишься? Развѣ я не съ тобой буду? Я все скажу тебѣ, что дѣлать и что говорить; кому поклоняться, передъ кѣмъ присѣсть и все такое.... Притомъ, это дѣло рѣшеное. Ты должна идти. Я такъ хочу. Ты хорошенько приваривайся и мы отправимся. Когда ты будешь въ затрудненіи, такъ только посмотри на меня, я ужъ укажу, какъ поступить.

Анжела не противорѣчила и не отвѣчала. Она была совершенно смущена. Ванъ-деръ-Носъ ушелъ.

Много труда, заботы, слезъ и страху на другой день стоило Анжелѣ одѣваться. Ванъ-деръ-Носъ самъ указывалъ, что надѣть, и сердился, что бѣдная жена трепещетъ и съ каждою прибавленною частью наряда становится болѣе и болѣе неловкою. Кровь его клокотала. Онъ почти возненавидѣлъ несчастную, затѣ, что она такъ робѣетъ и плачетъ. Наконецъ онъ вышелъ изъ себя и въ первый разъ въ жизни Анжела увидѣла, что Насъ можетъ взбѣситься и на нее. Лицо его страшно искажилось, глаза выкатились, на губахъ показалась пѣна. Онъ затоналъ поганью, заревѣлъ, началъ браниться и грозилъ ей кулакомъ. Анжела упала въ обморокъ. Тогда Ванъ-деръ-Носъ вдругъ остылъ, перепугался, заклоноталъ около безчувственной, всталъ и униженно просилъ прощенья. Наконецъ, оправившись послѣ многихъ усилій, Анжела собралась идти, видъ жертва, приговеренная къ смерти. Напрасно Ванъ-деръ-Носъ старался заманить свою грубость ласками. Анжела уже не плакала, но она была блѣдная и дрожала

дѣлать тѣло какъ на лирикахъ. Ванъ-дуръ-Насъ одѣтъ въ богато переплетенной и украшенной гербами надувной дѣлать ее матери, надрывшился у него на сохраненіи, и они пошли.

Итти къ обѣднѣ въ то время въ Амстерданѣ значило то же что итти на выставку великобѣннскихъ парадовъ, въ которыхъ аристократія этого гордаго и властолюбиваго народа голландской республики довела роскошь до недѣроятной степени. Женщины сенаторовъ, ратмановъ, и большихъ бургомистровъ выказывали богатство часто болѣе нежели княжеское. Такъ какъ матеріями, шелкомъ и бархатомъ, уже никого не возможно было перещеголать, то барыни одна передъ другою старались взять перевѣсъ въ украшеніи золотымъ шитьемъ, драгоценными камнями и жемчугами и часто даже странностью покроя платья, лишь бы только привлечь къ себѣ вниманіе и возбудить зависть.

Богатые и именитые граждане, по принятому обычаю, собирались передъ церковью, на паперти, раньше правительской города и настоящихъ патриціовъ, съ тѣмъ, чтобы составить для нихъ потомъ родъ святы, когда они пойдутъ въ грузныхъ, великобѣннскихъ экипажахъ и торжественно войдутъ въ церковь. Эта корпорація обыкновенно толпилась на самой паперти и на ступеняхъ, а въ дождливое время въ преддверіи, которое въ католическую эпоху служило капеллой, теперь же было выслано коврами и уставлено кругомъ скамьями, такъ, что мало чѣмъ отличалось отъ гостиной, особенно, когда корпорація собирается и войдетъ переборъ парадомъ, новостямъ и сплетнямъ, которымъ близость храма нисколько не мешала. Эта знать дотога заграждала главный входъ въ церковь, что бѣдняки и простой народъ всегда входили и выходили черезъ боковыя двери.

Анжела тоже никогда не входила въ церковь иначе какъ черезъ боковую дверь. Но на этотъ разъ она, оглушенная предшествовавшими впечатлѣніями, и не примѣтила какъ Ванъ-дуръ-Насъ подвѣлъ ее къ главному входу, гдѣ уже собралась значительная толпа присутствующихъ. Тогда толпа, когда увидѣла передъ собою на землѣ край шитаго зол-

звѣтъ бархатнаго платья, она вздрогнула, оглянулась и увидѣла, что находится въ кругу, котораго всегда боялась и на который только изъ-дали поглядывала съ робкимъ любопытствомъ.

— Насъ! Насъ! шепнула она въ испугѣ: мы не туда зашли! Тутъ знатныя собираются.

И она хотѣла воротиться, потому что съ одного взгляду уже примѣтила на многихъ лицахъ насмѣшливое изумленіе. Ее уже начинали мѣрять съ головы до ногъ. Это была критическая минута для Ванъ-дери-Неса. Онъ съ тѣмъ намѣреніемъ пошелъ, чтобы обратить на себя вниманіе, съ тѣмъ даль женѣи украшенный гербами молитвенникъ. Онъ зналъ, что Анжела ни за что въ свѣтѣ не вступила бы добровольно въ этотъ кругъ и потому ввелъ ее туда украдкой. Онъ надѣялся, что Анжела не посмѣетъ уже воспротивиться. Когда же Анжела рѣшительно повернулась-было назадъ, въ немъ закипѣла злость, онъ устремилъ на нее сверкающіе грозные глаза и тайно сжалъ ее руку, такъ, что она обмерла. У нея уже не стало силъ сопротивляться.

— Чтò это за странная парочка тѣснится въ наши ряды! заговорили многіе: платье это скуплено на разныхъ рынкахъ.... оно принадлежало по-крайней-мѣрѣ шестерымъ хозяевамъ... и одна часть идетъ къ другой... Это, вѣроятно, странствующіе скоморохи... этотъ безобразный старикъ настоящій паяцъ.... а подруга его, вѣроятно, устарѣвшая канатная плясунья. ... И въ какомъ положеніи!... Теперь ей, конечно, нельзя плясать на канатѣ!

— Ахъ, Боже мой! да это Насъ! вскричали нѣкоторые купцы, знавшіе его по торговымъ дѣламъ: неужели этотъ дурень воображаетъ, что накопивши денегъ разными чистыми и вѣчными промыслами, онъ можетъ равняться съ нами?... Надобно проучить его!... Кто же эта пестро разукрашенная фигура?... Вѣрно, его жена.... Женщина, которой никто не знаетъ.... Говорятъ, дочь его кухарки... безымянная.... Какъ смѣетъ этотъ урокъ вводить свою бабу въ кругъ нашихъ благородныхъ женъ?... Погодите, я съ нимъ поговорю!... Его надобно проучить!

Нельзя сказать, чтобы эти тонкія замѣчанія были сла-

зани тихо. Вань-дерь-Нэсъ и Аннала очень хороню слышали ихъ и многое молли еще дополнить въ взглядѣ окружающихъ мущанъ и женщанъ, которые, что съ гнѣвомъ, кто со смѣхомъ, сторонились отъ незваной чаты какъ отъ заразы. Наконецъ выступилъ человекъ, который взялся порѣшить дѣло однимъ за разѣкъ.

— Эй! Нэсъ! вскричалъ онъ надменно: послушай-ка, старая крыса, какъ это тебѣ пришла благочестивая мысль вѣйти въ церковь подобно другимъ христіанамъ?

Это нападеніе было еще не слишкомъ сильно для Нэса, который привыкъ къ грубымъ шуткамъ. Онъ даже сожалеалъ, что въ этомъ обращеніи было мало дерзости. Будь оно еще по-грубѣе, ему легче было отвѣчать.

— О-го! вскричалъ онъ, закинувъ голову: мамѣ, мейн-геръ Лёрсъ. Я исправный богомолецъ: каждое воскресенье вожу сюда свою жѣнушку.

— Сюда! вскричалъ Лёрсъ съ преувеличеннымъ изумленіемъ: сюда? То есть, ты разумѣешь—въ церковь, старый дурень, а не сюда. Иначе тебѣ давно указали бы дорогу и мѣсто. Поворачивай-ка оглобли, да не забудь напомнить, что ошибкою забрелъ туда, куда вашей братьѣ слѣду вѣтъ. Здѣсь, какъ видишь, патриціи дожидаются своихъ высокомошныхъ правителей, а жены здѣсь все почтенныя и благородныя, которыя не терпятъ выскочекъ.

Это Вань-дерь-Нэсъ почувствовалъ уже сильнѣе.

— Ну, что жъ! сказалъ онъ присаиваясь: коли на благородство пошло, такъ жена Вань-дерь-Нэса не уступитъ никому! Ей здѣсь такъ же слѣдуетъ мѣсто, какъ и всѣмъ: она сама благородная.

— Послушай, возражалъ Лёрсъ: вокуда ты копошишься въ потемкахъ и никому не суешь подъ ноги, ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно, потому что намъ дѣлать съ тобою нечего: въ торговлѣ мало ли кто съ кѣмъ сносится. И тебѣ случалось вѣтъ дѣло съ нами. На этомъ и стой. Если тебѣ угодно было жениться на дочери твоей служанки, это твое дѣло. Но только насъ и нашихъ благородныхъ женъ оставь въ покоѣ; нѣтъ мы тебѣ помѣшанъ, гдѣ твоѣ мѣсто.

Богъ знаетъ, до чего бы дошло, если бы приведенный уша къ общество Ванъ-дёръ-Нэса успѣлъ отвѣчать. Но въ эту минуту подлѣхала кароцица великолѣпныхъ окантовкой и двереди нхъ аадражениа четверкою гнѣдихъ и блестящая золотомъ карета бургомистра. Все благородное общество двинулось двередь, чтобы выстроиться шпалерами на проходѣ высокомошняго и его свиты.

При этомъ Нэса и Анжелу такъ сдравиа, затолкали и втоптали, что этого только, казалось, недоставаало, чтобы совершенно уничтожить несчастную. Всѣхъ геркулесовскихъ силъ Якова едва доставало на то, чтобы предохранить ее отъ паденія. Наконецъ онъ поднялъ ее какъ ребенка на руки и, продравшись сквозь толпу, отнесъ къ дверямъ церкви, и положилъ на скамью. Анжела была въ обморокъ. Состояніе Якова трудно представить себѣ. Бѣшенство и жажда мести производили въ немъ судороги. Онъ искалъ предмета, на которыи бы могъ излить свою злобу и не находя никого, потому что вся толпа была занята встрѣчею, обратился къ Анжелѣ, оскаливалъ зубы, скрежеталъ и съ яростью грозилъ ей кулаками. Но глаза ея были закрыты.

Въ эту минуту преддверіе наполнилось пышною толпою знатныхъ прихожанъ. Впередь шла мефрау Ванъ-Марсезень, супруга бургомистра. Она была уже женщина пожилая, — мать двѣнадцати дѣтей, — нѣсколько хвораа, блѣдная, но чрезвычайно привѣтливая и кроткая. Обращаясь то къ тому, то къ другому съ ласковою рѣчью, она шла медленно, какъ-будто изнемогаая подъ бременемъ своего великолѣпнаго наряду. Приблизившись къ дверямъ она не могла не примѣтить Ванъ-дёръ-Нэса и его жены, которые составляли довольно странную группу, какъ по вычурной одеждѣ, такъ и по выраженіямъ физиономіи. Съ испугу передъ супругою высокомошняго бургомистра, на лицѣ Ванъ-дёръ-Нэса дикія, звѣрскія страсти вдругъ какъ-будто бы остановились и окаменѣли. Самъ онъ стоялъ какъ вкопанный. Бургомистерша, можетъ-быть, тотчасъ же отворотилась бы отъ этой гадкой фигуры, если бы взглядъ ея не упалъ на Анжелу, въ чертахъ которой изображалось такое глубокое страданіе, что добрая женщина

не могла видѣть этого безъ участія. Она подошла ближе, пригласила сестренце Анжелю и, будучи сама истерла маленькихъ дѣтей, еще болѣе увлеклась своимъ чувствомъ.

— Бѣдняжкѣ, вѣроятно, сдѣлалось дурно въ нервахъ? спросила она.

— Нѣтъ, ваша милость, отвѣчалъ Насъ: жена моя ушла въ обморокъ отъ грубостей и оскорбленій, которыми подвергалась здѣсь, передъ церквою.

Кто-то подошелъ къ бургомистершѣ и въ немногихъ словахъ разсказалъ, съ какими притязаніями явился барышнякъ Ванъ-дерь-Насъ и какъ справедливо ему за это дали урокъ. Мефрау-Ванъ-Марсвенъ ничего не могла сказать противъ этого. Она, такъ же какъ и другіе, привыкла считать исключительныя права своего сословія неприкосновенными и потому, кивнувъ головой, какъ-бы въ знакъ согласія, уже хотѣла-было пройти мимо; тѣмъ болѣе, что маленькіе, злобные глаза Ванъ-дерь-Наса, подстерегавшіе каждое слово объясненія, производили на нее очень непріятное впечатлѣніе. Но въ эту минуту Анжела открыла глаза. Въ этомъ взглядѣ было столько безотраднатога изнеможенія, столько тоски и краснорѣчивой мольбы о пощаду, что бургомистерша сдѣлала еще шагъ къ нимъ. Ванъ-дерь-Насъ тотчасъ воспользовался этимъ.

— Благоволите, ваша милость, принять эту бѣдную женщину подъ ваше покровительство, сказалъ онъ: я и безъ того имѣю намѣреніе послѣ обѣдни представить ее вашей милости и высокомощному господину бургомистру. Жена моя принадлежитъ къ благородной фамиліи.... Скоро объ ней будетъ толковъ столько, что и не оберешься.

Мефрау Ванъ-Марсвенъ окинула Ванъ-дерь-Наса не очень лестнымъ, испытующимъ взглядомъ и сказала:

— Можеть ли это быть, когда она ваша жена? Вы еще говорите неправду, чтобы оправдать свои неумѣренныя притязанія?

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша милость! Я говорю чистѣйшую правду. Она моя жена и такая благородная, что не уступитъ хоть кому.

— Скажите сами, сказала бургомистерша, обращаясь къ Анжелѣ: вы въ самомъ дѣлѣ жена этого человѣка?... Въ

такого случая будите такъ скромны, какъ кажетесь, ведите себя сообразно съ вашимъ званіемъ и не позволяйте нижу дѣлать глупости. Кто втирается туда, куда не слѣдуетъ, такъ легко подвергается уничиженію.

— Я его жена, съ трудомъ наконецъ протесовала Анжолу.

— Вѣрно. Но къ такому случаю помните свое мѣсто и не объявляйте странныхъ притязаній. И если вы осторожны, какъ мнѣ кажется, то напрасно пришли въ церковь.... Въ такомъ.... состояніи... это можетъ имѣть вредныя послѣдствія. Вотупленіе въ завінне матери — святее дѣло. Богъ проститъ, если изъ-за этого пропустишь обиду.

— Конечно, забытъ Вань-дери-Насъ: но сегодня она должна быть въ церкви. Я не хочу, чтобы кто-нибудь смѣлъ сказать: жену Вань-дери-Наса выгнали изъ церкви. Погодите еще! всѣ эти прибавилъ онъ грозно окидывая взглядомъ собраніе: другое заговорятъ, когда окажется кто моя жена. Если вашей милости угодно меня выслушать, я сейчасъ скажу....

Бургомистръ тоже между-тѣмъ узналъ, въ чемъ дѣло. Онъ, при случаѣ, умѣлъ осторожно умѣривать слишкомъ большую снисходительность и чувствительность доброй своей жены и потому, почтительно, съ любовью извиня ея за руку, сказалъ:

— Мы уже слишкомъ медлимъ, Флавія, и задерживаемъ нашихъ почтенныхъ друзей.

— Ахъ, другъ мой, ты слышалъ, что говоритъ этотъ гражданинъ? Онъ, кажется, хочетъ просить нашего соѣзту.

Бургомистръ Вань Марсовскъ былъ человекъ умный, опытный и проницательный. Онъ зналъ Вань-дери-Наса, раздѣлялъ съ другими невыгодное объ немъ мнѣніе и потому обратилъ вниманіе прежде всего на Анжолу, а въ-особенности на дрожавшій въ ея рукахъ великолѣпный молотышникъ съ гербомъ Казамбертовъ. Молотышники въ то время принадлежали къ фамильнымъ сокровищамъ и, подобно родословнымъ деревьямъ и документамъ, переходили изъ рода въ родъ.

— Насъ , сказала Ванъ-Маршени: едва-едва думая сообщить мнѣ что-нибудь, вы можете-сказать колѣньми садъ обѣднѣ.

Добрая Флоренъ поблагодарила ирца и вѣжливо потянула и они прошли въ церковь. Вся галлѣа ея была.

Ванъ-дери-Насъ тотчасъ дерзко приосанился и, прищипывая только слегка вѣнчикъ, прищипнулъ къ сестрѣ, улаживая бѣдную Анжелу силой. Гордая пассажирка, которую угождали бы нѣхъ и теоры, но она была, потому что не знала еще, чѣмъ можетъ кончиться назначенное свиданіе, Насъ торжественно. На раскрывающемся лавѣ его сидѣло влордство. Онъ вытягивался и поворачивался во все стороны, чтобы всѣмъ показать, что онъ тутъ. Анжела прижалась къ углу церковной скамьи и плакала. Въ головѣ ея всѣ мысли были перемѣшаны отъ множества надеждъ и неожиданныхъ впечатлѣній, которыя она перенесла въ этотъ ужасный день. Она была въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Наконецъ бѣдная страдалница помидному нѣсколько успокоилась.

По окончаніи обѣднѣ онъ вышелъ изъ церкви уже черезъ боковую дверь, потому что былъ доволенъ одною побѣдой и для того, чтобы поспѣть скорѣе въ домъ бургомистра.

Анжела, никогда не бывавшая въ такомъ знатномъ домѣ, не имѣла ни какого понятія объ истинномъ богатствѣ и роскоши. Пройдя только черезъ двѣ или три комнаты, она оторопѣла и совсѣмъ потерялась отъ удивленія передъ пышностью царскаго убранства въ покояхъ бургомистра, такъ, что примѣтила еще самого и супругу его тогда только, когда раздался его звучный голосъ.

— Чтѣ вы имѣете сообщить намъ, Насъ? сказала снѣ: говорито.

Анжела вздрогнула и увидѣла, что Насъ работливо бр-чилось много разъ потерлать колѣны. Это ард-ление делалось ей недовольно. Ей стало совѣстно за него и за себя, потому что она не знала, чтѣ именно королю и прилично. Чтобы избавиться отъ замѣшательства, она повиновалась своему чувству, поспѣшно доложила и почтительно поцѣловала у Флоренъ руку. Чуждою до обмра-

нуло ее. Добрая Флавия приняла этот знак уваженія такъ привѣтливо, что Бвдьяжка впервые въ тотъ день вздохнула свободно.

— Который вамъ годъ, милая? ласково спросила Флавия.

— Двадцать лѣтъ минуло, отвѣчала Анжела, всё-еще съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Двадцать лѣтъ! повторила Флавия, удивленно посмотрѣвъ на Вань-дери-Неса, который казался ей вѣсее старше нежели былъ въ самомъ дѣлѣ: какъ же случилось, что вы вышли за-мужъ за него?

— Въ томъ-то и дѣло, ваша милость! отвѣчалъ Несья объ этомъ-то мы и хотимъ доложить высокомогущему господину бургомистру и довести до свѣдѣнія высокородныхъ родственниковъ, которые наконецъ рѣшились отъсекать бѣдныхъ изгнанниковъ. Моя жена приходится племянницей сіятельной графинѣ Казамбортъ, потому что она законная и единственная дочь и наследница Реніе Гривесльдъ-Барисевельда.

— Боже мой! вскричала Флавия: если вы это докажете... и если она тогда... ваша жена!...

— Это я докажу, отвѣчалъ Несья, не понявъ обиды, которая невольно вырвалась у пораженной Флавии. Докажу такъ же, что она моя жена.

— Несчастная! продолжала Флавия, обращаясь къ Анжелѣ: правда это?... Неужели вы могли до такой степени позабыть все, чѣмъ обязаны вашему званію, вашей фамиліи?... Неужели вы могли быть столь легкомысленна, столько безразсудны!...

Бургомистръ уже при встрѣчѣ на пиерти догадался, что притязанія Вань-дери-Неса касаются свлечъ съ помочами графини Казамбортъ; но зная не слишкомъ большую свѣдливость этого человѣка, который и въ торговыхъ дѣлахъ приобрѣлъ себѣ не очень хорошую славу, подозревалъ какой-нибудь подлогъ и потому далъ женѣ нѣчто разговоръ, чтобы между-тѣмъ наблюдать.

Анжела была такъ смущена рѣчью бургомистерши, что опять совершенно потерялась и не знала, чѣмъ отвѣчать.

— Сидитесь, оруу Несья, сказалъ Вань-Морисевельдъ спа-

пейше: дѣло это будетъ разобрано порядкомъ: А вытъ, Насъ, я охвѣтуу бросить съ самаго начала надежду вѣсти въ какое бы то ни было заблужденіе мояи или того кому будетъ поручено слѣдствіе. Вы знаете меня.

Вань-дерь-Насъ униженно поклонился, но сохранилъ хладнокровіе, потому что, благодаря своей трусости, умѣлъ спесить обиды отъ сильныхъ. Отъ освободился на нихъ уже долго послѣ и тогда искалъ для изліянія своего бѣшенства предмета по-слабѣе или, за неимѣніемъ такого, коло-тилъ свою голову объ стѣну.

— Если вашей милости угодно, сказалъ онъ, я объ-ясню все дѣло такъ подробно, что не останется ни малѣйшаго сомнѣнія.

— Васъ спросятъ, когда прійдетъ городничій, сухо возразилъ Вань-Марсевень.

Вань-дерь-Насъ, кланяясь, пытался къ дверямъ. Ангела сдѣла омутивъ глаза въ землю. Грудь ея волновалась. Сердце занемогало подъ гнетомъ неопредѣленнаго страха. Бургомистръ и жена его отѣшли къ сторонѣ и тихо разговаривали между собою. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Наконецъ вошелъ городничій, Корнелиусъ Гофъ, и допросъ начался.

Насъ говорилъ съ большимъ присутствіемъ духа, стараясь выставить на видъ, какъ онъ дѣлалъ бѣднѣй свой кусокъ хлѣба съ изгнанниками и какой подвергался опасности, чтобы укрыть и защитить ихъ отъ преслѣдованій; какъ трудно было его положеніе на биржѣ и передъ со-сѣдами и какъ его жизнь впродолженіи двадцати лѣтъ составляла одну тяжкую заботу.

— Но почему же такъ долго? спросилъ бургомистръ: ванъ должно же было знать, что опасность давно именовала и что родственники могли признать несчастныхъ изгнанницъ. Отчего вы не увѣдомили ихъ, какъ слѣдовало?

— Я не могу опредѣлять извѣрное, въ какое именно время узналъ о томъ, что опасность именовалась, отвѣчалъ Насъ; притомъ первому слуху я не смѣлъ вѣрить, безъ ясныхъ доказательствъ, потому что былъ обязанъ свя-

пришлось и терпеливостью платкой хранить тайну. Между тем, пришла немощь и ногу считать эту платку драгоценною, случилась обстоятельство, которое побуждало ее и даже срыгивать несчастную от себя, чтобы не причинить нового горя и безъ того уже тяжело испытанную семейству.

Тутъ Насъ вынулъ изъ кармана большой, нестрый шелковый платокъ, закрылъ плачевно искривленное лицо и несколько разъ воскликнулъ. Анжела не понимала хорошо, о чемъ онъ говоритъ, однако жъ воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ и завалась очень чистосердечными слезами.

Бургомистръ посматривалъ то на того, то на другого, потомъ взглянулъ на городничаго и тихо покачалъ головою.

— Насъ! сказалъ онъ потомъ строго: напрасно вы такъ плачете. Человѣкъ подобный вамъ, не помогаетъ при воспоминаніи, которому минуло двадцать лѣтъ.

— Да, если бы этому прошло въ самомъ дѣлѣ столько времени!... Но и самаго твердаго человѣка наконецъ одолѣетъ, если ему каждый день придется имѣть передъ глазами великое несчастіе и горе....

— Говорите яснѣе! перебилъ городничій: вы утомляете вниманіе высокомогущаго господина бургомистра.

— Ну, быть такъ, извольте прислушать, сказалъ Насъ, совершенно отбросивъ плаксивость: я все скажу и вы поймете, что сказать это было не легко человѣку, у котораго есть какое-нибудь сердце. Анжела, другъ мой, прости меня, если я огорчу тебя, и выслушай терпѣливо.

Анжела никогда въ жизнь свою не видывала Наса въ такой роли, какъ сегодня. Она рѣшительно не понимала, что онъ говоритъ и что дѣлаетъ, и потому, забывъ свои слезы, посмотрѣла на него съ удивленіемъ, даже съ любопытствомъ. Эта безмолвная сцена не укралась. Прозрѣвъ, чтобы жена его плакала: это былъ бы хорошій показаніемъ къ его рѣчи. Видя, что она вступленіе произвело совершенно прогнанное дѣйствіе, онъ немолло спуска кулакъ, но, пригнѣтивъ наблюдательныя взгляды, тутчасъ же скрываетъ его въ карманъ.

— Анжела была одна избитая, презрительная работница, задарга и сама дочка казначей и баронъ, и баронъ сама сама драгоцѣнная изобрѣтенное мнѣ сокровище. Ее можно продать. Но бывшая мать ее, оставшаяся бедною при отпадѣ Реніе, становилась часть-отъ-часу хуже и, доведъ ужасной смерти мужа, наконецъ.... ахъ, Боже мой!... я не могу выговорить этого слова.... наконецъ.... сошла съ ума!

— Сошла съ ума! съ испугомъ невольно повторила всѣ.

Порезанная Флавія подошла къ Анжелѣ и съ искреннимъ состраданіемъ подала ей руку. Анжела заплакала. Насу этого и нужно было.

— Да! продолжалъ онъ: сначала съумасшествіе было ужасно, но потомъ мало-по-малу оно превратилось въ тихое слабоуміе.... Да и что жаловаться на это?... По-крайней-мѣрѣ несчастная жена Реніе, окруженная попеченіями, ничего не знала о тяжкомъ своемъ горѣ. Только мы, видѣвшіе ее, переносили бремя страданія.

— Но чѣмъ же вы докажете, что эти женщины дѣйствительно тѣ самыя, которыхъ мы ищемъ? спросилъ герцогъ.

— Вы, мейнеръ Корнелиусъ Гюгъ, какъ всѣмъ извѣстно, человекъ умный и опытный дѣлецъ, возражалъ Насъ уже гораздо смѣлѣе. Разберите дѣло! Передъ вами стоитъ честный человекъ, который не боится суда и следствія и желаетъ только, чтобы все дѣло было выведено какъ можно яснѣе. За необходимыми документами дѣло не стоять.

— Хорошо, сказалъ бургомистръ: положимъ, вы можете доказать, что эта женщина и ея мать дѣйствительно тѣ самыя женщины, которыхъ мы ищемъ. Но какъ же, спрашивая, къ какой знатной фамиліи онѣ принадлежатъ, обѣщались жениться на благородной дѣвушкѣ и наконецъ: ахъ, прости, придетъ чѣмъ она сама узнала объ нѣдѣ?

— Вы очень строгі, ваша милость, отвѣчалъ Насъ. Я неспорно могу думать, что вы более не знаете, никакой опасности подвергается человекъ, при которомъ вслѣдствіе коррумпированной дѣвушки.... дѣвушка, которую онъ любитъ съ дѣтства, которая, обрѣзавшись идурутъ

шев-Ветой, сама признается ему въ любви... ему, который и безъ того уже борется съ своею собственною любовью...

Бургомистръ покатилъ головой. Но Нэсъ подошелъ къ Анжелъ и сказалъ:

— Прости, если я вынуждена оскорбить твое чувство и открыто объявить при всѣхъ, какъ ты призналась мнѣ въ своей любви и съ твердостью настаивала на томъ, чтобы сдѣлаться моею женой. Но не угодно ли вамъ самцѣ спросить ее, господинъ городничій? Она, какъ добрая притѣянная и вѣрная жена, наскрость правды.

Нэсъ поклонился и отступилъ на нѣсколько шаговъ. Городничій посмотрѣлъ на бургомистра, но тотъ самъ обратился къ Анжелъ и спросилъ:

— Такъ вы очень любите своего мужа?

Не далѣе какъ за день до того Анжела съ радостью, отъ всего сердца отвѣчала бы на этотъ вопросъ звучнымъ—да. Теперь она въ испугѣ молчала и сама не знала, отчего.

— Не стыдись, моя милая! сказалъ Нэсъ, у котораго ногъ выступалъ на лбу. Она у меня такая стыдливая, застѣнчивая, словно дѣвушка! прибавилъ онъ обращаясь къ городничему.

— Извольте молчать теперь, повелительно вскричалъ бургомистръ.

Нэсъ съ трепетомъ отскочилъ.

— Ободритесь, моя милая, сказала Флавія, придвинувъ свой стулъ: мы вамъ добра желаемъ, не бойтесь. Притомъ самая скромная женщина можетъ сказать, если любить своего мужа.

Опять наступило молчаніе. Нэсъ въ бѣшенствѣ оторвалъ карманъ у своего жилета, такъ, что звукъ этого громко отдался въ комнату. Всѣ оглянулись. Онъ проворно прикрылся кафтаномъ. Въ эту минуту у трепещущей Анжелы вырвалось короткое, сухое «да».

— Она любитъ его, вскричала Флавія: не мучьте ее долѣе.

— Хорошо, замѣтилъ городничій: однако жъ знали ли вы о своемъ происхожденіи, когда выходили за Васъ—дочь Нэса?

— Знала, съ твердостью отвѣтила Анжела: отарая су-

женка моей матери открыла мнѣ все, потому что хотѣла удержать меня отъ этого брака.

— Стало-быть, есть еще свидѣтели?... А почему не эта служанка хотѣла удержать васъ?

— Потому что она не любитъ Нэса и безпрестанно обвиняетъ его напрасно.

— Однако жъ вы настояли на своихъ намѣреніяхъ и Нэсъ поддерживалъ васъ?

— Нѣтъ, мнѣ и съ Нэсомъ тоже было много хлопотъ. Случилось, что бѣдная маленька захворала такъ, что мы думали, она умретъ. Тогда Нэсъ хотѣлъ перевести меня изъ своего дому, чтобы мнѣ не жить у него одной, потому что это было бы не прилично. Въ такомъ случаѣ мнѣ приходилось выйти за-мужъ или за булочника Ливерса или за брата пасторши Гарзенъ. Этого я не хотѣла и тутъ намъ пришло на мысль, что мнѣ можно выйти за Нэса и тогда не нужно будетъ искать другаго пріюта.

Нэсъ отъ радости корчился и ухмылялся какъ сатиръ. Никто не примѣтилъ этого.

— Ужасно! вскричала Флавія: ясно, что они сдѣлали это совершенно невиннымъ образомъ.

— Тогда Нэсъ передѣлалъ весь домъ, продолжала ободренная Анжела: купилъ намъ хорошихъ платьевъ, нанялъ служанку и на столѣ каждый день стало являться хорошее кушанье. Мы стали жить, какъ зажиточные граждане.

Эта прибавка не понравилась Нэсу, но онъ принужденъ былъ молчать.

— Какъ же вы жили до того? спросилъ Гоэтъ: не такъ хорошо какъ теперь?

— О, нѣтъ! далеко не такъ хорошо. Откуда же было взять бѣдному Нэсу? Только тогда, когда имѣніе моего отца досталось ему черезъ женитьбу, онъ сталъ въ-состояніи дѣлать такія издержки.

Бургомистръ и герольдичій видимо задумались при этомъ показаніи и имѣніе ихъ о Ванъ-дербъ-Нэсъ поколебалось. Они не видѣли, какія онъ отъ злобной радости корчился позади ихъ страшныя гримасы.

— Вамъ извѣстно, какъ велика была сумма, которую отецъ вашъ вручилъ Нэсу?

— Нѣтъ. Но Нэсъ торговалъ и въ нѣсколько разъ увеличилъ это имѣніе. Бриллианты моей матери и этотъ молотвенникъ онъ сохранилъ до моей свадьбы..... Но онъ не зналъ, что я выйду за него.

— Стало-быть вы не можете пожаловаться на Нэса? Онъ ни васъ, ни вашу мать ни чѣмъ не обидѣлъ?

Это былъ роковой вопросъ. У Ванъ-деръ-Неса глаза выкатились отъ страху. Онъ сжалъ кулаки за спиною и наклонился впередъ какъ тигръ, готовый кинуться на свою добычу. Но это сомнѣніе продолжалось меньше секунды.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Анжела: Нэсъ добрейшій человекъ. Намъ у него очень хорошо.

— Покуда мы должны удовольствоваться этимъ, сказалъ бургомистръ подумавъ: вы, господинъ городничій, возьмите на себя разсмотрѣніе этого дѣла; отправьтесь въ домъ Нэса, чтобы на мѣстѣ повѣрить показанія. Онъ отдастъ вамъ бумаги, какія есть, и мы потомъ разсудимъ, нужно ли будетъ сообщить объ этомъ графинѣ Казамборгъ.

— Ахъ! это во всякомъ случаѣ будетъ ужасное открытіе! вскричала Флавія съ невольнымъ вздохомъ. Боже мой, Боже мой! какое извѣстіе для бѣдной Урики!... Сестра помѣшана, племянница за-нужемъ за такимъ человекомъ!

Эти слова снова поразили и смутили Анжелу. Бургомистерша была женщина такая знатная, и такая добрая и привѣтливая, какой она никогда еще не видала и она открыто признавала ея бракъ съ Нэсомъ за великое несчастіе и стыдъ. Что говорила булочница, что говорила Сусанна, тѣмъ она могла пренебрегать. Но рѣчь доброй Флавіи дѣйствовала тѣмъ сильнѣе, что въ ней не было ничего оскорбительнаго или насмѣшливаго, какъ въ тѣхъ, которыя Анжела слышала на пперти. Напротивъ, она послала на себѣ отпечатокъ искренняго состраданія и скорби. Анжела начала понимать, что она въ самомъ дѣлѣ потерпѣла униженіе и что виною этому былъ Нэсъ. Неограниченное ея довѣріе къ нему поколебалось.

Нэсъ полагалъ, что выигралъ уже дѣло, когда вышелъ изъ дому бургомистра. Онъ и не думалъ о томъ, какое наказаніе готовится ему въ томъ тихомъ, страдающемъ существѣ, которое шло подлѣ него.

Сильно возбужденный, безпокойный, съ разчетами на головѣ, Нэсъ безпрестанно опережалъ слабую жену, возвращался и потомъ опять, увлеченный бурными мыслями, убѣгалъ. Такимъ образомъ онъ и не примѣчалъ, что Анжела съ каждымъ шагомъ изнемогала болѣе и болѣе и только тяжесть предшествовавшихъ впечатлѣній мѣшала ей просить помощи.

Очень часто случается, что какое-то инстинктивное напряженіе поддерживаетъ тѣло именно до-тѣхъ-поръ пока достигнешь точки, на которой представляется надежда отдохнуть. Такъ было и съ Анжелой. Пришедши домой, Нэсъ вбѣжалъ въ комнату и уже началъ-было снимать праздничное платье, какъ-вдругъ услышалъ крикъ Сусанны и выбѣжалъ на дворъ. Анжела лежала на порогѣ въ обморокъ.

Тутъ только онъ понялъ, что жена его страдала. Онъ вѣ себя бросился къ ней, поднялъ ее на руки и отнесъ въ спальню. Она пришла въ память только dlatego, чтобы въ ужасныхъ мученіяхъ, которыя довели ее до краю могилы, родить мертвое дитя. Впродолженіи нѣсколькихъ недѣль никто не полагалъ, чтобы она осталась въ-живыхъ. Она не умерла, но стала уже совсѣмъ не то, что была прежде.

Между-тѣмъ съ Ванъ-дерь-Нэсомъ приключилось многое и судьбѣ угодно было, чтобы всѣ обстоятельства соединились такъ, чтобы оправдать его въ глазахъ людей.

Корнелиусъ Гофъ былъ въ домѣ Ванъ-дерь-Нэса въ самый тотъ день когда Анжела находилась въ самомъ опасномъ положеніи. Онъ видѣлъ дикое, но неприятное отчаяніе Нэса, видѣлъ и бѣдную помѣшанную, и воротился къ бургомистру задумчивый и растроганный. На другой день онъ опять отправился туда и нашелъ Нэса уже совершенно твердымъ и способнымъ заняться дѣломъ. Съ городничимъ пришли два чиновника, которые принялись составлять протоколъ и Гофъ вздумалъ ясности и послѣдова-

тельности всѣхъ доказательствъ, представленныхъ въ подтвержденіе подлинности ямъ.

Насъ показали такую большую сумму имѣнія, переданнаго ему бѣжавшимъ Реніе и столь значительно варошвенную, что не могло быть ни какого подозрѣнія въ утайкѣ, тѣмъ болѣе, что легко было приблизительно разсчитать, сколько Реніе могъ тогда имѣть при себѣ. Вань-деръ-Насъ это зналъ и утаивать ему вовсе не нужно было; сверхъ-того у него былъ собственноручный Реніе списокъ прочимъ вещамъ и брилліантамъ. Каждый камень, каждое зерно жемчугу оказались на лицо. Потомъ Насъ еще разъ пересказалъ все, какъ было дѣло, назвалъ живаго еще рыбака, который отвозилъ Реніе на островъ. Потомъ требовалъ, чтобы допросили Сусанну.

Это, какъ онъ зналъ, былъ пунктъ необходимый и ему, конечно, опасный, если бы и тутъ обстоятельства не выручили его. Въ ужасный день, когда Анжела боролась со смертію, общая скорбь и общія усилія въ попеченіяхъ внушили Сусаннѣ нѣсколько болѣе свисходительныя чувства къ Насу.

— Да, Насъ, сказала она ему обыкновеннымъ своимъ брюзгливымъ тономъ, который приняла съ-тѣхъ-поръ какъ онъ женился: изъ-за вашей любви къ Анжелѣ много можно простить вамъ.

Этого Насъ не забылъ.

Сусанну почти силою принудили сойти внизъ и сдѣлать показаніе. Медленная обстоятельность слѣдственнаго разбирательства, всѣ эти разспросы и записыванья въ такомъ простомъ и ясномъ дѣлѣ несказанно досаждали ей. Она отвѣчала нетерпѣливо, отрывисто и почти презрительно, чтобы по-скорѣй отдѣлаться и идти къ больной Анжелѣ. Между-тѣмъ всѣ ея отвѣты въ совершенствѣ подтверждали показанія Вань-деръ-Наса.

Когда наконецъ протоколъ подписали, городничій снова былъ убѣжденъ, что пропадавшія безъ вѣсти были найдены, что имѣніе ихъ цѣло и что даже Вань-деръ-Насъ — честный человекъ. Трудно было Корнеліусу Гофту покинуть давнишнее убѣжденіе, но доказательства были слишкомъ убѣдительны.

Согласно этому слѣдствію, бургомистръ написалъ къ графинѣ Казамбортъ увѣдомленіе.

Черезъ нѣсколько времени онъ получилъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Высокомогущый господинъ бургомистръ,

«Любезнѣйшій мой братецъ!

«Я была увѣрена, что это дѣло не обойдется безъ того, чтобы не явились какіе-нибудь самозванцы, съ мнѣшними доказательствами родства со мною. Поэтому ваша непріятная вѣсть застала меня въ совершенно хладнокровномъ и спокойномъ духѣ. У меня вовсе нѣтъ охоты раскрывать планы какого-нибудь безсовѣстнаго барышника, которому хочется воспользоваться случаемъ, чтобы что-нибудь выманить у меня. Я должна обратить вниманіе на это потому только, что эти люди обладаютъ по-видимому дѣйствительными доказательствами, которыя могли пріобрѣсть грабежомъ и, Богъ знаетъ чѣмъ. Мнѣ странно, что я, дѣвушка, должна первая замѣтить такое важное обстоятельство, совершенно опущенное изъ виду и господиномъ Корнелиусомъ Гофтомъ и моимъ любезнымъ братцемъ Ванъ-Марсеномъ. Мнѣ кажется, вамъ надо было вачать съ того, чтобъ засадить барышника Цеса въ тюрьму, а его женщинъ допросить по-строже. Ложь обнаружилась бы, и мнѣ вовсе не нужно было бы знать объ ней. Если вы хотите, чтобы эти обманщики дождались моего пріѣзду, такъ по-крайней-мѣрѣ позаботьтесь, для вѣрности, отобрать документы, брилліанты и деньги. Я вѣрю, что эти вещи подлинны, и мѣсто гдѣ они найдены, во всякомъ случаѣ должно служить начальною точкою всѣхъ поисковъ. Вы, право, только исправите то зло, которое надѣлали мнѣ испугомъ, когда избавите меня отъ этихъ ничтожныхъ и грязныхъ женщинъ и скажете имъ, чтобы онѣ лучше отказались отъ своего намѣренія, потому что какой-нибудь бродягѣ не легко сыграть роль урожденной Казамбортъ.

«Цѣлую и обнимаю милую кузину, Флавію, но не могу не побранить ея за то, что она слишкомъ увлеклась своимъ добрымъ сердцемъ и, вѣрно, тоже вступилась за об-

жанишниковъ, или по-крайней-мѣрѣ слушала ихъ. А этого уже довольно.

«Надъ легковѣрїемъ и чувствительностью господина горюничаго я еще надѣюсь хорошенько потрунить, когда прїѣду. Вскорѣ надѣюсь васъ видѣть.

«Ваша вѣрная и преданная кузина,

«Графиня Урика де-Казамбортъ».

Прочтавъ, бургомистръ Ванъ-Марсевиень смутился и передалъ письмо Флавін.

Когда Анжела оправилась отъ болѣзни столько, что могла встать съ постели, фрау Ванъ-Марсевиень прислала сказать, что желаетъ навѣстить ее. Эта вѣсть такъ поразила бѣдную, что она едва не упала въ обморокъ. Она почувствовала, что новое свиданіе съ бургомистершей еще болѣе раскроетъ ея заблужденія насчетъ мужа, на котораго и теперь уже не могла смотрѣть прежними глазами. Чтобы разсѣять свои подозрѣнія и мрачную, неопредѣленную тоску, она желала забыть все, что слышала и испытала впродолженіи трехъ послѣднихъ недѣль; она хотѣла увѣрить себя, что все это было только тревожное свидѣніе, а неумолимая судьба непрерывно терзала ее новыми объясненіями и убѣжденіями въ дѣйствительности и вмѣстѣ несправимости несчастія.

Для Ванъ-дёръ-Наса ожидаемое посѣщеніе бургомистерши тоже составляло эпоху въ жизни. Онъ съ безпокойствомъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, осматривалъ все ли въ порядкѣ и соображалъ, произведутъ ли всѣ эти дорого заплаченные бесполезные предметы роскоши то дѣйствіе, для котораго они предназначались. Онъ не пожалѣлъ даже новыхъ издержекъ, чтобы выказать какъ-можно больше достоинства, и утѣшалъ себя мыслію, что комедія скоро кончится и что потомъ стѣитъ только распустить слухъ о нѣсколькихъ потеряхъ и неудачахъ въ торговыхъ спекуляціяхъ, чтобы опять пустить все лишнее въ продажу и воротиться, если можно, совершенно къ прежнему образу жизни.

Бургомистръ Ванъ-Марсевиень съ трудомъ согласился на желаніе жены своей навѣстить Анжелу. Хотя онъ не

сомнѣвался уже въ родствѣ ея съ графиней Казамбургъ, однако не желалъ прежде самой графини допустить такое почти оффиціальное призваніе. Но Флавія, увлеченная состраданіемъ, настояла на своемъ, и отправилась. Анжела въ этотъ разъ понравилась ей лучше чѣмъ въ первый, благо-можетъ по тому, что блѣдность и выраженіе тѣлесныхъ и душевныхъ страданій придавали женѣ Ванъ-дербъ-Нэса видъ болѣе трогательный. Ктому же и нарядъ ея былъ не такой пестрый и странный, а простой и оттого даже почти пзятный. На самага Ванъ-дербъ-Нэса Флавія старалась не обращать ни какого вниманія, чтобы не обнаружить отвращенія, которое онъ внушалъ ей своими отчаянно вѣжливыми кривляньями. Онъ безпрестанно повертывался и униженно кланяясь сторонился, чтобы не помѣшать знатной гостьѣ видѣть разныя части убранства его квартиры. Между-тѣмъ впечатлѣніе, произведенное на бургомистершу, далеко не выполнило его надеждъ. Она казалась непріятно удивленною и огорченною. Передъ нею явно обнаружилось то именно, чему надлежало скрытаться,—скупость Ванъ-дербъ-Нэса и лишенія Анжелы. Флавія въ состраданіи своемъ даже преувеличивала эти лишенія и почитала жену Ванъ-дербъ-Нэса гораздо несчастнѣе чѣмъ она, по своему образованію и привычкамъ была на самомъ дѣлѣ. Это самое побуждало Флавію удвоить ласку и привѣтливость къ смущенной и трепещущей Анжелѣ. Каждое слово ея было напечатлѣнно добротой и нѣжнымъ участіемъ.

Вдругъ Ванъ-дербъ-Нэсъ довольно некстати перебилъ рѣчь Флавіи вопросомъ, писалъ ли бургомистръ къ графинѣ Казамбургъ и какой послѣдовалъ отвѣтъ. Анжела вспыхнула, однако тоже вопросительно взглянула на гостью. Флавія подавила досаду на невѣжливость Ванъ-дербъ-Нэса и обращаясь къ Анжелѣ сказала, что отвѣтъ уже получень нѣсколько дней тому назадъ. Тутъ она остановилась. Ей стало жаль огорчить Анжелу. Но видя какъ бѣдняжка въ страхѣ и волненіи отерла лобъ, и полагая, что она уже угадала содержаніе отвѣта, Флавія поспѣшно прибавила.

— Успокойтесь.... успокойтесь, моя милая. Когда гра-

срѣла сама прѣдетъ, мнѣше въ перемѣнится и все устроится. Мы съ мужемъ употребили всѣ средства, чтобы отвратить вамъ наши права.

— Развѣ графиня сомнѣвается въ томъ, что моя мать ей сестра? чуть внятно проговорила Анжела.

— Къ-несчастію... да. Но вы не должны удивляться этому. Графиня принадлежитъ къ числу знатнѣйшихъ придворныхъ дамъ, а мейнгоръ Ванъ-дербъ-Несу, вѣроятно, не вѣдомо, что такой особѣ ваши теперешнія обстоятельства во многихъ отношеніяхъ могутъ не нравиться.

Сказавъ это, Флавія задрогнула, потому что Ванъ-дербъ-Несъ нагло захохоталъ и вскричалъ:

— Однако жъ ея сѣятельству надобно же будетъ поминуться съ этими обстоятельствами, потому что... женитьба, такъ женитьба и есть... Ея племянница—моя жена, и дѣло съ женою!

— Скажите, отчего же этотъ бракъ такъ огорчаетъ графиню? робко спросила Анжела.

Флавія въ свою очередь смутилась и не отвѣчала.

— Видъ Несъ, продолжала Анжела, женясь на мнѣ, говорилъ, что приноситъ мнѣ жертву, потому что не смѣлъ связать, кто я такая.... А люди были обо мнѣ дурпаго мнѣнія... считали меня незаконною дочерью его служанки.

— Берегитесь, Несъ! сказала фрау Ванъ-Марсевенъ, гнѣвно взглянувъ на него: берегитесь, чтобы это обстоятельство не изслѣдовали подробности! Вы не могли въ самомъ дѣлѣ полагать, что предложеніемъ своей руки дѣлаете честь.... не говоря уже о пожертвованіи.... такой благородной дѣвушкѣ. Вы знали, гдѣ найти ея родныхъ; вы знали, что опасности ни какой нѣтъ.... Если вы не знали этого гораздо раньше, вмѣстѣ съ цѣлымъ Амстердамомъ, то по-крайней-мѣрѣ должны были узнать черезъ вызовъ отъ графини де-Казамбортъ, вызовъ, который сдѣланъ былъ раньше вашей свадьбы!

— Такъ графиня уже вызывала раньше нашей свадьбы? вскричала Анжела и съ испугомъ обратила глаза на Ванъ-дербъ-Неса: ты зналъ это и ничего не сказалъ мнѣ?

Флавія тоже устремила на него строгій взглядъ. Ванъ-дербъ-Несъ совершенно потерялся.

— Кто же может доказать мнѣ, что я слышала первый вызовъ?... Я была въ отлучкѣ... я была по дѣламъ на островахъ!... я ничего не слышала! причалъ онъ, между-тѣмъ какъ въ душѣ его кипѣли бѣшенство, которое онъ старался прикрыть дерзостью: что же эта важная барыня-тѣтушка воображаетъ?... что она со мной сдѣлаетъ?... а? Что она, презираетъ меня, что ли?... Развѣ имя Ванъ-дербъ-Наса не стѣбитъ имени Казамборта?.... Пусть, пусть только пожалуетъ вся благородная и сіятельная компанія!... я имъ покажу, что такое Ванъ-дербъ-Насъ!....

Онъ дотого забылся, что замахалъ сжатыми кулаками; глаза его дико засверкали. Фрау Ванъ-Марсевенъ въ испугѣ вскочила и раскаялась, что не послушалась мужа. Ею овладѣлъ такой страхъ, что она забыла обо всемъ на свѣтѣ, кромѣ опасности подвергнуться оскорбленію, и старалась только добраться по-скорѣй до двери. Она вовсе не слышала, что говорила умоляющая Анжела. Тогда только, когда обѣ вышли на крыльцо, Флавія прииѣтила, что Анжела отчаянно рыдаетъ, и съ состраданіемъ опять обратилась къ ней. Но будучи сама слишкомъ встревожена, она не умѣла найти что-нибудь годное къ утѣшенію.

— Бѣдная.... бѣдная Анжела! сказала она, положивъ руку ей на плечо: въ какомъ вы ужасномъ положеніи!... Боже мой!... а бѣдная Урика!... графиня Казамбортъ!.... что она теперь станетъ дѣлать?... Какъ ты могла выйти за такого человѣка?

Анжела продолжала плакать. Если бы фрау Ванъ-Марсевенъ знала, во сколько ея посѣщеніе увеличитъ несчастіе бѣдной женщины, которая дотогѣ въ невѣдѣніи шла подлѣ грязной грубости своего мужа, а теперь при каждой встрѣчѣ съ новыми знакомцами приобрѣтала новыя ужасныя понятія о жизни, она, конечно, послушалась бы супруга. Однако жъ и не догадываясь объ этомъ, она съ состраданіемъ взяла ее за руку и остановилась, чтобы утѣшить. Потомъ, вспомнивъ что Ванъ-дербъ-Насъ каждую минуту можетъ выйти, со страхомъ поспѣшила къ каретѣ.

— А мамашку.... бѣдную мамашку вы не хотите видѣть? сквозь слезы спросила Анжела.

Флавія въ нерѣшимости остановилась и посмотрѣла на дверь. Анжела угадала ея мысль и сказала:

— Мамонька теперь въ двѣтнякѣ. Туда Нэсъ теперь не придетъ.

Флавія уже готова была исполнить просьбу, которая вырвалась въ голосъ и въ глазахъ Анжелы. Но вдругъ растворилась дверь, и Ванъ-деръ-Нэсъ неловко подбѣжалъ прямо къ бургомистершѣ съ намереніемъ спросить извиненія, потому что онъ успѣлъ образумиться и догадался, что его грубое обращеніе можетъ повредить ему. Страхъ укротилъ его бѣшенство. Но Флавія, едва завидѣвъ его, вздрогнула, съ трудомъ удержала крикъ и проворно выскочила на улицу, къ своему экипажу. Анжела въ изнеможеніи сѣла на крыльцо.

Ванъ-деръ-Нэсъ не успѣлъ настичь оскорбленную бургомистершу. Затворивъ за нею калитку, онъ воротился и обратилъ снова вспыхнувшую злобу на бѣдную Анжелу, осыпалъ ее потокомъ упрековъ, въ которомъ напугалъ столько съумасбродной неслѣдной лжи, что несчастная жена и наконецъ даже самъ онъ не зналъ, что говорить. Ему нужно было только излить свою злость.

— Не ты ли самъ принудилъ меня, насильно утащилъ, сперва на панерть, потомъ къ бургомистру? возразила наконецъ Анжела.

Это озадачило Ванъ-деръ-Нэса. Онъ съ смущеніемъ прикинулъ, что попрекалъ жену знакомствомъ съ знатью, между-тѣмъ какъ онъ самъ хотѣлъ этого.

— Ну, что жъ? вскричалъ онъ: конечно я! я хотѣлъ этого.... потому что мнѣ опасаться нечего!... Но отъ этого у меня ничто не перемѣняется.... Я знаю свое мѣсто... я не полѣзу туда, гдѣ мнѣ не слѣдуетъ быть.... А ты.... ты вводишь меня въ стыдъ всюду, гдѣ ни появишься... и даже изволишь жаловаться на меня, укорять, въ присутствіи этихъ лазутчиковъ сіятельной тѣтушки! Но берегись!... увидишь, что будетъ.... дай мнѣ только раздѣлаться съ этою роденькой!... Тогда увидишь, что такое Ванъ-деръ-Нэсъ.... Я тебя проучу, неблагодарная! Я тебя докажу, что ты моя жена и что никто кромѣ меня не имѣетъ власти надъ тобою..... никто, слышишь ли?.... никто! На

это есть законъ. Поди же теперь, займись чашъ-нибука.... Ты уже слишкомъ долго сидѣли сломавъ руки.... этому надо положить конецъ. Тебѣ нужно опять приучиться къ работѣ, чтобы дурь въ голову не лѣзла. Я вѣдь знаю, что тебѣ внушаютъ противъ Винъ-деръ-Меса.... противъ твоего втораго отца, который забавлялъ тебя и мать твою отъ новорной смерти.... который беретъ и воспиталъ тебя!...

Онъ выбѣжалъ какъ безумный и долго еще слышались стукотня и неистовые крики въ его каморкѣ. Анжела пофрела въ цвѣтникъ, упала на колѣни передъ матерью и скрыла облитое слезами лицо на ея колѣннхъ, а помѣшанная не находила средствъ облегчить страданія своей дочери и руководившая только смутнымъ сочувствіемъ, нѣмнша, съ улыбкою, гладила Анжелу по головѣ и отырала ея слезы, когда та вглядывалась на нее.

— О! когда тебя не станеть у меня, тогда я совсѣмъ погибну! сказала Анжела.

Черезъ нѣскольпо дней потомъ городъ Амстердамъ давалъ пышный праздникъ для встрѣчи Генриетты Французской, дочери Генриха Четвертаго, суируги англійскаго короля Карла Перваго, которая прѣѣхала въ Голландію, выдавать за-нужь свою дочь за сына штатгальтера. Въ числѣ почетной свиты, назначенной къ услугамъ королевы отъ двора принца Оранскаго, находилась и графиня Урика де-Казамбортъ, которая такимъ образомъ прѣѣхала въ Амстердамъ раньше нежели рассчитывала и надѣялась на этотъ разъ положительно заняться своими розысками, потому что королева располагала пробыть тамъ не болѣе двухъ или трехъ дней.

Вечеромъ, въ день вѣзда королевы, послѣ роскошнаго обѣда даннаго отъ имени города, въ бывшемъ дворцѣ Мерица Оранскаго, въ глубокой нишѣ окна, какъ-будто въ особой комнатѣ, сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была Флавія Ванъ-Марсевицъ, другая — графиня Урика де-Казамбортъ.

Урика была красавица въ полномъ смыслѣ слова. Совершенство и дѣйствительная полнота всѣхъ формъ были удивительно соразмѣрны прекрасному, стройному ея росту. Цвѣту богатыхъ шелковистыхъ волосъ она могла бы по-

человекъ образецъ прославленныхъ живописцами Венеціанскихъ блондиновъ. Если бы благородная и гордая мысль пришла вснать себѣ мѣста, она не нашла бы престола достойнѣе высокаго, вышуклаго лба Урики, этой свѣтлой сиринжалы, на которой жизнь уже положила печать зрѣлаго ума. Форма головы, чистый овалъ лица и изящный носъ были очаровательны. Полными движущія губы обыкновенно были извѣстною сомкнуты, но обѣщали восхитительную улыбку. Въ большихъ, голубыхъ, полузакрытыхъ длинными темными рѣсницами глазахъ таилось глубокое, неизвѣданное море, отъ котораго нельзя было оторваться, чтобы не утратить минуты, когда всалываетъ ожидаемая тайна чувства.

Урика сидѣла опустившись въ глубокія кресла и склонивъ голову на руку. Маленькія ножки ея, скрещенныя, лежали на бархатной подушкѣ. Тонкія прекрасныя брови нахмурены и мы уже можемъ догадаться, о чемъ ей говорить вполголоса фрау Вант-Марсевенъ.

— Чтò жъ за бѣда, если ты повидаешься съ этою бѣдною, несчастною женщиной? продолжала Флавія: часто одинъ видъ человѣка болѣе убѣждаетъ насъ чѣмъ всѣ на свѣтѣ доказательства и документы.

— Но я не хочу, чтобы меня убѣждали! вскричала Урика, приподнявъ голову: я ненавижу руководство этихъ несправедливыхъ впечатлѣній. Я могу одолѣть свое чувство, когда справедливость того потребуетъ, но я хочу найти истину прямымъ путемъ, а не живыми проселками состраданія и чувствительности. Впрочемъ, ты ошибаешься, кузина, если думаешь, что я легко мѣняю свои убѣжденія подъ влияніемъ личныхъ впечатлѣній. Быть-можетъ..... если мнѣ ужъ суждено такое несчастье, что я должна буду признать права такихъ черныхъ людей..... быть-можетъ, я скорѣе буду справедлива къ нимъ, если никогда не увижу ихъ. Но встрѣтиться съ ними, прійти въ соприкосновеніе... это такой ужасъ, который можетъ внушить мнѣ только отвращеніе.

— Урика! возразила Флавія съ упрекомъ: справедливо ли такое своевольное рѣшеніе? Развѣ ты одна имѣешь пра-

ва? Развѣ эти бѣдныя, обиженыя судьбою и жизнью, женщины не живутъ еще болѣе священнѣе правъ?

— Это-то и огорчаетъ меня! вскричала Урика. Божено мой! когда я подумаю, что это въ самомъ дѣлѣ они! а я... я, которая съ самаго раннего дѣтства, съ-тѣхъ-поръ какъ помню себя, пламенно молилась Богу о правосудіи, о воздаяніи несчастнымъ за жестокую долю... столько времени боролась съ дряхлою, малодушною толпою родни, которая умѣла своими праздными разсказами только разжечь мое негодованіе, а не рѣшалась отыскать, вытребовать покинутыхъ.... Что, если я теперь.... теперь, когда нахожу давно желанныхъ, напрасно призываемыхъ.... если я не одолѣю своего отвращенія.... своего невѣднаго желанія отрѣчься отъ нихъ!.. о, это ужасно.... ужасно!

— Вотъ видишь ли, ты сама чувствуешь несправедливость, которою можешь увлечься, замѣтила Флавія: такъ остерегись же, побѣди себя: иначе запутаешься въ противорѣчіяхъ.

— Нѣтъ, я не терплю противорѣчій въ себѣ, отвѣчала Урика: отъ нихъ происходитъ нерѣшительность, а я лучше готова сожалѣть объ ошибкахъ чѣмъ сносить такое томительное чувство. Но клянусь тебѣ Богомъ, кузина! я еще невинна: я сопротивляюсь по убѣжденію.... я твердо увѣрена, что эти бумаги похищены, что все это обманъ. Богъ знаетъ, гдѣ теперь моя бѣдная сестра и ея дѣти страдаютъ или, можетъ-быть, уже лежатъ въ сырой землѣ!

— Бѣдная Урика! сказала Флавія съ состраданіемъ: твое положеніе и твой сомнѣніи равно ужасны.... какъ бы я желала помочь тебѣ....

— О! я знаю... я знаю! вскричала тронутая Урика, дрожащимъ голосомъ и простирая къ ней руки: ты добра какъ ангелъ, Флавія!... я знаю, ты любишь меня....

Флавія молча взяла нѣжныя руки Урики и задумчиво стала разсматривать ихъ какъ художественное произведеніе.

— Странно! сказала она потомъ: у тебя, Урика, тоже есть общая примѣта всѣхъ женщинъ изъ роду Казамбортовъ: иланьскіе твои мизинчики имѣютъ только по два

сустава! Твоя прабабушка, говорятъ, лишилась этого сустава, оттого что благодѣтельная волшебница подарила ей такой крошечный завѣтный перстенецъ, для котораго принуждена была передѣлать пальчикъ. Впослѣдствіи всѣ женщины въшей фамиліи родились съ маленькими дву-суставными мизинцами, а перстенецъ доставался по наследству всегда старшей въ родѣ, при жизни никогда не могъ быть отданъ или подаренъ, потому что сходилъ съ пальца не иначе какъ по смерти и всегда приходился впору только старшей, какихъ бы лѣтъ она ни была.

— Да, такія семейныя легенды встрѣчаются у многихъ старинныхъ родовъ. Объ нашемъ перстнѣ я тоже часто слыхивала, и мизинцы у насъ, дѣйствительно, у всѣхъ дву-суставныя.... Послушай, кузина, теперь я хочу увидѣться съ найценнѣйшими женщинами.... завтра утромъ, по-раньше... Сперва молодая пусть придетъ ко мнѣ. Потомъ... если удостовѣрюсь... я пойду посмотрѣть и на другую... О! это было бы жестоко!... невыносимо! вскричала она бросившись на грудь Флавіи; потомъ прибавила: но столько же жестоко было бы, если бы я несправедливо отреклась отъ нихъ!

Тутъ пришла графиня Коменесъ и сказала, что королева желаетъ отпустить дворъ и отправиться въ свои покои.

Графиня Коменесъ была пожилая вдова и заступала Урику мѣсто гувернантки, совѣтницы или наставницы, но въ самомъ дѣлѣ была только подругою и повѣренною умной и бойкой дѣвушки, которая никогда не имѣла нужды въ совѣтахъ и рѣшала всякое дѣло прежде нежели совѣтница успѣетъ сообразить, что именно нужно облупить. Никогда однако жъ графиня Коменесъ не находила повода порицать поступки Урики, хотя была женщина очень разсудительная, опытная и строгая въ понятіяхъ о благородствѣ и добродѣтели.

Утромъ, на другой день послѣ приведеннаго разговора, Урика сидѣла въ своей великолѣпно-убранной комнатѣ въ оранскомъ дворцѣ, съ фрау Ванъ-Марсевиъ и графинею Коменесъ. Вдругъ въ прихожей послышался говоръ, который мало-по-малу дошелъ до шума и хохоту. Графиня Коменесъ пошла черезъ залу, посмотрѣть, что

это значило. У дверей наши сказали ей, что какой-то старорежь забавляет прислугу шутками. Это показалось графини неприличнымъ и она приказала позвать дворецкаго. Дворецкій немедленно явился и сталъ извиняться въ шутачкѣ людямъ, объяснивъ, что пришелъ какой-то чужакъ, по-видимому изъ черни, вычурно разряженный, который вломился почти насильно, смѣшать людей своими страшными кривляньями и отчаянною вѣжливостью, называя ихъ графами и князьями, ободряетъ свою смущенную и оробѣвшую жену и непремѣнно хочетъ добиться, которая изъ двухъ горничныхъ его тѣтушка, такъ, что Улла наконецъ, для смѣху, рѣшилась позволить ему подойти къ рукѣ.

— Боже мой! это они! вскричала Флавія: бѣдная Анжела! этого еще не доставало!... Она служитъ посмѣшищемъ вашей челяди!...

Урика вспыхнула и вскочила. Графиня Комѣнскъ стояла въ недоумѣніи. Потомъ Урика посмѣнно отдала приказаніе ввести пришедшихъ, а людямъ сказать, чтобы они извинились передъ ними въ неприличной веселости. Дворецкій съ замѣшательствомъ вышелъ.

Трудно описать, что почувствовалъ Насъ, когда узналъ свое положеніе. Онъ вообразилъ уже, что все было кончено; что онъ повелъ себя весьма изысканнымъ образомъ, какъ веселый и развязный человекъ въ знатномъ обществѣ у своей родни, а это были слуги, лакеи и горничныя, которые насмѣхались надъ нимъ! Это привело его въ бѣшенство; кровь у него закипѣла; онъ готовъ былъ разразиться страшною бранью. Тутъ дворецкій прибавилъ, что графиня ожидаетъ его. Это опять обдало Ванъ-дору-Наса холодомъ. Теперь только встрѣча съ нею показалась ему дѣйствительно страшною. Онъ поблѣднѣлъ и затрепеталъ. Ему захотѣлось бѣжать и пустить Анжелу на волю Божию. Потомъ всѣ мысли его перемишались. Онъ стоялъ какъ одурѣлый.

Что же чувствовала Анжела? Сначала она была только смущена до такой степени, что не могла разобрать, что значить смѣхъ окружающихъ ее, потомъ, выслушавъ объясненіе, она потеряла послѣднее довѣріе къ мужу и по-

чувствовала себя такою оскорблённою, такою безнадёжно оставленною, какъ-будто бы стояла на краю могилы, которая уже поглотила все близкое ей и ждётъ только ея самой.

Дворецкій еще разъ напомнилъ гостямъ, что графиня ожидаетъ ихъ. Ванъ-дёръ-Нэсъ повиновался этому слову, уже просто какъ приказанію, схватилъ Анжелу за руку, побѣжалъ въ указанную дверь и такимъ образомъ оба явились передъ суданцемъ въ самомъ невыгодномъ положеніи.

— Вы ли Яковъ Ванъ-дёръ-Нэсъ? спросилъ строгій голосъ.

Ванъ-дёръ-Нэсъ находился въ такомъ состояніи, что ничего не слышалъ. Онъ былъ ужасно гадокъ. Черезъ минуту тотъ же вопросъ былъ повторенъ. Тутъ Ванъ-дёръ-Нэсъ оправился, дотога, что сталъ различать окружающіе предметы. Онъ взглянулъ на вворящую и призналъ въ строгой, важной дамѣ, сидѣвшей на большихъ креслахъ свою сіятельную тётушку. Это была графиня Комёнесь. Урика и Флавія сидѣли всторонѣ. Графиня Комёнесь, въ случаѣ нужды, умѣла принять чрезвычайно гордую осанку, а теперешнее расположеніе и впечатлѣніе, произведенное гостемъ, еще болѣе успляли у нея это выраженіе. У Ванъ-дёръ-Нэса занялся духъ.

— Да-съ... такъ точно-съ... ваше сіятельство, пробормоталъ онъ: мы тѣ, кого вы ищете... мы... мы тѣ и есть... ей Богу, я не лгу!.. Это я... я—Яковъ Ванъ-дёръ-Нэсъ... а это... это Анжела, моя жена, дочь Репиѣ Барневельда... то есть ваша племянница по матери, урожденной Казамбортъ... ваша племянница, тёт... ваше сіятельство... Мы тѣ и есть, кого вы искали.

— Васъ никто не искалъ, возразила графиня Комёнесь: если же это ваша жена и если вы докажете, что она въ то же время—пропавшая безъ вѣсти дочь Репиѣ Барневельда, то въ васъ и безъ объясненія найдется слишкомъ много лишняго.

Изъ всего этого возраженія Ванъ-дёръ-Нэсъ понялъ только требованіе доказательствъ. Онъ между-тѣмъ успѣлъ уже побѣдить свой первый страхъ и думалъ только о томъ,

что нужно съ твердостью выдержать даже предвидѣнное нападеніе. Глаза его уже пылко блуждали по комнатѣ. На лицѣ и въ осанкѣ начинала проявляться дерзость.

— Развѣ вы не читали бумагъ? сказалъ онъ нахально: чего же вамъ еще?... что еще нужно?... Развѣ я обманщикъ какой, что ли?... И скажите, ради Бога, какая мнѣ надобность.... что мнѣ, Якову Ванъ-дерь-Нэсу, гражданину города Амстердама и присяжному купцу, у котораго капитала въ десять разъ больше всего дряннаго барневельскаго мѣвнѣя.... что мнѣ до того мѣщанка ли моя жена или графиня?...

Анжела запаталась и какъ-будто хотѣла броситься къ мужу.

— Нэсъ! подайте вашей жнѣ стулъ! вскричала фрау Ванъ-Марсевенъ.

Ванъ-дерь-Нэсъ поспѣшно повиновался, притащилъ тяжелый стулъ и усѣдиль Анжelu.

— Садись, садись, моя милая.... сіятельная тѣтушка позволеть.... вишь, ты какъ уходилась, бѣдняжка!

— Фрау Ванъ-дерь-Нэсъ, говорите вы теперь, сказала строгая графиня Комѣнесъ: отвѣчайте откровенно и безъ страху. Говорите по совѣсти. Вы не намѣрены съ вашимъ мужемъ обманывать родственниковъ покойнаго Реніе Барневельда?

Тутъ Анжела впервые подвѣла опущенную голову и устремила глаза на графиню, съ такимъ выраженіемъ страданія, что этого одного достаточно было бы для отвѣта. Но она еще проговорила:

— Нѣтъ; я никогда не обманывала.

— Увѣрены ли вы, что вы дочь Реніе и его супруги, урожденной графини Казамбортъ? продолжала непоколебимая Комѣнесъ.

— Я недавно только узнала объ этомъ, отвѣчала Анжела: Нэсъ говоритъ это и, когда я выходила за него замужъ, старая служанка моей матери то же говорила.

— Почему же узнавъ объ этомъ, вы всё-таки вышли замужъ за человѣка, который такъ далеко ниже вашего званія?

— Я не знала, что это различіе такъ важно.... и Нэсъ тоже не зналъ.

— Увѣрены ли вы, что этотъ человекъ не обманулъ васъ?

Ангела молчала. Она не могла отвѣчать, что увѣрена, вспоминая, что Нэсъ слышалъ первый вызовъ тѣтки и ничего не сказалъ, слѣдовательно обманулъ ее. Нэсъ переминался съ ноги на ногу и прижималъ кулакъ къ стиснутымъ зубамъ.

— Она у меня такая робкая.... такая застѣчивая, ваше сіятельство, сказалъ онъ торопливо. Ангелушка, скажи же.... скажи, какъ ты меня любишь.... расскажи, какъ честно Нэсъ поступалъ съ тобою и съ твоєю матерью.... какъ онъ спасалъ васъ отъ опасности, какъ воспиталъ и содержалъ тебя несмотря на свою бѣдность.... Скажи же! продолжалъ онъ всё болѣе и болѣе забывая, что за нимъ наблюдаютъ, и приходя въ бѣшенство отъ молчанія Ангелы: скажи же, Ангела!... скажи! я тебѣ приказываю.... скажи! или.... смотри ты у меня!...

Всѣ члены его затряслись отъ злобы. Ангела содрогнулась.

— Молчите! вскричала графиня Коменесъ такимъ голосомъ, что Ванъ-деръ-Нэсъ словно громомъ пришибло: оставьте ее. Отойдите прочь.

Ванъ-деръ-Нэсъ отскочилъ. Ангела закрыла лицо и завлялась слезами.

— Вотъ тебѣ и на! вскричалъ Ванъ-деръ-Нэсъ съ яростью: этакая дура! Нашла, гдѣ ревѣть!... здѣсь... здѣсь, гдѣ нужно показать себя передъ знатною родней.... Ахъ, сударыня.... ваше сіятельство.... вы не повѣрите, какое несчастіе.... для человекъ, который занять дѣлами.... поддерживать свое достоинство.... знаніе приличій.... на биржѣ.... умѣнье обращаться съ людьми.... долго ли до бѣды.... Молчать! отвѣчай.... перестань хныкать!

Онъ уже не помнилъ, что говорилъ; не зналъ, что уже прыгаетъ отъ бѣшенства. Отчаяніе при мысли, что Ангела скажетъ «нѣтъ», совсѣмъ сводило его съ ума. Графиня Коменесъ уже готовилась распорядиться, какъ-вдругъ Урика вскрикнула:

— Воже милосердый! это она!

Сказавъ это, Урика закрыла лицо платкомъ и такъ задрожала, что Флавія принуждена была поддержать ее. Графиня Коменесъ вскочила и объ отвели Урику на диванъ, потому что она была близка къ обмороку. Насъ не помалъ восслащанія, счелъ движеніе дамъ опаснымъ для себя и, полагая, что онъ не примѣчаютъ, подскочилъ къ Анжелѣ.

— Отвѣчай! вскричалъ онъ съ яростью, оторвавъ ея руки отъ лица: отвѣчай! говори, что ты не подозрѣваешь меня въ обманѣ.... нето я прогоню ... я убью тебя!

— Нѣтъ, Насъ, сказала вдругъ Анжела рѣшительно: этого я не могу сказать. Я не могу лгать.

Насъ отскочилъ, какъ-будто уязвленный змѣею. Въ простыхъ словахъ Анжелы заключалось такое ужасное обвиненіе, къ какому онъ никогда не считалъ ее способною. Онъ почувствовалъ, что ему нужно дѣйствовать съ нею иначе. Какъ? этого онъ еще не зналъ.

— Ради Бога, говорила между-тѣмъ оправляясь Урика: выпроводите этого грубаго человѣка.... его одного.... я не могу сносить его присутствія.... вонъ, вонъ его, по-скорѣе.... Она пусть останется.... Она изъ фамиліи Казембортовъ.

— Почему вы знаете? спросила графиня Коменесъ: это не можетъ быть!... это ошибка.... обманъ.... Посмотрите, на чтѣ она похожа.... Она почти такъ же груба и....

— О, пощадите!... Это она.... она. Выгоните только его.

Графиня Коменесъ подошла къ Ванъ-дербъ-Насу, который метался какъ безумный, между-тѣмъ какъ Анжела сидѣла почти безъ чувствъ, опустивъ голову и руки.

— Яковъ Насъ, сказала графиня Коменесъ строго: ступайте въ прихожую, подождите тамъ, покуда васъ позовутъ.

Насъ приготовилъ—было грубое возраженіе, но графиня повторила приказаніе такимъ величественнымъ движеніемъ руки, что онъ принужденъ былъ отправиться и уже на порогѣ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Онъ ушелъ, сказала графиня Коменесъ, воротившись къ Урикѣ: теперь бѣдная женщина осталась одна съ нами. Но, прошу васъ, графиня, обдумайте хорошенько

никогда нежелая рѣшиться на что-нибудь.... не торопитесь.... всякое призваніе съ вашей стороны слишкомъ важно.

— Нечего.... нечего думать.... Это она. Пойдите только, посмотрите на ея руки.... онѣ красны, загрубѣли, но мизинцы, мизинцы.... посмотрите, это руки Казамбортовъ!... Пойдите.... ахъ! дайте ей, бѣдной, чего-нибудь выпить.... воды, съ этими каплями.... Видите, она совсѣмъ изнемогаетъ!

Графиня Комбеньсъ и фрау Ванъ-Марсевенъ успѣли подать Анжелѣ помощь, которую та приняла съ благодарностью. Дамы между-тѣмъ рассмотрѣли ея руки и значительно переглянулись. Урика, сбѣлавъ усиліе, встала и рѣшительно пошла къ Анжелѣ. Въ ту же минуту Анжела вскочила и упавъ къ ея ногамъ вскричала раздирающимъ голосомъ:

— Тѣтушка! тѣтушка! простите, что я по незнанію огорчила васъ и оскорбила ваше семейство!

— Ты знаешь меня? вскричала пораженная Урика: знаешь, и не сказала этого раньше?

— Ахъ! могла ли я въ присутствіи Неса такъ оскорбить васъ?

— Боже мой!.... Видите?... слышите? Не достойна ли она быть моею родственницей? Но какъ же ты могла узнать меня, когда эта дама говорила за меня?

— У маменьки есть медальонъ, который она носитъ на шеѣ и иногда вынимаетъ, показываетъ мнѣ и цѣлуетъ. На этомъ медальонѣ два портрета, одинъ моей бабушки, другой дѣдушки, говоритъ Сусанна. Вы такъ похожи на портретъ бабушки, что я узнала васъ съ перваго взгляду. Но вы изъ презрѣнія къ намъ заставили говорить за себя другую и я рѣшилась молчать, хотя бы сердце мое совсѣмъ разорвалось.

Съ послѣднимъ словомъ Анжела уже лежала въ объятіяхъ Урики, которая со слезами крѣпко прижимала ее къ груди и восклицала:

— Да! ты моя племянница!... ты истинная Казамбортъ! Эта нѣжная разборчивость чувства.... эта благородная гордость—лучшее твое свидѣтельство.... О, какъ я счастлива, что могу узнать тебя и по душѣ!

Это была самая сладкая минута жизни Анжелы. Вѣдая женщина съ любовью, но скромно отвѣчала на ласки прекрасной тѣтки и съ благоговѣйнымъ наслажденіемъ впервые почувствовала свое достоинство. Будучи признана съ такою нѣжностью, съ такимъ уваженіемъ, она въ самомъ дѣлѣ сознала въ себѣ способность чувствовать благородно, хотя это и не отнимало у нея грустнаго сознанія своего уничтоженія. Фрау Ванъ-Марсевенъ и графиня Комѣнесъ также принимали участіе въ этой сценѣ, каждая сообразно съ своимъ характеромъ. Урика обнимала то ту, то другую. У одной просила извиненія въ сомнѣніяхъ, другую благодарила.

Между-тѣмъ графиня Комѣнесъ уже начала обдумывать, что дѣлать далѣе. Это было не легко. Справедливость требовала поступка, которому сопротивлялись гордость и стыдъ и котораго польза еще была сомнительна. Тутъ графиня Комѣнесъ услышала, какъ Урика сказала Анжелѣ:

— Такъ-то ты отвергаешь меня, Анжела?... Неужели таковы будутъ отношенія наши?... Развѣ ты не чувствуешь, что я имѣю права?

— Но что же вы станете дѣлать съ Насомъ? возразила Анжела простодушно: вы не въ-состояніи будете выносить его присутствія, а я..... я умру, если доживу еще до такой сцены какъ сегодня.

— Анжела, продолжала Урика: скажи мнѣ откровенно, не думаешь ли ты теперь сама, что Насъ обманулъ тебя, когда, зная о моемъ вызовѣ, жепился на тебѣ?

— Ахъ... это, конечно, правда, отвѣчала Анжела: но... простите мнѣ это замужство..... Вѣдь я тогда не знала никого кромѣ семейства пастора и булочницы..... И тѣ и другіе хотѣли сосватать меня за своихъ родственниковъ. О высшихъ сословіяхъ..... обо всемъ, что теперь знаю, я тогда не имѣла ни какого понятія.....

— Анжела, ты сдѣлалась жертвою подлаго обмана! вскричала Урика съ негодованіемъ: но я не потерплю, чтобы ты осталась его жертвой. У насъ еще есть законы и я заставлю ихъ освободить тебя отъ этого обманщика!

— Вы говорите о Нессѣ, тётушка? съ живостью спросила Анжела: о моемъ законномъ мужѣ?

Какъ тяжеловѣсны были эти простыя слова! Какое противорѣчіе! Въ немъ заключалось полное рѣшеніе всего процесса. Урика почувствовала это и содрогнулась.

— Боже мой! сказала она наконецъ: подумай, Анжела, вспомни, что бываютъ же такія разлуки, что наша религія не запрещаетъ этого..... что во всѣхъ земляхъ нашей вѣры существуютъ законы, которые могутъ освободить тебя и возвратить намъ, твоему семейству.

— Оби этомъ пасторъ, вѣнчая насъ, ничего не говорилъ, простодушно возразила Анжела: онъ сказалъ, что Богомъ соединено, того человѣкъ не долженъ разлучать. Ахъ, тётушка! съ-тѣхъ-поръ какъ все это дѣлается я много пострадала и много у меня родилось небывалыхъ прежде мыслей. Меня и Несса спасли именно только эти слова пастора. Въ сердцѣ у меня уже зарождалось вѣчто противъ Несса..... если бы такъ пошло далѣе, я никогда бы не встала съ постели..... я умерла бы..... Но вѣнчальная рѣчь, вѣрно, сильна: въ самыя тяжкія минуты она всегда приходила мнѣ на мысль и я получала новыя силы вынести горе.

— Но что же намъ дѣлать съ твоимъ мужемъ? возразила Урика: вѣдь я не могу же признать его своимъ родственникомъ!

— Нѣтъ, это невозможно! послѣшно отвѣчала Анжела: я сама не могла видѣть его въ вашемъ присутствіи..... это рѣшительно невозможно. Мы останемся по-прежнему на своихъ мѣстахъ. Обо мнѣ до-сихъ-поръ никто не знаетъ, и теперь не станутъ спрашивать. Я ворочусь.... въ свой старый домъ.....

Тутъ голосъ измѣнилъ Анжелѣ. Урика, ломая руки, встала.

— Помоги мнѣ!.... присовѣтуй, что мнѣ дѣлать? говорила она рыдая и упавъ на грудь къ фрау Ванъ-Марсезенъ.

— Милая моя Урика! сказала Флавія печально: чѣмъ тутъ помочь? Подумай, что Анжела сверхъ-того еще ухаживаетъ за бѣдною помѣшанною матерью. Что съ тою

станется.... что станетъ съ обѣими, какое мѣсто онѣ найдутъ въ свѣтѣ, когда ты вырвешь ихъ изъ привычнаго положенія?

— Мнѣ надо видѣть ее! вскричала Урика: бѣдная, бѣдная моя сестра, о которой я столько плакала съ-тѣхъ-поръ какъ запомню себя!.... И вотъ, въ какомъ положеніи я найду ее!.... Но я должна видѣть ее..... сегодня же..... сейчасъ.

— Теперь нельзя, замѣтила графиня Ком'енсъ: потому что уже пора одѣваться и отправиться къ ея величеству. Вы знаете, что сегодня большой выходъ.

— Правда, сказала Урика съ досадой: видишь, Анжела, и я не могу совершенно свободно располагать собою. Но я приѣду къ тебѣ нынче вечеромъ. Устрой такъ, чтобы мнѣ не встрѣтиться съ Нэсомъ. А теперь прощай; Богъ съ тобою..... до свиданія.

Графиня Ком'енсъ проводила Анжелу до лѣстницы, парочно съ явными знаками уваженія, но не обращая на Ванъ-дерь-Нэса ни малѣйшаго вниманія, такъ, что онъ потерялъ надежду сдѣлать примѣтнымъ хоть одинъ изъ своихъ униженныхъ поклоновъ.

Трогательна и глубоко прискорбна была сцена свиданія Урики съ помѣшанною сестрой, тѣмъ прискорбнѣе, что конецъ долговременнаго страданія не заключалъ въ себѣ ни какого утѣшенія, не приводилъ ни къ какому примиренію. Урика чувствовала это съ силою, которая разрывала ее сердце; Анжела съ безнадежною покорностью, которая не представляетъ несчастію никакого сопротивленія. Помѣшанная принимала ласки прекрасной гостьи, играла съ нею какъ дитя, улыбалась и любовалась на ея парадъ, но ничто не показывало даже смутнаго сознанія родства: она даже не примѣчала поразительнаго сходства Урики съ портретомъ, который послала на шеѣ.

Отъ Сусанны Урика выслушала подробный рассказъ о побѣдѣ Реніе и обо всемъ житіи его несчастнаго семейства, почти въ томъ же самомъ видѣ, какъ уже слышала отъ Флавіи. Ванъ-дерь-Нэсъ, конечно, не выигралъ отъ этого рассказа въ мнѣніи Урики, но и не проигралъ противъ прежняго, потому что Сусанна только повторила то,

что уже прежде говорила объ немъ при довольно выгодныхъ для него обстоятельствахъ.

Послѣ этого свиданія Урика провела безпокойную ночь и утромъ рано уже съ нетерпѣніемъ ждала Анжелу, чтобы сколько возможно устроить это дѣло до своего отъѣзда.

Ванъ-деръ-Нессъ былъ также въ сильной тревогѣ. Онъ чувствовалъ, что дѣло идетъ совсѣмъ иначе нежели онъ ожидалъ и что всѣ его соображенія ни къ чему не служить, потому что ему вовсе не приходится дѣйствовать. Даже на Анжелу, на это дотогѣ покорное орудіе въ его рукахъ, онъ уже не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія.

Анжела съ обыкновеннымъ своимъ грустнымъ спокойствіемъ сказала ему, что тѣтка Казамбортъ признала и ее и мать и что по требованію графини она идетъ сегодня къ ней. На всѣ торопливые и пытливые вопросы его она отвѣчала ясно, опредѣленно, по истинѣ; не скрыла даже предложеннаго разводу. Это былъ для Несса такой громадный ударъ, отъ котораго онъ сперва обезпамятѣлъ, окаменѣлъ какъ мертвый, потомъ впалъ въ страшное отчаяніе и наконецъ въ судороги, такъ, что едва не умеръ. Впродолженіи этихъ ужасныхъ часовъ въ Анжелѣ опять пробудилась старая любовь къ мужу и она старалась утѣшить его доказательствами этой любви. Утомленный и усвокоенный Ванъ-деръ-Нессъ наконецъ уснулъ и Анжела воспользовалась этимъ временемъ, чтобы сходить къ тѣткѣ. Только-что испытанныя впечатлѣнія снова и сильнѣе запутали ее въ противорѣчіяхъ, такъ, что она явилась къ Урику почти взнеможенная подъ бременемъ мрачныхъ мыслей и разнородныхъ терзаній сердца. Урика испугалась, когда увидѣла ее, поспѣшила освѣжить питьею, успокоить ласками и наконецъ сказала:

— Я понимаю что ты выносишь, открывая и постепенно болѣе сознавая свое положеніе. Но успокойся, другъ мой. Мы не потерпимъ, чтобы ты долѣе оставалась жертвою этого недостойнаго человѣка.

Анжела вздрогнула.

— Ахъ, тѣтушка, сказала она съ уныніемъ: если бы вы могли простить ему, не считать его такимъ дурнымъ, каковы я никогда не представляла себѣ.... Вы не повѣрите,

какъ я несчастна, когда подумаю, что мой мужъ такой дурной человекъ, что тётка не можетъ пустить его къ себѣ на глаза.

— Бѣдная моя Анжела! отвѣчала Урика нѣжно взявъ ее за руку: если бы я не надѣялась навѣрное избавить тебя отъ этого мужа, то конечно было бы дурно съ моей стороны открывать тебѣ такимъ образомъ его порочность. Но не сомнѣвайся: есть законы; есть судъ справедливый. Мы докажемъ Ванъ-дербъ-Нэсу, что онъ обманомъ выманилъ у тебя согласіе на бракъ и что онъ не долженъ былъ жениться на тебѣ, потому что зналъ кто ты.

— Ахъ, это я и сама знала. Несправедливаго тутъ только то, что мнѣ дали вырасти въ такомъ невѣжествѣ, что я вовсе неспособна понимать различіе состояній.

— Это еще можно поправить. У тебя здравый умъ, Анжела. Ты скоро приобрѣтешь то, что нужно для образованности и удовлетворишь недостатокъ воспитанія....

— Нѣтъ, нѣтъ, не надѣйтесь, отвѣчала она съ уныніемъ: я и это тоже обдумала. Прежде у меня не было ни какихъ мыслей. Для этого мнѣ нужно было испытать несчастье. Богъ послалъ мнѣ испытаніе, потомъ тяжкую болѣзнь. Тогда явились и мысли, тогда у меня разъяснилось многое: я поняла жизнь, я поняла себя.

— Ты сознаешься въ такихъ быстрыхъ успѣхахъ, Анжела, и сомнѣваешься въ возможности приобрѣсти внѣшній лоскъ, необходимый нашему званію?

— Нѣтъ, это не только лоскъ внѣшній, возразила Анжела оглянувшись въ роскошно убранной комнатѣ и оставивъ взоръ сперва на графинѣ Комёнесь, потомъ на Урикѣ: полдѣ васъ мнѣ никогда не будетъ мѣста.... нѣтъ, нѣтъ, никогда! Посмотрите только на мои руки.... загрузбѣлыя, красныя.... посмотрите на мое лицо... Я внимательно разсматривала его. Мнѣ хотѣлось знать, въ чемъ заключается его отличіе отъ всѣхъ вашихъ. Вы, тѣтушка, прекрасны, а я дурна. Но не въ красотѣ и дурнотѣ состоитъ различіе. Сравните.... фрау Ванъ-Марсевиъ вовсе не красива, но она не такъ отличается отъ васъ... графиня Комёнесь уже дама пожилая, но ей можно стоять подлѣ васъ.... Не въ томъ, не въ томъ различіе! Ахъ, тѣтушка,

люди жестоко поступили со мною, съ той минуты какъ я оказалась между ними. Миѣ слишкомъ скоро дали замѣтить, что во миѣ и въ мужѣ моемъ есть нѣчто очень презрѣнное, которое отличаетъ насъ отъ другихъ людей.

— Боже мой!.... милая.. что это такое? вскричала графиня Комѣнесъ: вы можетъ-быть напрасно терзаете себя.

— Вы сами не-разъ, быть-можетъ, уже называли это... и тетюшка тоже, отвѣчала Анжела съ тяжелымъ вздохомъ: я и Нессъ, мы люди необразованные, невѣжды.

— О, прости! прости! вскричала Урика, заключивъ ее въ свои объятія: я все это вознагражу тебѣ любовью! Никогда.... никогда племянница графини Казамбортъ уже не услышитъ такого слова, не встрѣтитъ такого взгляду. О, послушайся меня, останься у меня....

Анжела, казалось, вовсе не слышала рѣчей Урики. Собственныхъ мыслей заняли все ея вниманіе.

— О, какъ мы съ доброю моею Комѣнесъ будемъ беречь тебя и вѣжно объяснять тебѣ новыя твои обязанности!... Поживи только немножко въ моемъ княжескомъ домѣ въ Гагѣ, въ моемъ обществѣ, и ты непримѣтно привыкнешь ко всему, чего можно будетъ отъ тебя потребовать.... Въ тебѣ оживетъ кровь Казамбортовъ и ты не обезчестишь благороднаго имени отца, которое будешь носить.... никто уже не скажетъ про тебя то ужасное слово, которое такъ оскорбило тебя.

— Нѣтъ, миѣ страшно, отвѣчала Анжела, дѣйствительно вздрогнувъ: я никогда не привыкну къ вашей жизни. Я никогда уже не поздоровѣю такъ, какъ была до ужаснаго униженія, которое испытала на паперти: у меня уже не будетъ того смѣлаго и твердаго сердца. Вы говорите, что во миѣ оживетъ кровь Казамбортовъ.... вы такъ много ожидаете отъ этой крови, что... когда я подумаю объ этомъ... миѣ кажется, я подмѣненный подкидышь, потому что, если не сбудутся ваши ожиданія.... если моя кровь не сдѣлаетъ меня прекрасною и величественною какъ вы, какъ графиня Комѣнесъ и фрау Ванъ-Марсевицъ, то что же я тогда? Обманщица, которая сама сомнѣвается въ томъ, что выдаетъ вамъ за истину!

— О, это убійственно! вскричала Урика съ глубокою

свербью: умоляю тебя, не отчаявайся въ себѣ до такой степени. Я не вынесу этого.... О, мы слишкомъ огорчили тебя съ самаго начала и ты не можешь забыть этого!

Анжелу ничтò не трогало. Она въ спокойномъ, тихомъ раздумьѣ отдавала отчетъ только себѣ, какъ-будто бы была одна на свѣтѣ. Новыя собственныя мысли казались ей откровеніемъ Божиимъ и потому выше всего, что могли ей сказать люди.

— Если у меня ваша кровь, сказала она помолчавъ: то, значить, она испорчена, потому что я ничего не чувствую.... ни какого отвѣтнаго движенія... Ахъ!... напротивъ... она влечетъ, она гонитъ меня отсюда... отъ васъ... мнѣ ничего не хочется, кромѣ моей уединенной комнаты... кромѣ цвѣтника, гдѣ сидитъ маменька, которую я должна беречь и нѣжить покуда она не умретъ.

— А мнѣ кажется, Анжела, сказала вдругъ Урика: что именно въ этомъ сопротивленіи обнаруживается твоя гордая кровь. Ты испытала нѣсколько оскорбленій за свои безвинные недостатки и оттого теперь ненавидишь все, что напоминаетъ тебѣ объ нихъ. Ты хочешь удержать свое недостойное существованіе, потому что чувствуешь себя свободою въ немъ, потому что ты въ немъ можешь остаться первою и тебѣ не нужно ни чему учиться... ты опасешься быть нѣсколько времени послѣднею между нами.

Это испугало Анжелу. Она съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Урику.

— Неужели, тѣтушка? спросила она равнодушно: если я это чувствую, такъ тогда, значить, у меня ваша кровь... кровь Казамбортовъ?

— Испытай себя, отвѣчала Урика: мнѣ кажется, что въ твоихъ рѣчахъ много гордости. Это доказало бы, во-первыхъ, что въ твоихъ жилахъ течетъ благородная кровь, во-вторыхъ, что ты обязана дать ей просторъ, обратившись къ другой жизни.

— А Ванъ-дерь-Нэсъ? спросила Анжела: что же вы станете дѣлать съ Ванъ-дерь-Нэсомъ?

— Я дамъ ему денегъ и онъ можетъ остаться, гдѣ хочетъ.

— Но знаете ли вы, возразила Анжела, опять воротившись къ прежнему состоянію, изъ котораго Урика на минуту вывела ее своимъ замѣчаніемъ: знаете ли вы, что Нэсъ чуть не умеръ съ горя, когда я сказала ему, что вы требуете нашего разводу?

— Онъ опасается потерять имѣніе, вотъ и все его горе! возразила Урика: мы дадимъ ему денегъ и онъ будетъ жить очень спокойно, увидишь.

— О, если это правда! вдругъ вскричала Анжела: тогда... тогда я была бы совершенно несчастна! Тогда я, стало быть, напрасно понесла несчастіе... тогда я не могла бы остаться у него... тогда я и сама хотѣла бы, чтобы вы взяли меня къ себѣ или дали бы мнѣ и маменькѣ гдѣ-нибудь укромный уголокъ, куда Нэсъ никогда не могъ бы проникнуть.

Урика молчала и съ участіемъ смотрѣла на волненіе, которое произвела и не знала, сожалѣть ли объ немъ или радоваться. Наконецъ она сказала:

— Мы попросимъ бургомистра Ванъ-Марсевена: пусть онъ сдѣлаетъ Ванъ-дербъ-Нэсу предложеніе. Услышавъ, что Нэсъ скажетъ; увидимъ, слишкомъ ли строго мы судили объ немъ.

— Нѣтъ, это я сама должна сдѣлать, возразила Анжела: нето мнѣ послѣ будетъ казаться, что другіе озлобили Нэса, взбѣсили его прежде нежели онъ понялъ, что рѣчь идетъ обо мнѣ. Нэсъ очень легко выходитъ изъ себя. Я съ нимъ повсду дѣло такъ, что онъ останется въ своемъ умѣ. Тогда пусть онъ рѣшитъ. Тогда я предложу ему денегъ... о, Боже мой, Боже мой! сказала она неутѣшно, встала, и не простившись пошла къ двери.

Графиня Комёнесь принуждена была догнать и объяснить ей, что къ вечеру Урика со свитою королевы уѣзжаетъ и что, слѣдовательно, все должно быть окончено. Анжела молча кивнула головой и ушла. Едва дверь затворилась, Урика предалась волненію, которое дотолѣ удерживала.

— Чтò я сдѣлала! вскричала она съ отчаяніемъ: въ какую бездну горя я повергла ту, которую надѣялась спасти и осчастливить!...

Графиня Комёнесь старалась успокоить ее и предсказывала, что Ванъ-деръ-Нэсъ, безъ-сомнѣнія, охотно согласится и все устроится.

Между-тѣмъ Ванъ-деръ-Нэсъ пробудился отъ мертвеннаго сна къ дѣйствительности, которая повергла его въ новое отчаяніе. Отсутствіе Анжелы раздирало его сердце. Онъ опасался, что она вовсе не воротится, что онъ потерялъ ее навсегда. Онъ такъ любилъ ее, что мысль объ опасности потерять имѣніе, на этотъ разъ пришла уже потомъ, какъ второстепенная. Онъ недавно еще, передъ сномъ, чувствовалъ всю цѣну ея любви и ему казалось, что Анжела своею ласкою можетъ спасти его даже отъ смерти. Онъ безпрестанно порывался бѣжать за нею и мольбами заставить ее воротиться. Но Анжела наканунѣ взяла съ него слово, что онъ никогда не пойдетъ въ домъ, гдѣ подвергся посмѣянію слугъ. Это слово, такъ же какъ и собственный стыдъ и бѣшенство на самого себя, остановило его.

По возвращеніи, Анжела, еще на дворѣ услышала судорожныя рыданія Ванъ-деръ-Нэса. Онъ былъ въ столовой. Анжела тихо вошла и въ утомленіи сѣла на первый стулъ у дверей. Онъ не примѣтилъ этого. Отдохнувъ, Анжела подошла и сѣла подлѣ стола.

— Полно, Нэсъ, перестань, сказала она спокойно: намъ нужно поговорить о дѣлѣ. Ты долженъ выслушать со вниманіемъ, обдумать и отвѣчать разсудительно...

— Анжела! вскричалъ Ванъ-деръ-Нэсъ вскочивъ: Анжелушка!.. ты здѣсь!.. ты останешься со мною?..

— Выслушай спокойно, что я тебѣ скажу....

— Говори; говори, Анжелушка... милушка моя, говори! Я выслушаю тебя... я все сдѣлаю, что тебѣ угодно, все, что хочешь... если ты только не потребуешь крови моего сердца!.. если, въ награду за мою вѣрность, не захочешь оставить меня, покинуть, то все будетъ по-твоему... Нэсъ будетъ твоимъ рабомъ, твоимъ невольникомъ... всѣмъ, чѣмъ хочешь.

— Тѣтушка хочетъ взять меня и маменьку къ себѣ, сказала Анжела помолчавъ: она не хочетъ, чтобы я была твоею женой и носила твое имя.

Едва она выговорила это, Нэсъ упалъ къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

— Тише! вскричала Анжела строго: держись за умъ: рѣчь идетъ о дѣлѣ.

Нэсъ не переѣмилъ положенія, но молчалъ. Анжела продолжала:

— Она предлагаетъ тебѣ половину моего имѣнія и все то, чтó ты посредствомъ его приобрѣлъ доселѣ....

— Посредствомъ цѣлаго или посредствомъ половины? вскричалъ Нэсъ вскочивъ и уставивъ на нее глаза.

Анжела содрогнулась. Ей казалось, что этими словами онъ продалъ ее за деньги.

— Все, чтó ты приобрѣлъ посредствомъ цѣлаго имѣнія, остается при тебѣ, отвѣчала она чуть внятно.

— Такъ-съ! сказалъ Нэсъ, совершенно оправившись, съ обыкновеннымъ своимъ нахальствомъ: такъ-съ!... Сударыня-тѣтушка очень умна. Да! если бы мы были такъ безмозглы... конечно! Когда дѣло идетъ о вашихъ барскихъ ухваткахъ, да церемоніяхъ, такъ, пожалуй, можете осмѣять нашего брата, но здѣсь... въ этомъ... нѣтъ-съ! сударыня-тѣтушка, не надуешь Ванъ-деръ-Нэса! стара штука! На этомъ мы сами васъ осмѣемъ. Такъ, стало-быть, вся компанія хочетъ собраться и отправиться, а Ванъ-деръ-Нэсъ затвори двери какъ сторожъ, кланяйся и говори: покорно благодарю вашу милость за посѣщеніе... потомъ сиди-себѣ одинъ одинѣшенекъ на старости лѣтъ сиротою?... Послушай ка, душа! знаешь ли ты, знаетъ ли твоя тѣтушка, чтó такое законъ?... а? Ты думаешь, онъ заговоритъ иначе, потому что Ванъ-деръ-Нэсъ простой купецъ, а тѣтушка графиня? Выслушай-ка, чтó я тебѣ скажу, прибавилъ онъ прискокнувъ и топнувъ обѣими ногами: Нэсъ не хочетъ!... Нэсу ничего не нужно!... Нэса никто не можетъ принудить!

Анжела не смотрѣла на него. Она сидѣла неподвижно, склоня голову и никто не угадалъ бы, чтó происходитъ у нея въ душѣ. Это приводило Ванъ-деръ-Нэса въ бѣшенство, однако жъ онъ не смѣлъ разразиться и догадался, что долженъ будетъ повести себя такъ, какъ она захо-

честь: иначе проиграть все дѣло. Онь присмирѣлъ и ждалъ, что будетъ.

— Нэсъ, сказала она помолчавъ: если ты исполнишь желаніе тѣтушки, ты можешь оставить себѣ имѣніе и ма: съ маменькой уйдемъ безо всего.

— Ба! штуки! штуки! вскричалъ Нэсъ: на это тоже есть законъ! Вышедши за дворъ вамъ стѣять только сказать городничему: мы не хотимъ отдать Нэсу имѣнія, и Нэсъ останется въ дуракахъ! Нѣтъ-съ! стара штука! Нэсъ смыслить кое-что въ законахъ!

— Тебѣ сдѣлають записъ, проговорила Анжела съ трудомъ: тогда мы уже не будемъ имѣть ни какихъ правъ.

— Почему ты все это знаешь? вскричалъ Нэсъ съ сверкающими глазами.

— Вышедши отъ тѣтушки я была такъ утомлена, что присѣла на дворѣ, на скамейкѣ. Тутъ пріѣхалъ бургомистръ и подошелъ ко мнѣ, спросилъ. Я обо всемъ рассказала ему и онъ далъ мнѣ совѣтъ. Я говорю съ его словъ. Слѣдовательно, это вѣрно, потому что онъ знаетъ законъ.

— Такъ-съ! Такъ онъ же присовѣтовалъ тебѣ послушать Нэсу сначала половину и послушать, что онъ скажетъ, не поддастся ли?

Анжела молчала. Ванъ-дерь-Нэсъ въ раздумѣ бѣгалъ назадъ и впередъ по комнатѣ.

— Если ты согласишься, такъ говори скорѣе, продолжала Анжела помолчавъ: много еще нужно будетъ устроить сегодня же. Ты долженъ отправиться къ бургомистру и сказать, что согласенъ развестись со мною.

Ванъ-дерь-Нэсъ вдругъ словно приросъ къ землѣ. Теперь только ему опять ясно пришло на умъ, что все дѣло идетъ о разлукѣ съ Анжелою. Старинная сильная любовь его вступила опять во всѣ свои права. Онъ вскрикнулъ какъ безумный и упалъ къ ея ногамъ.

— Ты хочешь убить!... ты хочешь замучить, уничтожить меня! вскричалъ онъ ломая руки: развѣ я не довольно несчастенъ, оскорбленъ, униженъ и развѣ давно я едва избавился отъ смерти при мысли, что ты хочешь похвнуть меня?... А теперь ты спокойно говоришь объ

этомъ, какъ о рѣшенномъ дѣлѣ.... ты хочешь разстаться, развестись со мною.... всѣ мои просьбы, мои мольбы были напрасны!

— Что ты, Несъ! сказала Анжела съ удивленіемъ: вѣдь ты самъ сейчасъ бралъ деньги за это.... ты сейчасъ только торговался, потому что сначала тебѣ предложили слишкомъ мало. Вѣдь ты зналъ, что продаешь меня.

— Продаю?... тебя? вскричалъ онъ, и опять ломая руки началъ бѣгать по комнатамъ: кто тебѣ сказалъ, что я тебя продаю? кто смѣетъ сказать?. . Врутъ они! Эти лицемеры.... эти ханжи.... твои родственники.... Они.... они хотятъ продать тебя! Имъ хочется лишить твоего мужа и чести и жизни.... имъ хочется сдѣлать тебя безбожною женою, которая бы оставила мужа, дѣтей, домъ и все!

— Ты опять заговорился, Несъ, возразила Анжела печально: какихъ же дѣтей?... У меня, можетъ-быть, было бы дитя, если бы не тотъ день, когда ты впервые такъ обидѣлъ меня и когда насъ обонхъ такъ унизили на паперти....

— Да, да! вскричалъ Ванъ-дербъ-Несъ: съ того дня все несчастіе пошло! Съ-тѣхъ-поръ ты уже не та, что была прежде.... Прежде ты была такая добрая, ласковая.... ты такъ любила своего Неса и слушала только то, что говорилъ тебѣ пасторъ. Тогда ты знала, какъ должно поступать по справедливости, и совѣсть твоя была чиста....

— Ты думаешь, пасторъ укажетъ мнѣ, что должно? вдругъ сказала Анжела, и встала.

Ванъ-дербъ-Несъ затруднился отвѣтомъ. Онъ вспомнилъ, что пасторъ со своими строгими правилами добродѣтели тоже не-разъ досаждалъ ему. Но Анжелѣ и не нужно было рѣшенія Ванъ-дербъ-Неса. Она собралась идти в промедлила лишь столько, чтобы напиться воды, потомъ снова оставила Неса, который не посмѣлъ остановить ее возраженіемъ.

Анжела пошла къ пастору съ новою надеждою. Счастія ей уже не предстояло, ни у Неса, ни у тѣтки. Въ ней пробудилась новая потребность, которая выводитъ безвинно несчастную на свѣтлую стезю, непржкосновенную къ тер-

нистымъ и темнымъ путямъ земли. Она желала поступить по правдѣ и быть угодною Богу.

Часа въ три по-полудни, воротившись отъ пастора, Анжела, въ цвѣтникѣ, стояла на колѣняхъ передъ снѣщеною въ креслахъ матерью и, принявъ лицомъ къ ея рукамъ, молилась. Послышался стукъ въ калитку и вслѣдъ за тѣмъ шаги. Анжела догадалась, кто пришелъ и продолжала молиться пламеннѣе, чтобы Богъ послалъ ей силы. Садикъ позади ея наполнился людьми. Она не трогалась съ мѣста. Она находилась въ какомъ-то обаяніи и тогда только совершенно пришла въ себя, когда почувствовала на плечѣ мягкую руку.

— Такъ-то ты, Анжела? сказала Урика съ нѣжнымъ укоромъ: ты напрасно заставила меня прождать важнаго отвѣту, а знаешь между-тѣмъ, что время дорого, что я должна ѣхать.... Вѣдь намъ еще многое нужно устроить.

— Оно лучше, что вы пришли, тѣтушка, отвѣчала Анжела: вы находите меня на томъ мѣстѣ, гдѣ я должна быть, слѣдовательно не много остается намъ устроить.

— Какъ? вскричала графиня Казамбортъ: это твой отвѣтъ? Твою тѣтку.... твою родную тѣтку ты отвергаешь и добровольно остаешься съ этимъ человѣкомъ? прибавила она, съ негодованіемъ указывая на Ванъ-дерь-Неса, который робко прятался позади Ванъ-Марсевена и его супруги: добровольно ты избираешь униженіе?

— На что же такъ называть? тихо возразила Анжела; потомъ подошедши къ Урикѣ устремила на нее пылкій, заботливый взоръ и прибавила: тѣтушка! скажите, благочестивы ли вы, молитесь ли вы Богу?

— Что это значить? вскричала Урика испугавшись: Анжела! съ чего тебѣ пришелъ въ голову такой странный вопросъ?

— Да! къ-сожалѣнію, прибавила Анжела: раньше ни кому изъ насъ не пришло въ голову, что Богъ можетъ рѣшить наше дѣло. Мы самц хотѣли управиться, оттого и пошло не такъ, какъ должно.

— Что это ты говоришь, Анжела? вскричала Урика: я пришла вовсе не затѣмъ, чтобы разгадывать твои мечтанія и непонятныя рѣчи. Говори ясно и просто.

Видѣто отвѣта Анжела бросилась къ матери, которая въ эту минуту проснулась и съ улыбкою посмотрѣла на гостей.

— Маменька! маменька! вскричала Анжела, спова упавъ передъ нею на колѣни: у тебя останется твоя липа, подъ которою ты такъ сладко спишь.... ты будешь по-прежнему улыбаться мнѣ, когда я стану ходить за твоими цвѣтами.... Нѣтъ, нѣтъ, тѣтушка! прибавила она, съ живостью вставъ: не говорите объ униженіи. Богъ не попуститъ унизиться никому, кто исполняетъ Его заповѣди. Но знатною, такъ какъ вы и добрая фрау Ванъ-Марсевенъ, я никогда не буду. Пути наши идутъ въ разныя стороны.

— Какъ? вскричала Урика съ гнѣвомъ: это — мнѣ.... послѣ всей любви, какую я оказала тебѣ?... послѣ всего, что я готовилась сдѣлать для тебя?... Такъ-то ты расстаешься со мною?... И все это могъ сдѣлать твой мужъ въ нѣсколько часовъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Анжела печально: этого бѣдный Нэсъ не могъ сдѣлать и я довольно сильно чувствую укоръ, что осталась холодною при всѣхъ его мольбахъ, при всемъ его отчаяніи. Но онъ навелъ меня на мысль спросить совѣта у добраго пастора Гарзена. Я пошла и тамъ весь иракъ передъ глазами мои разсѣлся. Я увидѣла ясно, что не должна разставаться съ мужемъ, потому что для души моей нѣтъ ни какой опасности, если я останусь при немъ, и я еще могу его обратитъ къ добру. Пасторъ говорить, что наша церковь дозволяетъ расторженіе брака только въ такомъ случаѣ, когда этотъ союзъ грозитъ намъ нравственною погибелью, когда связанный съ нами человѣкъ ведетъ насъ по пути грѣха и заграждаетъ путь къ спасенію и когда у насъ не станетъ силъ на борьбу. Всего этого я не нахожу въ союзѣ съ Нэсомъ и потому мы съ пасторомъ рѣшили, что я не должна разводиться.

— Вотъ это дѣло! вскричалъ обрадованный Ванъ-дербъ-Нэсъ хлопнувъ себя обѣими руками по бокамъ.

Урика съ презрѣніемъ отвернулась отъ него. Онъ тотчасъ же крадучись отошелъ дальше и въ озлобленіи дралъ себѣ волосы на затылкѣ, за то что нехотати проболтался.

— И это твой отвѣтъ мнѣ? сказала Урика съ тѣмъ же

раздраженіемъ: фантазіи твоего пастора! человѣка, который въ жалкомъ своемъ существованіи не имѣетъ ни какого понятія объ отношеніяхъ свѣта, о которомъ такъ смѣло судить.

— Тётушка! возразила Анжела съ жаромъ: онъ знаетъ про то, что выше вашего свѣта и вашей знати, такъ, что ему больше и не нужно знать. Онъ знаетъ Бога и Спасителя. Можете ли вы сдѣлать лучше ихъ? Не должны ли и вы, ради благородной вашей крови и высокаго положенія, поступать такъ какъ Спаситель указалъ, если хотите поступать хорошо? Если же пастору извѣстно это, то, стало-быть, ему извѣстно и все, потому что все прочее заключается въ этомъ одномъ.

— Какую ты стала высокоумною моралисткой, Анжела! вскричала Урика: такъ ты думаешь, что тётка твоя не христіянка? Такъ это не христіанское дѣло, что я съ дѣтства плакала о васъ и берегла свои богатства для того, чтобы раздѣлить ихъ съ вами? Такъ я заслуживаю упрека, за то, что не могу равнодушно отказаться отъ того, что было цѣлью всей моей жизни? Поэтому я не христіянка?

— Ахъ, нѣтъ, милая, добрая тётушка, не по этому! отвѣчала Анжела: но вы теперь только и называли то, за что заслуживаете похвалы и благодарности.... за что самъ пасторъ хвалилъ васъ ... онъ же вѣдь и не порицалъ васъ даже за то, въ чемъ вы ошибались. Изъ словъ его о христіанской жизни я только поняла, гдѣ и въ чемъ мы всѣ поступили не по-христіански, когда хотѣли расторгнуть священный союзъ; я поняла, что мнѣ не должно разлучаться съ мужемъ, съ которымъ обручилась передъ Богомъ. Этимъ самымъ и всѣ другіе вопросы уничтожились. Мое мѣсто подлѣ Неса. Я остаюсь съ нимъ и Богъ поможетъ мнѣ, хотя я уже не могу быть совершенно счастливою, послѣ того что испытала въ эти дни.

Анжела договорила послѣднія слова дрожащимъ и почувствовала себя въ объятіяхъ. Тронутой Флавія нѣжно прижала ее къ груди.

— Урика! сказала Флавія: это простое, чистое, сердце рѣшило справедливо. Не станемъ противорѣчить. Повѣрь,

что намъ именно по этому образу мыслей со временемъ съ радостью можно будетъ признать Анжелу нашею родственницей и что мы впередъ не сочтемъ возможнымъ, чтобы женщина, которая мыслить такъ благородно, могла быть унижена, хоть бы она и не пользовалась правами своего происхожденія.... Поди сюда, кухня Казамбортъ, прибавила она, замѣтивъ, какъ трудно той побѣдить себя: поди сюда, прости съ Анжелой. Теперь вамъ должно разстаться.... въ мирѣ сердець, въ надеждѣ, что ты, Урика, и въ отдаленіи будешь имѣть возможность благодѣтельно дѣйствовать на это благородное существо.

Урика стояла неподвижно, склонивъ пылающее лицо и уставивъ глаза въ землю. Ни любовь, ни пробужденное состраданіе не могли побѣдить ея упрямства.

Вдругъ Анжела вскрикнула и всѣ глаза послѣдовали за ея движеніемъ. Бѣдная помѣшанная съ величайшимъ усиленіемъ приподнялась и, улыбаясь какъ дитя, слабыми, нѣжными руками ловила огорченную, но все-таки блестящую красавицу Урику. Слабыя ноги не выдержали: Бригитта опять упала въ свои кресла. Съ этимъ переломилось и упорство Урики. Она бросилась передъ сестрою на колѣни, обвила ее руками и по прекрасному лицу обильными струями покатались слезы. Помѣшанная, съ нѣжною заботливостью схватила воаль Урики, отирала ей слезы, смотрѣла въ глаза, какъ-будто стараясь прогнать скорбь своею улыбкой, и поцѣловала ее въ лобъ. Урика сжала ее въ своихъ объятіяхъ, потомъ вскочила и упала на грудь Анжелы.

— Анжела! милая Анжела! говорила она со слезами: останься... останься здѣсь!.. у этой страдальцы твое мѣсто... это служеніе не унизитъ тебя. Прости!

Онѣ съ минуту безмолвно сжимали другъ друга въ объятіяхъ.

— Анжела! сказала потомъ графиня: я отрекаюсь отъ моихъ требованій и расстаюсь съ тобою совершенно мирная, уношу съ собою глубокое уваженіе къ тебѣ. Мы разстанемся. Но ты навсегда имѣешь во мнѣ друга и покровительницу, на какой бы край свѣта ни забросила меня судьба. Горе тому! прибавила она торжественно: горе тому, кто оскорбитъ тебя или мою бѣдную сестру! Я

жестоко буду мстить за это. А тебѣ, кузина Марсевенъ, и вамъ, господинъ бургомистръ, поручаю свои права здѣсь, на мѣстѣ; вамъ я поручаю защиту моихъ родныхъ отъ всякой несправедливости. Ты, Флавія, о! ты исполнишь мою просьбу... ты иногда зайдешь сюда... ты увидишь эту улыбку.... ты окажешь уваженіе этой вѣрной дочери и благородной женщины.

— Да, да, Урика, будь увѣрена, отвѣчала Флавія, обнимая ее: мы съ мужемъ исполнимъ твое порученіе.

— Анжела, прости! сказала потомъ Урика, еще разъ съ жаромъ обнявъ ее: прости! Богъ съ тобою.

Потомъ она еще разъ бросилась къ Бригиттѣ, нѣжно поцѣловала ее и не оглядываясь поспѣшила черезъ дворъ. Но готовясь перешагнуть за порогъ калитки, она почувствовала, что ее задерживаютъ. Анжела схватила ее за платье и съ умоляющимъ видомъ взглянула ей въ глаза.

— А Нэсъ? прошептала она: вы разстанетесь съ нимъ не помирившись?... Вѣдь онъ мой мужъ!

— Анжела! чего ты требуешь? вскричала Урика, отступивъ почти съ ужасомъ: какъ могу я простить ему?

— Тѣтушка, продолжала Анжела: неужели вы не можете простить ему теперь.... теперь, когда вы въ совершенномъ мирѣ съ Богомъ? Вспомните, что Нэсъ мой мужъ.

— Побѣди себя, сказала фрау Ванъ-Марсевенъ: подай ему руку на примиреніе.

Урика быстро оборотилась, но Ванъ-дерь-Нэсъ, отъ жалкой роли, которую игралъ въ предшествовавшей сценѣ, былъ до такой степени униженъ малодушнымъ страхомъ, такъ гадко подкрадывался, такъ отвратительно ухмылялся, что Урика, готовая уже исполнить просьбу Анжелы, увидѣвъ его, такъ же поспѣшно отворотилась. Она скорѣе рѣшилась бы умереть чѣмъ дотронуться до его рукъ.

— Нѣтъ, цѣтъ! я не могу.... я не могу, Анжела! вскричала она: прости мнѣ.... я прошу ему, но тогда, когда между нами будетъ много пространства. О, не печалься!... я прошу.... я прошу. Дай мнѣ только уѣхать.

Она поспѣшно вышла изъ дому и сѣла въ карету. Бургомистръ и жена его тоже уѣхали. Анжела съ любовью

и неопредѣленную тоской провожала глазами свою тётку, пока карета не исчезла за угломъ улицы. Ей казалось, что она разстается съ цѣлымъ свѣтомъ, когда она оборотилась, чтобы идти къ матери. Съ ужасомъ очулась она отъ своей думы, когда Ванъ-деръ-Нэсъ вдругъ подскочилъ, захопнулъ тяжелую калитку, поспѣшно замкнулъ, заложилъ затворами и, прыгая, дико захохоталъ.

— Ну, вотъ, и избавились отъ сударыни-тётушки! вскричалъ онъ: поди же сюда, моя жонушка! Теперь мы опять заживемъ по-старому, по-свѣдому, и посмѣемся надъ этою сволочью. Ты баба ловкая! молодець-баба! Говорила славно. Я чуть не задохся отъ смѣху, когда надменная сіятельная тётушка отъ твоихъ рѣчей вдругъ стала какъ шелковая и захныкала словно постегали розочками. Это ты славно придумала.... Хотѣла у меня остаться, такъ ужъ нельзя было иначе, надо было замѣшать пастора, да наболтать съ три короба.... однако жъ отъ тебя я, право, не ожидалъ такой рыси.... Ну, ладно, не стыдись, продолжалъ онъ, примѣтивъ, что Анжела въ смущеніи, съ пылающимъ лицомъ, стоитъ какъ вкопанная: я ужъ хотѣлъ-было высказать сіятельной тётушкѣ правду-матку по-свѣдому, такъ, что она бы зубами заскрипѣла, потому что я, конечно, знаю свои права и понимаю дѣло лучше тебя. Но я видѣлъ, что ты лиса хитрая и сама управившись, такъ я и разсудилъ, что мнѣ гораздо приличнѣе не обращать вовсе ни какого вниманія на эту высокомерную барыню. Что она думаетъ, въ самомъ дѣлѣ, дура этакая! вскричалъ онъ, уязвленный воспоминаніемъ объ ея послѣднемъ прощаньѣ, и въ бѣшенствѣ началъ прыгать: она воображаетъ, что я подамъ ей руку!... я?... я?... Ванъ-деръ-Нэсъ скорѣе отрубить себѣ руку чѣмъ подастъ такой гордой барынь.... Нѣтъ, Нэсъ не-таковской!... А-га! кричалъ онъ, всё болѣе и болѣе разгораясь, видишь, душа мол, затворы? Это значитъ—поцалуй пробой, да поворачивай домой! Сюда никто уже не прійдетъ, кому дороги свои руки и ноги. Нэсъ хозяинъ въ своемъ домѣ... Нэсъ владѣетъ и наследницей и деньгами в домомъ.... поди-ка, сунься къ Нэсу!

Онъ захохоталъ такъ неистово, что Анжела содрогау-

лась. Но оправившись, она подошла, сильно схватила Ванъ-дерь-Нэса за руку и сказала съ твердостью:

— Остановись, Нэсъ. Полно сумасбродствовать, полно унижать самага себя. Я не потерплю твоего крику.

— Ну, ну, сказалъ смущенный Ванъ-дерь-Нэсъ: ты ужъ и заважничала. Слышь, ты, Анжелушка, не приучайся къ этому.... Видишь ты, я тебя люблю и позволяю тебѣ остаться у меня.... но зато ужъ ты и веди себя такъ, чтобы Нэсъ былъ доволенъ тобою.

— Да, отвѣчала Анжела, я буду вести себя такъ, чтобы Богъ былъ доволенъ мною, тогда, конечно, и ты будешь доволенъ.

— Ну, полно! вскричалъ онъ, схвативъ ее за руку и увлекая въ комнаты: я разсержусь, если ты станешь слишкомъ умничать. Будь по-прежнему старая моя, веселая и добрая жонушка; займись домою, да кухней; принимайся за работу. Теперь, когда мы опять одни, намъ служанка уже не нужна: ты и сама управишься.

Анжела не слыхала, что онъ говорилъ. Она была слишкомъ занята дѣломъ по-важнѣе. Она готовилась не страдать только: она теперь знала, что ей нужно заботиться о спасеніи своей души. Она хотѣла помочь и Нэсу найти путь истины и была увѣрена, что успѣетъ въ этомъ.

Королева Генриетта, устроивъ свои дѣла въ Голландіи, выдавъ дочь свою за-мужъ, приготовивъ на случай безопасный пріютъ сыновьямъ и доставъ для супруга денегъ подъ залогъ своихъ брилліантовъ, отправилась въ Оксфордъ, куда перенесъ свою резиденцію Карлъ Первый, воевавшій съ своимъ парламентомъ. Всѣ придворные, назначенные въ свиту высокой гостью отъ двора штатгалтера, проводили отъѣзжающую королеву до береговъ Англіи. Графиню Урику де-Казамбортъ Генриетта такъ полюбила, что не хотѣла разстаться съ нею и пригласила ее къ своему двору. Урика согласилась тѣмъ охотнѣе, что и сама привязалась къ доброй и несчастной королевѣ; притомъ, послѣ неудачи предпріятія, которое было господствующею мыслью всей ея жизни, ей необходимо было нѣкоторое развлеченіе и разсѣяніе.

Въ Оксфордѣ блестящую и умную красавицу Урику, разумеется, не замедлила окружить толпа поклонниковъ и вскорѣ назначили счастливица-вобѣдителя, лорда Аргайля, которому сама королева всѣми мѣрами покровительствовала въ искательствѣ руки графини де-Казамбортъ.

Лордъ Аргайль принадлежалъ къ числу тѣхъ сомнительныхъ приверженцевъ короля, которые каждую минуту готовы были превратиться въ противниковъ, какъ-скоро видѣли, что онъ поступаетъ несообразно съ ихъ соображеніями и желаніями. При увѣреніяхъ въ самой неизмѣнной преданности къ королевской фамиліи, онъ уже нѣсколько разъ становился въ положеніе, въ которомъ его трудно было отличать отъ врага. Онъ и теперь, въ минуту объявленія войны съ Шотландією, принялъ начальство надъ частью арміи ковенантеровъ и находился при дворѣ Карла въ качествѣ ихъ посла, для представленія королю требованій шотландскаго народа. Никто не зналъ навѣрное, къ какой религіозной партіи принадлежитъ Аргайль: онъ снискался надъ авторитетомъ ковенантеровъ, а между-тѣмъ придерживался ихъ строгихъ пресвитеріанскихъ обычаевъ, но и это можно было почесть просто слѣдствіемъ охоты противорѣчить другимъ. Такъ же открыто презиралъ онъ пуританъ, которые въ старой Англіи съ мрачнымъ фанатизмомъ противоборствовали идолопоклонству, какъ они называли исповѣданіе епископальной Церкви. Несмотря на эту двойственность образа мыслей и неопредѣленность политическаго характера, лордъ Аргайль былъ человѣкъ чрезвычайно могущественный, имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ, могъ служить прочною опорой королю и потому Генриетта употребляла всевозможныя усилія, чтобы привязать его къ себѣ посредствомъ своей любимицы, Урики; но напрасно: Урика оставалась холодною. Она видѣла и понимала чего хотѣла королева, но при всемъ желаніи, не могла рѣшиться угодить ей такою жертвою. Она и потому уже сопротивлялась этому браку, что считала его совершенно бесполезнымъ дѣломъ, для котораго его хотѣли устроить. Ея пылкой и благородной душѣ казалось совершенно ничтожною помощью человѣка, котораго нужно было привлечь такими средствами, кунить какъ наемщика.

Однимъ словомъ, для сердца Урика это былъ «не онъ». Между-тѣмъ по дарованіямъ и уму Аргайль являлся гордой красавицѣ. Она любила бесѣдовать съ нимъ обо всѣхъ современныхъ интересахъ, которые доставляли обильную пищу ея собственному пронизательному уму, необыкновенно свѣдущему въ дѣлахъ политики. Это и Аргайлю и королевѣ подавало надежды, что графиня де-Казамбортъ наконецъ согласится исполнить общія ихъ желанія; но Урика, свободно, живо, почти дружески разсуждавшая съ своимъ поклонникомъ обо всемъ на свѣтѣ, удаляла его отъ себя при малѣйшемъ намекѣ на дѣла сердечныя.

Аргайль чувствовалъ увлекавшую его къ Урикѣ огненную страсть, какъ оскорбленіе своей души, которая по природѣ была холодна, непреклонна, себялюбива и требовала независимости. Онъ досадовалъ, негодовалъ на свою любовь. Урика казалась ему помѣхою въ жизни, которую онъ думалъ совершенно посвятить своему честолюбію. Холодное сердце дало ему время и возможность познать величайшую опасность, какая грозитъ самостоятельности мужчины: онъ смотрѣлъ на любовь къ женщинѣ, какъ на тяжкій крестъ своего пола, и въ этомъ отношеніи совершенно не зналъ совѣсти. Онъ часто бывалъ опасенъ женщинамъ и, пренебрегая ими вообще, наслаждался обыкновеннымъ у такихъ людей тщеславіемъ, что ни одна не въ-состояніи противиться ему. Онъ бралъ все и ничего не хотѣлъ давать. Онъ только обращалъ на нихъ свое милостивое вниманіе и потомъ предоставлялъ имъ трудъ неблагодарнаго завоеванія того, что у него называлось любовью. Такимъ же образомъ Аргайль, увидѣвъ Урику, надѣялся побѣдить ее, но, удивленный ея неожиданнымъ сопротивленіемъ, уступалъ ей болѣе и болѣе власти надъ собой, пока наконецъ совершенно лишился свободы и въ такомъ пораженіи видѣлъ единственное средство къ спасенію въ женитьбѣ. Сознаніе этой страсти, которое онъ отдалялъ сколько могъ, взбѣсило его противъ самого себя. Это было такое пораженіе, отъ котораго онъ считалъ себя въ совершенной безопасности, и ежедневныя попытки освободиться доказывали только, какъ неодолима была сила, которая увлекала его.

У самой Урики наконецъ родилось желаніе полюбить Аргайля. Она наблюдала за своимъ сердцемъ, подстерегала, не явится ли въ немъ что-нибудь похожее на чувство, и хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выйти за Аргайля. Но сердце молчало и рѣшеніе дѣла откладывалось. Вдругъ Урика увидѣла другаго и сердце сказала: «Вотъ онъ!». Этотъ другой былъ Монтрозъ.

Маркизъ Монтрозъ прежде открыто придерживался партіи, враждебной Карлу, но увидѣвъ ежедневно возраставшіе беспорядки отъ раздора партій, терзавшихъ несчастное отечество, чистосердечно раскаялся и рѣшился возвратиться къ долгу вѣрнаго подданнаго. Карлъ былъ радъ какъ-нельзя болѣе, готовъ безусловно забыть все старое и принялъ возвращеннаго съ отверзтыми объятіями. Между-тѣмъ Монтрозъ прибылъ въ Оксфордъ посломъ отъ ковенантеровъ такъ же какъ и Аргайлъ, съ которымъ вмѣстѣ ему поручено было въ торжественномъ собраніи поднести королю требованія партіи. Монтрозъ рѣшился не только выполнить эту принятую на себя обязанность, но и остаться при мѣстѣ восначальника въ войскѣ ковенантеровъ, для того, чтобы имѣть болѣе средствъ помочь дѣлу короля.

Пріѣздъ уважаемаго всѣми партіями маркиза Монтроза и склонность его переимѣнить образъ мыслей, обрадовалъ какъ королевскую фамилію такъ и весь дворъ въ Оксфордѣ. У всѣхъ ожила надежда.

— Монтрозъ спасетъ Англію и короля, думала и Урика: теперь, когда онъ съ нимъ, и побѣда съ нимъ! Вотъ опора надежная, прибавляла она, глядя на открытое, благородное лицо и мужественную осанку героя, привычнаго къ побѣдамъ: этотъ не изъ тѣхъ полу-добрыхъ, полу-злыхъ хамелеоновъ, которымъ для скрѣпы жалкой душонки необходимо удовлетвореніе эгоизма. Въ этой могучей душѣ доброе чувство въ такой же безопасности какъ гнѣздышко птицы въ вѣтвяхъ царственнаго дуба. Этотъ богатый, звучный голосъ можетъ убаюкать ребенка на груди и прервать кровопролитную битву громовымъ кликомъ, остановить ярость терзающихъ другъ друга полчищъ.... Вотъ

человѣкъ, которому не стыдно покориться, прошептало затрепетавшее сердце.

Наканунѣ дня, назначеннаго для оффиціального пріема полномочныхъ отъ ковенантеровъ, королева Генріетта была очень печальна и озабочена. Она воспользовалась первою удобною минутою, отвела Урику всторону, къ окну, передъ которымъ, въ видѣ кулнсы, стояло рѣдкое экзотическое растеніе и заговорила съ своею любимицею шопотомъ.

— Урика, сказала она, поговори съ Монтрозомъ, спроси его, не можетъ ли онъ избавить меня отъ этого убійственнаго путешествія во Францію! Гамильтонъ и всѣ совѣтники думаютъ, что я, въ качествѣ французской принцессы, могу имѣть тамъ вліяніе, полезное для Англій. Всѣ они ошибаются: они не знаютъ, что такое Ришліе. Мнѣ не удастся склонить его на свою сторону. Я буду служить ему заложницею, средствомъ къ тому, чтобы обманывать и стращать то ту, то другую партію. Я буду только страдать и страдать напрасно. Скажи это Монтрозу.... Мнѣ самой невозможно: за мною со всѣхъ сторонъ присматриваютъ. Самъ Карлъ противъ меня. Это приводитъ меня въ отчаяніе. Я чувствую, что онъ хочетъ удалить меня, потому что считаетъ свое положеніе опаснымъ.

— Но какъ же мнѣ найти случай поговорить съ Монтрозомъ наединѣ, ваше величество? съ смущеніемъ спросила Урика.

— Какъ хочешь, съ живостью отвѣчала королева: но надобно, чтобы это было сдѣлано сегодня же. Завтра соберется совѣтъ и ужасный вопросъ рѣшать. Но я знаю, король послушается Монтроза.... Вообще его мнѣніе и на другихъ будетъ имѣть сильное вліяніе.... Пусть только онъ узнаетъ, что это мой смертный приговоръ.... Такъ и скажи ему: иначе онъ можетъ почесть это дѣло неважнымъ.... между-тѣмъ.... О, Боже мой, Урика! это превосходить мои силы, мое терпѣніе....

— Успокойтесь, ваше величество, важно сказала Урика: во что бы то ни стало, я найду средство повидаться съ Монтрозомъ и попрошу его....

— Попроси, попроси.... Урика! вскричала Генріетта,

съ трудомъ удерживая въ груди дрожащій голосъ и скрывая пылающее лицо въ зелени растенія: понимаешь ли ты невыразимое мученіе разлуки съ тѣмъ, кто принадлежитъ тебѣ со всею своею любовью и довѣріемъ; съ тѣмъ, у кого кромѣ тебя нѣтъ никого, къ кому бы онъ могъ питать и то и другое..... разстаться съ нимъ въ ту самую минуту, когда ему угрожаютъ величайшія опасности..... И этого требуютъ отъ жены, которой не нужно ничего на свѣтѣ..... которая хочетъ только раздѣлать опасности съ мужемъ или умереть съ нимъ!

— Ради Бога, ваше величество, успокойтесь! сказала встревоженная Урика: за нами уже примѣчаютъ.... Черезъ это, можетъ случиться, что мнѣ потомъ помѣшаютъ говорить съ Монтрозомъ.

— Да, ты права.... Ты всегда спокойна и разсудительна. Урика! повѣрь мнѣ, мы только до-тѣхъ-поръ можемъ быть увѣрены въ своихъ правилахъ и поступкахъ, покуда сердце наше спокойно. Но лишь-только оно возьметъ волю, мы становимся его рабами. Ты счастлива со своимъ свободнымъ сердцемъ. Прости мнѣ, что я такъ часто желала, чтобы ты проиграла его Аргайлю..... Но тогда и онъ тоже былъ бы на нашей сторонѣ, навѣрное. А теперь..... почему знаешь..... другъ онъ или недругъ?

— Какая польза вашему святому дѣлу въ человѣкѣ, который дотога слабъ, что ставитъ свой образъ мыслей и свои поступки въ зависимость отъ любви женщины? возразила Урика.

— Ахъ, моя милая! вскричала королева: если бы ты любила его, ты легко простила бы ему эту слабость и была бы въ восторгѣ отъ силы чувства, которая въ ней обнаруживается.

— Никогда, никогда! вскричала Урика: я могу любить и желать любви только такого человѣка, который въ этомъ чувствѣ не утрачиваетъ самого себя.

— О чемъ это ты такъ жарко споришь съ нашею прекрасною Казамбортъ? спросилъ король подходя къ дамамъ съ Монтрозомъ и Аргайлемъ.

— Ахъ, всё та же старая пѣсня! отвѣчала Генриетта, взявъ супруга подъ руку. Наша холодная и гордая краса-

вища придумываетъ для человѣка, котораго рѣшится полюбить, такое же желѣзное сердце какъ у нея. А такъ какъ передъ ея прекрасными глазами всякая твердость таетъ, то она по-необходимости остается тверже всѣхъ. Развѣ это справедливо? прибавила королева съ улыбкою проведя пуховымъ вѣеромъ по пылающей щекѣ Урки.

— Мы вызовемъ обиженныхъ! съ шутивою важною вскричалъ король: пусть они подадутъ жалобу! Тогда мы потребуемъ ее въ тайный совѣтъ и присудимъ къ лишенію во зло употребляемой свободы, въ пользу котораго-нибудь изъ моихъ безванно пострадавшихъ лордовъ.

Урика улыбнулась.

— Въ качествѣ иностранки я могла бы уклониться отъ суда по законамъ Англіи, замѣтила она: не могу только уклониться отъ чувства подданной, которое питаю къ ея королю. Кого всей душою уважаешь, тому по-неволѣ отъ всего сердца останаешься вѣрною. Въ этомъ отношеніи я, конечно, подданная вашего величества. Но хотя бы я и явилась на судъ тайнаго совѣта, обвинитель не явится, потому что на это предполагается оскорбленное право.

— Кто такъ ревниво укрываетъ свою свободу, тотъ не долженъ забывать, что малѣйшая его благосклонность имѣетъ столько же цѣны, подаетъ столько же надежды и права, сколько самыя рѣшительныя увѣренія при другихъ обстоятельствахъ! вскричалъ Аргайль.

Въ голосѣ, въ выраженіи лица его, во всемъ, замѣтно было сильное волненіе страсти.

— Но такимъ образомъ, милордъ, женщины рѣшительно невозможно было бы уберечься отъ произвольныхъ и несправедливыхъ притязаній, серьезно возразила Урика: какія же права сохранила бы она сама? что тогда укроетъ, что защититъ ее?

— Обожающая любовь мужчины, которому она доверится, съ жаромъ отвѣчалъ Аргайль: она защититъ ее отъ всего на свѣтѣ и избавитъ отъ труда недостаточнаго самоохраненія.

— Я думаю, милордъ, что если женщина почувствуетъ любовь къ мужчине, то и доказательства довѣрія не за-

медлять явиться. Одно безъ другаго, кажется, невозможно.

Даже это замѣчаніе, въ сущности совершенно общее и условное, пробуждало у Аргайля новыя надежды. Въ эту минуту доложили объ обѣдѣ. Король и королева пошли, и Урика съ тайною досадою принуждена была принять руку Аргайля, просидѣть подлѣ него цѣлый обѣдъ.

Притомъ она замѣтила, что Монтрозъ былъ безмолвнымъ, однако жъ внимательнымъ наблюдателемъ съ встрѣчи съ Аргайлемъ и ее безпокоила мысль, какъ онъ понялъ это. Сама она и не примѣчала, что въ первый разъ въ жизни ее тревожила подобная неизвѣстность. Она не слышала, что говорилъ Аргайль, не отвѣчала ему или отвѣчала на выворотъ. Она разсуждала, что порученіе королевы слишкомъ важно и требуетъ всего ея вниманія, а по этому порученію ей предстояло говорить съ Монтрозомъ и притомъ такъ, чтобы никто не зналъ объ этомъ.

Аргайль нашелъ въ ней совершенную перемену и страсть сначала растолковала это обстоятельство въ свою пользу. Но онъ былъ также ревнивъ до крайности. Убѣдившись наконецъ, что Урика не видитъ и не слушаетъ его или едва-едва исполняетъ даже простыя требованія вѣжливости, Аргайль вдругъ прозрѣлъ. Громовый голосъ проникъ душу его: «Монтрозъ твой соперникъ!» Какая ненависть зародилась тамъ вмѣстѣ съ этою мыслью, этого описать невозможно. Онъ въ ту же минуту готовъ былъ вызвать его на дуэль..... только въ крови, казалось ему, можно было найти удовлетвореніе. Монтрозъ вдругъ показался ему лицомъ-ромъ, отступникомъ, измѣнникомъ. Онъ сталъ разбирать его поступки и нашелъ ихъ всѣ непростительными.

Онъ не обвинялъ завелъ разговоръ о переходѣ Монтроза на сторону королевской партіи и, возбудивъ этимъ вниманіе Урики, дотога разгорячился, что совершенно потерялъ мѣру своимъ выраженіямъ. Это, разумѣется, произвело дѣйствіе, совершенно противное ожидаемому: Урика скоро совсѣмъ оставила слабую попытку защитить обвиняемаго и, наконецъ, громко захохотала, когда рѣчь раздраженнаго Аргайля дошла до нелѣпости.

Къ-счастію, можетъ-быть, въ эту минуту, по примѣру королевы, всѣ поднялись изъ-за стола и Аргайль имѣлъ время образумиться. Урика постѣшила уйти отъ него и вмѣшалась въ толпу дамъ, которыя вслѣдъ за королевою вышли въ садъ подышать свѣжимъ воздухомъ прекрасной лунной ночи. Мужчины тоже вышли.

Когда Монтроузъ очутился близко подлѣ, Урика какъ-будто взнемогла подъ тяжестью мысли, какъ сообщить ему извѣстіе. Это сдѣлало ее дотого разсѣянною и смущенною, что она подверглась опасности упустить удобный случай.

— Ради такой ночи, я почти готовъ измѣнить своей любви къ утру, сказалъ Монтроузъ, устремивъ глаза на Урику: въ самомъ дѣлѣ, лунная ночь величественна. Она какъ-будто закрываетъ недостатки міра и показываетъ только сущность красоты. Видъ этой дали, утопающей въ полумракѣ, эта граціозная красота массъ въ зданіяхъ и въ природѣ, вмѣстѣ успокоиваетъ и возвышаетъ душу зрителя.

— При всемъ томъ, отвѣчала Урика медленно отступивши на нѣсколько шаговъ къ сторонѣ, куда послѣдовалъ и Монтроузъ: такая ночь часто наводитъ на меня теску и мечтательность..... сердце какъ-будто заболитъ, имѣ овладѣетъ страхъ.... покажется, какъ-будто въ этомъ сырени морѣ туману скрываются существа, которыхъ должно страшиться..... Но причиною этого чувства болѣе мой характеръ чѣмъ лунная ночь. Все, что производитъ на меня впечатлѣніе неопредѣленно, вполонину, порождаетъ во мнѣ только тягостныя чувства. Я хочу видѣть ясно, познавать опредѣленно все то, что должна принимать. Всѣ состоянія, лишаящія меня этой отчетливости сознанія, причиняютъ мнѣ неудовольствіе.

— Быть-можетъ, вы, миледи, высказываете то, что доселѣ было причиною предпочтенія, которое я отдавалъ утру, замѣтилъ Монтроузъ: красота первыхъ часовъ дня восхищаетъ не разнѣживая и не увлекаетъ въ мечтанія. Напротивъ, она возбуждаетъ, развиваетъ силы и дѣятельность и, видя впереди цѣлый долгій день, мы считаемъ легко исполнимымъ все, что задумали, на что рѣшились,

что отвергли. Возможность и ея предѣлы, все становится намъ болѣе повятнымъ и подвластнымъ и мы надѣемся найти всѣ нужныя къ исполненію средства тамъ, гдѣ все вокругъ насъ пробуждается къ дѣятельности и гдѣ насъ не останавливаютъ физическіе законы.

— Вечеръ у меня и потому уже виноватъ, сказала Урика, что я на тѣ же вещи, которыя видѣлъ вечеромъ, поутру смотрю совсѣмъ иначе, часто не узнаю свои чувства, свои поступки и принуждена бываю отречься отъ нихъ. Это доказываетъ, что вечеръ заключаетъ въ собѣ таинственное очарованіе, которое обольщаетъ насъ, быть-можетъ, потому уже, что наши умственные способности, утомленныя продолженіемъ дня, становятся слабѣе.

— Стало-быть мало пользы тому, кто произведетъ на васъ пріятное впечатлѣніе вечеромъ? спросилъ Монтрозъ: нужно, чтобы и утро подтвердило его.

— Не знаю..... не думаю, чтобы это касалось и людей, отвѣчала Урика: такое переищичное сознаніе было бы недостаткомъ, котораго я не могла бы приписать вліянію одной вечерней поры.

— Такъ Монтрозъ можетъ надѣяться, что завтра утромъ будетъ казаться вамъ такимъ же вѣрнымъ подданнымъ какъ сегодня? и что вы, въ случаѣ нужды, такъ же примете его подъ запыту?

Монтрозъ, вѣроятно, случайно услышалъ нѣсколько словъ изъ разговору Урики съ Аргайлемъ. Она взглянула на него пристально. На спокойномъ, прекрасномъ лицѣ его мелькала легкая улыбка. Онъ ждалъ отвѣту.

— Я дамъ вамъ совершенно удовлетворительное доказательство неизмѣнности моего мнѣнія. Мнѣ нужно поговорить съ вами по порученію королевы. Но я вижу, что згнись и теперь это будетъ невозможно. За нами уже примѣчаютъ. Мы оба любимъ раннее утро, такъ не угодно ли вамъ пожаловать завтра утромъ въ шесть часовъ въ павильонъ, въ концѣ террасы, на берегу Узы.

Урика проговорила это быстро, отрывисто, по мѣрѣ того, какъ составлялся самый планъ предлагаемаго свиданія. Выказавъ это, она покраснѣла и недовѣрчиво, съ бьющимся сердцемъ посмотрѣла на собесѣдника. Мон-

трозь выдержалъ и это испытаніе: лицо его было оживлено участіемъ и чувствомъ, но Урика видѣла, что онъ такъ уважаетъ ее, что вовсе не считаетъ ее предложенія благосклонностью оказанною ему лично.

— И въ этомъ онъ не то, что другіе! шепнуло сердце.

Урикѣ почти не нужно было слышать его почтительнаго отвѣту на приглашеніе. Продолжая послѣ этого обращаться съ нею еще скромнѣе и уважительнѣе, онъ постепенно возвышался въ ея мнѣніи. Тайный голосъ говорилъ Урикѣ, что Монтрозъ подошелъ къ ней съ желаніемъ выразить свое удивленіе. Когда же онъ мгновенно съумѣлъ такъ побѣдить себя, Урика почувствовала въ груди такую свободу, такую легкость, какъ-будто бы ее поднялъ новый потокъ жизни.

Когда Монтрозъ, поутру, вошелъ въ назначенный павильонъ, на выразительномъ лицѣ его мгновенно мелькнуло гордое возбужденіе, потому что Урика была не одна. Подлѣ нея сидѣла строгая ея дуэнья, графиня Коменесъ. Урика тотчасъ примѣтила, что Монтрозъ оскорбился незаслуженною недоувѣрчивостью и поспѣшила устранить непріятное впечатлѣніе. Какъ-скоро маркизъ поклонился, она отворила дверь въ другую небольшую комнату, которая выходила на убранную цвѣтами галерею надъ рѣкой, пригласила его туда съ собою и, оставивъ графиню Коменесъ въ первой комнатѣ, просила запереть дверь. Потомъ, подошедши къ галереѣ, сѣла и указала маркизу другое кресло.

— Королева поручила мнѣ передать вамъ ея желанія, сказала Урика: она хочетъ, чтобы это свиданіе осталось въ тайнѣ, и потому вы должны будете отправиться отсюда за рѣку въ лодкѣ, которая привязана здѣсь, подъ балкономъ, и падѣть приготовленный тамъ плащъ.

Монтрозъ молча почтительно поклонился; потомъ, видя, что Урика въ раздумьѣ смотритъ въ землю сказалъ:— Какъ это грустно, что ея величество даже здѣсь, гдѣ какъ я полагалъ, она посреди вѣрнѣйшихъ приверженцевъ, прибѣгаетъ въ своихъ поступкахъ къ таинственности.

— Королева падѣтся, что по-крайней-мѣрѣ въ-отношенія къ ея супругу вѣрность окружающихъ не подлѣжитъ

сомнѣнію, милордъ. Сама же она должна была прибѣгнуть къ этому средству, потому что не видитъ другаго спасенія. Между-тѣмъ, замѣчаніе ваше избавляетъ меня отъ труда вывѣдывать ваше мнѣніе о королевѣ. Я вижу, что вы не принадлежите къ числу тѣхъ, которые преслѣдуютъ ее подозрѣніями, зато только, что она католичка, и опасаются, чтобы она не употребила во зло своего вліянія на короля. Вы довѣряете ея чистосердечію. Это мнѣ поручено было узнать напередъ и въ такомъ только случаѣ сказать вамъ, что всего болѣе огорчаетъ королеву, потому что въ такомъ только случаѣ нашъ разговоръ можетъ быть не безплоднымъ.

— Какъ! вскричалъ Монтрозь: такъ вы тотчасъ же покинули бы меня, лишь-только увидѣли бы, что я нахожусь въ такомъ же заблужденіи какъ и другіе? Вы даже не попытались бы открыть мнѣ глаза?

— Нѣтъ, я не скажу, что не сообщила бы вамъ по истинѣ всего, что утвердило собственное мое убѣжденіе. Но я мало могла бы положиться на это средство, потому что, признайтесь, милордъ, наблюденіе и опытъ женщинъ вообще такъ мало вѣкутъ вѣсу у мужчинъ, что, конечно, не могутъ измѣнить ихъ убѣжденій.

— На насъ лежитъ большая отвѣтственность за наши убѣжденія, возразилъ Монтрозь, и потому мы часто всего крѣпче держимся за нихъ тамъ, гдѣ всего болѣе подвергаемся искушенію уступить ихъ. Но жалкій человекъ тотъ, кто цѣнитъ истину только по лицу, отъ котораго слышитъ ее. Я, признаюсь, не понимаю мужскаго достоинства и твердости, которыя могутъ почестъ себя въ ущербъ, когда пріймутъ истину изъ устъ женщины.

— Я такъ и представляла себѣ васъ, сказала Урика, красавица: только слабыя души опасаются принять убѣжденіе другаго и считаютъ твердостью свое близорукое упрямство.

— И вы? вскричалъ Монтрозь: вы, царица правды! вы не считали меня недостойнымъ попытки къ переубѣжденію?

— Оно лучше, что я нашла васъ такимъ, какъ желаетъ королева, отвѣчала Урика съ улыбкою: но.... если вы не-

прежнѣнно хотите знать.... и на противный случай я приготовилась доказать вамъ, что нужно.

— И вы одержали бы побѣду, сказалъ Монтрозъ съ почтительнымъ поклономъ и выраженіемъ благодарности: потому что и васъ можетъ убѣдить только истина. И я также съумѣлъ бы покориться ей. На это моя голова и мое сердце довольно свободны.

Тутъ Урика высказала ему желаніе королевы; изчислила всѣ вѣроятности, по которымъ можно было отвергнуть необходимость поѣздки; живыми красками описала сомнѣнія, страхъ и отчаяніе огорченной Генриетты и всю ея надежду на заступничество Монтроза. Кончивъ, она устремила на него безпокойный, испытующій взглядъ.

Монтрозъ молчалъ. Лицо его было омрачено, глаза неподвижно уставлены въ землю, руки крѣпко сжали береть. Онъ, казалось, не примѣчалъ, что Урика молчитъ и въ раздумьѣ наблюдаетъ за нимъ.

— Это печальные признаки! певольно сказала она наконецъ со вздохомъ.

Монтрозъ встрепенулся. Глаза его, встрѣтившись съ глазами Урики, вдругъ такъ блеснули, что она принуждена была опустить свои въ землю: она чувствовала, что этотъ взглядъ касается ея лично.

— Не давайте ложнаго значенія моему сомнѣнію, графиня! вскричалъ онъ съ живостью: не подумайте, чтобы я былъ разсѣянъ. Нѣтъ, вашъ рассказъ только пробудилъ во мнѣ цѣлый потокъ мыслей обовсемъ положеніи короля и моего отечества, въ душѣ моей воскресли многія старыя скорби, старыя опасенія. Король и королева... оба правы. И я спрашивалъ себя наконецъ, могу ли я въ настоящемъ случаѣ возражать королю, когда чувствую, что и самъ на его мѣстѣ, для того чтобы охранить любимую жену, непремѣнно настоялъ бы на требованіи тяжелой жертвы, разлуки. Но, къ прискорбію моему, я долженъ также признаться, что совершенно понимаю и чувство королевы; постигаю наслажденіе въ страданіи, которое раздѣляемъ съ роднымъ и милымъ существомъ....

Монтрозъ вдругъ остановился. Взглядъ Урики скользнулъ съ его лица на полъ. Отъ каждаго его слова у нея

занималось дыханіе, разгорался лобъ. Тайна его сердца неодолимо тѣснилась на уста, между-тѣмъ какъ онъ полагалъ, что говоритъ только о другихъ, и Урика понимала его. Она не могла выносить чарующаго выраженія его прекраснаго лица и не чувствовать оглушительнаго могущества, которое онъ приобреталъ надъ ея сердцемъ.

Но увидѣвъ восхитительное смущеніе Урики, онъ скрѣпился и упрекнулъ себя, зато что, будучи призванъ на помощь къ другимъ, увлекся преслѣдованіемъ собственныхъ своихъ выгодъ. Это возвратило ему всю твердость, и, помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Кромѣ-того, я иначе смотрю на политическую важность этой поѣздки и надѣюсь на благопріятныя слѣдствія, когда дочь Генриха Четвертаго возбудитъ участіе своего отечества.... И что же наконецъ она можетъ испытать тамъ такого, что бы было опаснѣе ожидающаго ее здѣсь?

— Боже мой! вскричала Урика съ живостью, вскочивъ: чего вы опасаетесь, лордъ Монтрозъ? Что ожидаетъ короля?... теперь еще, когда и вы на его сторонѣ?

Монтрозъ стоялъ близко передъ Урикой. Оба взглянули другъ на друга и оба, при самомъ добросовѣстномъ желаніи заниматься единственно дѣломъ несчастной царственной четы, въ этомъ чужомъ дѣлѣ всё-таки безпрестанно невольно обнаруживали другъ другу собственные свои чувства.

— А! вскричалъ Монтрозъ, привлекая ея руку къ своей груди: неужели Урика такъ высоко цѣнитъ меня; что приписываетъ мнѣ такую великую силу, такое рѣшительное вліяніе?

Урикѣ печего было отвѣчать. Оба снова воротились къ чувству своего долга.

— Говорите, шептала графиня, отнимая руку: чего вы опасаетесь за несчастнаго короля, такого, что супругъ было бы труднѣе вынести нежели разлуку и оскорбительное положеніе въ отечествѣ?

— Я не могу назвать вамъ и этого: въ исторіи я не знаю примѣра для объясненія моихъ, быть-можетъ, слишкомъ преувеличенныхъ опасеній. Знаю только, что никто не въ состояніи опредѣлить конецъ этой борьбы; знаю, что

могущество партій не равно и что здѣсь уже дѣло зависит не отъ силы правды, а отъ силы матеріальной, отъ счастья оружія противъ фанатической, безумной массы, на сторонѣ которой находятся всѣ выгоды превосходнаго числа. Если мы не одержимъ побѣды, то легко можетъ случиться, что фанатизмъ, который и такъ уже не признаетъ неприкосновенности священной особы короля, примется за него какъ судья за обвиненнаго.

Урика поблѣднѣла и закрыла лицо руками. Колѣни ея задрожали. Монтрозъ почтительно отвелъ ее къ кресламъ и сталъ на одно колѣно, чтобы продолжать рѣчь. Однако жъ трагическая важность его въ эту минуту была далека отъ всякой короткости.

— Если король, котораго я нахожу теперь очищеннымъ отъ всякаго прежняго легкомыслія; котораго провидательный взглядъ обнимаетъ всю мѣру несчастія и который теперь далѣе видитъ, вѣрнѣе судить нежели всѣ его совѣтники.... если король вывелъ заключеніе, подобное моему, то я долженъ согласиться, что онъ правъ, когда намѣревается удалить супругу и дѣтей. Чтобы противостать судьбѣ со всѣми своими силами, ему нужно быть увѣрену въ безопасности мнѣлыхъ: иначе у него не станеть отважности на то, чтобы порѣшить все однимъ ударомъ... что однако жъ можетъ понадобится.

— О, Боже мой! вскричала Урика, опустивъ руки и устремивъ овлаженные слезами глаза на печальное и важное лицо Монтроза: такъ далеко мои опасенія за будущность этихъ царственныхъ мучениковъ не простирались... Въ концѣ этихъ страданій я видѣла примиреніе и возвращеніе къ законному положенію, въ награду за мужественное терпѣніе испытанныхъ страдальцевъ.

— И я тоже не одну эту печальную картину ставлю въ совершенно неизвѣстную будущность, возразилъ Монтрозъ съ живостью: будемъ надѣяться, что Богъ благословитъ наше оружіе и что мы подъ хоругвью нашего святаго и праваго дѣла побѣдимъ чудовище народнаго возстанія и съ приобрѣтенною мудростью дѣйствительно потому дѣдимъ бѣдному народу то, чего онъ добивается самъ и че-

го при этихъ неустройствахъ, при сбивчивыхъ, смутныхъ понятіяхъ никогда не можетъ достигнуть.

— А королева!... о, подумайте, что она супруга!... подумайте..... если и она выведетъ такое же заключеніе и потому.... разлука! Можетъ ли женское сердце пережить это? Не можете ли вы по-крайней-мѣрѣ замедлить эту минуту?... Быть можетъ.....

— Ахъ! перебилъ Монтрозъ: развѣ позже ей легче будетъ разстаться чѣмъ теперь, когда ее еще могутъ поддержать болѣе основательныя надежды? Вернуться она можетъ легко, но уйти нельзя будетъ, когда надъ головою Карла соберется гроза. Сегоднешнее совѣщаніе въ совѣтѣ будетъ весьма важно. Аргайль и я, мы представимъ въ качествѣ пословъ отъ своевольно собравшагося шотландскаго парламента и объявимъ королю новыя требованія Шотландцевъ. Какъ ни дерзки эти требованія, король долженъ теперь согласиться, потому что англійскій парламентъ уже намѣревается вступить въ союзъ съ ненавистною дотошъ Шотландіей и, чтобы расположить ее къ этому, питаетъ безумную надежду тамошнихъ пресвитеріанъ на то, что англійскіе пуритане примутъ ихъ ученіе. Это нужно остановить дѣйствительнымъ или хотя кажущимся примиреніемъ короля съ ковенантерами, чтобы тѣмъ сдѣлать невозможнымъ присоединеніе ихъ къ англійскому парламенту. Если тогда намѣреніе мое удастся и король соберетъ всѣ свои силы, то мы можемъ успѣхами оружія воротиться въ положеніе, въ которомъ исполненіе мирныхъ намѣреній Карла будетъ возможно.

— Стало-быть во всякомъ случаѣ война! вскричала Урика: война на отечественной землѣ.... война между подданными!... война съ своимъ государемъ.... о, какое бѣдственное положеніе!

— Вы, графиня, вѣрно станете презирать ту землю, гдѣ такъ насильственно уклоняются отъ прямого пути.... вы покинете нашъ край и воротитесь въ ваше спокойное, мудрое отечество, потому что васъ ничто не привязываетъ здѣсь!

Урика покраснѣла и сказала тихо:

— Я не оставлю королевы покуда она будетъ здѣсь. Слѣдовать за нею во Францію будетъ невозможно, но и здѣсь, конечно, оставаться нельзя. Но.... мы скоро бываемъ готовы полюбить все страждущее и подверженное опасности.... Я питаю къ Англіи чувство, которое по сердцу дѣлаетъ меня гражданкою этой прекрасной земли. Если я и буду принуждена удалиться, то всё-таки не перестану изъ-дали оглядываться на нее, какъ на родину.

— Дѣлайте это, сказалъ глубоко тронутый Монтрозъ, поцѣловавъ руку Урики: оглядывайтесь на насъ, чтобы тѣ, которыхъ вы оставляете, съ вашимъ образомъ въ сердцахъ сохранили отважность на трудную борьбу за успокоеніе отечества, за возвратъ достоинства и порядка..... чтобы оно потомъ заслуживало вашего возвращенія..... чтобы вы могли наградить побѣдителей вашимъ взглядомъ. Урика! продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, вирожденіи котораго оба съ волненіемъ смотрѣли въ землю: тяжело мнѣ испытаніе, что я встрѣтилъ васъ именно теперь, когда я долженъ совершенно посвятить себя благу отечества. Но вмѣстѣ съ чувствомъ, которое вы внушили мнѣ, въ душу мою проникла также новая священная сила: я чувствую, что жизнь, которая уже утомила, остудила меня, которую я уже возненавидѣлъ, опять разбогатѣла, блѣдная картина снова оживилась красками!.... О, Урика! я опять люблю міръ и жизнь!... Съ тѣхъ-поръ какъ увидѣлъ васъ.... Съ тѣхъ-поръ какъ люблю васъ.... хотя этому не много дней, однако жъ я чувствую съ твердымъ убѣжденіемъ, что никогда еще не любилъ... что къ вамъ однимъ во всю жизнь буду питать то, что теперь называю любовью.

При этихъ словахъ Урика подняла голову и устремивъ глаза на прекрасное, мужественное, пылающее лицо Монтроза, чувствовала, что стоитъ на поворотной точкѣ своей жизни. И она была достойна того, чтобы понять священную важность минуты, когда благородный чловѣкъ, побѣжденный чувствомъ, съ достоинствомъ открываетъ судьбу своего сердца.

— Монтрозъ! сказала она торжественно: я не прийму вашего благороднаго приношенія, великаго дара вашей люб-

ни, безъ отплаты всѣмъ, чѣмъ могу, тѣмъ же увѣреніемъ, что люблю васъ и васъ единхъ буду любить.

За этими откровенными признаніями не послѣдовало бурнаго взрыву чувствъ. Урика и Монтрозъ быть-можетъ съ самаго начала бесѣды уже были увѣрены во взаимности, однако жъ высказанное слово всё-таки составило счастье, которое потрясло ихъ своею необъятностью. Они въ безмолвномъ восторгѣ созерцали блаженство своихъ сердецъ и какъ-будто хотѣли извѣдать тайну этого состоянія.

Легкій стукъ въ дверь заставилъ ихъ опомниться. Монтрозъ всталъ. Вошла графиня Комёнесь и сказала, что уже много прошло времени, что теперь лордъ Аргайль и многіе кавалеры показались на террасѣ, что приходилъ пажъ, который ищетъ маркиза Монтроза, потому что король уже отправился въ государственный совѣтъ, гдѣ предварительная конференція министровъ уже скоро кончится.

— Въ этомъ я узнаю Аргайля, сказала Урика съ твердостью: это доказываетъ мнѣ, что онъ провѣдалъ о нашемъ свиданіи.

— Прощайте, графиня, поспѣшно сказалъ Монтрозъ: мы не дадимъ ему торжества.

Маркизъ почтительно поклонился и сбѣжалъ съ лѣстницы къ рѣкѣ, гдѣ надѣялся найти общанную лодку. Но ея нигдѣ не было. Рѣка лежала передъ нимъ какъ гладкое зеркало. Монтрозъ прошелъ нѣсколько шаговъ по берегу, полагая, что лодку отнесло далѣе, но ничего не нашелъ. Онъ уже думалъ пойти наудачу далѣе, но черезъ минуту принужденъ былъ опять остановиться, потому что ему загородила дорогу крутая каменная стѣна террасы, выступившая въ рѣку далеко за берегъ. Времени нельзя было терять и потому Монтрозу не оставалось другаго средства какъ воротиться къ дамамъ, которыя при лучшемъ знаніи мѣстности однѣ могли указать ему дорогу.

Онъ опять очутился на лѣстницѣ, промедлилъ съ минутой, и забылъ о своемъ затрудненіи. Передъ нимъ, въ тѣхъ же креслахъ сидѣла Урика. Прекрасная головка ея была склонена на нѣжную маленькую руку, глаза опуще-

ны, на жарких устахъ играла улыбка. Ей видѣлся сонъ любви. Кто, увидѣвъ ее, не угадалъ бы этого.... кто могъ угадать это лучше счастливица Монтроза! Черезъ мгновеніе онъ уже лежалъ у ногъ удивленной.

— Что это значитъ? вскричала Урика, съ живостью освобождаясь: зачѣмъ вы воротились?

Нѣсколькихъ словъ было достаточно для объясненія дѣла, но всё-таки у обонхъ не доставало холодной разсудительности. Монтрозъ всё-еще стоялъ на колѣняхъ, удерживая Урику на мѣстѣ и всѣ мысли его были погружены въ созерцаніе ея прекраснаго лица. Такимъ образомъ они не слышали шуму веселья и очнулись тогда только, когда въ дверяхъ показалась тѣнь высокаго мужчины. Передъ ними стоялъ Аргайль, блѣдный, дрожащій, съ выраженіемъ насмѣшки и бѣшенства. Онъ былъ ужасенъ.

— Что значитъ вашъ приходъ, милордъ? вскричалъ Монтрозъ, вскочивъ.

— Я не сомнѣваюсь, что онъ непріятенъ вамъ, проговорилъ Аргайль, скрежеща отъ бѣшенства: но я думаю, мнѣ нужно будетъ извиниться только передъ этою, такъ непріятно потревоженною дамою.

— Больше нежели въ этомъ, милордъ, сказала Урика вставъ: вы дадите мнѣ отчетъ, для чего лодка королевы, отданная въ мое распоряженіе, взята съ своего мѣста, потому что вы только такимъ средствомъ могли проникнуть въ этотъ павильонъ, который доселѣ былъ уважаемъ какъ пріютъ для отдыха ея величества. Я спрашиваю васъ, милордъ, къ кому относится ваше шпіонство, ко мнѣ или къ королеву?

— Быть-можетъ къ обѣимъ, отвѣчалъ Аргайль съ сатанинскою улыбкой: если вамъ угодно такъ назвать. Что жъ дѣлать, я уже долженъ снести немножко гнѣву вашего сіятельства, потому что я слишкомъ вознагражденъ за свою слабую проникаемость..... Я вижу, что холодная, гордая, неумолимая леди Урика въ нѣсколько часовъ сдѣлалась жертвою чувствъ, которыя доселѣ у нея только впускать другимъ!.... О, это—рѣдкое, любопытное зрѣлище!

— Довольно, милордъ! вскричалъ Монтрозъ, величе-

стеснено вывремившись во весь ростъ: это будетъ послѣднимъ вашимъ словомъ. Графиня де-Казамбургъ, вы не станете отрицать священныхъ правъ, которыя сейчасъ даровали мнѣ. Они даютъ мнѣ возможность защитить васъ отъ всякой дерзости и я требую, милордъ Аргайль, чтобы вы сейчасъ же пожаловали со мною, и притомъ черезъ эту дверь..... Позвольте мнѣ, графиня, въ случаѣ, если обстоятельства того потребуютъ, объявить королю о моемъ счастьи.

— Объявите, женихъ мой, сказала Урика съ достоинствомъ: я тоже скажу королевѣ.

— Женихъ?... женихъ! вскричалъ Аргайль, вѣ себя и схвативъ Монтроза за плечо съ такимъ ужаснымъ выраженіемъ, что тотъ невольно почувствовалъ состраданіе: женихъ? повторилъ онъ дрожа всѣмъ тѣломъ и устремивъ на Урику сверкающій взоръ. Женихъ!.... Погодите же..... я обвиняю васъ!

Съ этимъ словомъ онъ отскочилъ и еще разъ съ яростью взглянувъ на маркиза выбѣжалъ какъ безумный, едва не опрокинувъ вошедшую въ это время графиню Коменесъ.

Урика въ полуобморокѣ лежала въ объятіяхъ Монтроза. Но скоро оправившись, она прежде всего попросила маркиза удалиться.

— Вы не должны опоздать въ это важное собраніе. Я предчувствую, что вы встрѣтите много затрудненій. О, другъ мой! это первое страданіе, причиняемое вамъ любовью къ Урикѣ. Дай Богъ, чтобы за нимъ не послѣдовало другихъ, болѣе продолжительныхъ!

— Успокойтесь, сказалъ Монтрозъ съ твердостью: то, что я приобрѣлъ здѣсь, закалило мою жизненную силу, которую я не вправѣ считать слабою. Я могу быть снисходительнымъ къ Аргайлю, потому что мнѣ понятны страданія, которыя доводятъ его до безумія..... онъ любилъ васъ. Я буду беречь его. Но желаю, чтобы онъ не осмѣлился загородить мнѣ дорогу тамъ, куда меня призываютъ высшія обязанности. Тогда я раздавлю его, чтобы сдѣлать безвреднымъ, потому что инаго онъ не заслужитъ. Козней его я не страшусь, потому что противопоставлю имъ

истину, которая всегда возьметъ верхъ и всегда проложитъ себѣ ближайшую дорогу.

Она подѣловала руку Урики, на прощаніе. Урика не вывустала его руки и подвела къ графинѣ Коменосъ, которая на всю сцену смотрѣла съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Почтенный другъ мой, сказала Урика съ важностью и искренностью: тебѣ первой, представляю моего женика.

Тайная конференція министровъ Карла Перваго давно уже кончилась. Государственный совѣтъ былъ въ полномъ собраніи. Ждали пословъ шотландскихъ. Первый явился лордъ Аргайль. Онъ вошелъ въ собраніе съ поспѣшностью человѣка, который ищетъ случая излить свой гнѣвъ, и съ намѣреніемъ объявить себя единственнымъ представителемъ ковенанторовъ, а маркиза Монтроза утранить какъ измѣнника.

Въ страшномъ волненіи, кипя злобою и жаждой мщенія, началъ Аргайль свою рѣчь и не примѣчалъ или не хотѣлъ примѣтить, что изливаетъ на политическій вопросъ только личную свою страсть. Предложенія ковенанторовъ уже сами по себѣ составляли безсмысленный наборъ непоимѣрныхъ притязаній и посягательствъ на освященные вѣками права короля, такъ, что терпѣніе Карла подвергалось неимовернымъ испытаніямъ. А въ устахъ распаленнаго страстями Аргайля эти предложенія казались просто личными оскорбленіями. Рѣчь его часто возбуждала въ собраніи ропотъ негодованія, который еще усилился, когда вошелъ Монтрозъ и когда вмѣстѣ съ тѣмъ Аргайль воспламенился до изступленія. Монтрозъ съ спокойнымъ достоинствомъ поклонился королю и собранію и занялъ свое мѣсто подлѣ Аргайля, который, чувствуя что появленіе соперника произвело гораздо выгоднѣйшее впечатлѣніе, болѣе и болѣе приходилъ въ ярость. Монтрозъ со вниманіемъ вслушивался въ рѣчь товарища-врага и лицо его постепенно принимало болѣе строгій и важный видъ. Наконецъ онъ всталъ, выступилъ на шагъ впередъ и, схвативъ вышедшаго изъ себя за руку, остановилъ его изліаніе громовою рѣчью. Аргайль бѣсновался, требовалъ уда-

ленія Монтроза, объявилъ его неспособнымъ къ исполненію обязанности представителя и дотога забылся, что превратилъ все разсужденіе въ личный споръ и, наконецъ, хотѣлъ уйти самъ, чтобы тѣмъ совершенно прервать дѣло, для котораго совѣтъ собрался. Но король принудилъ его остаться и выслушать Монтроза, который наложилъ дѣло съ начала и изложилъ ясно, спокойно, нѣкая чувство и достоинство короля и его совѣтниковъ, такъ, что несмотря на всѣ невгоды своего положенія заслужилъ общее одобреніе, потому что умѣлъ согласить строгое исполненіе принятыхъ на себя обязанностей представителя враждебной партіи съ стремленіемъ къ примиренію и соглашенію. Личнымъ же достоинствомъ и благородствомъ достигъ торжества, котораго вовсе и не искалъ. Аргайль, съ яростью въ сердцѣ, оставилъ собраніе и въ ту же минуту уѣхалъ въ Гласто, гдѣ находился шотландскій парламентъ.

Въ томъ же собраніи рѣшено было, что королева необходимо должна ѣхать во Францію. Несчастливая Генриета была въ отчаяніи. Ее терзало неумолимое предчувствіе, что она разстанется съ супругомъ навсегда. Самъ Карлъ едва скрывалъ свою скорбь.

Черезъ часъ по выходѣ изъ собранія, Монтрозъ стоялъ на одномъ изъ дворцовыхъ балконовъ съ Урикою и графинею Коменесъ. Во всѣхъ чертахъ Урики выражались страхъ, тоска и состраданіе.

— Монтрозъ! говорила она, неужели и вы могли говорить противъ этой благородной и несчастной женщины?... неужели и вы могли поддерживать ужасное опредѣленіе, которое сокрушаетъ ей сердце и, быть-можетъ, будетъ стоить жизни?

— Урика, возразилъ Монтрозъ съ нѣжною важностью: способны ли вы принять истину?

Урика взглянула на него съ выраженіемъ безутѣшной тоски и потомъ сказала:

— Ахъ, Монтрозъ, я еще никогда не была такъ слаба, такъ глубоко поражена, какъ теперь. Я боюсь, что сердце мое вооружится противъ всего, что способствовало къ огорченію этой нѣжной и доброй супруги. Другъ мой, я не

сомнѣваюсь..... я знаю, что вы сдѣлали..... и всё-таки.....
О, неужели вы ни разу не подумали объ Урикѣ?

— Нѣтъ, Урика, нѣтъ.... я не могу згать.... я не думалъ о васъ. Урика, неужели вы хотѣли, чтобы тотъ, кого сейчасъ только сдѣлали такъ невыразимо счастливымъ, кого вы почтили такъ высоко, что душу его наполняетъ благородная гордость..... неужели вы хотите, чтобы такой человѣкъ поступалъ противъ совѣсти и Богомъ даннаго убѣжденія? По какому праву отважился бы я требовать у моего государя самой тяжкой жертвы, если бы я не былъ глубоко убѣжденъ въ необходимости этой жертвы? Урика! неужели вы думаете, что я могъ бы теперь стоять передъ вами, если бы я изъ любви къ вамъ нарушилъ долгъ и подавилъ чувство справедливости. Теперь, продолжалъ онъ нѣжнѣе и пламеннѣе: теперь, Урика, я имѣю право раздѣлять вашу скорбь..... теперь я могу признаваться, какъ глубоко печалитъ меня положеніе несчастной королевы.... теперь я могу сказать, что принесъ бы самую тяжкую жертву, лишь бы отклонить отъ ея сердца этотъ жестокий ударъ. И вы повѣрите, что мое желаніе искренно. Урика, не заставьте меня думать, что вы прогнѣваны.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала она, вырываясь изъ-подъ гнету скорби и съ глубокимъ чувствомъ подавая Монтрозу руку: я, къ-несчастью моему, понимаю васъ совершенно..... я не хочу, чтобы вы поступали иначе, нежели велитъ вамъ благородное ваше чувство..... Но всё-таки..... это ужасно..... ужасно, что именно вы, Монтрозъ, должны были нанести этотъ ударъ!

— Трудно опредѣлить, кто именно рѣшилъ дѣло. Со мною говорили многіе и всё были того мнѣнія, что королева должна ѣхать. Меня король спросилъ послѣдняго и тогда опредѣлили принести эту жертву.

— Что въ томъ, вскричала Урика: первый вы были или послѣдній, но вы были твердо намѣрены рѣшить такъ, какъ теперь рѣшено. Ахъ, Монтрозъ! продолжала она вдругъ съ пламеннымъ увлеченіемъ: и за это самое я еще болѣе должна уважать васъ!

Когда Монтрозъ поклонился, чтобы подѣловать руку

Урики, прекрасное, мужественное лицо его оживилось блескомъ восхищенія.

— Это свидѣтельство составляетъ мое счастье, сказалъ онъ тихо: оно мнѣ необходимо.

— А если бы вы не получили его, спросила Урика съ полу-улыбкой: это не смутило бы васъ?

— Нѣтъ, отвѣчала Монтрозъ просто и спокойно.

И Урика ощущала, какъ любовь ея къ Монтрозу съ каждымъ мгновениемъ возрастаетъ въ волнующейся груди ея.

Помолвка графини Урики де-Казамбортъ съ маркизомъ Монтрозомъ въ тотъ же день была объявлена. Королева приняла эту вѣсть почти равнодушно: она была слишкомъ занята своимъ горемъ и уже не обращала, казалось, ни какого вниманія на то, что Урика привязала не того, кого нужно, а того, который и безъ привязи надеженъ. Притомъ, будучи сама принуждена удалиться, она считала свой прежній планъ касательно Аргайля во всякомъ случаѣ мало полезнымъ. Обстоятельства не позволяли Монтрозу дѣлать большихъ приготовленій къ свадьбѣ. На другой же день обрядъ былъ совершенъ очень скромно, хотя и въ присутствіи монарховъ и двора, въ дворцовой церкви. Черезъ часъ потомъ молодые отправились въ Шотландію. Графиня Коменсъ не согласилась ѣхать туда и осталась въ свитѣ королевы, чтобы, проводивъ се, отправиться домой, въ Голландію. Урика простилась съ своимъ старымъ другомъ нѣжно, однако легче нежели ожидала.

И въ своемъ замкѣ маркизъ Монтрозъ провелъ съ молодою женою не болѣе двухъ сутокъ. Онъ принужденъ былъ отправиться въ Глазго, чтобы если не оправдываться противъ обвиненій Аргайля, то по-крайней-мѣрѣ уничтожить дѣйствія злостныхъ навѣтовъ. Потомъ его ожидала армія, оставленная безъ главнокомандующаго.

Несмотря на свой твердый характеръ, Урика по отъѣздѣ Монтроза почувствовала страхъ и тоску одиночества. Но такое состояніе у нея не могло быть продолжительнымъ: на другой же день она съ яснымъ и спокойнымъ сознаниемъ пошла навстрѣчу новымъ своимъ обязанностямъ. Она ознакомила съ новымъ своимъ домомъ и вѣрною, испытанною прислугой мужа, которыхъ держалъ въ отличномъ

порядкѣ почтенный старикъ-дворецкій, сэръ Джонъ Кра-тонъ, очень уважаемый маркизомъ. Должность помощни-цы дворецкаго и надзирательницы за женскою прислугой исполняла жена его, добрая и любезная старушка, которая почти вполнѣ замѣнила Урикѣ Комёнесь. Ласково озна-комившись со всѣми и размѣстивъ собственныхъ своихъ людей безъ обиды мужнинымъ, Урика занялась пригото-вленіемъ къ приему дѣтей, которымъ съ восторгомъ взя-лась заступитъ мѣсто матери. У маркиза Монтроза было двое дѣтей отъ первой жены, мальчикъ одиннадцати и дѣвочка десяти лѣтъ, которые по матери были католиче-скаго исповѣданія и воспитывались у своей бабки, старой леди Сутескъ.

Потомъ, по желанію Монтроза, Урика посѣщала и при-нимала у себя сосѣднее дворянство. Хотя прибытіе Мон-троза замедлялось, однако вѣсти отъ него изъ Глазго были такого содержанія, что успокаивали и веселили сер-дце Урики, подкрѣпляли, развивали ея жизненные силы и бодрость. Двадцати двухъ-лѣтней супругѣ казалось, будто она прежде была стара и теперь только начала по-нимать наслажденіе бытія.

Монтрозъ, напротивъ, былъ неспокоенъ и недоволенъ разлукою съ Урикой и въ-особенности отсутствіемъ дѣтей, которыхъ онъ желалъ видѣть въ рукахъ своей благород-ной жены. Онъ посылалъ письмо за письмомъ къ старой, своенравной тещѣ, убѣдительно просилъ возвратитъ дѣ-тей отцовскому дому и не получилъ никакого отвѣту, такъ, что почти уже отчаялся обыкновеннымъ путемъ во-ротить свою собственность. Причиною этого упорства былъ католическій фанатизмъ гордой леди Сутескъ. Вы-давъ дочь свою изъ корыстныхъ видовъ за протестанта Монтроза, она предусмотрительно включила въ брачный договоръ статью о томъ, чтобы дѣти непременно воспи-тывались въ духѣ католическаго исповѣданія и, въ случаѣ смерти матери, чтобы они отданы были подъ непосред-ственный надзоръ бабки, которая въ свою очередь находи-лась подъ управленіемъ великомощныхъ езуитовъ. Мон-трозъ зналъ это, помнилъ и договоръ, но надѣялся перета-нуть правомъ отца, просилъ, улаживалъ и соглашался даже

принять въ домъ езуита-наставника, несмотря на свою ненависть ко всей породѣ езуитовъ. Все было напрасно. Леди Сутескъ и безъ того уже на второй бракъ его смотрѣла, какъ на преступленіе, какъ на похищеніе собственности ея внучатъ, а о выдачѣ дѣтей еретичкѣ и слышать не хотѣла. Двѣ такія пружины, какъ корысть и фанатизмъ, переломить не легко.

Такъ прошло четыре недѣли. Урика получала по два и по три письма въ каждую. Въ послѣднемъ Монтрозъ выражалъ свое отчаяніе, что свиданіе съ женою опять отсрочено еще далѣе, потому что онъ принужденъ собрать свой корпусъ на берегахъ Твиды. Онъ просилъ ее обратить особенное вниманіе на пакетъ, въ которомъ она найдетъ присылаемую въ подарокъ турецкую шаль.

Посвятивъ нѣсколько минутъ исключительно скорби отъ разочарованія, Урика обрѣзала шурки, сняла нѣсколько оболочекъ и не взглянувъ на тонкую дорогую ткань, поспѣшно развернула шаль и вытряхнула изъ нея два письма. Одно было къ ней же. Монтрозъ просилъ ее во вторую почу по полученіи сходить на край парка, подлѣ большой дороги и охотничьяго дому и тамъ подъ третьею липой съ лѣвой стороны отдать второе письмо посланному отъ короля человѣку, который подастъ условленный знакъ, спросить: «Близко ли Марсъ стоитъ къ Солнцу»? на что она отвѣтитъ «Такъ же близко какъ Солнце къ Марсу». Письмо къ королю было не запечатано. Монтрозъ поручилъ ей запечатать, по прочтеніи. Это благородное и почетное довѣріе супруга глубоко тронуло Урику.

Письмо это отнимало у Карла всякую надежду на скорую подмогу отъ Шотландіи. Кованантеры явно рѣшились обождать, счастливо ли будетъ оружіе короля противъ Англіи, и Монтрозъ былъ твердо убѣжденъ, что они примутъ сторону сильнѣйшаго. Онъ описывалъ королю также и свое собственное положеніе. Аргайль, правда не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, однако жъ этого нельзя еще было назвать довѣренностью со стороны кованантеровъ. Если бы у нихъ былъ полководецъ, способный замѣнить Монтроза, они приняли бы совсѣмъ другія мѣры. Аргайль, по видимому, удалился отъ участія въ дѣлахъ и

распустилъ слухъ, будто ему угрожаетъ опасность жизни отъ приверженцевъ Монтроза, а между-тѣмъ не переставалъ дѣйствовать тайно противъ своего соперника и вслѣдствіе преслѣдовалъ его своею непримиримою злобой. Въ заключеніе Монтрозъ убѣждалъ, умолялъ короля приступить къ усиленной дѣятельности и сбросить ярмо ложныхъ совѣтниковъ, которые заставляютъ его медлить и тѣмъ измѣннически ведутъ къ гибели.

По прочтеніи этого письма Урика долго оставалась въ глубокомъ раздумьѣ. Холодная дрожь потрясла все ея тѣло и бѣзпокое сжатіе сердца останавливало дыханіе въ груди. Она соображала всѣ опасности, которымъ подвергается Монтрозъ изъ-за нея и для Карла.

Часа чрезъ два она отправилась гулять по парку, верхомъ, въ сопровожденіи сэръ Джона, съ намѣреніемъ подробнѣе осмотрѣть мѣстность, гдѣ нужно было исполнить важное порученіе мужа, тайно даже отъ весьма довѣреннаго стараго дворецкаго.

Со страхомъ и нетерпѣніемъ дождалась она втораго вечера, отпустила горничныхъ ранѣе обыкновеннаго, потомъ снова одѣвшись сама и, приготовивъ все нужное за часъ до полуночи, осторожно прошла длинный рядъ комнатъ и вышла черезъ залу и террасу прямо въ садъ. Тутъ только, миновавъ всякую непріятную встрѣчу и почувствовавъ себя на свободѣ посреди спокойной, прекрасной ночи, она опять ободрилась и даже наслаждалась свѣжимъ, благоуханнымъ воздухомъ. Вышедши изъ цвѣтника и проходя по длинной широкой аллеѣ, она оглянулась на замокъ. Всѣ окна огромнаго зданія были темны. Только въ кабинетѣ сэръ Джона свѣтъ пробивался сквозь полусомкнутые занавѣсы. Это еще болѣе успокоило Урику. Крафтона она не опасалась даже въ такомъ случаѣ, если бы онъ увидѣлъ или встрѣтилъ ее. Она знала, какую довѣренность питаетъ къ нему Монтрозъ, и сама уже успѣла примѣтить безпредѣльную преданность стараго дворецкаго. Тѣмъ не менѣе однако жъ она не могла и не хотѣла безъ воли мужа распространить довѣренность къ нему и на порученіе, которое было дано ей одной.

Длинная аллея, по которой она наканунѣ проѣзжала вер-

хоть, показалась ей теперь безконечною. Она два раза останавливалась и прислонялась къ деревьямъ, чтобы отдохнуть. Сердце сильно билось, страхъ увеличивался по мѣрѣ приближенія къ цѣли. Наконецъ она достигла конца аллеи. Тутъ ноги ея такъ задрожали, что она принуждена была сѣсть на скамью. Передъ нею открывалась небольшая поляна и окруженный съ трехъ сторонъ рощею, охотничій домъ, една примѣтнѣйшій въ почвой тѣни. Чтобы достигнуть назначеннаго мѣста, ей нужно было перейти поляну и пройти по опушкѣ мимо допка на другой край рощи, который примыкалъ къ большой дорогѣ. Урика знала, что уже промедлила слишкомъ долго, и хотѣла поспѣшить, но вдругъ вся задача показалась ей такою ужасною, мысль о свиданіи съ чужимъ человѣкомъ, ночью, въ лѣсу, такъ испугала ее, что она уже готова была бѣжать назадъ, не исполнивъ порученія. Но мысль о Мон-трозѣ опять поддержала ее. Она съ жадностью ухватилась за эту опору и встала, чтобы идти. Тутъ раздался выстрѣлъ и рѣзкій звукъ его медленно замеръ въ чащѣ лѣсу. Урика упала назадъ на скамью, какъ-будто пуля поразила ее. Опомнившись черезъ минуту, она рассчитала, что выстрѣлъ упалъ гдѣ-нибудь по другую сторону дороги или далѣе, въ сосѣднемъ паркѣ. Тѣмъ не менѣе однако жъ это усилило ея безпокойство и страхъ. Кто бы ни были нарушители тишины, браконьеры, бродяги или другіе, добрые или не добрые люди, во всякомъ случаѣ посланный отъ короля, и то уже дожидавшійся слишкомъ долго, подвергался такой же опасности какъ и она сама. Урика скрѣпилась, собрала съ духомъ и пошла черезъ поляну. Не дошедши шаговъ на пять до рощи, она вздрогнула и остановилась. Передъ нею вдругъ какъ-будто изъ земли выросъ высокаго росту человѣкъ, въ черномъ плащѣ съ нахлобученною шляпой, которая совершенно скрывала лицо, и безъ того неопредѣленное въ темнотѣ. Незнакомецъ рѣшительно протянулъ руку, съ тѣмъ, чтобы остановить идущую. Урика съ трепетомъ ждала, что онъ скажетъ. Помолчавъ и смѣривъ ее взглядомъ, незнакомецъ вполголоса спросилъ:

—Близко ли Марсъ стоитъ къ Солнцу?

— Такъ близко какъ Солнце къ Марсу, съ трудомъ отвѣчала Урика.

— Вы долго промедлили, сударыня, продолжалъ незнакомецъ по-громче: я уже цѣлый часъ жду васъ. На дорогѣ стало не спокойно. Я видѣлъ вооруженныхъ людей. Кто-то даже выстрѣлилъ. Поэтому я и прошелъ далѣе назначеннаго мѣста. Давайте скорѣе письмо..... Скорѣе!.... Что же вы?

Урика оставалась въ нерѣшимости, страхъ ея возрасталъ, сердце билось сильнѣе, руки трепетали. Выстрѣлъ, перемена мѣста, отрывистый, почти грубый тонъ незнакомца, все казалось ей подозрительнымъ. Она съ ужасомъ вообразила, что можетъ отдать письмо не тому, кому слѣдуетъ.

— Что же вы? продолжалъ незнакомецъ: сомнѣваетесь что ли во мнѣ? Вѣдь я вамъ сказалъ пароль! Впрочемъ, если этого мало, я скажу вамъ еще, что я пришелъ получить письмо маркиза Монтроза къ королю. Этого, вѣжеся довольно! Во всякомъ случаѣ промедленіе опасно для насъ обоихъ. Если вы та, кого я жду, то отпустите меня скорѣе; если нѣтъ, то я долженъ опасаться измѣны и не отпущу васъ живую. Рѣшайтесь. Время дорого. У васъ ли письмо?

— У меня, отвѣчала Урика съ гордостью, услышавъ угрозу: но я не ожидала, что посланный короля ставеть обходиться со мною такъ грубо. Вотъ вся причина медленности.

Она опустила руку въ карманъ, чтобы достать письмо.

— Извините, миледи, отвѣчалъ незнакомецъ: время и предпріятіе опасное. Я долго ждалъ и боялся, что прождалъ напрасно или дождусь бѣды. Извините.

Урика достала письмо и съ стѣсненнымъ отъ страху и сомнѣнія сердцемъ подала незнакомцу. Онъ торопливо вырвалъ его и въ то же мгновеніе скрылся не сказавъ ни слова. Урика снова обмерла отъ ужасу.

Вдали послышался призывный голосъ. Урика бросилась бѣжать, какъ-будто бы се по пятамъ преслѣдовала лютый звѣрь. Вбѣжавъ почти въ безпамятствѣ въ адью, она

встрѣтила человѣка, въ которомъ тотчасъ узнала Крафтона.

— Помогите мнѣ!.... отведите меня домой! вскричала она задыхаясь и судорожно ухватившись за его руку.

— Боже мой! вскричалъ старикъ: это вы, миледи, вы?... ночью..... такъ далеко отъ замка? И на васъ напали?..... Заключивъ васъ, пустите меня.... Присядьте здѣсь. Я побѣгу, посмотрю, какой злодѣй осмѣлился..... Этого нельзя позволить..... здѣсь, на нашей землѣ..... нападеніе! выстрѣль! Боже мой.... не въ васъ ли онъ былъ направленъ?... Ужъ не насильно ли васъ притащили сюда? Пустите, я кликну людей. Надобно отправиться въ погоню за злодѣями!

Урика еще разъ принуждена была побѣдить свое нежеланіе, чтобы удержать до-крайности взволнованнаго и встревоженнаго дворецкаго. Не смѣя открыть ему настоящей причины своего страннаго положенія, она нескрывая страдала отъ затруднительнаго изобрѣтенія благовидныхъ поводовъ, чему противилась ея гордость. Она не отпускала его руки и только повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно!.... Нѣтъ, нѣтъ, не оставляйте меня.... я не могу.... я не позволю.

Старикъ, какъ-будто пораженный мгновенною мыслью, вдругъ уступилъ, бережно, почтительно довелъ маркизу до скамьи и посадилъ. Она опустилась въ совершенномъ изнеможеніи. Онъ молча стоялъ передъ нею въ раздумьѣ. Однако жъ Урика не много минутъ отдыха позволила себѣ, потому что почтенный старикъ, очевидно страдавшій въ душѣ, возбуждалъ ея благородное участіе.

— Сэръ Джонъ, сказала она слабымъ, однако твердымъ голосомъ: мнѣ невозможно было бы совершенно обмануть васъ насчетъ этого происшествія. Я объясню вамъ его въ той мѣрѣ, въ какой мнѣ позволительно объяснить. Я добровольно, по чувству долга пришла сюда. Мнѣ нужно было видѣться здѣсь съ чужимъ человѣкомъ.

— О! зачѣмъ же вы не доверили мнѣ? вскричалъ Крафтонъ.

— Я доверю вамъ все, что отъ меня зависитъ, съ искренностью отвѣчала Урика: но это дѣло было по-

ручено мнѣ одной. Я не имѣла права распространить до-
вѣренность, хотя быть-можетъ мнѣ не дали этого права,
только потому что забыли, какъ необходимо мнѣ можетъ
понадобиться защита и какую полную и безопасную защи-
ту я могла найти въ васъ.

— А этотъ выстрѣлъ, миледи?

— Онъ только подтверждаетъ, какъ опасно было мое
предпріятіе безъ надежной защиты. На большой дорогѣ,
очевидно, происходило что-нибудь недоброе. Поэтому и
человѣкъ, съ которымъ мнѣ нужно было видѣться, зашелъ
далѣе назначеннаго мѣста.... поэтому онъ и показался мнѣ
подозрительнымъ..... испугалъ меня.....

— Испугалъ?....

— Да, странностью и даже дерзостью обращенія.....

— И вы всё-таки довѣрились ему? продолжалъ Крафтонъ
блѣдно.

Урика молчала и вздохнула.

— Онъ подалъ условленный знакъ, сказала она потомъ
задумчиво.

— Дай Богъ, миледи, чтобы тутъ не было ни какого
обмана! сказалъ Крафтонъ также съ глубокимъ вздохомъ.

— Боже мой! вскричала Урика: вы думаете?... возмож-
но ли это?... Неужели меня могли обмануть?... Какимъ
же образомъ другому могъ быть извѣстенъ пароль?

— Не знаю, миледи, грустно отвѣчалъ Крафтонъ. Но я
надѣюсь, что вся опасность ваша кончилась испугомъ.
Теперь позвольте вамъ напомнить, что пора воротиться
въ замокъ, чтобы люди не примѣтили вашего отсутствія.
Притомъ вамъ необходимо отдохнуть.

Урика встала оперлась на руку Крафтона и пошла.
Совершенно успокоиться она не могла, однако несмотря
на живое, почти физическое отвращеніе и страхъ, какіе
внушалъ ей незнакомецъ, должна была разсудить, что вся
неправильность исполненія порученія естественно произо-
шла отъ постороннихъ обстоятельствъ и частию отъ ея
собственной медленности и нерѣшимости.

Когда они воротились, во всемъ замкѣ по-прежнему
царствовали сонъ и безмолвіе. Урика прошла въ свою
спальню тою же дорогой, которою вышла; раздѣлась и

легла, но долго не могла заснуть отъ странныхъ видѣній, которыя заставляли ее содрогаться и вскакивать.

Поутру, горничныя, освѣдомляясь объ отдыхѣ госпожи, прежде всего спросили, не встревожилъ ли ее выстрѣлъ, который онѣ в нѣкоторые другіе слуги слышали въ просонѣ.

— Такъ выстрѣлъ слышали? вскричала Урика.

— Какъ же, миледи! И убитаго нашли..... Сэръ Джонъ посылалъ людей осматривать паркъ и самъ ходилъ. Мертваго нашли подлѣ самаго охотничьяго дому, подлѣ третьей липой.

Урика поблѣднѣла и опустилась назадъ въ подушки. Сердце ея сжалось, дотога, что она едва могла дышать. Черезъ минуту она сказала:

— Такъ всё-таки..... убійство!.... Знаютъ ли кто убитый?... Здѣшній онъ?

— Нѣтъ, миледи, никто его не знаетъ. По платью онъ, кажется, Англичанинъ. Пуля прошла у него сквозь спину прямо въ сердце. Онъ въ ту же минуту умеръ, говоритъ докторъ, который свидѣтельствовалъ. Онъ былъ человекъ дюжій, сильный, котораго иначе не скоро одолѣли бы.... но выстрѣлъ въ спину..... Это и сэръ Джона ужасно огорчаетъ..... Несчастный свалился какъ срѣзанный снопъ..... и шагу не успѣлъ сдѣлать..... Впрочемъ его, кажется, не ограбили.... Богъ знаетъ, что это такое.

— Подлѣ третьей липой! проговорила маркиза машинально.

— Да, миледи, подлѣ третьей липой. Такъ и лежитъ лицомъ на корняхъ.

Больше этого ничего не узнали, несмотря ни на какіе розыски Крафтона.

Черезъ недѣлю, которую Урика провела въ страшной тревогѣ, неожиданно пріѣхалъ Монтрозъ. Послѣ первой радости свиданія, Урика тотчасъ спросила мужа, что онъ думаетъ объ убійствѣ, о которомъ она уже увѣдомила его письменно.

Монтрозъ при этомъ вопросѣ слегка отшатнулся и лицо его на мгновеніе вспыхнуло. Урика вскочила, бросилась

къ нему, схватила его обѣими руками за плечи и съ трепетомъ, со слезами глады въ глаза, вскричала:

— Боже мой!... мое предчувствіе!... Тебѣ извѣстны!

— Успокойся, другъ мой, сказалъ Монтрозъ, вѣжливѣе обвиняя ее: приняты всѣ мѣры, какія были возможны. Убить посланный отъ короля. Это несомнѣнно.

Урика вскрикнула и отскочила, съ ужасомъ всплеснувъ руками.

— Посланный..... отъ короля? проговорила она съ трудомъ: и я..... я, быть-можетъ всему причиной!... Моя медленность..... моя нерѣшительность!... Я погубила и его и тебя!

— Полно, полно, Урика! успокойся. Слава Богу, что ты промедлила, сказалъ Монтрозъ, снова обнявъ и прижимая ее къ груди: иначе и ты была бы жертвой. Въ-сто одного совершилось бы два убійства. Слава Богу! Онъ сохранилъ тебя!

— Но кто же убійца?.... кто тотъ, кому^я отдала письмо? спросила Урика съ безпокойствомъ и вѣдомъ вдругъ вскрикнула: А! понимаю!.... вѣрно, клеветъ Аргайла.... или онъ самъ!

— Вѣроятно, клеветъ, отвѣчалъ Монтрозъ: эта хитрость удалась нашимъ врагамъ, хотя непостижимо, какимъ образомъ они могли провѣдать объ условленномъ знакѣ. Впрочемъ мы должны оставить это, какъ дѣло рѣшеное, и приготовиться только къ тому, что угрожаетъ намъ, когда это письмо сдѣлается извѣстнымъ. Противъ меня явятся обвинители, продолжалъ онъ рѣшительно, крѣпче прижимая трепещущую Урику къ груди: но если они сдѣлаютъ этотъ промахъ, то раскаются, вѣтому что онъ повредитъ больше имъ нежели мнѣ. Шотландія съ Карломъ не воюетъ: напротивъ, она приняла въ-отношеніи къ нему лицемѣрное положеніе, которое будто бы выражаетъ чувство благодарности за снисхожденіе и умѣренность. Если же мои враги осмѣлятся обвинить меня за софты, которые я подаю Карлу, то я сорву съ нихъ личину, обнаружу низкое притворство и принужу признать мой поступокъ какъ долгъ честнаго подданнаго. Кому же мое вележеніе посередѣ слѣпо, съ энтузіазмомъ преданной мнѣ арміи

таково, что они должны пасть мѣня, для собственной своей выгоды.

Насчетъ явной опасности Монтрозу удалось успокоить жену. Но когда онъ на третій день по прїѣздѣ опять собрался отправиться въ Глазго, она уже ни за что не соглашалась разстаться съ нимъ. Онъ принужденъ былъ взять ее съ собою.

Между-тѣмъ въ Глазго сильно вооружились противъ Монтроза. Основаніемъ служили навѣты Аргайла и его партіи, а главнымъ обличительнымъ актомъ перехваченное письмо. Монтроза даже содержали нѣсколько времени подъ домашнимъ арестомъ, но все это, какъ предвидѣлъ онъ, повредило больше его врагамъ, потому что поставило ковенантеровъ въ затруднительное положеніе. Армія, лишенная вождя, который почти самъ создалъ ее или крайней-мѣрѣ держалъ и оживлялъ силою своего генія, разстроилась и пришла въ величайшій беспорядокъ; солдаты, привязанные болѣе къ нему лично нежели къ правительству, у котораго не было головы, мало-по-малу разбрелись по домамъ или мятежно требовали возвращенія любимаго полководца. Это затрудненіе еще усиливалось двучленнымъ отношеніемъ обвинителей Монтроза къ королю Карлу. Такимъ образомъ, когда совѣтъ ковенантеровъ собрался судить измѣнника и когда Монтрозъ явился передъ собраніемъ, трудно было рѣшить, кто судья, кто подсудимый, покуда дѣло не кончилось нравственнымъ перевѣсомъ правды надъ ложью, торжествомъ благороднаго прямодушія, подкрѣпленнаго силою дарованій и обстоятельствъ, надъ темною интригой и лицемеріемъ партіи, которая запуталась въ противорѣчіяхъ. Монтрозъ не оправдался, а побѣдительно сразилъ враговъ и ковенантеры, не смѣя подломить единственную свою опору, были рады, что онъ не отказался исправить то, что они испортили своими нелѣпыми хитростями и безтолковостью. Возвращеніе Монтроза изъ судилища, куда онъ былъ призванъ какъ обвиненный въ измѣнѣ, походило на триумфъ. Народъ и солдаты на рукахъ отнесли его къ томившейся въ нетерпѣвіи и неизвѣстности Урикѣ.

Вскорѣ потомъ Урика получила отъ Анжелы письмо и

небольшой старинный кованный щечекъ, въ которомъ наша крошечный золотой перстень съ краснымъ ахонтомъ.

— Чей это перстень? спросилъ Монтрозъ.

— Теперь мой, отвѣчала Урика съ важностью: теперь я старшая женщина изъ рода Казамбортовъ: несчастная сестра Бригитта умерла.

Потомъ, рассказавъ мужу преданіе, Урика не безъ сердечнаго трепету надѣла таинственный перстенькъ на дарованный ей для этого природою пальчикъ и по-крайней-мѣрѣ это чудо дѣйствительно совершилось: перстенькъ, державшійся столько времени на исхудавшемъ костявомъ пальцѣ Бригитты, какъ-разъ пришелся впору и мягкому, пухленькому пальчику Урики и снять его уже не было ни какой возможности, что Монтрозъ однако жъ шутилъ и лаская приписалъ маленькимъ вѣжнымъ ямочкамъ прекраснаго пальчика.

Въ короткомъ, но вѣжномъ и скромно благородномъ письмѣ Анжела извѣщала сперва о тихой кончинѣ матери, которая уже не приходила въ полное сознаніе на землѣ; потомъ о рожденіи дочери, которую, какъ она говорила, за молитвы и любовь матери Богъ создалъ по подобію прекрасной тѣтки и которой фрау Ванъ-Марсевепъ будучи крестною матерью дала, кромѣ отцовской фамиліи, имена Флорисъ-Казамбортъ-Барневельдъ. Въ заключеніи Анжела изъявляла свою радость счастливому и достойному бракосочетанію своей любезной тѣтки и молитвою о продолженіи этого счастья.

Прошло шесть лѣтъ. Въ 1649 году мы возвращаемся въ Амстердамъ, гдѣ находимъ и Урику и Монтроза, который послѣ усиленной борьбы и многихъ блестящихъ подвиговъ, принужденъ былъ положить оружіе и оставить отечество. Несчастный Карлъ, измѣнически захваченный своими Англійскими подданными какъ плѣнникъ, принужденъ былъ приказать Монтрозу удалиться. Монтрозъ отправился съ женою во Францію. Тамъ они получили страшную вѣсть о царсубійствѣ и были свидѣтелями неизобразимой скорби Генриетты, которую терзало отчаяніе, за-

тѣмъ оставила супруга, зачѣмъ не раздѣлила его мученической смерти. Потомъ Монтрозъ отправился въ Германию, куда пригласилъ его императоръ, уважая необыкновенныя дарованія полководца. Когда же Шотландія провозгласила принца Валлисскаго королемъ Карломъ Вторымъ, когда Юсифъ явился въ Гаагу къ наслѣднику казеннаго съ предложеніемъ ковенантеровъ и когда молодой король сталъ сзывать своихъ вѣрныхъ, Монтрозъ оставилъ службу нѣмецкаго императора и посѣщилъ въ Голландію, чтобы снова служить законному государю и отечеству совѣтомъ и дѣломъ.

Положеніе Карла Втораго было критическое. Совѣтники его не знали, что дѣлать. Многіе не совѣтовали принимать ограниченныя, опасныя и почти унижительныя предложенія ковенантеровъ, которые не хотѣли даже опредѣлительно обѣщать содѣйствія къ возвращенію ему наслѣдственнаго англійскаго престола. Рѣшили, что Карлу лучше будетъ просить помощи версальскаго кабинета и для этого лично отправиться во Францію, гдѣ все еще жила несчастная его мать. Монтрозъ между-тѣмъ рѣшился употребить это время на сформированіе арміи, посредствомъ которой бы молодому королю можно было завоевать отцовскій престолъ Англій и вынудить содѣйствіе Шотландіи безъ унижительныхъ условій. Только такимъ образомъ Монтрозъ считалъ возстановленіе Стюартовъ возможнымъ. Онъ дѣятельно занялся исполненіемъ своего плана и съ самаго начала быстро подвинулъ дѣло, потому что пріобрѣлъ въ Голландіи и сѣверной Германіи много приверженцевъ, привлеченныхъ его славою. Король датскій и герцогъ голштинскій прислали ему вспомошествованіе деньгами, король шведскій оружіемъ, а принцъ Оранскій обѣщалъ снабдить кораблями. Но всѣхъ этихъ вспомошествованій было еще недостаточно. Собственнаго имѣнія у Монтроза уже не было: его конфисковали, когда онъ покинулъ отечество. Зато благородная, великодушная Урика, съ восторгомъ раздѣлявшая надежды и убѣжденія мужа, предоставила ему въ полное распоряженіе все свое собственное имѣніе и Монтрозъ не усомнился употребить предложенное, потому что могъ на-

дѣяться воротить все потраченное на вооруженіе за правое дѣло.

Монтрозъ уже довершалъ свое вооруженіе въ Амстердамѣ, когда мы застаемъ его отдыхающаго отъ дневныхъ трудовъ въ покояхъ жены. Опъ спитъ и любитъся на миленькую десяти-лѣтнюю дѣвочку, которая весело, смѣясь, играетъ на колѣняхъ Урики, и съ удивленіемъ въ сотый разъ примѣчаетъ необыкновенное сходство этихъ двухъ существъ. Подлѣ нихъ сидитъ женщина, съ виду, въ сравненіи съ блистательною Урикой, почти пожилая, блѣдная, съ легкою улыбкой на томномъ лицѣ, но съ благодарнымъ восторгомъ въ сердцѣ. Въ ней не трудно узнать Анжелу. Она скромно одѣта въ черный бархатъ, безъ всякихъ украшеній, кромѣ простенькаго кружевнаго чепца. Всѣ движенія ея запечатлѣны тихою грустью, но благородны и непринужденны, потому что она увѣрена въ любви окружающихъ ее. Ее узнать можно. Но никто посторонній, конечно, не повѣрилъ бы, что дѣвочка, которую ласкаетъ маркизъ Монтрозъ, не дочь Урики, а дочь Анжелы и Якова Ванъ-деръ-Нэса: такъ Флориса была похожа на свою прекрасную двоюродную бабу.

Однажды вечеромъ, воротившись домой, Анжела сказала Ванъ-деръ-Нэсу, что Урика намѣрена навѣстить ее дома. Это произвело страшную тревогу. Ванъ-деръ-Нэсъ прежде ожидалъ этого событія, но не могъ дождаться и наконецъ уже пересталъ рассчитывать. Онъ, правда, не могъ запретить Анжелѣ навѣщать сіятельную сударыню-тѣтушку, однако жъ всякій разъ ворчалъ и бранился, когда она собиралась туда или возвращалась отъ Урики, и по временамъ произносилъ странныя рѣчи, презрительно толковалъ о бродягахъ, расточителяхъ, хищникахъ; нерѣдко доходилъ до обыкновенныхъ своихъ припадковъ неистовства, грезился, шумѣлъ и хвасталъ своимъ умомъ и своею неподатливостью. Анжела не понимала этихъ возгласовъ и сначала не обращала на нихъ ни какого вниманія, полагая, что они происходятъ отъ старинныхъ опасеній Ванъ-деръ-Нэса за предложенный гдѣкогда разводъ. Но мало-по-малу освоившись съ родственниками и узнавъ нѣсколько обстоятельствъ, которыя касались употребленія имѣнія

Урнии, она стала опасаться, не превѣдалъ ли Нэсъ чего-нибудь недобраго и быть-можетъ даже неизвестнаго ей благородной и великодушной тёткѣ. Она стала вслушиваться въ рѣчи Ванъ-дёръ-Нэса, который особенно раскодался, когда услышалъ, что маркиза Монтрозъ наконецъ рѣшилась побывать въ его домѣ.

— Пусть, пусть ее пожалуетъ! вскричалъ онъ съ хотомъ: пусть пожалуетъ вмѣстѣ и съ маркизомъ-то своимъ! Я человѣкъ добрый. Я всегда согласенъ на миръ. Меня ей нечего бояться.... притомъ, такому человѣку какъ Ванъ-дёръ-Нэсъ маркиза Монтрозъ не сдѣлаетъ своимъ посѣщеніемъ ни особенной чести, ни безчестія. Время переиначаетъ обстоятельства, прибавилъ онъ озираясь съ самодовольною ужимкой: теперь нѣкоторые люди много бы дали, за то, чтобы обладать полновѣснымъ имѣніемъ, какъ наиримѣръ у Якова Ванъ-дёръ-Нэса, который не кладетъ денегъ на вѣтеръ!... Да, да, Анжелушка!... Чтò ты смотришь на меня съ такимъ удивленіемъ?... Скажи, чтò она, ничего не говорила тебѣ?... а? Зачѣмъ она хочетъ пожаловать къ намъ именно теперь?... Понимаешь ты, Анжелушка?... А-га! вѣрно до зарѣзу пришло! Теперь, не бойсьшла дорогу къ презрѣнному дому!... Какъ ты думаешь, пожметъ теперь сіятельная тётушка ту руку, къ которой тогда не хотѣла прикоснуться?... а? какъ ты думаешь?... Послушай, чтò я тебѣ скажу. Я думаю, если Нэсъ будетъ такъ глупъ и позволить себя поддѣть медовыми рѣчами, да вынесетъ на презрѣнной рукѣ то, чтò нужно ихъ сіятельствамъ, такъ того и смотри, что сударыня-тётушка скинетъ перчатку и ударитъ бѣлою рукою по этой рукѣ, да и какъ еще!.. Но, продолжалъ онъ насмѣшливо расклапываясь и болѣе и болѣе воспаляясь: мое почтеніе! Нэсъ не дуракъ!... О-го!... Нэсъ еще знаетъ, чего стòитъ его рука.... Нэса не проведешь! стара штука!...

— Я вовсе не воинмаю, о чемъ ты говоришь, Нэсъ, сказала Анжела: да и самъ ты въ такой запальчивости хорошо ли понимаешь себя? Прошу тебя только объ одномъ, не забывайся и веди себя прилично, когда пріѣдетъ тётушка, если ты хочешь остаться дома на это время. Ты

можешь вообразить, что мнѣ очень больно будетъ, если ты оскорбишь ее какою-нибудь грубостью.

— Я?... я непременно буду дома, Анжелушка..... не бойся.... На этотъ разъ мнѣ непременно нужно быть дома. Если хочешь, я сперва не покажусь, когда ей сѣятельство изволитъ пожаловать. Потомъ увидишь, какая будетъ потѣха.... держу закладъ, какой угодно, что на этотъ разъ она будетъ высматривать Наса, пожелаетъ, чтобы позвали племянника.... увидишь, какія потомъ пойдутъ ласковыя рѣчи, чтобы заставить Наса позабыть прошлое.... А-га! этого ты не понимаешь!.. Гдѣ жъ тебѣ понять: твое дѣло бабье.... на это у тебя умъ коротокъ.

— Да, ты правъ, возразила Анжела, я вовсе не понимаю, о чемъ ты говоришь, но вѣрю, что тѣтушка можетъ пожелать видѣть тебя и это было бы мнѣ очень пріятно. А чтобы увидѣть, желаетъ ли она этого, ты сначала не долженъ показываться, покуда она сама не потребуетъ.

— Да, да! я такъ и придумалъ.... такъ и сдѣлаемъ. Посмотримъ, какъ сударыня-тѣтушка повернетъ, какъ начнетъ умасливать! Но увидимъ также, удастся ли. А ты и не воображай затѣять что-нибудь въ подмогу имъ, слышавъ?... Ни слова! нето худо будетъ.

— Ты, конечно, знаешь, какъ тебѣ должно и выгодно будетъ поступить. Я же тебѣ мало, кажется, подавала поводовъ къ справедливому негодованію, возразила Анжела: следовательно, угрозы твои совершенно неумѣстны, тѣмъ болѣе, что я всё-еще не понимаю хорошенько, о чемъ ты говоришь. Но лучше оставимъ это. Уйди теперь. Нето тѣтушка застанетъ тебя, и я не узнаю, дѣйствительно ли справедливо, что она сама желаетъ видѣть тебя, какъ ты говоришь.

Ваиъ-дерь-Насъ ушелъ припрыгивая и размахивая руками. Онъ и самъ не зналъ хорошенько, веселъ ли онъ или взбѣшонъ: онъ чрезвычайно легко впадалъ изъ одного состоянія въ другое и веселье его часто выражалось такъ же ужасно какъ бѣшенство.

Урика, правда, не расказывалась въ томъ, что обѣщала побывать у Анжелы, однако жъ ею овладѣло неопредѣленное чувство стѣспенія и страху, когда она подумала, что

овязъ встрѣтится съ Ванъ-дерь-Нэсомъ. Одна она не рѣшилась поѣхать. Она пригласила съ собою бургомистра Ванъ-Марсевена. И то невольный трепеть пробѣжалъ по ея жиламъ, когда она вступила на порогъ Анжелнна жилища. Первая попалась ей на встрѣчу старая Сусанна, которая проводила гостей къ Анжелъ, въ цвѣтникъ. И тамъ Ванъ-дерь-Нэса не было. Это облегчило и успокоило Урику. Наконецъ Флориса громкимъ, радостнымъ привѣтомъ и дѣтскими ласками уничтожила послѣднюю непріятность впечатлѣнія. Потомъ, присѣвъ подъ липою, гдѣ нѣкогда сживала Бригитта, Урика посвятила нѣсколько минутъ грустнымъ воспоминаніямъ. Бургомистръ оставилъ ихъ и узнавъ, что Ванъ-дерь-Нэсъ дома, пошелъ къ нему въ комнаты. Наконецъ Урика, удаливъ Флорису съ Сусанной, взяла племянницу за руку и объявила, что пришла не безъ причины. Анжела безъ удивленія обратила къ тѣткѣ все свое вниманіе и участіе. Она удивилась уже тогда, когда совершенно пошла въ чемъ дѣло, потому что рѣчи Ванъ-дерь-Нэса приготовили ее вовсе не къ тому, что говорила тѣтка.

Урика, не падѣясь имѣть собственныхъ дѣтей и въ смутное время междоусобій и опасностей нерѣдко встрѣчаясь съ мыслью о смерти, по собственному желанію и по совѣту мужа хотѣла сдѣлать распоряженіе насчетъ своего имѣнія. Она избрала себѣ въ наслѣдницы дочь Анжелы и, вспомнивъ, что Флориса при крещеніи получила прозваніе Казамбортъ-Барневельдъ, воспользовалась пребываніемъ своимъ въ Германіи, чтобы испросить у императора возвращенія внучкѣ правъ и титуловъ, которыхъ по несчастнымъ обстоятельствамъ лишилась племянница. Изъ уваженія къ Монтрозу императоръ охотно исполнилъ эту просьбу. Всѣ документы были приведены въ порядокъ и находились уже въ рукахъ бургомистра Ванъ-Марсевена.

Сначала Анжела изумилась, потомъ затрепетала и то блѣднѣла, то краснѣла. Когда же Урика кончила объясненіе и ждала отвѣту, Анжела съ напряженіемъ сдѣлала руками отрицательный знакъ, напрасно попыталась открыть поблѣвшія уста и упала въ обморокъ на руки испуганной тѣтки.

Приведенная усердными повеченіями въ чувство и вознишивъ о чемъ говорили ей, Анжела заплакала горячими слезами.

— Флориса! вскричала она потомъ, вдругъ переставъ плакать: Флориса будетъ называться графинею Казанбургъ!.... Она не станетъ носить имени отца и матери.... Она отдѣлится отъ родителей.... Имя, которое Богъ далъ ей въ колыбели, сотрется съ нея какъ позорное пятно!... Ее заставить смотрѣть на это имя какъ на униженіе, отъ котораго ее избавили.... а между-тѣмъ она наше дитя.... она дитя тѣхъ людей, которые до гроба будутъ носить это имя....

— Анжела! сказала испуганная Урика съ укоромъ: это ты чувствуешь? Такъ ты отвѣчаешь на мое предложеніе!

— О! простите, простите! вскричала Анжела, унавъ къ ногамъ тѣтки и скрывая лицо у нея на колѣняхъ: простите! Я огорчила васъ!.... Я это чувствую слишкомъ хорошо... Я на те рождена, чтобы огорчать васъ и протаворить самымъ вѣжливымъ вашимъ повеченіямъ! Но.... будьте милостивы и снисходительны ко мнѣ.... вспомните, что я лишена всѣхъ прекрасныхъ даровъ жизни и что, получивъ понятіе о преимуществахъ роду я тогда же принуждена была отказаться отъ нихъ на вѣкъ.... вспомните, что у меня ничего не осталось кромѣ моего упованія на Бога и надежды жить такъ какъ Онъ велитъ. Богъ умилосердился надо мною, послалъ мнѣ маленькое счастье, которое замѣнило мнѣ свѣтъ и его выгоды и наслажденія.... Неужели вы захотите отнять у меня эту единственную отраду?... неужели вы захотите отлучить отъ меня дочь мою?... Тѣтушка, умилосердитесь!

— Анжела! помилуй, что съ тобой? возразила встревоженная Урика: кто же разлучаетъ тебя съ дочерью? Она останется у тебя. Мы хотимъ только черезъ нее возвратить тебя нашему семейству; хотимъ вознаградить тебѣ обиду, причиненную судьбою и обстоятельствами; хотимъ по-крайней-мѣрѣ, чтобы дочь твоя воспользовалась тѣми правами и преимуществами, которыхъ ты была лишена.

— Тѣтушка!.... ради Бога, не сердитесь на мое пред-

верѣніе.... я говорю по убѣжденію сердца.... во внушенію того голоса, который привыкла считать голосомъ Божьимъ.... Я думаю, Богъ уже вознаградилъ меня, пославъ мнѣ дочь, которую я могу воспитать лучше нежели сама была воспитана.... могу въ ней образовать живую благодарственную молитву Создателю за посланное мнѣ утѣшеніе и счастье.... могу сдѣлать изъ нея благочестивую женщину и добрую дочь.... Это, кажется, главное. А какъ же она будетъ моею дочерью, когда ей придется быть графиней?... когда она, не вышедши еще изъ дѣтскаго возраста, уже станетъ понимать, что отецъ ея такой инокій человекъ, котораго имя неприлично носить?... Можно ли ей будетъ бояться Бога и уважать мать, когда она станетъ презирать отца?

— Полно, полно, Анжела! ты все преувеличиваешь, возразила Урика. Успокойся и обдумай хорошенько: ты увидишь, что тутъ нѣтъ никакой опасности, что Флориса можетъ сдѣлаться графиней и всё-таки остаться доброю дочерью, если Богъ далъ ей такое же сердце какъ тебѣ. Между-тѣмъ вотъ услышимъ, что скажетъ самъ Ванъ-д-ръ-Насъ....

— Сохрани Богъ! вскричала Анжела: Насу не должно говорить объ этомъ! Выгода, какая бы ни была, для него опасное искушеніе.... Нѣтъ, нѣтъ! ему не надо говорить!....

— Но Ванъ-Марсевицъ съ тѣмъ и пошелъ съ нему, возразила Урика.

Анжела въ отчаяніи всплеснула руками. Урика продолжала утѣшать и убѣждать ее.

Между-тѣмъ въ столовой происходила другая сцена.

Ванъ-д-ръ-Насу, какъ оборотливому и дѣятельному ростовщику, очень хорошо извѣстно было, что маркиза Монтрозъ добываетъ наличныя деньги подъ залогъ своихъ пѣвній; какъ человеку хитрому и пронырливому ему извѣстно было также на что употребляются эти деньги. Сперва онъ ждалъ, что маркиза Монтрозъ заложитъ въ ему что-нибудь, потомъ разсчитавъ, что большая часть ея пѣвній уже должна быть потрачена, пересталъ думать объ этомъ и наконецъ неожиданно получилъ извѣстіе о посѣ-

щеніи, вообразилъ, что она хочетъ просить у него денегъ безъ залоговъ, чего съ нимъ вообще никогда не случилось. Онъ предположилъ рѣшительно отказать и наслаждался мыслью, что такимъ образомъ будетъ имѣть случай отмстить сударынь-тѣтушкѣ за презрѣніе, съ какими она обошлась съ нимъ при первой встрѣчѣ. Онъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда его позовутъ, когда тѣтушка изъявитъ желаніе видѣть любезнаго племянника и начнетъ его ласкать и умалчивать; когда настанетъ его торжество. Мысль эта сводила его съ ума. Онъ прыгалъ отъ восторгу, воображая, какъ отрѣжетъ ей «нѣтъ», какъ «отдѣляетъ» ея сіятельство. Но минута за минутой проходили и каждая казалась Ванъ-дерь-Нэсу вѣчностью. Никто не приходилъ звать его. Наконецъ онъ уже готовъ былъ «изъ учтивости» пойти самъ. Но тутъ отворилась дверь и вошелъ бургомистръ Ванъ-Марсевенъ, а вслѣдъ за нимъ городничій Корнелиусъ Гофъ. Это еще болѣе подтвердило догадку Ванъ-дерь-Нэса.

— Высокомѣрная тѣтушка хочетъ, чтобы бургомистръ приготовилъ меня, подумалъ онъ.

Въ душѣ Ванъ-дерь-Нэса возникла смѣшная борьба. Передъ великомошнымъ господиномъ бургомистромъ онъ не могъ не ползать, а между-тѣмъ нужно же было развѣтривать роль гордаго богача и выдержать характеръ непреклоннаго, чтобы наказать сударыню-тѣтушку.

Ванъ-Марсевенъ дѣйствительно повелъ съ Ванъ-дерь-Нэсомъ рѣчь прежде всего о денежномъ. Онъ объявилъ ему, что маркиза Монтрозъ сдѣлала завѣщаніе въ пользу Флорисы, и не мало удивился, когда примѣтилъ, что это извѣстіе вовсе не произвело ожидаемаго дѣйствія на корыстолюбца.

— Хорошъ подарокъ! думалъ Ванъ-дерь-Нэсъ: спасибо, тѣтушка! Сперва все очистить, а потомъ и подарить.... листъ бумаги! Нѣтъ, я подъ залогъ этого завѣщанія ничего не дамъ.

Ванъ-Марсевенъ тѣмъ болѣе удивился видимому равнодушію Ванъ-дерь-Нэса, что не зналъ павѣрнаго, въ какомъ состояніи имѣніе Урки; зналъ только, что кое-что изъ

держала, но не думалъ, чтобы она могла быть близка къ разоренію.

— Чтò жь, отвѣчалъ Ванъ-дербъ-Нэсъ, когда у него потребовали рѣшительнаго мнѣнія: это такое дѣло, что можно бы, кажется, обойтись и безъ церемоній: Анжела моя жена, Анжелина дочь—естественная наслѣдница тѣтушки. Это и безъ завѣщанія ясно. Притомъ Ванъ-дербъ-Нэсъ кое-чтò смыслилъ въ законахъ. Завѣщаніе завѣщаніемъ... а тѣтушка еще въ такихъ лѣтахъ.... не нынче такъ черезъ годъ родится свой наслѣдникъ, такъ весь трезвонъ пойдетъ на-вѣтеръ.

Онъ нагло захохоталъ и думалъ, что отпотчивалъ гостей, какъ слѣдуетъ.

— Вы забываете, возразилъ Ванъ-Марсевенъ, что имѣніе маркизы Монтрозь совершенно свободно, — принадлежить ей лично, и что дочь ваша, по степени своего родства, не можетъ имѣть никакихъ правъ на наслѣдство безъ непремѣнной воли завѣщательницы. Слѣдовательно, если получить, будетъ всѣмъ обязана единственно милости маркизы.

— Ну, по-мнѣ, пожалуй! отвѣчалъ Ванъ-дербъ-Нэсъ, съ равнодушнымъ видомъ покачиваясь и потирая руками по своимъ бархатнымъ шараварамъ: свободно-то ея имѣніе и такъ скоро будетъ.... Пусть себѣ дѣлаетъ завѣщанія кому угодно.... Мнѣ до этого какая надобность!.... Я такого завѣщанія въ грошъ не ставлю.... Если тѣтушка воображаетъ, что этимъ заслужить отъ меня большую благодарность или наложить на меня обязательства, такъ она страшно ошибается. Ванъ-дербъ-Нэсу извѣстно, чтò дѣлается въ Амстердамѣ и на биржѣ... Притомъ я издавна былъ такого мнѣнія, что для того чтобы завѣщать,— нужно имѣть чтò-нибудь!

Сказавъ это, онъ захохоталъ и сдѣлалъ бургомистру хитрую гримасу.

Ванъ-Марсевенъ уже не сомнѣвался, что Ванъ-дербъ-Нэсъ лучше его знаетъ положеніе дѣлъ маркизы и потому пренебрегаетъ завѣщаніемъ. Это смутило почтеннаго бургомистра и поставило его въ цѣловкое положеніе, тѣмъ болѣе что послѣ этого уже никакъ нельзя было ожидать, чтобы

Нэсъ благодарнѣе принялъ вторую часть предложенія, которая въ глазахъ ростовщика, конечно, еще менѣе имѣла цѣны. Ванъ-Марсевиень не зналъ, что дѣлать, но переглянувшись съ городничимъ рѣшился продолжать.

— Однако жъ.... чтобы дать вашей дочери права на наследованіе имѣнія Казамбортовъ, нужно было доставить ей и преимущества званія и титула. Для этого маркиза Монтрозъ, съ согласія штатовъ, выпросила ей у императора позволеніе принять имя и права графини Казамбортъ.

Нахальное равнодушіе Ванъ-деръ-Нэса вдругъ исчезло. Онъ выпучилъ глаза, пересталъ тереть руками и согнулся въ дугу, чтобы не проронить слова. Ванъ-Марсевиень, довольный впечатлѣніемъ, молчалъ. Не дождавшись дальнѣйшаго поясненія, Ванъ-деръ-Нэсъ испустилъ одинъ изъ своихъ дикихъ криковъ, потомъ захохоталъ и зажималъ искривленный ротъ огромною, мозолистою рукой.

— Вотъ тебѣ на! это сударыня-тѣтушка не дурно придумала! Золотая моя дочка — графиня!... ваше сіятельство! графиня Казамбортъ! И ничего не стѣить.... даромъ! Я всё думалъ, вотъ соберусь съ денжонками, куплю ей что-нибудь такое, чтобы знатная роденька носу не поднимала надъ моею золотою дочкой.... вѣдь покупаютъ же другіе.... Но на это нужны деньги.... много денегъ, а за что? стѣить ли? Если же тѣтушкѣ угодно, пусть себѣ.... пусть, пожалуйста, купить, да только на свои деньги.... Вѣдь не я за тѣялъ. Мнѣ какое дѣло.... У меня денегъ нѣтъ на эти вещи....

Въ немъ уже зашевелился страхъ, что его введутъ въ издержки и это вмигъ превратило его радость въ бѣшенство. Онъ началъ прыгать, метаться и кричать, такъ что бургомистръ, видя это впервые, содрогнулся отъ ужаса и отвращенія.

— Или это ловушка, въ которую хотять заманить Нэса? кричалъ онъ по-временамъ останавливаясь въ бѣготѣ: хотять, чтобы Нэсъ позарился на лакомый кусочикъ и свалился въ волчью яму?... чтобы изъ благодарности за титулъ сталъ плясать по тѣтушкиной дудкѣ, развязалъ бы свои мѣшки и пустилъ бы свои бѣдныя трудовыя копѣйки

на всѣ четыре стороны, какъ она пустила свои?... Послушайте-ка! вскричалъ онъ, совершенно забывши съ кѣмъ говорить: вѣдь этакъ и мошенники могутъ ворваться къ человѣку въ домъ, да сперва надуть его, а потомъ обобрать, да потомъ еще принудить въ поносъ поклониться, да поблагодарить, — спасибо-дескать что сдѣлали нищимъ!

Такимъ образомъ онъ продолжалъ сумасбродствовать и до такой степени изумилъ благороднаго и умнаго бургомистра, что тотъ не зналъ на что рѣшиться. Наконецъ городничій, болѣе привычный къ обращенію съ грубымъ народомъ, повернулъ дѣло по-своему, ударилъ по столу кулакомъ, такъ, что стекла зазвенѣли, и громовымъ голосомъ приказалъ безумцу уняться. Ванъ-дёръ-Нэсъ вздрогнулъ, словно подстрѣленный, мигомъ присмирѣлъ, съѣлъ робко выглядывая изъ-подъ лобья, мало-помалу съ возрастающимъ страхомъ узналъ бургомистра и грознаго городничаго.

— Надѣюсь, вы понимаете теперь, что вы оселъ.... что вы вели себя какъ невѣжа и грубіанъ передъ высокомощнымъ господиномъ бургомистромъ.... что вы заслуживаете того, чтобы посадить васъ въ острогъ на-хлѣбъ да на-воду, протрезвиться, и что вы ни коимъ образомъ не стоите того, чтобы его милость господинъ бургомистръ удостоилъ ступить на порогъ дому такого сумасброда.

Это была рѣчь, понятная Нэсу и способная положить конецъ бѣснованію. Онъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, съѣжился, дотога что въ немъ не осталось ничего кромѣ его трусости.

— Да, да, конечно.... совершенно справедливо, господинъ городничій.... я.... я.... я и не говорю, что я не виноватъ.... но господинъ бургомистръ не взыщетъ строго съ бѣднаго человѣка.... который въ минуту горести скажетъ лишнее слово.... но....

— Молчать! крикнулъ городничій громовымъ голосомъ: какая тутъ горесты! Вы не видѣли ничего кромѣ незаслуженной чести, а повели себя какъ сумасшедшій. Теперь извольте объявить коротко и ясно, имѣете ли вы, какъ отецъ дѣвухи, возводимой въ графское достоинство, сдѣ-

латъ какое-нибудь возраженіе противъ этого намѣренія маркизы Монтрозъ. Если нѣтъ, то подпишите эту бумагу и дѣло съ концомъ.

— Противъ графста и титула нечего говорить. По-миѣ, пожалуй, отвѣчалъ Нэсъ: однако жъ.... позвольте, господинъ городничій.... вашей милости извѣстно.... сами знаете.... кто жъ подписываетъ документы не читавши.... вѣдь этакъ можно и Богъ вѣсть что подписать!... вѣдь этакъ.... сами знаете....

— Молчать! крикнулъ еще разъ Корнеліусъ Гофъ, который не намѣренъ былъ выпускать Ванъ-дерь-Нэса изъ предѣловъ робкой покорности: о чемъ вы болтаете? Кто вамъ велитъ подписывать не читавши? Прочтите и подпишите, да проворнѣе. Вы должны подписать, что дали свое согласіе совершенно по доброй волѣ, безъ принужденія, такъ и въ бумагѣ написано.

— Да, вотъ, увидимъ, по доброй ли волѣ, проворчалъ про себя Ванъ-дерь-Нэсъ и принялся читать бумагу. Бургомистръ и городничій отошли къ другому окну и говорили между собою вполголоса. Только опасеніе уронить свое достоинство мѣшало имъ захохотать надъ нелѣпою сценой, которой они были свидѣтелями и которая сперва привела ихъ въ замѣшательство.

Ванъ-дерь-Нэсъ между тѣмъ прочиталъ документы и, не нашедши ни какого требованія денегъ, подумалъ, что не доглядѣлъ; началъ снова перечитывать. Прочиталъ и во второй разъ. О деньгахъ ни полслова. Тутъ-то подозрѣніе его и усилилось. Тутъ ему представилось, что требованіе это кроется гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ или явится послѣ; что онъ, подписавши эту, съ виду невинную, бумагу, по какому-нибудь нѣмецкому имперскому праву себѣ невѣдомо даетъ обязательство въ родѣ того, что когда сказалъ азъ, такъ говоря и буки.

— Ну, что же, скоро ли? спросилъ Корнеліусъ Гофъ, который просилъ бургомистра не говорить больше съ грубіяномъ: кажется, прочитавши два раза можно знать содержаніе.

Ванъ-дерь-Нэсъ встрепенулся, взглянулъ на городни-

чаго и, съ смущеніемъ опустивъ руки съ бумагою, сказалъ жалобно:

— Я ничего не нахожу!...

— Кромѣ незаслуженныхъ благодарній, прибавилъ городничій, едва удерживаясь отъ смѣху при видѣ унынія подозрительнаго скряги: такъ, не задерживайте же насъ, подписывайте.

— Но....

— Что еще?

— Въ самомъ дѣлѣ отъ меня ничего не потребуютъ?... Дайте мнѣ честное слово, господинъ городничій, что отъ меня ничего не потребуютъ ни теперь ни послѣ.

— Даю честное слово, что отъ васъ не требуютъ ничего кромѣ сказаннаго согласія.

— Если бы.... расписочку! подумалъ Насъ, но сказать не смѣлъ, когда взглянулъ на сердитаго Корнеліуса Гофта, который уже собирался топнуть отъ ветерпѣнія.

Подписывая, Насъ вспомнилъ, что ожиданія и надежды его не сбылись.

— Такъ сударыня-тѣтушка ничего не хочетъ попросить у меня? подумалъ онъ съ досадою: впшь, какая чванпая барыня! Небойсь, переберетъ весь Амстердамъ прежде нежели прійдетъ ко мнѣ.

— Ну, вотъ, сказалъ городничій насмѣшливо и презрительно, взявъ подписанную бумагу: теперь ваша дочь будетъ графиней, то есть, ежели и мать тоже подишеть.

— О! она-то подпишетъ! Отчего ей не подписать? вскричалъ Насъ, опять предаваясь радости: это для Анжелушки будетъ славный подарокъ! Она и не воображаетъ, куда лѣзетъ ея дочка. Вотъ, пусть же она увидитъ, что амстердамскій купецъ не помѣха графству.... что изъ дочери Ванъ-дербъ-Наса многое можно сдѣлать.... Пойдите, я побѣгу сказать ей.... Она въ цвѣтннкѣ, съ тѣтушкою. Хочется посмотрѣть, что-то будетъ съ Анжелой, когда она услышитъ, что родила графиню.

— Не трудитесь, мы сейчамъ и сами пойдемъ, возразилъ Корнеліусъ Гофтъ: притомъ маркиза Монтрозъ уже все объяснила вашей женѣ.

— Чортъ ее возьми! вскричалъ Ванъ-дерь-Нэсъ съ досадою: вѣчно, она портитъ лучшія мои удовольствія... эта сударыня-тѣтушка.

Корвеліусъ Гофъ принужденъ былъ оттѣснить Ванъ-дерь-Нэса, чтобы дать дорогу бургомистру, и они вышли въ цвѣтникъ, когда тамъ, послѣ тревожной сцены въ совершенно иномъ духѣ, опять водворилась тишина и родственницы вели ласковую и важную рѣчь о жизни и ея требованіяхъ. Анжела почтительно, но съ достоинствомъ привѣтствовала бургомистра и его провожатаго. Настала и для Урики минута, когда уже нельзя было болѣе не примѣчать Ванъ-дерь-Нэса. Съ перваго бѣлаго взгляду она удостовѣрилась, что онъ сталъ, если можно, еще безобразнѣе прежняго. Лицо его, какъ обыкновенно послѣ припадковъ дикихъ страстей, было въ судорожномъ движеніи. Къ этому еще прибавилось смущеніе, когда онъ увидѣлъ по прежнему прекрасную, блистательную Урику. Онъ былъ отвратителемъ. Однако жъ Урика одолѣла себя и сказала такъ ласково какъ-только могла:

— Здравствуйте, Ванъ-дерь-Нэсъ. Подите сюда: намъ надобно потолковать о важномъ дѣлѣ, о которомъ господинъ Ванъ-Марсеверъ, вѣроятно, уже говорилъ намъ.

— Нечего, нечего толковать, ваше сіятельство, возразилъ Ванъ-дерь-Нэсъ, ободрившись: все кончено. Маленькая графиня готова, а Ванъ-дерь-Нэсъ, повѣрьте, такой человекъ, что сумѣетъ придать ей вѣсу.

Сказавъ это, онъ самодовольно ухмыльнулся. Когда же Урика съ неодолимымъ отвращеніемъ отвернулась, блуждающій взоръ его упалъ на Анжелу, которая сидѣла безшоловно и неподвижно склонивъ голову. Ванъ-дерь-Нэсъ подумалъ, что счастливая новость ея еще не извѣстна и вдругъ Урика вздрогнула съ испугу, потому что онъ дернулъ ее за локоть и по-дружески спросилъ:

— Она еще ничего не знаетъ?

— Знаетъ, знаетъ, отвѣчала Урика, отскочивъ.

Нэсъ вообразилъ, что ему пришла очередь вразумить жену. Онъ обошелъ другихъ и, взявши ее за плечо, сказалъ строгимъ тономъ:

— Ты не поняла, что ли, что говорила тебѣ тѣтушка?

маленькой графини и о томъ, что ты теперь мать графини?... Слышишь ты? наша маленькая, миленькая Флориса — графиня ... слышишь?... ей-ей, графиня! ваше сиятельство!... не хуже тётушки.... слышишь?

— Нэсъ! медленно сказала Анжела: наше дитя? Неужели ты могъ согласиться на это?

— Глупенькая ты! возразилъ Нэсъ снисходительно: ты не понимаешь дѣла, оттого и спрашиваешь такъ. Вѣдь ты теперь мать графини.... а? понимаешь ли ты?... Э! да ты просто притворяешься! Какъ этого не понять! Сердце-то, не бойсь, постукиваетъ?... Впрочемъ, прибавилъ онъ, дружески обращаясь съ городничему: если она и въ самомъ дѣлѣ не понимаетъ, такъ не взыщите, дѣло женское. Гдѣ имъ! На то мы созданы. Подъ конецъ онѣ всё-таки бываютъ рады, что ихъ заставили сдѣлать, что нужно.... Вишь, ты, Анжела, тебѣ тутъ только нужно подписать бумагу, которую я уже подписалъ. Подпиши, и дѣло кончено.

Анжела не отвѣчала. Отвернувшись, она печально сложила руки и сказала:

— Господи, помилуй и сохрани меня!

Бургомистръ сѣлъ подлѣ Урики и указалъ городничему мѣсто, съ другой стороны, подлѣ Анжелы.

— Племянница не согласна на мое предложеніе, сказала маркиза Монтрозь, обращаясь къ бургомистру: и притомъ по такимъ благороднымъ причинамъ, что я не могу долге противорѣчить ей.

— Чтò? вскричалъ Ванъ-дерь-Нэсъ: ты не соглашаешься, когда я уже подписалъ?

— Ванъ-дерь-Нэсъ' повелительно сказалъ бургомистръ: молчите, когда васъ не спрашиваютъ: не вмѣшивайтесь ни во чтò, иначе мы сейчасъ же уйдемъ отсюда и кончимъ дѣло въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, какъ вамъ угодно. Я, пожалуй, буду молчать! проворчалъ Ванъ-дерь-Нэсъ и отошелъ къ сторонѣ, обрывая петлицы своего камзола.

Когда спокойствіе водворилось, Анжела заговорила сначала робко, прерывисто, но чѣмъ далѣе, тѣмъ спокойнѣе, тверже и яснѣе. Она съ осторожностью въ-отношеніи къ мужу повторила все, что уже сказала Урикѣ и еще приба-

вила много убѣдительныхъ и краснорѣчивыхъ доводовъ. Рѣчь ея дышала истинно материнскою любовью и глубокимъ религиознымъ чувствомъ. Корнелиусъ Гофъ и Ванъ-Марсевиъ были тронуты и смотрѣли на нее съ уваженіемъ. Урика по-временамъ отирала слезы. Ободренная этимъ Анжела не обращала вниманія на Ванъ-дербъ-Нэса, который то съ презрѣніемъ пожималъ плечами, то съ досады барабанилъ себѣ кулаками по колѣнкамъ и металъ огненные, злобные взгляды.

— Но великодушная тѣтушка моя говоритъ, продолжала Анжела, что выданная имперскимъ правительствомъ и подтвержденная штатами грамота — такая вещь, которую ни возвратитъ ни уничтожить уже нельзя, и что несогласіе мое можетъ только задержать, а не отворотить исполненіе. Поэтому я готова подписать все, что нужно, и только прошу васъ, тѣтушка, и васъ, господинъ бургомистръ, сохраните эту грамоту и пусть объ ней никто не знаетъ кромѣ васъ, а всего менѣе, чтобы знала Флориса. Когда она, Богъ дастъ, вырастетъ и поумнѣетъ.... кто-нибудь изъ васъ доживетъ.... тогда, сообразивъ обстоятельства, въ какія Господь приведетъ мою дочь, разсудимъ можно ли и хорошо ли ей будетъ знать объ этомъ. Тогда, если меня, можетъ-быть, не станетъ, пусть ей скажутъ, также, какія причины побудили ея мать скрыть отъ нея это возведеніе въ дворянское достоинство....

Тутъ всѣ вздрогнули, потому что Ванъ-дербъ-Нэсъ вдругъ разразился тѣмъ хохотомъ, который служилъ у него предвѣстникомъ ярости.

— Вотъ тебѣ и на! вскричалъ онъ, размахнувшись обоими кулаками: вотъ! не говорилъ ли я, что выйдетъ глупость! Надобно знать ее такъ, какъ я знаю.... Такъ вѣтъ! не повѣрили. Мололи, мололи, и все по-пусту. А я бы двумя словами заставилъ ее сдѣлать, что нужно, и весь этотъ вздоръ не полѣзъ бы ей въ голову. Подписывай, глупаа! Я тебѣ приказываю. А объ остальномъ не заботься: безъ тебя сдумѣють сдѣлать.

— Не шуми, Нэсъ, строго сказала Анжела, устремивъ на него суровый взглядъ, который доказывалъ, что и она умѣла повелѣвать, когда считала нужнымъ: ты будешь

доволенъ тѣмъ, чтó я сдѣлала съ согласіемъ господина бургомистра и моей тѣтушки. Замолчи или я докажу тебѣ, что я тоже имѣю права, такія же священныя какъ и твои: я докажу тебѣ, что я вовсе не по глупости не раздѣляю твоего мнѣнія.

— Ну, ну, полно, Анжелушка! возразилъ Ванъ-деръ-Нэсъ смутившись: ужъ ты и разсердилась. Когда же вилано, чтобы я принуждалъ тебя къ чему-нибудь? Странная ты женщина! вѣдь подъ-конецъ всегда по-твоему выходитъ. Чего тебѣ еще?... Да, бѣдные мужья! прибавилъ онъ съ ужимкою обращаясь къ бургомистру и городничему.

Они, такъ же какъ и Урика, съ удивленіемъ и уваженіемъ смотрѣли на Анжелу, которая обратилась къ Корнелиусу Гофту и потребовала бумагу, чтобы подписать. Когда это было кончено, Урика со слезами обняла и пламенно поцѣловала племянницу.

— О! прости! прости мнѣ, Анжела, если я огорчала тебя.... если я не понимала тебя! Впередъ я у тебя буду учиться.... впередъ я буду помнить, что истинный взглядъ на жизнь должно почерпнуть въ чистомъ, непорочномъ сердцѣ.

Анжела хотѣла отвѣчать, но ее смутили новыя изъясненія уваженія со стороны Ванъ-Марсевена и Корнелиуса Гофта.

— А какъ же завѣщаніе-то? вдругъ спросилъ Ванъ-деръ-Нэсъ.

— Завѣщаніе? съ живостію возразила Анжела и, какъ будто вдохновенная, съ выраженіемъ радости схвативъ Урику за обѣ руки, прибавила: завѣщанія не нужно будетъ. Ваше мнѣніе достанется, кому слѣдуетъ. Это говоритъ мнѣ голосъ сердца.

Легкая краска выступила на лицѣ Урики. Она хотя отрицательно покачала головой, однако жъ сладостная улыбка обнаружила, что пророчество ей пріятно.

— Ну! ворчалъ Ванъ-деръ-Нэсъ про себя: пойми ихъ, кто можетъ.... Я тутъ, кажется, лишній.

— Ванъ-деръ-Нэсъ! сказалъ бургомистръ, примѣтивъ,

что онъ хочетъ уйти: завѣщаніе останется въ своей силѣ покуда не явятся прямые наслѣдники.

— А!... Гибъ возразилъ Ванъ-дербъ-Несъ насмѣшливо: это доказываетъ только, что мы трезвонимъ по-пусту. Да, впрочемъ, и то сказать, потерю эту, можетъ-статься, не трудно будетъ перенести.

Ванъ-дербъ-Несъ ушелъ. Урика нежелала видѣть Флорису, и Анжела сама сходила за нею.

Карлъ Второй, плохо принятый во Франціи, воротился въ Голландію ни съ чѣмъ. Будучи удаленъ отъ Монтроза, онъ послушался другихъ совѣтниковъ, перемѣнилъ свои намѣренія и предпочелъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и силѣ оружія переговоры съ строптивыми подданными. Это неожиданное извѣстіе повергло Монтроза въ отчаяніе. Приготовленія его еще не были кончены, но онъ, въ недогаданіи на слабость короля и коварство совѣтниковъ, рѣшился предупредить ихъ и, между-тѣмъ какъ они трагятъ по пустому слова, кончить все дѣло однимъ смѣлымъ ударомъ.

Прежде рѣшено было, что Урика уже не разстанется съ мужемъ, поѣдетъ съ нимъ въ армію и раздѣлять всѣ его опасности и случайности войны. Но теперь, будучи принужденъ торопиться и предвидя гораздо болѣе неудобствъ, Монтрозъ перемѣнилъ рѣшеніе и хотѣлъ оставить жену въ Амстердамѣ, чтобы вѣрнѣе сохранить ее и чтобы заботы о милой не лишили его отважности въ сомнительномъ предпріятіи. Онъ, однако жъ до времени ничего не говорилъ ей объ этомъ и только на-скоро собиралъ всѣ наличныя свои силы.

Наконецъ настала рѣшительная минута. Черезъ двое сутокъ Монтрозу надобно было сѣсть на корабль. Все съ его стороны было готово и онъ могъ посвятить послѣднія минуты женѣ. Тутъ онъ раскрылъ передъ нею всю картину своего положенія, далъ ей волю обсудить всѣ мѣры, изложилъ свои надежды и не скрылъ опасеній и предстоящихъ пожертвованій. Онъ ничего не сказалъ относительно своего желанія разлучиться на этотъ разъ съ лю-

близко своего сердца, но Урика угадала его мысль. Эти два человека такъ совершенно понимали другъ друга, что съдѣлованъ всѣхъ совѣщаній ихъ всегда было одинаковое убѣжденіе.

Голова Урики поникла; лицо блѣднѣло болѣе и болѣе, помѣръ-того какъ Монтрозь продолжалъ рѣчь. Иногда Урика вздрагивала; дыханіе ея прерывалось и потомъ вдругъ, учащалось, дотога, что переходило въ отрывистые страдальческіе вздохи. Примѣтивъ этихъ печальныхъ предвѣстниковъ душевной бури, сердце Монтрова сжалось; голосъ его сталъ постепенно понижаться. Наконецъ онъ принужденъ былъ поддержать жену въ объятіяхъ и вся сила звучнаго его голоса перешла въ тихій шопотъ. Потомъ наступило торжественное безмолвіе. Супруги сидѣли у открытаго окна. Передъ ними, за поблекшимъ садомъ, простиралось море. Иногда они всматривались на эту обширную, холодную пучину, которая готовилась разлучить ихъ, и потомъ, какъ-будто желая избавиться отъ страшной мысли, опять потупляли глаза. Въ этомъ молчаніи, которое становилось болѣе и болѣе тоскостнымъ, оба какъ-будто страшились своего голоса, страшились первыхъ словъ, которыми надлежало выразить неизмѣримое страданіе сердца. Урика чувствовала такую смертельную боль, что съ того часу уже считала себя назначенною на тяжкій путь великихъ скорбей. Могущество неотразимаго горя впервые одолѣло ее.

Вдругъ Монтрозь упалъ къ ногамъ Урики и она увидѣла слезы въ глазахъ мужа.

— Говори, Урика! сказалъ онъ, собравъ въ одно слово всѣ звуки любви: не остывай такъ... ради Бога, говори!

Урика вскрикнула, какъ-будто сердце ея разорвалось во-воламъ.

— Разстаться! сказала она потомъ.

И только одно это слово сказала. Они судорожно сжали другъ друга въ объятіяхъ, какъ-будто хотѣли оспорить приговоръ неумолимой судьбы, и, казалось, не намѣрены были уступить усиліямъ дѣлаго свѣта, если бы свѣтъ сумѣлъ, развести ихъ руки. Но мало-по-малу онъ са-

ми ослабѣли. Холодный осенній вѣтеръ рвалъ покрывало Урики и трепалъ волосы Монтроза. Они ничего не чувствовали. Взглянувъ другъ на друга они испугались, укрылись одинъ у другаго на груди, заплакали горькими слезами скорби, для которой не было ни утѣшевія ни спасенія.

— Неужели это необходимо? спросили потомъ оба.

Но даже минута величайшаго страданія не смутила ихъ понятій и не заставила измѣнить признаннаго за необходимое. Урику, вдругъ, казалось, поразила новая мысль, которая разомъ остановила слезы. Она снова упала къ мужу на грудь и вскрикнула:

— Прости, милый! прости мнѣ непомѣрную скорбь мою.... прости, что я не поддержала тебя, когда такія тяжкія страданія раздираютъ твое сердце.... прости мнѣ, что я доселѣ скрывала отъ тебя тайну, которая, съ-тѣхъ-поръ какъ я узнала ее, уже приготовила меня къ необходимой жертвѣ, уже заставила и безъ того рѣшиться на эту разлуку, отпустить тебя одного въ опасности ужасной войны. Монтрозъ! вскричала она голосомъ, въ которомъ скорбь сливалась съ восторгомъ: я чувствую, что я буду матерью!

Какая вѣсть для Монтроза, и въ такую минуту! Самое пламенное желаніе его сердца исполнялось, но когда! Радость, восторгъ, скорбь, даже отчаяніе, какого онъ еще не знавалъ.... раздирали его душу. Урика послѣ этого признанія возвратилась къ тому торжественному спокойствію, которымъ наполняла ее великая, святая надежда и которое могло быть на минуту нарушено потрясеніемъ скорби, но не могло быть уничтожено. Душа ея отдохнула на мысли о новомъ призваніи и у нея достало силъ даже поддержать Монтроза.

Послѣ этого наступали по временамъ минуты, въ которыя супруги, съ улыбкою счастья на блѣдныхъ, встревоженныхъ лицахъ, бросали свѣтлые взгляды въ будущее и съ теплою вѣрою въ милосердіе Божіе уповали на возвратъ лучшихъ дней, на возвратъ жизни и счастья; на жизнь, украшенную попеченіями о нѣжномъ существѣ, которое она съ невыразимымъ восторгомъ представляли себѣ и спорили, кто

будеть его больше любить. Монтрозъ уже теперь благословлялъ его съ пламенною мечтательностью блаженствующаго сердца. Стоя на колѣняхъ передъ Урвкою, онъ горячо, всѣми силами души своей молилъ Бога о защитѣ матери и ребенка; молилъ о сохраненіи собственной жизни, чтобы ему можно было быть отцомъ.

У Монтроза было двое дѣтей отъ первой жены и эти дѣти были живы, но онъ еще не зналъ счастья быть отцомъ, потому что онъ еще не любилъ. На дочери леди Сутескъ онъ женился въ молодыхъ лѣтахъ, по волѣ и расчету своихъ родственниковъ, безъ сердечной привязанности. Покуда была жива его жена, онъ былъ благороднымъ мужемъ и, конечно, былъ бы добрымъ отцомъ. Онъ даже жалѣлъ, что не нашелъ такого счастья въ любви, къ какому было способно его сердце. Когда же жена умерла и старая леди Сутескъ, въ силу договора, отняла у него дѣтей, онъ расстался съ ними легко. Только сына, первороднаго, ему было жаль. Его по-крайней-мѣрѣ онъ хотѣлъ воротить и передать Урикѣ, но леди Сутескъ, увлекаемая фанатизмомъ ислѣпною ненавистью, упорно стояла на своемъ правѣ и успѣла уже езуитскимъ воспитаніемъ положить отчужденіе между дѣтьми и отцомъ. Монтрозъ ѣздилъ въ годъ разъ или два посмотрѣть на дѣтей и только сынъ его, Гарри, казалось, радовался этому пріѣзду. Урика видѣла ихъ всего одинъ разъ, въ первый годъ своего замужства.

Наконецъ пришла Монтрозу пора садиться на корабль; настала минута, когда онъ долженъ былъ сказать Урикѣ послѣднее «прости», и твердость снова оставила ихъ, и снова они нашли ее въ своихъ благородныхъ сердцахъ и теплой молитвѣ.

Урика осталась одна. Только Анжела съ Флорисой и по временамъ Флавія Ванъ-Марсевиень посѣщали опустѣлый ея домъ.

Судьба Монтроза скоро рѣшилась. Онъ съ горстью войска, бѣльшую частію изъ Нѣмцевъ, отправился на Оркадскіе Острова и на первомъ шагу удостовѣрился, что предпріятіе его гибельно. Надежды его на помощь вѣрныхъ королю не сбылись. Силы бѣльшей части Стуратовыхъ

приверженцевъ были утомлены, истощены междоусобной войной. Многие были жестоко наказаны ковенантами и никто не смѣлъ думать о борьбѣ съ огромною ратью, которая была вооружена и выставлена противъ Монтроза. Несмотря на слабость средствъ Монтроза, подавленіе его однако жъ привело ковенантеровъ въ ужасъ. Они, при всѣмъ превосходствѣ матеріальныхъ силъ, не смѣли вступить въ открытую борьбу съ полководцемъ, который создавалъ себѣ средства силою своего гения. Они употребили противъ него обыкновенныя мѣры слабыхъ и низкихъ душъ. Монтрозъ былъ схваченъ намѣннически и преданъ своимъ палачамъ. Его осудили какъ подлаго преступника, какъ измѣнника, и приговорили къ страшной казни. Но этого было имъ мало: они хотѣли увидѣть его, хотѣли сломить его гордую душу и придумывали всевозможныя оскорбленія и поруганія. Но Монтрозъ не далъ имъ торжествовать. Ни поруганія, ни страхъ ужасной смерти не могли поколебать его твердости и вынудить что-нибудь, кромѣ равнодушнаго презрѣнія. Онъ не хотѣлъ даже ни защищаться, ни оправдываться и рѣшительно объявилъ, что не призываетъ суда убійцы. Онъ зналъ, что участь его отъ этого на перемѣнится.

Последнюю ночь передъ смертью Монтрозъ употреблялъ на распоряженія касательно семейства и на письмо къ Уриксъ. Онъ не утѣшалъ ея и не сѣтовалъ на земную разлуку, а изливалъ пламенную благодарность Богу за неизмѣримое счастье, которое вкусилъ съ нею. Онъ былъ увѣренъ, что и она тоже наслаждалась больше чѣмъ тысячу людей, которыхъ они видѣли вокругъ себя, и онъ безъ скорби, съ возвышеннымъ восторгомъ прославлялъ ея счастье, что она увидитъ его и ея дитя. Преграды земныя исчезли передъ нимъ. Принадлежа уже другому міру, онъ скрѣплялъ всѣ узы земныя святою любовью и ею увлекалъ свою милую туда, гдѣ уже не было для него ни разлуки, ни смерти.

Кончивъ письмо, онъ съ теплою молитвою вознесся къ престолу Предвѣчнаго и миръ посѣтилъ его душу, тихій сонъ смежилъ утомленные глаза. Голова медленно преклонилась къ спинкѣ стула; высокій лобъ, осыянный богаты-

ни темно-русыми кудрями, просвѣтлѣвъ небеснымъ вдохновеніемъ; на прекрасныхъ устахъ носилась улыбка; сложенные руки покоились на лежащемъ на колѣняхъ евангелии. Онъ былъ истинно прекрасенъ.

Передъ нимъ уже нѣсколько минутъ стоялъ на колѣняхъ молодой человекъ, который, проливая слезы неутѣшной скорби, смотрѣлъ на спящаго съ святымъ восхищеніемъ, иногда тихонько цѣловалъ его сложенные руки и потомъ сильно прижималъ къ груди полу раскинутого плаща.

Молодой человекъ, высокій и стройный, но тонкій и нѣжный, какъ только-что выступившій изъ отроческаго возрасту, былъ весь въ черномъ. Блѣдное лицо его носило на себѣ слѣды глубокаго горя, но было правильно и прекрасно. Никто, взглянувъ на него, не усумнился бы, что онъ сынъ Монтроза.

Отъ новаго, болѣе продолжительнаго поцѣлуя и горячихъ слезъ, упавшихъ на руку, Монтрозъ проснулся такъ же тихо какъ покоился. Увидѣвъ молодаго человека, онъ нѣжно наклонился къ нему, привлекъ его къ себѣ на грудь и съ неописаннымъ выраженіемъ удовольствія сказалъ:

— Мой сынъ! мой Гарри!

Вонъ страданія вдругъ разорвалъ долго сдерживаемыя оковы молодаго сердца. Нѣсколько минутъ казалось, что Гарри на груди отца умретъ отъ скорби, которая превышала силы его души. Монтрозъ, чувствуя недостаточность словъ, приподнялъ разстроенное лицо сына и погрузилъ свой спокойный, ясный, просвѣтленный любовью взоръ въ его глаза, отуманенные слезами. Этимъ взоромъ, которымъ Монтрозъ такъ часто въ тревожной своей жизни побѣждалъ строптивыя нравы людей, онъ долженъ былъ побѣдить и сына: онъ уже одержалъ побѣду самую трудную: онъ побѣдилъ себя.

— Гарри! сказалъ онъ спокойнымъ, твердымъ голосомъ: ты доставилъ мнѣ великую радость! Такимъ ты давно представлялся мнѣ въ моихъ сновидѣніяхъ. Ты выросъ, черты твои благородны. Я съ гордостью вижу, что ты похожъ на меня. Будь же мужественнымъ и достой-

нымъ мнѣ сыномъ; носи имя Монтроза такъ, чтобы всѣ знавшіе твоего отца охотно давали тебѣ это имя. Гарри! продолжалъ онъ, видя, какъ молодой человѣкъ усильно борется съ отчаянною скорбью, чтобы не проронить послѣднихъ словъ родителя: Гарри! бѣдное отечество твое лежитъ на одрѣ тяжкихъ страданій и еще не настала часть его покаянія и искупленія. Грозный бичъ еще свищетъ надъ нимъ, но самымъ ужаснымъ наказаніемъ еще будетъ для него позднее раскаяніе и напрасное желаніе воротить царственного юношу, котораго оно теперь измѣнивически продаетъ своимъ врагамъ. Гарри! обѣщай мнѣ, что ты до конца жизни останешься вѣренъ святому долгу, за который отецъ твой завтра прольетъ свою кровь. Обѣщай мнѣ, что ты никогда не помыслишь, будто дѣло отечества можно разрознить съ дѣломъ твоего государя.... поклянись мнѣ, Гарри; вотъ, на этомъ Евангеліи, поклянись!

— Клянусь! вскричалъ молодой человѣкъ со всѣмъ одушевленіемъ, какое пробудило въ немъ могучее слово отца.

Увидѣвъ, что спасъ сына отъ поработающаго помѣшательства скорби, Монтрозъ продолжалъ:

— Поклянись мнѣ еще, что ты не подымеешь руки земнаго возмездія на тѣхъ, которые теперь отдають мою голову подъ топоръ палача. Гарри! преклонись въ смиреніи передъ волею Отца небеснаго; познай съ умиленіемъ, что Богъ, за священнѣйшую вѣрность, какая только можетъ жить въ сердцѣ человѣка, удостоитъ меня смерти мученика. Противъ этой воли, передъ которою я смиряюсь съ радостью и любовью, люди, исполняющіе ее—слѣпныя орудія. Не вини ихъ въ томъ, чего они не властны перемѣнить. Только Богъ одинъ знаетъ, для чего посылаетъ намъ испытаніе. Покорись Его волѣ съ упованіемъ: тогда только можешь ты и на землѣ достойно заступитъ мѣсто своего отца, тогда только ты обрѣтешь милосердіе Отца небеснаго. Поклянись мнѣ и въ этомъ и да будетъ эта клятва твоимъ ангеломъ-хранителемъ въ часъ искупенія.

Гарри съ раздирающимъ стономъ повалился на колѣни отца. Но движеніе Монтроза опять остановило его.

— Боже мой!.... прости промедленіе..... Клянусь! клянусь!

И уста его съ жаромъ коснулись Евангелія и рукъ отца. Монтрозъ съ чувствомъ смотрѣлъ на укрощенную бурю въ душѣ юноши, и ему казалось, какъ-будто онъ съ отдаленнаго мирнаго берега съ состраданіемъ смотритъ на жизнь, бушующую въ груди людей, а между-тѣмъ, передъ нимъ боролся сынъ его.

— Годы, теперь наступающіе для Англіи, продолжалъ онъ, осудятъ всѣхъ истинныхъ патриотовъ на бездѣйствіе. Однако жъ я не желаю, чтобы ты оставилъ свое отечество и присоединился къ праздному двору молодого короля въ чужой землѣ. Не соблазнился лживымъ призраккомъ патриотизма, котораго личину надѣнутъ многіе: они не останутся вѣрными ни своему государю, ни своему долгу; они въ правахъ отчуждаются отъ старой Англіи, они измѣнятся, изнѣжатся и не сохранятъ ни силъ на то, чтобы воротить королю его наслѣдныя права, ни довольно пламеннаго желанія, чтобы воротиться къ оставленному и забытому ими пепелищу. Продолжай спокойно свое ученіе; укрѣпляй руку и сердце для борьбы, которая необходимо наступитъ. Когда ты самъ будешь достойнымъ человекомъ, тогда только принесешь ты пользу государю и отечеству. Временныя блага твои въ рукахъ судьбы. Воротить ихъ—твое дѣло. Я въ эту минуту не могу заниматься ими. Леди Сутескъ не оставитъ дѣтей своей дочери. Никогда не забывай передъ нею обязанностей внука и береги Джанну, сестру твою: ты знаешь ея несчастный нравъ. Я опасаюсь, что она испорчена недостаточнымъ воспитаніемъ. Отнеси ей мое благословеніе: пусть оно очистительно поселится въ ея сердцѣ. Не оставляй ея никогда и береги, какъ должно беречь сестру.

Помолчавъ, онъ продолжалъ еще нѣжнѣе:

— Гарри! помнишь ли ты вторую жену мою? Помнишь ли ты ту женщину, которая съ любовью обнимала тебя и прижимала къ своему сердцу?

— Помню, тихо отвѣчалъ Гарри.

— Я надѣялся, что скоро настанетъ время, когда обстоятельства позволятъ мнѣ привести тебя къ ней совершенно.

но, чтобы она могла замѣнить тебѣ мать, тою священной и чистою любовью, къ какой способно ея сердце. Я надеялся, что еще увижу тебя въ ея объятіяхъ. Эта надежда не сбылась. Бѣдная Урина будетъ горько оплакивать меня, сына мой. Она составляла величайшее счастье моей жизни. Не забывай ея и будь ей вѣрнымъ сыномъ. Земное существованіе ея опасно замѣчено въ мое паденіе. Если она переживетъ это, чтобы современемъ благословить тебя, то разскажи ей про этотъ часъ. Но, еще разъ повторю, не покидай своего отечества, покуда не сдѣлаешься зрѣлымъ человекомъ. Если же Урина умретъ прежде чѣмъ ты увидишь ее, то, можетъ-быть, она оставитъ по себѣ существо, которому ты долженъ замѣнить брата и отца... помни это.

— Клянусь! клянусь тебѣ, батюшка! я исполню твое священное завѣщаніе! вскричалъ Гарри, съ трепетомъ прижимаясь къ отцовской груди.

Послѣ нѣкотораго молчанія, когда слезы нѣсколько облегчили грудь молодого человека, Монтроузъ сказалъ:

— Сынъ мой! теперь намъ должно разстаться. Прійми отцовское благословеніе и помни этотъ часъ во всю жизнь твою.

— Нѣтъ! нѣтъ! вскричалъ Гарри въ замѣшательствѣ и страхѣ: нѣтъ! погоди еще, батюшка!... Вѣдь ты еще живъ!... вѣдь я еще могу видѣть.... слушать тебя!

— Конечно, ласково возразилъ Монтроузъ: однако жъ я не могу отступить отъ моего сына, что онъ пришелъ съ тѣмъ чтобы облегчить, а не затруднить мнѣ этотъ важный переходъ изъ одной жизни въ другую. Свиданіе съ тобою доставило мнѣ такую радость, какой я уже не ожидалъ на землѣ. Но простаться я долженъ съ тобою въ увѣренности, что оставляю твердаго, мужественнаго человека, готоваго на всякое таинное испытаніе. Уѣзжай въ эту же ночь изъ Эдинбурга: можешь пробыть нѣсколько времени у бабушки, потомъ воротись въ училище. Прощай. Непремѣнно уѣзжай теперь же. Завтра у меня уже не будетъ взгляду для тебя. Мнѣ не должно быть ни тронутымъ, ни пораженнымъ.

Голова юности ослабла и упала на широкую грудь от-

ца. Оба молчали нѣсколько минутъ. Монтрозъ сложилъ руки надъ головою сына и, поднявъ взоръ къ небу, тихо молился.

— Аминь! сказалъ онъ потомъ твердымъ голосомъ, поднялъ сына какъ маленькаго ребенка на руки, осматривалъ пощелуками и понесъ къ двери, которую темничный сторожъ уже отворилъ.

Но тутъ Гарри такъ пронзительно вскрикнулъ, что Монтрозъ остановился. Гарри вырвался изъ объятій отца, въ страхъ и смятеніи говорилъ несвязныя слова, упалъ и схватилъ его колѣни. Монтрозъ печально смотрѣлъ на скорбь сына, но надобно было кончить. Онъ нѣжно поднималъ его; прижалъ къ груди, у которой въ послѣдній разъ билось теплое человѣческое сердце; вынесъ безмятнато въ переднюю комнату, посадилъ на стулъ и, давъ тюремщику знакъ, поспѣшно воротился въ свою темницу. Желѣзная дверь затворилась.

— Теперь, Отче мой! воскликнулъ Монтрозъ, вдохновенно простирая руки къ небу: теперь я Твой совершенно! Всѣ человѣческія узы сняты и я чувствую, какъ свободна душа моя!

Потомъ, запечатавъ всѣ свои бумаги и приготовивъ въ передачѣ въ вѣрныя руки, онъ провелъ остальные часы жизни въ молитвѣ. Она была прервана шумнымъ приходомъ палачей и стукомъ желѣзныхъ затворовъ.

Въ пять часовъ утра маркизъ Монтрозъ былъ казненъ. Его повѣсили, потомъ сняли, обезглавили, изрубили на части и пригвоздили окровавленные члены ко всѣмъ воротамъ Эдинбурга.

Ярость фанатиковъ, разжигавшихъ огонь междоусобій, была ненасытна. Всѣ, которые осмѣливались обнаруживать состраданіе или участіе, были въ церквахъ торжественно преданы анасемъ.

Черезъ десять лѣтъ потомъ Георгъ Монкъ достигъ цѣли, изъ-за которой голова Монтроза пала на плахѣ.

Въ маѣ 1660 года въ Амстердамѣ опять давались великолѣпныя праздники. Карлъ Второй, не торопясь, готовилъ

ся къ переѣзду въ призывавшее его съ восторгомъ отечество и окруженный блестящимъ дворомъ веселился на пирахъ, которые давали въ честь ему и самъ онъ.

Въ бывшемъ Барневельдовомъ домѣ между-тѣмъ произошли важныя перемѣны. Анжела со времени первой своей болѣзни постоянно прихварывала, примѣтно становилась слабѣе и наконецъ умерла въ чахоткѣ. Съ годъ уже она поклонялась подлѣ матери. Флориса одна осталась охранять жалкую жизнь Ванъ-деръ-Наса, котораго жестоко мучила подагра и который уже не выходилъ изъ комнаты, почти не вставалъ съ креселъ. Была еще жива дряхлая Сусанна, которая тоже едва ходила, но все по-прежнему ворчала на Ванъ-деръ-Наса какъ беспокойная совѣсть, хотя почти уже сама не помнила за что. Отъ старости она стала слабоумною, но всё-еще питала къ грабителю какую-то инстинктивную ненависть. И Ванъ-деръ-Насъ, казалось, былъ осужденъ всю жизнь видѣть ее около себя. Сперва она была подъ покровительствомъ Бригитты, потому что ее любила Анжела и, наконецъ, Флориса ни за что въ свѣтъ не дала бы ее въ обиду.

При кончинѣ Анжелы еще разъ обнаружилось, какъ сильно Ванъ-деръ-Насъ, при всѣхъ своихъ дикихъ и галкихъ страстяхъ, былъ привязанъ къ женѣ. Флориса принуждена была побѣдить собственную свою скорбь, чтобы своею любовью и нѣжными утѣшеніями укротить безумное отчаяніе отца. Но выдержавъ этотъ переворотъ, Ванъ-деръ-Насъ опять сталъ тотъ же, что былъ, если не несноснѣе, потому что его непрерывно раздражала подагра и потому что не будучи въ состояніи за всѣмъ ходить и присматривать, онъ становился часъ-отъ-часу подозрительнѣе и брюзгливѣе.

Въ тотъ вечеръ, когда мы входимъ къ нему, онъ, кажется, въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ сидитъ въ столовой, окутанный одѣялами, и посматриваетъ на огонькъ въ каминѣ, гдѣ служанка приготовляетъ ему легкій ужинъ.

У окна, за рабочимъ столикомъ, сидитъ Флориса. Ей шестнадцать лѣтъ. Была ли Урика на шестнадцатомъ году такъ хороша, мы не знаемъ, потому что познакоми-

лись съ нею уже на двадцатомъ. Но то вѣрно, что Флориса обладала преимуществомъ, которое Урика приобрѣла уже въ замужствѣ, — выраженіемъ кротости, любви и сердечной доброты. Флориса до смерти матери жила въ такой чистой атмосферѣ, которая далеко отдѣляла ее отъ всего недобраго, такъ, что своенравная и раздражительная строптивость, вѣкогда сводившая прекрасный ротикъ Урики, никогда не появлялась на прелестномъ лицѣ Флорисы. Между тѣмъ она знала горе. Кромѣ болѣзненного одра и смерти матери, она выросла подлѣ глубокой скорби обожаемой тѣтушки Урики и рано развитый умъ ея былъ совершенно способенъ понимать эту скорбь.

Флориса была прекрасно и богато одѣта. Ванъ-дербъ-Насъ, правда, уже не могъ прыгать и бѣгать, потому что ноги его распухли и скорчились, однако жъ этотъ сомнительный признакъ полу-восхищенія, полу-бѣшенства, онъ замѣнялъ теперь невыразимо гадкимъ вѣніемъ и барабанныю стукотнею больными пальцами по столу и по ручкамъ кресель, когда при видѣ новаго наряда или другой какой-нибудь бесполезной издержки его терзалъ демонъ сребролюбія и скупости. Флорисѣ давно уже извѣстны были всѣ недостатки отца, но она, не одобряя, умѣла щадить его и какъ-будто не примѣчала ихъ. Ангела научила ее неприкосновенно хранить чувства, которыя служатъ къ упроченію самыхъ священныхъ узъ между людьми, и воспитала изъ нея рѣдкую дочь. Тѣмъ не менѣе Флориса переняла отъ матери же искусство управлять Ванъ-дербъ-Насомъ, гдѣ было нужно, и укрощать его неистовство, когда онъ забывалъ самого себя. И это она всегда умѣла исполнять полу-шутя, съ любовью и вѣжнымъ состраданіемъ, прибѣгая иногда и къ строгой торжественности, которая бываетъ такъ мила и трогательна въ первомъ цвѣтѣ молодаго и благочестиваго сердца.

Противъ Флорисы сплѣлъ почтенный и уже сѣдой Корнелиусъ Гофъ, который безъ памяти любилъ прекрасную Флорису, во-первыхъ, по праву попечителя, во-вторыхъ, какъ безкорыстный поклонникъ и опытный цѣнитель женской красоты. Будучи съ-давнихъ-поръ исполнителемъ распоряженія, сдѣланнаго бургомистромъ и Урикою для

Анжелы, Корнелиусъ Гофъ завѣдывалъ особеннымъ капиталомъ и заботился о Флорисѣ не такъ какъ опекунъ, а какъ нѣжный отецъ. Не проходило дня, чтобы онъ не навѣстилъ ее. Онъ же служилъ ей и провожатымъ, когда она выходила со двора, въ церковь или къ дочерямъ Фаувиъ Ванъ-Марсевенъ, или къ тѣтушкѣ Урику.

Сегодня Корнелиусъ Гофъ рассказывалъ о празднествахъ, которыя были даны и которыя еще приготовлялись для англійскаго короля Карла, рассказывалъ, какъ праздновали свадьбу племянницы принца Оранскаго съ герцогомъ Георгомъ Ангальтскимъ, какъ на большомъ выходѣ король велъ невѣсту, какъ на балѣ танцевалъ съ нею и нерѣдко отбивалъ ее у жениха, такъ, что можно было принять его за жениха; какъ невѣста отъ этого иногда приходила въ безпокойство, но потомъ опять принуждена была смѣяться, слушая забавныя шутки короля, хотя женихъ и посматривалъ сентябремъ.

— Я бы не стала смѣяться, вдругъ сказала Флориса, если бы это огорчало моего жениха. Вообще къ вашему королю Карлу у меня сердце не лежитъ. Не хорошо съ его стороны пировать здѣсь, когда его народъ между-тѣмъ тоскуя стоитъ тамъ на берегу и ждетъ его не дождется.

Ванъ-деръ-Несъ тихонько про себя захохоталъ. Ему очень поправилась рѣчь Флорисы, потому что онъ отъ души ненавидѣлъ всѣхъ расточителей, а о королѣ Карлѣ инаго пока нечего было и сказать.

— Да, да! вскричалъ онъ: Флорочка моя уже знаетъ толкъ. Да вотъ, погоди! Карманъ-то скоро опростается. Чтò они ему прислали? Пятьдесятъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ! А на долго ли этого станетъ? Пятьдесятъ тысячъ фунтовъ! Поди-ка, спроси тѣтушку Урику, выкупилъ ли онъ ея замки и помѣстья?

Ванъ-деръ-Несъ полагалъ, что ииѣнне Урика провало совершенно, что она не ииѣла даже документовъ, какъ это и дѣйствительно было сначала. Но онъ не зналъ, что Ванъ-Марсевенъ воспользовался первымъ минутою счастья Карла и испросилъ у него формальное признаніе этого долга втайнѣ даже отъ графини Монтрозъ.

дести ни за что не захотѣла бы напоминать о себѣ легкомысленному и неблагодарному губителю ея мужа.

— Папенъка! возразила Флориса на рѣчь Ванъ-деръ-Несса: ты знаешь, что тѣтушка не любитъ, чтобы объ этомъ говорили.

— А отчего? вскричалъ Ванъ-деръ-Нессъ западливо: да! побойсь, гордая барыня не хочетъ сознаться, что разорилась!.... А я и молчи..... чтобы люди не указывали пальцами на нее и на покойнаго сѣятельнаго маркиза Монтроза, да не сказали бы, что она не спросившись броду сунулась въ воду!

— Папенъка! тихо сказала поблѣднѣвши Флориса: за что же ты такъ огорчаешь меня? Ты знаешь, что я не могу слышать дурныхъ рѣчей о тѣтушкѣ и о бѣдномъ, несчастномъ Монтрозѣ!

— Ну, ну, полно же! сказалъ Нессъ съ безпокойствомъ: полно, Флоринчикъ мой! развѣ я думаю огорчать тебя?.. Но они!... они! вскричалъ онъ вдругъ съ новымъ припадкомъ бѣшенства: какъ я стану говорить объ нихъ, когда они вѣчно терзаютъ меня?... когда они крадутъ у меня твое сердце.... сударыня-тѣтушка каждый день.... да ужъ добро бы она, а то и онъ то же! Маркизъ вотъ уже десять лѣтъ какъ на томъ свѣтѣ; ты видѣла его, когда была ребенкомъ, а всё-еще плачешь объ немъ! Полно, Флоринушка, полно плакать!... Посмотрѣлъ бы я, такъ ли ты будешь плакать, когда отецъ твой умретъ....

— Да что вы, опять съ ума сошли, Нессъ? вскричалъ Корнелиусъ Гофъ: что это за вздорныя рѣчи? К чему вы доводите бѣднѣжку до слѣзъ? Скажите, когда вы поумнѣете и когда по-крайней-мѣрѣ состарѣетесь вы съ вашею буйною кровью?

Ванъ-деръ-Нессъ притихъ и безпокойно поглядывалъ на Флорису, которая успѣшно отерла слезы. Чтобы совершенно прекратить объясненія, Гофъ обѣщалъ рассказать подробности о новомъ праздникѣ, который готовился въ Амстердамѣ отъ имени купеческаго сословія. Флориса въ знакъ одобренія ласково кивнула ему и подошла поправить одѣяла, которыя сползли и развернулись у Ванъ-деръ-Несса отъ безпокойныхъ движеній.

— Папенька! сочувственно сказала она своимъ серебрянымъ голосомъ: ты вѣрно, опять застудилъ ноги?

— Нѣтъ, нѣтъ, Флоричикъ мой, отвѣчалъ онъ жалобно: нѣтъ, ничего, не застудилъ.... Дай мнѣ только твою пухленькую, атласную лапочку.

Флориса улыбулась, съ живостью схватила его обѣими руками за щеки, потомъ обвила шею и нѣжно поцѣловала въ лобъ. Корнелиусъ Гофъ слегка закашлялся, какъ дѣлывалъ обыкновенно, когда хотѣлъ скрыть, что былъ тронутъ; потомъ принялся рассказывать о роскоши нарядовъ, о пышности и великолѣпнн, которую амстердамскіе граждане наперерывъ старались развернуть, чтобы ослѣпить заморскихъ гостей.

Эти рассказы очень нравились Ванъ-дербъ-Нэсу. Онъ считалъ все это съумасбродствомъ, однако жъ радовался страшной расточительности своихъ почтенныхъ согражданъ. Онъ надѣялся, что они въ-конецъ разорятся на эти праздники, сдѣлаются нищими, и только онъ одинъ, который не далъ ни гроша, останется богатымъ и тогда посмѣется надъ ними.

Любимою прогулкою Флорисы, когда она выходила съ Корнелиусомъ Гофтомъ, была тропинка, извиравшаяся по берегу моря мимо рыбацкихъ хижинокъ, до широкой и тѣнистой липовой аллеи, которая вела къ саду и небольшому домику вдовствующей маркизы Монтрозъ.

Въ этомъ саду, на другой день послѣ сцены у Ванъ-дербъ-Нэса, въ тѣни свѣжей майской зелени, посреди первыхъ цвѣтовъ, медленно прохаживалась одѣтая въ глубокій трауръ, почти посѣдѣвшая дама, въ которой довольно трудно было узнать когда-то блестящую Урику. Во всѣхъ движеніяхъ ея выражается болѣзненная слабость и долгое безотрадное страданіе. Однако жъ она держится еще прямо и печаль не уничтожила величественной ея осанки. Объ-руку съ нею заботливо, поддерживая ее, идетъ прекрасный молодой человекъ лѣтъ двадцати-шести. Это Гарри Монтрозъ, который, кончивъ курсъ ученья, побывавъ уже однажды у махи и полюбивъ ее всею душой, недавно снова воротился изъ двухъ-лѣтняго путешествія. Онъ

съ живостью разговариваетъ съ нею о чемъ-то п, какъ ни пылки и безпокойны его движенія, онъ ни сколько между-тѣмъ не погрѣшалъ противъ самой нѣжной внимательности. Когда она останавливалась отдохнуть, онъ обвивалъ рукою ея станъ, чтобы лучше поддержать подъ другой локоть, и наклонялся впередъ, чтобы съ улыбкою заглянуть ей въ лицо или поцѣловать ея нѣжную бѣлую руку. Она слушаетъ его съ участіемъ п иногда въ задумчивыхъ глазахъ вспыхиваетъ свѣтъ, на блѣдномъ лицѣ порою скользнетъ улыбка; иногда она тихо отвѣтитъ что-нибудь п за полукрытыми, тонкими и тоже блѣдными губами, мелькнутъ два ряда зубовъ, еще совершенно бѣлыхъ и блестящихъ, какъ жемчугъ.

На нижней ступени невысокаго крыльца съ синимъ полосатымъ навѣсомъ, гдѣ стоитъ на мягкомъ коврѣ большое кресло, обложенное подушками, сидѣла маленькая девяти-лѣтняя дѣвочка, очень похожая на Гарри. Это Орла Монтрозь. Она снаряжаетъ въ дорогу свою любимую куклу, отправляетъ въ Германію, и сѣдлаетъ для нея Блека, свою польскую длинношерстную собаку. Подходя къ этому мѣсту, Урика всегда на минуту останавливалась и изъ большихъ томныхъ глазъ ея падалъ лучъ любви, невыразимо трогательный для тѣхъ, кому знакома ея участь. Орла слышитъ малѣйшій шорохъ платья матери и, какъ ни велика ея забота о предположенной поѣздкѣ, всегда находитъ время оборотить свѣженькое, розовое личико, откинуть густыя темно-русые кудри и со всею очаровательностью дѣтской нѣжности сказать: «Маменька!» Потомъ она снова дѣятельно принимается укрѣплять маленькое сѣдло на круглой спинѣ Блека и расточаетъ при этомъ просьбы, ласки, угрозы, а подъ-часъ и толчки, чтобы укротить коня. Но Блеку это путешествіе, вѣроятно, не совсѣмъ нравится. Онъ, хотя съ жалобнымъ видомъ, однако жъ еще кое-какъ сноситъ украшенія, которыми обременяютъ его блестящую, шелковистую каштановую спину, покуда надъ нимъ работаютъ маленькія ручки Орлы. Но лишь-только она отпуститъ его, считая совершенно готовымъ, онъ не можетъ удержаться, встряхнетъ

снину, такъ, что сѣдло опять очутилось подъ брздохомъ, а бѣдная кукла на землѣ.

Если бы мы подсмотрѣли, какъ часто Орла начинала свою работу снова, чтобы достигнуть предположенной цѣли, мы могли бы вывести изъ этого заключеніе объ ея кротости и терпѣніи и не удивились бы, не взыскали бы, за то, что она вдругъ вскочила и заплакала съ досады, глядя въ слѣдъ Блеку, который разрушилъ послѣднюю надежду молодого шталмейстера и, волоча за собою сѣдло и куклу по песку, съ громкимъ лаемъ помчался вопъ изъ сада.

Но бѣдная Орла скоро нашла утѣшеніе въ томъ же источникѣ, гдѣ Блекъ почерпнулъ развлеченіе. По большой аллеѣ послѣшно шла Флориса, за нею пыхтя тащился Корнелиусъ Гофть, а впереди прыгалъ Блекъ съ разстроенною сбруей и со всеми выраженіями безумной радости. Въ одномъ по-крайней-мѣрѣ вкусъ Блека совершенно согласовался со вкусомъ Орлы: она любила Флорису точно такъ же и такое посѣщеніе всегда бывало самымъ счастливымъ событіемъ для обопхъ. Орла, въ-мигъ забывъ горе, съ радостнымъ крикомъ бросилась на встрѣчу къ доброй сестрицѣ и повисла у ней на шеѣ.

На-скоро отвѣтивъ на ласки своей любимицы, Флориса поспѣшила къ тѣтушкѣ Урикѣ, которая съ нѣжною улыбкою шла къ нимъ изъ-за куртины. Флориса расцѣловала руки тѣтки и осторожно подставила свой прекрасный лобъ подъ материнскій поцѣлуй. Потомъ утомленная прогулкою маркиза взошла на крыльцо и опустилась въ свои кресла. Тутъ каждый занялъ по-видимому давно присвоенное мѣсто, — Корнелиусъ Гофть съ одной стороны Урики, на обыкновенномъ стулѣ; Флориса съ другой, на маленькомъ табуретѣ; Орла у ногъ ея, на подушкѣ, а Гарри подлѣ Орлы, на стѣжкѣ крылечной лѣстницы, такъ близко, что Орла могла подать одну руку ему, а другую Флорисѣ. Мало-по-малу бесѣда этой группы раздѣлилась на-двое: Корнелиусъ Гофть почтительно разговаривалъ съ маркизой, а Гарри и Флориса, по-видимому, были заняты только Орлой.

Проведя такимъ образомъ вечеръ, Урика уходила въ свою комнату, Орла съ нянею въ свою, а Гарри провожалъ Корнелиуса Гоета и Флорису до конца липовой аллеи и далѣе по берегу моря, до самаго поворота на набережную канала, на который выходилъ домъ Ванъ-деръ-Неса. Иногда Флориса по утрамъ приходила и одна къ тѣткѣ. Въ такомъ случаѣ Гарри на возвратномъ пути провожалъ ее до самаго дому, не только вечеромъ, но даже и въ полдень.

Такъ однажды, черезъ нѣсколько дней послѣ описанной сцены, когда Урика была слабѣе обыкновеннаго, Флориса навѣстила ее поутру и воротилась въ сопровожденіи Гарри, часу во второмъ. Простившись съ братцемъ у калитки, она поспѣшно вошла въ комнату и остолбенѣла. Отца ея не было дома. Ванъ-деръ-Нессъ, изломанный и сведенный подагрой, Ванъ-деръ-Нессъ, который съ величайшими усиліями и стонами приподнимался съ кресель, — ушелъ со двора и очень поспѣшно, такъ по-крайней-мѣрѣ говорила служанка, которая сама была совершенно разстроена и перепугана. Передъ уходомъ, Ванъ-деръ-Нессъ, получивъ какое-то письмо, часа полтора страшно бѣсновался, испускалъ дикіе вопли, ревѣлъ, бросался какъ безумный отъ одного шкафа и сундука къ другому, рвалъ на себѣ одежду и волосы, перебиралъ какія-то бумаги и наконецъ кое-какъ одѣвшись, убѣжалъ. Флориса слушала разсказъ и болѣе и болѣе приходила въ недоумѣніе и страхъ.

Ванъ-деръ-Нессъ, какъ намъ извѣстно, былъ осторожный, хитрый ростовщикъ; умѣлъ очень хорошо оцѣнивать и понимать людей, съ которыми велъ дѣла, и держалъ на памяти всю Голландію, когда нужно было опредѣлить капитальныя средства каждаго торговаго дому или сообразить секретныя статьи ихъ обстоятельствъ, которыя всегда умѣлъ вывѣдать. Но онъ былъ жалкій политикъ и не понимая важности этого званія, усвоилъ себѣ два три понятія, за которыя держался съ близорукимъ упорствомъ. Въ послѣднее время онъ отдалъ весьма значительный капиталъ въ португальскій заемъ и считалъ это очень выгодною спекуляціей, особенно потому, что

она дѣлалась втайнѣ и доставляла ему большіе проценты. Миръ съ Португалією выставилъ это дѣло въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Проценты перестали являться, о капиталѣ не было и помину. На запросъ послѣдовалъ почти рѣшительный отказъ и Ванъ-деръ-Нэсъ съ ужасомъ узналъ, что замѣшался въ дѣло, въ которомъ даже не смѣлъ признаться. Выходило, что онъ, Голландецъ, гражданинъ города Антверпена, снабжалъ деньгами враговъ своего отечества. Гдѣ же ему было искать суда на несостоятельнаго должника? Въ отвѣтъ на требованіе, португальское правительство возвратило ему егѡ бумаги съ простымъ замѣчаніемъ, что это до правительства вовсе не касается, а составляетъ совершенно частное дѣло министровъ, которые давали ему обязательства. Между-тѣмъ министры эти, для удобнѣйшаго заключенія мира, уже были отставлены. Къ отвѣту былъ еще присовокупленъ челоуколюбивый совѣтъ амстердамскому купцу, Ванъ-деръ-Нэсу, не объявлять объ этомъ дѣлѣ голландскому правительству, если онъ не хочетъ потратить напрасныхъ трудовъ и сверхъ-того еще поставить себя на видъ какъ измѣнника отечеству.

Можно себя представить, какъ это подѣйствовало на Ванъ-деръ-Нэса. Подагры какъ-будто не бывало. Пробѣсившись и истощивши всевозможныя проклятія на все и всѣхъ, не выключая себя, Ванъ-деръ-Нэсъ рѣшился ѣхать въ Антверпенъ, гдѣ тогда находился полномочный португальскій посланникъ. Но, подумавъ, онъ нашелъ, что надобно же ему составить себѣ нѣсколько болѣе ясное понятіе о настоящемъ ходѣ дѣла, о положеніи проклятой политики и обо всей глупой и бесполезной чепухѣ, изъ-за которой онъ страдаетъ. Ему нужно было только узнать самую сущность дѣла, а остальное онъ надѣлся дополнить собственными соображеніями гораздо лучше всякаго министра. Чтобы узнать сущность, Ванъ-деръ-Нэсъ побѣжалъ къ Корнелиусу Гофту, котораго презиралъ именно за то, что Корнелиусъ Гофтъ былъ политикъ, то есть, по его мнѣнію, пустомеля.

Но каково же было егѡ положеніе, когда Корнелиусъ

Гофъ, сначала до крайности удивленный неожиданнымъ приходомъ, принялъ его объясненіе съ величайшимъ негодованіемъ и не только рѣшительно отвергъ всѣ просьбы о содѣйствіи и совѣтахъ, но, какъ полицейскій чиновникъ, грозился даже предать его суду, какъ государственнаго преступника, если онъ не уничтожитъ тотчасъ же всѣхъ векселей по этому постыдному дѣлу.

Съ отчаяніемъ, со страхомъ и яростью въ сердцѣ, выбѣжалъ Ванъ-деръ-Нэсъ изъ дому городничаго и, еще разъ кое-какъ собравши разстроенныя силы ума, пустился въ самыя темныя закоулки и самыя презрѣнныя углы Амстердама; заходилъ въ самыя подозрительныя логовища, говорилъ съ людьми, которые не смѣли показываться на бяржѣ и только черезъ третью и четвертую руки производили дѣла, всегда убѣгавшія свѣту. Черезъ нихъ-то онъ вивѣдывалъ объ аптверпенскихъ агентахъ, принадлежавшихъ къ тому же самому презрѣнному классу торговаго міра. Въ крайнемъ случаѣ онъ готовъ былъ отправиться даже въ Португалію, гдѣ надѣялся выступить смѣлѣе со своими требованіями.

Нѣсколько успокоенный утѣшеніями и обѣщаніями этихъ низкихъ сообщниковъ, Ванъ-деръ-Нэсъ прибѣжалъ домой. Тутъ, при видѣ признаковъ спокойнаго благосостоянія и даже нѣкоторой роскоши, его снова закрутилъ вихрь дикаго озлобленія. Онъ пришелъ въ неописанную ярость при мысли, что онъ одинъ страдаетъ, что въ этомъ домѣ еще никто не знаетъ ни горя ни отчаянія, и съ сатанинскимъ наслажденіемъ спланилъ разрушить, смять, истребить это спокойствіе. Онъ возненавидѣлъ даже Флорису, которая, блѣдая и печальная, сидѣла въ цвѣтникѣ. Онъ посмотрѣлъ туда черезъ окно и проклялъ даже ту, кого любилъ долготѣ больше всего на свѣтѣ, даже больше жены, потому съ такимъ бѣшенствомъ выбѣжалъ къ ней, что не безъ основанія надѣялся уничтожить все ея спокойствіе однимъ ударомъ.

— Боже милосердый! вскричала Флориса съ ужасомъ: батюшка, что съ вами сдѣлалось?

— Что сдѣлалось? дико заревѣлъ Ванъ-деръ-Нэсъ: что

сдѣлалось, спрашиваешь ты, глупая? Что сдѣлалось, когда отецъ твой сталъ нищимъ.... когда отецъ твой въ старости лѣтъ долженъ идти въ носильщики и когда послѣдній извозчакъ будетъ въ сравненіи съ нимъ большой баринъ!.. Что сдѣлалось? Вотъ, что сдѣлалось! кричалъ онъ, съ бѣшенствомъ срывая съ нея головной уборъ, ожерелье и переринку съ плечъ: долой! долой эти наряды, эту дивольскую роскошь, долой эти тряпки! Ихъ надобно на рынокъ несть, ихъ надобно вымѣнять на хлѣбъ.... на хлѣбъ, слышишь ты? на хлѣбъ, котораго отецъ твой уже не въ состояніи купить!... А ты.... ты, со своими бѣлыми ручками и гладенькимъ личикомъ.... ты будешь у меня служанкой, кухаркой, судомойкой, потому что мнѣ уже невозможно держать бесполезныхъ обжоръ.... да и страшно у насъ будетъ не большая: сухой хлѣбъ съѣдимъ и такъ!... и дармоѣда слуги тоже не нужно: въ булочную и сама сходишь.

Онъ долго еще могъ бы говорить: Флориса не прерывала бы его. Ужасъ оледѣнилъ ее. Она никогда еще не видывала отца въ такомъ чудовищномъ состояніи и еще болѣе ужаснулась отъ собственнаго чувства, нежели испугалась его. Отецъ внушалъ ей отвращеніе. Онъ прыгалъ вокругъ нея и она каждую минуту ждала, что онъ задушитъ ее, потому что въ глазахъ изступленнаго горѣла страшная ненависть и злоба. Она не знала, что именно неподвижность ея приводитъ его въ такое бѣшенство, потому что ему казалось, онъ не можетъ довести дочь до такого отчаянія, въ какомъ былъ самъ. Только это могло бы нѣсколько утѣшить его. Отъ побоевъ, быть-можетъ и отъ смерти, избавило Флорису въ эту минуту только вмѣшательство служанки и приказчика, котораго взялъ себѣ Ванъ-деръ-Нэсъ съ-тѣхъ-поръ какъ уже не могъ самъ ходить со двора. Вся ярость его обратилась на защитниковъ. Онъ бросился на нихъ какъ лютей звѣрь и съ проклятіями, съ ударами и толчками, въ минуту выгнавъ ихъ на улицу, какъ были и, заперевъ за ними всѣ двери, опять воротился къ дочери. Флориса между-тѣмъ пришла нѣсколько въ себя, но не сходила съ мѣста. Увидѣвши же себя снова наединѣ съ безумцемъ, она ушла на кдѣ-

ни и, подвѣвъ къ нему руки, дрожащимъ голосомъ вскричалъ:

— Не убивай меня! ради Бога, не убивай меня!

Это удолетворило Ванъ-деръ-Наса. Онъ увидѣлъ, что въ Флориса въ отчаяніи. Чтобы растерзать ее еще болѣе, онъ началъ описывать ей жизнь, какая теперь начнется и въ которой онъ неумолимо разбивалъ малѣйшія радости трепещущей дѣвушки. Потомъ, окончивъ эту картину до мельчайшихъ подробностей, онъ началъ ей разсказывать, къ какой жизни принудилъ сначала вдову Реніе Барневельда и ея дочь, жизни, которая еще могла почестся блаженствомъ противъ той, какую обѣщалъ Флорисъ. Онъ съ звѣрскимъ наслажденіемъ возвращался къ этому состоянію и находился опять совершенно на той точкѣ, съ которой совлекли его двадцатилѣтніа усилія и принужденія, которыя онъ сносилъ какъ тяжкое ярмо. Казалось, что стѣсненная дотолѣ натура его вдругъ со всею дикостью хотѣла все вымѣстить на другихъ и вознаградить себя за долговременныя лишенія. Ванъ-деръ-Насъ опять безъ всякаго зазрѣнія совѣсти былъ тотъ же отъявленный скряга и корыстолюбецъ, запитанный ненавистью и завистью жестокосердый тиранъ, неистовый сѣумасбродъ и злодѣй, который обокралъ вдову съ спротою и безсовѣстно обманулъ довѣріе своего господина. И онъ сталъ дышать вольнѣй. Ему стало отрадно, какъ кеннибалу за отвратительнымъ пиромъ.

Флориса была дотакимъ степени оглушена, стояла передъ отцомъ такимъ непостижимымъ ужасомъ, что умъ ея пощрачился и языкъ отвялся. Ванъ-деръ-Насъ съ полною свободою, безъ помѣхи, могъ развернуть передъ нею вею черноту своей души, вдругъ погрязшей невозвратно въ отвратительныхъ порокахъ, отъ которыхъ его избавило бымо вѣжное пощеченіе и любовь двухъ прекрасныхъ и благородныхъ существъ.

Наконецъ онъ убѣжалъ отъ Флорисы, съ обѣщаніемъ выбрать весь домъ и отправить на рынокъ. Вбѣжавъ въ стѣнную, онъ заперъ за собою дверь на замокъ. Флориса вскуетила стоизъ и безъ чувствъ упала на землю.

Изгваивный приказчикъ между-тѣмъ вывелъ изъ всего

видѣнаго заключеніе и убѣдился, что Ванъ-деръ-Насъ сошелъ съ ума. Чтобъ предупредить дальнѣйшее несчастіе и спасти можетъ-быть жизнь Флорисы, онъ побѣжалъ прямо къ городничему. Тотъ ужаснулся отъ разсказу и немедленно прибѣжалъ съ двумя слугами, взявъ съ собою и приказчика. Всѣ четверо напрасно старались достучаться въ домъ Ванъ-деръ-Наса. Калитка не отворялась и отвѣту никакого не послѣдовало. Казалось, всѣ вымерли. Наконецъ приказчикъ догадался и, съ помощію людей городничаго, полвѣзъ на высокій заборъ. Взобравшись на верхъ онъ увидѣлъ Флорису, которая всё-еще лежала безъ движенія.

— Онъ убилъ ее! На шеѣ у нея кровь! съ ужасомъ вскричалъ приказчикъ и соскочилъ во дворъ.

Онъ хотѣлъ-было прямо бѣжать къ Флорисѣ, но ужасный крикъ Корнеліуса Гофта поразилъ и остановилъ его. Онъ отодвинулъ задвижку калитки и всѣ бросились въ цвѣтникъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! со слезами радости вскричалъ Корнеліусъ Гофтъ, который добѣжалъ прежде всѣхъ: она не умерла! Она жива! Она не опасно оцарапана.... она только въ обморокъ! Но клянусь Богомъ, это не пройдетъ даромъ Ванъ-деръ-Насу, который не стѣбитъ названія чело-вѣка!

Служанка, недалеко отошедшая отъ дому, скоро была найдена посланнымъ чело-вѣкомъ и воротилась. Корнеліусъ Гофтъ между-тѣмъ взялъ Флорису на руки, какъ ребенка, отнесъ въ спальню и уложилъ въ постель. Черезъ нѣсколько минутъ имъ удалось привести ее въ чувство. Открывъ глаза и смутно оглянувшись кругомъ, она однако жъ узнала Гофта и благодарною улыбкою отвѣчала на нѣжные, заботливые разспросы.

Другаго отвѣту ему и не нужно было. Предписавъ ей отдыхъ, и оставивъ при ней служанку, онъ поспѣшилъ внизъ, чтобы узнать о состояніи Ванъ-деръ-Наса. Нашедши всѣ комнаты и помѣщенія пустыми, объяснивающіе убѣдились, что безумецъ заперся въ столовой. По приказанію городничаго приказчикъ выломалъ дверь и первый предметъ, встрѣтившійся глазамъ ихъ былъ открытый

шкафъ, гдѣ хранились деньги. Это доказывало, что и хозяйнѣ тутъ. Вошедши, они нашли его и содрогнулись: Ванъ-деръ-Несъ лежалъ на полу, между столомъ и шкафомъ. Онъ былъ не одинъ. На спинѣ его, полу-свалившись на сторону, лежала Сусанна, которая держала его обѣими руками за горло. Оба были мертвы. Ванъ-деръ-Несъ задушенъ, а Сусанна, по-видимому умерла отъ апоплексического удара. На полу, подлѣ нихъ были разсыпаны деньги и лежали клочки изодранной бумаги. Такіе же обрывки находились въ стиснутыхъ рукахъ Ванъ-деръ-Неса и въ зубахъ у обонхъ. Все свидѣтельствовало объ отчаянной борьбѣ передъ смертью.

Какимъ образомъ это могло случиться, осталось тайною. Только Корнелиусъ Гофъ могъ составить нѣсколько приблизительную догадку, которой однако жъ не сообщалъ ни кому. Сусанна обыкновенно сидѣла въ столовой, въ определенномъ своемъ углу, откуда рѣдко выходила. Вошедши, Ванъ-деръ-Несъ, вѣроятно, не примѣтилъ ея, а потомъ, нашедши еще ненавистное существо, на которое надѣялся излить свою злобу, сталъ и ей объяснить, что теперь будетъ; вѣроятно, объяснилъ и причину. Сусанна можетъ-быть поняла опасную важность бумагъ, истребленія которыхъ требовалъ и городничій, или просто, раздраженная угрозами и руководимая своею инстинктивною ненавистью, напала на «грабителя». Какъ она одолѣла его, это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что она употребила на это свою жизнь.

— Честная, благородная женщина! подумалъ Корнелиусъ Гофъ, приказавъ бережно положить ее на столъ: послѣднія твои силы употребила на подвигъ за честь семейства, которому безкорыстно посвящала цѣлую жизнь.

Корнелиусъ Гофъ, подобравъ изорванную бумагу и деньги, заперъ шкафъ и взялъ ключи къ себѣ. Важнѣйшею его заботой было теперь какъ-можно осторожнѣе провести Флорису мимо этой ужасной катастрофы, которую оканчивалась трагедія несчастнаго жилища Ольденъ-Барневельда. Навѣстивъ Флорису, онъ убѣдился, что слабость удержать ее въ постелѣ до утра. На боязливые вопросы объ отцѣ онъ отвѣчалъ, что Ванъ-деръ-Несъ

утомился и спать. Это успокоило ее. Потомъ онъ вошелъ и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, такъ, что въ ту же ночь, тихонько, безъ малѣйшей тревоги, обохъ покойниковъ уложили въ гробы и поставили рядомъ въ той самой столовой, въ которой они, встрѣчаясь при жизни, почти никогда не расходились мирно, и гдѣ, наконецъ, оба кончили жизнь, одинъ надъ своимъ драгоценнымъ золотомъ, другая надъ ненавистнымъ грабителемъ, похитителемъ этого золота.

Хотя утро послѣ этой ночи было прекрасное въ природѣ, однако жъ Флориса не чувствовала и не примѣчала этого. Встрѣченная Корнелиусомъ Гофтомъ при самомъ выходѣ изъ спальни и получивъ въ отвѣтъ, что отецъ еще спитъ, она по-неволѣ послѣдовала за своимъ вожатымъ въ цвѣтникъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Заботливый старикъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы она подкрѣпила свои силы пищею и свѣжимъ воздухомъ, прежде нежели узнаетъ печальную истину. Она послушно сѣла подлѣ стараго друга и машинально исполняла его наставленія, но дыханіе ея безпрестанно прерывалось, она вздрагивала при малѣйшемъ шорохѣ и, наконецъ, увидѣвъ озабоченное и печальное лицо приказчика, который не могъ скрыть своего состраданія къ ней, вдругъ съ испугомъ вскрикнула:

— Что здѣсь случилось? Ради Бога, умилосердитесь, скажите!

Въ эту минуту она увидѣла вошедшаго во дворъ друга, наставника и духовника своей матери, стараго пастора Гарзена.

— Скажите вы мнѣ.... скажите, что здѣсь случилось? вскричала она внѣ себя, бросаясь къ нему на встрѣчу: скажите, гдѣ мой отецъ?

— Онъ спитъ вѣчнымъ сномъ, отвѣчала пасторъ твердымъ и спокойнымъ голосомъ: съ него уже снято бремя земнаго искушенія, которое причиняло ему столько бѣдствій и терзаній. Пойдемъ, дочь моя, помолимся надъ его тѣломъ.

Они пошли и мы должны сказать, что Ванъ-дербъ-Нэсъ получилъ изъ сердца дочери полную дань дѣтской любви.

Въ памяти ея не оставалось ничего такого, что могло бы причинить ущербъ этимъ чувствамъ. Она была неутѣшна, что отецъ разстался съ нею въ гнѣвъ и нужна была вся довѣренность, которую Флориса питала къ Гарсену и Гофту, чтобы наконецъ успокоить ее и убѣдить, что это обстоятельство не ляжетъ укоромъ на ея чистую и невинную душу. Послѣ этого смерть Сусанны, которую она очень любила и уважала, конечно, огорчила ее меньше, но тоже довольно сильно. Отъ опредѣленнаго объясненія обстоятельствъ смерти Корнелиусъ Гофтъ умѣлъ отклонить ее, сказавъ кое-что о случайности, испугъ и тому подобномъ. Но удалить Флорису изъ дому оказалось рѣшительно невозможнымъ. Она съ твердостью, какъ вѣрное дитя, осталась при гробахъ отца и няньки до послѣдней минуты, молясь Богу и умоляя тѣнь отца о прощеніи и благословеніи.

Когда наконецъ остатки послѣднихъ обитателей Барневельдова дому были преданы землѣ, Флориса, въ сопровожденіи Корнелиуса Гофта и пастора Гарсена, отправилась искать пріюта и утѣшенія въ нѣжныхъ материнскихъ объятіяхъ Урки.

Потомъ Корнелиусъ Гофтъ, какъ опекунъ, привелъ въ порядокъ оставшіяся послѣ покойника дѣла и нашелъ, что въ бумагахъ, изорванныхъ въ таинственной борьбѣ двухъ непримиримыхъ враговъ, дѣйствительно погибла самая бѣдшая часть огромнаго Ванъ-дёръ-Нэсова капитала. По приведеніи всего имущества въ деньги, оказалось, что у наследницы остается ровно такая сума, какая составила бы при обыкновенныхъ банковыхъ процентахъ съ имущества Реніе Барневельда. Послѣ Ванъ-дёръ-Нэса не осталось ни какихъ слѣдовъ.

Флориса осталась въ домѣ тѣтки, гдѣ была бы совершенно счастлива, если бы не видѣла ежедневно слабѣющей силы обожаемой второй матери.

Май мѣсяцъ обыкновенно на цѣлые годы приближалъ Урку къ гробу. Это было то время, когда казненъ Монтрозъ. Съ каждымъ своимъ возвращеніемъ, этотъ мѣсяцъ перерѣзывалъ у нея остатокъ нити жизни и только необыкновенно твердый характеръ поддерживалъ ее такъ дол-

го для исполненія обязанностей матери. Наконецъ она и эту заботу могла сложить въ вѣрныя руки: она могла поручить свою милую Орлу попеченіямъ Гарри и Флорисы. Молодые люди давно любили другъ друга. Урика благословила ихъ и спокойно приготовилась къ свиданію съ столь долго оплакиваемымъ и горячо любимымъ мужемъ.

В. ДЕРЖКЕРЪ.

=

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ПРЕСМЫКАЮЩИХСЯ.

=

Нѣкогда на Земномъ Шарѣ не было другихъ породъ животныхъ кромѣ племенъ исполинскихъ ящерицъ, страшныхъ крокодиловъ, огромныхъ черепахъ, стосаженныхъ змѣй, лягушекъ величиною съ барана: по-крайней-мѣрѣ, такъ думаютъ нѣкоторые геологи, пораженные огромнымъ количествомъ и странными формами остатковъ странныхъ существъ, погребенныхъ въ глубокихъ слояхъ земной поверхности. Размѣры этихъ животныхъ нынче значительно сократились, число ихъ также стало менѣе и, въ-

Т. LXX. — Отд. III.

1

роятно, современемъ породе пресмыкающихся совсѣмъ исчезнетъ съ лица земли, чтобы уступить мѣсто человеку и тѣмъ животнымъ, которыя могутъ съ нимъ ужиться, покупая у насъ право на свое существованіе пользою, которую они приносятъ нашему роду. Но, еще и въ наше время, изъ всѣхъ отдѣленій животнаго царства классъ пресмыкающихся представляетъ самое примѣчательное разнообразіе породъ, самыя причудливыя изысканія въ общемъ органическомъ устройствѣ, самый странный образъ жизни. Широкіе, массивные размѣры неповоротливой черепахи составляютъ разительную противоположность съ вертливостью ящерицы и съ плотностью тѣла змѣи. Въ формахъ, характерѣ и инстинктахъ угрюмой жабы, извивчиваго хамелеона, крылатаго дракона, свирѣпаго крокодила, гигантскаго удава, маленькой ядовитой кобры, не видно ни какого сходства, хотя всѣ они принадлежатъ къ одному и тому же племени. Мѣста ихъ жительства такъ же разнообразны какъ названія и свойства. Влажные лѣса Америки, пустыни и рѣки Африки, степи Азии, болота Европы, равнины Австраліи, населены особенными породами пресмыкающихся, и даже, среди индійскихъ острововъ, мореплаватель съ изумленіемъ видитъ этихъ животныхъ, весело скользящихъ по поверхности океана въ огромномъ разстояніи отъ земли.

Но главнымъ гнѣздомъ пресмыкающихся могутъ быть названы южныя земли: они далеко не такъ многочисленны въ климатахъ умѣренныхъ, а въ странахъ холодныхъ водится ихъ даже очень мало; размѣры ихъ такъ незначительны и тѣло сложено такъ слабо, что въ зимнее время они впадаютъ въ околоченіе, похожее на смерть. Большая часть пресмыкающихся, живущихъ подъ нашими широтами, принадлежатъ къ породамъ полу-водянымъ. Способность проводить часть жизни въ сонномъ состояніи, въ землѣ, въ трещинахъ скалъ, подъ кочками болотъ, спасаетъ ихъ отъ гибели при наступленіи морозовъ. Въ холодныхъ и умѣренныхъ странахъ удавы, черепахи, крокодилы, хамелеоны вовсе неизвѣстны. У каждаго изъ этихъ животныхъ есть, такъ сказать, свое отечество, своя

часть свѣта. Хамелеонъ, животное столь обыкновенное въ земляхъ расположенныхъ вдоль восточныхъ и южныхъ береговъ Средиземнаго Моря, въ Европѣ попадается вѣрѣдка только въ южныхъ областяхъ Испаніи. У черепахи, характеристической принадлежности знойной Азіи и Африки, почти нѣтъ родныхъ въ нашей части свѣта: мелкія породы Астрахани, Калабріи и Греціи можно по справедливости почесть за эмигрантовъ Востока. Самые огромные крокодилы и кайманы, самые длинные и толстые удавы, самыя тяжелыя черепахи, самыя ядовитыя змѣи живутъ только въ южной части Земнаго Шара.

Наука о тѣлостроеніи, признакахъ, свойствахъ и породахъ пресмыкающихся, образовалась въ недавнее время. Конечно, твари такого чуднаго, а иногда и такого ужаснаго виду не могли не обращать на себя вниманія наблюдателей даже въ самую глубокую старину. Древніе передали намъ описаніе нѣкоторыхъ пресмыкающихся. Въ твореніяхъ Аристотеля мы находимъ даже обширное разсужденіе объ этомъ предметѣ. Подъ именемъ «ящериодныхъ четвероногихъ и змѣй», онъ разумѣетъ ту огромную группу, которую Линней, черезъ двѣ тысячи лѣтъ, соединилъ подъ неудачнымъ названіемъ Amphibia, или *земноводныхъ* животныхъ, названіемъ непримѣнимымъ къ большей части породъ, ко всѣмъ обитателямъ безводныхъ пустынь, гдѣ не знаютъ даже что такое утренняя роса. Слово Reptilia, *пресмыкающіяся*, въ систематическомъ значеніи было употреблено впервые около середины прошлаго столѣтія, и нынче Egreptologia, греческій терминъ, означающій то же самое, принято вообще всѣми какъ названіе «науки о пресмыкающихся». Нельзя сказать, однако жъ, чтобы новая выдумка была счастливѣе старой: если *пресмыкаться* значитъ—ползать, то ящерицы и хамелеоны, которые бѣгаютъ съ удивительною скоростью, не должны принадлежать къ наукѣ о ползунахъ, къ которой скорѣе можно было бы отнести лѣнивцевъ и другія едва подвижныя породы млекопитающихъ. Настоящее названіе еще не найдено. По-русски всего приличнѣе было бы назвать всѣхъ бѣгающихъ и ползающихъ пресмыкающихся *зада-*

ли: но развѣ русскіе естествоиспытатели употребляютъ русскія слова и выраженія?... Они только буквально переводятъ намъ иностранныя.

Отъ Аристотеля до осемнадцатаго столѣтія эта наука скорѣе шла назадъ чѣмъ подвигалась впередъ. Конрадъ Геснеръ, германскій Пливій, monstrum eruditionis, какъ называлъ его Бургавъ, затмилъ ее множествомъ нелѣпныхъ разсказовъ. Знаменитый италіанскій компиляторъ, Алдрованди, котораго сочиненіе издалъ уже послѣ его смерти Амброзини, въ 1640 году, писалъ объ нихъ еще безпорядочнѣе: онъ разсуждаетъ не только о признакахъ и свойствахъ гадовъ, но и обо всемъ что только можно было сказать объ нихъ въ символическомъ, іероглифическомъ и баснословномъ отношеніяхъ. Втеченіи осемнадцатаго столѣтія множество писателей занимались естественною исторіей гадовъ; но лучшимъ распредѣленіемъ этого класса животныхъ, наука обязана Александру Броньяру, который обнародовалъ свою систему въ 1799 году. Последнее, самое полное твореніе о пресмыкающихся принадлежитъ господину Дюмері (Duméril), члену парижской Академіи Наукъ. Оно еще не все издано; но въ прошедшемъ году уже отпечатана шестая часть, за которою должны послѣдовать остальные. Мы представимъ здѣсь краткій очеркъ этого занимательнаго труда. Книга господина Дюмері въ высшей степени любопытна, и у насъ почти неизвѣстна *.

Всѣ пресмыкающіяся раздѣлены на четыре главные группы или порядка.

I. *Черепанородныя* (пресмыкающіяся изъ роду черепахъ), *Chelonia*. Эта группа заключаетъ въ себѣ черепахъ. Сердце у этихъ животныхъ имѣетъ два ушка; туловище поддерживается четырьмя членами, и заключено въ костяномъ ящикѣ, состоящемъ изъ двухъ щитовъ, верхняго и нижняго, образованныхъ изъ раздавленныхъ въ ширину реберъ.

* *Erpétologie Générale, ou Histoire Naturelle complète des Reptiles, par A. M. C. Duméril, membre de l'Institut, et G. Bibron, aide-naturaliste au Muséum d'histoire naturelle. Paris, 1834—1843, six volumes.*

II. *Ящеродныя*, *Sauria*, куда относятся крокодилы, ящерицы, хамелеоны, игуаны, и другія подобныя твари. У нихъ, какъ у черепахъ, сердце двуушковое, четыре ноги, но тѣло покрыто чешуями.

III. *Змѣеродныя*, *Ophidia*: сюда принадлежать всѣ змѣи, земныя и водяныя, ядовитыя и неядовитыя; сердце у нихъ двуушковое, но туловище безъ членовъ.

IV. *Лягушкородныя*, *Batrachia*: лягушки, жабы, саламандры, сирены, и такъ далѣе. У нихъ—сердце одноушковое, тѣло голое. Бѣольшая часть этихъ животныхъ до совершеннаго развитія имѣютъ форму рыбокъ, и дышутъ жабрами; достигнувъ же полнаго образованія, приобрѣтаютъ видъ четвероногихъ животныхъ и начинаютъ дышать посредствомъ легкихъ.

Не имѣя возможности входить во всѣ подробности предмета, мы постараемся изложить на первый случай главныя черты двухъ первыхъ группъ, показывая характеры и свойства разныхъ породъ. Змѣеродныя и лягушки останутся до другаго болѣе удобнаго времени.

Огромныя морскія черепахи отличаются отъ черепахъ земныхъ и прѣсноводныхъ тѣмъ, что имѣютъ длинныя, плоскія, похожія на перо ноги, которыхъ пальцы соединены между собою перепонкою. Мясо и жиръ этихъ черепахъ доставляютъ не только лакомое кушанье для гастронома, но и питательную, легкую пищу для моряковъ. Яицы черепахъ также очень питательны, несмотря на свой непріятный видъ, потому что *блѣлокъ* у нихъ *зеленый* и не сгущается. Но *желтокъ* чрезвычайно вкусенъ, однако жъ долго вареный становится маслястымъ и прозрачнымъ. Замѣчено, что яицы всѣхъ черепахъ очень хороши, даже яицы черепахъ плотоядныхъ, которыхъ мясо имѣетъ отвратительный, сильный мускусный запахъ. То же самое замѣчено и въ-отношеніи птичьихъ яиць. Яица кайръ и другихъ морскихъ птицъ очень вкусны, между-тѣмъ какъ мясо ихъ имѣетъ отвратительный промзглый рыбный вкусъ.

Нѣкоторыя части щитовъ, покрывающихъ тѣло черепахъ, употребляются въ ремеслахъ, для украшеній и тому

подобнаго. Страбонъ и Плиній упоминаютъ о Хелонозагахъ, обитавшихъ на берегахъ Чермнаго Моря, которые исключительно питались однимъ мясомъ черепахъ.

Хотя морскія черепахи, которыхъ только семь или осемь видовъ извѣстны въ настоящее время натуралистамъ, чрезвычайно разнообразны по своему виду и характеру, однако жъ онѣ имѣютъ между собой то общее свойство, что рѣдко выходятъ на берегъ, исключая того времени когда кладутъ яйца. На пустынные берега необитаемыхъ острововъ они выходятъ чаще, но инстинктивное сознание своей неповоротливости заставляетъ ихъ предпочитать безопасное море. «Всѣ роды черепахъ, говоритъ Одюбонъ, движутся въ водѣ съ изумительною быстротою; въ-особенности зеленая и остроносая черепахи напоминаютъ своими движеніями быстроту полета птицъ. За исключеніемъ китовъ, и нѣсколькихъ морскихъ змѣй, черепахи самыя водяныя животныя изъ всѣхъ животныхъ, не принадлежащихъ къ классу рыбъ: онѣ часто плаваютъ по океану, въ разстояніи семи или осьми сотъ миль отъ берегу. Черепахи чрезвычайно плодовиты. Въ яичникахъ одной самки было найдено до трехъ тысячъ яицъ, въ различныхъ степеняхъ развитія. Втеченіи года самка кладетъ около ста яицъ. Форма яйца почти сферическая. Дѣтеныши выкупаются изъ яйца обыкновенно на пятнадцатый или двадцатый день. Тотчасъ по выходѣ изъ яйца, молодыя черепахи имѣютъ мягкое тѣло и очень блѣдный цвѣтъ. Раздѣленіе щитовъ обозначается тоненькою, едва замѣтною полоскою. Дѣтеныши инстинктивно направляются къ водѣ. Говорятъ, будто они дѣлаютъ нѣсколько попытокъ приспособить свой специфическій вѣсъ такъ, чтобъ имъ можно было погрузиться въ воду. Это короткое путешествіе, часто бываетъ для нихъ пагубно, потому что въ это время они дѣлаются добычею птицъ, хищныхъ звѣрей и аллигаторовъ. Эти огромныя пресмыкающіеся водятся обыкновенно въ большомъ количествѣ, около морей знойнаго пояса. Тѣ же изъ нихъ, которыя попадаютъ въ умеренныхъ частяхъ Атлантическаго Океана, и въ Средиземномъ Морѣ, вѣроятно, бывають занесены туда случайно.

Самая замѣчательная изъ черепахъ этого семейства *Chelonia mydas*, обыкновенно называемая зеленою черепахою, не по цвѣту внѣшней поверхности тѣла, а потому что жиръ ея, высокаго качества, принимаетъ особеннаго рода зеленоватый отливъ. Вотъ какъ знаменитый Одюбонъ описываетъ жизнь этихъ черепахъ. «Зарево западающаго солнца освѣщаетъ массы паровъ, которые кажутся горями растопленнаго золота. Наконецъ солнце заходитъ, и съ востока начинаетъ подниматься сѣрая завѣса, которую ночь распространяетъ надъ міромъ.... Тяжело-нагруженные черепахи, выставивъ изъ воды однѣ головы, медленно приближаются къ землѣ, заботясь о томъ чтобъ положить свои лица въ хорошо знакомыхъ пескахъ. Сквозь вечерній туманъ, я смотрю, какъ на поверхности весело струящагося потока начинаютъ показываться мало-помалу ихъ безобразныя формы, между-тѣмъ какъ ухо мое по временамъ различаетъ ускоренное дыханіе, доказательство подозрительности и страху. Но вотъ показывается луна и своимъ серебристымъ свѣтомъ озаряетъ сцену: черепаха, достигнувъ земли, медленно и съ трудомъ тащитъ свое неуклюжее тѣло по песку, потому что ея лапы больше приспособлены къ плаванію въ водѣ, чѣмъ къ хоженію по землѣ. Вотъ она поднимается выше на берегъ: взгляните, какъ искусно она разгребаетъ подъ собою песокъ, откидывая его то на ту, то на другую сторону. Рядъ за рядомъ мечетъ она свои лица, укладывая ихъ самымъ тщательнымъ образомъ, и закрывая ихъ опять пескомъ. Окончивъ дѣло, черепаха весело возвращается къ берегу и кидается въ глубину».

Эти материнскія обязанности оканчиваются скоро. Несмотря на то, что каждое яйцо кладется особо, и что всѣ они располагаются рядами, въ числѣ полутора, а иногда и болѣе, вся работа оканчивается минутъ въ двадцать. Вылупившіяся изъ яйца черепахи величиною не болѣе монеты въ полтора рубля серебромъ: въ возмужаломъ возрастѣ онѣ принимаютъ гигантскіе размѣры, иногда достигаютъ до шести футовъ въ длину, а вѣсомъ бывають до осьми сотъ фунтовъ. Главную пищу зеленыхъ чере-

пахъ составляетъ длинно-лиственный морской мохъ, *zostera marina*. Нѣкоторые естественныя испытатели приписываютъ зеленеватый отливъ ихъ жиру, исключительному употребленію въ пищу этого растенія.

Неуклюжеголовая черепаха, *Chelonia Garetta*, чрезвычайно великолѣпное чудовище, но не годится ни на какое употребленіе ни въ ремеслахъ ни въ кухнѣ. Щиты ея ни на что не годны, а мясо у ней твердое и вонючее. Эта черепаха смѣлое и прожорливое животное; добычу ея составляютъ раковины и другія животныя, которыхъ она раскалываетъ своими сильными челюстями. Она водится около атлантическихъ береговъ Америки, но попадаетъ въ Средиземномъ Морѣ и даже около береговъ Англій.

Самая огромная изъ этихъ морскихъ пресмыкающихся — *Chelonia coriacea*, названная такъ по мягкости ея вѣшней покрывки, похожей болѣе на кожу чѣмъ на рогъ. Это видъ очень рѣдкій, но попадаетъ и въ Атлантическомъ Океанѣ и въ Средиземномъ Морѣ. Одна изъ этихъ черепахъ, пойманная въ трехъ льѣ отъ Нанта, близъ устья Лоары, была около семи футовъ длиною. Мясо ихъ иногда очень жирное, однако жъ совершенно безвкусно. Эта черепаха была извѣстна древнимъ; Ласепедъ считаетъ ее даже животнымъ классическимъ, потому что древнія арфы и лиры дѣлались изъ ея щитовъ. Она даже и теперь называется у Французовъ *luth*.

Chelonia imbricata, черепичная черепаха, названа такъ по расположенію пластинокъ на спинномъ щитѣ. Это животное очень дорогое. Чешуи ея щитовъ извѣстны въ торговлѣ подъ именемъ черепахи. Она величавою гораздо меньше тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше. Яйца ея превосходны, но мясо не вкусно. Англичане называютъ ее *hawkbill* «орлиноносою» черепахою, по странной длинной формѣ морды; Французы «черепичною» (*tuilée*, по расположенію чешуекъ. Эти чешуи легко плаваютъ въ огнѣ; но въ естественномъ состояніи чрезвычайно ломки. Въ горячей водѣ онѣ становятся мягкими и гибкими, и положенныя въ этомъ состояніи между металлическими или деревянными пластинками, принимаютъ какую угодно форму. Онѣ хоро-

по полируются и удобно могутъ быть спанваемы, посредствомъ огня и давленія.

Черепаша была извѣстна древнимъ и высоко цѣнилась ими. Греки и Римляне употребляли ее для украшенія столбовъ, дверей, кроватей и другихъ мебели. Валлерій Патеркулъ рассказываетъ, что, когда Александрія была взята Юліемъ Цезаремъ, то въ магазинахъ были найдены огромные запасы черепахи. Количество черепахи, получаемой съ одного животного, простирается отъ пяти до двадцати фунтовъ. *Chelonia imbricata* водится въ индѣйскомъ и американскихъ моряхъ; иногда случайно попадаетъ въ Средиземномъ Морѣ.

Отличительную черту зеленыхъ черепахъ составляетъ устройство ихъ лапъ, которыя у нихъ тупы и какъ-будто обрублены. Пальцы соединены въ одну массу и оканчиваются тупыми когтями. Если можно сравнивать маленькія вещи съ большими, то мы скажемъ, что лапа земной черепахи похожа на ногу слона, съ тою разницею, что подошва у черепахъ мягка и бугриста, и потому заставляетъ ихъ ходить такъ-сказать на цыпочкахъ. Поэтому движенія ихъ чрезвычайно слабы и неправильны. Щиты у нихъ гораздо выпуклѣе чѣмъ у морскихъ черепахъ. Изъ всѣхъ черепахородныхъ пресмыкающихся у нихъ самыя твердые, самыя тяжелые щиты, разумѣется относительно къ величинѣ. Надобно замѣтить также, что щиты эти приобрѣтаютъ свою упругость, твердость и свое совершенство, прежде нежели животное достигнетъ полного развитія, чего мы не находимъ ни у морскихъ ни у рѣчныхъ черепахъ. Твердость этихъ щитовъ такъ велика, что маленькая американская черепаха, *testudo polyrhemos*, напримѣръ, можетъ выдержать безвредно давленіе шестисотъ фунтовъ. Въ водѣ всѣ виды этой группы скоро умираютъ. Онѣ также не могутъ плавать. Яица ихъ болѣею частію круглы, какъ бильярдный шаръ; но у нѣкоторыхъ видовъ они продолговатыя, и почти цилиндрическія, то есть, безъ разницы въ оконечностяхъ, какъ у птицъ. Они тверды и покрыты известковою оболочкою. Большая часть этихъ животныхъ обитаетъ въ лѣсахъ и мѣстахъ,

обильныхъ травю. Въ странахъ холодныхъ они дѣлаютъ для себя норы, или отыскиваютъ пустоты, не слишкомъ глубокія, куда скрываются на-зиму. Въ такихъ же мѣстахъ кладутъ они свои яицы, нѣсколько объ нихъ не заботясь. Пищу ихъ составляютъ небольшія раковины, насекомыя и различныя растенія; самая любимая ихъ пища—салать.

Географическое распредѣленіе этихъ пресмыкающихся чрезвычайно обширно. Въ Европѣ попадаются только три вида, *testudo marginata*, *mauritanica* и *graeca*. Девять видовъ найдены въ Африкѣ и на африканскихъ островахъ; изъ нихъ, шесть свойственны африканскому материку и одинъ острову Мадагаскару. Вообще вся Индія и восточные острова производятъ по-крайней-мѣрѣ шесть видовъ. Извѣстъ съ родомъ *Cynpizis*, на материкѣ Америки и островахъ Новаго Свѣта водится болѣе осьми или девяти видовъ, описанныхъ у д'Орбиньи, и попадающій въ Патагоніи; но онъ имѣетъ такъ много сходства съ *testudo variegata*, извѣстнымъ африканскимъ видомъ, что мы не рѣшаемся этого сдѣлать. Существованіе какого бы то ни было земнаго пресмыкающагося, свойственнаго въ одно и то же время Америкѣ и Африкѣ, было бы самымъ необыкновеннымъ явленіемъ, которому до-сихъ-поръ не было примѣру.

Всѣ европейскіе виды земныхъ черепахъ принадлежатъ къ роду *testudo* новѣйшихъ писателей. Отличительный характеръ этого роду—пять пальцевъ на всѣхъ четырехъ ногахъ, пять когтей на передней парѣ и только четыре на задней. Лучшій и извѣстный древнимъ видъ—греческая черепаха, *testudo graeca*. Она водится только въ южныхъ странахъ Европы, то есть, въ Греціи, въ Италіи и на главныхъ островахъ Средиземнаго Моря; попадаетъ также и во Франціи, но исторически извѣстно, что она завезена туда изъ Италіи. Греческая черепаха питается преимущественно травами. Она любитъ сухую и нѣсколько песчаную почву, покрытую небольшимъ лѣсомъ. Греческія черепахи сокупаются весною; самка кладетъ отъ четырехъ до двадцати яицъ, бѣлыхъ и сферическихкихъ, величин-

ною съ небольшою греческѣю орѣхъ. Во время точки самцы дѣлаются очень пылкими и часто дерутся между собою съ большимъ ожесточеніемъ. Каждый старается повалить другаго на спину, то есть, привести въ положеніе, въ которомъ онъ уже не въ состояніи защищаться. Подобно всѣмъ земнымъ пресмыкающимся, они любятъ зной и солнечные лучи. Въ полдень, въ самое знойное время очаровательнаго сицилійскаго лѣта, случалось находить черепахъ, которыхъ щиты были такъ горячи, что до нихъ нельзя было дотронуться голою рукою. Необыкновенная долголѣтность этихъ животныхъ слишкомъ хорошо извѣстна. Одна изъ этихъ черепахъ, принадлежавшая архіепископу Лауду, была привезена въ Англію въ 1633 году и умерла скорѣе отъ неосторожности смотрителя, нежели отъ старости, въ 1753 году. Греческая черепаха продается какъ пища, на рынкахъ Италіи и Сициліи.

Другой видъ этого рода — *testudo marginata*. До Bory de Saint-Vincent есчитали свойственною только Египту и сѣвернымъ берегамъ Африки, но теперь доказано, что она такъ же хорошо извѣстна въ Греціи, какъ и настоящая греческая черепаха.

Testudo mauritanica, получила свое названіе отъ того, что попадаетъ на берегахъ сѣверной части Африки, которая въ древности называлась Мавританіею. Со времени завоеванія Алжира Французами, эта черепаха стала появляться на парижскихъ рынкахъ, какъ предметъ любопытства, для разведенія въ садахъ. По увѣренію господина Менетріе, она водится также въ окрестностяхъ Баку.

Болотныя черепахи составляютъ отдѣльное семейство и гораздо многочисленнѣе предъидущихъ. У всѣхъ ихъ пальцы лапъ имѣютъ суставы и соединены между собою перепонкою. Поэтому нога ихъ устроена и для ходьбы и для плаванія. Онѣ живутъ въ болотахъ и другихъ сырыхъ мѣстахъ. Новѣйшее названіе *Elodites*, взято отъ греческаго слова *élos*, болото. Болотныя черепахи составляютъ нѣчто среднее между морскими и земными. Онѣ питаются преимущественно животною цѣщею. Это семейство состоитъ изъ четырнадцати породъ, заключаю-

щихъ въ себѣ до семидесяти четырехъ видовъ. Географическое распредѣленіе ихъ отличается, во многихъ отношеніяхъ, отъ распредѣленія земныхъ черепахъ. Напримѣръ въ Америкѣ, производящей только немногіе виды земныхъ черепахъ, находится сорокъ пять видовъ изъ семейства *Elodites*, между-тѣмъ какъ въ Африкѣ, очень богатой земными черепахами, только три вида болотныхъ черепахъ.

Бѣглый взглядъ на физическія условія двухъ великихъ материковъ Земнаго Шара легко объяснить причину этого зоологическаго явленія. Одинъ изъ главныхъ физическихъ характеровъ Америки — отсутствіе песчаныхъ степей. Расположеніе мѣстности въ Сѣверной Америкѣ, въ-особенности, препятствуетъ образованію бесплодныхъ степей, которыя бываютъ слѣдствіемъ относительно низкаго и наклоннаго положенія поверхности земли и отсутствія горъ, слѣдовательно, и недостатку сырости. Всякая страна, которой плоская поверхность распространяется на нѣскольکو сотъ миль, и гдѣ небо никогда не бываетъ покрыто облаками, непременно дѣлается степью. Такимъ точно образомъ огромное пространство Внутренней Африки, по причинѣ недостатку горныхъ кражей, не способно собирать достаточнаго количества влаги для оплодотворенія ея жаждающихъ равнинъ. Здѣсь нѣтъ ни снѣговыхъ горъ, которыя бы бросали свою тѣнь на эти палимые зноемъ пески, ни глубокихъ долинъ, въ которыхъ бы декабрскій снѣгъ сохранялся до іюня, и служилъ пищею для потоковъ. Америка, напротивъ того, не только окружена морями, но и сама обладаетъ цѣпами высочайшихъ горъ, величайшими рѣками и огромными озерами. Сверхъ-того постоянно дующіе вѣтры, насыщенные влагою, приносятъ непрерывно въ обширную долину Миссиссипи обильную дань паровъ, одѣвающихъ покатоги горъ и холмистыя долины рѣкошнѣйшею растительностью. Очевидно, что дикая американская природа совершенно различна отъ пустынь Африки. Поэтому существованіе въ Америкѣ рѣкъ, озеръ и болотъ объясняетъ намъ причину почему ихъ такъ много въ Америкѣ и такъ мало въ Африкѣ. Изъ двадцати-девяти видовъ, неизвѣстныхъ въ Америкѣ, не болѣе трехъ

водятся на африканскомъ материкѣ, то есть, почти столько же сколько на одномъ Мадагаскарѣ. Два вида принадлежатъ Новой-Голландіи, три Европѣ, остальные осмнадцать свойственны изобилующимъ водою странамъ Индіи и восточному Архипелагу. Изъ болотныхъ черепахъ Южной Америки извѣстенъ только одинъ видъ изъ Орконо — называемый туземцами «аррау». Эта черепаха бываетъ вѣсомъ отъ сорока до пятидесяти фунтовъ и ловится только для жиру, получаемого изъ ея яицъ. По вычисленіямъ Гумбольдта, этого жиру собирается ежегодно до пяти тысячъ «воіјас». Для этого нужно, чтобъ на берегъ ежегодно выходило триста тридцать тысячъ черепахъ, и чтобъ онѣ положили тридцать три милліона яицъ.

Изъ европейскихъ элодитовъ всѣхъ обыкновеннѣе *Cistudo lutea*, живущая въ болотахъ и трясинахъ. Она плаваетъ очень быстро и питается маленькими рыбками, раковинами и насѣкомыми. Ея мясо непріятно, но часто употребляется въ пищу. Она водится въ Греціи, Италіи, на многихъ островахъ Средиземнаго Моря, въ Испаніи, Португаліи, въ Южной Франціи, въ Венгріи, и даже въ Пруссіи. Съ приближеніемъ зимы, она выходитъ изъ воды и зарывается въ тину, гдѣ впадаетъ въ зимнее оцѣпенѣніе до весны. Яйца свои она кладетъ въ землю. Остальныя два вида европейскихъ болотныхъ черепахъ принадлежатъ къ роду *Emys*. *Emys Caspica* водится не только въ Каспійскомъ Морѣ, но и въ Далмаціи и Моревѣ. *Emys Sicula* попадается въ Испаніи. Это то же африканское животное. Мясо американской черепахи *Emys concinna* очень вкусно. Эта черепаха водится въ соленыхъ болотахъ.

Четвертый и послѣдній отдѣлъ черепахородныхъ составляютъ рѣчныя черепахи, *Podemites*. Онѣ обыкновенно живутъ въ текучей водѣ, и плаваютъ удивительно быстро, потому что щиты ихъ плоски и широки, а пальцы ногъ соединены плавательною перепонкою. Тѣло у нихъ сплющенное и края щитовъ вообще мягки и гибки. Края челюстей покрыты складками кожи, замѣняющими губы: примѣръ необыкновенный между пресмыкающимися. Какъ верхній такъ и нижній щитъ покрыты гладкою, толстою,

голою кожею. Лапы плоскія, состоящія изъ пяти пальцевъ, изъ которыхъ только три снабжены ногтями; отсюда—название *trionux*, трехъ-когтяной, которое даетъ имъ Жоеруа.

Видовъ этихъ черепахъ очень много, но ни одинъ не водится въ Европѣ. Онѣ очень живы и прожорливы, питаются другими пресмыкающимися, рыбою и даже птицами. Видъ ихъ чрезвычайно страненъ, по причинѣ очень длинной и очень подвижной шеи, которая даетъ имъ возможность выпускать голову съ быстротою стрѣлы. Онѣ жестоко кусаются. Мясо ихъ имѣетъ очень пріятный вкусъ. Ихъ ловятъ посредствомъ удочекъ, на крючкѣ которыхъ насажена маленькая рыбка. Натуралистамъ извѣстно болѣе двѣнадцать видовъ этихъ животныхъ, разбросанныхъ въ Азію, Африкѣ и Америкѣ. Египетская рѣчная черепаха, извѣстная подъ именемъ «*tuqse*», или «болзливой нильской черепахи», приноситъ большую пользу, истребляя молодыхъ крокодиловъ въ то время когда они выдупляются изъ яицъ. *Trionux feox*, водится во многихъ рѣкахъ Америки, гдѣ она прячется въ тростникахъ и камышахъ, откуда бросается на неопытныхъ птицъ и молодыхъ канмановъ.

Въ твореніяхъ Геродота, очевидца чудесъ древняго Египта, мы находимъ нервыя и точныя наблюденія надъ крокодиломъ. Между истинными подробностями, которыя онъ рассказываетъ, есть нѣсколько мѣстъ сомнительныхъ, однако жъ отчасти подтверждаемыхъ новѣйшими наблюденіями. Такимъ образомъ на примѣръ, онъ упоминаетъ объ одной птицѣ, *Trochillos*, которая будто бы выклеиваетъ изъ открытой пасти крокодила небольшихъ животныхъ *bdellae*. Французскій натуралистъ Декуртиль доказалъ наблюденіями надъ американскими канманами, что эти *bdellae*—не что иное какъ *culex*, комаръ. Описанія и замѣчанія Аристотеля болѣею частію замѣтнованы изъ греческаго историка. Діодоръ Сицилійскій упоминаетъ объ истребленіи крокодиловыхъ яицъ ихневмономъ. Страбонъ рассказываетъ о божескихъ почестяхъ, которыя были воздаваемы крокодилу въ Арсиноэ «*Crocodilopolis*».

Крокодилъ самое огромное, самое сильное, самое смѣлое и, слѣдовательно, самое страшное изъ всѣхъ пресмыкающихся. Крокодилы живутъ на берегахъ большихъ рѣкъ Стараго и Новаго Свѣта. Они очень разнообразны по своей формѣ и по своимъ характерамъ. По увѣренію Одюбона, крокодилы Сѣверной Америки совершенно не опасны для человѣка. Напротивъ-того, оренокскіе канманы часто нападаютъ на людей. Взрослый крокодилъ бываетъ въ двѣсти и даже иногда въ триста разъ больше своего дѣтеныша. Между-тѣмъ какъ взрослый крокодилъ, покрытый своею непроницаемою бронею изъ чешуи, съ своею огромною пастью, усѣянною множествомъ острыхъ зубовъ, можетъ страшиться только за свои глаза и нижнюю часть брюха, его яйца и дѣтеныши часто дѣлаются добычею египетскихъ ихневмоновъ, выдръ, американскихъ вбисовъ, и большихъ черепахъ изъ рода *Trionyx*. Даже самцы съѣдаютъ дюжинами своихъ дѣтенышей. Сало крокодиловъ употребляется на фабрикахъ, и однажды вошло-было въ моду дѣлать сапоги и башмаки изъ кожъ крокодиловъ. Дикіе Южной Америки ѣдятъ ихъ мясо, которое очень бѣло, но имѣетъ какой-то непріятный вкусъ и запахъ. Яйца крокодила считаются лакомствомъ у нѣкоторыхъ племенъ Африки.

Ни одинъ видъ этихъ животныхъ не водится въ Европѣ; ихъ также не найдено въ Новой-Голландіи. Канманы и аллигаторы свойственны только Америкѣ; крокодилы, собственно, водятся и въ Новомъ и въ Старомъ Свѣтѣ; гавіалы — только въ Азіи, на зеленѣющихъ берегахъ Гангеса. Изъ четырнадцати видовъ, составляющихъ этотъ родъ, Азія производитъ три вида крокодиловъ, исключая гавіала; Африка два вида крокодиловъ; Америка съ своими островами семь видовъ: пять аллигаторовъ и два крокодиловъ. Послѣдніе водятся преимущественно на островахъ Кубъ, Мартиникъ и Гаити.

Крокодилы собственно такъ-называемые отличаются отъ канмановъ длинною формою головы, и тѣмъ, что четвертый зубъ нижней челюсти у нихъ гораздо больше прочихъ и входитъ въ особенную выемку верхней челю-

сти. Заднія ноги снабжены когтями и пальцы ихъ соединены перепонкою.

Знаменитый египетскій крокодилъ *Crocodylus vulgaris*, кромѣ Нила водится еще въ Западной и Южной Америкѣ, на Мадагаскарѣ, въ Малабарѣ и Бенгалѣ. Самый обыкновенный индѣйскій крокодилъ, дву-бороздчатый водится на Цейлонѣ, Суматрѣ и другихъ большихъ островахъ, также въ Карнатикѣ и Бенгалѣ. Американскій крокодилъ *Crocodylus rhombifer*, водится въ Кубѣ. *Crocodylus acutus* обитаетъ на Мартиникѣ и Санъ-Доминго. Самка этого крокодила кладетъ свои яйца въ апрѣлѣ и маѣ. Дѣтеныши выводятся втеченіи мѣсяца. Самка вырываетъ въ песокъ своими лапами и рыломъ ямки и кладетъ въ нихъ двадцать осемь яицъ, покрытыхъ липкою жидкостью. Самка провожаетъ своихъ дѣтенышей въ воду, сохраняетъ ихъ отъ опасности, и кормитъ ихъ три мѣсяца, извергая изъ себя полу-переваренную пищу.

Гавіалы, *Gavias gavialis*, отличаются своею длинною, тонкою, полу-цилиндрическою мордою. Въ верхней челюсти находится четыре выемки для помѣщенія первой и четвертой пары зубовъ нижней челюсти. Заднія ноги снабжены когтями, а пальцы соединены плавательною перепонкою. Изъ этого рода извѣстенъ одинъ только видъ *Gaviales gangeticus*, животное гигантской величины, но по устройству своей головы не опасное ни для человѣка ни для большихъ четвероногихъ. Они питаются пресмыкающимися и рыбами. Чучело этого животнаго, находящееся въ Британскомъ Музеумѣ, имѣетъ осемнадцать футовъ въ длину. У аллигаторовъ, *Alligator*, морды короче и тупѣ нежели у настоящихъ крокодиловъ. Четвертая пара нижнихъ зубовъ помѣщается въ выемкахъ верхней челюсти; заднія ноги не имѣютъ когтей, и пальцы только до половины соединены перепонкою. Это семейство свойственно только Америкѣ.

Аллигаторъ Сѣверной Америки, *Alligator lucius*, одно изъ самыхъ странныхъ животныхъ, обитающихъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Онъ обыкновенно живетъ въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, но оставляетъ эти влажныя

жилица осенью, и зарывается въ землю или ложится въ корни деревьевъ. Въ этомъ летаргическомъ состояніи его можно разрубить на куски, такъ что онъ и не заштитъ. Но во время своей лѣтней жизни, это животное дѣлаетъ хорошее употребленіе изъ своихъ челюстей и хвоста: тяжелые удары послѣдняго слышны за полмили. Аллигаторы во множествѣ водятся въ Луизианѣ. Во время случки, весною, самцы становятся чрезвычайно свирѣпы, и тогда опасно къ нимъ приближаться. Въ это время они жестоко дерутся между собою, и производятъ шумъ, похожій на ревъ быка. Вначалѣ іюня, самка дѣлаетъ нѣкоторо рода гнѣздо, выбирая для этого густой кустарникъ, куда она сноситъ листья, мелкія вѣтви, и другія мелкія вещи. Втеченіи короткаго времени она кладетъ около десяти яицъ, которыхъ покрываетъ листьями и тиною, потомъ дѣлаетъ новое гнѣздо и снова кладетъ яйца. Повторяя такия образомъ свою работу, она сноситъ до пяти дюжины яицъ. Эти яйца длиннѣе гусиныхъ. Матка непрерывно сторожитъ мѣсто гдѣ положить яйца, и въ это время она сие къ нимъ приближаться. Не солнечные лучи развѣиваютъ яйца, а теплота, образуемая въ самомъ гнѣздѣ. Когда молодые аллигаторы достигнутъ полнаго развитія, они разрываютъ полу-прозрачную, похожую на пергаментъ оболочку яйца и выползаютъ изъ полу-согниващаго гнѣзда. Тогда самка съ величайшею осторожностью прятаетъ ихъ, потому что самцы въ это время поглощаютъ своихъ дѣтенышей.

Самый извѣстный изъ южно-американскихъ аллигаторовъ—аллигаторъ *sceleror*. Онъ очень хорошо извѣстенъ въ Гіанѣ и въ Бразиліи. Этотъ видъ достигаетъ огромной величины; въ Суринамѣ бывають аллигаторы длиною въ двадцать футовъ. Они питаются рыбою и дичью, которыхъ проглатываетъ цѣликомъ. Ночь они проводятъ въ водѣ, а днемъ, валясь на пескѣ, грѣются на солнцѣ. Аллигаторы рѣдко нападаютъ на людей, и опасны только тѣмъ, которые дотрогиваются до ихъ яицъ. Яйца свои они кладутъ въ песокъ, и закрываютъ листьями. Яйца ихъ развѣиваются отъ теплоты солнца. Кромѣ этихъ видовъ въ

Южной Америкѣ попадаются *alligator palpebrosus*, *serpentina*, и *punctatus*.

Мы мелькомъ упомянули о зимнемъ снѣ или летаргіи сѣверныхъ породъ. Гораздо любопытнѣйшее явленіе, это лѣтній сонъ южно-американскихъ аллигаторовъ. Они впадаютъ въ летаргію во время сухой, удушливой погоды. Мы показали мѣсто, говоритъ Гумбольдтъ, гдѣ мой хозяинъ въ Калабосо, донъ-Мигуэль Кузенъ, былъ очевиднымъ свидѣтелемъ чрезвычайно необыкновеннаго зрѣлища. Заснувъ съ однимъ изъ своихъ друзей на скамьѣ, покрытой кожей, онъ былъ пробужденъ рано утромъ сильнымъ толчкомъ и ужаснымъ ревомъ; глыбы земли были брошены въ среднюю палатки. Вдругъ изъ-подъ постели выползъ крокодилъ, бросился на собаку, которая лежала на порогѣ, и потомъ побѣжалъ къ рѣкѣ. Разсмотрѣвъ мѣсто, надъ которымъ стояла кровать, они легко открыли причину этого страннаго явленія. Земля была взрыта на большую глубину. Это была высохшая тина, которая покрывала крокодила, находившагося въ летаргіи, или лѣтнемъ снѣ. Шумъ, производимый людьми и лошадьми и, вѣроятно, запахъ отъ собакъ пробудили его. Во время лѣтнихъ жаровъ въ Аригѣ лошади, которыя заходятъ въ саванны и не могутъ добраться до возвышенныхъ мѣстъ, погибаютъ тысячами. Часто можно видѣть кобылъ съ ихъ жеребятами плавающихъ по болотамъ и питающихся болотными травами. У тѣхъ, которымъ удается избавиться отъ жадности крокодиловъ, на ногахъ остаются слѣды зубовъ этого чудовища. Гумбольдту рассказывали, въ Санъ-Фернандо, что не проходитъ году, чтобы нѣсколько человѣкъ, особенно женщинъ, не были увлечены въ воду этими кровожадными пресмыкающимися.

Остается теперь обозрѣть одну изъ чрезвычайно замѣчательныхъ группъ не только между ящерородными, но и во всемъ животномъ царствѣ, именно, хамелеоновъ.

Хамелеоны—животныя, отличныя во многихъ отношеніяхъ отъ прочихъ пресмыкающихся. Кожа у нихъ, не чешуйчатая, а усѣяна крупинками, которыя въ иныхъ мѣстахъ расположены узорами. Ноги длиннѣе нежели какъ

обыкновенно у пресмыкающихся; пять пальцевъ каждой лапки, снабженные когтями, похожими на когти попугая, составляютъ два вѣра, противоположные одинъ другому: они приспособлены къ лазенью по деревьямъ и скаламъ, — явленіе, которому нѣтъ примѣру въ этомъ классѣ животныхъ. Голова — пирамидальная, и какъ-будто лежитъ на плечахъ; на головѣ — гребешокъ. Наружнаго уха не видно. Хвостъ — цѣпкій: посредствомъ его хамелеоны безопасно удерживаются на вѣтвяхъ деревьевъ. Походка чрезвычайно осторожна, но отнюдь не медленна, какъ увѣряютъ нѣкоторые натуралисты. Хамелеонъ, въ нужномъ случаѣ, бѣгаетъ очень скоро, но обыкновенно, онъ — большой перипатетикъ, любитель философической важности въ движеніяхъ и мудръ до крайности: каждый шагъ его какъ-будто рассчитанъ. Взлѣзая на дерево или на скалу, хамелеонъ поднимаетъ сперва правую переднюю ногу, подержитъ ее нѣсколько времени на воздухѣ, подумаетъ, посмотритъ, и тогда уже дастъ ей другое положеніе. Утвердивъ эту ногу, онъ поднимаетъ лѣвую заднюю, потомъ лѣвую переднюю, и наконецъ уже правую заднюю.

Устройство глаза у хамелеона представляетъ особенность, достойная замѣчанія. Широкая часть глаза выдается изъ глазной впадины, которая очень широка; наибольшій діаметръ ее идетъ снаружи кнутри. Глазное яблоко покрыто однимъ круглымъ вѣкомъ, которое само есть продолженіе кожи черепа. Въ серединѣ этого вѣка противъ зрачка находится небольшая дырочка, способная сокращаться и расширяться при помощи извѣстныхъ мускуловъ, которые могутъ измѣнять ее форму, отъ кругаго отверстія до поперечной и даже вертикальной трещины. Кромѣ-того, глаза движутся у хамелеона независимо одинъ отъ другаго, такъ, что правый можетъ смотрѣть впередъ, между-тѣмъ какъ лѣвый глядитъ назадъ. Вѣко прикрѣплено къ прозрачной части роговой оболочки, посредствомъ сжимающаго мускула, и находится подъ вліяніемъ какъ частныхъ такъ и общаго движеній глаза, который снабженъ шестью мускулами, четырьмя прямыми и двумя косыми, или круговращательными. Глазное яблоко устроено какъ

и у прочих пресмыкающихся, снабжено мигательной перепонкою, и большою слезною железю. Фролихъ и Перро замѣтили, что зрительные нервы пересѣкаются. Перро, сверхъ-того нашелъ, что въ точкѣ пересѣченія одинъ нервъ проходитъ въ другомъ, не сообщаясь съ нимъ ничѣмъ. Любопытное явленіе въ физиологін, если мы примемъ въ соображеніе способность хамелеона давать своимъ глазамъ совершенно противоположныя направленія.

Но самый любопытный органъ въ этомъ животномъ — языкъ: во рту онъ имѣетъ форму толстаго, мясистаго куска, въ самомъ же дѣлѣ это — длинная, пустая трубка, которую хамелеонъ можетъ выпускать съ быстротою стрѣлы, вѣрно попадая въ цѣль. Языкъ покрытъ жидкостью, такою клейкою, что она мгновенно уничтожаетъ въ небольшихъ насѣкомыхъ всякую возможность движенія. Въ вытянутомъ состояніи, языкъ походитъ на большаго дождеваго червяка, и длиною равенъ всему тѣлу хамелеона. Языкъ у него больше органъ схватыванія, чѣмъ органъ вкуса, и въ самомъ дѣлѣ, у хамелеона нѣтъ другаго орудія для схватыванія добычи. Быстрота, съ которою это животное выпускаетъ и втягиваетъ языкъ изумительна, а между тѣмъ въ прочихъ частяхъ тѣла не видно ни малѣйшаго движенія мускуловъ. Англійскій натуралистъ, Гаустонъ, полагаетъ, что выпусканіе языка производится частію посредствомъ подъязычной кости, подающейя при этомъ впередъ, но болѣе быстрымъ притеченіемъ крови въ безчисленное множество кровеносныхъ трубочекъ раздѣляющихся въ этомъ органѣ. Однако жъ трудно представить себѣ, чтобы кровь, по желанію животного могла ринуться въ однѣ только трубки языка. Въ холодномъ климатѣ, у плѣннаго хамелеона движеніе языка продолжается около пяти или шести секундъ, такъ что за нимъ можно слѣдить взоромъ. Надобно замѣтить, что тогда и замѣненіе цвѣту кожи происходитъ и гораздо медленнѣе и не такъ рѣзко какъ въ южныхъ странахъ, гдѣ хамелеонъ живетъ на свободѣ.

Этимологія слова *хамелеонъ*, занимала многія уче-

уши, головы, для которыхъ корнесловныя пустяки — мудрости и мудрость. Обыкновенно, почитаютъ это слово греческимъ, и у афинянъ лобъ всегда страшно болитъ, когда они пытаются растолковать свѣту это загадочное названіе. По-гречески, *хамелеонъ* значитъ — *εμφυσις*, а *λεων* — левъ; но не многіе изъ корнеслововъ примѣчаютъ, что эти два слова, ни логически ни грамматически, не вѣдутся между собою; если бѣ даже нарѣчіе *εμφυσις* принять, съ натяжкой, въ значеній прилагательнаго *εμφυσις*, и тогда еще слово *хамелеонъ* не представить ни какого смысла, потому что нѣтъ животнаго, которое бы менѣе хамелеона походило на льва, *εμφυσις* или *εμφυσις*. Но ящикъ, какъ всегда, просто открывался. Дѣло въ томъ, что слово, которое такъ затрудняетъ этимологовъ — вовсе не греческое; оно только обгречено. Настоящее происхожденіе его вотъ откуда: животное это не извѣстно въ Греціи; оно обитаетъ не ближе какъ въ Сиріи, и названіе его — сирійское; вѣроятно, также и финкійское. Въ сирійскомъ языкѣ оно носитъ странное имя *камель-юды* или *хамель-юды* (у Аравитянъ *земель-юды*), то есть, *жидовскій верблюдъ*. Прилагательное «жидовскій» эти народы присоединяютъ къ прозвищамъ многихъ гадовъ и нечистыхъ животныхъ. Жидъ и колдунъ, это, въ Сиріи, всё одно: вещь доказанная и неподлежащая сомнѣнію; колдовство, даже называется по-арабски не иначе какъ «жидовская штука» или раввинство, *кегане*. По наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, жидовскіе колдуны рыщутъ по ночамъ не иначе какъ на хамелеонѣ, который тоже — колдунъ, плутъ, оборотень, принимаетъ всѣ возможные виды, и можетъ прикинуться животнымъ всякаго роду. Греки измѣнили только окончаніе, сообразно съ духомъ своего языка, и изъ *хамель-юды* вышло *хамелеонъ*.

Самое знаменитое свойство этого пресмыкающагося состоитъ, какъ извѣстно, въ способности измѣнять цвѣтъ своего тѣла. «Обыкновенный цвѣтъ хамелеона, говоритъ Shaw, сколько я могъ убѣдиться собственнымъ наблюденіемъ, голубовато-пепельный, переходящій въ зеленый и даже въ желтоватый, съ красными пятнами. Если выста-

вить животное на солнце, несвѣщенная сторона, черезъ нѣсколько минутъ, сдѣлается блѣдно-желтою, съ широкими круглыми пятнами красно-бураго цвѣту. Въ тѣни, измѣненіе цвѣту происходитъ въ обратномъ порядкѣ. Утверждали, будто это измѣненіе зависитъ отъ красокъ окружающихъ предметовъ: это несправедливо. При свѣчахъ, цвѣтъ кожи кажется желтоватѣе и пятна блѣднѣе». Единбургскій врачъ Neal замѣтилъ у своего хамелеона, что днемъ цвѣтъ былъ зеленоватый, а ночью молочный.

Но измѣненіе цвѣту тѣла не составляетъ отличительной черты хамелеона. То же самое свойство открыто и у другихъ породъ пресмыкающихся, напримѣръ, у драконовъ, лягушекъ, жабъ, даже у рыбъ. Измѣненіе происходитъ постепенно, медленно, а не вдругъ. Многіе старались объяснить причину этого явленія. Безъ-сомнѣнія, тутъ участвуютъ весьма сложныя обстоятельства, но прямая, физиологическая причина заключается, какъ кажется, въ дѣйствіи легкихъ, которыя у хамелеона широкі, растяжимы и длинны. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что измѣненія цвѣту замѣчаются именно у тѣхъ пресмыкающихся, которыхъ кожа не плотно прилегаетъ къ тѣлу, или мускуламъ, такъ, что подъ кожей можетъ оставаться много пустаго мѣста. Поэтому, не совсѣмъ неправо мнѣніе простаго народа въ Сиріи и Египтѣ, что цвѣтъ кожи хамелеона сообразуется съ *чувствами его сердца*, какъ и цвѣтъ лица у человѣка, у котораго оно, при гнѣвѣ, печали, страхѣ, радости, становится то краснымъ, то сѣро-тусклымъ, блѣднымъ или свѣтло-бѣлымъ, и слова Аристотеля, увѣрявшаго, что «хамлеонъ мѣняетъ цвѣтъ тогда только, когда веселъ и радъ», довольно основательны. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ Кювие, легкія дѣлаютъ кожу этихъ животныхъ болѣе или менѣе прозрачною, заставляя кровь приливаться погь наружныя покровы, и сообщая ей болѣе или менѣе яркій цвѣтъ, смотря по количеству втянутаго воздуха. По увѣренію Гаустона, кожа у хамелеона не только тонка, но и наполнена множествомъ кровеносныхъ трубочекъ. Онъ думаетъ, что цвѣтъ крови, просвѣчивающей сквозь эти по-

лу-прозрачныя оболочки, и измѣняемый цвѣтомъ самой кожи, достаточно объясняетъ всѣ оттѣнки, которые принимаетъ тѣло хамелеона.

Кстати надобно сказать нѣсколько словъ о необыкновенномъ устройствѣ органа дыханія у этихъ животныхъ. Легкое у нихъ—двойное, симметрически расположенное. Пустое, оно имѣетъ видъ двухъ мясистыхъ бугорковъ, лежащихъ позади сердца. Наполнившись воздухомъ, они растягиваются до того, что наполняютъ всю внутренность. Легочныя клѣтки очень широки. Легкія раздѣлены на семь или восемь долей, оканчивающихся продолговатыми трубочками. Нѣкоторыя трубочки проникаютъ въ многочисленныя клѣтки, находящіяся въ желудкѣ и составляющія резервуары для воздуха; другія распространяются между мускулами и подъ кожей, одѣвающей тѣло наподобіе мѣшка. Сверхъ-того Валлисніери открылъ въ хамелеонѣ особеннаго рода воздушный органъ,—пустой перепончатый мѣшокъ, лежащій позади подъязычной кости: животное можетъ наполнять его воздухомъ по своему произволу. Это—нѣчто въ родѣ плавательнаго пузыря рыбъ. Надгортанный хрящъ ихъ и дыхательное горло очень похожи на птичьи. Этимъ устройствомъ объясняются, по мнѣнію господина Дюмери, многія странности въ образѣ жизни и дѣйствіяхъ хамелеона, напримѣръ, способность оставаться нѣсколько часовъ въ раздутomъ состояніи, при которомъ не замѣтно ни малѣйшаго дыханія; частое измѣненіе формы и объема тѣла и быстрыя движенія языка; даже самая перемѣна цвѣта кожи.

Намъ еще мало извѣстны нравы, обычаи и образъ жизни хамелеоновъ въ дикомъ состояніи. Самцы и самки, по разсказамъ путешественниковъ, любезничаютъ только въ извѣстное время. Самка кладетъ около тридцати яицъ въ ямку, которую она вырываетъ въ землѣ передними лапками, и покрываетъ ихъ землей, вѣтками и листьями. Яйца хамелеона круглы, сѣровато-бѣлаго цвѣту. Скорлупа ихъ—известковая, очень пористая, легко пропускающая воздухъ къ развивающемуся зародышу.

Хамелеоновъ считается около четырнадцати видовъ. Сирія, Палестина и Африка—ихъ главное отечество. Они водятся также въ Испаніи, Восточной Индіи, и Новой-Голландіи. Одна порода хамелеона встречается и у насъ, въ Грузіи.

==

МЕТЕОРИЧЕСКІЕ КАМНИ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО УПАВШІЕ ВЪ РОССІИ.

Паденіе камней изъ воздуха, принадлежитъ, конечно, къ числу самыхъ замѣчательныхъ естественныхъ явленій. Это явленіе съ незапамятныхъ временъ обращало на себя общее вниманіе и исторія сохранила намъ рассказы о каменныхъ или чудесныхъ дождяхъ въ глубокой древности.

Падающимъ камнямъ давали и даютъ различныя наименованія. Называютъ ихъ метеорическими камнями, потому что паденіе ихъ сопровождается разными огненными метеорами; аэролитами или воздушными камнями, принимая за мѣсто ихъ образованія нашу атмосферу; лунными камнями, вслѣдствіе мнѣнія, принятаго многими учеными, что они извергаются лунными вулканами. Но какъ нынѣ мѣстомъ происхожденія метеорическихъ камней преимущественно почитается общее небесное пространство, внѣ нашей атмосферы, то названіе метеоритовъ или метеорическихъ камней, можно считать для нихъ самымъ личнымъ.

Метеориты падали въ различныхъ странахъ Земнаго Шара, во всѣ времена года и во всѣ часы дня, и нельзя сказать, чтобы они чаще падали въ одни годы, нежели въ другіе.

Во время нахождения солнца надъ горизонтомъ, подоб-

ные метеоры не такъ удобно примѣчаются, какъ въ ночное время. Днемъ они обращаютъ вниманіе только того, кто случайно взглянетъ на ту часть неба, черезъ которую пролетаетъ метеоръ.

Многія изъ этихъ явленій случались днемъ, въ хорошую погоду, при совершенно безоблачномъ небѣ. Свѣтлая масса съ довольно примѣтнымъ шумомъ пролетала по воздуху. Были случаи, что на ясномъ небѣ являлось сначала маленькое черное облачко, двигавшееся весьма быстро, и изъ котораго, во время ниспаденія камней, происходили сильные выстрѣлы, какъ-бы пушечные. Иногда же, за нѣскольکو мгновеній передъ ниспаденіемъ метеоритовъ, небо покрывалось туманомъ.

Недавно былъ наблюдаемъ подобный метеоръ въ городѣ Саратовѣ. Десятаго марта вышшняго года въ исходѣ седьмого часа по полудни, надъ среднюю города вспыхнулъ метеоръ незначительной величины, въ воздушной высотѣ, не превышающей впрочемъ высоты горъ облегающихъ городъ. Явленіе это сперва показалось въ видѣ ракеты и приняло направленіе прямо отъ востока къ западу, потомъ довольно пространство пролетѣло одною массою, наконецъ, раздробившись на пять частей, упало внизъ въ видѣ бенгальскихъ огней, съ небольшимъ трескомъ. Во время этого явленія состояніе атмосферы было слѣдующее: небо ясно, дулъ тонкій сѣверный вѣтеръ и термометръ показывалъ 8°; весьма вѣроятно, что отъ раздробленія метеора упали аэролиты, хотя о томъ не упомянуто въ публичномъ объявленіи.

Въ ночное время паденію метеоритовъ предшествовало обыкновенно небольшое огненнаго цвѣта облачко; изъ этого облачка являлось падающее тѣло въ видѣ блестящей, какъ-бы падающей, звѣзды, которая при своемъ паденіи всё болѣе и болѣе увеличивалась. Въ иныхъ случаяхъ, передъ паденіемъ метеоритовъ примѣчались длинныя свѣтящіяся полосы, мало-по-малу соединявшіяся въ круглую массу, метавшую искры. Въ самомъ же блестящемъ видѣ, явленіе было подобно огненному шару, или нѣсколь-

* С. Петербургскія Вѣдомости, 6 апрѣля 1848, № 78.

кимъ огненнымъ шарамъ, похожимъ на бомбы; шары безпрестанно дѣлались свѣтлѣе, такъ что наконецъ блескъ ихъ превосходилъ свѣтъ луны и приближался къ свѣту самаго солнца, дотого что можно было читать мелкій шрифтъ. Нерѣдко огненный шаръ имѣлъ довольно длинный, конусообразный, пламеняющіи хвостъ. Величина этихъ шаровъ бывала весьма различна; иногда поперечникъ ихъ доходилъ до 4,000 футовъ, но въ этомъ случаѣ не принимали въ соображеніе распространявшеся по всѣмъ направленіямъ пламя, которое много увеличивало огненную массу.

Большую частію огненные шары двигались съ ужасною быстротою: по 7, 15 и болѣе верстъ въ одну секунду; одни изъ нихъ подымались наподобіе ракетъ, или описывали довольно правильный кругъ; другіе же опускались зигзагами, или извилистыми линіями. При паденіи аэролитовъ въ 1839 году, въ одномъ изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, въ Миссури, метеоръ по ясному небу медленно подвигался къ западу, подобно звѣздѣ.

Наконецъ огненный шаръ лопался, или распадался въ искры; при этомъ отъ сильнаго сотрясенія воздуху слышенъ бывалъ гулъ, часто какъ-бы нѣсколько выстрѣловъ слѣдовали одинъ за другимъ, или раздавался сильный ударъ съ раскатами, подобный грому. Часто трескъ, происходившій въ этомъ случаѣ, походилъ на пальбу тяжелыхъ орудій, на громкій барабанный бой и на стукъ тяжелыхъ повозокъ, ѣдущихъ по каменной мостовой. Иногда за громopodobными звуками слѣдовалъ особенный, долго продолжающійся, жужжащій, свистящій или шипящій гулъ, сходный съ шумомъ буруна; столь сильный, что въ Сѣверной Америкѣ онъ былъ слышенъ на разстояніи тридцати англійскихъ миль.

Изъ лопнувшихъ огненныхъ шаровъ падала одна большая масса, нѣсколько большихъ штукъ, или многіе, мелкіе куски, почти какъ градины. Тамъ, гдѣ послѣ испаденія ихъ, какъ у Станнерна въ 1808 году, мѣста паденія были изслѣдованы, оказалось, что падавшіе камни были распределены не одинакимъ образомъ; они раздѣлялись на равныя группы, болѣе или менѣе отдѣленные другъ отъ дру-

га. Эти группы могли соответствовать лопанію самых метеоровъ. Въ некоторыхъ мѣстахъ падалъ одинъ камень большаго вѣсу, вмѣстѣ со многими другими мелкими, какъ на примѣръ въ Жювенѣ, во Франціи, въ 1821: главная масса вѣсила 220 футовъ, а вмѣстѣ съ нею упало и много другихъ, мелкихъ камней.

Нельзя ничѣмъ доказать, чтобы всѣ камни, упадающіе вмѣстѣ, составляли прежде одинъ большой камень, но вѣроятнѣе, что они уже съ самаго начала были отдѣльными кусками. Вообще если сравнить объемъ метеоровъ съ ниспадающими камнями, то мы найдемъ, что послѣдніе всегда незначительны по величинѣ относительно первыхъ, такъ что они рѣдко составляютъ и тысячную часть всей массы метеора; изъ этого должно вывести заключеніе, что весь метеоръ, до того какъ лопнулъ, представлялъ тонкое, мягкое вещество.

Еще труднѣе опредѣлить высоту и быстроту паденія метеоритовъ; иногда наблюдали, что густыя черныя облака образовывались при свѣтлой погодѣ и до явленія метеоритовъ достигали самыхъ большихъ высотъ ближайшихъ горъ. Во время паденія камней въ департаментѣ Орнъ, въ 1803 году, гулъ выходилъ, казалось, изъ небольшого четырех-сторонняго облака, двигавшагося весьма высоко въ атмосферѣ, потому что оно видно было изъ довольно отдаленныхъ между собою мѣстъ, въ зенитѣ. Высота, на которой показался метеоръ въ 1807 году, близъ Вестона, въ Конфективкутъ, была опредѣлена въ 15,362 тоаза (100,802,37 англійскихъ футовъ) и почти на такой же (на 14,724 тоазовъ, то есть, на 36615,94 англійскихъ футовъ) высотѣ явился огненный шаръ во время каменнаго дождя близъ Шарсувилля, во Франціи, въ 1810 году. Но подобныя измѣренія никогда не могутъ быть вѣрны.

Иногда быстро летѣвшій огненный шаръ вдругъ останавливался и превращался въ черное облако, изъ котораго съ громомъ и при бурѣ ниспадали камни.

Упавшіе камни обыкновенно довольно глубоко врѣзаются въ землю, иногда на пять футовъ и болѣе, въ-особенности если грунтъ земли мягокъ; даже были случаи, что метеориты углублялись въ землю на нѣсколько сажель.

Иной разъ метеорическіе камни, упавшіе на мостовую, разбивались въ мелкіе куски, какъ это случилось на одномъ изъ Сандвичскихъ Острововъ, Овайгу, въ городѣ Ганаруру, во время бытности тамъ русскаго корабля подъ командою капитана Коцебу въ 1815 г. Два пятнадцати фунтовые камня упали изъ чернаго облака, во время сильнаго землетрясенія. Небо въ то время было чисто; облако коснулось нижнимъ краемъ нѣсколькихъ высотъ тамошнихъ горъ. Въ Сѣверной Америкѣ метеоритъ разбилъ дерево съ сучьями и, сверхъ-того, углубился еще на десять дюймовъ въ землю; а въ 1782 году, близъ Турина, огненный шаръ сдѣлалъ большую дыру въ одномъ холмѣ. Эта дыра представляла слѣды насильственнаго дѣйствія: дернъ на нѣкоторое разстояніе былъ обнаженъ, или какъ-бы снятъ серпомъ. Другіе же аэролиты не оставляли ни какихъ явственныхъ впечатлѣній въ землѣ. Близъ города Вестена, метеоритъ упалъ на гранитную скалу; одна часть его превратилась въ пыль, а другая раздробилась въ мелкіе куски; между-тѣмъ какъ на гранитѣ, мѣсто соприкосновенія съ аэролитомъ приняло лишь цвѣтъ бурѣе.

Тотчасъ послѣ паденія, метеориты распространяли сильный сѣрный запахъ; они были рыхлы и большею частію такъ горячи, что нельзя было держать ихъ руками, даже спустя нѣсколько часовъ послѣ паденія; трава и другія растенія, на которыя они упали, сгорали. Масса упавшая въ 1095 году съ огненнымъ метеоромъ, превратила воду въ пары. Иногда упавшіе камни выбрасывали искры, подобно раскаленному желѣзу подлѣ ударами молота.

Паденіе метеорическихъ камней причиною и поврежденія, хотя весьма рѣдко. Въ 1552 году, девятнадцатаго мая, близъ Шлейзингена, въ окрестностяхъ города Эрфурта, паденіемъ камней древесныя сучья были обиты, черепичныя крыши попорчены и одна лошадь такъ сильно ранена, что на другой день пала. Въ 1779, близъ Петтисвуда, въ Ирландіи, метеоритъ при паденіи разбилъ деревянную часть дуги и запряженная въ повозку лошадь была опрокинута. Въ 1836 году, въ Бразиліи, нѣсколько быковъ были ранены и убиты метеоритами. Даже люди терпѣли отъ метеоритовъ; такъ напримѣръ въ 1020, метеориты на-

спавшіе наподобіе дождя, убили многихъ людей. Въ четырнадцатомъ столѣтіи въ монастырѣ въ Миланѣ, монахъ былъ убитъ аэролитомъ, который проникъ у него до кости въ бедра. Въ 1790, двадцать-четвертаго іюля, метеоритъ въ пятнадцать дюймовъ длиною упалъ на хвину крестьянина, убилъ его, нѣсколько штукъ рогатаго скота и углубился еще въ землю на пять футовъ.

Отъ метеорическихъ камней происходили также и пожары. Въ декабрѣ 856, въ деревнѣ Совайдѣ, въ Египтѣ, упали камни на соломенную палатку Бедуина; а двадцать-осьмаго іюня, 1825, масса упавшая на Миланскую цитадель, зажгла пороховой магазинъ. Въ 1650, въ Дортрехтѣ, камень влетѣлъ черезъ окошко въ одинъ домъ и зажегъ полъ. Почти въ то же время упавшій камень зажегъ тюремную башню въ Варшавѣ. Самый пожаръ церкви Святаго Петра въ Ригѣ, въ 1721, произошелъ кажется не отъ молніи, но отъ метеорической массы; потому что огонь не былъ видѣнъ разсѣяннимъ, но въ видѣ одной большой массы, нисходящей съ высоты. Въ 1761, двѣнадцатаго ноября, близъ Дижона, во Франціи, кусокъ лопнувшего огненнаго шара, при свѣтломъ небѣ, упалъ на домъ и сжегъ его; а въ 1810, въ Сабадѣ, въ Восточной Индіи, отъ подобнаго случая сгорѣли пять деревень.

Что касается до паружнаго виду метеорическихъ камней, то они большюю частію сходны между собою, даже и тѣ изъ нихъ, которые упали въ разное время или на большемъ разстояніи другъ отъ друга. Цвѣтъ, плотность и весь наружный видъ одного метеорита, такъ походить на признаки другаго, что метеоритовъ почти нельзя отличить другъ отъ друга; хотя бывали между ними и имѣвшіе весьма отличительные, имъ однимъ свойственные признаки.

Снаружи метеорита находится всегда тонкая, черная кора, носящая признаки плавленія, окружающая всю массу; поверхность коры перовна, шероховата, морщинавата, дырява, съ рубцами и разными углубленіями; вообще она имѣетъ такой видъ, какъ-будто была прежде въ мягкомъ состояніи, а послѣ-того сжималась посредствомъ болѣе твердыхъ тѣлъ. Кора, безъ всякаго сомнѣнія, происходитъ вслѣдствіе поверхностнаго плавленія, или огнен-

наго на все дѣйствія, почему камни имѣютъ видъ, какъ будто бы они были вынуты изъ плавильной печи. Пока кора еще мягка, она мараеъ руки и прилипаетъ къ нимъ, подобно салу, употребляемому на подмазку экипажей. Поверхность самыхъ камней неровна, рѣдко гладка и чиста, нѣкоторыя мѣста свѣтлѣе; они зернисты, ломки; кора отъ нихъ очень легко отдѣляется.

Внутри камни имѣютъ совершенно другой видъ. Они похожи на зернистыя горныя породы, дотога что простыми глазами можно различать смѣшанныя частицы. Внутренній видъ нѣкоторыхъ сходствуетъ съ массами, извергаемыми Везувіемъ, въ-особенности съ содержащими въ себѣ лейциты, соединенные между собою и съ оливинотъ, сѣрою лавовидною массою; другіе болѣе походятъ на долериты, или на иные вулканическіе сплавы горы Мейснера въ Гессенѣ, и острова Исландіи.

Всѣ метеориты въ изломѣ мелкозернисты, свѣтло-сѣраго цвѣта, мѣстами покрыты ржавчиною; рѣдко темнаго цвѣта, или черны; а еще рѣже темно-зеленаго цвѣта, мелкозернистаго сложенія. Сверхъ-того, въ главной массѣ примѣчается безчисленное множество металлическихъ частицъ, отъ величины дроби до мельчайшаго зернышка; иногда видны бываютъ, въ большемъ множествѣ, блестящіе стеклянные шарики, что придаетъ камнямъ видъ, будто они были въ плавкѣ.

Нѣкоторые падающіе камни весьма крѣпки и дотога твѣрды, что издають пскры отъ стали; другіе, при малѣйшемъ ударѣ, раздробляются въ кусочки, имѣющіе видъ мелкихъ песчаныхъ зеренъ.

Форма метеоритовъ различна, но всегда неправильна; они бываютъ кругловатые, клиновидныя и угловатыя или показываютъ наклонность къ образованію трехъ и четырехъ-стороннихъ пирамидальныхъ, или столбчатыхъ, формъ, плоскости которыхъ вогнуты или углублены; въ призматическомъ же видѣ встрѣчались чрезвычайно рѣдко. Впрочемъ примѣромъ могутъ служить метеорическіе камни, упавшіе съ градинами въ Стерлитамакѣ, въ 1821 году.

Метеорическіе камни состоятъ вообще изъ различныхъ

металлическихъ, землистыхъ и другихъ частей, образующихъ зернистое соединеніе.

Къ составляющимъ ихъ минераламъ въ-особенности принадлежатъ: вкрапленное крючковатое самородное желѣзо, котораго весьма рѣдко недостаетъ въ аэролитахъ, зерна или кристаллы авгита, лабрадора, оливина, лейцита, магнитнаго колчедана.

Химическій составъ всѣхъ ихъ почти одинъ и тотъ же. Вещества, открытыя въ нихъ въ болѣе или менѣе количествѣ, суть слѣдующія: желѣзо самородное, въ видѣ сѣристаго желѣза, и окиси желѣза, кремнезѣмъ, составляющій иногда половину всѣхъ другихъ составныхъ частей; горькозѣмъ; известь, болѣею частію въ маломъ количествѣ; никель; марганецъ; кобальтъ; сѣра, въ соединеніи съ желѣзомъ; иногда хромъ; глинозѣмъ; вода, какъ напримѣръ въ камняхъ, упавшихъ въ Станнернѣ и Алэсѣ (Alais); углеродъ найденъ въ метеоритахъ алэскихъ; и соленая кислота, какъ въ станнернскихъ камняхъ. Наконецъ находили еще въ нѣкоторыхъ упавшихъ камняхъ слѣды кали, олова, и мѣди. Рѣдкіе метеорическіе камни не содержатъ въ себѣ металлическаго желѣза, какъ напримѣръ, таннернскіе, жювенаскіе, и сверхъ-того минеральныя ихъ массы составляютъ кристаллическія отдѣльности, какъ напримѣръ въ жювенаскихъ находятся ясные кристаллы авгита.

Попытки объяснить происхожденіе аэролитовъ до этого времени не вполне были удачны; еще многого недостаетъ къ удовлетворительному разрѣшенію этого вопроса. Всѣ мнѣнія о происхожденіи ихъ до-сихъ-поръ ни чѣмъ не доказаны; одно только по-крайней-мѣрѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что метеорическіе камни, до паденія своего, не принадлежали Землѣ, то есть, что они не составляли частицъ Земнаго Шара, и не суть измѣненныя молніею кусочки нашихъ горныхъ породъ. Немнѣе доказано и то, что они не могли быть извержены волканами Земли: одно паденіе ихъ на мѣста, находящіяся въ далекомъ разстояніи отъ вулкановъ, показываетъ, что это невозможно. Сила верженія вулкановъ вовсе недостаточна для объясненія великихъ разстояній между вулканами и мѣстами паденія метеоритовъ.

Неменѣе недостаточно мнѣніе относительно происхожденія метеоритовъ изъ постороннихъ частицъ разсѣянныхъ въ нашей атмосферѣ, черезъ соединеніе ихъ между собою химически или электричествомъ; потому что вещества, составляющія метеориты, не были еще замѣчены въ земной атмосферѣ, и притомъ нѣкоторые метеорическіе камни имѣли такую величину, что образованіе ихъ въ атмосферѣ, во время короткаго пролета, было бы невозможно.

Берзеліусъ полагаетъ, что метеориты луннаго происхожденія. На Лунѣ, безъ-сомнѣнія, могутъ находиться вулканы, могущіе выбрасывать подобныя массы. Вся обращенная къ Землѣ поверхность Луны усѣяна возвышеніями, которыя мы видимъ посредствомъ хорошихъ телескоповъ и измѣряемъ. Между горами Луны, многія имѣютъ видъ сходный съ видомъ земныхъ вулкановъ; на этихъ горахъ замѣтили даже большія жерла. Нѣкоторые наблюдатели, воображали даже себѣ, что видятъ выходящее изъ нихъ пламя. Лапласъ и Олберсъ математическими вычисленіями старались доказать возможность выбрасыванія метеорическихъ камней изъ вулкановъ Луны, и что подобныя выброшенныя тѣла летѣли бы къ нашей атмосферѣ съ быстротою тридцати-четырехъ тысячъ футовъ въ одну секунду; но явленія при ниспаденіи аэролитовъ показываютъ, что образованіе ихъ происходитъ незадолго до ниспаденія. Принимая метеориты за лунное произведеніе, весьма трудно также объяснить огненные явленія сопровождающія паденіе ихъ, повторяющіеся взрывы огненныхъ шаровъ, значительное неравенство объема метеоровъ съ массою ниспавшихъ аэролитовъ и прочая.

Издавна уже приписывали аэролитамъ космическое происхожденіе, то есть, происхожденіе изъ веществъ небеснаго пространства; въ-особенности профессоръ виттенбергскаго университета, Хладни, знаменитый творецъ законовъ акустики, старался доказать, что метеорическіе камни прилетаютъ на Землю изъ общаго небеснаго пространства, находящагося внѣ земной-атмосферы. Мнѣніе это подтверждается особенно высотой, въ которой часто наблюдали огненные шары совершенно развитыми. Цугъ,

по которому они двигались, точно такой, какой примѣчается у тѣла брошеннаго изъ-дали; такъ что въ немъ замѣтно движеніе сначала по тангенсу, потомъ измѣненнымъ вслѣдствіе притяженія Земнаго Шара. Весьма часто наблюдаемое движеніе дугообразными скачками, ясно показываетъ, что метеориты, какъ упругія, въ большой объемъ растянутыя массы, падаютъ снаружи въ косвенномъ направленіи на нашу атмосферу, и, наподобіе отвѣсныхъ выстрѣловъ, иногда нѣсколько разъ отскакиваютъ отъ нея; такъ что нѣкоторые (подобно многимъ падающимъ звѣздамъ) опять отдаляются отъ Земли. Кромѣ-того, это мнѣніе подтверждается первоначальною быстротою движенія аэролитовъ, совершенно равняющеюся быстротѣ движенія небесныхъ тѣлъ; тѣмъ болѣе, что никакъ невозможно представить себѣ въ нашей атмосферѣ силы достаточной, чтобы подвигать эти массы на нѣсколько миль въ одну секунду.

И дѣйствительно, наблюденія доказали, что въ небесномъ пространствѣ существуютъ подобныя малыя безпрестанно движущіяся груды матеріи, въ видѣ свѣтящихъ точекъ или потоковъ, которыя двигаются черезъ поле телескопа въ видѣ темныхъ пятенъ по солнечному кругу, но съ другою быстротою, а не такъ какъ настоящія солнечныя пятна. Самыя астрономическія наблюденія показываютъ, что кромѣ большихъ небесныхъ тѣлъ, примѣчается еще движеніе въ небесномъ пространствѣ многихъ малыхъ массъ или грудъ матеріи, которыя составляютъ или часть хаотической первобытной матеріи, не принадлежавшей прежде никакому большому небесному тѣлу, или могутъ быть обломками раздробленнаго небеснаго тѣла. Какъ мало послѣднее кажется вѣроятнымъ, такъ вѣроятно первое.

Лапласъ, Олберсъ и Гершель сверхъ-того наблюдали, что тонкія, въ безпредѣльномъ пространствѣ распространенныя вещества, иногда соединяются въ такъ-называемыя туманныя пятна *, изъ которыхъ можетъ-быть про-

* Туманныя пятна, которыхъ болѣе двухъ тысячъ наблюдаются на небѣ и изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ чечевицеобразную форму, передъ сильнѣйшими телескопами (какъ замѣтилъ Гершель) дѣлятся на

исходятъ небесныя тѣла, а изъ соединенія этихъ послѣднихъ образуются небесныя системы. Кометы составляютъ также малыя отдѣльныя груды подобнаго тончайшаго вещества. Вещества огненныхъ шаровъ, падающихъ звѣздъ и тому подобныхъ выпадающихъ массъ, состоятъ изъ еще меньшихъ частей, сначала тонкой матеріи. И такъ всѣ эти тѣла, по составной своей матеріи, сходятся между собою. Они всѣ суть части вещества небеснаго пространства, движеніе которыхъ происходитъ сначала по касательной, а послѣ-того притяженіемъ другаго тѣла или измѣняется въ кругообразное, эллиптическое, или параболическое движеніе; или эти части сближаются съ притягивающимъ тѣломъ и сливаются съ нимъ. Слѣдовательно, они отличаются другъ отъ друга только большею или меньшею величиною своєю, или тѣмъ, что изъ нихъ происходитъ. Гершель ясно наблюдалъ измѣненіе формъ разныхъ туманныхъ пятенъ, въ чемъ онъ видѣлъ начало происхожденія разныхъ небесныхъ тѣлъ. Ему также кажется вѣроятнымъ, что небесныя тѣла могутъ разрушаться, или сгораніемъ, какъ случилось съ нѣкоторыми звѣздами, которыя недолгое время были примѣтны, или отъ внутреннихъ взрывовъ, но отнюдь не отъ толчка кометъ, которыя слишкомъ легки и тонки, чтобы произвести подобное явленіе. Вообще это космическое происхожденіе метеоровъ тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что огненные сопровождающіе ихъ шары имѣютъ большое сходство съ падающими звѣздами, которыя также по новѣй-

звѣзды, весьма стѣсненные между собою и едва различаемыя другъ отъ друга. Звѣзды, образующія эти туманныя пятна, можетъ-быть составляютъ солнечныя системы, подобныя нашей, управляемыя тѣми же законами движенія; разстояніе ихъ полагаютъ въ десять тысячъ разстояній звѣздъ, изъ которыхъ каждое принимается равнымъ четыремъ билліонамъ нѣмецкихъ миль; можетъ-быть каждая изъ нихъ имѣетъ движеніе какъ и наша солнечная система. Другія же туманныя пятна, не дѣляшіяся на звѣзды даже передъ хорошо вооруженнымъ глазомъ, состоятъ, можетъ-быть, изъ раздѣленной по небесному пространству матеріи, которая только-что готовится образовывать небесныя тѣла. Но если и онѣ составляютъ отдаленныя небесныя системы, то разстояніе ихъ должно быть такъ велико, что свѣтъ ихъ дошелъ бы до нашей Земли едва-ли втеченіи одного милліона лѣтъ.

шимъ астрономическимъ наблюденіямъ, происходятъ изъ общаго небеснаго пространства.

Метеориты, представляя чрезвычайно много занимательнаго для ума, были уже наблюдаемы въ глубокой древности. Древнѣйшія вѣрныя объ нихъ извѣстія, встрѣчаются у Тита-Ливія, у Плутарха и у Плинія-Старшаго. Почти всѣ эти извѣстія принадлежатъ ко времени Рождества Христова. Плиній рассказываетъ, что (самородное) желѣзо, губчатаго наружнаго вида, упало въ Луканію^{*)}; что камень, который упалъ при рѣкѣ Эгосѣ, во Фракіи, былъ такъ великъ, что его частями навалили цѣлый возъ, и прочее. До Рождества Христова упоминается о паденіи двадцати камней, и изъ нихъ большая часть наблюдаема была въ Китаѣ. Отъ начала нашей эры до 1800 извѣстны болѣе ста тридцати подобныхъ случаевъ; но это не составляетъ важнаго числа, потому что такія явленія не были прежде столь точно описываемы, какъ въ наше время. Къ примѣчательнѣйшимъ случаямъ принадлежитъ слѣдующій: 25 октября 1740, надъ мѣстечкомъ Гесарградомъ, въ Румелии, недалеко отъ Дуная, атмосфера была ясна и свѣтла; никакого не было признаку ни вѣтру, ни облаковъ; вдругъ въ полдень приблизился къ этому мѣстечку вихрь; небо покрылось черными облаками и пошелъ дождь, такъ что ясный день превратился въ темную ночь. Наконецъ послѣдовали три ужасныхъ громовыхъ удара, одинъ вслѣдъ за другимъ; люди и животныя бросились безъ памяти на землю; земля страшно заколебалась и изъ воздуха начали падать камни. Два изъ этихъ камней были отосланы въ Константинополь.

Не менѣе извѣстно и любопытно паденіе аэролитовъ въ Сіэпѣ, шестнадцатаго іюня 1794. Передъ захожденіемъ Солнца, примѣтили приближающійся съ востока огненный шаръ съ хвостомъ и слышали нѣсколько взрывовъ, при которыхъ съ ужаснѣйшимъ гуломъ упали многіе камни, болѣею частью мелкіе, но были между ними и въ нѣсколько фунтовъ вѣсомъ. Иные изъ нихъ углубились въ землю болѣе нежели на аршинъ, другіе оставили на де-

* Смотри издаванную мною Ориктогозію. Санктпетербургъ, 1844, стр. 112.

ревьяхъ слѣды своего сильнаго жару; маленькій камень пробилъ шляпу мальчика и зажегъ ее; а когда камень значительной величины упалъ въ прудъ, то вода начала кипѣть, расбрызгиваясь.

Самый примѣчательный изъ каменныхъ дождей случился двадцать-шестаго апрѣля 1806 года въ Эглѣ, въ департаментѣ Орнѣ, въ Нормандіи. Нѣсколько тысячъ камней различнаго вѣсу, между которыми находились и такіе, которые вѣсили до семнадцати фунтовъ, упали на пространствѣ двухъ съ половиною часовъ ѣзды въ длину, и въ одинъ часъ въ ширину.

Къ числу метеорическихъ камней, выпавшихъ въ Россіи, принадлежатъ слѣдующіе:

Въ 1775 или 1776 упало нѣсколько воздушныхъ камней въ городѣ Овручѣ, вольнской губерніи, гдѣ, по свидѣтельству тайнаго совѣтника Чадскаго, одинъ изъ нихъ хранился въ церквѣ. Впослѣдствіи церковь обрушилась, а съ нею вмѣстѣ пропалъ и камень.

1787, перваго октября, упалъ метеорическій камень на поле слободы Жигаловки, въ десяти верстахъ отъ села Бобрিকা, въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи. Главная масса свѣтло-пепельная съ неясными зеленоватыми зернами и содержитъ мелко вкрапленными металлическое желѣзо, магнитный колчеданъ; кора тускла и гладка. Находится въ Академіи Наукъ и въ Харьковскомъ Университетѣ.

1796, тринадцатаго декабря (четвертаго января), упалъ большой камень близъ Бѣлой Церкви въ кіевской губерніи. По свидѣтельству тайнаго совѣтника Чадскаго, онъ, по ниспаденіи, находился нѣсколько времени въ расплавленномъ состояніи, потомъ сдѣлался твердымъ и получилъ обыкновенный цвѣтъ воздушныхъ камней **.

1805, двадцать-осьмаго марта, въ пять часовъ по-полудня, при слабомъ солнечномъ сіяніи, съ шумомъ, подоб-

* *Стойковичъ*, О воздушныхъ камняхъ. Харьковъ, 1807, стр. 46.

** *Соколовъ*, Руководство къ минералогіи, II. стр. 824 (С. Петерб. 1832), говоритъ, что упали у станціи Бѣлой Церкви въ 1796 и 1798 году метеорическіе камни. Кромѣ этого руководства нигдѣ не упоминается о ниспаденіи камня въ 1798, такъ что это можетъ-быть ошибка.

нымъ происходящему отъ ѣдущихъ по кремнистой дорогѣ повозокъ, изъ темнаго облака огненнаго цвѣта, упали горячіе камни, одинъ въ семь фунтовъ, а другой въ два съ половиною фунта вѣсомъ, въ Доронинской волости, Иркутской губерніи. Вышеупомянутый шумъ былъ также слышенъ на западной сторонѣ Доронинска, въ десяти верстахъ, и на сѣверо-восточной сторонѣ его, въ двадцати верстахъ. Доронинскъ лежитъ почти на половинѣ дороги между Верхне-Удинскомъ и Нерчинскомъ, при рѣкѣ Индогѣ, составляющей рукавъ Амура.

1807, тринадцатаго марта, при мрачномъ небѣ и весьма сильномъ громѣ, упалъ камень на полѣ села Тимохина*, въ юхновскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, вѣсомъ въ четыре пуда. Свѣтло, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, темно-сѣрая главная масса, со многими пятнами ржавчины. Изъ главной массы выдѣлываются шаровидныя отдѣльности, въ которыхъ примѣчается много мелко вкрапленнаго самороднаго желѣза и магнитнаго колчедана. Хранится въ Академіи Наукъ.

1809, упалъ метеорическій камень въ селѣ Кикинѣ, въ вяземскомъ уѣздѣ смоленской губерніи. Онъ пепельнаго цвѣта, съ желто-бурою окружностью; съ черною, гладкою, тусклою корою; содержитъ въ себѣ вкрапленными зернами самородное желѣзо и магнитный колчеданъ. Этотъ камень и явленія, сопровождавшія его паденіе, не были, кажется, ни кѣмъ описаны. Весьма бы желательно имѣть точнѣшій объ немъ свѣдѣнія. Я синсалъ эти примѣчанія съ камня, хранящагося въ минералогической коллекціи покойнаго К. В. Розенберга, въ Павловскѣ.

1811, двадцать-шестаго февраля камень, въ пятнадцать фунтовъ вѣсомъ, упалъ въ деревнѣ Кулешевкѣ, въ роменскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи. Цвѣтъ главной массы свѣтло-пепельный съ весьма тонкими, трудно различаемыми, бурыми точками. На отполированныхъ плоскостяхъ примѣчаются неясныя, шаровидныя отдѣльности, мелко

* По Соколову (стр. 824) упали у деревни Тимохиной, въ харьковской губерніи, въ 1787 и 1807 году; но это случилось только въ 1807 у деревни Тимохиной, что въ смоленской губерніи; а въ 1787 упалъ камень въ харьковской губерніи у слободы Жигаловки.

вкрапленное металлическое желѣзо и довольно много, но въ чрезвычайно мелкомъ видѣ, магнитнаго колчедана. По камню въ разныхъ направленіяхъ проходятъ тонкія, черныя жилки. Хранится въ Академіи Наукъ.

1813, тридцатаго декабря, упалъ камень въ Лонталаксѣ, близъ Фридрихсгама, въ Выборгской губерніи, въ Финляндіи. Главная масса свѣтло-сѣрая, зерниста, мало связана, наполнена мелкими, оливково-зелеными и черными, угловатыми, иногда округленными, зернами, которыя даютъ массѣ порфиридный или брекчіе-образный видъ. Въ немъ содержатся, кромѣ оливина, бѣлыя зерна, похожія на лейцитъ или полевой шпатъ, кое-гдѣ примѣчаются зерна магнитнаго колчедана. Блестящая кора жилиста.

1814, третьяго февраля, камень, вѣсомъ въ одинъ пудъ, упалъ въ бахмутскомъ уѣздѣ, екатеринославской губерніи; тотчасъ послѣ испаденія онъ былъ еще горячъ. Главная масса свѣтло-пепельнаго цвѣта, немного пестра, по причинѣ неясныхъ, на отполированныхъ плоскостяхъ болѣе примѣтныхъ, округленныхъ примѣсей. Въ ней находятся вкрапленными желѣзные и магнитный колчеданъ; первый въ небольшомъ количествѣ, а втораго много. Хранится въ харьковскомъ университетѣ *.

1818, двадцать-девятаго марта, упалъ камень въ окрестностяхъ деревни Заборыцы, при рѣкѣ Случь, въ волинской губерніи. Нѣсколько кусковъ, въ которыхъ во всѣхъ мѣстахъ девять фунтовъ вѣсу, хранятся нынѣ въ музеумѣ кievскаго университета. Камень цвѣта свѣтло-пепельнаго, съ неровно-примѣшанными сѣрыми зернами и съ мелкими бурными пятнами ржавчины; содержитъ въ себѣ много магнитнаго колчедана и металлическаго желѣза.

1818, двадцать-девятаго іюля, въ юхновскомъ уѣздѣ смо-

* Во время моего путешествія по Южной Россіи, въ 1829 году, я видѣлъ въ музеумѣ отечественныхъ рѣдкостей, въ Одессѣ, большой метеорической камень, упавшій, сколько я помню, также въ екатеринославской губерніи, и поэтому можетъ-быть въ одно время съ вышеописаннымъ; онъ имѣлъ болѣе одного фута въ діаметрѣ и походилъ по наружному виду на аэролитъ, упавшій въ смоленской губерніи.

ленской губерніи, камень, вѣсомъ въ семь фунтовъ, упалъ на дворъ крестьянина деревни Слободки. Это второе паденіе камня въ этомъ уѣздѣ. Главная масса цвѣта свѣтло-сѣраго съ бурыми пятнами отъ ржавчины, проникнута небольшими черными жилками, со многими, но не слишкомъ ясными, шаровидными и угловатыми отдѣльностями; отчего видъ камня походитъ на мраморъ; онъ содержитъ въ себѣ мелко-вкрапленнымъ металлическое желѣзо, и, вѣскольکو въ меньшемъ количествѣ, магнитный колчеданъ. Хранится въ Музеумѣ Академіи Наукъ.

1820, тридцатаго іюня, падали камни въ Динабургъ, у деревни Ликсена. Главная масса почти темно-пепельная, съ мелкими пятнами ржавчины и съ черными линиями, представляетъ множество мелкихъ, темно-сѣрыхъ округленныхъ отдѣльностей, крѣпко сросшихся съ главною массою. Содержитъ въ себѣ много мелкокрапленнаго металлическаго желѣза и магнитнаго колчедану. Этотъ камень отличается отъ другихъ въ-особенности многими черными и блестящими плоскими отдѣльностями. Находится въ музеумѣ кіевскаго университета и въ медико-хирургической Академіи.

1827, пятаго октября, близъ Бѣлостока, при деревнѣ Кпасти, упалъ камень цвѣта свѣтло-пепельнаго. Главная масса мало-связанная, легко разрушающаяся, состоитъ изъ смѣшенія снѣжно-бѣлаго, сѣровато-чернаго и спаржево-зеленаго минераловъ; два послѣдніе находятся въ ней большими угловатыми зернами, равно какъ и округленными отдѣльностями, отчего вся масса получаетъ брекчіевидный или конгломерато-образный видъ. Бѣлая полевошпатовая часть яснѣе образуетъ на немъ пятна. Магнитный колчеданъ находится въ небольшомъ количествѣ. Кора блестящая и дырявая.

1829, девятаго сентября, въ деревнѣ Красномъ Угдѣ, рязанской губерніи, упалъ камень, котораго масса темно-сѣрая, немного темнѣе полтавскаго камня, съ которымъ онъ имѣетъ большое сходство; но въ немъ отдѣльности магнитнаго колчедана не такъ примѣтны и кора нѣскольکو отлична: менѣе дырчата, или болѣе гладка. Находится въ Академіи Наукъ.

Въ роменскомъ уѣздѣ, полтавской губерніи, упалъ камень, котораго главная масса, темно-пепельная, почти совершенно преисполнена множествомъ округленныхъ, а иногда и угловатыхъ, отдѣльностей, зелено-сѣраго цвѣта. Магнитный колчеданъ въ ней большими зернистыми группами, по большей части мелко-вкрапленный; металлическое желѣзо находится также въ довольно большомъ количествѣ. Кора тускла, дырчатая. По своему наружному виду, это одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ метеорическихъ камней. Время паденія его не извѣстно. Главная масса камня, упавшаго въ курской губерніи, темно-пепельная съ свѣтлыми и темными, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти черными, округленными отдѣльностями, съ мелко-вкрапленными металлическимъ желѣзомъ и магнитнымъ колчеданомъ. Находится въ Академіи Наукъ.

Въ симбирской губерніи упалъ камень, котораго главная масса темно-сѣрая, плотная и сплошная. На выполированной поверхности примѣчаются мелкія, темныя зеленовато-сѣрыя зерна съ небольшимъ количествомъ мелко-вкрапленнаго металлическаго желѣза и очень мелко вкрапленнаго магнитнаго колчедану. Кора тускла и тонка. Этотъ камень можетъ быть сравниваемъ только съ метеоритомъ эркслебевскимъ, упавшимъ тринадцатаго апрѣля 1812 года. Время ниспаденія этого камня и двухъ предъидущихъ камней не извѣстно, поэтому мнѣ было бы весьма желательно, получить объ нихъ точнѣйшія свѣдѣнія, для сообщенія ученой публикѣ.

1833, четвертаго іюля, при селѣ Нахрачивскѣ, въ тобольской губерніи, въ уѣздѣ этого же имени, выпали маленькіе четырехъ-угольные камешки, буроватаго цвѣта, при большой бѣурѣ, во время граду, имѣвшаго величину въ голубиное яйцо, отъ котораго окна были разбиты въ домахъ и повреждены всѣ огороды. Желательно бы имѣть также и объ этомъ точнѣйшія свѣдѣнія и образцы самыхъ камней.

1839, тридцать-перваго іюля, въ Галичѣ, костромской губерніи, между вторымъ и четвертымъ часомъ по полудни, падали хлопья въ видѣ пеплу, при чемъ былъ замѣченъ сѣрный запахъ; весьма желательно бы имѣть вѣрныя свѣ-

дѣнія объ этомъ явленіи, которое, кажется, несправедливо относится къ метеорическимъ явленіямъ. По сѣрному запаху этихъ неплывидныхъ хлопьевъ надобно полагать, что они были не метеорического происхожденія, но составляли семянную или желтую цвѣточную пыль, поднятую сильнымъ вѣтромъ и разбросанную въ отдаленныя мѣста. Подобный пыльный дождь былъ часто наблюдаемъ. Онъ почитался обыкновенно за сѣрный дождикъ по цвѣту, нѣжности, легкости, сгораемости и самому запаху семянной пыли. Пыль эта происходитъ болѣею частію отъ хвойныхъ деревьевъ, изобилующихъ ею, гораздо болѣе, чѣмъ истинный лѣсъ и встрѣчающихся часто въ большихъ лѣсахъ. Чаше всего это была семянная пыль разныхъ родовъ сосенъ, упавшая въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, когда эти деревья обыкновенно цвѣтутъ, какъ напримѣръ можжевельника; но иногда можетъ-быть и березъ. Если же подобная пыль падала въ мартѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ, то она могла происходить отъ ольхи и орѣховаго дерева, а въ іюлѣ, августѣ и сентябрѣ отъ *typha*, или была пылью плаунииковъ изъ роду *lycopodium*.—Подобные сѣрные дожди наблюдаемы были въ разные годы въ разныхъ мѣстахъ: этого роду дождикъ выпалъ въ Копенгагенѣ двадцать-четвертаго мая 1804 года во время грома, такъ, что такую пылью были покрыты большія пространства въ окрестностяхъ города; она происходила, какъ оказалось, съ острова Амакъ, лежащаго въ осьми миляхъ отъ берега.— Въ Санктпетербургѣ, въ 1815, пятнадцатаго мая, съ дождемъ упала такая же пыль; уже *Мухинъ* (О чудесныхъ дождяхъ, Санктпетербургъ, 1819) доказываетъ, что упавшій тогда по разнымъ улицамъ столицы желтый порошокъ былъ не что иное какъ березовая цвѣточная пыль, сорванная весьма сильнымъ вѣтромъ съ деревъ и поднятая въ воздухъ, откуда съ дождемъ опять упала на землю.— Сюда можетъ-быть также относится вмѣстѣ съ снѣгомъ упавшая въ мартѣ мѣсяцѣ 1832, въ московской губерніи, прозрачная вишнежелтая масса, которая, подобно вишневому ядею, была клейка, горяча и въ такомъ количествѣ выпала на землю, что она на пространствѣ болѣе ста квадратныхъ сажень была покрыта ею отъ одного и до двухъ дюймовъ

толщиною. По химическимъ разложеніямъ оказалось, что эта масса, въ послѣдствіи названная *уранэламаномъ*, состояла изъ углероду, водороду и кислороду и потому соответствовала каменному или бурому углю; но не извѣстно, какииъ образомъ эта масса могла перейти въ воздухъ и отсюда упасть на землю.

1840, двадцать-седьмого апрѣля, упалъ въ Киргизской Степи, по ту сторону Иртыша, между хребтомъ Кизилъ-Бенду и горою Ахчацла, на поле близъ рѣки Кароколь, камень, углубившійся въ землю на три четверти аршина. Видъ его продолговатый, наподобіе усѣченного конуса; толстый конецъ имѣлъ три вершка съ половиною въ поперечникѣ. Камень сѣроватаго цвѣта со многими пятнами ржавчины, съ мелко-вкрапленнымъ металлическимъ желѣзомъ и магнитнымъ колчеданомъ. Кора черна и тускла, съ значительными углубленіями. Находится въ Музеумѣ Московскаго Общества Испытателей Природы.

1843, тридцатаго октября, упалъ камень въ харьковской губерніи, въ землѣ Войска Донскаго; хранится въ харьковскомъ университетѣ; но объ этомъ ученой публикѣ еще не сообщено точнаго описанія или химическаго разложенія.

1824 года, двадцать-четвертаго сентября упало множество камней въ Стерлитамакѣ, при деревнѣ Левашовкѣ, на рѣкѣ Бѣлой, въ двухъ стахъ верстахъ отъ Оренбурга. Они выпали въ жаркій день, вмѣстѣ съ градомъ. Градины заключали въ себѣ желѣзистыя ядра октаэдрическаго виду, сплюсценныя. Это былъ первый примѣръ кристаллическихъ метеорическихъ камней, что не удивительно, потому что эти камни заключались въ кристаллахъ градинъ, подобной почти кристаллизаціи. Но вообще кристаллы весьма неполны и неровны. Самые совершенныя изъ нихъ имѣютъ видъ октаэдровъ, сжатыхъ болѣе или менѣе по главной оси, такъ что они кажутся плоскими. Плоскости не ровны, вогнуты или выпуклы; ребра вогнуты. Лейцитоздры, по *Розе*, лучше сохранились, нежели октаэдры (я сужу по тѣмъ, которые мнѣ только случалось видѣть); но изъ этихъ цѣкоторыя также довольно правильны; они особенно отличаются главною осью, ко-

торая короче или длиннѣе боковыхъ осей, такъ что кристаллы должны быть причисляемы 2-и 1-осной системѣ, а не къ правильной. Эти табличковидные октаэдры имѣютъ съ обѣихъ конечностей 4, 6 или 8 неправильно входящихся реберъ. Главная, вдавленная ось гораздо короче боковыхъ; хотя она иногда и удлинена въ видѣ острей, или имѣетъ вертикальную ось, одинакую съ боковыми осями. Примѣчательны впадины по длинѣ конечныхъ реберъ и на самыхъ плоскостяхъ октаэдровъ*, и неравныя ребра. Одинъ изъ этихъ кристалловъ имѣетъ 5-линій длины и столько же ширины, но едва въ $1\frac{3}{4}$ лин. толщиною, почему онъ составляетъ тупой октаэдръ, въ которомъ главная ось гораздо короче боковыхъ; конечныя ребра и углы со впадинами, а боковыя ребра волнисто-выемчатые, и потому не прямы, съ усѣченными углами. Другой же кристаллъ по одному направленію гораздо длиннѣе чѣмъ по другому; имѣетъ четырехъ конечныхъ плоскостей имѣетъ по осьми и потому образуетъ діоктаэдръ, главная ось котораго также короче боковыхъ разноименныхъ; конечныя углы вдавлены. Внутри кристаллы жлковаты, двѣтъ ихъ снаружи черновато-бурый; а черта желто-бурая; внутри же они буры. Удѣльный вѣсъ 3, 7 и по разложенію господина *Германа*, они состоятъ изъ окиси желѣза (90,02) и воды (10,19); поэтому господинъ *Розе* принимаетъ ихъ за кристаллы обыкновеннаго желѣзнаго колчедану, перешедшіе въ водную окись желѣза, отличную отъ бурой желѣзной руды. Еще *Кобель* доказалъ, что желѣзный колчеданъ, при измѣненіи химическаго состава, всегда переходитъ въ водную окись, подобную составу стерлитамакскихъ камней; но не видно, по какой причинѣ всѣ эти камни яснаго октаэдрическаго виду, измѣнили свою первобытную кристаллическую, то есть, пиритоздрическую форму, между-тѣмъ, какъ измѣненные кристаллы желѣзнаго колчедану остаются всегда на поверхности гладкими, а внутри дѣлаются сплошными, сохраняя всегда свою прежнюю кристаллическую пиритоздрическую форму.

* Смотри фигуры этихъ кристалловъ въ изданной мною *Ориктогнозисъ*; стр. 110.

Кристаллы, дѣйствительно, выпали изъ воздуха * на поле, какъ и ядра градинъ; никто ихъ прежде не видалъ тамъ, тогда какъ послѣ граду они покрывали большое пространство земли. Мы выше сказали, что метеорическіе камни содержали между своими составными частями окись желѣза и воду, какъ напримѣръ, станнервскіе камни, содержавшіе ее, хотя и въ маломъ количествѣ. Стерлита максіе же камни содержатъ въ себѣ болѣе воды, потому что они падали вмѣстѣ съ градинами, заключавшими ихъ въ себѣ, отчего кажется камни и приняли кристаллизацію снѣгу. Въ кристаллахъ снѣгу арктическихъ странъ примѣчаются подобныя табличевидныя формы съ сферическимъ ядромъ, отъ котораго распространяются ко всѣмъ сторонамъ отъ шести до десяти лучей, хотя никогда въ совершенно правильномъ видѣ. Ядро стерлитамакскихъ градинъ было плоское, какъ вообще снѣжное. Неправильности ребръ и неровности плоскостей можно объяснить быстрымъ охлажденіемъ кристалловъ при первоначальномъ ихъ образованіи въ градинахъ. Мы знаемъ подобныя этому явленія въ градинахъ съ минеральными ядрами, выпавшихъ въ графствѣ Мао (Maio) въ 1821 году, двадцать-перваго іюня: эти градины также заключали въ себѣ ядра желѣзнаго колчедану въ кристаллическомъ видѣ. Другой примѣръ, мелкіе четырехугольные камни бѣлаго цвѣта, выпавшіе, подобнымъ же образомъ, съ градомъ въ 1833 году, четвертаго іюля, въ самое жаркое время, по полудни, въ селѣ Нахрачинскѣ, въ тобольской губерніи ** о кото-

* Господинъ Рейхенбахъ описалъ, два года тому назадъ, какъ метеорическіе камни, упавшіе возлѣ Нейзидерскаго Озера, въ Венгріи, куски болотной руды, случайно сильнымъ вѣтромъ поднятой и разбросанной (см. l'Institut. 1812, № 426).

** Въ минувшемъ году случилось почти подобное явленіе въ курской губерніи. Десятаго августа 1844, необыкновенная буря и гроза разразилась надъ уѣзднымъ городомъ Фатежѣмъ. Во второмъ часу по полудни, на ясномъ и чистомъ небосклонѣ съ юго-востока начали собираться небольшія группы тучъ, которыя, по-видимому, кромѣ дождя, ничего собою не предвѣщали. Температура атмосфернаго воздуха въ это время была невыносимо жаркая, не охлаждаемая ни малѣйшимъ дыханіемъ вѣтру, и становилась тяжелою и удушавною; въ тѣни по термометру

рыхъ выше было упомянуто. Сверхъ-того явленіе въ Остерлитамакѣ еще болѣе объясняется градомъ, шедшимъ въ 1829 году двадцать-шестого августа, въ городѣ Падовѣ. Онъ описанъ господиномъ Козари^{*}. Думали видѣть въ этихъ градинахъ обломки желѣза, углероднокислой извести и кусочки кривичу. Хотя Козари полагалъ, что они

Реомюра, было двадцать восемь градусовъ тепла; такъ продолжалось около получаса. Въ исходѣ третьяго часа, всѣ небольшія тучи, слившись такъ-сказать въ одну, черной пеленой раскинулись по небу, и заняли собою видимую сторону юго-востока. Не замѣтно было блеску молній, не слышно было ни ударовъ, ни даже отдаленныхъ раскатовъ грома. Жаркій, какъ сирокко, вѣтеръ, началъ стоявшую на мѣстѣ тучу нагонять мало-не-малу на городъ Фатентъ; гирька на саревѣ гигрометра одустилась, и ртуть въ термометрѣ упала вѣрнѣе на четыре градуса; началъ дуть сильный вѣтеръ; во многихъ мѣстахъ поднялись столбы вихря и началась буря, сопровождаемая какимъ-то могильнымъ гуломъ и шумомъ, сходнымъ съ паденіемъ покатной воды на колесо мельницы. Маленькій дождь взбрызнулъ землю и вслѣдъ за нимъ упало нѣсколько градинъ эллиптической формы, съ гранеными шипами, похожими на кору ананаса или на плодъ артишока. Градины были въ полуунта и болѣе, объемомъ отъ курянаго до лебединаго яйца и болѣе. Падавшія на твердую землю разбивались въ мелкія части; на мягкую же траву, сохраняли и величину и форму свою. Ядро ихъ было не болѣе горошины; намершіе слои заключали въ себѣ *размоцельную* мыль, конечно, *растений* и *небольшіе камешки*, образовавшіеся, вѣроятно, изъ поднятой вихремъ земной пыли. (Весьма желательно было бы имѣть эти камешки для дальнѣйшаго изслѣдованія и химическаго разложенія, потому что они могли быть такъ же метеорическаго происхожденія, какъ выше описанные.) Такихъ большихъ градинъ, на пространствѣ, примѣрно, квадратной десятины, падало около полуторы сотни. Не такъ плоды, какъ вѣтви и молодые отрпыски на деревьяхъ, много повреждены и сломаны; въ домахъ стеколъ разбито около тысячи. Въ четвертомъ часу буря утихла; посыпался градъ мелкій, но частый; ртуть въ термометрѣ упала еще на десять градусовъ. Въ четыре часа не было уже ни граду, ни бури: воздухъ, какъ-будто обновясь, сталъ свѣжъ и прохладенъ; тучи исчезли и солнце по-прежнему ярко свѣтило на небѣ. (С. Петербургскія Вѣдомости, двадцать-второго октября 1844, № 242.)

* Cozari, Annale delle scienze, del regno lombardo-veneto. Nov. Dec. 1834. — Gehler, Physikal. Wörterbuch. Meteorologie, pag. 2013.

обнаружи, можетъ-быть, перешли въ градины въ то время, какъ камни падали на землю, но, по его мнѣнію, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя градины содержали въ себѣ песчанистыя ядра. Козари нашли въ двухъ градинахъ пепельно-сѣрый порошокъ, зерна котораго были неравной величины; самыя большія, темно-сѣрыя, притягивались магнитомъ, отчего онъ принялъ ихъ за желѣзо и никель. Слѣдовательно, и этимъ явленіемъ доказывается метеорическое происхожденіе стерлитамакскихъ камней.

Кромѣ метеорическихъ камней нерѣдко падало изъ воздуха и самородное желѣзо, въ подобныхъ же безобразныхъ массахъ; или во-крайней-мѣрѣ оно было найдено при такихъ обстоятельствахъ, что паденіе его не подлежитъ никакому сомнѣнію. Одинъ изъ достопримѣчательныхъ примѣровъ представляетъ аграмское метеорическое желѣзо, упавшее предъ многими очевидцами двадцать-шестого мая 1751, близъ деревни Грашины, возлѣ Аграма, въ Кроаціи. вѣсомъ въ семьдесятъ одинъ фунтъ. Примѣръ этотъ важенъ потому въ-особенности, что всѣ обстоятельства ниспаденія его извѣстны. Это желѣзо хорошо сохранилось; поверхность его съ одной стороны со многими небольшими, а съ другой съ нѣсколькими обширными углубленіями. Желѣзо смѣшано съ магнитнымъ колчеданомъ, а кора его двойная.

Если отшлифованная поверхность самороднаго желѣза (по открытію господина *Видманстеттена*) вытравится азотною кислотою, то весьма замѣчательны являющіяся такъ-называемыя *видманстеттенскія* фигуры, представляющія болѣею частью равнобедренные треугольники. *Видманстеттенскія* фигуры свойственны исключительно только самородному желѣзу.

Гораздо болѣе вѣситъ желѣзная масса, найденная близъ Каль (*Caille*), въ Варскомъ департаментѣ (*du Var*), во Франціи; но еще огромнѣе желѣзная глыба въ 3,000 фунтовъ, находящаяся въ Нью-Гевенѣ (*New-Haven*) въ Сѣверо-Американскомъ штатѣ Коннектикутъ. Эта, такъ же какъ и предыдущая, упала изъ воздуха чрезвычайно давно. Въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ находится

самородная желѣзная глыба вѣсомъ въ 1,400 англійскихъ фунтовъ, отбитая отъ огромной массы, вѣсъ которой полагаютъ до 30,000 фунтовъ, находящейся и понынѣ на открытомъ воздухѣ въ провинціи Тукуманъ, въ Республикѣ Буэносъ-Айресъ.

Въ Россіи привлекала общее вниманіе описанная въ 1776 академикомъ Палласомъ глыба самороднаго желѣза, найденная въ 1779 въ Красноярскѣ, въ двадцати верстахъ отъ Енисея, между двумя рѣками, на вершинѣ сланцеватой горы. Она сначала вѣсила 2,000 фунтовъ и имѣла три фута въ поперечникѣ. Поверхность ея поздравата и въ круглыхъ углубленіяхъ ея заключается оливинъ, но внутри она весьма плотна и безъ зеренъ оливина или, вѣрнѣе, хризолита. Магнитный колчеданъ находится въ ней только въ маломъ количествѣ. Часть ея нынѣ хранится въ музеумѣ Академіи Наукъ, вѣсомъ въ 1,270 фунтовъ, а куски находятся почти во всѣхъ европейскихъ кабинетахъ.

Господинъ Партчъ* полагаетъ, что послѣ 1776 года, когда Палласово желѣзо отправлено было въ Санктпетербургъ, можетъ-быть, были найдены еще нѣкоторые другіе меньшіе куски близъ Красноярска и отвезены въ Европу. По крайней-мѣрѣ минералогъ Генрихъ Гейландъ (Heiland), бывшій владѣтель одной изъ лучшихъ частныхъ коллекцій метеорическихъ камней, писалъ къ господину Партчу, что его компаньонъ, Ситриковъ, въ 1807 году купилъ болѣе двухъ центнеровъ Палласоваго желѣза, на рынкѣ въ Москвѣ, гдѣ оно продавалось въ желѣзной лавкѣ, какъ старое желѣзо. Самые большіе куски этого желѣза перешли послѣ того въ музеумъ государственнаго канцлера Румянцова и въ музеумъ оксфордскаго университета. Господинъ Партчъ думаетъ, что эти куски могутъ происходить и отъ другаго камня, неизвѣстнаго мѣстонахожденія. Очень было бы хорошо, если бы знающіе минералогы, которые имѣютъ какія-либо свѣдѣнія объ этомъ, сообщили ихъ ученой публикѣ.

Подобная этой масса найдена въ 1810 году въ болотѣ,

* Die Meteoriten oder vom Himmel Befallene Steine und Eisenmassen, im Hofmineralien-Kabinette zu Wien. Wien, 1843.

близъ деревни Брагина*, минской губерніи, въ рѣчицкомъ уѣздѣ. Она крѣпка, ячеиста, и содержитъ въ своихъ углубленіяхъ оливницъ. Металлическое желѣзо, составляющее губкообразную массу, образуетъ узкія, не очень широкія впадины, какъ это примѣчается и въ подобныхъ массахъ, найденныхъ близъ Атакамы и Красноярска. Глыба вѣсомъ въ 193½ фунта, и хранится нынѣ въ музеумѣ кievскаго университета.

Въ новѣйшее время найдено самородное желѣзо въ сибирскихъ россыпяхъ и чтобы отличить его происхожденіе отъ настоящаго метеорическаго, его называютъ *теллурическимъ* (отъ *tellus*, земля); потому что оно хотя находится въ землѣ, но всё-таки можетъ происходить подобнымъ же образомъ, какъ метеорическое. Оно, можетъ быть, ниспало еще въ первые періоды существованія нашей планеты, изъ воздуха, и потому нынѣ встрѣчается наравнѣ съ золотомъ, платиною и другими драгоценными камнями въ россыпяхъ. Оно уже давно извѣстно между лавовидными массами въ Клермонъ-Ферранъ во Франціи, въ Каролинѣ, въ слюдяномъ сланцѣ въ Коннектикутѣ, въ желѣзномъ конгломератѣ, въ Минасъ-Герасъ въ Бразиліи, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ уральскомъ платиноносномъ пескѣ, самородное желѣзо встрѣчается въ видѣ желѣзныхъ чешуекъ, не вѣрно принятыхъ господиномъ Густавомъ Розе за происшедшія при промывкѣ золота, отъ желѣзныхъ инструментовъ. Въ верхне-тагильскомъ заводѣ оно попадаетъ въ мелкихъ, чешуйчатыхъ, острыхъ пластинкахъ и мелкихъ угловатыхъ зернахъ желто-бураго цвѣта. Подобныя чешуйки найдены также въ времшанскомъ приискѣ.

Наконецъ найдено самородное желѣзо вѣсомъ 17 фунтовъ 40 золотниковъ, въ петропавловской золотой россыпи на рѣкѣ Мрасѣ, на глубинѣ четырехъ съ половиною сажень, въ нижней части золотосодержащаго пласта, на самомъ ложѣ, которое составляетъ крупно-слоистый известнякъ. По разложенію господина Соколовскаго, оказалось:

* Смотри статью мою объ этой массѣ въ *Froriep's Notizen für Natur- und Heilkunde*. Weimar, за 1839 годъ, и издаванную мною *Ориктогнозію*. 1844, стр. 107.

железа 97,28 и никеля 2,07; но по точнѣйшему изслѣдованію въ лабораторіи Горнаго Института: 93 железа и 7 никеля. На отшлифованной и вытравленной азотною кислотою поверхности образовались весьма ясныя видманстетенскія фигуры, или струйки.

Господинъ Партчъ принимаетъ еще за метеорическое желѣзо, описанное конгръ-адмираломъ барономъ Врангелемъ *, встречающееся часто на Алазейскомъ Хребтѣ въ Сибири. Якуты употребляютъ его на свои инструменты: на ножи, топоры и тому подобное. Господинъ Врангель увѣрялъ меня лично, что это желѣзо, котораго онъ въ естественномъ видѣ никогда не видѣлъ, и которое Якуты весьма цѣнятъ, не можетъ быть метеорическаго происхожденія; но, вѣроятно, составляетъ желѣзную руду, находящуюся на Алазейскомъ Хребтѣ, близъ рѣки Индигирки.

Э. ЭЙХВАЛЬДЪ.

=

* *Wrangel's. Reise nach dem Eismeer.* Т. 1, р. 175. Berlin, 1839.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА ФРАНЦІИ.

=

Огромное сочиненіе, составляемое и издаваемое въ Парижѣ тамошнимъ правительствомъ подъ заглавіемъ «Statistique de la France,» можетъ по справедливости быть названо самымъ примѣчательнымъ политическо-экономическимъ трудомъ настоящаго времени. Этой любопытной книги до-сихъ-поръ вышло уже четыре тома и послѣдній, четвертый, въ-особенности заслуживаетъ нашего вниманія, потому что, впервые, представляетъ теоретическимъ изслѣдователямъ богатые, разнообразныя, и, главное, очень близкіе къ истинѣ, факты общей земледѣльской дѣятельности въ обширной и многолюдной странѣ. Не-

смотря на различіе въ климатѣ, французское земледѣліе, въ сущности, очень похоже на русское, и это обстоятельство придаетъ для насъ новый интересъ сочиненію. Съ перваго взгляду мы уже здѣсь видимъ, что одинаковыя методы, — Франція, подобно Россіи, слѣдуетъ системѣ трехъ-польнаго, зерноваго земледѣлія, — что одинаковыя методы производятъ всюду одинаковыя результаты, какова бы ни была разница въ климатахъ, образованности, географическомъ положеніи и политическомъ устройствѣ труда. Русское земледѣліе, въ плодородныхъ и не плодородныхъ областяхъ, въ черноземныхъ и разноземныхъ губерніяхъ, въ сѣверной и южной полосѣ, даетъ, въ общемъ итогѣ, урожай самъ-пять, со включеніемъ семянъ: читатели увидятъ, что столько же даетъ и французское земледѣліе, при всѣхъ урочаженныхъ преимуществахъ почвы и климата.

Предисловіемъ къ четвертому тому «Статистики Франціи» служитъ докладъ министра земледѣлія и торговли королю о способѣ, какимъ собирались свѣдѣнія и какъ они употреблены въ дѣло. Господинъ Guoin сперва бросаетъ взглядъ на прежніе, общепотребительные способы собиранія статистическихъ свѣдѣній по части земледѣлія, почитавшіяся донинѣ за образцовые, и показываетъ ихъ недостаточность: всѣ они ведутъ къ ложнымъ или бесполезнымъ выводамъ. Далѣе, излагаетъ онъ новый способъ, по которому собирались свѣдѣнія для этого тома, препятствія, представившіяся собирателямъ, и мѣры, принятыя къ преодоленію затрудненій и къ повѣркѣ полученныхъ показаній. Болѣе ста тысячъ сотрудниковъ употреблены были для приготовленія матеріаловъ, и болѣе осемьдесятъ милліоновъ числовыхъ данныхъ представлены нѣмъ комиссіи, занимающейся обработкою и приведеніемъ въ систему собираемыхъ фактовъ.

Мы приведемъ здѣсь важнѣйшія мѣста этого доклада.

«Описать Францію въ агрономическомъ отношеніи, казалось бы не трудно: стоило бы только противъ каждаго департамента выставить всѣ принадлежащія ему числа и потомъ расположить эти статистическія данныя въ алфавитномъ порядкѣ; но такимъ образомъ не было бы

областныхъ и климатныхъ свѣдѣній; отъ вниманія читателя ускользнули бы общіе факты; отыскать и свести ихъ было бы тѣмъ труднѣе, что алфавитный порядокъ разстроиваетъ естественныя отношенія между мѣстностями, сближая отдаленныя, и раздѣляя самыя близкія; такое дѣленіе неудобно еще и потому что дробить поверхность государства на слишкомъ большее число частей, а это мѣшаетъ сравненію ихъ между собою.

«Для группированія департаментовъ Франціи такъ, чтобы каждая ихъ группа сохранила всѣ сходства климата почвы, географическаго положенія и условія, общія народонаселенію сосѣднихъ департаментовъ, надлежало придумать такое дѣленіе, которое было бы и удобопонятно и не обременительно для памяти. Рѣшились основать его на физической географіи. Парижскій меридіанъ раздѣляетъ Францію вдоль на двѣ почти равныя части, а сорокъ-седьмой градусъ сѣверной широты разсѣкаетъ ее поперегъ ровно по серединѣ. Четыре прямые угла, или четыре четверти государства, образуемые пересѣченіемъ этихъ двухъ линій, содержатъ въ себѣ, каждая двадцать одинъ или двадцать два департамента, почти равное пространство земель и почти одинаковое число жителей, — преимущество чрезвычайно важное, потому что въ такомъ случаѣ становится возможнымъ сравнивать, по желанію, каждую четверть государства съ другою его четвертью, смежною или противоположною, и каждую половину Франціи съ другою половиною, напримѣръ сѣверную съ южной или восточную съ западной. Земледѣліе одной четверти государства можно поставить лицомъ къ лицу съ земледѣліемъ трехъ прочихъ четвертей и показать, въ чемъ оно сходно и въ чемъ разнится въ этомъ углу отъ земледѣлія въ сѣверо-восточномъ или сѣверо-западномъ, юго-восточномъ или юго-западномъ углу. Что касается до подраздѣленій, которыя, по желанію, можно и принять въ соображеніе и выпустить изъ виду, то основаніемъ для нихъ приняты моря, горы и рѣки. Это даетъ средства къ сравненію департаментовъ пограничныхъ или приморскихъ, съ департаментами лежащими внутри государства. Здѣсь только можно съ точностью узнать, такое ли вліяніе имѣетъ ге-

ографическое положеніе на земледѣліе, какое оно оказываетъ на народонаселеніе.»

Всѣ земледѣльческіе факты изображены въ трехъ родахъ таблицъ, отдѣльно для каждой четверти государства.

Въ первомъ отдѣлѣ свѣдѣнія распределены по департаментамъ. Это—топографическая статистика земледѣлія.

Во второмъ отдѣлѣ исчислены всѣ земледѣльческія произведенія. Для каждаго произведенія—особенныя таблицы, общая и частныя. Этой части дано безпримѣрное развитіе; каждое произведеніе изображено, не только по департаментамъ, но и по округамъ. Масса подробностей совершенно новыхъ.

Въ третьемъ отдѣлѣ вновь рассматриваются подробности двухъ первыхъ отдѣловъ: тутъ представлены уже не одни итоги, а главныя составныя части земледѣлія въ каждой четверти государства, и, въ особыхъ таблицахъ, показаны количество и родъ посѣвовъ, количество урожая, количество ежегоднаго потребленія, наконецъ, цѣнность каждаго произведенія, вообще и по гектарамъ.

Эти три отдѣла пополняются одинъ другими, и повѣряютъ другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, трудно не открыть ошибки тамъ, гдѣ предметъ рассматривается съ такого множества точекъ зрѣнія. Если она есть, ихъ не мудрено замѣтить, потому что тотчасъ разрывается цѣпь аналогій.

Числовыя данныя, изъ которыхъ состоитъ земледѣльческая статистика Франціи, повторяются, въ однажды принятомъ порядкѣ, для всѣхъ подраздѣленій государства, отъ округа во 150,000 гектаровъ земли, до цѣлой половины Франціи, заключающей въ себѣ болѣе двадцати-шести милліоновъ гектаровъ. Въ этомъ томѣ содержится земледѣльческая статистика восточной половины Франціи, или сѣверо-восточной и юго-восточной четвертей. Вотъ главные результаты.

Народонаселеніе восточной половины Франціи, содержащей въ себѣ болѣе двадцати-шести милліоновъ гектаровъ поверхности, простирается до шестнадцати милліоновъ душъ. Восточная половина раздѣляется на 177 окру-

годъ и 19,000 общинъ. Въ сѣверной четверти влаетъ болѣе общинъ, нежели въ южной. Поверхность ея менѣе, но зато народонаселеніе гораздо многочисленнѣе и плотнѣе.

Сѣверная четверть представляетъ двѣнадцать милліоновъ гектаровъ и 1,719,000 домовъ, подлежащихъ налогу: они платятъ 37,500,000 франковъ поземельной подати.

Южная четверть, величиною въ двѣнадцать съ половиною милліоновъ гектаровъ, съ 1,443,000 домовъ, обложенныхъ налогомъ, платитъ ежегодно около 31,500,000 франковъ поземельной подати.

Въ сѣверной четверти, средняя подать 2 франка 68 сантимовъ съ гектара; въ южной—2 франка 4 сантима. Первая платитъ среднимъ числомъ 3 франка 93 сантима съ дому; вторая 4 франка 6 сантимовъ.

Эти двѣ четверти взятыя вмѣстѣ, составляютъ нѣсколько менѣе настоящей половины всей Франціи: въ нихъ 24,500,000 гектаровъ, обложенныхъ податью, и 1,700,000 неподлежащихъ налогу, съ 3,163,000 зданій, платящими податъ, и 46,000 свободныхъ отъ всякихъ взносовъ.

Среднимъ числомъ, здѣсь платится подати съ гектара, который почти совершенно то же что русская десятина, 2 франка 35 сантимовъ, а съ дому 3 франка 99 сантимовъ.

Эти предварительныя свѣдѣнія, знакомящія съ мѣстностью, народонаселеніемъ и поземельной податью, даютъ средства къ повѣркѣ числовыхъ данныхъ, представляемыхъ земледѣльческою статистикою.

Изъ 26 000,000 гектаровъ, только 9,600,000, то есть, нѣсколько болѣе трети всей поверхности земли, воздѣлывается подъ посѣвы. Эта пропорція не переходитъ за половину, если и присоединить сюда выгоны, огороды, виноградники, и тому подобное. Но если взять только тѣ земли, которыя назначаются собственно для зерновыхъ посѣвовъ, то есть, если искусственные луга перечислить къ пашнямъ, то подъ обработкою останется только 8,863,000 гектаровъ, или 1 на 3. Въ сѣверной четверти на 25 гектаровъ, приходится около 10 воздѣланныхъ; въ южной 10 на 34.

Вся поверхность воздѣланной земли раздѣляется на три части, именно:

Подъ зерновыми хлѣбами.....	6,538,198 гектаровъ	(три четверти)
Подъ виноградниками.....	897,423. —	(одна десятая).
Подъ разными посѣвами.	1,428,081. —	(одна шестая).
Всего: 8,863,702		

Слѣдовательно, на каждую чету жителей приходится одинъ гектаръ пахатной земли, одна десятина.

Въ сѣверной четверти пшеница и мангкорнь (пшеница смѣшанная съ рожью) занимаетъ вдвое болѣе земли, нежели на югѣ; а ячмень и овесъ вчетверо; напротивъ, чистая рожь и кукуруза — въ половину менѣе. Сады, огороды и поля подъ овощами, горохомъ и бобами, представляютъ вдвое большее пространство на сѣверѣ чѣмъ на югѣ; поля подъ сурьбицей и свекловицей — впятеро; подъ вешку идетъ только треть болѣе, но подъ ленъ въ двадцать три раза.

Климатъ въ юго-восточной четверти благопріятствуетъ воздѣлыванію произведеній, не растущихъ на сѣверѣ. На югѣ, напримѣръ, шелковичное дерево занимаетъ 41,000 гектаровъ, оливковое 117,000, перва 15,000, ворсальные шипки 1,100. Воздѣлываніе винограду въ юго-восточномъ углу Франціи приноситъ такіа выгоды, какихъ нельзя и требовать въ сѣверо-восточномъ, и потому въ южной четверти полей подъ виноградниками вдвое болѣе.

Въ статистикахъ никогда не показывалось съ точностью, какая часть изъ общаго урожая зерновыхъ хлѣбовъ употребляется на семена. Эта часть гораздо болѣе, нежели какъ обыкновенно воображаютъ. Она составляетъ во Франціи слишкомъ 5,500,000 гектолитровъ, или 2,662,000 четвертей, пшеницы и полбы, и 1,688,000 четвертей пшеницы съ рожью и чистой ржи. Прочихъ хлѣбовъ идетъ на посѣвъ болѣе 2,384,000 четвертей. Всего, на семена, употребляется отъ шести до семи милліоновъ четвертей. Въ урожайные годы это количество представляетъ стоимость въ 162,000,000 франковъ, а въ дурные до 250,000,000. Количество высѣваемого зерна не превышаетъ семи съ половиною четвериковъ на гектаръ: для главнѣйшихъ

хлѣбовъ, на югѣ и на сѣверѣ оно одинаково. Ячменю и овсу идетъ на гектаръ нѣсколько буше. Картофелю употребляется на семени до 2,860,000 четвертей, хо боть, около шести четвертей на гектаръ. Ежегодный расходъ картофеля на семени простирается среднимъ числомъ до 12,000,000 франковъ.

На длину водородъ въ агрономіи и въ политической экономіи не представляетъ такой важности какъ тотъ, который относится къ продовольствію народа.

Числа, которыя будутъ приращены нами, изображаютъ произведенія обыкновеннаго года. Въ урожайныя годы они увеличиваются, въ дурныя уменьшаются. Но здѣсь можно замѣтить, что уменьшеніе произведеній въ неурожай никогда не бываетъ такъ велико, какъ обыкновенно утверждаютъ. Полу-урожай, треть урожая — выраженія, такъ часто повторяемыя, рѣшительно ничего не показываютъ. Это — преувеличеніе: такія выраженія можно допустить для какой-нибудь ограниченной мѣстности, для какаго-нибудь уѣзда, но они рѣшительно ложны на пространствѣ большой области, не говоря уже о четвертяхъ государства.

Все количество зерновыхъ хлѣбовъ, производимыхъ сорока тремя департаментами восточной половины Франціи, простирается до 40,285,000 четвертей, а за исключеніемъ семянъ, до 33,372,000 четвертей, изъ которыхъ на сѣверную четверть государства приходится двѣ трети, а остальная треть на южную.

Количество зерновыхъ хлѣбовъ, употребляемыхъ въ пищу собственно людьми, какъ-то, пшеницы, полбы, пшеницы смѣшанной съ рожью и собственно ржи, доходитъ до 24,666,000 четвертей; ячмень, овесъ и кукуруза составляютъ 14,372,000 четвертей.

Изъ 33,372,000 четвертей, остающихся на потребленіе, на пропитаніе каждаго жителя и на кормъ домашнихъ его животныхъ приходится по 17 четвериковъ. Изъ хлѣбовъ, употребляемыхъ въ пищу человекомъ, на долю каждаго жителя посвящается не болѣе 9½ четверика, изъ которыхъ пшеница составляетъ двѣ трети, а рожь остальную треть. Въ хорошіе годы цѣнность хлѣбовъ, потреб-

ляемыхъ въ пищу, не превосходить 786,000,000 франковъ; въ неблагоприятное лѣто, она простирается до 1,200,000,000: разница въ расходѣ для каждаго лица 25 франковъ, или треть.

Зерновые хлѣба, составлявшіе прежде главную пищу жителей, теперь становятся менѣе необходимы, съ тѣмъ поръ именно, какъ стали сѣять картофель, бобы, горохъ, и болѣе заниматься огородами. Масса этихъ произведеній изумительная. Въ восточной половинѣ Франціи собирается ежегодно 26,220,000 четвертей картофеля, или 13½ четвертиковъ на жителя. Горохъ, бобы и другія овощи даютъ 953,000 четвертей: общая цѣнность произведеній огородовъ и садовъ простирается до 72,000,000 франковъ.

Въ этой половинѣ государства, подъ виноградниками находится 900,000 гектаровъ, которые даютъ болѣе 162,800,000 ведеръ хорошаго вина, стоящаго 231,500,000 франковъ, а если присоединить сюда водку, то болѣе 263,000,000 франковъ. Въ сѣверо-восточномъ углу ведро вина стѣитъ рубль пять копѣекъ серебромъ, а въ юго-восточномъ только шестьдесятъ пять копѣекъ. Сюда же должно отнести 27,370,000 ведеръ пива и 3,763,000 ведеръ разныхъ соковъ (сидру), цѣною, всего, на 52,000,000 франковъ.

Подъ свекловицею 37,000 гектаровъ, приносящихъ 4,471,000 четвертей корней, цѣною на 20,000,000 франковъ.

Сурѣница покрываетъ 116,000 гектаровъ, которые даютъ 720,000 четвертей зерна. Кругомъ каждый гектаръ приноситъ около 300 франковъ въ годъ, а цѣнность всего сбора равняется 35,000,000.

Пенькою и льномъ засѣвается 100,000 гектаровъ. Льна добывается 732,000 пудовъ, а пеньки 2,040,000. Цѣнность этихъ растений, вмѣстѣ съ семянами, вычислена въ 64,500,000 франковъ.

Шелковица, слишкомъ недавно разводится и, поэтому, трудно съ точностью опредѣлять приносимые ею доходы. Впрочемъ каждый гектаръ даетъ около 1,000 франковъ.

Весь доходъ, приносимый этою отраслью земледѣлія — не менѣе 42,000,000 франковъ.

Принимая въ соображеніе среднюю цѣну, количество всѣхъ произведеній составляетъ слѣдующія суммы:

Зерновые хлѣба.....	950,000,000	франковъ.
Виноградники.....	264,000,000	—
Пиво и сидръ.....	52,000,000	—
Различныя произведенія	430,000,000	

Всего: 1,696,000,000

Въ дорогіе годы, цѣнность зерновыхъ хлѣбовъ увеличивается вполовину, и сумма всѣхъ произведеній превышаетъ двѣ тысячи миллионовъ франковъ.

Трудно сказать, какое количество земледѣльческихъ произведеній идетъ собственно на потребленіе, потому что хлѣбъ непрерывно перемѣщается изъ одного мѣста въ другое, и цифры не могутъ быть вѣрны, съ одной стороны, отъ пропусковъ, а съ другой отъ двойныхъ показаній. Рѣшеніе этого важнаго вопросу должно почитать только приблизительнымъ. Со всѣмъ тѣмъ до-нынѣ никогда не было собрано такого множества фактовъ какъ въ этой книгѣ, и за справедливость выводовъ ручается то, что числа, собранныя по части потребленія, согласуются съ числами, доставленными отъ изслѣдователей произведеній, хотя тѣ и другіе не имѣли ни какого сообщенія между собою.

За исключеніемъ семянъ, на сорокъ три восточные департамента Франціи, какъ мы видѣли, остается въ общей сложности годовъ до 33,372,000 четвертей хлѣбовъ всѣхъ сортовъ, на продовольствіе народа и на вывозъ, сжегодно. Изъ этого количества съѣдается до 32,420,000 четвертей. Слѣдовательно, средний урожай удовлетворяетъ нужды людей и домашнихъ животныхъ, и даетъ еще излишекъ въ одну тридцать-четвертую. Сѣверные департаменты производятъ болѣе нежели потребляютъ; южныя—цапротивъ.

Невозможно вывести съ точностью, для каждаго сорта зерновыхъ хлѣбовъ, количества его потребленія, потому что, кромѣ сѣянія пшеницы по-поламъ съ рожью на мангкорнъ, еще эту смѣсь во Франціи готовятъ

искусственно и послѣ сбора жатвъ. Вообще отъ пшеницы и ржи, сѣдаемой человѣкомъ въ восточной Франціи, остается излишекъ въ 624,000 четвертей. Этотъ ничтожный излишекъ, не составляющій даже и одной пятидесятъ-второй доли всего потребленія, не весь родится нами: тутъ же слить ввозъ хлѣба въ эту половину Франціи изъ западной половины и изъ-за границы, черезъ Марсель. Напротивъ, отъ овса, ячменя и кукурузы остается излишекъ въ 1,680,000 четвертей: его составляетъ преимущественно овесъ сѣверо-восточной четверти государства.

Эти числа явно обнаруживаютъ ошибочность мнѣнія тѣхъ экономистовъ, которые воображаютъ будто въ земледѣльческихъ и плодородныхъ странахъ родится въ одно лѣто столько хлѣба, что людямъ не сѣсть его и въ три года; будто количество произведеній земли въ урожайный годъ ужасно велико; будто поэтому должно всѣми мѣрами препятствовать ввозу иностраннаго хлѣба. Этими выдумкамъ, этими бабьими мечтамъ, совершенно противорѣчатъ земледѣльческіе факты одного изъ плодороднѣйшихъ государствъ въ мірѣ. *Въ самый урожайный годъ, на большомъ пространствѣ, родится, въ сложности, только одною третью болѣе чѣмъ въ самый неурожайный, и если на человѣка приходится, изъ сложнаго урожая, по десяти пудовъ зерноваго хлѣба въ годъ, то при величайшемъ урожаѣ онъ можетъ продать за границу только семь фунтовъ.* Многимъ это покажется пзумительнымъ.

Но этимъ-то и объясняется, почему самый ничтожный недочетъ въ годичномъ сборѣ быстро и сильно возвышаетъ цѣны на зерновые хлѣба, даже когда нѣтъ никакого повода бояться голоду. Излишекъ отъ необходимаго продовольствія такъ малъ, что малѣйшая разница въ урожаѣ можетъ сдѣлать перевѣсъ въ цѣнности хлѣба.

Этимъ доказывается еще необходимость споспѣшествованія всѣми мѣрами къ свободному обращенію хлѣбовъ внутри государствъ, къ облегченію его посредствомъ многочисленныхъ путей сообщеній, къ осторожности въ продажѣ за границу при запретительныхъ системахъ.

Отсюда видно, наконецъ, еще и то, что свободная все-

общая торговля хлѣбомъ не принесла бы ущерба ни одному земледѣльческому сословію въ Европѣ, и что опасенія приливу иностраннаго хлѣба со стороны сельскихъ хозяйствъ основаны просто на предразсудкѣ. Можно открыть всѣ свои гавани всѣмъ возможнымъ хлѣбамъ: это не повредитъ успѣхамъ внутренняго земледѣлія. Земля не производитъ излишковъ: отнынѣ, это—доказанная истина.

Ежегодное потребленіе, во всѣхъ департаментахъ Франціи, на каждого жителя найдено слѣдующее:

	Четверти.	
Пшеницы.....	6 $\frac{1}{2}$.	} 10 $\frac{1}{2}$.
Пшеницы съ рожью.....	1 $\frac{1}{20}$.	
Ржи.....	2 $\frac{1}{2}$.	
Ячменю, овса, кукурузы, сарачинскаго пшена.....	1 $\frac{1}{2}$.	
Картофелю.....	10 $\frac{1}{2}$.	
Гороху, бобовъ и прочаго.....	1 $\frac{1}{2}$.	
Мяса.....	50 фунтовъ.	
Вина.....	6 $\frac{1}{10}$ ведра.	
Пива.....	1 $\frac{1}{2}$ ведра.	
Смолу.....	$\frac{1}{4}$ ведра.	

Потребленіе въ сѣверо-восточной четверти отлично отъ потребленія въ южной; на сѣверѣ потребляется болѣе пшеницы, и пшеницы съ рожью, картофеля, гороху, бобовъ, мяса и пива, во ржи и вина менѣе чѣмъ на югѣ.

Въ восточной Франціи 10,500,000 гектаровъ подъ пастбищами: изъ нихъ только четвертая доля подъ природными и искусственными лугами, а остальные три четверти—выгоны и пажити.

Въ сѣверной четверти находятся 1,600,000 гектаровъ искусственныхъ и природныхъ луговъ, приносящихъ доходу до 200,000,000 франковъ. Въ южной не болѣе 1,000,000, которыхъ доходъ не превышаетъ 126,000,000 франковъ. Выгоны и пажити занимаютъ такое же пространство и даютъ такой же доходъ. Выгоновъ на сѣверѣ не болѣе 800,000 гектаровъ; на югѣ ихъ въ четверо и даже въ пятеро болѣе, но здѣсь они приносятъ доходъ въ половину менѣе. Всѣ пажити вообще даютъ ежегодно доходу: на сѣверѣ 412,000,000 франковъ, на югѣ только 179,000,000.

Сорокъ три департамента, лежащіе къ востоку отъ парижскаго меридіана, заключають въ себѣ почти 5,500,000 гектаровъ лѣсу, изъ которыхъ три четверти на сѣверѣ, а одна на югѣ. Сѣверная четверть Франціи даетъ въ годъ на топливо двѣ трети кубической сажени на гектаръ, а южная одну четверть. Лѣса приносятъ доходу на сѣверѣ 106,000,000 франковъ, на югѣ только 31,000,000. Всѣ лѣса восточной Франціи даютъ только 137,000,000 франковъ въ годъ: причину этого должно приписать чрезмѣрному праву владѣнія ими и неосмотрительной вырубкѣ вблизи городовъ.

Правительство и экономисты во Франціи почти полтора столѣтія изобрѣтали всевозможныя методы для опредѣленія цѣнности всѣхъ земледѣльческихъ произведеній. Этого достигнуть можно было не иначе, какъ посредствомъ самыхъ подробныхъ вычисленій всѣхъ сельскихъ продуктовъ. Наконецъ книга эта удовлетворительно рѣшаетъ половину трудной задачи. Вообще, изъ нея мы почерпаемъ такія свѣдѣнія о земледѣльческой собственности, которыя могутъ изумить не одного изъ читателей, привыкшаго судить по стариннымъ теоріямъ.

Въ восточной половинѣ Франціи, въ сѣверо-восточной четверти оказывается 13,000,000 гектаровъ поверхности, а въ юго-восточной пѣсколько болѣе.

Изъ этихъ 26,000,000 гектаровъ пашни, огороды, парки и рощи занимають 9,000,000 гектаровъ, то есть, болѣе двухъ третей; пастбища—двѣ пятыхъ; лѣса одну пятую. Одна двадцать—шестая всей поверхности, то есть, болѣе милліона гектаровъ, занята городами, деревнями, церквами, каналами, дорогами и рѣками.

Хотя въ обѣихъ этихъ четвертяхъ поверхность, обращенная на земледѣліе, почти одинакова, однако жъ распределеніе ея во многомъ различно. На сѣверѣ подъ земледѣліемъ считается 1,200,000 гектаровъ болѣе; огородовъ, садовъ и другихъ плантацій вдвое болѣе; лѣсовъ почти столько же; напротивъ, на югѣ пажити, выгоны, и степи занимають 6,000,000 гектаровъ, между-тѣмъ какъ на сѣверѣ ихъ не болѣе 4,000,000.

Общаго доходу на сѣверѣ земледѣліе приносятъ до

1,300,000,000 франковъ, на югъ не болѣе 945,000,000. Разница—335,000,000, то есть, одна шестая всего доходу, который простирается до 2,241,000,000 франковъ.

Число главныхъ породъ домашнихъ животныхъ, воспитываемыхъ въ восточной Франціи, простирается почти до двадцати пяти милліоновъ головъ. Рогатый скотъ составляетъ одну пятую, овцы—три пятыхъ, свиньи—одну десятую, а лошади — одну двадцатую.

Въ сѣверной четверти гораздо болѣе рогатаго скота и свиней, и отъ трехъ до четырехъ разъ болѣе лошадей, нежели въ южной; зато менѣе овецъ, козъ, лошаковъ и ословъ.

Эти животныя представляютъ капиталъ въ 877,000,000 франковъ, именно: 371,000,000 въ рогатомъ скотѣ, 157,000,000 въ овцахъ, 87,000,000 въ свиньяхъ, 200,000,000 въ лошадяхъ, 47,000,000 въ лошакахъ, и такъ далѣе.

Лучшій доходъ приноситъ скотъ на сѣверѣ, гдѣ породы улучшены. Весь доходъ простирается до 350,000,000 франковъ: рогатый скотъ даетъ 137,000,000, овцы 56,000,000, свиньи 40,000,000, лошади 93,000,000, лошаки отъ 15,000,000 до 16,000,000 франковъ.

Ежегодно идетъ на убой два быка изъ семи и одна корова изъ семи, а число убиваемыхъ телятъ превышаетъ число оставляемыхъ на племя. Изъ 15,000,000 овецъ и барановъ, пятая доля поступаетъ въ бойни. Свиней убивается столько, сколько и родится. Вообще на продовольствіе 16,000,000 жителей восточной половины потребно до 7,000,000 головъ разнаго скота.

Мяса ежегодно потребляется въ восточной половинѣ 19,940,000 пудовъ, цѣною на 260,000,000 франковъ. Рогатый скотъ составляетъ двѣ пятыхъ этого количества, бараны одну осьмую, свиньи почти половину.

Сѣверные департаменты потребляютъ почти вдвое болѣе быковъ, коровъ и телятъ, нежели южные, и почти вполнину болѣе свиней; но овецъ только трестью долю противъ южныхъ департаментовъ.

Слѣдовательно, восточная Франція получаетъ доходу отъ скотоводства:

От живых голов.....	330,000,000	Франковъ.
Мясо.....	260,000,000.	—
	<u>Всего</u>	610,000,000.

Такимъ образомъ, полный общій доходъ этой половины Франціи отъ земледѣлія будетъ слѣдующій:

Земледѣльческія произведенія.....	2,500,000,000	Франковъ.
Скотоводство.....	610,000,000.	—
	<u>Всего:</u>	3,110,000,000.

Весьма вѣроятно, что пропущенныя мелкія статьи дохода могли бы довести эту сумму до 3,500,000,000 франковъ.

II

ВСЕВОЛОЖСКАЯ ШКОЛА ТАКСАТОРОВЪ .

=

Большая часть нашихъ русскихъ помѣщиковъ, въ-особенности владѣтели обширныхъ земель въ восточной части Россіи, не зная ни количества, ни качества лѣсныхъ своихъ дачъ, ни свойства производительности и достоинства земли, и не имѣя средства, на основаніи общихъ землеѣрныхъ плановъ, вывести какое-либо по этому предмету заключеніе, лишаются всякой возможности опредѣлить не только количество доходовъ на слѣдующіе года, но даже и самую цѣнность недвижимаго капитала, имъ принадлежащаго. Черезъ это помѣщики, несминуемо попадаютъ въ зависимость къ своимъ управляющимъ, которые также, по неимѣнію точныхъ свѣдѣній о владѣніи, по незнанію дѣла или смотря на повѣряемое имъ имущество

* Въ Санктпетербургѣ, въ Галерной въ домѣ Аверина.

Т. LXX. — Отд. IV.

7/4

какъ на аренду, и желая угодить владѣльцу, чтобы удержаться на мѣстѣ, выискиваютъ средства для приращенія доходовъ, часто вредныя, уничтожающія самую капитальную часть имущества. Помѣщикъ, съ своей стороны, не можетъ быть руководителемъ въ предиріятіяхъ, и не въ-состояніи подвергнуть дѣйствія своего управляющаго строгой повѣркѣ. Принимая же управленіе на себя, и не имѣя никакихъ данныхъ, увлекается какого-либо роду оборотами, вовсе не существенными, и если не разстроиваетъ, то конечно уже нисколько и не улучшаетъ имѣнія. Успѣхи по части агрономіи, лѣсоводства и прочая дѣлаются невозможными, доходы понижаются, а если и увеличиваются, то на счетъ капитала; капиталъ съ каждымъ годомъ уменьшается, имѣніе слабѣетъ въ средствахъ, и наконецъ совершенно разстроивается.

Подобныя примѣры заставили просвѣщенныхъ владѣльцевъ вникнуть въ коренныя причины разстройства имѣній и всѣми силами стараться изыскивать средства ознакомиться въ подробности и точности съ своими имѣніями, по всѣмъ отраслямъ хозяйства и промышленности, чтобы, основываясь на ихъ данныхъ, разсчитывать вѣрно доходы и прогрессивно итти впередъ къ улучшенію имѣнія.

Средства для ознакомленія съ имѣніемъ заключаются: въ подробной съемкѣ и въ точномъ описаніи качества земли, ея производительности, лѣсныхъ угодьевъ, свойства протекающихъ рѣчекъ, удобства сбыта и прочая.

Но такъ какъ до нынѣ, люди, хорошо знающіе съемку находятся болѣею частью въ государственной службѣ, преимущественно въ военной, то частныя владѣльцы, или вовсе не имѣютъ возможности приобрѣтать планы своихъ владѣній, или, по рѣдкости съемщиковъ, должны употреблять для этого значительныя суммы. Сверхъ-того однажды снятый планъ, не можетъ быть принятъ навсегда къ постоянному руководству, но отъ времени до времени долженъ быть повѣряемъ и исправляемъ, потому что не только измѣняются предметы на по-

верхности земли находящіяся, но измѣняется и самая конфигурація мѣстности: такъ напримѣръ, проводятся каналы, запружаются рѣки, засыпаются овраги, осушаются болота, строятся вновь селенія и уничтожаются прежнія и прочее, что непременно имѣеть относительное вліяніе и на доходы, получаемые съ извѣстнаго роду промышленности.

Такимъ образомъ съ одной стороны необходимость имѣть планы своихъ владѣній и описанія ихъ, составленныя съ знаніемъ дѣла, съ другой трудность находить съемщиковъ и такихъ людей, которые бы могли составлять подобныя описанія, внушила господамъ Всеволожскимъ мысль, въ высокой степени для общественнаго блага полезную: завести особую частную школу для образованія изъ своихъ крѣпостныхъ людей таксаторовъ, и въ 1841 году положено основаніе этой школы, съ цѣлью образовывать людей, могущихъ межевать земли, составлять планы со всевозможными подробностями и приблизительной оцѣнкой земель, лѣсовъ, угодій и прочее. Сообразно этой цѣли воспитанникамъ читаютъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій: священная исторія, катехизисъ, толкованіе Святаго Евангелія и Литургіи. Русской языкъ: чтеніе и письмо, грамматика, при чемъ обращается въ-особенности вниманіе на составленіе бумагъ и описаній. Географія въ краткомъ видѣ. Арифметика вся. Геометрія: нужныя свѣдѣнія для вычисленія плановъ и различныхъ фигуръ. Географія, подробно. Земледѣліе, сколько нужно для составленія агрономическихъ плановъ, приблизительной оцѣнки земли и описанія снимаемаго имѣнія. Минералогія и геогнозія въ краткомъ видѣ, съ цѣлью познакомить воспитанниковъ съ минералами и металлами, чтобы они при съемкѣ не затруднялись опредѣлять ихъ на планахъ, черезъ что легко могутъ открыться новые источники доходовъ горнозаводской части, въ-особенности въ Сибири. Лѣсоводство, для обозначенія на планахъ породъ и возраста лѣсу, достоинства его и хозяйства лѣснаго и также всѣ правила смотрѣнія и ухода за лѣсами, потому что часть воспитанниковъ будетъ исполнять должности лѣсничихъ. Чертежная

часть: ситуація, черченіе плановъ, архитектурное черченіе и рисованіе.

Всѣ эти предметы преподаются воспитанникамъ по предварительно представленнымъ программамъ, согласованнымъ съ ихъ понятіями и объемомъ курса. Лекцій бываетъ двѣ утромъ и двѣ послѣ обѣда. Утреннія предоставлены чертежной части, а вечернія предметамъ, преподаваемымъ изустно. Курсъ ученія раздѣленъ на три года между двумя классами.

Школа состоитъ подъ непосредственнымъ распоряженіемъ владѣльцевъ. Часть учебная и нравственная находится въ вѣдѣніи инспектора, штабсъ-капитана Баструева. Лекціи читаютъ священникъ и девять преподавателей. Для надзора за нравственностью воспитанниковъ приставленъ надзиратель, изъ заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ.

Недавно въ этой школѣ происходилъ третій съ основанія, переводный, и первый вышуской экзамены. Замѣтивъ на этихъ экзаменахъ блистательные успѣхи воспитанниковъ, представляемъ читателямъ отчетъ о дѣйствіяхъ школы. Первый экзаментъ ограничивался словесными отвѣтами, по билетамъ, изъ Закона Божія, русскаго языка, ариметики, географіи и геометріи; а на послѣднемъ воспитанники отвѣчали, по программамъ, по требованію посѣтителей, въ обширномъ видѣ; изъ геодезіи, земледѣлія, геогнозіи, лѣсоводства и архитектуры, весьма удовлетворительно. Сверхъ-того они читали собственные сочиненія, составляемыя на заданныя темы по предметамъ земледѣлія, лѣсоводства и геодезіи; описаніе въ статистическомъ отношеніи имѣнія снятаго ими на планъ впродолженія лѣта. Въ этихъ темахъ подробно изложены пространство, качество земель, лѣсовъ, мѣстныя обстоятельства и улучшенія имѣнія, съ весьма точными вычисленіями доходовъ и расходовъ по имѣнію. Все это доказываетъ, что здѣсь преподаваніе вполне согласно съ цѣлью кадастра. Нѣкоторыя изъ описаній, по полезности и систематическому своему изложенію, заслуживали бы печати.

Въ классахъ и рекреационной залѣ были разложены

планы снятыхъ земель съ приложеніемъ вычисленій, и отчетныхъ картъ, съ разбивкою земли на десятины. На этихъ картахъ подробно показано раздѣленіе мѣсу по возрастамъ, качество почвъ, строенія и прочее. Всѣ планы начерчены отчетливо, можно сказать прекрасно; показанныя на нихъ возвышенія, оттѣнки, наброска мѣсу, строеній и прочее казались болѣе естественною миниатюрною мѣстностью, нежели планомъ. Черченіе, смотря по времени образованія воспитанниковъ, — три года, — развито до изумительной степени. Господинъ инспекторъ школы для выпускныхъ воспитанниковъ не ограничился упомянутымъ экзаменомъ; но для убѣжденія болѣе въ ихъ знаніи, назначилъ преподавателямъ особую конференцію, для которой воспитанники составили диссертации по пройденнымъ предметамъ, защищали ихъ въ присутствіи преподавателей, и тутъ-то вполне показавъ свое систематическое образованіе, восхитили присутствующихъ и доказали, что можно съдѣлать стараніемъ, втеченіи трехъ лѣтъ, изъ четырнадцатилѣтняго мальчика, съ трудомъ умѣвшаго читать и писать Господа владѣльцы, заботясь о своихъ юныхъ питомцахъ, весьма часто присутствовали на экзаменахъ, и видя усердіе и стараніе ихъ, изъявили желаніе ассигновать сумму на награды достойнымъ, предложивъ ее въ распоряженіе инспектора, который, съ согласія преподавателей, смотря по успѣхамъ и поведенію, назначилъ въ подарки: часы, книги, готовальни, отдѣльные для съемки инструменты и похвальные листы. Весьма вѣроятно, что столь лестное поощреніе необходимо побудитъ каждого изъ учащихся еще усерднее стремиться къ назначенной цѣли.

По окончаніи экзамена, въ первомъ классѣ воспитанниковъ оставалось пять, поступило изъ пермскаго имѣнія господъ Всеволожскихъ двое; всего семь человекъ. Во второмъ оставалось пять человекъ, переведено изъ перваго четверо, всего девять человекъ. Выпущено девять человекъ, которые, до отправки ихъ на мѣсто съемки, занимаются, такъ-сказать, критическимъ разборомъ составленныхъ прежде плановъ имѣній господъ Всеволожскихъ,

составленіемъ смѣтъ, описаній, проектовъ съемки и переречиваніемъ плановъ, вмѣющихся при конторѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ господина инспектора, весьма извѣстнаго геодезиста. При отъѣздѣ, ихъ снабдятъ инструкціями, отведутъ имъ участки и подчинятъ надзору * На мѣстѣ ихъ распредѣлятъ на три партіи для снятія около милліона десятинъ.

Воспитанники, какъ и прежде, были лѣтомъ на съемкѣ въ Рябовскомъ имѣніи и Гостилицяхъ.

Въ обоихъ мѣстахъ съемка провѣрена преподавателемъ геодезіи, въ присутствіи владѣльца, и, къ общему удовольствію, оказалась вѣрною.

Кромѣ этого воспитанники въ Рябовскомъ имѣніи подъ руководствомъ преподавателя лѣсоводства занимались: сборомъ и сушкою сѣмянъ лѣсныхъ породъ и разсадкою плантацій въ небольшомъ объемѣ. Показаны на опытѣ способы узнаванія возрастовъ лѣсу, ихъ различіе и сортировка. Преподаватель геогнозій показалъ способы шурфовки земли горныхъ породъ. На будущее время предполагаются опыты и по предмету агрономіи.

Втеченіи прошедшаго года начали преподавать и архитектуру, какъ для показанія на планахъ различныхъ, встрѣчаемыхъ при съемкѣ, строеній, такъ равно и для составленія плановъ нѣкоторыхъ хозяйственныхъ и заводскихъ строеній для сибирскаго края, наиболѣе вуждающагося въ строителяхъ.

Такимъ образомъ воспитанники этой школы, обладая по-

* Мы съ удовольствіемъ прочли положеніе для выпускныхъ воспитанниковъ, относительно ихъ занятій, жалованья, обязанности, подчиненности, составленное господиномъ инспекторомъ классовъ и утвержденное владѣльцами. Оно весьма основательно, и могло бы служить руководствомъ для многихъ помѣщиковъ, въ отношеніи условий, заключаемыхъ съ людьми, нанимаемыми для исполненія должностей управляющихъ, таксаторовъ и другими лицами, прикосновенными къ управленію имѣній. Но мы не считаемъ себя вправе напечатать эту инструкцію, не испросивъ на то позволенія.

Соч.

знаніями не только въ предметахъ общихъ, но и спеціальныхъ, могутъ быть образованными таксаторами и исполнять должности сельскихъ прикасчиковъ и лѣсничихъ; хотя эти обязанности и не относятся до нихъ прямо, однако жъ не менѣ важны въ странѣ столь отдаленной какъ Сибирь, для которой они предназначены. Все это доказываетъ прозорливость господъ Всеволожскихъ, а успѣхи свидѣлствуютъ о познаніяхъ и усердіи тѣхъ, на кого возложено исполненіе этого полезнаго дѣла *. Для развитія религиозныхъ чувствъ воспитанниковъ введено въ кругъ преподаванія и церковное пѣніе, и мы съ удовольствіемъ слышали мелодическіе звуки молитвы застольной и вечерней, и нашего народнаго гимна: «Боже Царя, храни»!... Желательно, чтобы прекрасный примѣръ, поданный господами Всеволожскими нашелъ подражателей. Пора уже нашимъ помѣщикамъ оставить излишнюю привязанность къ иностраннымъ таксаторамъ и управляющимъ, по бѣльшей части не понимающимъ ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни быта русскаго крестьянина, ни языка народнаго, но получающимъ огромное содержаніе; пора бы обратиться къ образованію своихъ крестьянъ, съ просвѣщеніемъ которыхъ сохранились бы въ Россіи немаловажныя суммы, вмѣстѣ бы всегда подъ руками дѣльные люди, Русскіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ процвѣтало бы и благоденствіе Россіи. Правительство наше, равно неусыпно пекущееся о благосостояніи подданныхъ, представило уже частнымъ людямъ множество истинно полезныхъ примѣровъ, заведеніемъ фермъ, сельскихъ школъ, реальныхъ классовъ и тому подобнаго, изъ чего легко позаимствоваться и примѣнять все нужное къ своимъ потребностямъ. Конечно, не всякій согласится употребить капиталъ на первоначальное обзаведеніе школы; однако жъ не трудно увѣриться въ пользу такой школы, убѣдившись расчетомъ, что иногда жалованье и содержаніе одного свобод-

* Жаль, что господа владѣльцы не позволяютъ принимать въ столь полезное заведеніе людей другихъ помѣщиковъ. Охотниковъ бы нашлось довольно.

наго человека превышает сумму, потребную на воспитание десяти молодых людей. Впрочемъ основной капиталъ для заведенія подобной школы былъ бы весьма не обременителенъ, если бы школа содержалась двумя или тремя владельцами, а польза бы была одинаковая. Пока будемъ желать и надѣяться.

Н. МАТВѢЕВСКИЙ.

=

V.

КРИТИКА.

=

Лекціи популярной астрономіи, читанныя публично съ Высочайшаго разрѣшенія въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ капитанъ-лейтенантомъ С. Зеленымъ, съ 23 ноября 1843 по 16 марта 1844. Санктпетербургъ, 1844.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Мы съ удовольствіемъ возвращаемся къ этой занимательной книгѣ и къ великолѣпному предмету, который вшелъ въ господинъ Зеленомъ такого даровитаго и пріятнаго истолкователя.

Въ первыхъ шести лекціяхъ авторъ излагаетъ исторію астрономіи и описываетъ общій видъ звѣзднаго и планетнаго неба. Шарообразность Земли, движенія ея около Солнца и на своей оси, движенія Луны, тяжесть тѣлъ на Землѣ, ея атмосфера, свойства свѣту, при помощи котораго мы видимъ небесные шары, спо-

собы измѣрять ихъ въ разныхъ отношеніяхъ и предосторожности, которыя слѣдуетъ принимать при этомъ чтобы избѣгнуть глазныхъ обмановъ и ошибокъ, все это входитъ въ составъ первыхъ семи лекцій, образующихъ какъ-бы вступленіе въ книгу. Несмотря на извѣстность этихъ предметовъ, о которыхъ каждый еще въ дѣтствѣ, получаетъ понятіе изъ началъ географіи и физики, страницы, посвященныя имъ господиномъ Зеленымъ представляютъ свѣтскому человѣку чрезвычайно занимательное чтеніе, благодаря счастливому выбору фактовъ и рѣдкой ясности общенароднаго изложенія автора. Похвалы выше этой невозможно отдать ни какому литературному труду, потому что одни только люди съ необыкновенно свѣтлымъ умомъ и рѣдкими дарованіями умѣютъ хорошо писать популярнымъ образомъ въ наукахъ.

Солнце, Земля и Луна, планеты и ихъ спутники составляютъ настоящій предметъ лекцій господина Зеленаго.

Мысль о вращеніи Земли на своей оси и о теченіи ея вокругъ Солнца, равно какъ и мысль о томъ, что каждая звѣзда — солнце и центръ отдѣльнаго планетнаго міра, кажутся намъ новою и смѣлою потому только, что они еще недавно воскрешены и доказаны Коперникомъ и Ньютономъ, послѣ тысячи лѣтъ совершеннаго забвенія. Эти факты древни какъ сама астрономія. Пифагоръ вывезъ ихъ вмѣстѣ съ ученіемъ о звукѣ, принятомъ и нынче наукою, изъ Египта, и его послѣдователи всегда придерживались этой теоріи, которая, по-видимому составляла одну изъ важнѣйшихъ тайнъ мистеріи Оивъ и Мемфиса. Таинственность, которою Пифагорейцы, по примѣру египетскихъ жрецовъ, окружали извѣстныя себѣ физическія и метафизическія истины, лишила насъ познанія доказательствъ, служившихъ имъ основаніемъ въ этомъ дѣлѣ. Древніе пи-

сатели другихъ философскихъ сектъ знали только поверхностно и по наслышкѣ о теоріи Пифагора: оттого идея, заимствованная имъ въ египетскихъ храмахъ подъ клятвенными обязательствами, казалась этимъ писателямъ несообразною со здравымъ смысломъ, и они относили ее къ странностямъ учителя. Они только бѣгло и легко упоминаютъ объ ней въ дошедшихъ до насъ твореніяхъ, набожные — съ уваженіемъ, приличнымъ вопросу, касающемуся таинствъ, а вольнодумцы и люди, жертвовавшіе предрассудкамъ народной вѣры — съ явными насмѣшками надъ Пифагоромъ и его «сѣумасбродными» понятіями о движеніи Земли и стояніи Солнца-Аполлона. Эти прославленные мудрецы, наши учителя, которыхъ генію мы поклоняемся, такъ мило подшучивали со всѣхъ сторонъ надъ неподвижностью Солнца, что идея, достойная всего ихъ вниманія, сдѣлавшись совершенно смѣшною, была наконецъ забыта вмѣстѣ съ пифагореизмомъ и когда Коперникъ возобновилъ ее, она встрѣтила еще сильное сопротивленіе и въ новомъ мірѣ, почерпнувшемъ мудрость свою изъ книгъ при возрожденіи наукъ на Западѣ. Впрочемъ, можетъ-быть, мы и несправедливо обвиняемъ греческихъ и латинскихъ философовъ, которыхъ сочиненія достигли новѣйшаго времени, въ легкомысленности по этому важному вопросу, похожей довольно на тупоміе: каждая школа, кромѣ *внѣшняго*, писаннаго ученія, имѣла въ древности еще *внутреннее*, изустное: въ книгахъ излагалось только то, что могъ читать всякій, даже непосвященный, а всѣ положенія наукъ, сколько-нибудь противныя господствующей народной вѣрѣ, составляли какъ-бы преданія школъ и предметъ дружескихъ разсужденій между учителемъ и его послѣдователями. Вотъ почему даже тѣ, которые, подобно Цицерону, съ удивленіемъ говорили о Пифагорѣ и на его солнечную теорію намѣкали безъ всякихъ насмѣшекъ,

никогда не позволяли себѣ входить въ сочиненіяхъ своихъ въ разборъ его доказательствъ или просто сказать читателямъ, на чемъ она основывалась. Легко можетъ статься, что даже смѣявшіеся въ книгахъ, въ угоду толпѣ, надъ шарообразностью Земли и надъ двойнымъ движеніемъ ея на оси и около Солнца, признавали эти истины въ душѣ и въ ученыхъ бесѣдахъ. Зная духъ глубокой религіозности древнихъ извѣстныхъ намъ писателей и удивительную осторожность ихъ во всемъ, что сколько-нибудь относилось къ предметамъ таинствъ, смѣшио даже принимать, какъ это до-сихъ-поръ водилось, ихъ писанныя мнѣнія въ буквальный значеніи словъ, которыя они употребляли въ книгахъ и опровергать на нихъ выводы о точной мѣрѣ познаній ихъ авторовъ и, вообще, языческаго міра. Одно только ясно и вѣрно въ этомъ случаѣ, а именно, что неподвижность Солнца и двойное движеніе Земли — понятіе, чрезвычайно древнее между людьми; что оно существовало еще у Египтянъ, въ цвѣтуція времена ихъ жреческаго сословія; что оттуда оно принесено было Пифагоромъ съ предосторожностями тайны на классическую почву, гдѣ, по несчастію, легкомысленность, суевѣріе и тщеславная самонадѣянность Грековъ, совершенно не способная оцѣнить столь высокую истину, обратили ее въ смѣхъ и отсрочили величайшее торжество ума человѣческаго на цѣлыя двѣ тысячи лѣтъ; и что, наконецъ, Греки не только не способствовали успѣхамъ астрономіи, какъ принято у насъ повторять безъ критики во всѣхъ книгахъ, но еще составили собою и своимъ пароднымъ характеромъ на все это время непреодолимую преграду ея прямому и полезному развитію, которое могло бы быть необъятно, если бы они съ самаго начала въ-состояніи были возвыситься до великой мысли, сообщенной имъ философомъ-путешественникомъ, и приняли ее тотчасъ въ основаніе для

своихъ наблюденій. Пора, право, оставить эти безмысленные возгласы въ честь греческому гению, который будто-бы все изобрѣлъ, все создалъ, и принять въ болѣе точномъ смыслѣ, признаніе Платона — что Греки все заимствовали у такъ-называемыхъ «Варваровъ»: по народному своему тщеславію, Платонъ прибавляетъ— *но мы все усовершенствовали*; но въ этомъ онъ обманываетъ себя произвольною лестью, потому что искусства и, въ-особенности, скульптура, какъ мы нынче видимъ, находились уже у Ассирійцевъ въ совершенствѣ, не уступающемъ афинскому, а въ астрономіи Греки рѣшительно, сдѣлали страшный шагъ назадъ. Вотъ что скорѣе заслужило бы быть тщательно разобраннѣмъ въ намскахъ древнихъ писателей о проповѣдуемой Пифагоромъ теоріи солнечной системы, и на что вовсе не обращаютъ вниманія: тѣ, которые принимали неподвижность Солнца и движенія Земли, должны же были на чемъ-нибудь основываться!..... Какія могли быть ихъ доказательства? Что привело ихъ къ подобному заключенію? Какъ они объясняли себѣ подобное устройство міра? Изъ какой точки выходили, чтобы достигнуть такого вывода? Все эти вопросы чрезвычайно любопытны, и если бы предложено было разрѣшить ихъ удовлетворительно, то, вѣроятно, пришлось бы согласиться, что у древности былъ непремѣнно свой Коперникъ, что Иоганнъ Кепплеръ и Исаакъ Ньютонъ — только повторительныя проявленія въ человечествѣ, неизвѣстныхъ Кепплера и Ньютона ассирійскаго или египетскаго, и что эти люди очевидно или опирались въ своихъ разсужденіяхъ о небесныхъ тѣлахъ на тѣ же самыя начала, которыя и намъ служатъ руководствомъ въ дѣлѣ, или не бывъ увлечены и ослѣплены фантазмагоріей усовершенствованныхъ математическихъ формулъ, проникли-было еще далѣе насъ въ тайны природы и счастливо отгадали всеобщаго

еядателя, одну простую повсемѣстную причину или силу, отъ которой зависягъ и тяжесть, и движеніе, и свѣтъ, и теплота, и электричество и звукъ и всѣ прочія физическія явленія природы. Это послѣднее вѣроятіе всего, если вспомнишь, что въ египетскихъ таинствахъ солнечный свѣтъ связывался въ Мемноновской статуѣ со звукомъ, который и Пифагоръ, ученикъ Египтянъ, какъ извѣстно, объяснилъ вибраціонными волненіями.

Мы говоримъ объ этомъ вовсе не для того, чтобы противорѣчить автору, который, по принятому обычаю, изчисляетъ преувеличенныя заслуги Грековъ въ астрономіи, не обращая вниманія на непростительную вину ихъ передъ наукою въ томъ, что они не умѣли поять Пифагора и убили безмозглыми насмѣшками богатѣйшую идею древняго міра. Разсужденіе наше имѣетъ только цѣлью показать, что не все придуманное повѣйшею наукою такъ великолѣпно и несомнительно, какъ мы въ тиеславіи нашемъ обыкновенно воображаемъ, и что, очевидно, есть въ природѣ другіе способы дойти прямо до истины, которыя Ньютонъ научилъ насъ отъискивать посредствомъ законовъ тяготѣнія и сопряженныхъ съ ними вычисленій. Противъ Ньютоновой теоріи существуютъ три страшныя возраженія, которыхъ ничѣмъ нельзя опровергнуть: одно изъ нихъ давно извѣстно и состоитъ въ затрудненіи придумать силу, дающую первый зародышъ и первый толчокъ небеснымъ шарамъ въ присутствіи центральной *притягательной* силы. Два другія возраженія донынѣ не многимъ только приходятъ въ голову. Во-первыхъ, при объясненіи движенія планетъ тяжестью, нужно предположить два первоначальныя движенія, одно *прямолінейное*, къ центру солнца, или такъ-называемую центростремительную силу, другое, также *прямолінейное*, удаляющее планету отъ центральнаго шара, силу центробѣжную и, тогда круговое

теченіе планетъ около Солнца выводится какъ результатъ сложнаго дѣйствія этихъ двухъ движеній, а между-тѣмъ вовсе не доказано, и ничѣмъ нельзя доказать, чтобы въ природѣ существовало гдѣ-либо *движеніе прямолинейное*, или чтобы матерія обладала какимъ-нибудь свойствомъ, способнымъ придать ему силу добровольно двигаться по прямой линіи. Во-вторыхъ, тяжесть, сама по себѣ, не чтò иное какъ *движеніе*. Новѣйшая астрономія добродушно увѣряетъ себя, что *тѣло движется, потому что оно тяжело*, не примѣчая, что еще съ бѣльшею вѣроятностію можно сказать на оборотъ: *тѣло тяжело, потому что оно всегда движется*. Какъ-скоро движеніе и тяжесть — одно и то же, Ньютоново *объясненіе* ничего не объясняетъ. О Коперникѣ мы не говоримъ: великая заслуга его состоятъ преимущественно въ томъ, что онъ первый изъ новѣйшихъ умѣлъ постигнуть величіе мысли, приписываемой Греками Пифагору и осмѣянной ими. Безъ Ньютона, который представилъ на нее свое знаменитое *объясненіе*, выведши на сцену тяжесть, эта чудная мысль была бы до-сихъ-погѣ оспариваема, и Тихоцъ Браге, навѣрное, считалъ бы за собою столько горячихъ послѣдователей какъ и Коперникъ, нашедшій себѣ приверженцевъ въ Галилея и Кепплера. Настоящій *творецъ* нынѣшней планетной теоріи, а не простой воскреситель, безспорно, Ньютонъ. Но чтò *объяснилъ* онъ намъ? Ничего! Ньютонъ научилъ насъ только способу изучать законы движенія или, всѣ-равно, тяжести; по почему тѣла движутся въ небесномъ пространствѣ или, другими словами, почему они тяжелы, остается по-прежнему загадкою, къ разрѣшенію которой, конечно, ближе были древніе безименные Ньютоны, если они дошли до той же планетной теоріи безъ игры словъ, *безъ тяжести*, безъ переименованія движенія въ тяготѣніе или притягательную силу. Гений Ньютона между-тѣмъ великъ,

потому что путь указанный имъ, совершенно вѣренъ практически: какъ тяжесть просто—движеніе, то свойства того и другаго совершенно одинаковы, и мы, изучая законы тяжести на Землѣ, подъ рукою, узнаемъ настоящіе всемірные законы движенія, хоть и по-прежнему остаемся въ полномъ невѣжествѣ насчетъ причины тяжести или движенія, которую нужно еще отыскать въ какой-то донынѣ неизвѣстной или не примѣченной нами силѣ. Вотъ уже Сиріусъ движется кругообразно безъ видимаго центральнаго шара, и ему пѣнакого тяготѣть, нѣ-къмъ притягиваться. Вотъ уже и другія звѣзды начинаютъ шевелиться подъ прилежными телескопами астрономовъ, и этихъ движеній нельзя объяснить тяжестью! Солнце движется также, и вѣроятно описываетъ кругъ въ пространствѣ подобно Сиріусу, не имѣя для себя огромнаго массивнаго центра. Чѣмъ тщательнѣе и долѣе будутъ дѣлаемы наблюденія надъ звѣзднымъ міромъ, тѣмъ болѣе станеть открываться фактовъ, приводящихъ въ-тупикъ или въ ipotезный бредъ тѣхъ, которые полагаютъ, будто сказавъ—*тяжесть*, они уже все разгадали и разрѣшили. Нѣтъ, далеки мы еще отъ познанія настоящей причины, заставляющей небесные шары вращаться и течь въ пространство! Но, на первый случай, тяжесть, то есть, движеніе земныхъ тѣлъ къ Землѣ, стремленіе ихъ присоединиться къ массѣ нашей планеты, когда они отъ нея оторваны, можетъ, своими доказанными свойствами, служить намъ хорошимъ руководителемъ къ познанію свойствъ большихъ планетныхъ движеній и къ вѣрному ихъ вычисленію.

Но мы забываемъ о книгѣ господина Зеленаго, съ которою въ-особежности желали познакомить читателей русскихъ книгъ, потому что рѣдко случается намъ представлять ихъ знакомству такія хорошія сочиненія. Нѣсколько отрывковъ покажутъ каждому необычно-

венную занимательность лекцій, къ которымъ съ такимъ наслажденіемъ, можно сказать — съ восторгомъ стремился еще недавно весь образованный свѣтъ столицы, и которыми краспорѣчивый молодой профессоръ удерживалъ эту блестящую массу въ своей орбитѣ почти всю зиму, несмотря на страшную притягательную силу преферанса, италіанской оперы и «Парижскихъ Тайнъ», отторгавшую ее въ противоположную сторону.

Доказавъ движенія Земли, суточное на своей оси, и годовое, вокругъ Солнца, и объяснивъ совершенно удобопонятно два маленькія ея движенія, изъ которыхъ одно совершается въ двадцать шесть тысячъ, а другое въ девятнадцать лѣтъ, авторъ переходитъ къ весьма замѣчательному въ нашей солнечной системѣ явленію, котораго также нельзя объяснить тяготѣніемъ, а именно, къ симметрическому расположенію планетныхъ массъ въ пространствѣ.

«Между разстояніями планетъ отъ Солнца существуетъ весьма замѣчательная постепенность. Если возьмемъ числа постепенно удвающихся —

0, 3, 6, 12, 24, 48, 96, 192,

и придадимъ къ каждому числу 4; то новый рядъ —

4, 7, 10, 16, 28, 52, 100, 196,

будетъ представлять относительныя разстоянія планетъ отъ Солнца; или если разстояніе Меркурія отъ Солнца означимъ чрезъ 4, то разстояніе Венеры будетъ 4, вмѣстѣ съ 3 помноженнымъ на 1, или 7; разстояніе Земли 4 вмѣстѣ съ 3 помноженнымъ на 2 или 10, и такъ далѣе; помножая 3 на числа всѣ вдвое большія и придавая къ 4, получимъ разстоянія планетъ отъ Солнца:

Меркурія, 4.

Венеры, $4 + 3 = 7$.

Земли, $4 + 3 \cdot 2 = 10$.

Марса, $4 + 3 \cdot 4 = 16$.

$$\begin{array}{l} \text{Цереры и Паллады} \\ \text{Весты, Юновы.} \end{array} \left. \vphantom{\begin{array}{l} \text{Цереры и Паллады} \\ \text{Весты, Юновы.} \end{array}} \right\} 4 + 3.8. = 28. \\ \text{Юпитера, } 4 + 3.16 = 52. \\ \text{Сатурна, } 4 + 3.32 = 100. \\ \text{Урана, } 4 + 3.64 = 196.$$

«Пока не были открыты новыя четыре планеты, разстояніе между Марсомъ и Юпитеромъ составляло исключеніе изъ этого закона. Это обстоятельство, какъ полагаютъ, замѣчено было еще Кеплеромъ, но въ прошедшемъ столѣтіи берлинскій астрономъ Боде особенно обратилъ на него вниманіе и утверждалъ, что въ промежуткѣ между Марсомъ и Юпитеромъ должна быть планета. Предсказанія его сбылись: нашли четыре планеты, находящіяся почти въ томъ же разстояніи отъ Солнца и помѣщенныя, соотвѣтственно общему закону разстояній, между Марсомъ и Юпитеромъ. Ни какого изъясненія à priori, ни какой теоретической причины, говоритъ Гершель, нельзя представить на эту замѣчательную прогрессию, которая съ совершенною точностью подтверждается числами. Однако жъ скорѣе можно думать, что это существенное и необходимое условіе въ устройствѣ нашей системы, а не одно случайное согласіе. Предполагали, будто эти четыре новыя планеты—обломки какой-то большой планеты, которая прежде текла одна въ томъ мѣстѣ, но разорвана на мельчайшія части неизвѣстною силою, такъ, что можетъ быть существовать еще много такихъ обломковъ, которые будутъ современемъ открыты. По это, справедливо замѣчаетъ Гершель, не болѣе какъ образчикъ тѣхъ химеръ, которымъ предаются астрономы подобно другимъ ученымъ.»

«Когда планета и Солнце, видимыя съ Земли, находятся въ одной и той же сторонѣ неба, такое ихъ положеніе называютъ *соединеніемъ*; если же планета — въ сторонѣ противоположной Солнцу, то говорятъ, что планета въ *противостояніи* съ Солнцемъ. Наблюдая два послѣдовательныя соединенія или противостоянія планеты и взявъ промежутокъ времени между этими наблюденіями, получаемъ такъ-называемое *синодическое* время обращенія пла-

неты. Для опредѣленія этого обращенія съ большею точностью, сравниваютъ наблюденія, отдѣленные одно отъ другаго на нѣсколько столѣтій. Отыскавъ вѣрное синодическое время обращенія планетъ, увидимъ, что въ этотъ промежутокъ, Меркурій и Венера, которыя лежатъ между Землею и Солнцемъ, описывали; около Солнца 360° , полный кругъ, тогда какъ земля описала только часть круга, дугу. Эту дугу легко найти: извѣстно, что Земля полный кругъ, 360° , описываетъ въ тропическій годъ; а потому весьма легко вычислить время, въ которое Меркурій и Венера прошли свои 360° , то есть, время полного обращенія ихъ около Солнца. Прочія планеты, лежащія за Землею, во время синодическаго обращенія напротивъ опишутъ около Солнца только дугу, между-тѣмъ какъ Земля совершила уже полное обращеніе: слѣдовательно такъ же легко и тутъ опредѣлить время, въ которое одна изъ этихъ планетъ опишетъ около Солнца свои 360° , то есть, полный кругъ. Такимъ образомъ оказалось, что Меркурій описываетъ путь свой около Солнца почти въ 88 дней, Венера около 225 дней, Марсъ почти въ 687 дней, и такъ далѣе; наконецъ самая отдаленная планета, Уранъ— въ 84 года.

«Смотря на разстоянія планетъ и на обращенія ихъ около Солнца, мы замѣчаемъ общій законъ: чѣмъ планета далѣе отъ Солнца, тѣмъ болѣе нужно ей времени для полного обтеченія своего пути.

«Зная величину этого пути и время, въ которое планета проходитъ его, легко съяснить, сколько каждая планета пробѣгаетъ въ одну минуту или секунду. Такимъ образомъ нашли, что Меркурій въ секунду проходитъ 46 верстъ, Венера около 35 верстъ, Земля 28 верстъ, Марсъ 23 версты, и такъ далѣе; наконецъ Уранъ только около 7 верстъ. Общій законъ: чѣмъ далѣе отстоитъ планета отъ Солнца, тѣмъ она двигается медленнѣе.

«Чтобъ полнѣе составить себѣ понятіе о всей солнечной системѣ, вообразимъ ее въ уменьшенномъ видѣ, употребивъ для этого сравненія и мѣры, болѣе намъ знакомыя. Возьмемъ ровное горизонтальное поле или лугъ, по-

ставимъ на немъ шаръ, котораго діаметръ аршинъ или шагъ, и примемъ его за Солнце; Меркурій изобразится горчичнымъ зерномъ въ разстояніи 40 шаговъ отъ шара, представляющаго Солнце; Венера будетъ находится въ 70 шагахъ и представится горошиной; знаменитая наша Земля также будетъ съ горошину въ разстояніи 100 шаговъ; Марсъ, большой булавоочной головкой на разстояніи 160 шаговъ; Веста, Юнона, Церера и Паллада песчинками въ разстояніи 280 шаговъ; Юпитеръ величиною въ небольшой апельсинъ, будетъ находится въ 520 шагахъ; Сатурнъ, находящійся въ 1,000 шагахъ, изобразится большою сливою, и, наконецъ, Урана должно представить большою вишнею въ разстояніи почти 2,000 шаговъ.

«Чтобъ назначить на нашей воображаемой системѣ, соразмѣрное движеніе планетъ въ ихъ путяхъ, положимъ, что Меркурій обращается около Солнца въ одну минуту: тогда Венера будетъ обращаться въ двѣ съ половиною минуты; Земля въ четыре минуты девять секундъ; Марсъ въ семь и три четверти минутъ; новыя планеты Веста, Юнона, Паллада, Церера въ 16 минутъ съ половиною; Юпитеръ въ 49 минутъ и 12 секундъ; Сатурнъ 2 часа 2 минуты съ четвертью и, наконецъ, Уранъ въ 5 часовъ 49 минутъ».

Но пути, описываемые планетами вокругъ Солнца—не совсѣмъ совершенные круги: они имѣютъ слегка овальную форму, видъ эллипсовъ, которые тѣмъ разнятся съ настоящими кругами, что вмѣсто одного центра и одного діаметра имѣютъ два центра, называемые «фокусами», и два діаметра, одинъ поперечный по-короче, а другой продольный, по-длиньше, составляющій большую ось эллипса. Пользуясь прекрасными наблюденіями Тихона Браге, Кепплеръ, первый, доказалъ, что *всѣ главныя планеты, около Солнца, и спутники, около своихъ планетъ, движутся по эллипсамъ, такъ что Солнце или планета всегда находятся въ одномъ изъ двухъ фокусовъ.* Это—одна изъ трехъ общихъ аст-

рономическихъ истинъ, доказанныхъ великимъ предшественникомъ Ньютона и известныхъ въ наукъ подъ именемъ «Законовъ Кепплера». Второй законъ состоитъ въ слѣдующемъ: площади, описанныя радіусомъ, соединяющимъ центръ движущейся планеты съ фокусомъ эллипса, гдѣ находится Солнце, всегда пропорциональны времени, въ которое онъ описаны. Такимъ образомъ неровный ходъ планетъ, текущихъ иногда скорѣе, а иногда тише, подчиненъ совершенно правильному закону, и то, что прежде почитали за безпорядокъ, оказалось однимъ изъ главныхъ началъ стройности небесныхъ движеній. По третьему закону Кепплера, кубъ числа, выражающаго средня разстоянія планетъ отъ Солнца, равенъ квадрату числа выражающаго относительную величину ихъ пути: напримѣръ, Юпитеръ $5\frac{1}{8}$ разъ далѣе Земли отъ Солнца и путь его въ 12 разъ огромнѣе ея пути: кубъ числа $5\frac{1}{8}$ долженъ быть равенъ квадрату числа 12. Въ самомъ дѣлѣ въ обоихъ случаяхъ получаемъ мы число 144. Надобно однако жъ замѣтить, что новыя четыре планеты, Церера, Паллада, Веста и Юнона, не совсѣмъ подходятъ подъ эти законы или по-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ мало успѣли въ предпріятіи подчинить ихъ правиламъ, выведеннымъ для прочихъ планетъ.

Посмотримъ теперь ученіе, принятое въ настоящее время Ньютопистами, объ участіи, принимаемомъ въ дѣлѣ *тяжестью*, или такъ называемымъ «тяготѣніемъ». Ученіе это не совсѣмъ Нютоново: оно значительно преувеличено и перетолковано горячими послѣдователями великаго человека, которые сочли излишнимъ удерживаться въ границахъ его гениальной осторожности въ выраженіяхъ. *Законы тяжести* Ньютонъ принималъ только какъ точку сравненія, при объясненіи планетныхъ движеній. *Притягательная сила* была у него только временное названіе неизвѣстной

дѣйствующей въ этомъ случаѣ силы. Онъ положительно предостерегалъ—не принимать этихъ словъ въ буквальномъ ихъ значеніи. Но послѣдователи, въ пылу восторга, давно забыли все это: они заставляютъ небесные шары двигаться безъ церемоніи простымъ свойствомъ *тяжести*, и *притягательную силу* принимаютъ за что-то дѣйствительно тянущее, вытягивающее, притягивающее, до того что при помощи этой чудной силы, доказанной будто бы Ньютономъ, Лаграндже съ большимъ успѣхомъ вытянулъ и лунный шаръ въ грушу, которой тонкій конецъ намъ не видѣнъ только потому, что всегда обращенъ къ Солнцу и никогда къ Землѣ не поворачивается. Въ этомъ отношеніи и авторъ «Лекцій популярной астрономіи», по общему примѣру нынѣшнихъ писателей, употребляетъ весьма неточное выраженіе, утверждая, будто «безпрестанныя размышленія и непрерывный трудъ привели Ньютона къ блестящему *открытію закона всеобщаго тяготѣнія*». Отъ такого открытія самъ Ньютонъ защищался словами, которыя по другому случаю были уже приведены въ этомъ журналѣ: онъ открылъ только *сходство законовъ движенія небесныхъ тѣлъ съ законами движенія падающей на Землѣ тяжести, или тяготѣнія*, а какъ это движеніе тяжести можетъ быть слѣдствіемъ нѣкотораго рода *притяженія* Земли, то, по его мнѣнію, подобное *притяженіе* позволительно *предположить* и въ Солнцѣ относительно къ планетамъ. «Эта *тайна* движенія небесныхъ тѣлъ въ пространство и малѣйшихъ атомовъ на Землѣ», продолжаетъ краснорѣчивый авторъ..... Онъ не шадитъ красоту для эффекта картины. Увы! *тайна* движенія никому еще неизвѣстна и, вѣроятно, навсегда останется тайною для человѣка. Но предоставимъ ему свободно изложить ученіе нынѣшнихъ ньютонистовъ, не останавливаясь при выра-

женіяхъ, поэтически преувеличивающихъ мѣру нашего обманчиваго знанія.

«Безпрестанныя размышленія и непрерывный трудъ привели Ньютона къ блестящему открытію закона *всеобщаго тяготѣнія*. Эта тайна движенія небесныхъ тѣлъ и малѣйшихъ атомовъ на Землѣ, этотъ всемірный законъ состоитъ въ томъ, что всякое тѣло имѣетъ въ себѣ силу притяженія, посредствомъ которой дѣйствуетъ на другое, меньшее тѣло. И это дѣйствіе уменьшается по-мѣрѣ увеличиванія разстоянія, такимъ образомъ, что ежели разстояніе увеличится вдвое, то дѣйствіе силы тяготѣнія уменьшится въ два помноженное на два, или въ четыре раза; когда разстояніе увеличится въ три раза, сила уменьшится въ три помноженныя на три, или въ девять разъ; и такъ далѣе. При каждомъ новомъ увеличеніи разстоянія, сила уменьшается на число равное числу увеличенія разстоянія помноженному само на себя, или квадрату числа, означающаго увеличеніе разстоянія; это отношеніе вообще выражаютъ такъ: *сила тяготѣнія обратно пропорціональна квадрату разстоянія*.

«Дѣйствіе притягательной силы Земли можно представить въ видѣ прямыхъ линій, выходящихъ изъ центра Земли, наподобіе лучей свѣта. Если центръ Земли представимъ себѣ внутри пустаго шара, котораго радіусъ содержитъ на примѣръ 100 футовъ, то внутренняя поверхность этого шара будетъ освѣщена свѣтомъ, исходящимъ изъ центра Земли въ извѣстной степени. Но если бы радіусъ другаго шара былъ вдвое больше, то есть, въ 200 футовъ, очевидно, что тогда эта вторая поверхность была бы освѣщена гораздо слабѣе. На внутреннія поверхности обоихъ шаровъ падаетъ тотъ же свѣтъ, но какъ поверхность втораго гораздо болѣе поверхности перваго, то лучи, падающіе на второй шаръ, идя отъ центра въ расходящемся направленіи, удалятся другъ отъ друга гораздо болѣе; другими словами, второй шаръ тѣмъ же свѣтомъ будетъ освѣщенъ гораздо слабѣе нежели первый, и почти во столько слабѣе, во сколько поверхность втораго шара бо-

дѣе поверхности перваго. Но извѣстно, что поверхности шаровъ относятся между собою, какъ квадраты ихъ радиусовъ. И такъ поверхность втораго шара, котораго радиусъ вдвое болѣе радиуса перваго, будетъ освѣщена въ 2-жды 2 или въ 4 раза слабѣе. Равнымъ образомъ въ шарѣ, котораго радиусъ въ 3-жды 3 или въ 9 разъ слабѣе. При радиусѣ въ 4 раза болѣе, освѣщеніе будетъ въ 16 разъ слабѣе. Короче, освѣщеніе будетъ уменьшаться въ такой же степени, какъ квадратъ разстоянія увеличивается, или, что одно и то же, освѣщеніе этихъ шаровъ, въ каждой отдѣльной точкѣ своей поверхности, будетъ *обратно пропорціонально квадрату разстоянія*.

«То же самое можно сказать о притяженіи Земли, если только справедливо предположеніе, что свѣтъ и притяженіе одинаково распространяются изъ центра тѣла. Слѣдствія покажутъ намъ, можно ли допустить это предположеніе.

«На поверхности Земли, всякое падающее тѣло, въ первую секунду своего паденія пробѣгаетъ 16 футовъ. Это вертикальное паденіе тѣла на землю есть чистое дѣйствіе силы притяженія и даже можетъ быть принято за единственную ся мѣру. Очевидно, что если бы тѣло могло быть перенесено на цѣлый радиусъ далѣе отъ земной поверхности, на этомъ вдвое болѣе разстояніи отъ центра силы притяженія, по свосму закону, дѣйствовала бы въ четверо меньше и тѣло въ первую секунду прошло бы четвертую часть 16-ти, или только 4 фута. На разстояніи втрое болѣе, то есть, на разстояніи трехъ радиусовъ отъ центра земли, тѣло пройдетъ только девятую часть 16-ти, или 1,78 фута. Наконецъ если бы тѣло было перенесено туда, гдѣ находится Луна, то есть, на разстояніе отъ центра Земли 60,16 земныхъ радиусовъ, оно прошло бы въ первую секунду 16 раздѣленное на квадратъ числа 60,16, то есть, приблизилось бы къ Землѣ въ первую секунду только на 0.00172 фута, или на половину линіи. Такимъ образомъ, ежели бы Луна была удерживасма какою-нибудь могущественною рукою и потомъ вдругъ оставлена самой себѣ, то она пошла бы по прямой линіи

къ Землѣ и приблизилась бы къ ней въ первую секунду на пол-линіи, а наконецъ упала бы на Землю, подобно свободно падающему камню. Но та невидимая рука, которая каждой точки небесной тверди предписала стройное движеніе, составляющее гармонію мірозданія, не оставила Луны самой себѣ, или, лучше сказать, дѣйствию Земли, *но бросила ее всторону отъ нашей планеты*, потому что иначе Луна стала бы приближаться къ Землѣ по прямой линіи, что противно видимымъ явленіямъ.

«Дѣйствіе Земли на движущуюся Луну весьма сходно съ дѣйствіемъ ея на брошенное ядро изъ орудія, а потому рассмотримъ обстоятельства этого случая. Вообразимъ горизонтально поставленную пушку и отвѣсную стѣну, находящуюся въ такомъ разстояніи отъ мѣста ядра, чтобы оно, вылетѣвъ изъ орудія, достигло стѣны ровно въ одну секунду времени. Сверхъ-того, замѣтимъ сначала точку стѣны, находящуюся на направленіи орудія, или ту точку, въ которую бы попало ядро, если бы оно двигалось совершенно горизонтально, то есть, когда бы во время своего движенія не притягивалась Землею. Послѣ выстрѣла, замѣтимъ ту точку стѣны, въ которую въ самомъ дѣлѣ ударило ядро. Найдемъ, что эта точка будетъ ниже первой ровно на 16 футовъ, то есть, что ядро, выброшенное изъ орудія, въ первую секунду удалится отъ направленія, по которому бы оно шло отъ одной силы выстрѣла и приблизится къ Землѣ на ту же самую величину, какъ отъ свободного паденія. То же самое можно примѣнить и къ Лунѣ. Прямая линія, по которой она стремится двигаться вслѣдствіе первоначальной силы, есть касательная, перпендикулярная къ радіусу ея пути. По этой касательной Луна въ каждое мгновеніе стремится удалиться отъ Земли и удалилась бы, ежели бы притягательная сила Земли ея не удерживала. Если возьмемъ двѣ точки на пути Луны, въ которыхъ она бываетъ по прошествіи одной секунды, и черезъ первую точку проведемъ линію касательную къ пути Луны, а другую соединимъ съ Землею прямою, то часть этой прямой, заключенная между вторымъ мѣстомъ Луны и касательною, будетъ выражать на-

деніе Луны къ Землѣ въ каждую секунду, подобно какъ пониженіе ядра отъ направленія орудія означало величину паденія тѣла при поверхности въ первую секунду. Зная величину радіуса Земли, разстояніе Луны отъ Земли и время обращенія Луны около Земли, не трудно опредѣлить величину прямой, которая выражаетъ стремленіе Луны къ Землѣ въ секунду, или дѣйствіе притяженія Земли. Если найдемъ, что эта маленькая прямая дѣйствительно равна полулунніи, какъ она вышла по предполагаемому закону притягательной силы, то заключимъ, что законъ дѣйствія силы тяготѣнія совершенно справедливъ.»

Безспорно, страницы эти прекрасны, и яснѣйшаго популярнаго изложенія роли, которую теперь безъоговорно и безусловно приписываютъ тяжести въ механикѣ міра, желать невозможно. Авторъ такъ же свѣтло, такъ же увлекательно объясняетъ основанное на этой теоріи измѣреніе массы, вѣсу и плотности Солнца и планетъ. Предполагается, что каждый атомъ небеснаго тѣла одаренъ притягательною силою; поэтому притягательная сила всего шара будетъ тѣмъ больше, чѣмъ болѣе атомовъ входитъ въ составъ его массы. Отсюда законъ: *Сила притяженія всякаго небеснаго тѣла пропорціональна его массѣ*. Мы видѣли, какъ при помощи тяготѣнія или притяженія объясняютъ дѣйствія Земли на Луну.

«Если бы Луна отъ Земли была въ такомъ же разстояніи, въ какомъ находится Земля отъ Солнца, то есть, если бы разстояніе Луны отъ Земли увеличилось въ 392 раза, тогда притягательная сила Земли, по закону Ньютона, уменьшится въ 392 умноженное на 392 раза. Послѣ этого, будутъ извѣстны притягательныя силы Солнца и Земли на одинаковомъ разстояніи. Слѣдовательно, различіе этихъ силъ зависить только отъ неодинаковой ихъ массы, а потому отношеніе этихъ силъ покажетъ отношеніе массъ. Такимъ образомъ найдено, что масса Солнца въ 345,936 разъ болѣе массы Земли.

«Массы вообще пропорціональны тяжести или вѣсу тѣлъ. Поэтому если бы мы на одну чашку вѣсовъ положили Солнце, то на другую надобно было бы положить 345,936 такихъ шаровъ какъ Земля, чтобъ привести вѣсы въ равновѣсіе. Положимъ, что Земля вѣситъ золотникъ: Солнце въ такомъ случаѣ вѣсило бы тогда болѣе дѣвяносто пудовъ.

«Подобнымъ образомъ можно опредѣлить массу и вѣсъ Юпитера, Сатурна и Урана, какъ планетъ, у которыхъ тоже есть луны, или спутники. Массы и тяжести планетъ одинокихъ, Меркурія, Венеры, Марса, выводятся изъ возмущеній, или измѣненій, которыя каждое изъ этихъ тѣлъ производитъ въ хорошо-изслѣдованномъ движеніи другихъ планетъ. Если бы намъ была извѣстна масса той планеты, которая производитъ возмущеніе, то, съ помощію математическаго анализа, мы нашли бы величину измѣненія въ положеніи возмущаемой планеты. Слѣдовательно и обратно, когда мы знаемъ величину возмущенія, то можемъ найти массу той планеты, которая произвела его. Такимъ образомъ, изъ примѣчательныхъ возмущеній, производимыхъ Венерою и Марсомъ въ движеніи Земли, найдены массы этихъ двухъ планетъ. По незначительной массѣ и большому удаленію Меркурія отъ всѣхъ планетъ, онъ не причиняетъ въ движеніи другихъ планетъ замѣшательства, по которымъ можно бы было что-нибудь заключить объ его массѣ. Масса Меркурія почти до послѣдняго времени была вовсе неизвѣстна. Счастливый случай, котораго возможность давно уже предсказывалъ глубокомысленный Ольберсъ, доставилъ средство опредѣлить и массу Меркурія. Комета Энке, имѣющая періодъ съ небольшимъ три года, въ 1838 году, подошла такъ близко къ Меркурію, что дѣйствіе его массы, произвело значительное возмущеніе въ пути кометы. Астрономы воспользовались этимъ и опредѣляли съ возможною точностью массу Меркурія. Массы вновь открытыхъ четырехъ планетъ еще неизвѣстны. Для опредѣленія массы Луны, прибѣгаютъ къ другому способу. Солнце и Луна, дѣйствуя на воды океановъ, производятъ извѣстное явленіе приливовъ и отливовъ.

Наблюдая эти явленія, вычисляли дѣйствіе Луны и Солнца отдѣльно: потомъ, разбирая эти дѣйствія, по закону всеобщаго тяготѣнія, найдено отношеніе массы Луны къ массѣ Солнца. Массы Юпитеровыхъ спутниковъ обнаруживаются изъ возмущеній, которыя каждый изъ нихъ производитъ въ движеніи другихъ спутниковъ.

«Такимъ образомъ нынче извѣстно, что масса самой большой планеты, Юпитера, въ 330 разъ болѣе массы Земли и въ 1,048 разъ менѣе массы Солнца; масса Меркурія въ 10 разъ менѣе массы Земли, а Луна въ 88 разъ легче Земли.

«Если бы на одну чашку вѣсовъ можно было положить Солнце, то на другую, для равновѣсія, пришлось бы положить почти осемь сотъ такихъ массъ какъ всѣ планеты и ихъ спутники вмѣстѣ. Притягательная сила могучаго Солнца въ осемь сотъ разъ сильнѣе суммы всѣхъ притягательныхъ силъ планетъ и спутниковъ.

«Опредѣливъ массы или тяжести планетъ, покажемъ, какъ опредѣляютъ ихъ плотности. Два тѣла, равныя по величинѣ, бываютъ различнаго вѣсу, на примѣръ, камень, и губка. Нальемъ одинаковое количество ртути и воды въ два равныя стакана, и мы увидимъ, что стаканъ со ртутью будетъ почти въ четырнадцать разъ тяжелѣе стакана съ водою. Отчего же это? Именно оттого, что плотность ртути болѣе плотности воды; подобно и плотность камня болѣе плотности губки. Слѣдовательно, одно тѣло тѣмъ плотнѣе другаго, чѣмъ оно вѣситъ болѣе, при одинаковой величинѣ обоихъ. Такимъ образомъ, въ нашемъ примѣрѣ, плотность ртути въ четырнадцать разъ болѣе плотности воды. Обратнo замѣчаемъ, что небольшой камень можетъ имѣть столько же вѣсу какъ и большая губка, и незначительное количество ртути будетъ равновѣсится съ количествомъ воды въ четырнадцать разъ болѣе: это опять происходитъ отъ различной плотности тѣлъ. Отсюда выводимъ слѣдствіе, что при одинаковомъ вѣсѣ двухъ тѣлъ, плотность перваго будетъ во столько разъ болѣе плотности втораго, во сколько объемъ этого втораго тѣла болѣе объема перваго. Эти оба свойства выража-

ють вообще такъ: *Плотности тѣлъ прямо-пропорціональны ихъ вѣсамъ или массамъ и обратно-пропорціональны ихъ объемамъ.*

«Основываясь на этомъ правилѣ, можемъ опредѣлить плотности Солнца и планетъ по ихъ массамъ, которыя намъ уже извѣстны. Масса Солнца въ 345,936 разъ болѣе массы, а объемъ его въ 1,415,225 болѣе объема нашей планеты: плотность Солнца будетъ содержаться къ плотности Земли, какъ масса Солнца къ массѣ Земли и какъ объемъ Земли къ объему Солнца, или какъ масса Солнца умноженная на объемъ Земли, къ массѣ Земли, умноженной на объемъ Солнца, то есть, какъ 345,936 къ 1,415,225. Значить, плотность Солнца въ четверо менѣе плотности Земли. Солнце почти такъ же плотно какъ вода. Такимъ образомъ плотность Луны вычислена 0,562 плотности Земли, то есть, Луна почти въ половину рѣже Земли и въ три раза плотнѣе воды. Самая плотная изъ планетъ, Меркурій, почти въ два раза плотнѣе Земли; она плотна какъ наша мѣдь. Черезъ сравненіе притяженія всей Земли и притяженія какой нибудь горы, которая своимъ дѣйствіемъ производитъ, въ свободно висящей близъ нея нити съ тяжестью, отклоненіе отъ отвѣснаго положенія, нашли, что плотность всей Земли въ 5,46, почти въ пять съ половиною разъ, плотнѣе воды. Кубическій футъ воды вѣситъ $69\frac{1}{2}$ фунтовъ: поэтому наша Земля имѣетъ вѣсу 70 тысячъ триллионовъ пудовъ. Луна вѣситъ почти тысячу триллионовъ пудовъ. Что же сказать о Солнцѣ, которое почти въ четыреста тысячъ разъ тяжелѣе Земли!

«На поверхности планеты дѣйствіе притягательной силы обнаруживается паденіемъ тѣла, и скорость паденія въ первую секунду служить мѣрою этого дѣйствія. Поэтому, зная теперь притягательныя силы Солнца и планетъ и разстояніе ихъ поверхностей отъ своихъ центровъ, легко можно найти сколько тѣло на какой-нибудь планетѣ пройдетъ въ первую секунду своего паденія. Напримѣръ, положимъ, что какое-нибудь тѣло находится на разстояніи отъ центра Луны, равномъ радіусу Земли: предоставленное дѣйствію притяженія Луны, это тѣло въ первую се-

кунду пройдетъ пространство во столько разъ меньше шестнадцати футовъ (величины паденія тѣлъ въ первую секунду на Землѣ), во сколько сила притяженія Луны меньше силы притяженія Земли, то есть, 88 разъ меньше; следовательно на разстояніи земнаго радіуса отъ центра Луны, тѣло пройдетъ въ первую секунду $18\frac{1}{88}$ футовъ или почти два дюйма. Но какъ тѣло находящееся на поверхности Луны ближе къ ея центру въ 3,67, или почти въ четыре раза, предполагаемаго разстоянія, то притяженіе Луны на ея поверхности будетъ почти въ шестнадцать разъ болѣе предъидущаго, откуда найдется, что тѣло на Лунѣ въ первую секунду падаетъ по два съ половиною фута. Подобнымъ образомъ опредѣлимъ, что на Солнцѣ тѣло въ первую секунду при своемъ паденіи проходитъ 456 футовъ.

«Взявъ отношеніе между величиною паденія на Землѣ и на какой-нибудь планетѣ получимъ, во сколько разъ всякое тѣло легче или тяжелѣе на планетѣ чѣмъ на Землѣ. Такимъ образомъ тѣло по перенесеніи съ Земли на Луну дѣлается въ шесть съ половиною разъ легче, а по перенесеніи на Солнце въ двадцать восемь разъ тяжелѣе; напримеръ, когда рука наша беретъ и удерживаетъ на Землѣ тѣло, то на Лунѣ она могла бы удержать шесть съ половиною такихъ тѣлъ, а на Солнцѣ только двадцать-осьмую часть этого тѣла. И такъ, если тѣло на Землѣ вѣситъ сто десять пудовъ, то на Солнцѣ оно будетъ вѣситъ три тысячи осемдесятъ, а на Лунѣ только семнадцать пудовъ.

«Эта легкость тѣлъ на Лунѣ породила мнѣніе, что метеорическіе камни, часто съ сильнымъ шумомъ падающіе изъ воздуха на Землю, или такъ-называемые *азролиты*, прилетаютъ къ намъ съ Луны, изъ ея вулкановъ....»

Авторъ, кажется, готовъ раздѣлить это мнѣніе, несмотря что оно стоитъ въ первомъ ряду тѣхъ числительскихъ мечтаній, которыя сэръ Джонъ Гершель называетъ «химерами астрономовъ». Если мы рѣшимся сдѣлать какой-нибудь упрекъ прекрасной книгѣ господина Зеленаго, то онъ преимущественно будетъ состоять въ

томъ, что авторъ не всегда ясно отдѣляетъ астрономическій романъ и продѣлки математическаго остроумія отъ основныхъ астрономическихъ истинъ, доказанныхъ опытомъ многочисленныхъ наблюдений, и съ одинаковымъ жаромъ убѣжденія излагаетъ читателямъ какъ Коверниковы, Кепплеровы и Ньютоновы законы, такъ и грезы позднѣйшихъ математиковъ, старавшихся насильно, съ великими хитростями, подвести всю небесную математику подъ одинъ общій законъ *тяжести* и *тяготѣнія*. Такъ, на примѣръ, Лапласова теорія морскихъ приливовъ и отливовъ, которая не стоитъ даже и названія романа, настоящій математическій фокусъ-покусъ, очень ловкій, но ослѣпляющій только довѣрчивыхъ энтузіастовъ, выдается въ «Лекціяхъ популярной астрономіи» за положительную истину, и слѣдствія этой теоріи принимаются въ другихъ мѣстахъ, безъ всякой оговорки, за несомнѣнные факты. Въ положительныхъ наукахъ, недостаточно того, чтобы числа, выведенныя à priori изъ допущенной гипотезы, согласовались болѣе или менѣе съ наглядными результатами опытовъ: гипотеза отъ этого еще не получаетъ названія *истины*; она можетъ только быть причислена къ *вѣроятностямъ* и должна всегда быть выдаваема за простую вѣроятность, за остроумно придуманное сближеніе, которому, по наружности, числа не противорѣчатъ. Вѣкъ нашъ, надобно помнить—вѣкъ математическаго разврата, годна кромѣшной тьмы чиселъ, пробившая на часахъ Ньютона, и попутавшая насъ на цѣлыя сотни годовъ. Злоупотребленіе чиселъ — бичъ девятнадцатаго столѣтія. На землѣ и на небѣ мы съ наслажденіемъ обманываемъ себя числами, кутя на-пропалую денежными и умственными силами въ ихъ губительномъ чаду. Въ хорошо составленномъ проектѣ все, кажется, отлично вычислено и строго обдуманно, но когда дѣло посту-

пасть въ исполненіе, творецъ чуднаго плана и его восторженные послѣдователи обыкновенно банкротятся. Обманчивость чиселъ въ рукахъ промышленныхъ прожектёровъ пошла въ поговорку. Но что такое математики, примѣняющіе аналитическія формулы и свое остроуміе къ астрономіи? Развѣ они не тѣ же прожектёры? Они, просто, обрабатываютъ проекты для небесной механики, составляютъ планы для явленій солнечной системы, и эти проекты, эти планы, пользуются славой между нами, только потому что нельзя сказать академическому прожектёру: «На! вотъ тебѣ земной шаръ, луна и притягательная сила: возьми ихъ, и произведи мнѣ морской приливъ вдругъ на обѣихъ сторонахъ шара, а не произведешь, такъ потерлешь кресла въ академіи». Если бы можно было сдѣлать такое предложеніе, навѣрное всѣ Лапласы, Лагранжи, Пуассоны, Коши, Гемильтоны, Гауссы, тотчасъ бы объявили, что они только тѣшились числами отъ нечего дѣлать, для забавы роду человѣческаго, за успѣхъ своихъ плановъ явленій на практикѣ, никакъ не отвѣчаютъ и на этомъ условіи за дѣло не берутся. Многие вовсе не примѣчаютъ, и даже не догадываются, что числительное искусство дѣйствуетъ совершенно одинаково, куда бы оно ни бросилось, и въ промышленности и въ наукахъ, и что вся разница между его дѣйствіями на двухъ различныхъ поприщахъ состоитъ только въ возможности или невозможности удостовѣриться на дѣлѣ въ основательности чиселъ, искусно подведенныхъ на бумагѣ. Мы не говоримъ, чтобы, при популярномъ изложеніи науки, передъ свѣтскими слушателями, передъ разсѣянными читателями, нужна была та математическая точность выраженій, которой требуютъ во всемъ умы серіозные и положительные, чтобы ни какое преувеличеніе не проливалось на сухость отвлеченныхъ изслѣдованій мерцанія извѣстнаго

поэтического колорита, такъ сильно дѣйствующаго на воображеніе всякаго человѣка, живущаго болѣе чувствомъ чѣмъ логикою; но между истиною и вѣроятностью — дѣлая бездна, между фактомъ и возможностью — дѣлѣй укъ человѣческій. Оглядчивость на человѣческую слабость добровольно заблуждаться, дѣла не портить. Изъявленіе осторожнаго сомнѣнія не можетъ уменьшить ни достоинства, ни занимательности ученыхъ вопросовъ, когда они излагаются такъ искусно, свѣтло, ясно, какъ излагаетъ ихъ авторъ «Лекцій»: напротивъ, оно еще возвышаетъ ту и другую, заставляя слушателя и читателя разсуждать, думать, соображать, быть судьей сомнительнаго случая и опѣвщикомъ усилій великихъ умовъ, старавшихся рѣшить его.

Какъ вы видите мы укоряемъ книгу господина Зеленаго, не въ недостатокъ, но въ излишнемъ количествѣ занимательности и очарованія, именно въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ допускающихъ присутствіе холодной критики. Многія другія книги сочли бы себя счастливыми — заслужить хотя сотую часть этого злаго упреку. Сочиненіе молодаго ученаго, въ самомъ дѣлѣ, читается, отъ первой до послѣдней страницы, съ могущественнымъ интересомъ прекраснѣйшаго романа, и мы дѣлѣе не станемъ разсматривать содержаніе, будучи увѣрены, что всякій пожелаетъ прочесть самъ подобную книгу и, взявъ ее однажды въ руки, дочитаетъ до послѣдней строчки. Авторъ можетъ жаловаться, что мы оставляемъ читателя этой статьи подѣ невыгоднымъ для книги впечатлѣніемъ словъ, приведенныхъ нами въ послѣдней выпискѣ и позволяющихъ думать, будто, по мнѣнію господина Зеленаго, Солнце дѣйствительно жидко какъ вода. Но тѣ, которые прочитаютъ прекрасную лекцію о Солнцѣ, не останутся въ заблужденіи. Эта лекція и лекція о Лунѣ, одніе изъ прекраснѣйшихъ

во всей книгѣ. Если праспортивный авторъ будетъ еще разъ налагать астрономію цѣлому городу, что вѣроятно случится въ скоромъ времени и чего вся ошндаетъ съ нетерпѣніемъ, то мы советуемъ бы ему болѣе распространить именно эти главы, и, укоротивъ общее описаніе неба съ его безчисленными созвѣдіями, говорить намъ какъ-можно болѣе о явленіяхъ на Солнцѣ и его движеніи, о наружномъ видѣ Луны и каждой въ-особенности планеты, о персидскихъ звездахъ и о небесныхъ облачностяхъ, гдѣ исполненіе телескопомъ каждый день открываютъ новыя чудеса. Здѣсь-то истинная жизнь астрономіи.

=

ОПИСАНІЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ, съ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, съ картами губерній, планами городовъ и рисунками. С. Петербургъ, 1843.

Идея этого творенія, которое должно заключать въ себя большое число томовъ и требуетъ на свое исполненіе примѣрнаго терпѣнія, неутомимаго трудолюбія, постоянства, дѣятельности, и весьма значительныхъ издержекъ, идея прекрасна, достойна всего вниманія отечественной публики, всего участія со стороны ревнителей полезнаго и славнаго. Описать Россійскую Имперію въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, но описать ее, какъ слѣдуетъ въ нашемъ вѣкѣ, сообразно съ его понятіями, съ требованіями нынѣшнихъ читателей, съ ожиданіями современной учености, это безспорно—величайшій литературный подвигъ, о какомъ только позволительно подумать частному человеку. Одного изъ этихъ трехъ отношеній уже слишкомъ достаточно было бы для двѣ-

Т. LXX. — Отд. V.

4

ятельности цѣлой ученой жизни, и исполненіе подобнаго предпріятія въ этомъ многосложномъ видѣ очевидно превосходитъ человѣческія силы, особенно при настоящемъ положеніи матеріаловъ, еще весьма неполныхъ и, вообще не разобранныхъ критикою, не проверенныхъ опытомъ. Вотъ почему, вмѣсто этого честолюбиваго заглавія, «*Описаніе Россійской Имперіи*», мы охотнѣе встрѣтили бы вначалѣ книги господина Пущкарева одинъ изъ тѣхъ скромныхъ терминовъ, каковы напримѣръ *Опытъ описанія, Очеркъ*, и тому подобныя, которые менѣе эффектно звучатъ въ объявленіяхъ, но болѣе располагаютъ читателя къ умѣренію своихъ надеждъ и къ ограниченію своей взыскательности. Но славно уже—взяться за великое дѣло, хоть и не исполнить его въ надлежащемъ совершенствѣ. Это уваженіе должно сдѣлать насъ снисходительными.

Отдавая полную справедливость полезному трудолюбію и прекрасной цѣли автора, нельзя не обратить вниманія его при самомъ началѣ предпріятія на тѣ недостатки, которые легко могутъ уничтожить важность подобной книги. Само собою разумѣется, что каждое показаніе «*Описанія*» какого-нибудь государства въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ, должно быть почерпнуто изъ хорошихъ прежнихъ источниковъ или опираться на свѣдѣнія, доставленныя новыми матеріалами: критическая оцѣнка доброты этихъ источниковъ и достовѣрности этихъ матеріаловъ столько же принадлежитъ къ правамъ читателя, какъ и къ правамъ автора, но верховный судья дѣла всегда — одинъ читатель. Авторъ можетъ, если ему угодно, сказать въ концѣ оглавленія:

«Всѣ матеріалы повѣрены съ официальными свѣдѣніями». Но это еще ничего не обезпечиваетъ предъ судьями ученнаго свѣта. Читатель долженъ быть поставленъ авторомъ въ состояніе самъ лично судить о

достоверности каждого источника, свѣдѣнія и матеріала посредствомъ постоянныхъ и тщательныхъ ссылокъ, цитатъ и сравнительныхъ выписокъ; онъ долженъ знать, откуда именно взято каждое показаніе, къмъ, кѣмъ и съ какою цѣлью собирались свѣдѣнія, будь они частныя или официальные, всё-равно, — какія предстояли средства повѣркъ ихъ точности, какъ эти средства употреблены въ дѣло и наконецъ, какія ученые ручательства сопровождають вѣрность приводимыхъ наблюдений. Ничего этого читатель не находитъ въ книгѣ господина Пушкирева, которая, будучи по существу своею ученою, отличается преимущественно отсутствіемъ всѣхъ ученыхъ формъ изслѣдованія. Авторъ, нигдѣ не показывая ни своихъ источниковъ, ни методы собиранія свѣдѣній другими, ни правилъ, руководствовавшихъ ихъ выборомъ при составленіи книги, *описываетъ Россійскую Имперію* точно такъ же какъ будто онъ *разсказывалъ* повѣсть, не заботясь вовсе о степени довѣрія, которую разсказъ поселитъ въ читателя. Эта беззаботность простирается до того, что даже географическая карта архангельской губерніи, приложенная къ книжкѣ, лежащей теперь передъ нами, родъ — фантастической сказки: весьма изящно нарисованная и украшенная вокругъ гербами, планами, и разными орнаментами, эта географическая карта не разделена на градусы широты и долготы, безъ меридіана, безъ означенія сѣвера, безъ проекціи. Если это должно быть популярное «Описаніе Россійской Имперіи», то многіе найдутъ, что популярность простерта въ этомъ случаѣ, и во многихъ другихъ, слишкомъ далеко: Но популярное сочиненіе обошлось бы безъ этихъ многочисленныхъ таблицъ, которыя стоили столько труда автору. Таблицы показываютъ, что господинъ Пушкиревъ составлялъ книжку для употребленія ученыхъ, для соображеній географовъ и экономистовъ,

хотя она и не даетъ имъ ни какихъ средствъ судить о степени достовѣрности внесенныхъ въ графы фактовъ. Въ числѣ этихъ таблицъ есть и такія, которыя могутъ изумить ученаго читателя: напримѣръ, таблица метеорологическихъ наблюдений за одинъ 1842 годъ. Къ чему она можетъ быть полезной? какое можетъ дать понятіе о климатѣ? Если бы даже авторъ доказалъ, что 1842 годъ, должно считать за нормальный и образцовый годъ архангельскаго климата, то и тутъ еще должно было бы представить ученому множество ручачельствъ въ основательности этихъ наблюдений: слѣдовало бы объяснить, кѣмъ были дѣланы наблюденія, для какой цѣли, какъ часто въ сутки, на какихъ инструментахъ, гдѣ и съ чѣмъ эти инструменты были сравнены, и прочая, и прочая. Послѣ прекраснаго труда знаменитаго дерптскаго астронома, господина Мандля, по части архангельской метеорологіи, можно было дать читателю нѣчто по-интереснѣе этой отрывочной таблички: взглянувъ на нее, каждый будетъ сожалѣть, что авторъ выпустилъ изъ виду этотъ превосходно обработанный матеріалъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ матеріаловъ, представляемыхъ литературою. Въ *гидрографіи* архангельской губерніи не видно даже того, чтобы ученые труды господина Штукенберга привлекли къ себѣ вниманіе автора. Въ оглавленіи книги, господинъ Пушкаревъ исчисляетъ семь рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ Статистическомъ Отдѣленіи и служившихъ основаніемъ описанію архангельской губерніи: ни одна изъ этихъ рукописей не разобрана и не оцѣнена критически, и читатель оставленъ въ полномъ невѣдѣніи не только насчетъ ихъ содержанія,—не говоря уже о внутреннемъ достоинствѣ,—но даже и относительно къ степени образованности лицъ, занимавшихъ ихъ составленіемъ, къ способу, какимъ они собирали свѣдѣнія, къ цѣли, для которой ихъ собирали, къ употребленію, какое изъ нихъ

сдѣлано въ книгѣ, къ методѣ принятой для сравнительной проверки разновзглядныхъ и разновременныхъ наблюденій, и къ прочимъ многочисленнымъ условіямъ ученой довѣренности. Между-тѣмъ оцѣнка матеріаловъ—главное дѣло въ подобномъ предпріятіи: безъ критическаго разбору данныхъ, безъ предварительной оцѣнки фактовъ нѣтъ ни исторіи, ни географіи, ни статистики.

Пренебреженіе этого обстоятельства послужило поводомъ, что множество вычисленій господина Пушкарева, стоившихъ ему большаго труда и представляемыхъ въ видѣ общихъ статистическихъ результатовъ, одержимы неизлечимымъ педугомъ мечтательности. При критическомъ разборѣ матеріаловъ, онъ бы конечно примѣтилъ, что въ нихъ выпущено изъ виду основаніе всей земледѣльской и коммерческой статистики губерній, а именно, мѣстное потребленіе, то есть, количество и цѣнность произведеній земли и промысловъ, хлѣба, мяса, рыбы, одежды, обуви, предметовъ роскоши, и прочая, потребляемыхъ человѣкомъ въ каждой отдѣльной мѣстности втеченіи средняго года. Не зная мѣры потребленія и пропорціи, какую занимаетъ въ немъ каждый продуктъ, каждое издѣліе, по обычаямъ и привычкамъ жителей, не зная цѣны труда и количества чистаго дохода по каждой статьѣ, какое заключеніе можно вывести о достаточности земледѣлія, о выгодахъ или не выгодахъ торговли? и кчему тогда служить раздѣлять по-ровну каждое произведеніе на полное число душъ губерній? Чему подобныя дѣленія научаютъ? Къ какимъ ученымъ или государственнымъ соображеніямъ они годятся? Большая часть архангельской губерніи питается предпочтительно мясомъ и рыбою, мало употребляя хлѣба: между-тѣмъ господинъ Пушкаревъ дѣлитъ болѣе или менѣе вѣрный итогъ годичнаго сбора хлѣба на всѣхъ жителей и находитъ земледѣліе губерній недостаточ-

нымъ для ея нуждъ. Оно можетъ быть недостаточно; только этимъ образомъ, не опредѣливъ потребленія, недостаточности доказать нельзя. Потребленіе—душа всего: для потребленія только и трудится человѣкъ. Мѣра его обычныхъ нуждъ, коренныхъ и искусственныхъ, должна быть прежде всего приведена въ ясность для каждой мѣстности, къ которымъ мы желаемъ приложить статистическія вычисленія. Тогда видны избытки земли, излишки промысловъ, цѣль и выгода торговли, и статистика дѣлается наукою ясною и почетельною.

Мы съ перваго шагу хотѣли высказать все, что почитаемъ недостатками въ книгѣ, которой каждый изъ Русскихъ не можетъ не желать совершенства и счастія удовлетворить всѣ требованія его и времени. Господинъ Пушкаревъ виноватъ самъ, что хорошею оцѣнкою своихъ матеріаловъ онъ не поставилъ насъ въ возможность вдругъ видѣть всю точность его труда и удивляться его разборчивости, пропнцательности, осторожности. Что касается до насъ лично, то мы охотно принимаемъ его росписку, выданную читателю въ томъ, что все въ этой книгѣ вѣрно и несомнѣнно, и хотя вѣрующаго письма на безотчетное и безответственное употребленіе матеріаловъ отъ насъ, читателей, онъ не получалъ, однако жъ все, что имъ по сей статьѣ сдѣлано,—господинъ Пушкаревъ считаетъ *сей* и *оний* неотъемлемыми принадлежностями исторіи, географіи, и статистики, самыми благоуханными ихъ цвѣтками,—все, что имъ сдѣлано, то *примлемъ* (тоже его слово) какъ-бы сдѣлано было нами и въ томъ ни спорить ни прекословить не станемъ. Напротивъ, допустивъ однажды, что авторъ какъ-нельзя лучше знакомъ съ великимъ искусствомъ критики матеріаловъ и умѣлъ пользоваться ими совершенно ученымъ образомъ, мы найдемъ его книгу весьма любопытною и истори-

ческоз, географическое и статистическое описаніе губерній вполне занимательнымъ. Съ допущеніемъ этой гипотезы, мы легко прощаемъ обширному и аккуратному творенію текучіе грѣхи пера и мелкія пятна, похожія на фразу: «*Какъ лучи солнца слабо отражаются на тундрахъ прибрежій Ледовитаго Моря и оледенѣвшихъ скалахъ (?) Новой Земли, такъ слѣды истерши остались едва отражаемыми въ отдаленныхъ двинскихъ областяхъ, знаменуясь (остались знаменуются) немногими древними обителями и бѣдными развалинами старинныхъ строеній*». Насъ уже не поражаютъ ни замашки высокаго слогу, ни извѣстіе въ родѣ того, которое увѣряетъ, что Финны — *автохтоны Европы* или что *карга, сальма* и другія татарскія слова — *историческіе памятники владычества Новгородцевъ на берегахъ Бѣлаго Моря*, и мы почти не замечаемъ скудости этнографическихъ свѣдѣній, для которыхъ столько матеріаловъ обработано учеными разныхъ націй и столько еще могло быть прибавлено новыхъ авторомъ. Самоѣды, Лопари — прекрасные предметы, рѣдкости интересныя для всего ученаго свѣта, въ «Описаніи Россійской Имперіи» они, конечно, заслуживали бы чего-нибудь по-лучше поверхностныхъ *Очерковъ* на нѣсколькихъ страницахъ, но мы отказываемся отъ этихъ уроковъ и отъ ихъ языка. Частныя неполноты, грамматическія фантазіи, неточности выраженій, все это ускользаетъ отъ нашего вниманія, занятаго исключительно фактами и искуснымъ ихъ изложеніемъ.

Въ первомъ томѣ «Описанія Россійской Имперіи» должны заключаться четыре книги и четыре губерніи. Первая книга посвящена новгородской губерніи. Вторая, послужившая поводомъ къ этому разсужденію, представляетъ намъ исторію, географію и статистику губерніи архангельской. Въ третьей и четвертой будутъ помѣщены олонеккая и вологодская.

Архангельская *книга* состоитъ изъ двухъ отдѣленій: въ первомъ находимъ мы историческій очеркъ края со времени покоренія его Новгородцами до настоящаго столѣтїя; во второмъ, его географію и статистику.

Архангельскъ—мѣсто незабвенное въ исторіи нашего отечества: здѣсь-то, въ 1553 году, англійскій капитанъ, Ричардъ Ченслоръ, отправленный для отысканію сѣвернаго проходу въ Индію и случайно попавшій въ Бѣлое Море, къ изумленію *открылъ на сѣверѣ Европы могущественное и богатое государство, Россіей называемое*, о настоящемъ положеніи котораго господствовали тогда самыя сбивчивыя понятія. Черезъ эту единственную въ то время гавань нашу вступили мы въ непосредственныя сношенія съ западною Европою, она познакомила насъ съ выгодами морской торговли, открыла къ намъ путь новымъ идеямъ и новымъ потребностямъ, обнаружила въсь моря въ политикѣ, образовала первыхъ нашихъ матросовъ и напоследокъ была первымъ поприщемъ, гдѣ развивался и испытывалъ свои силы гений Петра Великаго. Безъ Архангельска, Россія вѣроятно не была бы тѣмъ, что она теперь есть. Едва мысль о важности и необходимости флота для Россіи явилась въ умъ ея преобразователя, онъ устремилъ все свое вниманіе на эту гавань.

«Желая самъ испытать плаваніе по морю, юный Царь отправился въ Архангельскъ изъ Москвы, представляя предлогомъ, что далъ обѣтъ помолиться соловецкимъ чудотворцамъ (юля 4, 1693). Свиту Царя составляли князь Б. А. Голицынъ, Лефортъ, князь-кесарь Ромодановскій, И. И. Бутурлинъ, бояринъ Шенинъ, Ф. М. Апраксинъ, князь Щербатовъ, князь Лыковъ, Нарышкины, Лопухины, докторъ Гульстъ, духовникъ, царскій карло Тимошей, пѣвчіе, десять потѣшныхъ солдатъ и сорокъ стрѣль-

цовъ, а всего было до ста человекъ. Доѣхавши до Вологды, отсюда поплыли, на приготовленныхъ стругахъ, по Сухонѣ и Двинѣ. У Орлеца привѣтствовалъ Царя архангельскій воевода Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ. Вечеромъ іюля 28, встрѣтилъ въ Холмогорахъ Царя архіепископъ Аѳанасій, съ иконами, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Царь осмотрѣлъ архіерейскіе огороды и мельницу, долго гулялъ по Двинѣ въ лодкѣ, и, 30 іюля, прибылъ въ Архангельскъ. Здѣсь остановился онъ въ небольшомъ дворцѣ, построенномъ на Моисеевскомъ Островѣ, и пробылъ въ Архангельскѣ до осени. Все было имъ осматриваемо и изучаемо. Въ платьѣ голландскаго шхипера посѣщалъ онъ корабли иностранцовъ, и за-просто бесѣдовалъ со шхиперами и матросами. Онъ осмотрѣлъ всѣ мелкія суда, и переходя по доскѣ черезъ лодку, нагруженную горшками, оступился, упалъ и переломалъ множество хрупкаго товару, за что щедро вознаградилъ лодочника. Часто обѣдалъ онъ у архіепископа Аѳанасія, который роскошно угощалъ Царя и подносилъ ему подарки. Дни именинъ царицъ матери и сестры, брата, царя Іоанна, и супруги его, праздновали у Царя съ пушечною пальбою и фейерверками, которые зажигалъ самъ Царь. Иногда слушалъ онъ обѣдню въ приходской церкви Святаго Пророка Іліи, самъ пѣлъ на крилосѣ, читалъ Апостолъ, и послѣ обѣдни заходилъ на водку къ священнику. Между-тѣмъ пзготовлялся корабль. Царь спустилъ его, оснастилъ, назвалъ *Святимъ Петромъ*, и въ первый разъ возвѣялъ на водахъ Бѣлаго Моря русскій флагъ, для котораго образцомъ взбранъ былъ голландскій. Три прогулки по морю совершены были Царемъ, въ сопровожденія иностранныхъ судовъ, и въ одной изъ нихъ Царь переплылъ Бѣлое Море, достигнувъ Трехъ Островъ и рѣки Поноя на Терскомъ Берегу. Архіепископу Аѳанасію подарилъ Царь свою яхту, съ множествомъ флаговъ, въ числѣ коихъ былъ одинъ съ крестами, названный *Іерусалимскимъ*, и дорогую карету свою на ресорахъ, которую цѣнили во *сто рублей*. Царь оставилъ воеводою въ Архангельскѣ, друга своего, Апраксина, предназначаемаго къ флотской службѣ, и велѣлъ ему от-

править въ Голландію русскій корабль съ товарами. Посланному на кораблѣ велѣно было купить въ Амстердамѣ и привезти въ Архангельскъ небольшой военный корабль, и кромѣ-того приказано Апраксину строить суда. Сентября 19, Царь отправился изъ Архангельска. Съ Холмогоръ отпустилъ онъ свиту свою къ Москвѣ сухимъ путемъ, а самъ, съ немногими особами, плылъ въ карбасѣ до селенія Вавчуги, гдѣ осмотрѣлъ лѣсопильную мельницу и строеніе судовъ, заведенныя тамошнимъ жителемъ Баженинымъ, которому въ поощреніе далъ большія льготы, утвердивъ ихъ своими грамотами.

«На другой годъ, нетерпѣливо желая продолжать свои занятія, Царь весною поѣхалъ снова въ Архангельскъ, и прибылъ туда мая 19. Черезъ десять дней, съ архіерейскопомъ Аѳанасіемъ, и съ большою свитою, отправился онъ, на архіерейской яхтѣ, въ Соловецкій Монастырь. Жестокая буря захватила плавателей. Всѣ отчаялись въ жизни, молились, приобщались Святыхъ Тайнъ, и прощались другъ съ другомъ. Царь былъ бодръ, утѣшалъ всѣхъ, и узнавши, что на кораблѣ находится опытный лоцманъ, архіерейскій соловецкій *лодейный перевозчикъ*, Антипъ Тимофеевъ, отдалъ ему команду, приказывая вести судно въ какую-нибудь пристань. Антипъ направился къ губѣ Увскіе Рога. Царь вмѣшался въ его распоряженія. «Когда ты отдалъ команду мнѣ, такъ пооди прочь! здѣсь мое мѣсто, а не твое, и я знаю что дѣлаю!» закричалъ сердито Антипъ. Царь смиренно удалился, и тогда только, когда Антипъ счастливо присталъ къ берегу, проведя яхту среди опасныхъ каменьевъ, Царь, смѣясь, напомнилъ Антипу: «Помнишь, братъ, какъ ты отдѣлалъ меня?» Трепещущій кормщикъ ужалъ на колѣни, но Царь поднялъ его, обнялъ и сказалъ: «Ты былъ правъ, а я виноватъ, и въ самомъ дѣлѣ вмѣшивался не въ свое дѣло!» Онъ подарилъ Антипу свое мокрое платье на память, пять рублей на одежду, двадцать пять рублей въ награду, и навсегда освободилъ его отъ монастырскихъ работъ. Три дня прожилъ Царь въ находящейся на берегу Пертомвинской обители, пѣлъ и читалъ въ церкви, обѣдалъ за монастыр-

свою трапезою, одарилъ обитель, своими руками срубилъ огромный деревянный крестъ, вырѣзавъ на немъ надписи по-голландски и по-русски (*Dat cruys maken kaptein Pieter van A. Chr. 1694. Сей крестъ поставилъ капитанъ Петръ, въ лѣто Христова 1694*), и на своихъ плечахъ, при пособіи другихъ, снесъ его къ берегу и водрузилъ своими руками. Въ Соловецкомъ монастырѣ прожилъ онъ недѣлю, также пѣлъ и читалъ въ церкви, раздѣлялъ монастырскую трапезу и *зздравную чашу* съ братією, поставилъ на память крестъ, и щедро одарилъ обитель, пожаловавъ братіи 745 рублей, на устройство иконостаса 800 рублей, на позолоту его 500 червонцевъ, и на продовольствіе братіи 3000 четвертей ржи, и приписавъ къ монастырю двѣ пустыни. Возвратясь въ Архангельскъ, Царь проходилъ морскую службу на кораблѣ голландскаго шхипера Виллемсона, пачиная съ юнги, и безстрашно лазилъ по снастямъ и мачтамъ. Іюля 20, прибылъ купленный въ Голландіи корабль. Царь отправился на немъ въ море, сопровождаемый иностранными кораблями; всею эскадрою командовалъ англійскій шхиперъ Іоульсенъ. Царь изучалъ у него искусство навигаціи, и составлялъ съ генераломъ Гордономъ планъ Кожуховскихъ маневровъ, готовимыхъ въ Москвѣ. Плаваніе простерлось до Святаго Носа, и продолжалось десять дней. По возвращеніи въ Архангельскъ весело пировали у Царя иностранные моряки и свита его. Октября 1, Царь возвратился въ Москву.

«Личное, подробное обозрѣніе убѣдило царя въ неудобствахъ архангельскаго порта, по причинѣ его отдаленности, сѣвернаго положенія, и невыгодъ, представляемыхъ Двиною, гдѣ плаваніе преграждали отмели, а суровый климатъ допускалъ навигацію весьма краткую: Двина вскрывается иногда въ концѣ мая и покрывается въ началѣ октября, такъ, что май и сентябрь—крайнія точки времени бѣломорской навигаціи. Вниманіе царя обратилось на югъ; и слѣдствіемъ того были походъ подъ Азовъ и начало кораблестроенія на югъ Россіи.

«Тѣмъ не менѣе Петръ Великій заботился о кораблестроеніи, торговлѣ и промышленности архангельскаго края.

«Находясь за границею, изъ Амстердама отправилъ Петръ Великій, въ 1697, въ Архангельскъ построенный имъ корабль *Святый Петръ и Павелъ*. Это былъ первый русскій линейный корабль.

«Послѣ начала войны съ Шведами, слыша, что шведская эскадра готовится идти къ Архангельску, царь приказалъ укрѣпить Холмогоры и Архангельскъ, снабдилъ ихъ войскомъ, и ниже Архангельска построилъ Новодвинскую Крѣпость. Юня двадцать-четвертаго явились четыре линейные корабли, два фрегата и яхта шведскіе. Фрегаты и яхта вошли въ Двину и захватили русскихъ лоцмановъ, но вѣрные отечеству лоцмана посадили шведскій фрегатъ и яхту на мель. Разъяренные Шведы убили лоцмановъ, и только одинъ изъ нихъ, Иванъ Рябовъ, тяжело раненный, бросившись въ воду, доплылъ до берега и извѣстилъ о своемъ подвигѣ комманданта крѣпости. Русскіе солдаты отправились въ лодкахъ, овладѣли фрегатомъ и яхтою; другой фрегатъ спѣшилъ уйти въ море; и Шведы удалились безъ успѣха. Торжествуя *первую морскую побѣду*, царь щедро одарилъ вѣрнаго Ивана Рябова.

«Смѣлое предпріятіе родилось въ думѣ Царя, въ 1702 году. Онъ рѣшился *перевезти* изъ Бѣлаго Моря въ Ладожское Озеро два судна, и съ ними осадить Нотебургъ, крѣпость при истокѣ Невы изъ Ладожскаго Озера (древній Орѣшекъ), и Ніеншанцъ, шведскую крѣпость, при впадѣніи Невы въ Балтійское Море. Онъ самъ отправился въ Архангельскъ, лѣтомъ 1702 года. Съ нимъ были царевичъ Алексѣй, Меншиковъ, многочисленная свита, и войска болѣе четырехъ тысячъ человекъ. Царь плавалъ на взятомъ у Шведовъ фрегатѣ въ Вавчугу, и спустилъ тамъ два фрегата, *Святый Духъ* и *Курьеръ*, а въ началѣ августа прибылъ со святою и съ войскомъ въ Соловецкую обитель, на тринадцати судахъ. Здѣсь пробылъ до пятнадцатаго августа, пѣлъ и читалъ въ церкви, трапезовалъ съ братією, одарилъ обитель, и отправился въ вюхоцкую пристань. Тамъ вытащили на берегъ двѣ яхты, и поволокли ихъ, по болотамъ и нарочно заготовленнымъ мостамъ до повѣнецкой пристани на Онежскомъ Озерѣ, на разстояніи

ста шестидесяти верстѣ. Перевозъ продолжался около десяти дней. Самъ Царь наблюдалъ за перевозкою судовъ, шелъ по болотамъ, помогалъ въ работѣ; путь лежалъ изъ нюхонской волости, въ кемскомъ уѣздѣ, мимо селенія Пулозера, которое осталось въ сторонѣ, на деревню Важмосальму, гдѣ царь подарилъ хозяину дома, въ которомъ останавливался, кафтанъ, а далѣе по Выгозерскому Озеру къ рѣкѣ Выгу, на деревню Телскипу, черезъ рѣчки Мурому и Мягозерскую, откуда болотами и лѣсами прямо на Повѣнецъ, на разстояніи сорока верстѣ. Нѣсколько тысячъ крестьянъ было собрано на семь пути, который долго пазывался *Царскимъ*. Просѣки по лѣсамъ дѣлали въ три сажени шириною. Онѣ совершенно заросли впоследствии, но во многихъ мѣстахъ сохранились еще слѣды мостовъ и гатей, и въ народѣ остались сказочныя преданія о томъ, какъ Царь по сухому пути передвинулъ корабли въ Онежское Озеро.

«Извѣстны слѣдствія предпріятія. Шведская флотилія на Ладожскомъ Озерѣ была истреблена. Русскіе осадили и взяли Нотебургъ (нынѣшній Шлиссельбургъ). На слѣдующій годъ взятъ былъ Нюеншанцъ и заложенъ Петербургъ».

Эти страницы написаны превосходно и онѣ, конечно, въ состояніи подать весьма выгодное понятіе объ общей занимательности книги, изъ которой выписаны. Мы не утверждаемъ, чтобы и тѣ мѣста, гдѣ главную роль играютъ названія городовъ, рѣкъ, болотъ, и статистическія числа, были также пріятны въ чтеніи, но тѣмъ не менѣе для уменьшенія природной ихъ сухости издатель сдѣлалъ, если не все, что было можно, по-крайней мѣрѣ многое, и читатели во всякомъ случаѣ, будутъ ему благодарны, хоть навѣрное станутъ сожалѣть, что онѣ не счелъ нужнымъ въ «Описаніи Россійской Имперіи» распространяться описаніемъ нѣкоторыхъ примѣчательныхъ или знаменитыхъ мѣстностей бывшей Двинской области. Положеніе и исторія Соловецкой Обители и ближайшихъ острововъ, Новая

Земля, обозрѣнная и описанная нѣсколькими известными учеными, берега Печоры, лѣса, тундры, физическія явленія полярныхъ странъ, все это могло сдѣлаться предметомъ подробныхъ и весьма живописныхъ географическихъ эпизодовъ. Въ матеріалахъ не было бы недостатку, если бы составитель захотѣлъ воспользо-ваться страницами ученыхъ и не-ученыхъ путешественій. Этой чести, между прочимъ заслуживала и прославленная въ сѣверныхъ сказаніяхъ пещера, прорицалище Золотой Бабы, — богини Фрей, — бывшее известнымъ еще Геродоту подъ именемъ прорицалища Гиперборейскаго Аполлона. Вообще свѣдѣнія «отца исторіи» о Бѣломъ Морѣ, гдѣ воздухъ наполненъ птичьимъ пухомъ, что совершенно естественно объясняется нормандскимъ названіемъ этого моря Pantwik, «гусиный» или «гагачій заливъ», могли найти себѣ очень пріятное мѣсто въ описаніи архангельской губерніи. Въ этихъ любопытныхъ *басняхъ*, какъ называетъ ихъ книга, конечно, болѣе истины чѣмъ въ спорныхъ, если только не совершенно пустыхъ, геологическихъ теоріяхъ, которыя старается она на многихъ страницахъ примѣнить къ тамошней почвѣ.

Статистика архангельской губерніи можетъ быть разсказана въ нѣсколькихъ словахъ. Пространство губерніи около 49,000,000 десятинъ: изъ нихъ только 79,000 десятинъ подъ хлѣбопашествомъ, хотя удобной земли — болѣе 30,000,000 десятинъ. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ живутъ 230,500 человекъ обоюгаго пола, которые ежегодно производятъ озимаго хлѣба не съ большимъ по два четверика на душу, а выпиваютъ хлѣбнаго вина болѣе чѣмъ по ведру на брата, что можетъ еще быть названо образцовой трезвостью. Благодаря этой безпримѣрной въ лѣтописяхъ винныхъ откуповъ воздержности, смертность въ архангельской губерніи, несмотря на суровость климата, чрезвычайно ограниченная: умираетъ въ сложности только 1 изъ

35. Самое примѣтное умноженіе народонаселенія, однако жъ, оказывается у той части народа, которая наиболѣе удалена отъ кабаковъ, именно, у Самоѣдовъ. Озимаго хлѣба собирается только около 60,000 четвертей. Но прибавивъ къ тому 200,000 четвертей яроваго зерна и 25,000 четвертей каргофелю, весь сборъ губерніи будетъ простираться до 285,000 четвертей разныхъ земледѣльческихъ припасовъ. Считая по показаніямъ таблицъ, можно цѣну одной сложной четверти назначить въ 2 рубля серебромъ: въ такомъ случаѣ, цѣнность всего земледѣльческаго сбора будетъ 570,000 рублей серебромъ. Отдѣливъ четвертую долю яроваго зерна для домашняго скота, цѣнность произведеній хлѣбопашества, остающихся для человѣка, представитъ сумму около 350,000 рублей. Это, именно, цѣна выпиваемой въ губерніи водки. Слѣдовательно, статистика ясна: человѣкъ пропиваетъ на-здоровье все, что земля даетъ ему на собственное содержаніе, а пищу, одежду, обувь, посуду, домашнюю утварь, инструменты и подати онъ долженъ заработать промысломъ,—рыбною и звѣриною ловлею, скотоводствомъ, порубкою лѣсовъ, заводскимъ дѣломъ, ремеслами или торговлей.

Иностранная архангельская торговля, нѣкогда значительная, въ послѣднее время стала сильно приходить въ упадокъ. Средній итогъ иностраннаго привозу составляетъ около 1,000,000 рублей серебромъ. Лѣтъ тому двадцать отпускъ за границу простирался до той же суммы, но въ сороковыхъ годахъ онъ дотого уменьшился, что въ самое лучшее лѣто не превосходитъ 200,000 рублей. Авторъ приписываетъ этотъ упадокъ разнымъ причинамъ, которыя кажутся намъ весьма второстепенными.

Архангельская губернія, кромѣ сравнительной трезвости, примѣчательна еще своими умственными успѣхами; изъ 100 человѣкъ обоего пола 1 обучается въ

училищахъ. Если считать время ученія $\frac{1}{10}$ долею средній человеческой жизни, это значило бы, что изъ 10 человекъ 1 умѣетъ по-крайней-мѣрѣ читать и писать и знаетъ первыя правила ариѳметики.

Преступленій и тяжбъ чрезвычайно мало, такъ, что апелляціоннымъ инстанціямъ дѣлать нечего.

Казенный доходъ съ губерніи составляетъ 984,500 рублей серебромъ. Расходы простираются до 245,000. Чистаго дохода съ архангельской губерніи главное казначейство получаетъ слишкомъ 700,000 рублей.

Мы имѣли намѣреніе заключить обзоръ «Описанія архангельской губерніи въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ» выпискою страницъ, посвященныхъ авторомъ любопытнымъ племенамъ Самоѣдовъ и Лопарей; но, при вторичномъ прочтеніи, эти очерки показались намъ слишкомъ поверхностными, и мы предпочитаемъ привести краткую характеристику мѣстнаго русскаго народонаселенія, какъ болѣе удовлетворительную по короткому знакомству читателей съ столь близкимъ для каждаго изъ насъ предметомъ.

«Русскіе жители архангельской губерніи, по большій части роста средняго, съ русыми волосами, и живутъ замѣтно зажиточнѣе другихъ племенъ, особенно въблизи губернскаго и уѣздныхъ городовъ. Крестьянскіе дворы вездѣ состоятъ изъ черной жилой избы, сѣней, съ приделанной къ нимъ кладовой. Избы строятся, по большій части, въ два жилья, изъ которыхъ въ нижнемъ, называемомъ подъязбицей, или подполницей, помѣщается домашній скотъ. Для овецъ и телятъ строятъ обыкновенно особыя хлєвы изъ бревенъ, и мощеные. Строенія вездѣ покрываются тесомъ и рѣдко дранью. Въ одномъ домѣ нерѣдко живутъ по нѣскольку семействъ. Для освѣщенія употребляютъ лучину и ворванное сало. У зажиточныхъ крестьянъ строятся иногда и бѣлыя хорамы, то есть, съ печами и трубами. Въ холмогорскомъ

уѣздѣ окошечные косли и вокругъ оныхъ нѣрѣдно намазываютъ чистою смолою и раскрашиваютъ. Главную пищу жителей составляетъ рыба, въ особенности треска, явага и сельди. Первою, обыкновенно запасаются на лѣто зимою. Хлѣбъ пекутъ изъ муки ржаной, или ячменной; иногда мѣшаютъ одну съ другою. Огородныя овощи, молоко и масло служатъ приправой въ пищу. Посуда у всѣхъ вообще крестьянъ употребляется деревянная; мѣдная и оловянная встрѣчается только у самыхъ зажиточныхъ крестьянъ, и то по праздникамъ. Деревенскіе жители, обыкновенно, ѣдятъ по три раза въ день. Завтракаютъ утромъ часу въ шестомъ или седьмомъ. Обѣдаютъ часу въ десятомъ или одиннадцатомъ. Ужинаютъ въ осьмомъ или девятомъ. Послѣ ужина, какъ мужчины, такъ и женщины, продолжаютъ работать, особливо въ лѣтнее время. Одѣваются въ губерніи опрятно, даже щеголевато. Для праздничныхъ дней рѣдкій крестьянинъ не имѣетъ суконнаго кафтана. Въ будни носятъ тулупы и армяки. Всѣ вообще употребляютъ обувь кожаную, богатые — сапоги, бахилы; бѣдные — *коты* (родъ галошъ). Зимою носятъ шапки суконныя и плисовыя; лѣтомъ шляпы. Ежедневное женское одѣяніе состоитъ въ крашеномъ сарафанѣ. Праздничное одѣяніе, того же покроя, только съ прибавленіемъ шушуновъ изъ китайки, кумача и стамеда; а у богатыхъ изъ камки и тафты. Верхнее платье женщинъ составляютъ обыкновенный полшубокъ и шубейки изъ недорогихъ шелковыхъ матерій, иногда даже изъ атласу. Вседневный головной женскій уборъ состоитъ въ сборникѣ или повойникѣ изъ шелковыхъ или бумажныхъ матерій. Въ праздники надѣваютъ кокошники, сшитые изъ хорошихъ шелковыхъ матерій и выложенные, смотря по состоянію, серебряными или золотыми галунами; а иногда вышитые золотомъ, или вынизанные жемчугомъ. Дѣвочки носятъ на головѣ повязки, или ленты, иногда обложенныя позументомъ; въ пинежскомъ уѣздѣ повязки носятъ на лбу. Праздничныя ихъ челки, или вѣнки, бывають вынизаны бисеромъ, а у богатыхъ и жемчугомъ, съ привѣшенными отъ затылка лопастями изъ шолковой матеріи, на концахъ обшитыми золотою или серебряною сѣткою.

«Женщины и дѣвицы на шеяхъ носятъ бисерныя, или жемчужныя ожерелья, называемыя здѣсь наборошниками, иногда бусы; а въ ушахъ серебряныя серьги. Въ поѣздахъ женщины носятъ на головахъ чебаки, то есть, шапку объ двухъ ушахъ, куницею или другимъ мѣхомъ обложенную. Зажиточныя крестьянки носятъ шапки, сшитыя кораблякомъ. Запросто, какъ мужчины, такъ и женщины носятъ шапки называемыя треухи, обложенныя вокругъ лисьими хвостами. Шапки эти очень теплы и защищаютъ уши, щеки и затылокъ. Женскую обувь составляютъ, въ будни, кожаные черные башмаки, а по праздникамъ красные и другихъ цвѣтовъ».

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

АПРѢЛЬ, 1845.

НОВЫЯ КНИГИ.

1. МОСКВА. *Три пьесы* Владиміра Флимопова. СП.-бургъ, въ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1845, въ-16., стр. 75.

2. МЕТЕОРЪ на 1845 годъ, СП.-бургъ, въ той же типографіи, 1845, въ-8., стр. 175.

Кто сказалъ, что русскія Музы обѣщаны? что многостипный гиперборейскій Аполлонъ объявилъ себя бацкрутомъ и его Парнасъ продается съ молотка? Вотъ цѣлая розсыпь чистаго поэтическаго золота! цѣлый Алтай вдохновеніи! цѣлый Уральскій Хребетъ стиховъ! Полагаю, что муза господина Флимопова уѣхала въ безсрочный отпускъ. Нѣтъ, она только обѣдала, и, послѣ обѣда, тотчасъ заѣла прежнимъ соловьинымъ голосомъ про Москву, горячіе калачи —

«Стерляди въ сажень, съ версту осетры».

про всѣ чудеса, которыми славилась до-пожарная Бѣлокаменная и которыя — увы! — истребили въ ней огонь и просвѣщеніе.

• Валу, бугры, пруды, овраги,
 Дома на горкахъ и во рвахъ,
 Телѣги, пуги, колымаги;
 По модѣ юноши въ очкахъ,
 И дѣвъ и женъ безлѣтныхъ станъ,
 Алшны, Полянны, Агламъ;
 Ходячнхъ сборище вѣковъ,
 Старухъ московскихъ до-пожарныхъ,
 И до-потопныхъ стариковъ,
 Разсказчиковъ высокопарныхъ;
 Толпы мѣлоровъ отставныхъ,
 Бѣлоплюмажныхъ бригадиръ въ,
 Тузовъ-вельможъ, давно бывшихъ,

Тревога, суета, средь улицъ и домовъ,
 И вѣчный шумъ каретъ и дрожекъ,
 И вѣчный звонъ колоколовъ...
 Трещать полы отъ ногъ и ножекъ,
 Визиты, балы, да шеры,
 Качели, горы, бѣгъ, Цыганы,
 Слоны, медвѣди, обезьяны,
 Огни потѣшные, воздушные шары....

Куда все это дѣвалось? Гдѣ тѣ обѣды, то радушіе, та всеобщая родственность, тотъ неисчерпаемый рудникъ бѣло-розовой юности, тѣ горы чистыхъ и горячихъ сердецъ, тѣ безконечные магазины любви, душъ и отечественнаго супружескаго счастья — дома на три улицы — съ каждой улицы подъѣздъ и семь оконъ — въ окнахъ по семи невѣстъ — сидѣли весь день рядкомъ — и всѣ выходили за генераловъ. Все это исчезло! Балзакъ преобразовалъ Москву радикально. Евгений Сю доканчиваетъ изглаживать въ ней послѣдніе слѣды бывшихъ правотъ и прелестей. Прежняя Москва составляетъ теперь предметъ для Московскихъ Тайнъ, изъ *которыхъ нѣкоторыя* господинъ Филлимоновъ положилъ на стихотворную музыку.

• Вотъ съ длиннымъ поѣздомъ, съ конями заводными,
 И съ скороходами, и съ верховыми.
 Съ музыкой впереди, и съ пѣвчимъ въ концѣ,
 Въ мушкетрѣ, съ шляпою плюмажной,

И съ трубкою во рту, на борзомъ жеребцѣ,
 Великій мужъ. дородствохъ важной,
 Днемъ въ городѣ, ѣзжалъ съ Тверской къ Москвѣ-Рѣкѣ,
 Какъ чванливый паша въ своемъ пашалыкѣ;
 А дома тѣшилъ пристрашною игрушкой:
 Онъ, сидя у воротъ, проложихъ билъ хлопущкой;
 Въ пылу неистовыхъ страстей,
 Въ гостиной, вкрутъ жены, за день передъ родами,
 Водилъ все бѣшеныхъ коней,
 И хлопалъ по полу бичами.

Жилъ молодець въ дому большомъ:

Тотъ слугъ своихъ карналъ карательною стрижкой,
 Въ замѣну ихъ яманъ, дарованныхъ съ крестомъ,
 Зывалъ то «Фрыгскій», то «Самцыжкой»;
 Порой, съ углокъ на короля
 То Кузьку ставилъ, то Маврушу,
 И на живую, часто, душу
 Вымѣнвалъ борзаго кобеля.

Тогда, какъ романтизмъ смѣялся баснословью,
 Извѣстенъ былъ одинъ любезникъ-гастрономъ
 Къ Венерахъ въ дѣвичьей классической любовью
 И баснословнымъ пиршествомъ.

Богинь своихъ, въ золотыхъ цѣпочкахъ на ливанѣ,
 Въ цѣпяхъ желѣзныхъ онъ сажалъ, перой, на стулѣ;
 Зимю, розгами ихъ жарко парилъ въ банѣ.
 Порой, когда въ обѣдъ роскошливый Лукуллъ
 Венгерскимъ смачивалъ во рту широгъ воздушной,
 Наль съ жадностью глоталъ десятки вафель вдругъ,
 Творца ихъ, повара — дѣрли на конюшнѣ.
 «И дѣло!» говорилъ при томъ помощикъ вслухъ:
 «За бѣлаго всегда даютъ небитыхъ двухъ.»

Въ домахъ ниныхъ господъ столичныхъ,
 Для челядищевъ, на показъ,
 Какъ утварь нужнал, колодничій запасъ
 Развѣшенъ былъ, въ мѣстахъ приличныхъ....

Родителей богатыхъ сынъ

И слѣдовалъ большой достатокъ,
 Ужъ самъ развелъ дѣтей десятокъ,
 Имѣлъ съ умомъ приличный чинъ,
 Картъ въ руки не бралъ, пилъ лишь воду,
 А родовое въ годъ спустилъ изъ ролу.
 Остался домъ, въ залогъ былъ и тотъ.—

Но всё босые у ворота
 Стояли въ перьяхъ скороходы,
 Шаталися по сѣнямъ общипанный швейцаръ,
 Арабъ полушагой, врагъ сѣверной природы,
 Въ свѣжки игралъ, забѣ; косички плелъ гусарь —
 Въ изорванныхъ лаптяхъ. Въ пустой, холодной залѣ,
 Мальчишки тошіе, сквозь слезы, надували
 Фаготы длинныя, коротенькой кларнетъ;
 Полкъ атовъ, безъ чулокъ, плясалъ балетомъ модной,
 А баринъ, самъ полуголовой,
 На нихъ поглядывалъ въ лорнетъ.

Много подобныхъ Московскихъ Тайнъ воспѣваетъ поэтъ тѣми благозвучными стихами, которые вы видите и давно знаете. Несмотря на все это, три такія пѣсни о Москвѣ, биткомъ набитыя Тайнами, вовсе не сатира на Москву. Дѣло оканчивается настоящимъ диеорамбомъ въ честь Бѣлокаменной.

Что касается до «Метеора на 1845 годъ», то этотъ блестящій поэтический аэролитъ очень пріятно упадетъ вамъ на голову. Графиня Ростопчина, господа Венедиктовъ, Мейснеръ, Бернетъ, Степановъ, Филимоновъ, Якубовичъ, Гребенка, Протопоповъ, и цѣлая плеяда общающихся поэтовъ, составили его изъ самыхъ красивыхъ своихъ стихотвореній, которыхъ число, по умѣренному счету, должно простираться за сто. Этимъ золотомъ можно жить цѣлый годъ. Жить!... жизни!... что значить жизнь безъ стиховъ?... жизнь въ прозѣ!

Жизни!... она средѣ прозы чинной
 Увядала бы, какъ злакъ, —
 Какъ была бь она пустынна
 Безъ поэзіи! — И такъ
 Сей фіалъ — за музъ прекрасныхъ!
 За богинь смѣхъ сладкогласныхъ!
 За возвышенныхъ пѣвцовъ,
 Смѣхъ изящнаго жрецовъ,
 За присяжниковъ искусства,
 Вѣчныхъ мучениковъ чувства,
 Показавшихъ на землѣ
 Слѣтъ небесъ въ юдольной иглѣ,
 Бронзу въ мѣдѣ, мраморъ въ мукѣ,

Литературна Летопись:

Умъ въ аккордакъ, сердце въ звукать,
..... въ краскахъ, миръ въ огнѣ—
Жизнь и смерть— на полотнѣ!
Жизнь—сіяи! Твой свѣточъ—разумъ.
Да не меркнетъ подъ тобой
Свѣтъ сей, вставленный алмазомъ
Въ перстень вѣчности самой!
Вѣнчанъ лавромъ или миртомъ—
На подобіе сихъ чашъ,
Буи налить черешъ нашъ
Секомъ думъ и мысли спиртомъ!
Да отъ запада на югъ,
На востокъ и nordъ—вокругъ—
Черезъ вѣка и поколѣнья,
Свѣтитъ солнце просвѣщенья
И созвѣдіе наукъ!
Други! что же свѣтъ безъ тѣни?
День безъ вечера?—И такъ
Да не будетъ изгнанъ мракъ
Сердцу милыхъ заблужденій!

.....
.....

Да не дремлетъ ихъ царца,
Кѣмъ изглажена граница
Между смертныхъ и боговъ—
Пысьмъ! Да здравствуетъ любовь!
Пысьмъ за милыхъ—вѣстницъ радъ,—
За красы ихъ, начиная
Съ полныхъ мраку и лучей
Зажигательныхъ очей,
Томныхъ, и жныхъ и упорныхъ,
Цвѣтомъ вслѣски цвѣтныхъ,
Сѣрыхъ, карихъ, алски-черныхъ
И небесно голубыхъ!
За здоровье устъ румяныхъ,
Блѣдныхъ, алыхъ и багряныхъ—
Этихъ дымущихся струй,
Гдѣ дыханіе пламеноты,
Рѣчь дрожитъ улыбка млетъ,
Пышетъ вѣчная шпилька!
Въ честьъ кудрей благоуханныхъ,
Лѣгкихъ, дымятыхъ, туманныхъ,
Синю-русыхъ, золотыхъ,
Точныхъ, черныхъ, рассыпныхъ.
Съ нѣкъ неистовымъ извѣномъ,
Съ ш. крой, съ отблескомъ, съ отливомъ,

И закрученныхъ, какъ сталь,
Въ безконечную спираль!»

Вотъ что значить—жизнь со стихами, жизнь среди стиховъ! Вотъ къ чему служить эта книга, полная мечтъ, огня, любви, радости, слезъ и бисерій сердца! Вотъ для чего надо читать ее, иначе мы никогда не могли бы растолковать читателямъ ее цѣли и пользы, такъ ясно и убѣдительно какъ растолковалъ знаменитый авторъ этого отрывка. Называть его не нужно: льва узнаютъ по когтю, поэта по стиху. Вы легко отгадаете его имя. На томъ же основаніи мы не скажемъ, чье стихотвореніе и это:

«Тяжело и легко.... и въ волненьи душа
Отрваться желаетъ отъ тѣла....»

Бьетъ крылами она, все куда-то снѣша,
Волю бѣ дать ей, — она бѣ улетѣла!

Грезы ходятъ кругомъ.... и манятъ и зовутъ,
И зовутъ за предѣлы земнаго,
Такъ неясны онѣ.... а какъ много даютъ
Сладко-томнаго, грустно-святаго.

Но вотъ зеркало вдругъ показалось мнѣ,
И мнѣ голосъ шепнулъ безсловесный:
«Посмотри, посмотри! въ вѣщей той глубинѣ
Жребій твой отразится чудесно!»

И послушна ему, въ роковое стекло
И душою и окомя вникаю;
Но прозрѣніе мое не довольно свѣтло, —
Бѣглымъ призракомъ смысла не знаю.

И чѣмъ больше смотрю, и чѣмъ больше мой взоръ
Углубляется въ рамя блестящей, —
Тѣмъ сильнѣй мой порывъ, тѣмъ сильнѣй мой просторъ,
И забыть ужъ весь міръ настоящій.

Но тѣлесныя цѣпи все держать меня,
Но оковы земли не пускаютъ....
Еще мигъ, — и я вновь чую грузъ бытія,
И туманы міръ снова застилаютъ....

Эти стихи собственно—по части князя Алексѣя Долго-рукова, но, какъ вы видите, они не въ-состояніи услышать никого.

Съ повтами—бѣда! Не знаешь, какъ и хвалить книгу, въ которой участвуетъ ихъ человекъ десять или двѣнадцать.

Сказать, что въ этомъ красивомъ томѣ, такихъ стихотвореній какъ эти двѣ прелестныя піесы—много, —издатель усерднѣйше проситъ сказать, безъ церемоній, на-отрѣвъ; но я не смѣю — обидятся оба ихъ автора!... сказать, что—мало, обидятся всѣ прочіе поэты!... По-неволѣ, со страхомъ и трепетомъ, долженъ отнестись, что, въ этомъ прелестномъ томѣ, такихъ прелестныхъ стихотвореній.... какъ эти.... О, жестокая книга! что мнѣ съ тобой дѣлать?

• Всю почъ мнѣ сился образъ твой:
 Я сбилъ жаркою рукой
 Твой станъ, обтянутый оберткой;
 Я говорилъ: Моею будь!
 И ты въ отвѣтъ, ко мнѣ на грудь
 Склонилась чудною головкой.
 Но вотъ разнесся какъ туманъ
 Очаровательный обманъ
 Души настроенной тобою:
 Напрасно я тебя зову;
 Нагая правда — на-яву —
 Стоитъ одна передо мною!... •

Я бѣгу отъ тебя, книга сборныхъ стихотвореній! Какъ ты ни очаровательна, какъ ни прелестна, какъ ни —

Кудрей пышными волнами
 И восточной красотой
 Щеголяешь ты предъ нами —

я бѣгу отъ тебя за тридцать земель, въ лѣса и дебри, въ —

типы современныхъ нравовъ, иллюстрированные Е. Ковригинымъ, издаваемые подъ редакціей Николая Кирилова. Сп.-бургъ, въ тип. Французской, 1845, св-12, стр. 121.

Какъ я здѣсь на просторѣ! Какъ душѣ отрадно! Кругомъ не видно ни одного стиха. Мстительная рѣзма не свиститъ около моихъ ушей. Дѣлаю что хочу: чптаю картинки господина Ковригина, смотрю на текстъ господина Кирилова, и увѣренъ, что они будутъ совершенно довольны мною. Прекрасная книжка!

На одной изъ ея бѣлоснѣжныхъ страничекъ повѣствуетъ, что это — выпускъ первый. Посмотримъ, будутъ ли

следующие рукописи также занимательны дакъ это? Посмотримъ, прочитаемъ!..... Но я уже вижу издателя ихъ въ страшномъ безпокойствѣ: онъ пришелъ въ ужасъ отъ одной мысли, что можетъ-быть я въ самомъ дѣлѣ стану читать его «Типы». Не бойтесь!... я знаю, какъ читать иллюстрированныя книжки. Постарайтесь только, чтобы картинки были всегда остроумны. Въ текстѣ я общаю не заглядывать.

О! зачѣмъ въ нижеслѣдущей книжкѣ нѣтъ картинокъ господина Ковригина! За какіе грѣхи долженъ я кинуться, съ опасностью погибнуть, отъ скуки, въ мучину этихъ грязныхъ страничекъ, которымъ заглавіе —

привидѣніе на кладбищѣ. *Кавказская быль. Сочиненіе Н. Г....ля. Москва, въ тип. Степанова, 1845, въ-12. Двѣ части, стр. 100—80.*

Содержаніе этой книжки не касается людей живущихъ въ комнатахъ. Все, что порядочному человѣку нужно знать въ настоящемъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобы — если вы иногородный, помѣщикъ, деревенскій житель, не даться въ обманъ, когда пріѣдетъ къ вамъ Варягъ съ коробомъ книжекъ и будетъ между прочимъ, предлагать — «Не угодно ли еще купить новыи романчикъ Гоголя-съ, «Привидѣніе на кладбищѣ-съ».... извольте видѣть: *Сочиненіе Н. Г....ля!*..... То есть, сударь, Николай Гоголь... первый романистъ послѣ Гомера... Отдамъ за безцѣнокъ!» Книжка напечатана и двусмысленная фирма эта на ней выставлена единственно съ этою благонамѣренною цѣлю.

СОЧИНЕНІЯ КОНСТАНТИНА МАСАЛЬСКАГО. *СП.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1843 — 1845, въ-12. Пять частей, стр. 453—230—262—456—216.*

Давно ли то время, когда появленіе новаго сочиненія господина Масальскаго составляло весьма пріятное событіе въ русской литературѣ, когда журналы ихъ провозглашали, издатели «образцовыхъ сочиненій» предлагали удивленію Россіи, читатели читали и наслаждались? Теперь, я слышу, уже и не хотятъ ставить его въ число писате-

лѣтъ. Мы ужасно созрѣли! Мы стали умны не по лѣтамъ! А я, человекъ отсталый, не созрѣвшій, признаюсь—какъ всегда любилъ такъ и теперь люблю читать господина Масальскаго. Я и до сихъ-поръ считаю его пріятнымъ писателемъ. По моему разумѣнію, это—настоящее названіе его, какъ писателя, и дай Богъ, чтобы мы во всякое время читали такіа умныя и милыя произведенія русскаго пера, каковы вообще его. Они читаются легко, съ удовольствіемъ, часто даже съ пользою. Въ нихъ есть слогъ, живопись, юморъ, чувство. Они далеко не устарѣли, и авторъ ихъ, конечно, можетъ еще произвести много новаго и свѣжаго. Они пользовались совершенно заслуженнымъ успѣхомъ, который, мы увѣрены, возобновится теперъ по случаю новаго ихъ изданія. Въ изданіи этомъ помѣщены «Стрѣльцы», «Регентство Бирона», «Бородолюбіе», «Черный ящикъ», «Граница 1616 года», «Классикъ и романтикъ», «Модестъ Правдивъ», и мелкія сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ. Собрано, кажется, не все. Последніе труды, напечатанные въ журналахъ, не вошли въ эти пять томовъ честной и добропорядочной толщины, которыми господинъ Масальскій сдѣлалъ читающей публикѣ настоящій подарокъ.

1. ЛѢДУШКА КРЫЛОВЪ. Книга для подарка дѣтямъ. Сп.-бургъ, въ тип. Края, 1845, въ-12., стр. 108.

2. КАРТНЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ДѢТСТВА ЗНАМЕНИТЫХЪ МУЗЫКАНТОВЪ. Переводъ съ французскаго. Сп.-бургъ, въ тип. Д. Вильшей Торговли, 1845, въ-12, стр. 222.

3. РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Сп.-бургъ, въ тип. Фишера, 1845, въ-32, стр. 136.

4. АЛЬМАНАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ. Сп.-бургъ, въ тип. Французской, 1845, въ-12, стр. 158.

На этотъ разъ, и не въ примѣръ другимъ разамъ, издатели дѣтскихъ книгъ дали четыре очень милыя книжечки, съ занимательнымъ содержаніемъ и, главное, съ весьма красивыми картинами, отъ которыхъ дѣти будутъ въ вѣсхищеніи. Въ этомъ отношеніи, особенно поразитель-

вы даѣ первыя книжки, «Дѣдушка Крыловъ» и «Картины изъ дѣтства знаменитыхъ музыкантовъ». «Альманахъ для дѣтей», иллюстрированный господиномъ Ковригинымъ, также отличается примѣчательною изящностью своихъ картинокъ, кѣторыя въ то же время открыли еще средство, наподобіе Вѣчнаго Жида, вѣчно идти — быть вѣчно въ ходу и вѣчно сходить. Средство очень простое: опѣ принялись появляться каждый день въ новой книжкѣ — въ три дня мы встрѣтились съ ними въ трехъ разныхъ изданіяхъ — и нѣтъ причины, чтобы это не повторялось до дня преставленія. Marche! marche! говоритъ картинкѣ таинственный голосъ издателей иллюстрированныхъ книжекъ, и бѣдная картинка господина Ковригина — все идетъ!... и идетъ ко всему!

ГЕОГРАФІЯ, составленная Александромъ Чертковымъ. СПб.—бургъ, въ тип. Гуттенберга, 1845, стр. XIII и 246.

Предисловіе. «Сочинитель издаваемой географіи *первымъ деломъ считаетъ объявить, въ своемъ предисловіи, какъ о возможности такъ и о необходимости изданія географіи.*

«Изданіе географіи возможно: ибо (слушайте! слушайте!) всякій, желающій издать въ свѣтъ географію, имѣетъ собственный взглядъ, свое умѣнье расположить предметы науки, большія или меньшія силы воспользоваться матеріалами, наконецъ имѣетъ свою цѣль, то есть, приращеніе къ извѣстному возрасту учащихся и къ самому мѣсту воспитанія.

«Изданіе географій, въ которой исполнены всѣ эти условія (условія — что всякій, желающій издать географію, имѣетъ свой взглядъ, свое умѣнье, большія или меньшія силы и свою цѣль, то есть, приращеніе) изданіе географіи, въ которой исполнены всѣ эти условія, необходимо: потому что...» и прочая.

Авторъ, очевидно, ошибся въ выборѣ поврища; опѣ долженъ былъ писать, не географію, но логику. Его логика затмила бы логику господина Воскресенскаго.

Географія начинается разсужденіемъ о пользѣ науки

вообще, о происхожденіи наукъ и о прочемъ. Науки происходятъ изъ «человѣческаго любопытства, впрочемъ очень похвальнаго, знать подробности», а польза отъ нихъ та, что можно «узнать предметы во всей подробности».

Географія — наука: на это есть неоспоримыя доказательства; и вотъ съ какою пользою можно изъ ней узнать *во всей подробности*. Граффа—названіе городовъ. Другая граффа—предметы торговли. Марсель—*прованское масло*. Вотъ вся торговля главнаго порта Средиземнаго Моря. Не наше дѣло учить ученаго географа *всѣмъ подробностямъ* предмета, но въ числѣ разныхъ подробностей, ускользнувшихъ отъ его свѣдѣнія, есть одна, которая совершенно заслуживаетъ его вниманія, какъ непосредственно относящаяся къ его салату, а именно, что марсельское масло—не прованское, а просто деревянное: прованское масло происходитъ не изъ Франціи, по изъ Италіи, именно изъ Генуи, и получило свое знаменитое названіе *oglio de Provenza, l'huile de Provence*, не отъ Прованса, котораго столица — Марсель, но отъ прежней генуэзской области, Провенцы. Перпявьянъ: предметы торговли — *устрицы*. Тулуза: *устрицы*. Колчестеръ: *устрицы*. Манчестеръ: *булавки*. Лондонъ: предметы торговли — *первый городъ въ мірѣ*. Лондонъ этимъ и торгуетъ, какъ Манчестеръ — *булавками*.

Узнавать большее количество *всѣхъ подробностей* изъ этой достопамятной географіи ни у кого изъ читателей навѣрное вѣтъ любопытства... *впрочемъ очень похвальнаго*.

НАБЛЮДЕНІЯ ДОКТОРА В. ЧОПА надъ *псевдо-патологическими персимьями, происходящими на трупахъ, въ примѣненіи къ судебной медицинѣ. Переводъ сѣанглій сказо. С.П.-бургъ, въ тип. Праца, 1845, въ-8., стр. 148.*

Сочиненіе небольшое, но превосходное по содержанію и прекрасно переведенное на русскій языкъ. Оно должно привлечь къ себѣ все вниманіе нашихъ врачей. Врачебное начальство приняло его въ наставленіе и руководство медиковъ, находящихся въ государственной службѣ.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ГРАММАТИЧЕСКІЯ РАЗЫСКАНІЯ В. А. Васильева. I. *О буквъ ѣ. II. Объ образованіи именъ уменьшительныхъ.* СПб. 1845.— Многие, впрочемъ очень ученые, русскіе филологи вовсе не примѣчаютъ, что буква *е* требуетъ въ разныхъ случаяхъ разныхъ *открытій рта*, и что есть одно такое открытіе, въ которомъ нѣтъ другаго средства какъ поставить надъ нею двѣ точки. *Относительно открытія рта* (слово Грамматическихъ Разысканій: мѣсто разыскивающей буквы грамматикъ сказалъ бы болѣе по-русски — относительно къ открытію рта), авторъ не имѣетъ себѣ равнаго: открывать ротъ — надо у него учиться. Доказавъ плохимъ школьнымъ нарѣчіемъ, но съ великимъ напряженіемъ учености и глубокомыслія, что при произношеніи буквы *ѣ* ротъ открывается настежь и чѣмъ шире, тѣмъ правильнѣе, господинъ Васильевъ разыскиваетъ, какъ удобнѣе уменьшать висна и находить, что всего пріятнѣе ротъ раскрывается, когда мы произносимъ —

Башмакъ—башмачёкъ,

Кабакъ—кабачёкъ,

Колпакъ—колпачёкъ,

Дуракъ—дурачёкъ.

и такъ далѣе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Еще не успѣли мы полюбоваться на великолѣпный «Тарантасъ», который въ эту минуту пользуется въ Петербургѣ всѣми почестями моды, какъ вотъ уже является другой плодъ трудовъ и заботъ того же писателя, первая книга литературнаго сборника подъ названіемъ «*Вѣтра и сегодня*», составленнаго для Смирдина и въ пользу его графа В. А. Солмогубомъ и издавнаго магазинномъ подъ фирмою «Александръ Смирдинъ». Въ составъ этой первой книги, за которою должны послѣдовать многія другія, кромѣ очень милаго разсказа самаго графа Солмогуба, входитъ

двадцать невзданныхъ піесъ и статей Жуковскаго, графини Ростопчиной, Бенедиктова, Языкова, Лермонтова, Струговщикова и другихъ извѣстныхъ писателей, въ стихахъ и прозѣ. И содержаніе и цѣль этого изданія дѣлають его совершенно достойнымъ вниманія и живѣйшаго участія русскихъ чвтателей.

— Два сочиненія дали втеченіи мѣсяца знать о своемъ существованіи выходомъ первыхъ частей и выпусковъ, а именно: «*Курсъ высшей и низшей геодезіи*», господина Болотова, втѣстнаго уже однимъ прекраснымъ трудомъ по той же наукѣ (часть первая), и «*Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка*», господина Васильева (выпускъ первый). Этотъ словарь, несмотря на свой крошечный объемъ, не совсѣмъ вмѣщается въ нашу тѣсную голову; мы находимъ въ немъ *Антропология, Динамика, Аэродинамика, Гааба, Какерлаки; Картезианизмъ, Колизей, Акуры, Ликторы, Мариотова трубка*, и множество подобныхъ техническихъ терминовъ или собственныхъ именъ, которые будто-бы вошли въ составъ русскаго словаря, между-тѣмъ какъ не принадлежать ни къ какому языку въ свѣтѣ, потому что или составляютъ собственность языка наукъ, общаго всему грамотному міру, или придуманы однажды навсегда и на все человѣчество для означенія единыхъ на землѣ предметовъ, и напрасно ищемъ въ составъ русскаго языка неотъемлемо принятыхъ имъ иностранныхъ словъ, каковы—*карты, башмакъ, кушакъ, кабакъ, шапка, дестъ, ананасъ, апельсинъ, уксусъ, карманъ, казначей, казенный, алыи, айда, сайка, стряпчий, стряпать* и тысячи другихъ этого рода. *Картезианизмъ* вошелъ въ составъ русскаго языка, а *карты* и *кабакъ* не входили! Такія новости узнаешь только отъ нашихъ филологовъ. *Антропология, Динамика, Аэродинамика, Акустика, Идрографія, Идросттика, Карболеннъ* попали въ русскій языкъ изъ иностранни! Нельзя ли объяснить, при столь удобномъ случаѣ, къ какой странѣ собственно принадлежать эти слова. *Карболеннъ*, слово взданное въ Гороховой Улицѣ, вѣрно, тоже принадлежитъ къ какой-то иной странѣ?

— Гуселандовъ «*Enchiridion, или Руководство къ прав-*

Т. LXX. — Отд. VI.

1/3

тической медицины», переведенный докторомъ Соколовскимъ, перепечатывается здѣсь въ Петербургѣ третьимъ изданіемъ. Первая часть третьяго изданія уже поступила въ книжную торговлю.

— Извѣстнаго духовнаго сочиненія, «*Часы благоговѣнія*», вышла въ свѣтъ въ Петербургѣ седьмая часть. Въ Москвѣ вышли, въ одномъ томѣ «*Слова и рѣчи, сочиненныя и говоренныя архимандритомъ Мельхиседекомъ въ Симоновой Обители.*»

— Два преподавателя общепользныхъ публичныхъ курсовъ, господинъ Леновскій и господинъ Гейманъ, издали въ Москвѣ свои лекціи, пособія весьма пріятныя для тѣхъ, которые не могли присутствовать при ихъ чтеніяхъ. Заглавіе первой изъ этихъ книгъ—«*Бесѣды о сельскомъ хозяйствѣ*», а заглавіе второй—«*Чтеніе общей химіи, приложенной къ фабричному и заводскому дѣлу*». Тамъ же, изданы въ свѣтъ—«*Хозяйственный календарь съ присовокупленіемъ общепользныхъ для городского деревенскаго жителя примѣчаній*», сочиненіе В. Х^{...}. и—«*L'Art de la grammaire française, enseigné par la pratique et établi sur 75,000 applications, ouvrage classique, adépté spécialement à l'instruction de la jeunesse russe et dédié à M. le comte S. de Stroganoff, curateur de l'Université Impériale de Moscou, par Horace Gay, auteur des Etudes françaises et russes, des Nouvelles études de rhétorique., etc.*». Но самое примѣчательное изъ новыхъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее время въ Москвѣ— великолѣпная и прекрасно составленная книга подѣ лакоиническимъ названіемъ «*Московская Оружейная Палата*», трудъ, какъ кажется, господина Вельтмана. Это любопытное для всѣхъ Русскихъ сочиненіе, украшенное множествомъ превосходныхъ рисунковъ и къ содержанію котораго мы непременно возвратимся въ другомъ мѣстѣ.

=

МАЙ, 1845.

НОВЫЯ КНИГИ.

стихотворенія Эдуарда Губера. *СП.-бургъ, съ тип. Ш. О. К. Внутренней Стражи, 1845, въ-8., стр. 112.*

Пушкинъ, который былъ друженъ съ Эдуардомъ Ивановичемъ Губеромъ, оставляя въ торопяхъ эту юдоль горя, забылъ у него свой звучный стихъ. Пушкинскій стихъ остался у Эдуарда Ивановича. Онъ одинъ — наследникъ и владѣтель этой драгоценности, и съ такимъ кладомъ, я, на его мѣстѣ, былъ бы совершенно доволенъ собою, вами, всѣмъ; все для меня облеклось бы розовымъ цвѣтомъ; все бы мнѣ улыбалось, и я бы улыбался всему и обо всемъ съ утра до вечера, особенно, если бы у меня еще было столько же ума, какъ у Эдуарда Ивановича. А Эдуардъ Ивановичъ недоволенъ всѣмъ!..... начиная съ самаго себя. Это, можетъ-быть оттого что у него — столько ума! Такъ къ чорту — умъ! Кчему онъ годится, когда съ нимъ—все кажется мрачнымъ и печальнымъ? Конечно, умъ — дѣло не дурное, въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Благодаря ему, Эдуардъ Ивановичъ никогда не

мической мед-
скимъ
издаг
ла р

ст
у

Литература
ни къ отвѣтъ, ни къ мечтѣ: по-
скимъ въ этой книгѣ. Да что
издаг въ груди, слеза на гла-
ла р скука среди этого безконечно забав-
ст
у
какъ эстетикъ:
«Блаженъ, кто никогда для страсти безнадежной
Не тратилъ силъ души; кто не клонилъ чела
Прель идоломъ любви; кого тоской мятежной
Мечта безумная тревожить не могла;
Кто не вымѣнивалъ въ горячемъ разговорѣ
Души неопытной чистѣйшаго огня
На клятвы женскія; по горе, трижды горе
Тому, кто жадный слухъ доверчиво склоня,
Ревниво слушаетъ стыдливыя признанья.
Игру бездушныхъ словъ, потокъ дешевыхъ фразъ!
Слова у женщины—что вѣтеръ, обещанье—
Что легкій дымъ; пившася—и скроется изъ глазъ.
Любовь, привязанность, святая сила страсти,
Великолѣпный вздоръ ребяческихъ умовъ!
Блаженъ, кто никогда не зналъ ихъ тайной власти,
Кто хладнымъ сердцемъ гордъ, не принялъ ихъ оковъ!
На горе юношѣ, надъ кѣмъ разумный холодъ
Прошелъ, не трогая доверчивой мечты,
Кто слабо кинулся, душою свѣжъ и молодъ,
На ложе жаркое коварной красоты.
Сегодня онъ любимъ, сегодня торжествуетъ;
Въ вѣмыхъ объятіяхъ купается мечта;—
Всѣхъ игръ въ его любви—а завтра онъ цѣлуетъ
Чужими ласками согрѣтыя уста.
Въ грязи его кумиръ; какъ въ нестройномъ панорамѣ,
Своихъ соперницъ онъ видитъ длинный рядъ;
Алтарь его любви замараивъ; въ чистомъ храмѣ
Не стало божества, и этотъ томный взглядъ.
Не для него горитъ; уста ея смѣются,
Она по-прежнему такъ дивно хороша;
А онъ одинъ, влали, и слезы льются, льются,
И въ мукахъ ревности разорвалась душа».

Конечно, стихи чудесны, и отчаяніе—вещь очень хи-

вописная въ прекрасномъ стихѣ; но такія бездѣлицы стоятъ ли отчаянія? Женщины кокетничаютъ?... тѣмъ лучше! Скажите сами: не будь у женщинъ кокетства, стоило ли бы труда мужчинъ жить на свѣтѣ? Красота непостоянна?.. велика бѣда!.... написать на нее эциграмму, и дѣло съ концомъ. Душа разорвалась отъ ревности? Ну, такъ склейте ее другою красотою; душа влется этимъ отлично: можно разбить ее въ тысячу кусковъ, въ дребезги, въ прахъ—выходитъ изъкъ новая!.... Да цѣлыхъ душъ и на свѣтѣ нѣтъ. Всѣ эти души, которыя такъ весело около васъ расхаживаютъ, были тысячу разъ изорваны, прострѣлены, перебиты хуже старыхъ горшковъ, и послѣ каждаго подобнаго приключенія тотчасъ починены по этому простому, вѣрному и испытанному способу. Зачѣмъ же дѣло стало? Починщица—такая пропасть!.... и въ столицѣ и въ провинціи... ц, болѣею частью, такія искусницы!... такія удивительныя мастерицы, что—только ломай душу, да отдавай имъ въ починку. Это вѣдь не гнилой зубъ рвать: починиваютъ безъ малѣйшей боли, шутя, хохоча, и не примѣчаешь какъ—глядь!—душа цѣлѣховька—свѣжа—чиста—сияетъ—еще лучше новой! Многія изъ сказанныхъ мастерицъ, теперь безъ дѣла, узнавъ изъ этихъ стиховъ о несчастіи, случившемся съ вашою поэтической душою, Эдуардъ Ивановичъ, спрашиваютъ, какъ я слышу, вашъ адресъ: обратитесь къ нимъ. Увѣрю васъ, что черезъ годъ, вы напишете намъ другой томъ стиховъ, такихъ же прекрасныхъ какъ эти, но веселыхъ, забавныхъ, злыхъ, очаровательныхъ. Не станете говорить—*Послѣдній другъ!*....

• Въ дни нашей юности молодыя впечатлѣнія
 Мѣняются въ душѣ, какъ пестрыя видѣнья;
 Приходятъ и пройдутъ: что день, то встрѣтишь вновь
 И незваныхъ друзей и званую любовь.
 Всѣ оупшенія, всѣ радости и слезы
 Волнуютъ насъ слегка, какъ утреннія грезы,
 Какъ бѣглыя мечты, по памяти скользя;
 Ихъ потерять легко, ихъ удержать нельзя.
 Тотъ нашъ, съ кѣмъ весело; своихъ друзей мы цѣнимъ
 По степени забавъ; наскучать—мы извинимъ;

Разлюбить ли они, обмануть ли любовь,
 Мы погрузимъ о нихъ; но мы полюбить вновь.
 А въ годы зрѣлые мы чувствами бѣдѣе,
 И связи новыя намъ заводятъ трудѣе.
 Въ круговоротъ страстей холодные умы
 Вступаютъ медлениѣй; разборчиѣе мы:
 На дружбу и любовь мы смотримъ осторожно;
 Намъ трудно разлюбить, а не любить возможно;
 И друга новаго мы выберемъ не вдругъ,
 Кого же избрали, тотъ навсегда намъ другъ;
 И будь онъ юноша, душою чистъ и молодъ,
 Его явленіе согрѣетъ давній холодъ;
 Въ немъ молодость свою мы снова познаемъ;
 Зато съ боязнію мы друга бережемъ;
 Зато намъ хочется въ хладномъ мирѣ этомъ,
 И горькимъ опытомъ и старческимъ совѣтомъ,
 Его предостеречь на будущемъ пути,
 Отъ горя оградить и молодость спасти.
 Но если онъ отъ насъ отступится, съ досадою
 На лица строгія, и будетъ намъ наградой
 За дружескую рѣчь, да за благой совѣтъ
 Сомнѣнья гордаго презрительный отвѣтъ;
 И мы не сохранимъ заботою безплодной,
 Ни чистыхъ думъ его, ни силы благородной, —
 Мы тихо отойдемъ; послѣднихъ аѣтъ обманъ
 Насъ огорчить въ душѣ и много старыхъ ранъ
 Проснется въ памяти; но друга молодаго
 Не оскорбитъ упрекъ язвительнаго слова;
 Мы и тогда его въ душѣ благословимъ,
 Но чувство въ насъ замретъ, по сердце вѣстѣ съ нимъ
 Свою послѣднюю привязанность глубоко
 Схоронить въ памяти, и въ жизни одиноко,
 Безъ друга милаго, безъ чувства, безъ страстей,
 Мы донесемъ тоску до гробовыхъ дверей.

Это—право, ужасно! Въ ваши лѣта быть безъ чувствъ,
 безъ страстей! думать о гробовыхъ дверяхъ!... по случаю
 послѣдняго друга!... Да каждый новый другъ—послѣдній.
 Сколько же еще будетъ у васъ послѣднихъ друзей! И не-
 ужели послѣ cadaго изъ нихъ вы намѣрены быть такъ
 же скучны? такъ же отчаяваться въ неисчерпаемой бла-
 гостн будущаго? такъ же проклинать все?

«Я вижу, смерть близка....»

Вот этого я вовсе не вижу! Извините, но мнѣ кажется, что это просто — расстройство нервовъ, болѣзнь почти всѣхъ поэтовъ. Но я не перебиваю вамъ рѣчи. Проклинайте. Извольте, проклинать.

«Я вижу, смерть близка; болѣзненные силы
Послѣдней вспыхнули борьбой.
Я встрѣчусь наконецъ на ступеняхъ могилы
Съ неумолною судьбой.

И вынѣ рядомъ съ ней, мнѣ хочется повѣрять
Итогъ пустаго бытія.
Не буду сѣтовать, не стану лицемерить
И страхомъ не унижусь я.

Прощаясь съ жизнію, въ урочный часъ разлуки,
Надъ нею некогда шутить;
Но полную тревогъ и слезъ и тайной муки
Я не могу благословить.

Я прокляну ее за то, что съ колыбели
Я былъ игралищемъ судьбы,
За то, что дни мои я проволокъ безъ цѣли
Въ тревогахъ суетной борьбы.

Я прокляну ее за длинный рой видѣній,
Игравшихъ жизнію моею,
За безконечный рядъ коварныхъ заблужденій
И неразгаданныхъ страстей;

За то, что всѣ мои мечты и упованья
Она презрѣнью обрела,
Что не исполнила ни одного желанья
И горькихъ слезъ не поняла;

За то, что душу я отравую сомнѣнью,
Что сердце ядомъ наполнилъ.
За то, что никогда въ душѣ благословенья
Ни для кого не находилъ;

Что идя за толпой, я по тропѣ избитой
Не бросилъ яркаго сабда;

Что не оставлю я ни мысли плодотворной,
Ни благороднаго труда....

Я прокляну ее, за все что въ мірѣ видѣлъ,
За все что въ жизни презиралъ....

Вы проклинаете очень мило. Невозможно проклинать, ни лучшимъ стихомъ, ни болѣе поэтическою рѣчью. Не проклятіе, а прелесть!... Но что жъ изъ этого? Ну, вы сегодня прокляли—и самымъ отличнымъ образомъ, — а завтра какъ-разъ придется вамъ удивляться проклятому и любить проклятое, если оно нѣжновзглянетъ и сладко улыбнется. Такъ ужъ создано человѣчество! Не проклинайте, Эдуардъ Ивановичъ: увѣримо васъ, придется, и вы будете довольны.

Что же хорошаго сдѣлали вы, напечатавъ цѣлый томъ прелестьѣйшихъ стиховъ, которые гнетутъ насъ, бѣдныхъ читателей какъ гробовымъ камнемъ, и оставляютъ въ душѣ такое грустное, тяжелое, томительное впечатлѣніе? Посмотрите, какъ у насъ вытянулись лица, впали глаза, съѣжились волосы: на что мы похожи! Вы у меня разстроили нервы. Мнѣ хочется плакать. Я беру въ руки «Стихотворенія» господина Петра Штавера, и плачу. Что могу я сказать объ нихъ въ такомъ положеніи. Ничего болѣе какъ только то, что это —

стихотворенія Петра Штавера. *С. П.-буря, съ тжл. Прага, 1845, съ-8., стр. 42.*

Къ-счастію, у-господина Петра Штавера есть свое желаніе, которое такъ весело, что имъ можно разсѣять всякую грусть. Ему ужасно хочется—*имѣть враговъ!*.. Бездѣлица! Да откуда ихъ взять? Враги не продаются въ гостинномъ дворѣ. Ихъ нельзя ни купить, ни занять, ни выпросить въ подарокъ. Враговъ надо заслужить, заслужить прямою заслугою.

«Я не хочу, чтобъ всѣ меня любили,
Я не хочу вездѣ встрѣчать друзей,

Хочу, чтобы други мнѣ ласки
Безсильной злобою своей.

«Пусть возстаютъ! Я каждый шагъ побѣдный
Готовъ своею кровію залитьъ.

Пусть упаду немученный и блѣдный,
Но только прежде — побѣдити!»

Побѣдить—сказать легко, но прежде надо принасти себѣ враговъ для побѣды, а въ литературѣ не всякому, кто хочетъ, враги даются. Чтобы приобрести враговъ, нужно, во-первыхъ, писать отличные стихи, гораздо лучше этихъ — на такіе стихи идутъ только друзья, а врага на нихъ не поймаете ни одного. Во-вторыхъ, нужно.... Но мы напрасно пускаемся въ разбирательство этого дѣла. Господину Петру Штавору захотѣлось враговъ, не изъ честолюбія, не въ награду за великія личныя достоинства, не въ воздаяніе за блестящіе подвиги, а — такъ! — для потѣхи. Онъ любитъ сильные ощущенія — бури страстей — вулканы брани, — и для этого ему желательно было бы заказать себѣ гдѣ-нибудь дюжину порядочныхъ завистниковъ, опытныхъ во вражьемъ дѣлѣ соперниковъ, чтобы они его язвили — родъ наслажденія, который предпочитаетъ онъ всѣмъ прочимъ, даже и италянскою оперѣ.

«Да! не для славы жду боренья,
А потому что, для моей души,
Потребны страсти, бури и волненья,
Чтобъ не замереть въ тиши.»

У всякаго свой вкусъ и свои потребности. О прочихъ стихотвореніяхъ любителя страстей, бурь и волненья не для славы, я не считаю нужнымъ говорить, тѣмъ болѣе, что передо мною лежитъ очень любопытная поэма, книжечка не взрачная, но по бойкости языка и живости разсказу въ высшей степени замѣчательная и заслуживающая знакомства нашихъ читателей.

жизнь везъ горя и печали. *Солдатская сказка Ива Меркулыча Щврага. С.П.-бургъ, въ тип. Французской, 1845, въ-12., стр. 94.*

Ивъ Меркулычъ, старый солдатъ, видѣвшій много свѣ-

та въ походахъ, бывавшій и подъ *Росенью*, и подъ *Шумною* у *Турки*, гдѣ тоже —

«Есть отчасти храброцы.
Есть, что въ бѣлый свѣтъ ногожи;
Ну, а есть и молодцы:
Такъ, что если бы подправить
Стойку, малость подтянуть, —
Можно бѣ къ намъ во фронтъ поставить
И не стыдно бы взглянуть.
Мы видали ихъ довольно:
Звонко рубаты! ну, а штыми,
Такъ-сказать, не любить больно:
Угостителемъ старикъ!»

Ивъ Меркулычъ, какъ полковой краснобай, рассказываетъ «служивымъ землякамъ на забаву» сказку солдатскимъ языкомъ и съ солдатскими ухватками. Онъ знаетъ грамоту, чистъ на слово, лагернаго остроумія у него пропасть, и слогъ его — не какой-нибудь *партикулярный*, а отчищенный мѣломъ по-формѣ — блеститъ — хоть въ ранжиръ — можно сказать, *ефрейторскій*. По его словамъ, въ нѣкоторомъ нѣмецкомъ государствѣ, между горами, въ лѣсу, есть долина—въ долину оврагъ—

• А на днѣ того оврага,
Мало ночью, — даже днемъ, —
Шла такая передряга,
Что и лѣшій станетъ пленъ.
Вѣчно свистъ, да дикой хохотъ,
Да такіе голоса,
И такой страшный грохотъ,
Что дыбятся волоса.
Словно тамъ чертей когорта,
Вблизи никто не подойдетъ:
И вѣстимо, — что возьметъ
Наша храбрость противъ чорта?
Есть оно и изъ людей
Башковатые такіе,
Что не ставятъ въ грошъ чертей.
То ужъ люди простые:
Кто бывалый, по усу, —
Только взглянуть, — по облику,

Узнать такого сбиху,
 Съ чертовщиною въ носу.
 Вотъ на той ли на долини,
 Подъ крутой горой въ лобжинѣ,
 Гдѣ ручей бралъ поворотъ,
 Красовалася избушка;
 Къ ней пристроена клѣтушка;
 Дворъ, амбары, огородъ;
 На ручью же, водяная
 Мельница была большая,
 И разсерженной кумой,
 День деньской, бурлитъ водой.
 А другая на горущкѣ,
 Машетъ крыльями слегка,
 Будто сваха на пирушкѣ
 Выхваляетъ жениха;
 Обѣ въ дѣлѣ безъ отбою,
 Нѣтъ ни день ни ночь покою.

А владѣлъ постройкой той
 Вдовый, хилый и невзрачный,
 И сухой какъ листь табачный,
 Мельникъ старый и сѣдой.
 Но зато ужъ былъ хозяинъ!
 Чуть настанетъ бѣлый день, —
 Онъ таскается какъ Каниъ,
 По хозяйству, словно тѣнь.

Слышно было, что въ амбары
 Старый хрычъ набилъ биткомъ
 Не хлѣба и не товары,
 А мѣшки всё съ серебромъ.
 А откуда, — лѣшій знаетъ, —
 Добылъ столько онъ добра,
 Эту пропасть серебра,
 И живетъ да поживаетъ!

Былъ про то различный слухъ:
 И ходила вѣсть въ народѣ,
 Что ему нечистый духъ
 Роетъ клады въ огородѣ.
 Ну, да есть ли правда гдѣ!
 Всѣ хотъ это и болтали,
 А спроси, такъ не видали
 Чорта съ заступомъ нигдѣ.

Вотъ другинъ такъ большае вѣры
 Можно бы ю приписатьъ:
 Тѣ слыкали ужъ примѣры,
 Что не диво усдыхаты:
 Говорили, что нечистый,
 Вѣсто вѣтру день и ночь,
 Дуеть въ мельницу чѣдъ мочь,
 Такъ и мелеть хлѣбъ зернистый.
 Вѣдъ разсудишь, такъ оно
 Не совсѣмъ и мудрено:
 Бѣсъ не вѣдаеть устатку, —
 Такъ ужъ созданъ вражій омыъ, —
 Ну, а мельникъ, для достатку,
 Договоръ и сладилъ съ нимъ!

Фрицъ, тотъ мельникъ прозывался.
 Видно Фирсъ. Ну, да у цихъ
 Ужъ совсѣмъ языкъ дѣмался;
 Не узнаешъ и своихъ.
 Ваньку прозвали Юганомъ, —
 Ну такой шальной устатъ!
 Знать объѣлися дурманомъ, —
 Нашъ Гаврило ихъ Густафъ,
 Оно — тоже, ни пол-слова;
 Да лукошко вѣдъ не жардъ!
 Чѣдъ Иванушкѣ здорово,
 Ужъ Югану вѣрно смерть.

Мельникъ Фрицъ жилъ въ этой долигѣ уединенно, работалъ, и зашибалъ капиталыцы.

«Всѣмъ на свѣтѣ по талану,
 А уроду — два: и дочъ
 У него, у бусурмана,
 Красотой была — умъ прочъ!
 Заглядѣние чѣдъ картина,
 Постановна, хороша;
 Губки, — чѣдъ твоя машина!
 Глазки, — ну, прошай душа!
 Просто, братецъ, съ непривычки,
 Въ перестрѣлкѣ этихъ глазъ,
 Будто рекрутъ въ первой стычкѣ,
 Оробеешь ты какъ разъ!
 А коса!... да вѣдъ кака?...

Вѣдь легко сказать коса!...
 Темно-русая! большаа!...
 Не коса, а чудеса.
 Плечи, ручки какъ вѣдь бѣды?
 Что тамъ снѣгъ да сахаръ твой!
 Братъ, совсѣмъ другое дѣло!
 Это счетъ совсѣмъ другой.
 То есть, просто чудо-ножка.
 Ну, цѣлуй хоть въ башмачокъ:
 Вся войдетъ, такая крошка,
 Вотъ въ огнивый чехолокъ.
 Словомъ красочка дѣвичина!
 Больно видѣ завнобливъ былъ.
 Есть другая, что картина,
 Похвалилъ да и забылъ,
 Что воды хлѣбнуть;—а эта
 На хвалу не наведетъ:
 Просто, братъ, не взвидишь свѣта;
 Разомъ за-сердце возьметъ.»

Эту дочь звали, немножко романтически, *Алиною*. Мельникъ, гордый своимъ благопріобрѣтённымъ богатствомъ и этимъ живымъ кладомъ, приблилъ къ двери своего домика—людямъ въ зависть, себѣ въ честь — такъ ужъ водится у Нѣмца — доску съ надписью: *Жизну безъ горя и печали*.

«Вишь какъ сбредилъ на яву
 Ойрсь Антищичъ! Мы слыкали,
 Что и смерть—не за горой:
 А для горя да печали
 Будетъ дочери одной.
 Прихвастнулъ! Ну, да извѣстно,
 Чортъ пособить, такъ оно—
 Не фигура. А ужъ честно
 Жить безъ горя мудрено!»

Однажды, съ возомъ ржи, пріѣзжаетъ къ мельнику молодой и статный деревенскій парень — по фамиліи Юганъ — видитъ Алину, и, съ перваго шагу на дворъ, влюбляется въ нее. Ивъ Меркулычъ не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго.

«Эго, братцы, кровѣ сказки,
 А воздѣ ужъ такъ въ полрадѣ,—
 У красавицъ то же глазки,
 Чтò у егеря зарядъ.
 Сердце—тетережь: поваля
 Порошинючка любви,—
 Ну, такъ и пиши—пропало!
 Ужъ свогъ и не зови!»

Юганъ, въ то же время нравится и мельнику. Онъ ловокъ, силенъ, рабочъ. Какъ у стараго скряги-мельника не было работника, то онъ нанимаетъ Югана къ себѣ на годъ въ батраки, съ уговоромъ, что они будутъ дѣлиться барышами по-ровну: все считанное добро—хозяину, а все несчитанное—работнику. Мельникъ увѣренъ, что онъ надулъ своего новаго слугу, потому что Фирсъ Антипычъ считаетъ всякое зернышко и записываетъ всякую копейку. Но старикъ никогда не считалъ своей дочери: дочь въ книгу не записана, и она, по договору, придется батраку, который, на основаніи этого вѣрнаго расчета, тотчасъ вступаетъ въ сладкія сношенія съ нею.

«Скажутъ: какъ же? чусь сошлся
 Ужъ слюбился! Вѣкъ живи,
 Говорятъ, и вѣкъ учися:
 Много ль надо для любви!...
 Въ передѣлкѣ рукопашной,
 Привелось передо мной,
 Разъ, рубачъ одинъ прѣстрашный
 Вдругъ схватился съ пѣхтурой,
 Съ нашимъ братомъ. Бьется сила,
 Штыкъ и сабля!... Еще мигъ,—
 Сабля черепъ раздвоила:
 А въ боку рубаки штыкъ!...
 Поквитались чисто!... Чтò же?
 Тутъ не надо лишнихъ словъ;
 Понимаешь, чай!... Ну то же,
 Такъ сражаетъ и любовь.»

Послѣ этого глубокомысленнаго разсужденія, Ивъ Меркульчъ, считаетъ нужнымъ *согнать съ Москвы Француза*, то есть, нюхнуть табаку вельнаго съ ногтя, и остановиться.

Вторая глава сказки начинается очень милою присказкою:

Какъ на морѣ Окіанѣ,
Надъ пучиною въ туманѣ
Дивнымъ дивомъ на весь міръ,
Видѣтъ камень Алатырь.
Какъ на камнѣ Алатырѣ,
Что ни есть дивнѣе въ мірѣ,
Красна дѣвица сидитъ,
Зорей личико горитъ.
Море буйное стихаетъ,
Рѣчь дѣвица начиняетъ;
Рѣчи серсбромъ звенять,
Очи яхонтомъ горятъ.
И дѣвица прослезилась,
И дневальному взмолилась:

«Гой еси ты молодець!
Господицъ ты мой, дневальный!
Будь родной ты мнѣ отецъ,
Въ лютой долюшкѣ печальной.
Ужъ какъ я илада терплю,
Да меня взлюбило горе;
Окіанъ, широко море,
Да его я не люблю.

Какъ взойдетъ заря румяна,
Я умоюся слезой, —
И слезника въ Окіанѣ
Станетъ жемчугъ дорогой.
А кудрями шелковыми
Оботрѣуся только я, —
Янтарями дорогими
Потечетъ съ кудрей струя.
Улыбнуся двю привѣтно, —
И улыбочку волна,
Съ усть, кораломъ самоцвѣтнымъ,
Для морскаго смоетъ дна.

Господицъ ты мой, дневальный
Безпардонный молодець!
Будь же мнѣ родной отецъ,
Въ лютой долюшкѣ печальной, —
И отказу не давай
На привѣтливое слово,

А солдатика лихого
 Миѣ въ забаву присылай. —
 Тучи по небу летаютъ,
 Море ярое реветъ,
 Буйны вѣтры завываютъ:
 Въ морѣ рыба-китъ плыветъ.
 На спинѣ у рыбы кита
 Кашеваръ сидитъ Никита,
 Киты въ голову стучитъ,
 Къ красной дѣвицѣ спѣшитъ.
 И стучитъ не кѣкъ попало,
 А какъ должно, по сигналу,
 Припѣваючи притомъ,
 То басомъ, то дискантомъ:
 «Хоть какую переправу,
 «Перейдемъ ее на славу!»

А зачѣмъ и почему,
 На китъ плыветъ Никита:
 Кромѣ дѣвицы и кита,
 Не извѣстно никому. —
 Какъ при городѣ Подолѣ
 Заблудился лѣшій въ полѣ;
 А на Лысой на Горѣ
 О полуночной порѣ,
 Подъ присвистку, съ переворотомъ,
 Молодая вѣдьма съ чортомъ,
 Подперлися подъ-бока,
 Задуваетъ трепака.
 Бѣсы зарятся на пляску,
 А кто хочеть, — слушай сказку.

Мѣсяцъ зорюшку сѣняетъ,
 Ночка за-днемъ настаеть,
 Заря мѣсяцъ прогоняеть:
 Время по-миру идетъ.

Ойрсь Антипычъ богатѣеть:
 У него баграць лихой, —
 Дать работы не успѣеть, —
 Дожилаеться другой.
 И покончивши работы,
 Нѣтъ вѣдь, чтобы отдыхать, —
 Ойрсь пока наводитъ счеты,

Какъ бы что не просчитать,—
 Онъ пособить и Алипъ:
 То свести, за тѣмъ сходять,...
 И въ анбарѣ и въ овинѣ
 Мало ль есть что пособить?
 Былъ ли толкъ съ того нѣбось,
 Нѣтъ известій никакихъ;
 Только волновать, изъ-подлобья,
 Опрсъ поглядывалъ на нихъ,
 Потому что случай вышелъ,
 Разъ,—ужь какъ тамъ ни толкуй, —
 А въ потьмахъ онъ самъ услышалъ,
 Чмокнулъ будто поцѣлуй.
 Ну, да знаете вы сами,
 Вѣдь не свой же братъ любви!
 Сами, братцы, мы съ усами.
 И у насъ не рыба кровь!....

Примѣтивъ любовныя продѣлки работника съ дочерью, мельникъ съ нетерпѣніемъ ждетъ окончанія года, чтобы разстаться съ опаснымъ помощникомъ. Настаетъ срокъ. Хозяинъ и работникъ приступаютъ къ расчету. Юганъ, по уговору, хочетъ взять на свою долю несчитанное добро, дочку мельника. Старый Нѣмецъ приходитъ въ бѣшенство и собирается согнать дерзкаго работника со двора, какъ-вдругъ дворъ наполняется всадниками, стрѣльцами, собаками: царь Карачунъ, заблудившись на охотѣ, со всѣмъ своимъ поѣздомъ остановился передъ домомъ мельника. Надпись—*Жизнь безъ горя и печали*—поражаетъ его. Кто смѣетъ въ его царствѣ хвастаться такимъ счастьемъ, когда онъ, могучій царь, не можетъ сказать про себя, чтобы жизнь его была чужда печали и горя. Царь Карачунъ разсердился, и зоветъ къ себѣ хозяина. Старый Нѣмецъ струсилъ: онъ умоляетъ своего обиженнаго работника выйти къ грозному повелителю и сказаться мельникомъ и сочинителемъ надписи. Плутоватый батракъ идетъ, и смѣло увѣряетъ царя, что онъ совершенно счастливъ, счастливѣе всѣхъ царей земли. Разгнѣванный Карачунъ кричитъ къ своимъ графамъ и князьямъ—

• О вельможи! что совѣтъ
 Ваши скажутъ? Дать отвѣтъ. •

Вотъ и стали, для отвѣта,
 Составлять они совѣтъ.
 И рѣшили: такъ какъ мельникъ
 Чернокнижникъ долженъ быть,
 И художникъ, и бездѣльникъ,
 То, въ примѣръ другимъ, казнить.»

Царь Карачунъ хочетъ, однако жъ, по своему неисчерпаемому милосердію, простить Югана, если онъ чисто рѣшитъ ему пять вопросовъ — далеко ли отъ земли до неба?—какъ измѣрить глубину моря?—гдѣ середина земли?—и прочее тому подобное. Юганъ, къ изумленію вельможъ, которые, при дворѣ царя Карачуна, не славятся умомъ своимъ, разрѣшаетъ всѣ эти мудренныя задачи отвѣтами, давно извѣстными изъ простонародныхъ сказокъ. Гдѣ же середина земли? — Да вотъ здѣсь, говоритъ батракъ, воткнувъ палецъ въ песокъ.

Тѣ вельможи межъ собой:
 — Какъ же это? — Да вѣстимо!
 Ужъ коли земля кругла,
 Такъ гдѣ хочешь середина:
 Вѣдь на шарѣ нѣтъ угла!
 Я съ рекрутства зналъ про это:
 Пономарь миѣ толковалъ,
 Что такой ужъ видъ у свѣта:
 Словно шаръ! Коли не вралъ,
 Видно, правда. И божиться
 Не боялся онъ грѣха,
 Что земля еще вертится.
 Вотъ ужъ это чепуха!
 Вѣдь, кажись, мы не муха:
 Какъ же бъ это намъ ходить?
 Нѣтъ, братъ! на-двое старуха
 Говорила, стало-быть.
 Да чего тутъ: ну, хоть мы бы
 Зацѣпились безъ труда,
 А моря-то всѣ стекли бы,
 Просто, чортъ знаетъ куда!
 Есть у всѣхъ свои просторы:
 Бабѣ, — печка да чуланъ,
 Мореходу, — сине море,
 Нѣмцу, — звѣзды да туманъ;

А меня, за тѣмъ отчасти,
Любопытство шевелить,
Что земля по нашей части,
Но пѣхотѣ, состоитъ.

Я у нисаря справлялся,
Какъ-то разъ, на этотъ счетъ.
Ну, и онъ, твердый, клялся,
Что вернется свѣтъ. Эхъ, жгеть!
Выпить любить: ну, случится
Подъ хмѣлькомъ идти домой, —
Вотъ земля и завернется,
Ну, а онъ-то — съ ногъ долой.
Вотъ и всѣ тутъ. — Да, шутите,
Я въ походахъ, вѣдь, бывалъ
Самолично, — какъ хотите,
И на-врядъ бы прозѣвалъ,
Если бъ выдалась примѣта.

Да! оно легко сказать :
А почти подъ-четверть свѣта
Намъ случилось отшагать.
Какъ тарелка!... Были горы:
Ну, да это тринь-трава;
Для солдата, просто, вздоры, —
Переходъ, а много два.

Пусть земля кругла въ наукахъ;
Я, безграмотный солдатъ,
Зги не вижу въ азахъ-букахъ:
Ровенъ свѣтъ какъ плацъ-парадъ!
И запишемъ такъ!... Случится,
Во хмѣлю, когда-нибудь,
Самъ повѣрю, что вернется;
А просплюся, — не надуты!

Вельможи царя Карачуна были совершенно согласны съ мнѣніемъ Ива Меркулыча, но никто не смѣлъ противорѣчить, потому что отвѣты смышленнаго батрака совершенно удовлетворили царя и самъ Юганъ пришелся ему очень по-нутру.

Ну, любезный! ужъ на-славу
Одолжилъ меня въ-конецъ!
Ты, я вижу, парень бравой,

То есть, просто молодец!
Изъ важнѣйшихъ!.. Ну, ты
Волею и награду выбирать.

Наградою, разумѣется, была Алина. Самъ царь Карачунъ изволилъ быть посаженнымъ отцомъ.

«Вотъ вамъ сказка для забавы.
Въ шуткѣ дѣло примѣчай:
Не хвались для доброй славы,
А живи да правду знай.
Будь солдатъ недлищебрный», и прочая.

Мы, однако жъ, не видимъ, какимъ образомъ эта прекрасная *мараль* проистекаетъ изъ содержанія исторiи, такъ *хвотски* изложенной Ивомъ Меркулычемъ. Мельнику вѣдь, который хвалился своимъ счастьемъ, ничего худого тутъ не случилось! Напротивъ, онъ еще, за дочь, которой *не ставилъ въ счетъ*, имѣлъ счастье получить отличнаго зятя, совершенно способнаго помочь тестю въ его главной страсти наживать деньги. Нельзя даже не удивляться, что Ивъ Меркулычъ, при такомъ отличномъ дарованiи къ краснбайству, рѣшился истратить столько остроты, столько наивной веселости, на такое скудное содержанiе. Мы боимся, что оно будетъ очень посредственно интересовать русскаго солдата, который вовсе не такой ребенокъ, чтобы дѣтская сказка, которую можно услышать отъ всякой нянюшки, была для него безцѣнною находкою въ печатной книгѣ. Кромѣ-того, съ какой стати введены сюда Нѣмцы, Фрицъ, Юанъ, Алина? Зачѣмъ герой сказки — бусурманъ, Нѣмецъ, а не Русскiй? Этою ошибкою, авторъ, вовсе о томъ не думая, придалъ только своему бойкому оригинальному разсказу видъ одной изъ тѣхъ вялыхъ и несчастныхъ повѣстей, которые фабриканы дѣтскихъ книжекъ поставляютъ публикѣ къ празднику въ видѣ *переводовъ съ иностраннаго, передѣланныхъ на русскiе нравы*. Зачѣмъ сюжетомъ сказки для солдатъ не избралъ онъ, лучше, одного изъ тысячи забавныхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ въ полкахъ о приключенiяхъ во время компанiй въ Персiи, Турцiи, во Францiи или Польшѣ, гдѣ бы русскiй солдатъ былъ на сценѣ, и

разыгрывалъ бы роль главнаго героя сказочной драмы, гдѣ бы его народное самолюбіе находило себѣ пищу, гдѣ самый уже предметъ подстрекалъ бы его гордость? Какая ему нужда — что Нѣмецъ *Юганъ* былъ хитеръ и явился хитрѣе другаго Нѣмца, *Фрица*? Пусть бы Русской, именно, русскій солдатъ, надулъ хитраго Нѣмца и удивилъ умомъ своимъ самого царя грецкаго или нѣмецкаго—это совсѣмъ дѣло другое! Такую сказку всѣ мы понимаемъ: она идетъ прямо къ цѣли. Даже изъ этого ребяческаго и избитаго сюжета можно было сдѣлать разсказъ чрезвычайно интереснѣй для нашихъ усачей, при рѣдкомъ красноречіи *Ива Меркулыча*: автору стоило только прибавить или измѣнить нѣсколько стиховъ, такъ, чтобы дѣйствіе происходило, напримѣръ, во Франціи: мельникъ Французъ, очень удобно, и даже очень забавно, остался бы по-прежнему *Фрицомъ* и Нѣмцемъ, а *Юганъ*, безъ нарушенія рѣшимаго могъ бы превратиться въ *Ивана*, молодаго русскаго солдата, который попавъ въ плѣнъ къ Французамъ, нанялся къ мельнику въ работники и слюбился съ его дочерью. Въмѣсто простоквашнаго царя *Карачуна* пусть бы на дворъ къ мельнику взѣхалъ *Наполеонъ*, со всѣми своими вельможами, пусть бы самъ *Наполеонъ* удивился уму и ловкости русскаго солдатика, пусть бы тутъ же сознался, что такіе люди не могли не согнать его съ *Москвы* и предложилъ *Ивану* генеральскій чинъ и команду надъ французскими егерями, если тотъ согласится вступить въ его службу, на что *Иванъ*, разумеется, не согласенъ. Онъ вѣренъ своему Царю и отечеству, хочетъ только своей ненаглядной красавицы и, до окончанія войны, будетъ работать на мельницѣ, а тамъ, воротясь въ отечество съ *Алиной* и дослуживъ положенные года, заведетъ подобную мельницу при *Волгѣ* и станетъ жить припѣваючи. *Наполеонъ* могъ бы, такъ же хорошо какъ и *Карачунъ*, быть его посаженнымъ отцомъ, а свадебный пиръ, если угодно, нападеніемъ казаковъ, поспѣшнымъ бѣгствомъ *Наполеона*, и радостью *Ивана* увидѣть своихъ и снова взяться за ружье. Измѣненіе въ разсказѣ было бы не большое, но эффектъ дѣйствія на читателя, интересъ для солдата совершенно другіе. Остроумный авторъ сказки

«Жизнь безъ горя и печали», конечно, самъ признаётъ справедливость этихъ замѣчаній и, въ такомъ случаѣ, онъ не пренебрежеть ими для усовершенствованія настоящаго своего произведенія и для занимательности будущихъ подобныхъ.

1. удалой гасконецъ и синяя борода. Романъ Еленя Сю, автора «Парижскихъ Тайнъ». Переводъ съ французскаго. Москва, въ тип. Степанова, 1845, въ-12., стр. 225.

2. пріяель мой пиффаръ. Повесть Поль-де-Кока. С.П.-бургъ, въ тип. Ольхина, 1845, въ-12., стр. 193.

Необыкновенный успѣхъ «Вѣчнаго Жида», который всѣхъ восхищаетъ, очень удобное для смышленныхъ людей время добывать изъ забвенія прежніе романы того же автора и пускать въ оборотъ сѣрую бумагу, залежавшуюся въ кладовыхъ. Предлежащій переводъ «Удалаго Гасконца» не имѣетъ другаго литературнаго значенія.

Что касается до перевода послѣдняго романа Поль-де-Кока, то тутъ не нужны даже и объясненія. Поль-де-Кокъ находилъ, находятъ и будетъ находить читателей — до «Жида» — при «Жидѣ» — и послѣ «Жида».

Imperium divisum cumlove Casear tenet.

Царство читательское раздѣляютъ между собою два властелина: вверху на облакахъ, господствуетъ Сю; внизу при землѣ — Поль-де-Кокъ.

Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина. А. Старчевскаго. С.П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1845, въ-8., стр. 292.

Карамзинъ заступилъ для насъ мѣсто всѣхъ прежнихъ русскихъ историковъ, которыхъ мы теперь не читаемъ и едва знаемъ по имени. Авторъ этого сочиненія, весьма справедливо, хочетъ воротить насъ къ источникамъ, къ знакомству съ предшествовавшими трудамъ и на поприщѣ отечественной исторіи, къ изученію того, что служило Карамзину основаніемъ и что слава его затмила. Съ этою

цѣлью авторъ проходить весь рядъ русскихъ историческихъ писателей, отъ Нестора до княгини Дашковой и Семена Андреевича Порошина, показывая, о чемъ каждый изъ нихъ писалъ, какими пользовался свѣдѣніями, средствами и матеріалами, что можно найти въ его сочиненіяхъ, и желая подать, посредствомъ этого обзорѣнія, въ любителямъ исторіи и ея изслѣдователямъ, нить-руководительницу въ темной, забытой области, гдѣ скрывается столько неразработанныхъ богатствъ. Назначенію этой книги, и совѣстливому способу, которымъ авторъ излагаетъ столь важный предметъ, нельзя не отдать полной похвалы.

РУССКІЕ ПОЛКОВОДЦЫ, или *Жизнь и подвиги российскихъ полководцевъ отъ временъ Императора Петра Великаго до царствованія Императора Николая Перваго. С. П.-бургъ, въ тип. Жернакова, 1845, въ-8., стр. 353.*

Книга издана прекрасно. Портреты превосходно гравированы по оригиналамъ, хранящимся въ царскихъ дворцахъ. Что касается до текста біографій, то одно уже имя Н. А. Полеваго, котораго перу принадлежать всѣ эти жизнеописанія, служитъ имъ достаточною похвалою. Мы надѣемся возвратиться къ блистательному изданію господина Жернакова въ другомъ отдѣленіи журнала.

ЛѢСНОЙ СЛОВАРЬ, составленный въ Департаментъ *Корабельныхъ Лѣсовъ. С. П.-бургъ, въ тип. Фишера, 1845, въ-8. Три части, съ атласомъ рисунковъ.*

О первыхъ двухъ частяхъ этого чрезвычайно важнаго для лѣсовладѣльцовъ и чиновниковъ по лѣсной части сочиненія, мы уже имѣли случай извѣстить читателей. Нынче вышла третья и послѣдняя часть, заключающая въ себѣ не менѣе осьми сотъ шестидесяти страницъ и въ особомъ томѣ, богатое собраніе пояснительныхъ рисунковъ. Все сказанное нами о достоинствахъ первыхъ двухъ частей совершенно прилагается и къ этой третьей. Мы можемъ указать на нѣсколько статей, которыя въ особенности показались намъ интересными и поучительными: та-

ковы—*Оцѣнка льсовъ, Почвы льсныя, Прочность древесныя, Рѣчное сообщеніе, Смола, Сосна, Среднее хозяйство льсовъ, Судопроизводство по льснымъ преступленіямъ, Физиологія растений* и всѣ вообще статьи о вредныхъ для деревъ насѣкомыхъ, статьи превосходно составленныя и богатыя полезными наставленіями, къ которымъ хозяева льсовъ не должны и не могутъ быть равнодушны.

НАЧАЛЬНЫЯ ОСНОВАНІЯ АЛГЕБРЫ, изложенныя адъюнктомъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея, Р. Щиглевымъ. С. П.-бургъ, въ тип. Гуттенберговой, 1845, въ-8., 243.

Спеціальное учебное руководство для употребленія слушателей автора. Въ подобныхъ трудахъ, первое достоинство сочиненія состоитъ въ томъ, когда самъ сочинитель имъ доволенъ. Мы надѣмся, что автору этой книги все тутъ совершенно нравится, за исключеніемъ можетъ-быть одной печати, которая—безъ лести сказать—ужасна,—небрежна, не ясна и испещрена безчисленными ошибками.

=

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

ОДА ВЪ ПОХВАЛУ ПРЕКРАСНАГО ПОЛА, читанная И. К.—мъ на пикникъ 4 февраля 1845 года, С. П.-бургъ, 1845. — Пикники, какъ кажется, начинаютъ быть полезными литературѣ. Но первый опытъ пикниковой поэзии вовсе не обворожительнъ.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРАЛЪ. Куплеты И. А. Москва, 1845. — Грязное подражаніе блѣдному «Петербургскому театралу», родившемуся въ прошломъ году на берегахъ Невы и скончавшемуся скоростипжно. Московская поэма украшена осемью литографіями — маральнаго виду — какъ говорить Ивъ Меркулычъ.

ЦАРИЦА НОЧІ. Переводъ съ нѣмецкаго, Адольфа фонъ-Имзена, С. П.-бургъ, 1845. — Желая видѣть опытъ переводу своего въ печати, юный переводчикъ «не имѣетъ въ виду ничего, кромѣ неизъяснимой дѣтской любви къ неощеннымъ попеченіямъ родителей о благѣ его будущности».

СКАЗКА О ДВУХЪ КРЕСТЬЯНАХЪ, домостроительномъ и расточительномъ. С. П.-бургъ., 1845. — Произведеніе мужицкой литературы, которая надѣется образовать умъ и сердце нашихъ крестьянъ, сочиняя для нихъ скучныя книжки безобразнымъ и дикимъ языкомъ.

НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СЕЛЬСКУЮ ЖИЗНЬ. С. П.-б. 1845. Авторъ этихъ «Новыхъ взглядовъ» знаетъ прелести деревни по своимъ вочинамъ (во множественномъ числѣ), и его «Взгляды стремятся всѣ къ той единственной благороднѣйшей цѣли, чтобъ имѣнія стали доходными и удовлетворяли всѣмъ требованіямъ утонченнаго вкуса.» Люди ученые упрекаютъ русскія деревни въ разныхъ недостаткахъ и русское сельское хозяйство во многихъ несовершенствахъ. Все это — предразсудки. Авторъ намѣренъ показать совершенную неосновательность общаго мнѣнія и въ первомъ своемъ «Взглядѣ» опровергаетъ «мнимое перерожденіе хлѣбныхъ растений, совѣтуетъ заводить семяныя поля, говорить о прелестяхъ георгины и о мѣрахъ

къ *бърному сбыту* хлѣба. Такихъ «Взглядѣвъ» будетъ много и къ каждому изъ нихъ авторъ обѣщаетъ «прилагать, безденежно, изъ собственнаго своего хозяйства», *семьдесятъ* новѣйшихъ хлѣбныхъ видовъ и кормовыхъ травъ, *черенки* оранжерейныхъ растений, *картофелины*, *луковичы*, *присѣки* розъ, яблоней, грушъ, *коренья* георгинъ и пепеловъ, *отростки*, *побѣги* и прочая, и прочая. При самомъ первомъ «Взглядѣ» читатель долженъ получить кулъ овса, поль-четверти американской ржи, два четверика ячменя, возъ рейграсоваго сѣна, корзину ягодъ крыжовника, сажень еловыхъ, лиственничныхъ и ясневыхъ дровъ, два мѣшка гороху, пятьдесятъ георгинъ и лучшихъ *Литоническихъ* цвѣтовъ и двадцать шесть сортовъ отличнѣйшаго маховаго маку. Ничего этого мы не получили, и не знаемъ, право, на какой конецъ прочитали весь этотъ «Взглядъ», даромъ, безъ всякихъ припасовъ. Просто — обман!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Читающая публика съ удовольствіемъ узнаеть о появленіи книги, или, правильнѣе, начала книги, столь необходимой и такъ давно ожидаемой на Руси, именно, хорошей исторіи русской литературы. Извѣстіе будетъ еще пріятнѣе, когда мы скажемъ, что этотъ важный трудъ предпринять и приводится въ исполненіе, человѣкомъ сбливающимъ въ себѣ всѣ условія, нужныя къ тому чтобы дать народу исторію его родной литературы въ видѣ, соответствующемъ величію предмета и современнымъ понятіямъ о прекрасномъ; объ искусствѣ и о вкусѣ. Никому такой подвигъ немогъ принадлежать болѣе по праву, какъ извѣстному и обще-любимому профессору русской словесности при здѣшнемъ университетѣ, А. В. Никитенко. Издаваемая имъ первая книга «*Опыта русской словесности*», заключающая въ себѣ только «Введеніе», наполнена тѣми глубокомысленными взглядами, одушевлена тѣмъ вѣрнымъ и живымъ чувствомъ прекраснаго, которые, въ его краснорѣчивомъ словѣ, такъ спльно воспаляютъ наше юношество любовью къ русскому языку и произведеніямъ его литературы. Ученый авторъ излагаетъ, въ «Введеніи» идею и значеніе литературныхъ исторій, методу ихъ изученія, ихъ источники, и, опредѣливъ въ частности идею и значеніе русской литературы, переходитъ къ опредѣленію ея періодовъ. Слѣдующія «книжки», которыхъ будетъ около десяти, представляютъ намъ отдѣльныя картины этихъ періодовъ, съ критическою оцѣнкою направленія, вкусу и произведеній каждаго изъ нихъ въ-особенности.

— «Библиотека для Чтенія», въ началѣ прошлаго года, старалась познакомить публику съ великолѣпнымъ твореніемъ знаменитаго хирурга, Н. И. Пирогова, которое составляетъ красу и честь русской медицинской литературы и за границу получаетъ живѣйшія похвалы ученыхъ. Мы говорили тогда только о первыхъ пяти тетрадяхъ «*Полнаго курса прикладной анатоміи человѣческаго тѣла*». Съ-тѣхъ-поръ вышли еще три тетради, шестая, седьмая и осьмая. Изданіе это продолжается съ примѣрною исправностью, благодаря дѣятельности автора и усердію изда-

теля, который не жалѣетъ никакихъ издержекъ на достойное русскаго имени исполненіе столь прекраснаго ученаго предпріятія. Издатель, какъ извѣстно, М. Д. Ольхинъ. Упомянувъ объ немъ, нельзя не присовокупить, что онъ съ такимъ же усердіемъ къ общей пользѣ распространяетъ всё болѣе и болѣе кругъ своихъ книготорговыхъ дѣйствій и вскорѣ на Руси, будетъ говорить: «Русская книжная торговля, это—Ольхинъ», какъ прежде говорилось: «это—Смирдинъ». Кромѣ богатыхъ петербургскихъ магазиновъ, онъ въ прошломъ мѣсяцѣ открылъ еще въ Москвѣ, на Тверской, въ домѣ Мятлева, обширный книжный магазинъ подъ своимъ именемъ, для того чтобы жители восточныхъ и южныхъ губерній могли получать всѣ нужныя книги скорѣе и дешевле чѣмъ изъ Петербурга.

— Въ Петербургѣ вышелъ первый выпускъ «Руководства къ патологической анатоміи», книги извѣстнаго вѣнскаго профессора, Карла Рокитнискаго, переводимой на русскій языкъ докторами Д. Минномъ и А. Циммерманомъ. Ученые переводчики начали полезный трудъ свой съ третьяго тома.

— Почтенный ветеранъ русской словесности, Сергій Николаевичъ Глинка, издаетъ теперь *Русское чтеніе, отечественные памятники осемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій*. Это собраніе статей, болѣею частью патріотическихкихъ, котораго первая часть уже явилась въ свѣтъ, посвящено «памяти Карамзина». Въ первой «части» содержатся—исторія зерцала Петра Великаго, —Разсказъ о Петрѣ и историкѣ Татищевѣ, —и два отрывка записокъ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго о походѣ его въ Черногорію и о чесменскомъ боѣ.

— Въ Казани вышло изъ печати—арабскій текстъ съ критическимъ вступленіемъ на русскомъ языкѣ—важное по части магометанскаго права твореніе восточной литературы: «*Мухтесеруль-викаетъ — курсъ мусульманскаго законовъдѣнія по школѣ Ханефидовъ*». Оно является впервые въ Европѣ. Издатель его — извѣстный ориенталистъ, профессоръ Мирза Казембекъ.

VI.

СМЪСЪ.

=

ПЛОДЫ ОВРАЩЕНІЯ БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ КЪ ЖИВОТНОМУ МАГНИТИЗМУ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что «Библиотека для Чтенія» не вѣрила животному магнетизму до выхода въ свѣтъ книги князя А. Долгорукаго о месмеризмѣ. Эта книга, о которой, если вы помните, недавно была рѣчь въ Лѣтописи, совершенно убѣдила насъ въ истинѣ всего что разсказываютъ о чародѣйствѣ этого таинственнаго дѣятеля. Почтенный авторъ говорилъ съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, приводилъ въ доказательство такія достовѣрныя происшествія, описывалъ такія чудеса, и такъ краснорѣчиво нападаетъ на тѣхъ, кто ихъ отвергаетъ, что «Библиотека для Чтенія» вообще и Лѣтописи въ особенности не оставалось ничего болѣе какъ объявить торжественно, что онѣ отнынѣ впредь вѣрятъ всему, — всему безъ исключенія. И вотъ первый плодъ благополучнаго обращенія нашего къ месмеризму. Почтенный авторъ, патриархъ русскихъ магнетизировъ, въ награду за нашу вѣру, почтилъ «Библиотеку для Чтенія» прелюбопытною, безцѣнною статьею, которую она считаетъ долгомъ своимъ немедленно представить читателямъ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОВРЕМЕННЫЙ ХОДЪ ЖИВОТНАГО МЕС- МЕРИЗМА

ВЪ РОССИИ.

=

Многіе русскіе врачи, бывшіе, между 1813 и 1820 годами, въ Вильнѣ, очевидными свидѣтелями фактовъ, показываемыхъ знаменитымъ магнитизёромъ, докторомъ философіи, камеръ-юнкеромъ Игнатіемъ Ляхницкимъ, занесли месмеризмъ, въ его новѣйшемъ видѣ, къ намъ, въ сердце Россіи. Извѣстный во всей медицинѣ врачъ, профессоръ и писатель, Юсифъ Франкъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Ляхницкаго. Въ Вильнѣ, на польскомъ языкѣ, и въ Лейпцигѣ на нѣмецкомъ, началъ издавать магнитическіе журналы, въ которыхъ участвовали Франкъ и Ляхницкій. Што-регенъ, Германнъ, родился, почти въ одно время, первыми извѣстными у насъ магнитизёрами. Имя Што-регена неоспоримо должно быть вписано съ честью въ лѣтопись науки и поставлено въ ряду знаменитѣйшихъ магнитизёровъ въ Германіи со дня Месмера.

Онъ даже черезъ письма повергалъ въ некоторыхъ своихъ пациентовъ прямо въ слобдѣніе и въ правозрѣніе.

Германнъ тоже былъ изъ числа хорошихъ европейскихъ магнитизёровъ.

Слѣдовательно у насъ еще съ 1813 года были магнитизёры.

Наконецъ явился сеоретикъ Велланскій. Онъ написалъ сеорію животнаго магнетизма и перевелъ книгу Клузе. О Велланскомъ ничего нельзя сказать болѣе въ исторіи месмеризма: онъ, къ сожалѣнію, не былъ магнитизёръ. Но до него, то есть, до 1818 года, у насъ не существовало объ этомъ предметѣ ни одного перевода, а сочиненія не только не переводили, но и не читали: проглядывали иногда статьи, сказочки, и тому подобнаго, въ журналахъ; но болѣе ничего. Слогъ его перевода и его сеоріи—образцовый; книга можетъ, не кра-

стиѣ, стоять въ библіотекахъ на полкахъ рядомъ съ первыми сочиненіями въ Европѣ. Если для практики теорія этой книги негодна къ употребленію, виновать Клуге, а не Веллаевскій. Если собственная его теорія, составленная человѣкомъ незнакомымъ съ практикою, далека отъ сущности и не объясняетъ силы животнаго магнетизма, всё же она писана рѣдкимъ врачомъ-ораторомъ, знаменитымъ психологомъ и физиологомъ. Сравните его сочиненіе съ швейцарскими новеллами; читайте Рикарда, барона Dupotet de Sennevoy: какая разница! Французы—добрые магнетизёры, но большіе хвастуны: бѣгутъ не оглядываясь, пишутъ чортъ знаетъ что, и имъ все сходитъ съ рукъ какъ-нельзя лучше. Обыкновенно, попадутъ на одну какую-нибудь методу, и не заботятся имѣть надлежащее понятіе о другикъ: увидѣвши другаго, месмерующаго иначе, записываютъ его дѣйствіе, издають книгу и называютъ это его методой, между-тѣмъ какъ тутъ методы вовсе не бывало. Напримѣръ: аббата Фарія метода — не его, а Расова; но Visagrd видалъ его приемы и присвоилъ ему чужое. Баронъ набралъ отъ польскихъ выходцевъ разные рассказы, перемѣшалъ ихъ съ чужими методами, факты Ляхницкаго приписалъ другимъ, и назвалъ это «Курсомъ». Отъ Французовъ все это принимается за чистое золото. Презабавный народъ! Посмотрите, они уже магнетизируютъ дождь, ходять къ больнымъ безъ зонтиковъ и дождь не смѣетъ мочить ихъ!

Извѣстно мнѣ отъ врачей Смольнаго Монастыря, что во времена Штофрегена, по нѣкоторому случаю, поручено было всѣмъ врачамъ составить совѣщаніе и рѣшить обще со Штофрегомъ вопросъ: «допустить ли месмеризмъ въ учебныя заведенія, или нѣтъ?» Но какъ на сторонѣ Штофрегена оказались не многіе, то животный магнетизмъ былъ наперсникъ въ заведеніяхъ.

Но примѣру первыхъ знаменитыхъ магнетизёровъ нашихъ, многіе изъ русскихъ врачей стали заниматься месмеризмомъ, употребляли его или случайно или для опыта.

Въ 1825, 1826, 1827, 1828 годахъ прославилась въ отечественности госжея Турчанинова, одаренная необыкновенною способностью слыть, на когирал, къ сожалѣнію, имѣ-

сто-того чтобъ основательно образовать себя по этой части, дѣльно заняться, послѣдовать наставленіямъ опытныхъ врачей-магнитистовъ, предалась своимъ несчастнымъ вымысламъ, прибѣгла къ какой-то варварской методѣ, бить дѣтей молотками и палками. Самонадѣянность ея, вмѣсто пользы человѣчеству, принесла только вредъ, вооружила врачей и принудила Правительство запретить госпожѣ Турчаниновой подобное занятіе.

Въ 1834 году въ Москвѣ (нынѣ, говорятъ, есть тамъ одинъ новый магнитизёръ, но я—человѣкъ странный, нипрошириваннымъ магнитизёрамъ, при всемъ уваженіи къ ихъ чинамъ, мало вѣрю), въ Москвѣ, въ 1834 году сталъ извѣстенъ магнитизёръ Бѣлоусовъ: не знаю, продолжаетъ ли онъ заниматься или нѣтъ; но должно по правдѣ отдать честь его занятіямъ, хотя занятія его и не такъ-то громогласны. Да что проку въ громогласности!..... Помилуйте, заплатитъ — такъ и объявлять въ газетахъ! А какому же истинному магнитизёру охота платить за свою славу! Да по-мѣму, кажется, лучше было бы объявлять черезъ газеты о врачахъ и магнитизёрахъ то, когда они дадутъ промахъ, когда возьмутся, да и не вылечатъ, а не то, когда кому-нибудь удастся вылечить. Чтò тутъ удивительнаго, что врачъ вылечилъ посредствомъ лекарства, или магнитизёръ посредствомъ месмеризма! На то этотъ — врачъ, а тотъ — магнитизёр!

Въ 1836 году, явился въ Москвѣ переводъ сочиненія Делеза: тутъ многое выпущено, однако, для желающаго приступить къ занятію по месмерской части, эта книга — хорошая азбука. Переводъ неизвѣстно чей.

Около того же времени въ Петербургѣ объявила себя магнитизеркою вдова Л^{***}, урожденная К^{***}. Объ ней можно сказать только то, что теперь извѣстно: у ней была, для сомнамбулическихъ предсказаній, преловная кумушка. Многое она бывало наскажетъ вамъ! У госпожи Л^{***} даже и овесъ прыгаль. Я, признаюсь, ей совсѣмъ не вѣрю, хотя еще недавно увѣрять меня Д. С. С. В. П^{***}, что въ М^{***} она много дѣлала добра, много у ней было сомнамбуловъ. Онъ лично былъ свидѣтелемъ. Сдѣланныя ему предсказанія не сбылись, но нынѣ его

всегда угадывалъ какой-то мѣщанинъ, приводимый ею въ ясновидѣніе. Я читалъ журналъ этихъ сеансовъ: вопросы въ немъ противъ правилъ, несообразны; вездѣ *сы—что самъ уютно*; отвѣты двусмысленны и сомнительны. Но, дай Богъ, чтобъ это была правда, чтобъ госпожа вдова Л*** занялась какъ слѣдуетъ магнитизѣру! Надобно еще прибавить, что она употребляетъ разныя висюльки и прочее, ими она сначала обвѣшиваетъ пациента, а потомъ, представляясь вдохновенною, вкладываетъ свои пальцы въ пальцы пациента на-крестъ, и такимъ образомъ месмеруетъ его во весь сеансъ.

Съ 1835 года и я сталъ заниматься месмеризмомъ. Въ 1839 представлялъ я свое маленькое сочиненіе о животномъ месмеризмѣ, которое, по опредѣленію Санктпетербургской Цензуры было отослано въ Санктпетербургскую Медико-Хирургическую Академію на разсмотрѣніе. Методы мои были вымараны; противники животнаго магнитизма выжали потомъ еще послѣдній сокъ, такъ, что изъ двадцати четырехъ листовъ осталось только листъ съ четвертью! Оно и напечатано въ 1840 году въ сорока экземплярахъ, и роздано друзьямъ. Я не жалею, и говорю объ этомъ только для того чтобы показать, какое, предубѣжденіе еще господствовало въ то время во врачебномъ сословіи противъ месмеризма. Мнѣнія съ-тѣхъ-поръ значительно измѣнились. Съ двадцать-девятого декабря 1839 я первый на Руси былъ формально допущенъ пользоваться больныхъ посредствомъ животнаго месмеризма въ казенномъ заведеніи въ Санктпетербургѣ, именно во Вдовьемъ Домѣ, и пользовалъ по двадцатое марта 1841. Я не говорю уже, что еще въ 1837 году былъ я употребленъ въ клиникѣ, а въ 1839 въ одной больницѣ.

Въ 1842 и 1843 годахъ стало уже слышно о неудачахъ, на месмерской сценѣ, оставшаго генералъ-маіора Пашкова, получившаго извѣстность въ отсутствіи мое изъ Петербурга. Но мнѣ чести звать лично этого прославленнаго магнитизѣра, не зная ни принятой имъ методы ни его правилъ, не могу ничего сказать; отъ прибѣгавшихъ ко мнѣ его пациентовъ много слышалъ похожего на дѣйствія

вдовы Д*** но по чужимъ словамъ, хотя и довольно вѣрныхъ людей, судить не осмѣливаюсь.

Въ эти годы отсутствія моего, посетилъ насъ магнитизёръ, Французъ, врачъ парижскаго сансульта, членъ Королевской Медицинской Академіи, баронъ Dupret-de-Sennevoü. Онъ пріѣзжалъ съ тѣмъ, чтобы распространить у насъ ученіе Месмера, но ему что-то не повезло: даромъ-что онъ отлично месмеруетъ дождь;—русское небо мочило его такъ же, какъ и насъ грѣшныхъ. Омыты его въ Обуховской (женской) Больницѣ надѣлали много шума, общала многое; но кромѣ нѣкоторыхъ физиологическихъ явленій ничего не обнаружилось: ни одной сомнамбулки, ни одного даже терапевтическаго факта. Это явно доказываетъ, что русскіе магнитизёры ничуть не хуже французскихъ; но только ихъ гораздо меньше и они не любятъ хвастать: впрочемъ—не всѣ....

Во время пребыванія у насъ сказаннаго барона, онъ былъ приглашенъ къ мужу одной моей пациентки, Е. Ѳ. Д. С***, который подверженъ сильному лунатизму: взлѣзаетъ во снѣ на крыши, произноситъ разныя воззванія, переговаривается съ какимъ-то лунатикомъ въ Гамбургѣ, говоря, что ихъ—только двое теперь въ мірѣ. Во время лунатическаго пароксизма явился къ нему баронъ съ своимъ секретаремъ; они застали его еще въ постели, въ судорожномъ состояніи всѣхъ членовъ, и въ этомъ состояніи сталъ баронъ его месмеровать. Когда лунатикъ началъ вставать, баронъ произнесъ: «Гдѣ ты былъ? что ты видѣлъ»? На это лунатикъ отвѣчалъ: «Вонъ пошелъ!... покуда я тебѣ не сломалъ головы!...» Когда же онъ баронъ сталъ приставать къ вставшему, тотъ кинулъ въ него столъ, которой попалъ въ дверь, весь въ дребезги разлетѣлся. Баронъ и секретарь такъ перепугались, что, позабывъ шубы, ушли изъ дому: принуждены были, съ шубами, догонять ихъ на улицѣ; между-тѣмъ лунатикъ отъ сильнаго напряженія чувствъ упалъ и, оставленный барономъ безъ пособія, подвергся конвульсіямъ съ нѣмною верту. Я уважаю почтеннаго барона, но этотъ поступокъ не показываетъ человека знакомаго съ таинствами природы, знатока своего дѣла, магнитизёра опытнаго не чести мес-

мезмизма. И вообще надо помнить, что баронъ своимъ посещеніемъ Россіи не способствовалъ къ распространенію въ ней животнаго магнетизма. Присутствіе его здѣсь не принесло ни какой пользы, напротивъ, послужило ко зрѣду, потому что многіе враги месмеризма говорятъ теперь: «Когда ужъ самъ ихъ парижскій баронъ ничего не могъ сдѣлать, ничего не могъ показать, такъ что имъ оми!» Это самъ я слышалъ отъ одного очень умнаго человѣка, члена Медицинскаго Совѣта. Между-тѣмъ, пріѣхавъ во Францію, баронъ распускалъ, что онъ-де перемѣнилъ употребленіе животнаго месмеризма въ томъ отдаленномъ краю, что у насъ-де такихъ чудесъ не видывали и не слышали; что съ удивленіемъ всѣ на него смотрѣли; да еще объявилъ около десяти учениковъ своихъ въ Россіи, въ число которыхъ и я удостоился чести быть внесеннымъ. А между-тѣмъ, я его здѣсь и не видалъ! Правда, я съ нимъ былъ въ Бернскѣ, и получилъ отъ него книгу, но за годъ до его посещенія взявши что-то я посвящалъ ему книжку, второе мое вмѣстѣ съ докторомъ Николаевымъ сочиненіе о месмеризмѣ.

По малочисленности русскихъ магнетизеровъ должно упомянуть и объ олонцкомъ крестьянинѣ, Трифоновѣ, который производитъ сильное физическое давленіе треніемъ. Разсматривая это дѣйствіе, мы неоспоримо должны признать его простымъ месмерованіемъ посредствомъ тренія. Подобное явленіе, всякой магнетизеръ, разъ видѣвши, легко можетъ произвести, если захочетъ, и тогда, съ преимуществомъ правды, оно даже можетъ быть полезно, но въ весьма рѣдкихъ и ограниченныхъ случаяхъ. Между-тѣмъ Трифоновъ-господинъ беретъ за все и за всѣхъ, даже и за внутренніе маточныя скрипы.

Сочиненія въ Россіи о животномъ месмеризмѣ вышли на отечественномъ языкѣ слѣдующія: Первое, 1818 года, переводъ книги Клуге съ «Теоріею» переводчика, господина профессора Велланскаго, посвященное памяти Месмера. Второе: «Руководство къ практическому изученію животнаго магнетизма,» переводъ французскаго сочиненія Делеза, посвященное любящимъ сужденія свои основывать на собственныхъ опытахъ, 1836. Третье: «Месмеризмъ Алексѣя

Москвитянина, или Ничто о животномъ магнетизмѣ», сочиненіе мое, посвященное почетному лейбъ-медику Вольскому, 1840. Четвертое: «Животный mesmerизмъ», тоже сочиненіе мое, посвященное врачамъ А. Николаеву и барону Дюотё. Съ этими четырьмя сочиненіями, сѣбѣ скажу, можно дойти до всего: ключъ данъ; нужны только терпѣніе, трудъ и постоянство, въ которыхъ путеводителемъ долженъ быть собственный умъ и доброе сердце; если ихъ нѣтъ, такъ и братья нечего. Разузнется, мы кажемся ищущими на факты противъ Французовъ: тамъ, въ одномъ Версальскомъ Обществѣ до сорока человекъ членовъ, которые занимаютъ въ какомъ-нибудь миллионѣ людей, тогда какъ у насъ въ пятидесяти миллионахъ на весь огромный пространствѣ нашего отечества наврядъ-ли наберется десять человекъ со всѣми ранеными и хромыми магнетизёрами. И въ числѣ этихъ сорока членовъ, мы еще не видимъ многихъ извѣстныхъ во Франціи магнетизёровъ, напримѣръ самого барона Дюотё. Вотъ списокъ извѣстныхъ мнѣ магнетизёровъ въ Россіи, со включеніемъ и врачей, признающихъ силу животнаго магнетизма, но лично почти имъ не занимающихся:

ВЕРСАЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Почетные члены.

ВАРТЕНЕ, начальникъ учебнаго заведенія.

ВАТТАЙЕ, врачъ городской больницы.

BAUDARD DE SAINTE-JAMES, пресѣдатель общества адвокатовъ.

BELIN, аптекаръ.

BLOSSEVILLE, графъ.

BRINDES, врачъ.

BOUSHAÏN, архитекторъ.

НАСQUART, аббатъ.

НУОТ, отецъ, бібліотекаръ продолжатель Мальте-Бруна.

JOUSSELIN, графъ.

LEFRANÇOIS, врачъ.

LEVOI, врачъ.

НОВЛЕ, врачъ.

РАРИС, аббатъ.

РУССКІЕ ИЗВѢСТНЫЕ МАГНИТИСТЫ.

Врачи:

Смальскій, дѣйствительный статскій совѣтникъ *самъ*.

Оксъ, докторъ, признающій.

Вольскій, почетный лейбъ-медикъ, врачъ Училища Торговаго Мореплаванія, признающій и употребляющій.

Гиггенвотонъ, гофъ-медикъ, старшій врачъ Больницы Сестеръ Милосердія, признающій и употребляющій.

Николаевъ, Смоленскаго Монастыря врачъ, признающій и употребляющій.

Арендтъ, лейбъ-медикъ, признающій.

Добровольскій, гофъ-медикъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, непремѣнный кон-

Риссен, агрономъ.
QUIET, профессоръ физическихъ наукъ въ Королевскомъ Училищѣ и въ Нормальной Школѣ въ Версалѣ.

REMILLY, адвокатъ, депутатъ и меръ Версаля.

VAN NISSEN, профессоръ специальныхъ математическихъ наукъ въ Королевскомъ Училищѣ.

VITRY, хирургъ въ городской больницѣ.

VOIS, протестантскій пасторъ.

Второстепенные члены.

AMADIEU, начальникъ учебнаго заведенія.

BATAILLE, живописецъ.

BOISVISEUX.

CHEVEL, отставной подполковникъ, писатель.

CHEVALOT, адвокатъ.

DELEROT, бывшій стряпчій, товарищъ мера Версаля.

DEMANCHE, бывшій чиновникъ военного вѣдомства, товарищъ версальскаго мера.

DUVENNOU, бывшій нотариусъ, редакторъ газеты La Presse de Seine-et-Oise.

JOUVERT, стряпчій.

LAUGIER, начальникъ заведенія.

LEMONNIER, совѣтникъ префектуры, главный секретарь.

LEPOITTEVIN, архитекторъ.

LOMOND, адвокатъ.

LUYS, состоящій по префектурѣ.

MONTALANT-BOUGLEUX, типографщикъ.

RASOUD, бывшій воспитаникъ Политехнической Школы.

RISARD, помѣщикъ.

RIEUR DE LACOMBE, директоръ сборовъ.

VEUTARD, помѣщикъ.

Корреспонденты.

ТѢТЪ, докторъ медицины въ Парижѣ.

судьянтъ больницы Сестеръ Милосердія, признающій.

шольцъ, лейбъ-акушеръ, докторъ кающій.

мелланскій, заслуженный профессоръ, секретникъ токмо.

крузъ, врачъ, младшій консультантъ больницы Общества Сестеръ Милосердія, самъ.

корнелюсъ, старшій врачъ Смольнаго Монастыря, самъ частію.

шернигъ, докторъ, самъ.

шпереръ, старшій врачъ Маринской Больницы, признающій.

мзайловъ, профессоръ, самъ.

Магистры практикующіе какъ врачи, подъ руководствомъ врачей.

БЪЛОУСОВЪ, кандидатъ философіи.

ДОЛГОРУКОЙ, князь, студентъ медицины, нынѣ состоящій при больницѣ Общества Сестеръ Милосердія въ званіи магистра.

Лица занимающіеся месмеризаціею.

ТРИФОНЪ, крестьянинъ, непризнающій руководства врачей (изъ того, кто что дастъ), въ Петербургѣ, въ домѣ Пустошкина, на Фурштатской.

ЛУКИНА, урожденная Кампиони, вдова (по ряду), непризнающая руководства врачей во все.

ПАШКОВЪ, отставной генералъ-майоръ, избѣгающій врачей (безъ всякаго возмездія), въ Петербургѣ, въ домѣ Блока, около Владимирской.

Сб., 18 марта 1845.

Магистръ князь Алексѣй Долгорукой.

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЕЙ НИНЕВИИ. *Вавилонскій музей въ Парижѣ.* Весь Парижъ теперь только и толкуетъ, что о слѣдствіяхъ археологическихкихъ розысковъ въ Хорсабадѣ, на мѣстѣ древней Ниневіи, произведенныхъ съ полгода назадъ. Моднымъ львомъ-художникомъ сталъ молодой живописецъ Eugène Flanlin. Мастерская его востра наполнена толпою любопытныхъ, ученыхъ, свѣтскихъ и государственныхъ людей, которые приходятъ лично удосто-вѣряться въ подлинности неожиданнаго открытія для исторіи и этнологіи и потолковать о библейскихъ преданіяхъ, гвоздеобразныхъ языкахъ, персепольскихъ надписяхъ, ассирійскихъ царяхъ, при чемъ нерѣдко случается вспомнить и о Столпотвореніи Вавилонскомъ. Съ мно-горыхъ поръ журналы уже не-разъ говорили объ этихъ любопытныхъ открытіяхъ, но такимъ поверхностнымъ или невѣжественнымъ образомъ, что намъ совѣстно было повторять ихъ разглагольствія. Вѣрить рассказамъ людей, которые толкуютъ о вещахъ, не подходящихъ подъ уровень ихъ познаній, всегда опасно. Мы считаемъ себя счастливыми, что можемъ теперь сообщить нашимъ читателямъ подробности, которыя, кажется, довольно приближаются къ истинѣ.

Господинъ Ботта, сынъ историка, французскій консулъ въ Моссулѣ, которому принадлежитъ первая честь этого открытія, примѣтивъ поразительное сходство имени Ниневіи съ названіемъ деревни *Неймко*, лежащей въ окрестностяхъ Моссула, захотѣлъ, три года назадъ, узнать, дѣйствительно ли въ мечети этой деревни находится гробница Іоны, о которой мусульмане много говорятъ, которую однако жъ мало показываютъ. Эта гробница Іоны—простой камень, безъ всякой надписи, и потому не представляетъ ничего археологическаго. Господинъ Ботта пересталъ думать объ этой гробницѣ и расположился раскопать одинъ сосѣдній холмъ. Тутъ одинъ Арабъ изъ Хорсабада, деревни, лежащей въ четырехъ льѣ отъ Моссула, замѣтилъ ему, что розыски, вѣроятно, будутъ удачнѣе съ той стороны, гдѣ многочисленныя развалины уже съ давнихъ поръ доставляютъ мѣстнымъ жителямъ матеріалъ для построекъ. Ботта тотчасъ отпра-

находъ въ Хорсабадъ, расположенный на холмѣ, на берегу Тигра. При первыхъ работахъ въ склонѣ холма открыли единъ монетъ и дальнѣйшія разсазѣванія не оставили ни какаго сомнѣнія насчетъ существованія значительныхъ остатковъ древнихъ зданій. Это былъ лучъ свѣту. Комсулъ немедленно написалъ въ парижское министерство, наложилъ важность первой находки и просилъ предвидѣній въ денегъ на предпріятіе. Ему отпустили такую сумму, что онъ могъ купить весь Хорсабадъ и француженному посланнику въ Константинополь поручено ходатайствовать у Порты о позволеніи на это. Молодой археологъ Евгений Фланденъ, развившій свой талантъ рисовальщика въ путешествіи во Персію, былъ присланъ французскими правительствомъ для управленія работами.

Господинъ Фланденъ призналъ важность скульптурныхъ произведеній, открытыхъ господиномъ Боттой. Въ первыхъ извѣстіяхъ объ открытіи, сообщенныхъ парижскими газетами, было сказано, что на оборотной сторонѣ найденныхъ барельефовъ находятся изваянія, еще древнѣйшія. Это не вѣрно. Господинъ Фланденъ не находилъ ничего подобнаго. Когда, послѣ нѣкоторыхъ затрудненій, Porta согласилась дать позволеніе на розыски, покупку земли и отсылку барельефовъ во Францію, господинъ Фланденъ, сдѣлавшись хозяиномъ деревни, срылъ всѣ лагуны, очистилъ холмъ совершенно, нанялъ около двухъ сотъ работниковъ изъ Курдовъ и Арабовъ, началъ свои работы съ того мѣста гдѣ остановился господинъ Ботта и слѣдуя направленію кирпичныхъ стѣнъ вскорѣ совершенно отрылъ въ осьми метрахъ подъ поверхностью земли массу развалинъ, которыя будучи возстановлены, представляли не менѣе пятнадцати покоевъ, то есть цѣлый дворецъ.

Стѣны, сложенные изъ нежженого кирпичу, были одѣты плитою изъ твердаго, очень мелкозернистаго мрамору, озъ барельефами. Эти плиты были прикрѣплены къ стѣнамъ скобками, которыя, судя по найденнымъ въ землѣ мезаллическимъ остаткамъ, казались разрушенными огнемъ. Верхнія части стѣнъ были сложены изъ большихъ

кирпичей, въ которыхъ востроены и извилискіе паватники.

Стойма найдены только кирпичные остовы стѣнъ, но подлѣ нихъ, на зсмгѣ, въ симметрическомъ порядкѣ лежали принадлежавшія имъ изваянныя плиты въ томъ же видѣ какъ ихъ сбросило пламя пожара Ниневіи. Господинъ Фланденъ, подбирая барельефы замѣтилъ, что они, благодаря своему падевію лицомъ на землю, очень хорошо сохранились. Но мраморъ, кальцинированный пламенемъ и временемъ, сталъ до такой степени хрупокъ, что подъ руками превращался въ пыль. Несмотря однако жъ на эти неудобства, найденныя въ пятнадцати покояхъ плиты представляютъ рядъ барельефовъ, которые по работѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ равняются съ мастерскими произведеніями скульптуры въ Персеонѣ. Всѣ они имѣютъ около трехъ метровъ вышины. Подъ каждымъ изваяніемъ находятся надписи гвоздеобразными буквами, въ которыхъ господинъ Ботта видѣтъ двѣ системы письменъ, одну древнѣе другой. Персепольскія надписи отличаются отъ хорсабадскихъ тѣмъ, что они на трехъ языкахъ. Въ архитектурѣ развалинъ Персеполя и развалинъ Ниневіи не замѣтно ни какого сходства. Но иное дѣло въ скульптурѣ. Было бы даже весьма любопытно изучить и вывести сравненіе искусства эгинскаго и египетскаго съ этимъ доселѣ незнаемымъ искусствомъ, которое, говорятъ, заслуживаетъ удивленія знатоковъ. Искусство, проявляющееся въ ниневійскихъ барельефахъ, — будь оно временъ Семирамиды или хоть не далѣе временъ Навуходоноссора, — имѣетъ важное достоинство. Можно составить себѣ понятіе, какой видъ нѣкогда представляли эти барельефы, когда узнаемъ, что пять наибольшихъ покоевъ имѣютъ каждый по четырнадцать саженъ длины. Есть покои, въ которыхъ находится по два ряда барельефовъ. Они изображаютъ обыкновенно сраженія, пиры и охоты. Есть другіе покои, въ которыхъ изваянія тянутся только въ одинъ рядъ. Въ такомъ случаѣ фигуры колоссальны. Вездѣ характеръ головъ персидскій. Ноги выполнены съ анатомическою подробностью и чрезвычайною чистотой. Утварь, одежды и вооруженія отдѣланы

съ удивительною тонкостью лѣпки. Тутъ вы видите царскіе сосуды, съ гладкою верхнею частию и нижнею, украшенною изваяніями. Тамъ побѣжденные цари держатъ на рукахъ свои города подобно тому какъ монахи среднихъ вѣковъ въ картинахъ Гольбейна и Кранаха носятъ свои монастыри подъ мышкой. Находите также трехконцовую плеть, которая у анатольскихъ курьеровъ до-сихъ-поръ сохранилась въ употребленіи; военныя машины, подобныя тѣмъ какія употреблялись крестоносцами при осадѣ Врусалима и, что весьма любопытно, даже наклонную плоскость, по которой подводились къ укрѣпленіямъ города тараны осаждающихъ. Глаза зрителя непременно остановится также на изображеніи опустошенія храма, гдѣ Ассирійцы—побѣдители взвѣшиваютъ разбитаго на части идола на вѣсахъ, изобрѣтеніе которыхъ сдѣлало бы честь и новѣйшимъ механикамъ. Далѣе видите большую скачку, въ которой преслѣдуютъ краснаго звѣря въ рощахъ, похожихъ на сосновыя и въ которыхъ пглы деревьевъ переданы превосходно. Символическія птицы египетскихъ скульпторовъ; присутствіе негритянскаго типа; почти общее отсутствіе женщинъ; плотно прилегающія къ тѣлу кирасы, о которыхъ упоминаетъ Геродотъ; стиль драпировокъ, похожій на тотъ, что въ Парѣнонѣ; греческіе архитектурные листья; эмблематическіе олени рога, напоминающіе Аммона, и всѣ частности вивейскихъ остатковъ отличаются характеромъ чрезвычайно замѣчательнымъ. Но что въ-особенности привлекаетъ вниманіе, такъ это стиль лошадей, гораздо болѣе окончанный нежели на греческихъ барельефахъ первой эпохи. Формы, выраженіе, сбруя, все показываетъ не только не младенчество искусства, но напротивъ, даже зрѣлость и въ-которое совершенство.

Барельефы хорсабадскаго дворца были раскрашены. Открываются еще остатки краски даже на кирпичныхъ фризахъ по внутреннимъ стѣнамъ покоевъ. Но палитра вивейскихъ художниковъ была не богата: оттѣнки ихъ ограничивались четырьмя цвѣтами, краснымъ, чернымъ, синимъ и желтымъ. Удивительно, что послѣ пожара, который превратилъ камень въ извѣсть и расплавилъ ис-

таллы, живопись на барельефахъ сохранила необыкновенную свѣжесть. Впрочемъ общій видъ всазапій не отличается большимъ разнообразіемъ: принятые типы повторяются одинъ на другій и повторяются; на всѣхъ царяхъ тиары; всѣ еяухи совершенно одинаково дородны. Есть отличительное выраженіе фizioноміи, но не у вѣснаго лица, а у всякаго класса лицъ. Слабыя отличія въ подробностяхъ исчезаютъ, когда судишь о цѣломъ. Замѣтно, что ассирійскій скульпторъ былъ ограниченъ, когда изображалъ лица, и пользовался совершенною свободою только въ изображеніи аксессуаровъ. Ногти, пальцы, бороды, прически изваяны съ необыкновеннымъ терпѣніемъ и вкусомъ. За исключеніемъ эмблемъ всѣ представляемыя сцены, по-видимому, историческія. Фигуры имѣютъ то полтора аршина, то полторы сажени вышины и около двухъ вершковъ выпуклости. Полтора-саженныя фигуры обыкновенно находятся на фасадахъ зданія. Главнѣйшій сюжетъ ихъ—сраженія. Современная религія играетъ въ нихъ только посредственную роль.

По открытіи покоевъ можно было снять планъ ипподамскаго дворца и продолжать розыски далѣе по направленію, какое указывалъ этотъ планъ. Въ самомъ дѣлѣ послѣдующія разрытія обнаружили основанія стѣны, которая, простираясь отъ холма въ долину, обнимаетъ четырехугольное пространство, длиною не менѣе четырехъ верствъ; господинъ Фланденъ думаетъ, что тутъ былъ садъ. Заборъ этотъ, по-видимому, былъ снабженъ башнями и обведенъ рвомъ. Наконецъ, по показаніямъ господина Фландена, отъ Нейнива до Хорсабада, на лѣвомъ берегу Тигра, на пространствѣ верствъ шестнадцати легко можно открыть непрерывную цѣпь искусственныхъ возвышеній, которыя должны быть не что иное какъ кучи разваливъ огромнаго города, засыпаннаго землею.

Господинъ Ботта, судя по историческому характеру ипподамскаго и по числу покоевъ, полагаетъ, что хорсабадское зданіе не храмъ и не гробница, а, вѣроятно, царское жилище. Въ тѣхъ частяхъ зданія, которыя кажутся наружными, полъ вымощенъ широкими кирпичами въ два ряда, съ промежуточнымъ слоемъ песку. Второй рядъ кирпич-

дѣлѣ въ грунтѣ посредствомъ толстаго слою горной смолы. Оторвавъ нѣсколько такихъ кирпичей нашли маленькую фигуру изъ обожженной глины, одѣтую подобно эмалематическимъ лицамъ барельефовъ и покрытую синюю эмалью. Фигурка была положена на синю въ ямкѣ, аккуратно сдѣланной изъ четырехъ кирпичей и накрытой пятимъ, который составлялъ часть мостовой. Такихъ фигурокъ было найдено нѣсколько и всегда въ извѣстныхъ мѣстахъ, подѣ порогами, по правую и по лѣвую сторону дверей зданія. Это, вѣроятно, были боги-пенаты.

Унакованныя и сложенные въ Хорсабадѣ на паромахъ остатки Нишевиа ждутъ въ Бассорѣ казеннаго судна, чтобы отправиться черезъ Персидскій Заливъ въ Парижъ. Будущею зимою тамъ уже можно будетъ видѣть «Вавилонскій Музей», который уже устривается въ нижнемъ этажѣ Лувра. Всѣ открытые барельефы, будучи положены въ рядъ заняли бы черту въ двѣ версты длиною. Очень цѣнные оказались способными выдержать перевозку. Посылка однако жъ состоитъ изъ сотни штукъ, которыя представляютъ сорокъ пять барельефовъ. Тутъ въ-особенности примѣчательны два колоссальныхъ быка, отъ главнаго входу зданія. Быки эти имѣютъ пятнадцать футовъ вышины и шестнадцать длины. Они весьма хорошо сохранились, такъ же какъ и два мола, тоже шестнадцати футовъ росту. Идолы имѣютъ полукруглую выпуклость; быки вволюину плонде. Божество, руками задушающее льва, лежало на землѣ, разбитое на три части, которыя однако жъ не пострадали. Въ числѣ посылокъ находится также бронзовыи левъ, по-меньше колоссальныхъ барельефныхъ быковъ, и фигурки, найденныя подѣ кирпичною мостовою.

НОВАЯ ЛАФАЙЛЬ. Трогательная исторія несчастной *mademoiselle de La Fayette* такъ извѣстна всѣмъ читателямъ, что оиѣ, безъ сомнѣнн, пожелають узнать одно современное приключеніе въ томъ же родѣ. Одинъ французскій журналъ рассказываетъ, что въ исходѣ ноября 183..... года марсельскій мегоціантъ мосьѣ Берто воротился домой до закрытія утренней биржи и не велѣлъ ду-

скать къ себѣ никого, безъ исключенія. Мосѣ Берто нѣмѣлъ обыкновеніе всякій день принимать послѣ обѣда посѣщенія друзей и просителей. Стало-быть, всякому, кто зналъ правильныя и неизмѣнныя привычки негоціанта, такое распоряженіе могло казаться важнымъ и подѣть поводъ къ догадкамъ о какомъ-нибудь неожиданномъ переворотѣ, весьма возможномъ въ торговой жизни.

Проникнувъ въ кабинетъ мосѣ Берто, можно было бы убѣдиться въ основательности такой догадки. Старикъ въ сильномъ волненіи прохаживался большими шагами. На лицѣ его, обыкновенно спокойномъ и кроткомъ, отражались слѣды сильной душевной тревоги. По временамъ онъ входилъ къ конторкѣ и приставлялъ ключъ къ замку, но невидимая сила, казалось, останавливала его дрожащую руку. Послѣ нѣсколькихъ секундъ колебанія онъ положилъ ключъ на каминъ и сталъ прохаживаться съ отрывистыми, глухими восклицаніями. Вдругъ, какъ-будто бы желая положить конецъ тревогѣ, скорыми шагами подошелъ къ конторкѣ, поспѣшно написалъ нѣсколько строкъ, потомъ съ силою отперъ конторку, схватилъ два пистолета и проворно зарядилъ.

— Не хочу быть свидѣтелемъ своего безчестія! сказалъ онъ съ твердостью, поднявъ взоръ къ небу.

Но въ этомъ движеніи глаза его невольно обратились на портретъ, который висѣлъ на стѣнѣ. Берто медленно опустилъ руку съ пистолетомъ, который уже приставилъ-было къ сердцу.

Это былъ граціозный портретъ молоденькой дѣвушки, розовой блондинки съ прелестною и нѣжною улыбкой. Берто былъ блѣденъ какъ мертвецъ; глаза его наполнились слезами, а дѣвушка всё улыбалась ему съ выраженіемъ радости и счастья. Нѣтъ ничего ужаснѣе встрѣчи безпечнаго веселья лицомъ къ лицу съ глубокимъ страданіемъ, котораго единственная укротительница - смерть. Берто, казалось, понялъ это. Онъ сѣлъ, опустилъ голову на обѣ руки и долго оставался погруженнымъ въ глубокую, скорбную думу.

— Испытаю это послѣднее средство, сказалъ онъ наконецъ вставая.

Онъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Если дочь моя дома, попроси ее сюда.

Вскоръ потомъ, распѣвая, вошла дѣвушка.

Какъ ни искусно и прекрасно былъ написанъ портретъ, однако жъ онъ едва подавалъ понятіе о Міеттѣ, прелестной, живой, рѣзвой, и умной осьмнадцати-лѣтней дѣвущкѣ, для которой, казалось, нарочно было придумано это милое провансальское имя, Міетта, то есть Крошка.

Когда Міетта вошла, Берглю заперъ дверь на ключъ и остановился передъ дочерью.

— Дитя мое, сказалъ онъ прерывающимся голосомъ: я получилъ извѣстіе, которое можетъ причинить много несчастія. Судно, котораго я ожидалъ со дня на день, погибло у береговъ Африки, съ людьми и съ грузомъ..... со всѣмъ. Я разоренъ.... разоренъ совершенно.

Пораженная Міетта бросилась въ объятія отца и старалась унять его отчаяніе, потомъ благородно подняла голову, какъ-будто бы внезапно вдохновенная.

— Батюшка, сказала она: я съумѣла бы съ твердостью перенести нищету. Но Маріи богать. Черезъ нѣсколько дней мы будемъ соединены и мой мужъ, сдѣлавшись вашимъ сыномъ, съ радостью поможетъ вамъ поправить дѣла.

— Благородное дитя!... Но дѣло идетъ не только о моемъ имѣніи..... дѣло идетъ о моемъ добромъ имени, о моей чести. Я въ этомъ предпріятіи рисковалъ капиталомъ, который превосходитъ мою собственность. Маріи не можетъ спасти меня отъ банкротства.... Это такое несчастіе, котораго я не переживу... Я не могу видѣть свое имя опозореннымъ.... я не могу дожить до этого....

Міетта машинально оглянулась въ комнатѣ, примѣтила лежавшіе на конторкѣ пистолеты и съ крикомъ бросилась къ страшному оружію. Берглю удержалъ ее за руку и прибавилъ:

— Вошедши въ эту комнату я принялъ твердое намѣреніе. Я хотѣлъ положить конецъ опозоренной жизни, какъ-вдругъ мнѣ пришла спасительная мысль.... Міетта, моя жизнь въ твоихъ рукахъ; ты можешь спасти меня.... хочешь ли?

— Я, паненька?... о! говорите, говорите!

— Я сокрушу твоё сердце. Я потребую отъ тебя жертвы, быть-можетъ, выше силъ твоихъ, но вспомни, что твой отказъ — моя смерть. Мистта, дѣйствительно ли ты любишь Марію?

— Люблю ли я Марію? дрожащимъ голосомъ повторила Мистта.

— Бѣдное дитя! прошепталъ Берто съ прискорбіемъ.

Мистта остановила на немъ безпокойный взоръ. Она предчувствовала новое несчастье.

— Но почему вы спрашиваете меня объ этомъ? сказала она наконецъ съ трепетомъ: какъ же мнѣ не любить Марію? Видь онъ мой женихъ.... скоро будетъ моимъ мужемъ.... вы же сами обручили насъ. Его отецъ, Ришбоа, былъ лучшимъ вашимъ другомъ. На смертномъ одрѣ, Ришбоа перучилъ вамъ своего сына и вы поклялись, что породнитесь съ нимъ. Тогда мы съ Маріемъ были еще дѣтми, но мы уже любили другъ друга.... онъ называлъ меня своею сестрой. У насъ съ нимъ одни общія воспоминанія и вы позволили намъ питать одну общую надежду.

— Да, отвѣчалъ Берто, твой бракъ съ Маріемъ былъ мечтою, которую я съ удовольствіемъ ласкалъ вмѣстѣ съ старшимъ другомъ Ришбоа. Мы давно уже придумали устроить себѣ на старость это счастье. Но Провидѣнію не угодно, чтобы оно совершилось. Бѣдный Ришбоа умеръ, а твой бракъ съ Маріемъ также невозможенъ.

— Какъ, паненька! вскричала Мистта, поблѣднѣвъ: вы осуждаетесь въ немъ? Развы вы не знаете его благороднаго сердца?

— Ты не понимаешь меня, продолжалъ Берто: Марія человекъ честный и я никогда не усомнюсь въ немъ. Но выслушай. Флорисель, мой лондонскій корреспондентъ, также давно любитъ тебя. Онъ признался мнѣ въ этомъ въ послѣднюю повѣдку. Онъ хочетъ жениться на тебѣ и въ то же время сдѣлаться моимъ товарищемъ. Всего любяща Марія не станеть ни покрагнѣ женою лотери, а Флорисель обладатель несмѣтныхъ богатствъ. Онъ пуститъ всѣ свои капиталы въ общій нашъ оборотъ и я буду въ составѣ

поправить свою неудачу. Теперь произнеси мой приговоръ.

При этомъ ужасномъ предложеніи вся кровь Міетты прилила къ сердцу. Она зашаталась и упала на стулъ, губы ея помертвѣли и у ней не стало голоса, чтобы произнести слово. Блуждающіе глаза плавали въ страшвой пустотѣ, въ ушахъ гудѣло. Бергд, занятый роковымъ вопросомъ о жизни и смерти, чести и безчестіи, казалось, не примѣчалъ состоянія дочери. Отчаяніе омадѣло всею его душой и не давало проникнуть туда состраданію.

— Хорошо! сказалъ онъ мрачно: стало-быть мнѣ остается только умереть, чтобы избавиться позору.

Это восклицаніе пробудило Міетту отъ оцѣмѣнія. Она взглянула на конторку, гдѣ лежали пистолеты, потомъ на отца, который смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ и страхомъ. Наконецъ она встала и съ дивнымъ, величественнымъ движеніемъ упала къ ногамъ Бергд.

— Батюшка! я повинуюсь вамъ, проговорила она задыхаясь: я выйду за Флоризеля. Но.... мнѣ нужно видѣть еще разъ.... одинъ только разъ.... Марія.

Бергд прижалъ дочь къ груди, осыпая ее тысячами ласкъ и вѣжнкихъ именъ и мѣшалъ свои слезы съ ея слезами.

Во весь остатокъ дня Міетта сохранила столько власти надъ собою, что могла сирить терзаніе своей души отъ всѣхъ и даже отъ жениха. Вечеромъ она осталась съ нимъ одна въ залѣ и тутъ силы ее оставили.

— Что значитъ эта тревога, Міетта? спросилъ Марій: ты сказала, что имѣешь сообщить мнѣ что-то важное..... Что же это такое?

Міетта не знала съ чего начать горькую рѣчь. Она обратила на жениха глаза, наполненные слезами, и невнятно что-то прошептала.

— Что съ тобой?.. ты плачешь? вскричалъ Марій. Міетта! ради Бога, объяснись....

— Не могу....

— По твоей блѣдности, по твоимъ слезамъ я подозреваю какую-нибудь ужасную тайну. Но чоловікъ слабъ, Міетта, когда онъ любитъ. Какое бы ни было несчастіе,

которое ты хочешь сообщать мнѣ, оно не сокрушитъ меня. Ты меня любишь и я не страшусь ничего.

Эти слова еще усилили страданія дѣвушки. Между-тѣмъ надобно было прервать странное молчаніе. Она наконецъ нашла столько силъ, чтобы по поламъ съ рыданіями сообщить жениху тайну, которая терзала ее. Мы не попытаемся описывать отчаянія Марія при этой вѣсти, которая уничтожала мечту всей его жизни. Сначала онъ какъ-будто обмеръ и лишился голоса, потомъ излилъ свое страданіе сильною, бурною, отчаянною рѣчью, обвинялъ Бергъ и даже Млетту, которая такъ легко принесла его въ жертву безчеловѣчному отцу.

— Неблагодарный! вскрикнула дѣвушка: ты сомнѣваешься въ чувствахъ, которыя я не могу уничтожить въ своемъ сердцѣ несмотря на все, что разлучаетъ насъ!.. Могла ли я рѣшиться? Ты самъ, когда пройдетъ первая скорбь, вѣрно, присовѣтуешь уступить собственное мое счастье за жизнь отца. Отвѣчай... Вѣдь ты понимаешь, что я не могла поступить иначе? Пожалѣй обо мнѣ, Маріи, потому что я въ тысячу разъ несчастнѣе тебя. Потерявъ меня, ты по-крайней-мѣрѣ самъ остаешься свободенъ. Ты можешь хранить свою любовь и мысль обо мнѣ, не опасаясь преступленія и угрызеній совѣсти. Никто не лишаетъ права потребовать у тебя отчету въ твоихъ слезахъ. А я... лишуюсь тебя, для того чтобы принадлежать другому... я должна похоронить въ сердцѣ всякую мысль о тебѣ. Но эта жертва необходима. Чтобы не дать себѣ времени на раздумье, я завтра же ѣду съ батюшкой въ Ліонъ, гдѣ ждетъ меня Флоризель.

Въ извѣстныя минуты жизни, когда рѣшается судьба цѣлой будущности, женщины часто находятъ въ себѣ гораздо больше силъ и твердости нежели мужчины. Убѣдившись, что уже не могутъ быть счастливыми по желанію, онѣ стараются сдѣлаться великими и достигаютъ своей цѣли безъ труда. Имъ становится легче исполнить долгъ, когда онъ представляется имъ въ образѣ великаго самопожертвованія и при драматическихъ обстоятельствахъ. Со смертію въ сердцѣ Млетта еще находила слова для утѣшенія жениха. Маріи страдалъ невыносимо, но ему понятенъ

благъ героизмъ Міетты. Однако же онъ не могъ рѣшиться уйти отъ нея. Цѣлый часъ уже онъ говорилъ ей «прости». Держа ее за руки и устремивъ взоръ въ ея глаза, онъ добровольно истощалъ въ сладостныхъ узахъ мнимую силу, которую придавали ему рѣчи милой.

— Марій, сказала она, указавъ глазами на часы: намъ пора разстаться.

— Десять часовъ!... еще нѣсколько минутъ.... Въдъ мы никогда болѣе не увидимся!

— Нѣтъ, Марій, нѣтъ! Это значило бы искушать судьбу. Прощай.

Она встала и освободила свои руки. Но примѣтивъ отчаянное движеніе Маріа, прибавила:

— Я люблю тебя, Марій... я люблю тебя любовью столько же глубокою, сколько чистою, и какова бы ни была моя участь, я знаю, ничтò не вырветъ твоего образа изъ моего сердца. Но покоримся судьбѣ, мой другъ. Будемъ такъ же велики, какъ несчастье, которое постигаетъ насъ. Быть-можетъ, за это небо приготовить намъ лучшіе дни въ будущемъ.

У Маріа не стало силъ на отвѣтъ. Онъ только надѣлъ на пальчикъ Міетты дорогой перстень съ античнымъ камнемъ, который нѣкогда принадлежалъ его отцу.

— Сохрани это на память обо мнѣ, прошепталъ онъ потомъ и рыдая вышелъ изъ дому, который превратился въ могилу всѣхъ его надеждъ.

На другой день, въ тотъ часъ, когда Міетта поѣхала съ отцомъ въ Ліонъ, несчастный Марій Риншоа всходилъ на корабль, который отправлялся въ Индію.

Ни море, ни Индія, ни тревожная жизнь путешественника не могли развлечь тоски Маріа. Съ глазъ долой и изъ памяти вонъ, говоритъ всемірная пословица. Но у Маріа эта пословица не оправдалась. Образъ Міетты не изглаживался изъ его сердца и воображенія. Онъ любилъ такъ же пламенно, какъ въ первый разъ разлуки.

Проупутествовавъ четыре года Марій воротился на родину. Берглю умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы дочери.... черезъ нѣсколько мѣсяцевъ! И по городу ходили толки объ этой смерти.

Черезъ недѣлю по прибытіи, Ришбой встрѣтилъ брата Міетты. Онъ былъ въ траурѣ и печально пожалъ руку бывшему товарищу.

— Если бы общія наши желанія исполнились, сказалъ Феликсъ, ты былъ бы теперь съ нами... то есть со мной. Но Богъ избавилъ тебя отъ одного лишняго горя. Если бы ты женился на моей сестрѣ, ты носилъ бы теперь то же что и я.

— Что это значитъ? спросилъ Марій съ безпокойствомъ.

— Флоризель въ Триестѣ.... вотъ уже съ полгода. Міетта, будучи больна во время его отъѣзду, не могла слѣдовать за нимъ и прѣехала въ Марсель на время отсутствія мужа изъ Ліона. Сестра жила у меня. Но, вѣроятно, Флоризель провѣдалъ о предстоящемъ твоёмъ возвращеніи, потому что онъ написалъ Міеттѣ, чтобы она немедленно ѣхала къ нему. Она должна была повиноваться и предприняла, одна съ горничною, продолжительное и опасное путешествіе. Но.... она не доѣхала. Этотъ трауръ я пишу по сестрѣ.

— Умерла?... умерла! вскричалъ Марій.

— Да, умерла! мѣсяць тому назадъ, въ небольшой деревнѣ моденскаго герцогства. Я вчера воротился изъ Ліона, гдѣ похоронилъ ее въ фамильномъ склепѣ Флоризелей.

Марій глубоко вздохнулъ и опустилъ сложенные руки. Крупныя слезы медленно катились изъ его глазъ.

— Это любовь ко мнѣ убила ее! шепталъ онъ, возвращаясь въ свою квартиру, въ которой заперся на нѣсколько дней.

Ему нужно было уединеніе, чтобы бесѣдовать съ тѣмъ женщиною, которой онъ посвятилъ вѣчную любовь и вѣрность. Между-тѣмъ надобно признаться, что посреди этой скорби странная мысль мелькала въ головѣ Ришбой. Онъ оплакивалъ преждевременную смерть Міетты, однако жъ ему всё легче было знать, что она лежитъ въ гробу, нежели воображать ее въ объятіяхъ другаго.

Марію уже нечего было страшиться и неначто надѣяться. Ему стало всё-равно, гдѣ жить, въ Марсели или въ

другомъ краю свѣта. У несчастнаго нѣтъ родины. Марію было тридцать лѣтъ, но жизнь его миновала. Чтобы избавиться отъ мыслей о самомъ себѣ, онъ рѣшился опять отправиться въ путешествіе.

Однажды вечеромъ, когда онъ укладывалъ свои вещи, кто-то постучался въ дверь и вслѣдъ затѣмъ вошелъ человѣкъ въ широкомъ плащѣ и въ большой шляпѣ, которая скрывала почти все лицо. Вошедши, незнакомецъ, не говоря ни слова, заперъ дверь на ключъ.

— Чтò это значитъ! вскричалъ Марій, удивленный этимъ распоряженіемъ, и схватилъ шпагу, которая лежала подлѣ чемодана.

Незнакомецъ сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ успокоился, потомъ снялъ съ пальца перстень и безмолвно подалъ Марію.

— Чтò я вижу? вскричалъ Марій, узнавъ камей, который подарилъ Миеттѣ въ часъ разлуки: какимъ образомъ этотъ перстень.... Но кто же вы?.... Ради Бога.... кто вы?

Вмѣсто отвѣту незнакомецъ сбросилъ плащъ и шляпу.

— Миетта! вскричалъ Марій: не сонъ ли это?... въ умѣ ли я? тебя ли я вижу?

— Меня, отвѣчала она, бросаюсь къ нему на грудь: я Миетта... Миетта, умершая для всѣхъ... кромѣ тебя.

Черезъ нѣсколько минутъ потомъ Миетта, отвѣчая на вопросъ Марія, начала рассказывать:

— Я отправилась въ Триестъ съ Зузеттой, моей молочной сестрой. Зузетта съ давнихъ поръ страдала болѣзнию въ печени и болѣзнь эта съ особенною силою начала развиваться съ перваго же дня нашего отъѣзду изъ Марселя. Вскорѣ состояніе ея стало такъ опасно, что прибывъ въ Италию мы принуждены были остановиться въ первой попавшейся деревнѣ. Я послала за докторомъ, но онъ уже опоздалъ. Зузетта умерла на моихъ рукахъ. Я провела всю ночь подлѣ трупа моей молочной сестры и завидовала участи бѣдной дѣвушки, которая угасла, не извѣдавъ страшной пытки несчастной любви. Я сожалѣла, что не я лежу на ея мѣстѣ, что смерть не избавила меня отъ безсмысленныхъ страданій, отъ безнадежной страсти и

отъ союза, который съ каждыиъ днемъ становился мнѣ ненавистнымъ. Подъ утро мнѣ пришла мысль.... странная, можетъ-быть, но внушенная любовью. Когда пришелъ докторъ и потомъ полицейскій чиновникъ для освидѣтельствования покойницы, планъ мой былъ уже обдуманъ и намѣреніе твердо рѣшено. На мнѣ уже было надѣто платье моеи горничной, которая была почти совершенно одного со мною росту.

— Кто вы? какъ васъ зовутъ? спросилъ чиновникъ.

— Зузеттой, отвѣчала я; покойная госпожа призрѣла меня, когда я осиротѣла и почитала меня больше другомъ чѣмъ горничною. Вотъ бумаги мадамъ Флоризель. Она ѣхала въ Триестъ къ своему мужу и была уже больна до отъѣзду, а въ дорогѣ совсѣмъ взнемогла.... Хитрость моя удалась какъ-нельзя лучше. Зузетта похоронена подъ именемъ мадамъ Флоризель. Я попросила писаря написать къ брату о моей смерти, а къ Флоризелю отправили копию съ протокола, составленнаго мѣстною полиціей. Вотъ какимъ образомъ я умерла для всѣхъ, кромѣ тебя! Я спасла жизнь и доброе имя отца. Теперь я ему уже не нужна.... теперь я хочу посвятить мою жизнь тебѣ.... и теперь отвѣчай на мой вопросъ.... время дорого... отвѣчай: любишь ли ты меня, Марій? хочешь ли ты жить для меня?

— Хочу ли я?... о! ты, которую я нахожу тогда, когда уже считалъ утраченною навсегда.... приказывай.... говори, что должно дѣлать?

— Уѣдемъ. У меня уже наняты два мѣста на каталонскомъ суднѣ, которое завтра на разсвѣтѣ отправляется въ море. Завтра же мы въ послѣдній разъ увидимъ берега Франціи.

Марій уже былъ совсѣмъ готовъ оставить родину навсегда и заранѣе обратилъ все свое имѣніе въ деньги. Ему нужно было только нѣсколько минутъ, чтобы кончить укладку вещей. За полчаса до разсвѣту онъ вмѣстѣ съ Миеттой, закутанною въ широкій плащъ, сѣлъ на корабль и они поплыли въ Испанію.

Черезъ три года счастливой жизни въ укромномъ уголкѣ Андалузій, любовники, почитавшіе себя забытыми

Вѣдѣльмъ сѣтѣмъ, неожиданно получили странное письмо, възъ котораго узнали, что впередъ любовь ихъ можетъ почитаться правою даже передъ закономъ. Письмо это было адресовано къ Марію Ришбоа. Вотъ оно:

«Я узналъ, милостивый государь, что вы живете въ Испаніи, въ окрестностяхъ Сацъ-Лукара, гдѣ, безъ-сомнѣнія, еще оплакиваете женщину, которую я похитилъ у васъ и за которой теперь послѣдую въ вѣчность. Я оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказываю вамъ все мое имѣніе. Это, конечно, не можетъ загладить моей вины передъ вами, но больше я ничего не могу сдѣлать. Надѣюсь, что узнавъ о моей смерти вы перестанете ненавидѣть того, который былъ причиною всего вашего несчастія. Мистта простила меня на небесахъ. Неужели вы будете неумолимы ея?... *Флоризель.*

Исторія эта далеко не такъ страшна какъ та, възъ которой сочинили романъ и драму. Новѣйшая Лафайль не мучилась въ гробу, не была похищена любовникомъ съ кладбища, неумолимый мужъ не отнял ея у избавителя судебнымъ порядкомъ. Она, просто, обманула мужа. Но теперь иначе и не бываетъ. Другія времена — другіе нравы.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Virginie*, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господина *Latour'a*.

Римскій гражданинъ Виргиній выдаетъ дочь свою, Виргинію, за молодаго Икклія. Является Аппій и упрекаетъ Виргинію въ томъ, что онъ занимается домашними дѣлами, тогда какъ ему слѣдовало бы заниматься дѣлами Рима. Виргиній отвѣчаетъ очень разсудительно, что на все свое время, и провожаетъ дочь къ алтарю. Аппій, оставшись одинъ со своимъ наперстникомъ Максимомъ, объявляетъ зрителямъ, что подкупилъ авгуровъ и что бракосочетаніе будетъ остановлено страшнымъ предвѣщаніемъ. И дѣйствительно, свадебный поѣздъ возвращается, не кончивъ дѣла. Виргиній съ нареченнымъ затемъ идутъ въ походъ съ арміею. Децемвирь Аппій пытается къ Виргиніи страсть, которая никакихъ преградъ знать не хочетъ. Онъ нанялъ убійцу, который отправляетъ Икклія

на тотъ свѣтъ, а самъ, пользуясь отсутствіемъ *Виргинія*, отправляется къ его дочери и объясняется въ любви. Отвергнутый съ приличною обстоятельствомъ гордостью, и даже обличенный въ убійствѣ, *Аппій* похищаетъ *Виргинію*. *Максимъ* утверждаетъ, что *Виргинія* его законная собственность, его движимое имущество, его раба, потому что она дочь его рабы и считается дочерью *Виргинія* владѣльно. Подкупленные свидѣтели подтверждаютъ это показаніе. *Фабій*, покровитель *Виргинія*, напрасно отстаиваетъ несчастную: *Аппій* хочетъ непремѣнно удержать ее у себя до окончанія дѣла. *Виргинія* возвращается и находитъ свой домъ пустымъ, узнаетъ все ужасныя событія случившіяся въ его отсутствіе, кипитъ гнѣвомъ и бѣжитъ къ *Аппію*, но на порогѣ встрѣчается съ дочерью, которая уже успѣла вырваться изъ когтей похитителя. Едва она кончила рассказъ, какъ являются ликторы и требуютъ *Виргинія* къ *Аппію*. *Виргинія* пытается возмутить народъ, давно уже озлобленный насиліями *Аппія*, но децемвиры всходятъ на свою трибуну, а ликторы вяжутъ несопокойныхъ. *Максимъ* и подкупленные свидѣтели выигрываютъ тяжбу. *Виргинія*, видя что нѣтъ уже ни какого спасенія, выхватываетъ у мясника ножъ и убиваетъ свою дочь. Народъ бросается на *Аппія* и разноситъ его по клочкамъ.

Исторія очень проста, давно извѣстна и немножко слишкомъ малосложна, даже для римской трагедіи. Между тѣмъ, быть-можетъ, нѣтъ такой неблагоприятной трагической темы, которая бы была столько разъ переверочена и перестряпана, какъ именно эта *Виргинія*. Библиофилы насчитываютъ до полутора ста пьесъ, написанныхъ на этотъ сюжетъ. Такое усудовство можетъ быть выкуплено развѣ только рѣдкими красотами стиха и слогу. Но и въ этомъ отношеніи господинъ *Латуръ* не отличился. Однако жъ, благодаря искусству и красотѣ *Рашель*, его пьеса имѣла въ *Парижѣ* успѣхъ.

2. *Les Pharaons*, *Фараоны*, трагедія въ пяти актахъ, въ стихахъ, господинъ *Dugué*.

Сюжетъ этой исторической трагедіи отъ первой строки до послѣдней — вымышленный. Поэтическая воля-

ность весьма позволительная, когда рѣчь идетъ о перадѣ вь времени, которыхъ исторія занесена загадками въ гранитныхъ газетахъ. Какой-то Фараонъ, процвѣтавшій за пятнадцать или за двадцать вѣковъ до нашей эры, за доброкачественность возвелъ свою кухарку въ почетное званіе наложницы. Это случается и не съ Фараонами. Поэтому онъ даетъ ей вольную на всѣ четыре стороны, потому что задумываетъ составить хорошую партію съ нѣккою Изидой. Это также видано и въ новѣйшей исторіи. Но не въ томъ дѣло. Отставная наложница Нефтиса сарывается въ пустынь. Вскорѣ она рождаетъ сына, который нареченъ Акбаромъ. Изида, съ своей стороны, тоже не замедлила произвести на свѣтъ сына, которому дается имя Гебраила. Дѣти Фараона подрастаютъ, одинъ у батюшки, въ столицѣ, другой у матушки, въ пустынь. Вы можете себѣ представить, какія нѣжныя чувства питаетъ Нефтиса къ старому Фараону и къ Изидѣ, которую считаетъ похитительницею своихъ правъ. Она непременно хочетъ возстановить права первороднаго своего Акбара; для этого составляетъ себѣ между кочующими обитателями пустыни многочисленную партію и, дождавшись удобнаго времени, является съ цѣлою арміею желтыхъ, черныхъ, коричневыхъ и мѣдноцвѣтныхъ бродягъ подъ стѣнами Мемфиса, который берутъ приступомъ. Старый Фараонъ, видитъ въ форточку своего кабинета, зарево пожара и опустошеніе города, видитъ, какъ Нефтиса и Акбаръ побѣдительно лѣзутъ во дворецъ. Нефтиса предлагаетъ Фараону самыя нелѣпыя условія, — объявить Акбара наследникомъ, а Гебраила—его рабомъ, а Изиду выдать головою ей, побѣдительницею Фараоновъ. Старикъ не вдругъ рѣшается. Чтобы кончить дѣло по-скорѣе, Нефтиса совѣтуетъ Акбару убить Гебраила. Но Акбаръ узнаетъ въ соперникѣ своего незнакомаго избавителя, который однажды на охотѣ, въ пустынь, спасъ его отъ смерти. Акбаръ не можетъ убить Гебраила. Между-тѣмъ Изида нашла средство золотомъ и медовыми словами, склонить орду Нефтисы на свою сторону. Побѣдительницу и сына ея схватываютъ какъ военнопленныхъ. Старый Фараонъ, сохранившій нѣжное

вспоминаніе о бывшей своей наложницѣ, прощаетъ ее и оставляетъ у себя. Изида, опасаясь, чтобы Нефтиса какъ-нибудь не успѣла снова побѣдить стараго Фараона обаяніемъ своихъ древнихъ прелестей, подноситъ муженьку чарочку, отъ которой онъ и испускаетъ духъ. Нефтису и Акбара обвиняють въ убійствѣ и ведутъ на гробницу Фараона на казнь. Но Нефтиса, въ припадкѣ материнскаго отчаянія, заклинаетъ и вызываетъ Фараонову тѣнь, да явится и откроетъ истину, и..... о, чудо! о, ужасы!... тѣнь выходитъ изъ гроба. Увидѣвъ страшное привидѣніе, въ бѣломъ саванѣ, медленно поднимающееся надъ гробомъ, Изида въ ужасѣ вскрикиваетъ и измѣняетъ себя. Но это былъ вовсе не старый Фараонъ: тотъ былъ слишкомъ крѣпко спелеванъ, залитъ смолой, нефтью, набитъ травами, исписанъ гіероглифами, вызолоченъ и лежалъ смиренхонько. Это Гсбранлъ, усомнившись, вздумалъ употребить такую хитрость, для открытія истины. Пораженный скорбію, когда открылъ вреступницу въ матерн, онъ уходитъ въ пустыню и уступаетъ фараонство брату Акбару.

3. *Madame de Lucenne*, комедія въ трехъ актахъ, въ прозѣ, господина *Конта*.

Альфонсъ Карръ и Леонъ Гозланъ съ такимъ ожесточеніемъ напали на тѣщъ, воздвигли на нихъ такое гоненіе, написали ихъ портреты такими черными красками, что онѣ навсегда погибли бы въ общемъ мнѣніи театраной публики, если бы не явился великодушный защитникъ притѣсненныхъ, благородный рыцарь мосьё Асвилле *Comte*, который съ оружіемъ въ рукахъ рѣшился доказать обидчикамъ, что они безсовѣстно лгутъ и клеветуютъ. Съ этою цѣлью онъ изобразилъ въ лицѣ мадамъ де-Люсенъ, не тѣщу, а ангела, безъ котораго бы не слобровать ни сыну, ни невѣсткѣ ея. Всѣ тѣщи были въ восторгѣ отъ этой комедіи и мосьё Ахиллесъ *Контъ* признавъ побѣдителемъ. Но Альфонсъ Карръ и Леонъ Гозланъ еще не теряють духу. Они полагають выиграть дѣло во второй инстанціи и надѣются доказать логически, что тѣщи уже потому не правы, что своимъ лицомъ ежечасно показы-

ваютъ зятельмъ, каковы будутъ черезъ двадцать лѣтъ ихъ дочери.

Это нынче самый важный вопросъ въ драматическомъ мѣрѣ и потому мы уже не надѣемся привлечь вниманія благосклонныхъ читателей на другіе комедіи и водевилы, представляющіе только второстепенный интересъ.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро, безъ пересылки.)

- OEUVRES COMPLÈTES DE ST. AUGUSTIN**, évêque d' Hippone, d'après l'édition des Benedictins, augmentée de 4 vol., de sermons et lettres inédites, 42 vol., in-8., Paris (40 r.).
- ESSAI SUR LES LOIS CRIMINELLES DES ROMAINS** concernant la responsabilité des magistrats, par Laboulaye. Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r. 30 c.).
- GUIDE DE L'INVENTEUR DANS LES PRINCIPAUX ÉTATS DE L'EUROPE**, par Armengaud-Jeune. Un vol., in-8., Paris, 1845 (70 c.).
- LES CARACTÈRES DE LA BRUYÈRE**, ou Les moeurs de ce siècle. Un vol., gr. in 8., édition illustrée de 150 dessins, Paris, 1845 (4 r.).
- ANNUAIRE D'ECONOMIE POLITIQUE** pour 1845, par les redacteurs du journal des économistes. Un vol., in-18., Paris, 1845 (43 c.).
- LES ENFANTS D'AUJOURD'HUI**, par Histein. Un vol., in-8., orné de 14 planches coloriées avec soin. Paris, 1844 (4 r.).
- LES OISEAUX EXOTIQUES**, par Pauquet. Un vol., gr. in-8., orné de 80 planches gravées sur acier et coloriées. Paris, 1845 (8 r. 50 c.).
- ÉLÉMENTS DE TERRATOLOGIE VÉGÉTALE**, ou Histoire abrégée des anomalies de l'organisation dans les végétaux, par Moquin-Tandou. Un vol., in-8., Paris, (1 r. 85 c.).
- PRINCIPES D'AGRICULTURE ET D'HYGIÈNE VÉTÉRINAIRE**, par Magne. 2-e édition, refondue. Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r. 85 c.).
- L'ART DES ACCOUCHEMENS**, par Baudelocque. 8-e édition, revue, corrigée et augmentée, 3 gros vol., in-8., avec figures, Paris, 1844 (5 r.).
- INTRODUCTION À L'ÉTUDE DE LA CHIMIE**, par Rousseau. Un vol., in-18., Paris, 1844 (85 c.).
- HISTOIRE DE L'ARMÉE DE CONDÉ**, par Muret. 2 vol., in-8., avec grav., fac-simile, carte, Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- ANNALES DES TRAVAUX PUBLICS DE BELGIQUE**. Documents scientifiques, industriels ou administratifs, contenant l'art des constructions, les voi-

- de communications et l'industrie minérale. 2 gros vol., in-8., avec 10 planches gr. 4, Bruxelles, 1844 (7 r.).
- MONITEUR DES ARTS, DE LA LITTÉRATURE et de toutes les industries relatives à l'art. Abon. pour l'année (8 r.).
- OEUVRES DE F. B. HOFFMAN, contenant critiques de littérature, beaux-arts, théâtre, etc. 6 vol., in-8., Paris (6 r.).
- MÉMOIRES SUR LES MACHINES à VAPEUR, et leur application à la navigation, par Récch. Un vol., 4 avec un atlas gr. folio. Paris, 1845 (8 r. 50 c.).
- L'URNE. Recueil des travaux de J. Ottavi, philosophie, politique, histoire, biographies beaux-arts, économie politique, etc. avec une biographie de l'auteur par L. Gozlan. Un gros vol., in-8., Paris (2 r. 15 c.).
- HISTOIRE DES LETTRES, AUX CINQ PREMIERS SIÈCLES DU CHRISTIANISME, par Duquesnel, 6 vol., in-8., Paris (12 r. 85 c.).

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исанова, комиссіонера Библиотекъ Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостинонъ Дворѣ, № 22.)

Въ этомъ же магазинѣ Я. А. Исанова, поступила въ продажу и продается Г.г. подлинная 12-ая книжка Медицинскаго [Энциклопедическаго] Лексикона, управленнаго 136 рисунками. Все издание будетъ заключаться въ 24-хъ книжкахъ, по 90 коп. за каждую.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНИЯ.

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

- ALARD.** Fantaisie sur la Norma p. violon avec acc. de piano op. 9 (2 r. 29 c.).
- ARTOT.** Grande fantaisie sur l'hymne national russe p. violon avec acc. de piano, op. 11 (2 r.).
- Variations concertantes pour violon et chant avec acc. de piano, op. 17 (2 r. 29 c.).
- BAZZINI.** Fantaisie sur la romance et un choeur de la favorite de Donizetti pour violon avec acc. de piano, op. 17 № 4 (1 r. 29 c.).
- Final du 2-me acte de l'opéra Oberon de Weber p. violon avec acc. de piano, op. 17 № 5 (1 r. 43 c.).
- Air de l'opéra: i Puritani p. violon avec acc. de piano, op. 17 № 6 (1 r. 72 c.).
- HARTMANN.** 3 grands Duos pour 2 violon arr. d'après les sonates de Beethoven, (op. 12, 14, 29 № 2) liv. 1 № 1 à 3. Каждая по 1 руб. 43 коп. (4 r. 29 c.).
- 3 grands Duos pour 2 violons arr. d'après les sonates de Beethoven (op. 27 № 1 26, 29 № 3) liv. 2 № 1 à 3, каждая по 1 руб. 43 коп. (4 r. 29 c.).
- HAUSER.** Chanson d'amour, chanson de berceau, 2 chants sans paroles pour le violon avec acc. de piano, op. 11 (85 c.).
- IANSA.** Six Duos pour 2 violons, op. 64 № 1 à 6 каждая по 1 р. 15 к. (6 r. 85 c.).
- Thèmes de Rossini variés pour piano et violon, op. 67, № 4 à 3 каждая по 1 р. 50 к. 4 (r. 50 c.).
- KAYSER.** Duos faciles et agréables d'après des thèmes jolis d'opéras favoris, pour 2 violons liv. 1 à 6, каждая по 1 р. (8 r.).
- PRUME.** Concertino pour violon avec acc. de piano, op. 4 (3 r. 43 c.).
- RIEFTAHL.** Introduction et variations pour violon avec acc. de piano, op. 5 (2 r.).
- Deux romances sans paroles pour violon avec acc. de piano, op. 6 (1 r. 15 c.).
- SIVORI.** Fantaisie-Etude pour violon avec acc. de piano, op. 10 (2 r. 29 c.).

Для одного фортепиано.

- AZAREVITSCH.** Fantaisie et variations sur l'air favori bohémien: Koca (1 r.).
- BERNARD.** Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Petersburg.
- № 1. Bellini, Quintetto de la Sonnambula (50 c.).
- 2. Rossini, Canzonetta du Barbier de Seville (30 c.).
- 3. Donizetti, air final de la Lucia (chanté par Rubini.) (75 c.)
- 4. Donizetti, sextuor de la Lucia (50 c.).
- 5. Bellini, air final de la Sonnambula (chanté par M-me Viardot.) (60 c.).
- 6. Bellini, Cavatine de la Sonnambula (chantée par Tamburini) (30 c.).
- 7. Bellini, Duo de la Sonnambula (chanlé par Rubini et M-me Viardot) (40 c.).
- 8. Donizetti, Cavatine de l'opéra: Maria di Rohan (chantée dans la Lucrezia par M-lle Alboni) (30 c.).
- 9. Bériot, air favori, chanté dans l'Elisire d'amore par M-me Viardot-Garcia (60 c.).
- 10. Balfe, air favori chanté dans Don Pasquale par M-me Viardot-Garcia (75 c.).
- BEYER.** Fantaisie brillante sur des thèmes de la Sonnambula (1 r.).
- CZERNI.** Etude de la vélocité, op. 299 (nouvelle édition) (2 r. 85 c.).
- 100 Exercices faciles et progressifs, op. 453 liv. 1 (1 r.).
- DAMCKE.** Romance sans paroles, op. 17 № 2 (50 c.).
- DREYSCHOCK.** La Coupe. Chanson à boire, op. 25 (60 c.).
- Le vallon. Idylle, op. 26 (60 c.).
- FESCA.** Le Desir, romance sans paroles (50 c.).
- GOEFFERT.** Cavatine de l'opéra Maria di Rohan de Donizetti, transcrite (60 c.).
- HENSELT.** Deux romances du Comte M. de Wielhorsky, transcrites (1 r.)
- Das ferne Land, romance transcrite (43 c.).
- Romance de R. Thal, transcrite (75 c.).
- HERE.** La Polka nationale, morceau de salon, op. 135 (75 c.).
- Fantaisie et variations sur plusieurs motifs de la Sirène d'Auber, op. 141 (1 r. 72 c.).
- Le succès, de salon 1-re suite, op. 142 № 1. Variations sur une Cavatine de Vaccai (1 r. 15 c.).
- № 2 variations et marche sur un thème de Beethoven (1 r. 15 c.).
- 3 Les Ramiers. 2 valse de Lanner variées (1 r. 18 c.).
- Lutine. Valse brillante, op. 145 (1 r.).
- KALKRENNER.** La solitude. Nocturne (43 c.).
- Causeries de jeunes filles. Pensée fugitive (30 c.).

LIBET. Faribolo pastour. Chanson tirée du poème de Franconetto de Iannin, transcrite (86 c.).

— Chanson de Bearn, transcrite (86 c.).

— Marche funèbre de Dom Sébastien de Pontizetti variée (1 r. 43 c.).

MARMONTEL. 2 grandes valse brillantes (72 c. 9).

SCHAD. Deux Ames. Mélodie (60 c.).

SCHILLER. L'écho du passé. Réverie № 1 (85 c.).

— L'aurore. Réverie № 2 (1 r. 15 c.).

— Reminiscences de la Sonnambula. Morceau de salon. (1 r.).

— Divertissement sur la Cavatine de Niobé de Pacini (1 r. 29 c.).

— Romance en forme d'Etude (30 c.).

TAUBERT. Tour de mazurka, op. 52 (1 r. 15 c.).

— Silvana. Solo, op. 60 (1 r. 29 c.).

TRALBERG. Grande sonate, op. 36 (4 r.).

— Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: Le Barbier de Séville, op. 87 № 1 (1 r. 43 c.).

— Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: der Freischütz de Weber, op. 57 № 2 (1 r. 43 c.).

— Grand Caprice brillant sur la marche de l'apothéose de la Sinfonie triomphale de Berlioz, op. 58 (2 r.).

— Nocturne nouveau (60 c.).

(Въ Музыкальномъ магазинѣ Г. Бернарда на Пескомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской въ домѣ Паскала, № 11.)

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго мая, пятая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллансъ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: КУЛЬБАК. La Gazelle, pièce caractéristique. МАУЕР. La Gentille, valse nouvelle (inédite) LACOMBE douces pensées. Mélodie KALK BRENNER, véritable mazurka. К., Н. П. Т. Жалоба, слова Жуковскаго, «Романсъ» (inédite) MASINI, fleur des bois, romance. (Головая цѣна, 10 руб. сер.—съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менше трехъ руб. сер., получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не предлагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и въ какомъ-либо каталогѣ объявлены.

МОДЫ.

=

Между разными новостями, которыя исподоволь приносятъ еще неутвердившіяся осеннія моды, надобно замѣтить *mantelet royal*, съ ультра-длиннымъ пелериномъ и ультра-широкою юбкою, нарядъ чрезвычайнобога-тый, который, вѣроятно, будетъ принятъ ультра-щего-лками.

Общее замѣчаніе: въ капотахъ и выгладныхъ утре-дникъ платьяхъ, другихъ корсажей кромѣ плоскихъ не допускается. Эти корсажи всѣ открыты и украшены ба-зрошками, агриантами, бѣ- или черными кружевомъ. Ру-кава узкіе. Самое благородное украшеніе для юбки—одниъ широкій воланъ, къ которому прибавляютъ маленькій рюшъ

Шляпки остаются по-прежнему крошечныя и горизон-тальныя: все измѣненіе состоитъ въ томъ, что поля не-множко болѣе открыты. Къ исключительнымъ но очень милымъ фантазіямъ принадлежатъ шляпки изъ *rassemen-tee-guirige*, подбитыя крешомъ, и шляпки изъ кружева, съ длинными барбами. Перья довольно употребительны, но строгій вкусъ предпочитаетъ мелкіе цвѣты, вѣтки ки-тайской гвоздики, геліотропы, крошечныя розы, и тому подобное.

=

ТЕГЕРАНСКІЙ СЕРАЛЬ и ужинъ въ шахскомъ гаремѣ. Первое, что поразило меня въ Персіи, говоритъ одинъ путешественникъ, было удивительное сходство тамошняго полу-античнаго, полу-варварскаго общества съ европейскимъ обществомъ среднихъ вѣковъ. Въ которую сторону ни пойдешь по сухой, каменистой и глубокой долинѣ, гдѣ лежитъ Тегеранъ, всюду позади покнутыхъ каравансераевъ и развалившихся *имамзадэ* или молельнъ, видишь бойницы и башни европейскихъ замковъ двѣнадцатаго столѣтія. Тѣлохранители шаха или *ясаулы* носятъ кольчуги и вооружены копьями и булавами западныхъ рыцарей. Дворецъ потомка Хозроева обведенъ широкимъ рвомъ, черезъ который толпа гуламъ-шаховъ (пажей) и хановъ ежедневно ходитъ къ Порогу Счастія по подъемному мосту, который, кажется, будто сдѣланъ по рисунку венскаго. Всѣ блестящія рыцарскія игры, которыя уже шесть сотъ лѣтъ какъ забыты въ Европѣ, турниры, единоборства и въ-особенности соколиная охота, до-сихъ-перъ составляютъ любимую забаву персидской аристократіи. Не проходитъ недѣли, чтобы *тали*, вассалы персидскихъ бароновъ, не бѣжали, какъ въ феодальныя времена Европы, увозя на тощемъ ослѣ кой-какія лохмотья и домашнюю утварь, чтобы пріютиться на землѣ господина менѣе жестокаго или менѣе скупаго. Эти вынужденныя переселенія нерѣдко становятся общими въ мѣстахъ, черезъ которыя проходятъ *сербазы*, войска впрочемъ дисциплинированныя по-европейски. Хотя всякій солдатъ получаетъ отъ шести до семи томановъ (томанъ равняется шести рублямъ серебра) годоваго жалованья, а офицеры отъ

двадцати до тридцати, однако жъ Кرواتы никогда не равнялись въ хищничество и грабительство съ *сербазами* и *топчи* (артиллеристами). На пути ихъ обыкновенно остаются только развалины и пепелъ, потому что они жгутъ, чего не могутъ унести. Поэтому, когда несчастные *тали* получаютъ отъ своего *калентера* или старосты повѣстку приготовить съѣстныхъ припасовъ для идущихъ войскъ, то спѣшатъ припрятать все, что по-дороже и со всею семьей спасаются бѣгствомъ. То же самое бываетъ при сборѣ *садира* или чрезвычайныхъ налоговъ. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко переселяются цѣлыя деревни и часто *мустоуфи* (сборщикъ), пришедши получать должное, находятъ только какого-нибудь дряхлаго калѣку или *омира*, который проситъ у него милостыни. Это рѣшительно то же, что дѣлалось въ Европѣ въ XIV и даже въ XV вѣкѣ.

Бѣдность государства и нищета народа чрезвычайны. Доходы Персїи никогда не превышаютъ пятнадцать миліоновъ рублей серебромъ. Этимъ надобно удовлетворить 250,000 войска и еще болѣе голодную и безчисленную армию служащихъ и не служащихъ хановъ и чиновниковъ и дворъ шаха, который одинъ поглощаетъ цѣлый милліонъ томановъ. Отъ этого недостатку денегъ и отъ совершеннаго отсутствія понятій о чести родилась невозобразимая непопорченность нравовъ: ничто не кажется противозаконнымъ, ничто не кажется неестественнымъ въ Тегеранѣ, когда дѣло идетъ о деньгахъ: всякую минуту тутъ бываешь свидѣтелемъ происшествій, которыя извоновали бы всю Европу и которыя не производятъ на Персіанъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Такъ, навримѣръ, когда Высокое Средоточіе Міра найдетъ, что поземельная подать (*малиста*) вносится не довольно скоро, то къ какому бы вы думали прибѣгаютъ средству добыть деньги? Берутъ по его повелѣнію великаго визиря, снимаютъ съ него чалму и представляютъ почтеннаго министра съ обнаженною лысиной на солнечномъ прищекѣ, пока онъ не заплатитъ трехъ или четырехъ сотъ тысячъ рублей. Вы думаете, быть-можетъ, что это поссоритъ ихъ? Ничуть. Избавившись отъ страннаго воспаленія въ мозгу, которое при такой операциі, въ 1804 году, чуть не убилъ несчастнаго Су-Новиса, ве-

дикій визирь опять принялся за свою должность, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Къ этой финансовой теоріи, издавна извѣстной въ Персіи, блистательное Средоточіе Мира присовокупляетъ и другую, которой европейскіе министры финансовъ еще менѣ захотѣли бы подчиняться. Въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ онъ иногда продаетъ опальнаго визиря тому, на котораго обратить свои милости. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ одной изъ залъ шахскаго дворца, невольникъ новаго визиря Хаджи-Ибрагима закинулъ свой кушакъ на шею Мирзы-Сефи, предшественника его въ министерствѣ, и объявилъ ему, что онъ проданъ Хаджи-Ибрагиму. Этого довольно, кажется. Но шахи и не то еще дѣлаютъ. Шахъ Мухаммедъ-Ага приказалъ одному бѣдняку, за какой-то ничтожный проступокъ, обрѣзать уши. Въ ту минуту, когда палачъ обнажилъ ножъ, осужденный предложилъ шаху два томана, если онъ согласится оставить ему одно ухо. Шахъ призвалъ несчастнаго и говоритъ: «Я оставлю тебѣ оба уха, если ты дашь мнѣ четыре томана.» На этомъ и помпирялся. Одинъ палачъ остался въ накладѣ, потому что лишился заработка.

Теперь, когда вамъ извѣстны источники, вы уже не удивитесь потоку ослѣпительной роскоши. Ничто лучше Мухаммедъ-шахова дворца не напоминаетъ великолѣпія сатраповъ. Вошедши въ ворота *déri-saadeta*, то есть, Порога Счастія, вы вступаете на обширный дворъ, гдѣ день и ночь ржутъ осѣдланые кони съ окрашенными въ малиновый цвѣтъ гривами, хвостами и ногами. Двери съ косяками, выложенными расписаннымъ фарфоромъ, и изящные балканы, обнесенные золочеными рѣшетками, которыя въ Парижѣ называются *persiennes*, поражаютъ новостью и прелестью. Единственный предметъ, обезображивающій этотъ видъ, составляетъ высокій черный щестъ, на которомъ для урока всегда торчитъ голова какого-нибудь мятежника. Съ этого двора вы входите по великолѣпнымъ террасамъ въ тронную. Представьте себѣ обширную залу, спереди открытую наподобіе нашихъ театровъ и подпертую мраморными колоннами. По бѣлымъ стѣнамъ рисуются фантастическія арабески, перемѣшанныя

съ золотыми надписями стиховъ въ корана. На полу разостланъ кашмирскій коверъ, а въ глубинѣ, на эстрадѣ, утвержденной на зеленыхъ мраморныхъ тумбахъ, другія колонны, покрытыя полосами золота, поддерживаютъ балдахинъ, въ видѣ солнца, сіяющій драгоцѣнными камнями. На этомъ мѣстѣ садится шахъ, до такой степени покрытый брилліантами, что невозможно остановить на немъ взора, чтобы не быть ослѣплену. Между алмазами его непремѣнно красуются знаменитый *Куи-нуръ*, «гора блеску», и не менѣ прославленный *Деріа-и-нуръ*, который за величину и красоту заслужилъ это вѣками утвержденное прозваніе «моря блеску». Пышные костюмы *асауловъ*; шубы мирзъ и хановъ, крытые золотыми и серебряными тканями и унизанные жемчугами и камнями; свѣтящіеся за поясами, осыпанные брилліантами кинжалы,—все способствуетъ къ тому, чтобы придать этимъ выходамъ характеръ чудесныхъ волшебныхъ сказокъ.

Сераль, который со времени европейской реформы Махмуда встрѣчается на Босфорѣ уже только какъ исключеніе, процвѣтаетъ въ Тегеранѣ во всей первобытной своей красѣ. Жена доктора Л^г, которая пробирается всюду, сообщаетъ слѣдующее описаніе:

Сераль—обширный садъ, окруженный высокою каменною стѣной. Черезъ безконечную платановую аллею, которая тянется между двумя рядами благоухающихъ жасминовъ и розъ, вы входите въ гаремъ. Это зданіе, построенное частью изъ расписанныхъ кирпичей или изразцовъ, представляетъ въ маломъ видѣ и въ болѣе изящныхъ и щеголеватыхъ формахъ тотъ же дворецъ шаха. Величину этого зданія можно вообразить, вспомянувъ, что оно служитъ жилищемъ тремъстамъ женщинамъ, не считая невольницъ—служанокъ и евнуховъ. Жизнь этихъ дамъ, жизнь, которую онѣ находятъ восхитительною, проходитъ такимъ образомъ. Съ восходомъ солнца онѣ должны одѣться и выстроиться въ платановой аллеѣ, чтобы привѣтствовать шаха, который дѣлаетъ имъ смотръ и выбираетъ на день султаншу. Во все продолженіе этой церемоніи невольницы—служанки съ важною поддерживаютъ на золотыхъ блюдахъ длинныя косы

султаншъ, переплетенныя жемчугами. Потомъ день, кромѣ непродолжительныхъ трапезъ, проходитъ въ купаньѣ, въ наряжаньѣ, куреньи или татуированіи щекъ и груди. Докторша была обязана особенной благосклонности, которою пользуется здѣсь ея мужъ, приглашеніемъ отъ султаншъ на праздничный *шамъ* или ужинъ. Она нашла своихъ хозяекъ одѣтыхъ въ газъ или шелкъ и ожидающихъ ея подъ навѣсомъ изъ ткани прицѣпленной къ плакучимъ ивамъ, передъ водометомъ, съ опахаломъ въ одной рукѣ и съ кальяномъ въ другой. Увидѣвъ гостью, султанши поспѣшили собственноручно снять съ нея покрывало и *хамъ*, потомъ очень любезно освѣдомились о *состояніи ея мозга*, потому что въ персидскомъ языкѣ нѣтъ другаго выраженія, для того чтобы сказать: «Какъ вы поживаете?» Обмѣнявшись привѣтствіями, дамы усѣлись на ковры вокругъ разноцвѣтной простыни, разостланной на травѣ и служащей вмѣстѣ столомъ и скатертью. Передъ каждою невольницы поставили по нѣскольку тарелокъ съ рублевымъ мясомъ, разными салатами и кислымъ молокомъ. Потомъ невольницы разносили ширазское вино и усыпали простыню цвѣтами. Послѣ этого любимая султанша захлопала въ ладоши и по этому знаку явились танцовщицы, которыя извѣстны тамъ подъ названіемъ *алмиде*, то есть, *ученыхъ*, названіемъ не очень лестнымъ. Ученыя подъ звуки бубенъ пустились въ пляску, живость и позы которой перепугали бы до-смерти скромность нашихъ бабовъ, гдѣ танцуютъ польку. Эти женщины носятъ цвѣтные панталоны и шелковый полу-кафтанчикъ, перепоясанный кашмирскою шалью. На лбу волоса у нихъ рассыпаются буклями, а на спину упадаетъ длинная коса, переплетенная витками жемчугу.

Третье блюдо ужина состояло изъ рису и сахарныхъ лакомствъ. Персіяне, какъ и всѣ мусульмане, не употребляютъ ни вилокъ, ни стакановъ. Докторша принуждена была ѣсть пальцами и черпать молоко и шербетъ тѣмъ же деревяннымъ позолоченнымъ уполовникомъ, изъ котораго пили султанши. Потомъ подали чай, кофе и кальяны, и докторша убѣдилась, что прекрасныя Персіянки, не менѣе своихъ супруговъ, строго держатся изрѣченія

Гафиза, нѣхъ любимаго поэта, который сказалъ: «Наша жизнь—дрянная монета. Она потерлеть всю свою цѣну, если мы ея не прокутить.»

Разсказывая намъ подробности этого угощенія, любезная докторша сочла нужнымъ умолчать одно обстоятельство, о которомъ мы узнали уже впоследствии. Ночной пиръ чуть-было не кончился для нея неисправимою бѣдой. Когда кофе и ширазское вино съ дымомъ кальяновъ разгоричило головы персидскихъ дамъ, онѣ почувствовали такую нѣжность къ женѣ доктора, что непременно захотѣли возвести ея красоту на степень совершенства и для этого вздумали татуировать ее. Молодая и хорошенькая докторша пришла въ ужасъ и отчаяніе, начала отбиваться, метаться и кричать, но султанши удвоивали стараніе побѣдить это сопротивление, которое, очевидно, происходило единственно отъ излишней скромности. Пунсоны и коробочки съ красками были уже совсѣмъ готовы. Только чудо спасло скромную докторшу отъ совершенства красоты и избавило отъ голубыхъ, красныхъ и зеленыхъ изображеній полу-луній и тегеранскихъ минаретовъ на бѣломъ лбѣ, розовыхъ щекахъ и алебастровыхъ плечахъ. Она почитала себя счастливою, что отдѣлалась малиновыми бровями и желтыми ногтями на придачу къ кашмирскимъ шалямъ, которыхъ надарили ей на прощанье.

Мы, Европейцы, проводимъ въ Тегеранѣ время какъ можемъ, не имѣя ни гаремовъ, ни султаншъ. Послѣ верховой ѣзды и прогулокъ, любимымъ средствомъ убивать вечера служатъ намъ собранія у доктора. Угадайте, что тамъ услаждаетъ намъ эти часы, столь долгіе и печальныя на чужбинѣ. Чтеніе Мольеровыхъ комедій! Иногда при этихъ чтеніяхъ присутствуютъ и персидскіе ученые. Докторша, которая знаетъ по-персидски не хуже какого-нибудь пмама, благосклонно переводитъ имъ мастерскія произведенія великаго французскаго комика и объясненія эти доводятъ иногда до весьма забавныхъ сценъ. Такъ, однажды, одинъ изъ придворныхъ литераторовъ, по имени Хуршидъ, то есть Солнце, слушая переводъ «Скапеныхъ плутней» вдругъ принялъ видъ оскорбленнаго и рѣшительно объявилъ, что мирза Моліеръ—мошеникъ, по-

тому что украсть эту пьесу у стариннаго персидскаго поэта. И действительно, эта самая повѣсть есть въ народныхъ персидскихъ разсказахъ такъ же какъ и у Италианцевъ и Испанцевъ, у которыхъ заимствовала ее Молиеръ.

Нора сказать вамъ тоже кое-что о докторѣ. Онъ на триумфальномъ пути своемъ идетъ съ важностью настоящаго Турка. Какъ истинный ученикъ Иппократа, онъ до рожить наружностью (*descenti de сого*) и одѣвается по-восточному. Изцѣленія его просто—чудеса. Шаха, разслабленнаго уже впродолженіи десяти лѣтъ, онъ вылечилъ радикально. Не стало подагры, не стало бессонницы, не стало и взрывовъ гнѣву, которые часто потрясали весь сераль. Никогда, быть-можетъ, Мухаммедъ-Шахъ не наслаждался здоровьемъ болѣе совершеннымъ: за то и признательность его безпредѣльна. Къ прочимъ милостямъ, которыми осыпалъ доктора Л^{нн}, онъ недавно присовокупилъ кашмировое почетное платье, какое носятъ только князья, и саблю въ пять тысячъ франковъ. Кромѣ-того докторъ получилъ изъ собственныхъ рукъ шаха горностаивую шубу, украшенную брилліантами, ленту ордена Льва и Солнца и другое платье, въ которомъ онъ сіяетъ какъ солнце. Усладительно видѣть нашего доктора, вызолоченнаго съ головы до ногъ. Персіане увѣряютъ, что онъ *изобрѣтатель мудрости и отецъ глубокомыслія*, и что взглядъ его рубиновыхъ очей удивительно *благополученъ*.

ПОСМЕРТНАЯ ЛЮБОВЬ. *Норвежская быль, Берманна.* Подлѣ деревни Квамъ, въ живописной долинѣ Гудбрандала, у подошвы длинной цѣпи горъ, господствующихъ надъ рѣкою Лугеномъ, есть могильный надгробный камень, который, судя по темному цвѣту, по трещинамъ и потому, какъ онъ вросъ въ землю, долженъ принадлежать къ семнадцатому столѣтію. Отклонивъ вѣтви кустарника и разобравъ траву, которая покрываетъ его почти совершенно, вы увидите два грубо высѣченныя креста, двѣ буквы, L и E, и подъ ними три слова «Kierlighed efter Doeden» (Любовь по смерти).

Показывая путешественникамъ этотъ старинный надгробный памятникъ, квамскіе старожилы рассказываютъ слѣдующее:

Лѣтъ сто тридцать или полтораста назадъ, въ этомъ краѣ жили два могущественные ярла, роковая вражда которыхъ долгое время тревожила подвластныя имъ земли. Одинъ изъ нихъ имѣлъ помѣстье на правомъ, а другой на лѣвомъ берегу Лугена. Въ молодости они жили въ тѣсной дружбѣ и въ войнахъ Даніи со Швеціею вмѣстѣ подвергались опасностямъ битвъ, вмѣстѣ добыли себѣ славу храбрыхъ. Впервые дружескій союзъ ихъ былъ нарушенъ нѣкоторою разностью положенія въ благородномъ обществѣ въ Копенгагенѣ. Потомъ любовь, — страстная, сильная, долговременная, — зажила въ ихъ сердцахъ непримиримую вражду. По возвращеніи въ Норвегію, сосѣдство имѣній и неизбѣжныя при этомъ соприкосновенія безпрерывно подавали поводъ къ новымъ непріятностямъ и мало-по-малу укоренили и развили у нихъ злобную, пламенную ненависть, которую всякое ничтожное обстоятельство возбуждало больше и больше, испависть, которая разъѣдаетъ тонкія фибры души какъ ржавчина и передается изъ рода въ родъ какъ наследственная смертельная болѣзнь. На крутыхъ, скалистыхъ вершинахъ горъ, гдѣ торчали башни ихъ феодальныхъ замковъ, ярлы сидѣли и поглядывали какъ хищные коршуны, готовые ежеминутно ринуться другъ на друга, и упражняли свои когти и точили клювъ, чтобы растерзать врага. Крестьяне и дворовые люди ихъ, часто противъ воли, часто и съ намѣреніемъ, съ своей стороны тоже разжигали эту непріязнь. То рыбака сосѣдняго обидятъ на Лугенѣ, отнимутъ рыбу или сѣти; то у пастуха разгонятъ стадо или у охотника отобьютъ добычу; то нападутъ на одного двое, трое и прибьютъ. Обиженный тотчасъ идетъ жаловаться своему господину и за тѣмъ слѣдуетъ страшный взрывъ гнѣву, придумываются новыя средства къ отмщенію.

Ярлъ квамскій былъ между-тѣмъ человекъ кроткій и великодушный. Онъ часто сожалѣлъ объ этой враждѣ, желалъ кончить ее, помириться и жить по-прежнему въ добромъ согласіи съ военнымъ товарищемъ. Иногда онъ

даже надѣялся достигнуть этого: онъ приказывалъ своимъ людямъ обходиться съ сосѣдями кротко и терпѣливо и, будучи любимъ и уважаемъ, легко находилъ повиновеніе съ этой стороны. Но онъ забывалъ, что изъ всѣхъ причинъ ненависти человѣческой оскорбленное самолюбіе самая живучая и неистребимая. Онъ нѣкогда уязвилъ гордость ярла гунторпскаго преимуществами знатнаго роду, которыя доставили ему болѣе почетный приемъ при дворѣ копенгагенскомъ. Ярль квамскій происходилъ по прямой линіи, отъ норвежскаго конунга Гаральда Лѣпокудраго, а сосѣдъ его отъ незначительнаго и вовсе не памятнаго ярла, изъ Дронтгейма. Онъ же перебилъ его расчетъ на невѣсту, женившись на богатой, прекрасной и знатной дѣвушкѣ, къ которой ярль гунторпскій давно сватался. Впослѣдствіи и этотъ тоже женился, но ни богатство, ни прекрасныя качества сердца жены, дочери богатаго купца, не могли изгладить въ душѣ его досады на успѣхъ соперника. Встрѣчая или завидѣвши изъ-дали сосѣда съ молодой и благородной супругой, онъ не-разъ въ бѣшенствѣ хватался за свое ружье, чтобы истребить счастливую чету, которая оставалась для него живымъ памятникомъ смертельной обиды.

По странной прихоти судьбы, у каждаго изъ сосѣдей было только по единственному сыну и мальчкѣ эти выросли напитанные тѣми чувствованіями вражды и ненависти, которые ежеминутно раздражались вокругъ ихъ колыбелей. Мало-по-малу въ нихъ совершенно возродились характеры отцовъ.

Въ осьмнадцать лѣтъ Олафъ гунторпскій былъ грозою всей окрестности. Съ самаго утра онъ сидѣлъ уже на конѣ, съ кинжаломъ за поясомъ, съ ружьемъ за плечами, отправлялся въ горы и лѣсъ, на охоту за краснымъ звѣремъ, и горе бѣдному крестьянину, который попадетъ буйному на встрѣчу. Олафъ никогда не упускалъ случая отегнуть бѣдняка арапникомъ, а толпа негодаевъ слугъ считала своею обязанностью подражать господину. Встрѣтятъ ли, бывало, мужика, ѣдущаго въ городъ съ возомъ припасовъ или съ угольями, тотчасъ остановятъ, опрокинутъ возъ въ ровъ, а хозяина прибьютъ и надъ нимъ же

насмѣются. Оттого, завидя изъ-дали молодого яря гундторпскаго, мужики и бабы, всѣ бросались бѣжать или, если уже нельзя было миновать, кланялись такъ почти-тельно, что давали ему высокое понятіе объ его важности. Вечеромъ онъ садился съ товарищами за столъ, уставленный кружками пива и вина, и тутъ каждый хвастливо разсказывалъ о подвигахъ, какіе совершилъ въ продолженіи дня, затѣмъ раздавались возгласы дикаго веселья и громкія пѣсни во славу хмѣлю, такъ, что отголосокъ далеко разносился надъ дремлющею долиною и заставлялъ трепетать ширныхъ жителей деревни.

Эрикъ квамскій былъ нраву кроткаго и важнаго. Отецъ усердно заботился о развитіи его умственныхъ и физическихъ способностей. Мать, которая получила воспитаніе очень рѣдкое въ то время, сама учила его нѣмецкому и французскому языкамъ и читала съ нимъ историческія и литературныя произведенія, привезенныя изъ Копенгагена. Эрикъ въ-особенности пристрастился къ рыцарскимъ романамъ и къ легендамъ. Это увлекло его къ мечтательности, такъ, что онъ часто возвращался съ охоты съ пустымъ ягаташемъ, потому что вмѣсто-того чтобы стрѣлять тетеревей, садился гдѣ-нибудь надъ рѣкою или подъ деревомъ и мечталъ или дочитывалъ книгу. Притомъ у Эрика было доброе и сострадательное сердце: рѣдкій день проходилъ, чтобы онъ не помогъ бѣдняку или не утѣшилъ страждущаго, свой или сосѣдній, ему было всё-равно.

Олафъ гундторпскій по всему краю славился необыкновенною храбростью и отважностью. Нерѣдко видывали, какъ онъ безъ страху взбирался на самыя неприступныя вершины горъ, за дикою ланью, или прокладывался въ логовище медвѣдя и лютаго волка, съ которыми бился одинъ на одинъ. Въ такой землѣ какъ Норвегія, гдѣ народъ и до-сихъ-поръ сохраняетъ преданія о славныхъ витязяхъ и ярыхъ берсернерахъ и гдѣ всякій питаетъ родъ наслѣдственнаго уваженія къ физической силѣ, смѣлость Олафа возбудила инстинктивное удивленіе во всѣхъ окружающихъ и у крестьянъ прикрывала даже чѣмъ-то завѣтнымъ его жестокость и буйство. Эрикъ квамскій не славился молодече-

ствомъ, но тѣмъ не менѣе подѣ спокойною и скромною наружностью хранилъ благородное и твердое мужество, а видимую слабость сложенія замѣнялъ необычайною гибкостью и ловкостью.

Однажды эти молодые люди встрѣтились у общаго со-бѣданапиру, который, по старинному норвежскому обычаю, длился нѣсколько дней и сопровождался воинственными играми, состязаніями въ силѣ и борьбою. Олафъ, разгоряченный напитками и подстрекаемый также ненавистью, вызвалъ на борьбу Эрика. Оба сняли съ себя верхнія платья и схватились грудь съ грудью посреди разступившагося круга гостей. Олафъ очевидно былъ гораздо сильнѣе своего противника, но тотъ взумлялъ живостью и проворствомъ движеній. Долго длилась борьба. Зрители внимательно, съ безпокойствомъ слѣдили за нею и то боялись за молодого ярла квамскаго, то за гундторпскаго. Это была уже не обыкновенная потѣха, начатая со смѣхомъ, съ простодушнымъ тщеславіемъ и надеждою поохотатъ надъ побѣжденнымъ: это былъ бой упорный, яростный, въ которомъ болѣе и болѣе распалаясь старинная вражда. Глаза Олафа искрились отъ гнѣву; взоръ Эрика былъ менѣе дикъ, но и въ немъ горѣлъ огонь необычайный. Одинъ кипѣлъ отъ бѣшенства и часто, несмотря на превосходство силы плюшалъ отъ излишней запальчивости; другой, менѣе сильный, но болѣе расчетливый, пользовался всѣми ошибками противника, ускользалъ у него изъ рукъ и снова нападалъ съ изумительной быстротой и искусствомъ. Послѣ продолжительнаго сомнѣнія вдругъ наступила минута, когда партизаны Олафа не могли удержаться отъ восклицанія радости: молодой ярлъ гундторпскій схватилъ своего противника поперегъ туловища, поднялъ и готовился ударить объ землю. Но Эрикъ вывернулся и, воспользовавшись изумленіемъ врага, свалилъ его съ ногъ, при единодушныхъ крикахъ обѣихъ сторонъ, пораженныхъ его неимовѣрною ловкостью. Олафъ всталъ съ лицомъ побагровѣвшимъ отъ стыда и гнѣва.

— Завтра сойдемся, сказалъ онъ, бросивъ на Эрика сверкающій взглядъ: но уже не въ мужицкой борьбѣ, а на благородномъ поединкѣ, со шпагами въ рукахъ.

— Хорошо, согласенъ, отвѣчалъ Эрикъ, скромно подходя къ своимъ пріятелямъ.

На другой день бой начался снова. На этотъ разъ превосходство было рѣшительно на сторонѣ Эрика. Его искусство и вѣрный, спокойный, взглядъ служили ему гораздо лучше силы. Между-тѣмъ какъ Олафъ метался съ ослѣпленіемъ запальчивости и не видѣлъ, что дѣлаетъ, Эрикъ наблюдалъ, отражалъ всѣ нападенія съ ловкостью мастера своего дѣла. Олафъ, болѣе и болѣе раздражаемый этимъ хладнокровіемъ противника, рѣшился покончить дѣло разомъ, выждалъ минуту и со всею силой, со всею яростью жестоко оскорбленнаго, направилъ въ грудь врага ударъ, которымъ надѣялся просадить его насквозь, но тотъ такъ ловко отбилъ ударъ, что шпага вылетѣла изъ рукъ нападавшаго.

Ярль гундторискій, вторично побѣжденный и пристыженный, уже не требовалъ новаго удовлетворенія. Онъ съ дикимъ бѣшенствомъ поднялъ свою шпагу, переломилъ ее на колѣнѣ и съ презрѣніемъ бросилъ обломки. Потомъ, не простившись даже съ хозяиномъ, ушелъ. Тѣ, мимо кого онъ проходилъ, слышали, какъ онъ проворчалъ страшныя угрозы мщенія.

Эрикъ былъ слишкомъ скромнень, для того чтобы надменно торжествовать побѣду, но и слишкомъ мужественъ, чтобы утрапиться угрозъ. Когда онъ, воротившись домой, рассказалъ о происшествіи, отецъ обнялъ его съ восторгомъ, какъ достойнаго потомка кѣнунга Гаральда. Но мать смотрѣла на эту побѣду съ нѣжностью женскаго сердца и трепетала за послѣдствія. Чтобы предупредить новую встрѣчу Эрика съ непримиримо оскорбленнымъ, мстительнымъ врагомъ, она предложила отпратить сына въ путешествіе. Эта мысль матери какъ-нельзя болѣе согласовалась съ самыми пламенными желаніями Эрика: читая въ путевыхъ запискахъ и повѣстяхъ описанія другихъ краевъ, чужихъ народовъ и обычаевъ, онъ, несмотря на сердечную привязанность къ родителямъ и къ родицѣ, горѣлъ нетерпѣніемъ взглянуть въ дѣйствительности на всѣ тѣ картины, которыя рисовались очаровательными красками въ его воображеніи. Нужно было только согласіе от-

ца. Но тотъ изъ гордости не соглашался на эту побѣзду при обстоятельствахъ, которыя могли придать ей видъ беззвеннаго побѣга.

Однако жъ новое приключеніе побѣдило упорство стараго яра квамскаго. Эрикъ, возвращаясь однажды вечеромъ съ обыкновенной прогулки, услышалъ на дорогѣ отчаянный крикъ, поспѣшно подошелъ и ему представилось зрѣлище, отъ котораго онъ вспыхнулъ гнѣвомъ. Слабая, пожилая женщина изъ деревни его отца, со слезами отбивалась отъ одного изъ самыхъ буйныхъ и самыхъ вѣрныхъ Олафовыхъ слугъ, который хотѣлъ отнять у нея корзину съ овощами.

— Мерзавецъ! разбойникъ! вскричалъ Эрикъ съ негодованіемъ, бросившись къ грабителю.

— А! это вы, милостивый ярлъ! возразилъ Олафовъ наперсникъ насмѣшливо: клянусь честью, я очень радъ, что встрѣтилъ васъ. Мнѣ очень хочется угодить барину. Если же посбавлю сѣси вашей милости, то, конечно, заслужу спасибо отъ благороднаго яра гундторпскаго. Увидимъ, вышибете ли вы у меня шпагу.

Съ этимъ словомъ онъ обнажилъ свой длинный охотничій ножъ и сталъ въ позицію. Эрикъ не дожидаясь повторенія этого дерзкаго вызову. Онъ также обнажилъ шпагу и вступилъ въ бой, между-тѣмъ какъ трепещущая отъ страху крестьянка, напрасно истощивъ мольбы не подвергаться такой опасности, съ крикомъ побѣжала звать людей на помощь. Но бой кончился прежде нежели старуха успѣла скрыться изъ виду. Самонадѣянный сподвижникъ Олафа, такой же запальчивый какъ и самъ онъ, съ третьяго разу самъ наскочилъ на Эрикову шпагу, которая пронзила ему сердце. Онъ изрыгнувъ проклятіе и повалился какъ снопъ. Эрикъ поспѣшилъ-было помочь ему, но уже было поздно. Передъ нимъ лежалъ окровавленный трупъ.

Послѣ этого и отецъ убѣдился, что Эрику нельзя долѣе оставаться дома, не подвергаясь опасности пасть отъ рукъ наемныхъ убійцъ, вооруженныхъ мстительнымъ Олафомъ, который не простилъ бы смерти своего любимца, хотя и не смѣлъ искать суда: онъ самъ боялся, чтобы при

этомъ случаѣ не открылись собственныя его шалости и буйства.

— Трусъ! кричалъ онъ, услышавъ объ отъѣздѣ Эрика: не смѣть выждать послѣдствій моего гнѣву! Но я найду его! отомщу!

Между-тѣмъ Эрикъ, напутствуемый благословіями отца и слезами матери, снабженный деньгами и всѣмъ нужнымъ на дорогу, съ вѣрнымъ слугою отправился въ путь и вскорѣ въ поэтической душѣ его изгладились всѣ непріятныя впечатлѣнія прошедшаго. Онъ любилъ природу пламенно, какъ женихъ невѣсту и находилъ большое наслажденіе въ ея красотахъ, которыя понималъ и цѣнилъ какъ родной сынъ ея, какъ художникъ и поэтъ, хотя не былъ ни художникомъ ни поэтомъ. Ни роскошь городовъ, ни величіе историческихъ памятниковъ, ни блескъ и пышность чужеземныхъ дворовъ не очаровывали его столько какъ закатъ солнца, озлащающаго послѣдними лучами остроконечныя верхи горъ Норвегіи или какъ шведское озеро, оправленное словно изумрудъ въ темный боръ столѣтнихъ сосенъ.

Побывавши въ Даніи, Эрикъ отправился въ Германію, потомъ въ Нормандію. Далѣе не захотѣлъ. Чужія страны, люди и обычай лишились для него всей прелести новизны. Въ Нормандіи онъ нашелъ неожиданное, но давно желанное счастье—первую любовь и съ нею молодую, прекрасную жену, которая съ радостью покинула домъ и родину, чтобы ѣхать на край свѣта съ малымъ мужемъ. Послѣ трехъ-лѣтняго отсутствія, Эрикъ снова вступилъ въ замокъ отцовскій и это былъ великій праздникъ для нѣпныхъ и добрыхъ родителей. Они съ распростертыми объятіями приняли милую дочь, которой давно уже посылали благословія наравнѣ съ сыновъ. Въ замкѣ кванскомъ ничего не перемѣнилось, кромѣ-того что въ мирныхъ домашнихъ занятіяхъ и искренней дружеской бесѣдѣ стало одной участницею больше.

Въ Лепѣ Эрикъ нашелъ другую половину своей души. Увидавъ на прогулкѣ уединенный цѣтущій холмикъ, откуда можно было обозрѣть окрестность, или уютное мѣсто подъ тѣнистой березой, молодые супруги сядились погоде-

рить о тѣхъ сердечныхъ тайнахъ, которыя были сказаны вчера и повторяются завтра, точно будто новыя. Иногда Эрикъ училъ жену нѣжному и пѣвучему языку своей родины и забавлялся надъ ея усиліями прочесть норвежское слово, такъ же хорошо какъ ученый наставникъ. Но любовь самый искусный учитель: это извѣстно. Лена въ непродолжительномъ времени стала пронаосить какъ-нибудь правильнѣе по-норвежски *Jag elsker dig* (я люблю тебя).

Иногда они пересказывали другъ другу народные преданія, которыя слышали въ дѣтствѣ. Однажды Эрикъ разсказалъ Ленѣ исторію молодой матери, которая будучи похищена у любимаго семейства преждевременною смертыю, услышала въ гробѣ рыданія своихъ дѣтей и вымолила у неба позволеніе воротиться къ нимъ, чтобы утѣшить ихъ.

— Да! прибавилъ онъ, окончивая трогательный разсказъ: жизнь души не можетъ кончиться съ живнью тѣла. Глаза наши закроются, сердце перестанетъ биться, однако жъ если пламенная мысль любви одушевляетъ наше существованіе, то эта мысль должна послѣдовать за нами въ могилу и поддерживать жизнь подъ холодной землей. Я увѣренъ, что мертвые находятся въ непрерывномъ сообщеніи съ тѣми, кого они любили и кто объ нихъ тоскуетъ на землѣ. Они наблюдаютъ за нами въ скорбяхъ, радуются ихъ наслажденіямъ и сокрушаются ихъ невѣрностью. Если я и умру прежде тебя, если тебѣ случится нужда во мнѣ, небо будетъ столько милосердо, что позволитъ мнѣ явиться къ тебѣ на помощь и на утѣшеніе.

— И я тоже всегда вѣрила, что это возможно, отвѣчала Лена: у насъ, въ Нормандіи, всѣмъ извѣстна старинная баллада, въ которой разсказывается, какъ мальчикъ выпалъ изъ гроба, чтобы сказать неутѣшной матери: «не плачь не плачь, маменька! Когда ты улыбаешься, гробъ мой наполняется розами; когда же ты плачешь, саванъ мой промокаетъ отъ слезъ». Но не ты, милый Эрикъ, — я умру прежде тебя, я выйду изъ могилы, чтобы подойти къ тебѣ, когда ты будешь сидѣть здѣсь, подъ березою, и сказать на твоимъ норвежскомъ языкѣ: «я люблю тебя».

Между-тѣмъ какъ молодые супруги предавались такимъ образомъ мечтамъ и счастію любви, надъ ними не дремала дѣятельная и злопамятная ненависть.

При первой вѣсти о возвращеніи Эрика, въ душѣ Олафа вспыхнула вся ярость первой ненависти. Узнавъ, что врагъ привезъ съ собою прекрасную жену, онъ почувствовалъ зависть и ревность, которая еще усилила его озлобленіе. Потомъ онъ увидѣлъ Лену въ церквѣ. Съ того дня онъ сталъ мраченъ и задумчивъ. Вмѣсто-того, чтобы рыскать по лѣсу, какъ бывало, съ шумною толпой слугъ и застольныхъ товарищей, онъ бродилъ одинъ съ ружьемъ, котораго уже не употреблялъ. И на попойкахъ онъ сталъ молчаливъ, и рассказы и пѣсни разгульныхъ собесѣдниковъ уже не занимали его. Иногда только у него вырывались несвязныя слова, которыя однако жъ не относились къ присутствующимъ, и всякій разъ, когда при немъ произносили имя Эрика, онъ вздрагивалъ и лицо его принимало страшное выраженіе.

Черезъ заботливыхъ пріятелей Эрикъ зналъ объ этомъ состояніи своего врага. Крестьяне даже говорили ему, что видѣли иногда вооруженныхъ людей, которые бродили около замка, конечно, не съ добрыми намѣреніями. Эрикъ не пренебрегалъ этими предостереженіями. Онъ былъ слишкомъ счастливъ, чтобы не позаботиться о безопасности своего счастія: онъ мало-по-малу ограничилъ предѣлы своихъ прогулокъ и никогда не выходилъ безъ шпаги и ружья. Но измѣна уничтожила весь расчетъ благоразумной осторожности.

Прошло лѣто поспѣшное и блестящее. Настала осень, сырая и холодная. Богатые вѣтви деревьевъ пожелтѣли и начали облетать; небо обтянулось тяжелымъ, сѣрымъ покровомъ; густые туманы разстилались по Лугену и покрывали окрестныя горы. Лена уже не осмѣливалась подвергаться холодному вѣтру, который немилосердно трепалъ березы и покачивалъ вѣковыя сосны. Эрикъ выходилъ одинъ поохотиться въ окрестностяхъ своего замка за дичью или поискать лисицы. Однажды, подъ вечеръ, зашедши далѣе обыкновеннаго, онъ уже хотѣлъ воротиться домой, какъ одинъ крестьянинъ подошелъ къ нему и съ

выраженіемъ страху и смущенія объявилъ, что ищетъ его по приказанію своей матери.

— Бѣдная мать моя умираетъ, продолжалъ крестьянинъ: она говоритъ, что имѣетъ сообщить вашей милости важную тайну. Она заклинаетъ васъ прійти къ ней. Сдѣлайте милость умирающей. Она не можетъ умереть спокойно, если не увидитъ васъ.

— Твоя мать? спросилъ Эрикъ, пораженный страннымъ выраженіемъ крестьянина: Фрида Югансонъ, что живетъ на берегу рѣки?

— Точно такъ, ваша милость.

— Хорошо, я приду. Но теперь мнѣ нужно сходить до-мой.

— Ахъ, ваша милость, возразилъ крестьянинъ: бѣдной моей матери ужъ не много минутъ осталось жить. Если вы опоздаете, прискорбно намъ будетъ. Пожалуйте теперь. Мы какъ-разъ дойдемъ: отсюда не далеко.

— Ну, хорошо, пойдѣмъ, сказалъ Эрикъ, и звѣкомъ приказалъ крестьянину идти впередъ.

Надобно было идти по едва примѣтной тропинкѣ черезъ густой лѣсъ, мѣстами прерываемый глыбами скалъ, мѣстами заглохшій отъ валежнику. Эрикъ шелъ за крестьяниномъ, не обращая никакого вниманія на мѣсто и дорогу. Вдругъ тотъ остановился и объявилъ, что они заблудились.

— Погодите немножко; чтобы дальше не зайти въ чащу, я поищу тропинки, сказалъ онъ и, отошедши всторону, вдругъ пронзительно свиснулъ.

— Что это значитъ? вскричалъ Эрикъ.

Въ то же время въ чащѣ раздался ружейный выстрѣлъ и Эрикъ, пораженный пулею въ грудь, упалъ.

— Лена! Лена! проговорилъ онъ, и умеръ.

Крестьянинъ, склоненный на эту измѣну угрозами и обѣщаніями Олафа, вѣроятно, не предвидѣлъ, чѣмъ она кончится, съ ужасомъ раскаялся и побѣжалъ звать на помощь, уже не нужную Эрику.

Мы не станемъ описывать отчаянія матери и жены. Есть скорби, которыхъ не могутъ передать ни перо ни кисть. Старый яръ не пролилъ ни одной слезы, не испу-

стилъ ни одного вздоху. Онъ сидѣлъ подлѣ съшеваренаго трупя безмолвно, неподвижно, устремивъ взоръ на лицо любимую. Но въ сухихъ глазахъ и въ мускулахъ его лица выражалось нѣчто такое, что никто не смѣлъ смотрѣть на него. На другое утро длинные густые волосы его, до того бывшіе только съ пресѣдью, висѣли на похудѣвшія щеки какъ бѣлый снѣгъ. Онъ проводилъ сына до могилы и присутствовалъ при церковномъ обрядѣ съ тою же неподвижностью, съ тѣмъ же безмолвіемъ. Можно было подумать, что мертвецъ вышелъ изъ могилы хоронить другого мертвеца. Только тогда, когда первая лопата земли упала на гробъ, у бѣднаго старика подкосились колѣни, онъ склонилъ голову на разрытую сырую землю и изъ покрасѣвшихъ глазъ выкатились двѣ слезы, какъ двѣ замерзшія блестящія градины. Потомъ онъ всталъ и не промолвивъ слова воротился въ замокъ.

Нѣсколько дней послѣ этого ярль кванскій ходилъ какъ привидѣніе по покоямъ своего замка, ходилъ изъ оружейной въ кладовыя, изъ кладовыхъ въ новюшню, призывалъ своихъ людей, то того, то другаго, отдавалъ приказанія отрывистымъ, суровымъ, важнымъ тономъ и люди спѣшили исполнять эти приказанія безъ малѣйшаго возраженія. По всему замку пошла тревога и работа: кто точилъ шпаги и сабли, кто чистилъ ружья, кто исправлялъ сѣдла и сбрую. Все предвѣщало предпріятіе необыкновенное, грозное, но никто не зналъ, что задумалъ старый ярль. Двѣ несчастныя женщины смотрѣли на него со страхомъ и не смѣли спросить, что будетъ, а онъ только ходилъ и поощрялъ людей взглядомъ и отрывистыми словами.

Черезъ нѣсколько дней потомъ на дворѣ замка раздался звукъ трубы. Человѣкъ пятьдесятъ вооруженныхъ бердышами, саблями и ружьями сидѣли на коняхъ и строились въ ряды. Передъ фронтомъ одинъ изъ нихъ держалъ подъ устцы лошадь, осѣдланную богаче другихъ, и по обѣимъ сторонамъ сѣдла торчали тяжелые пистолеты. Старый ярль надѣлъ длинный палашъ и вышелъ изъ своего покоя. На порогѣ жена и невѣстка остановили его, бросившись въ объятія старика и умоляя его не прибавлять новаго несчастія къ ихъ тяжелому горю.

— Скажи, куда ты? что ты намеренъ дѣлать? съ трепетомъ и со слезами спрашивала жена.

Съ такими же трапетомъ, съ такими же слезами ждала отвѣту невѣтка.

— Мстить за сына. Молитесь! отвѣчалъ старикъ; обналъ обѣихъ женщинъ, вышелъ, сѣлъ на коня и поскакалъ.

Отрядъ за нимъ.

Затаивъ въ душѣ гордую скорбь, доблестный потомокъ Гаральда не могъ унизиться до мысли употребить противъ своихъ враговъ подлыя средства, употребленные ими, и отомстить за смерть сына измѣннической засадой. Онъ не хотѣлъ и суда искать. Ему казалось, что будетъ такъ же низко и недостойно дожидаться приговору суда надъ убійцею его сына. Нѣтъ, для укрощенія бури его души, ему нужна была битва, битва въ открытомъ полѣ, мщеніе кровавое, но благородное. Онъ шелъ прямо на вѣступъ къ Гундторпскому замку.

Вокругъ этого замка, не въ дальнемъ разстояніи, находились гумна, гдѣ хранился запасный крестьянскій хлѣбъ. Ярль квамскій хотѣлъ зажечь ихъ и при безпорядкѣ, который оттого произойдетъ, ворваться въ замокъ.

Но и Олафъ не дремалъ. Онъ давно зналъ о приготовленіяхъ стараго ярля и наблюдалъ за ними. Въ собственномъ замкѣ онъ съ нѣкотораго времени распорядился неограниченнымъ хозяиномъ. Отецъ его былъ хворъ и одрахлаблъ совершенно, а мать была слишкомъ слабая женщина, чтобы противорѣчить своевольному и властолюбивому сыну. Всѣ безпрекословно покорялись его волѣ. Узнавъ о вооруженіи Эрикава отца, онъ тоже приготовился, но гораздо скорѣе, потому что ему стоило только назвать своихъ охотниковъ солдатами.

Приблизившись къ гумнамъ, которыя хотѣлъ зажечь, старый ярль квамскій къ непріятному удивленію увидѣлъ передъ собою небольшой отрядъ такъ же вооруженныхъ людей и впереди ихъ Олафа гундторпскаго. Досадно было старику, что плачь его разстроился, но онъ не долго и раздумывалъ: ему было всё-равно, гдѣ ни схватиться съ врагомъ. Сигналъ данъ и квамскіе бросились въ атаку.

Старикъ впереди. Отъ перваго залпу двое Олафовыхъ людей пали мертвые, нѣсколько другихъ ранено. Онъ приказалъ отступить. Видя это, старый ярль съ живостью закричалъ своимъ:

— Впередъ! впередъ, ребята! захватимъ ихъ, перебьемъ всѣхъ подлыхъ измѣнниковъ, убійцъ!

И отрядъ вмѣстѣ съ нимъ помчался за отступающими. Но въ ту минуту, когда старикъ уже думалъ, что совсѣмъ побѣдилъ, Олафъ вдругъ затрубилъ въ рогъ, отрядъ его обернулся, сталъ и съ обѣихъ сторонъ изъ чащи позади стараго ярла явился другой отрядъ гундторпскихъ, втрое многочисленнѣе перваго. Они ударили на окруженныхъ съ двухъ сторонъ и смѣшали ихъ. Къ старикъ подсакало человекъ двѣнадцать вооруженныхъ съ ногъ до головы, которые вмигъ окружили его и отдѣлили отъ другихъ. Онъ защищался какъ левъ, убилъ двоихъ изъ нистоетовъ, но не имѣя времени зарядить снова, схватилъ палашъ въ обѣ руки, сыпалъ смертельные удары вправо и влево и съ крикомъ бѣшенства призывалъ своихъ солдатъ, которые однако жъ были уже разрознены и не могли пробиться къ нему сквозь многочисленную толпу. Наконцѣ лошадь подъ старикомъ была убита, палашъ вышибли у него изъ рукъ. Ярль квамскій упалъ, съ безмолвнымъ отчаянiемъ опустилъ голову на грудь и ждалъ смертельнаго удара. Но не того хотѣлъ Олафъ.

— Свяжите его и ведите въ замокъ! вскричалъ онъ.

Разбитые и разсѣянные люди ярла квамскаго изъ-дали видѣли, какъ исполнялось это приказанiе, и со стыдомъ и печалью принесли роковую вѣсть несчастнымъ господамъ.

Олафъ заключилъ своего плѣнника въ тѣсную темницу; приставилъ къ желѣзной двери надежную стражу, потомъ задалъ пиръ, чтобы отпраздновать побѣду. Къ концу нира, покуда бражники распѣвали громкія пѣсни и прославляли молодаго ярла гундторпскаго, Олафъ подозвалъ своего повѣреннаго и сказалъ:

— Возьми, переломай оружіе побѣжденнаго врага, отнеси къ женѣ его въ доказательство нашей побѣды и скажи, что если Лена согласится выйти за меня за-мужъ, я

возвращу плѣнному свободу, если же нѣтъ, то повѣшу его передъ воротами его же замка.

— Какъ! вы хотите жениться на вдовѣ Эрика?

— Не твое дѣло! вскричалъ Олафъ: дѣлай, что велятъ. Ступай и возвращайся скорѣй. Я жду отвѣта.

Черезъ два часа посланный возвратился и донесъ, что ни жена ни неvěстка слышать не хотятъ о предложеніи, и готовы скорѣе умереть.

— Хорошо, сказалъ Олафъ спокойно, выпилъ большую чарку вина и сталъ молча прохаживаться вокругъ стола, за которымъ большая часть пирующихъ уже спала, кто гдѣ упалъ.

На другой день Олафъ послалъ въ замокъ квамскій одежду плѣнника, съ повтореніемъ того же предложенія и приказалъ прибавить, что старикъ мерзнетъ нагишомъ въ холодной и сырой темницѣ.

На третій день онъ послалъ пукъ сѣдыхъ волосъ съ обстриженной головы старика. На этотъ разъ теща со слезами обратила на неvěстку вопросительный взглядъ. Но та отвернулась и зарыдала.

На четвертый день Ленѣ и тещѣ ся пришли сказать, что отъ Олафа опять явился посланный, а передъ воротами замка уже строятъ висѣлицу. Онѣ подбѣжали къ окну и съ ужасомъ увидѣли страшное орудіе казни, около котораго хлопотали люди ярла гундторпскаго.

Лена съ отчаяніемъ вскричала вошедшему послу, что она на все согласна, что она готова выйти за Олафа, чтобы спасти старика, и упала безъ чувствъ на руки рыдающей тещи. Когда она пришла въ себя, теща стояла передъ нею на колѣнахъ и не смѣла говорить, не смѣла благодарить, а только со слезами цѣловала ея руки.

Въ тотъ же вечеръ Олафъ прибылъ въ замокъ квамскій со всѣми своими людьми, вооруженными какъ на сраженіе. Но они не встрѣтили ни какого сопротивленія, потому что всѣмъ уже извѣстно было великодушное самопожертвованіе Лены. Надменный побѣдитель вошелъ въ домъ скорби какъ въ городъ, взятый приступомъ. За нимъ привезли плѣнника, связаннаго и окруженнаго стражею, которая была вовсе не нужна, потому что старикъ такъ

искудалъ и ослабѣлъ, что ни люди ни даже родные не могли узнать въ немъ прежняго яра краснаго.

На вопросъ скоро ли явится невѣста, Олафу отвѣчали, что Лена не станетъ противиться союзу, но только просить, чтобы ей оставили свободу до одиннадцати часовъ: Олафъ согласился и приказалъ освободить старика, котораго жена тотчасъ же уложила въ постель, потому что онъ очевидно былъ боленъ и почти въ безчувственномъ состояннн.

Между-тѣмъ въ обширныхъ покояхъ замка накрывались столы, становились кувшины съ пивомъ и виномъ, серебряныя кружки и кубки и между ними большой серебряный чеканенный рогъ, памятникъ стариннаго скандинавскаго искусства и старинныхъ обычаевъ, который вынимался изъ фамильнаго хранилища только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Теперь его вынули, потому что распорядились сами своевольные гости. Говорили, будто изъ этого рогу пивалъ самъ Гаральдъ-Льпокудрый, и не-разъ, конечно, наполнявшая его влага разжигала кровь храбрыхъ норманскихъ витязей и вдохновляла скальдовъ. Увидѣвъ этотъ сосудъ, Олафъ вспомнилъ о древнемъ обычаѣ: выпивать его разомъ не переводя духу, и вздумалъ явить себя настоящимъ витяземъ, какихъ и въ то время уже было мало.

— Подайте, подайте мнѣ рогъ! вскричалъ онъ.

Въ рогъ налили цѣлый кувшинъ вина. Олафъ взялъ его въ обѣ руки и вытянулъ все, до дна, но товарищи скоро примѣтили, что онъ всѣ-таки не настоящнй витязь.

— Гдѣ же моя невѣста? вскричалъ онъ, когда началъ приближаться назначенный срокъ: гдѣ же Лена Гундторпъ?

— Олѣвается, отвѣчалъ слуга.

Попойка продолжалась. Черезъ часъ потомъ Олафъ снова хватился невѣсты.

— Гдѣ же Лена? Долго ли мнѣ ждать, чортъ возьми! вскричалъ онъ, съ бѣшенствомъ ударивъ кулакомъ по столу.

Одннъ слуга отвѣчалъ, что невѣста сейчасъ выйдетъ,

а другой прибѣжалъ сказать, что видѣлъ; какъ она ушла совсѣмъ, и была одѣта вовсе не модъ вънѣшъ.

— Ушла! вѣрнѣе! Ольга какъ дикій звѣрь, у котораго вырванъ добычу: ушла!... Га! если они думаютъ пошутить надо мной, такъ я имъ покажу, что выйдеть изъ этой шутки!

Изъ съ обнаженною спицею въ рукахъ выбѣжалъ изъ коннаты. Чистъ собесѣдниковъ песифшила за нимъ слѣдомъ.

Между тѣмъ Лена, въ длинной черной одеждѣ, съ такими же покрываломъ на головѣ, тихонько вышла изъ своихъ покоевъ, миновала ту часть замка, гдѣ шумѣли пирующіе, перешла дворъ и спустилась въ фамильный погребальный склепъ яровъ квамскихъ. Ночь была ясная: луна свѣтила въ полномъ блескѣ.

— Эрикъ! сказала Лена, склонясь надъ надгробнымъ камнемъ мужа: милый мой Эрикъ! ты часто повторялъ мнѣ, что гробовая доска не разлучаетъ тѣхъ, кого на землѣ соединяла искренняя, чистая, святая любовь. Ты вѣрилъ, что можешь услышать въ глубинѣ твоей могилы, жалобы и стоны тѣхъ, кого оставить плакать на землѣ. Я пришла къ тебѣ съ тою же вѣрою. Я одна, безъ помощи, безъ опоры, угнетенная скорбію, угрожаемая несчастіемъ: защити меня! О, мой милый Эрикъ, мужъ мой! если сердце твое не навсегда лишилось чувства.... если мои слезы еще могутъ проникнуть до твоей груди.... помоги мнѣ, отвѣчай мнѣ....

Она замолчала и съ тронетомъ осмотрѣлась вокругъ.

— Увы! нѣтъ! продолжала она, помолчавъ: эта мысль была безумная. Узы, разорванныя смертью, связываются не иначе какъ на томъ свѣтѣ. Жители гробовъ спятъ непробуднымъ сномъ. Я слышу только жалобный шелестъ вѣтвей ивы, которая вмѣстѣ со мною вздыхаетъ и плачетъ. Я вижу только холодный камень, подъ которымъ схоронены всѣ мои надежды. О, Боже мой! мнѣ такъ сладко было вѣрить, что мужъ мой еще со мною, чувствуетъ мою скорбь, слышитъ мои вздохи и можетъ невидимою рукою спасти и поддержать меня. А теперь.... ничего.... ничего нѣтъ! Я просто бѣдная, беззащитная вдова,

оставленная на произволъ судьбы и людей. О, Боже Всемогущій, умилосердись надо мною!

Говоря это, она припала головой къ холодному камню и неутѣшно зарыдала. Вокругъ склепа ходилъ вѣтеръ и перебиралъ мокрые листья плакучей ивы. Вдали слышался плескъ Лугена, который разбивалъ свои волны о прибрежныя скалы. Вдругъ Лена вздрогнула. Ей показалось, будто земля колышется подъ ея ногами; надгробный камень пошатнулся подъ ея руками и сдвинулся съ мѣста. Лена съ судорожнымъ трепетомъ отступила. Передъ нею медленно поднялся изъ могилы мертвецъ въ бѣломъ саванѣ.

— Эрикъ! вскричала она съ ужасомъ и радостью.

— Да, Эрикъ, отвѣчалъ мертвецъ, протягивая къ ней поспѣвшую руку: Эрикъ, котораго низкая измѣна и враги лишили счастья любви и которому небо дозволило услышать твои стenanія. Прийди ко мнѣ, милая Лена, прийди ко мнѣ. Мои уста холодны, руки оледенѣли, но сердце не перестало любить тебя. Прийди, моя бѣдная, ты, для которой золотая дверь жизни уже затворилась, потому что ты ищешь пріюта посреди гробовъ. Гробъ не обманываетъ надежды тѣхъ, которые страдали. Въ могилу уносятся только мысли любви: всѣ мелочныя опасенія, всѣ суетныя желанія остаются на землѣ.

— О, мой Эрикъ! мой возлюбленный! вскричала Лена, сжимая въ объятіяхъ холодный трупъ мужа: ты со мною! ты, котораго я призывала какъ послѣднее мое спасеніе, какъ единственною опорю! Теперь я уже не разстанусь съ тобою. Возьми меня съ собою въ темное свое жилище. Скрой меня отъ ужасной жизни и безчеловѣчныхъ гонителей.

— Несчастная! вскричалъ громовымъ голосомъ Олафъ, который, обѣжавъ весь замокъ, наконецъ подошелъ къ погребальному склепу и узналъ Лену по голосу.

— Эрикъ, спаси меня! вскричала Лена.

— Ты здѣсь, обманщица! продолжалъ Олафъ: такъ-то ты исполняешь данное слово? погоди же!...

Подоспѣли люди съ факлами. Олафъ съ толпою вѣ-

жалъ въ склепъ и остолбенѣлъ отъ ужасу; кровь застыла у него въ жилахъ. Лена, мертвая, лежала въ объятіяхъ мертвеца-Эрика, который прикрылъ ее своимъ саваномъ, и тусклыми глазами грозно смотрѣлъ на гонителя.

Всѣ въ сматеніи и ужасѣ бросились бѣжать. Въ нѣсколько минутъ замокъ опустѣлъ.

На другой день Лену похоронили подлѣ мужа. Олафъ Гундторпъ въ ту же ночь пропалъ безъ вѣсти. Одни говорили, будто онъ утопился въ Лугенѣ; другіе, будто ушелъ въ Палестину.

Старый ярлъ квамскій долго еще сживалъ по цѣлымъ часамъ безмолвно, неподвижно, какъ въ день смерти сына, и все смотрѣлъ на сложенные на-крестъ руки, которыхъ никогда самъ не разводилъ, какъ-будто бы онѣ были связаны. Онъ помѣшался.

Нынче въ пустынномъ Гудбрандсдалѣ не осталось ни какихъ слѣдовъ старинныхъ жилищъ ярла гундторпскаго и ярла квамскаго. Оба враждебные рода пресѣклись. Но привлекательный край, котораго спокойствіе они нарушали своею ненавистью, сохранилъ свою торжественную красоту. Не было тамъ путешественника, который бы не остановился полюбоваться на цвѣтушіе холмы, на великолѣпный Лугенъ и на мирныя жилища поселянъ. Посреди этой величественной и прекрасной природы усладительно слышать разсказъ о смерти двухъ супруговъ и задуматься надъ гробовымъ камнемъ съ надписью: «Любовь по смерти».

ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНГЛІЙСКАГО МИССИОНЕРА ВЪ ИСПАНІИ.

Путешествіе на мысъ Финистерръ. Мадридская тюрьма. Въ Англій пользуется нынче чрезвычайнымъ успѣхомъ книга, не обращавшая на себя сначала почти ни какого вниманія. Джорджъ Борро (Borrow), членъ Библейскаго Общества, вздумалъ отправиться въ Испанію съ грузомъ Библий на разныхъ нарѣчіяхъ Полуострова и распространять книга Ветхаго Завѣта между набсжными католиками, которымъ, какъ извѣстно, это чтеніе запрещено римскою духовною властью. Безчисленныя приключенія, въ которыхымъ повело протестантскаго миссіонера это пред-

пріятіе, бьмъ имъ описаны, года три тому назадъ, съ большимъ чистосердечіемъ, въ книгѣ подъ заглавіемъ: *The Holy Bible in Spain*. При появленіи этого сочиненія, одни только журналы взрѣдка занимались имъ; по съ прошлаго года оно вдругъ получило такую извѣстность, что втеченіи шестнадцати мѣсяцевъ достигло пятаго изданія. Авторъ, при каждомъ изданіи, исправлялъ его, усиливая занимательность сочиненія новыми анекдотами, такъ, что теперь это—самая характеристическая и разнообразная картина общества и нравовъ Испаніи, какую только можно представить читателю. Мы приведемъ здѣсь два отрывка.

«По прибытіи въ Падронъ, говоритъ простодушный миссіонеръ, мнѣ чрезвычайно захотѣлось посѣтить мысъ Финистерръ, страшную скалу, у подножія которой я, за годъ передъ тѣмъ, чуть-было не погибъ.

Зная, что поѣздка эта довольно трудна, я рѣшился оставить моихъ лошадей и слугу Антоніо и приказалъ позвать *акладора* (вожатаго).—«У меня есть превосходная лошадка, очень привычная къ горнымъ дорогамъ и совершенно пригодная для вашей милости, сказалъ мнѣ вожатый: но дороги удивительно дурны. Такъ надо и заплатитъ порядкомъ.—Справедливо, отвѣчалъ я: я хочу, чтобы ты остался доволенъ, но съ условіемъ: ты долженъ провожать меня самъ.» Я долго настаивалъ на этой статьѣ, потому что не хотѣлъ пуститься въ полудикій край безъ хорошаго вожатаго и безъ человѣка, на котораго могъ бы положиться въ случаѣ нужды.—*No tenga usted cuidado*, отвѣчалъ *акладоръ*: не извольте, ваша милость, беспокоиться, я самъ провожу васъ.

Я назначалъ ему свиданіе въ три часа утра, но было уже пять, когда онъ, проспавши, вѣроятно, такъ же какъ и я, наконецъ явился въ гостиницѣ. На-скоро одѣвшись, я не забылъ взять два экземпляра библии, назначенные для жителей Финистерра. У крыльца я нашелъ небольшую, живую и черную какъ вѣронъ лошадку, которая поправилась мнѣ съ перваго взгляду. Подлѣ лошадки находилось существо двуногой породы, на которое я сначала не

обратить вниманіа, о которомъ однако жъ буду имѣть случай говорить довольно подробно.

Такъ какъ все было готово, я прѣстлся съ Антонио и вынуждены были по дорогѣ въ Сантъ-Яго.—«Зачѣмъ этотъ съ вами?» спросилъ я у акиладора, указывая на странную фигуру, о которой говорилъ. — Это мой работникъ, отвѣчалъ тотъ. И мы продолжали путь до монастыря Эсклавитудскаго, гдѣ надлежало оставить большую дорогу. Тутъ мой вожатый вдругъ остановился. — Что ты дѣлаешь? спросилъ я. Онъ пристально посматрѣлъ въ землю и, казалось, разсматривалъ въ пыли слѣды животныхъ, которыя тутъ прошли. — Что же ты дѣлаешь? повторилъ я громче. Помолчавъ довольно долго, акиладоръ приподнялъ глаза. «Если вы думаете, что я провожу васъ до Финистерра, сказалъ онъ, то вы ошибаетесь, потому что я вовсе не знаю дороги, ктому же я уже нанялся къ другому господину, чтобы итти въ Понтеведра. Но не безпокойтесь: я поступлю какъ должно кавалеру. Я принялъ всѣ нужныя мѣры къ вашему удовольствію. Вотъ человекъ, на котораго можно совершенно положиться, который нѣсколько разъ уже ходилъ по этой дорогѣ, съ этою же лошадкою и который будетъ вамъ пріятнымъ спутникомъ, потому что онъ много путешествовалъ и знаетъ по-англійски и по-французски». Говоря это онъ указывалъ на своего работника. Раздосадованный такимъ безстыдствомъ, я въ первую минуту ничего не могъ отвѣчать. Наконецъ заговорилъ я съ нимъ крупно; сталъ грозить, что ворочусь въ городъ и возьму съ него. «Такимъ образомъ, господинъ кавалеръ, отвѣчалъ онъ, вы немного ближе подойдете къ Финистерру, гдѣ, вамъ, кажется, очень хочется побывать. Послушайте меня, продолжайте путь. Отсюда добрыхъ двѣнадцать миль до Коркувіона, гдѣ вамъ нужно переночевать, а этимъ вожатымъ вы останетесь совершенно довольны. No tenga usted cuidado (Не извольте, ваша милость, безпокоиться)».

Впродолженіи этого спору я разсудилъ, что воротиться будетъ мало пользы и что, конечно, странная фигура будетъ не хуже негодяя акиладора. «Хорошо, ступай, сказалъ я: дай Богъ тебѣ современемъ раскаться въ грѣ-

хахъ». Но видя, что одержалъ одну побѣду, сегодняй вздумалъ попытаться и на другую. Онъ сталъ передо мною посреди дороги, объявилъ, что не доволенъ платою за лошадь, и требовалъ еще два доллара. «Я безъ-сомнѣннй былъ пьянъ или не въ своемъ умѣ, прибавилъ онъ, когда согласился взять такую цѣну». Надобно замѣтить, что я вовсе не торговался съ этимъ человѣкомъ. Тутъ я уже не выдержалъ, ударилъ по лошади и ускакалъ. Акиладоръ полетѣлъ вверхъ ногами. Отскакавъ шаговъ на сто, я оглянулся. Онъ опять стоялъ на томъ же мѣстѣ и глядя мнѣ вслѣдъ усердно крестился. Новый вожатый мой и не подумалъ подать помощь своему господину, а бѣжалъ подлѣ меня и погонялъ мою лошадку.

Такимъ образомъ мы миновали Эсклавитудъ. Кое-гдѣ по дорогѣ попадались намъ скотныя дворы и вскорѣ мы достигли рва, котораго бока поросли жалкими, захирѣлыми дубами. На днѣ, пѣ тѣни деревьевъ, протекалъ мрачный потокъ. Мы перѣехали чрезъ него по неуклюжему мосту. Вырожденнй этого пути я имѣлъ время рассмотреть моего вожатаго съ головы до ногъ. Если бы онъ не горбился, а держалъ голову прямо какъ солдатъ, онъ можетъ-быть дотянулся бы до пяти футовъ съ дюймою. Мать природа снабдила его чудовищно огромною головою, но, по-видимому совершенно забыла, что для полноты организма человѣческаго пужна и шея. Коротенькя столбовидныя ноги его поддерживали геркулесовское туловище, къ которому худыя, длинныя, черныя руки были привѣшены съ обѣихъ сторонъ какъ-бы случайно. Длинное лицо его походило бы немножко на человѣческое, если бы въ немъ можно было найтн что-нибудь въ родѣ носу. Но огромныя выпученныя глаза и кривою ротъ занимали все пространство между лбомъ и подбородкомъ. На этой безобразной фигурѣ была надѣта старая шляпа, тришца въ родѣ рубашки и засаленныя оборванныя штаны. Вспомнивъ, что акиладоръ рекомендовалъ мнѣ его какъ человѣка, знающаго много языковъ, я заговорилъ съ нимъ по-англійски. «Ты только и дѣлалъ, что провожаешь путешественниковъ?» спросилъ я. Уродъ посмотрѣлъ на меня очень глупо, захохоталъ во все свое горло и захопалъ въ

ладони. Полагая, что онъ не понялъ меня, я повторилъ вопросъ по-французски и получилъ тотъ же отвѣтъ. «Ради Бога, господинъ кавалеръ, сказалъ онъ наконецъ на дурномъ испанскомъ нарѣчьи, говорите со мною по-испански или еще лучше по-галиційски, если хотите, чтобы я понималъ васъ. Я слышалъ, что акладоръ рассказывалъ вамъ, но онъ такой *embustero* (лгунъ), какого свѣтъ не производитъ. Это меня за грѣхи Богъ попуталъ, что я попалъ въ работники къ такому человѣку. Надобно же было такое несчастье, чтобы мнѣ пришло въ голову покинуть море и идти въ вожатые по сухому пути!» Потомъ онъ рассказалъ мнѣ, какъ служилъ долгое время въ испанскомъ флотѣ, бывалъ на островѣ Кубѣ и во многихъ другихъ американскихъ владѣнiяхъ. «Акиладоръ сказалъ вамъ правду только въ одномъ, прибавилъ онъ: то есть, въ томъ, что вы будете имѣть прiятнаго сопутника. Отсюда до Финистерра вы успеете обсудить, на сколько работниковъ лучше своего хозяина. Онъ молчалъ въ и скученъ, тогда какъ я...» Онъ сталъ припрыгивать и хохоча во все горло хлопалъ въ ладоши. «Вы едва-ли цовѣрите, что я сегодня, въ два часа утра воротился изъ Короньи съ этою же лошадкою, продолжалъ онъ: но несмотря на это, мы оба пойдемъ еще хоть куда. *No tenga usted ciudadano*».

Тропинки усѣяныя огромными булыжниками, становились все болѣе и болѣе затруднительными. Иногда онѣ были такъ круты, что требовалось все проворство вороной лошадки, чтобы пробѣгать по нимъ. На вершинѣ одного крутаго холма мы остановились у одной *choza* или галиційской хижины.

Тамъ женщина накормила наше четвероногое мансомъ и подала *broa* и *aguardiente* (водки) обоимъ двуногимъ. Я позавтракалъ и прогулявшись немного, воротился посмотреть на вожатаго. Онъ спалъ глубокимъ сномъ на скамьѣ, гдѣ я оставилъ его. Прислонившись спиною къ стѣнѣ и свѣсивъ ноги, онъ сидѣлъ совершенно неподвижно какъ статуя. Жизнь, казалось, совершенно оставила его безобразное тѣло, такъ, что я сталъ опасаться, не умеръ ли несчастный отъ изнуренiя. Я растолкалъ его. Онъ открылъ глаза и опять закрылъ. «Что ты намѣренъ цѣлый день

проспать здѣсь, вмѣсто, того чтобы идти въ Финистерру!» вскричалъ я. Онъ торопливо вскочилъ, схватилъ шляпу и бросившись къ двери вскричалъ: «Да, да, правда, помню. Идемъ, господинъ кавалеръ, идемъ въ Финистерру!» И онъ пустился бѣжать. «Погоди же! погоди: видишь я еще не готовъ!» Но вожатый мой продолжалъ бѣжать безъ оглядки и скоро скрылся изъ виду. Лошадка, привязанная подлѣ хижинки, принялась боязно ржать и рваться, такъ, что шеминутво могла удавиться. «Что это значитъ?» спросилъ я у хозяйки, но та не говоря ни слова тоже пустилась бѣжать и я напрасно дралъ себѣ горло, призывая ее и вожатаго.

Лошадка металась болѣе и болѣе. «Что я, заколдованъ что ли?» вскричалъ я и, оставивъ на столѣ одинъ *резакъ*, отвязывалъ лошадку и хотѣлъ накинуть уздечку. Но это было невозможно. Она тоже непремѣнно хотѣла удрасть. Единственнымъ моимъ спасеніемъ было вскочить въ сѣдло и отдаться на произволъ своевольнаго животнаго. Если это приключеніе забавно для читателя, за то оно, конечно, вовсе не забавно было для меня. Я скакалъ такъ скоро, что никоимъ образомъ не могъ бы сказать слова встрѣчному, если бы такой случился, и воображеніе самыми черными красками рисовало мнѣ конецъ этого неостыжимаго происшествія. «Кто знаетъ, думалъ я, можетъ-быть лошадка приучена къ ремеслу и умчитъ меня въ какой-нибудь притонъ разбойниковъ, гдѣ меня убьютъ.» Между-тѣмъ какъ я составлялъ такимъ образомъ тысячи предположеній, лошадка нечувствительно умирала своей бѣгъ и, нашедши чистый песчаный грунтъ повалилась и начала съ наслажденіемъ кувыркатся. Дѣло въ томъ, что она заблудилась. Я несколько не ушибся и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, взнуздаль своего коня.

Такимъ образомъ я проскакалъ родъ степи, покрайней хворостникомъ, и приблизился къ опустѣлому монастырю, на краю глубокаго рва, на днѣ котораго шумѣлъ стремительный потокъ. Тамъ я увидѣлъ нѣчто въ родѣ человеческой фигуры, которая сидѣла передъ водопадомъ смирно руки и уставивъ глаза на темную гору, которая возвышалась за раомъ. Эта фигура верѣдно является мнѣ во хлѣ

пьянче, особенно. Подошедши я узналъ моего бѣлаго вожатаго.

Я. Здравствуйте, господинъ кавалеръ. Эта вода очень привлекательна въ такой зной. Мнѣ очень хочется сойти съ лошади и напиться.

Вожатый. Не дурно, ваша милость. День очень знойный. Я самъ только-что образумился. Однако жъ лошадку не совѣтую пить: она слишкомъ ужарилась.

Я. И не удивительно. Я мила двѣ проскакалъ во всю прыть, чтобы пагнуть мошенника вожатаго, который покинулъ меня. Я подозреваю, не воръ ли онъ, негодяй. Не изволили вы встрѣтить его?

Вожатый. А какого сорту этотъ человекъ?

Я. Да довольно похожъ на вашу милость. Надобно признаться, уродъ препорядочный.

Вожатый. Ха, ха, ха! я знаю его. Онъ образумился вмѣстѣ со мною, у этого водоема и вотъ сейчасъ только ушелъ. Онъ не воръ, господинъ кавалеръ. Онъ просто *liviero*, человекъ который путешествуетъ по облакамъ и котораго иногда вѣтеръ уноситъ. Если вы когда-нибудь опять отправитесь въ дорогу съ нимъ, то помните, что ему не надо давать больше одной чарки водки, иначе его увесетъ за облака и онъ бѣжитъ, бѣжитъ, до-тѣхъ-поръ покуда не набѣжитъ на воду. Тогда, напившись воды, онъ образумится. Такъ вы, господинъ кавалеръ, ѣдете въ Финистерре? Вообразите, какъ это кстатя! Я тоже отправляюсь туда съ барномъ, котораго потерялъ дорѣгой, не знаю, гдѣ. Такъ, если вамъ угодно, отправимтесь вмѣстѣ, покуда вы не найдете своего вожатаго, а я своего барина.

Вскорѣ мы очутились въ чрезвычайно дикомъ и гористомъ мѣстѣ. Безпрестанно надобно было переправляться черезъ ручьи или съ трудомъ пробираться между каменьевъ и чапыжниковъ, которые страшно раздирали намъ лицо и руки. Мы подвигались медленно. Лошадка плотно прижималась къ вожатому и не отступала отъ него ни на шагъ.

— Дойдемъ ли мы до Коркувиона сегодня? спросилъ я

когда мы вышли на обширную степь, которая простира-
лась въ безконечность.

Вожатый. Не думаю. Эта степь мнѣ вовсе не нравит-
ся. Солнце уже садится. Если упадетъ туманъ, мы неиз-
бѣжно встрѣтимъ *l'Estadea*.

Я. Что же это такое, *l'Estadea*?

Вожатый. Что такое? Но... я и самъ хорошенько не
знаю: я только однажды въ жизни и видѣлъ. Это было
вотъ въ такой же степи. Я провожалъ нѣсколькихъ жен-
щинъ и насъ засталъ туманъ. Вдругъ надъ головами у
насъ засвѣтились тысячи огней. Мы всѣ упали на землю и
вскричали «*L'Estadea! l'Estadea!*» Я вмѣстѣ съ другими
ринулся головой въ песокъ и кричалъ: «*L'Estadea! l'Estadea!*» Это духи покойниковъ, которые скачутъ по туману
на лошадяхъ, съ факелами въ рукахъ. Ахъ, сударь! при-
знаюсь вамъ откровенно, если мы встрѣтимъ этихъ духовъ,
я убѣгу тотчасъ же... и стану бѣжать куда море не ос-
тановитъ меня. Мы не можемъ сегодня вечеромъ дойти
до Коркувиона: это невозможно. Единственное мое жела-
ніе—найти какую-нибудь хижину, въ которой бы мы мог-
ли пріютиться на ночь».

Между тѣмъ темнота увеличивалась и, къ великой радо-
сти моего вожатаго мы не примѣчали никакого туману.
Даже луна по временамъ выглядывала изъ-за облаковъ и
освѣщала намъ путь. Всѣ-таки однако жъ положеніе наше
было не очень пріятно. Я не могъ побѣдить нѣкоторой
первической боязни, когда представлялъ себѣ, что нахо-
жусь, въ темную ночь, въ самомъ дѣломъ и отдаленномъ
краю Испаніи, безъ всякаго товарища кромѣ полу-умнаго
урода, подверженнаго страннымъ припадкамъ и нелѣпой
трусости, который каждую минуту можетъ вообразить,
что видитъ привидѣніе, и убѣжать отъ меня. Разсудивъ,
что мы уже не доѣдемъ до Коркувиона, и опасаясь ежеми-
нутно упасть въ какую-нибудь пропасть, я рѣшился оста-
новиться въ первой хижинѣ, какая попадетъ. Но нигдѣ
не видно было человѣческаго жилья, а степь всѣ тяну-
лась въ безконечность. Луна скрылась. Насъ окружалъ
непроницаемый мракъ.

Наконецъ мы достигли подножія обрывистаго холма и

тропника пошла такъ круто, что, казалось, невозможно взобраться по ней. — Неужели мы пойдемъ по этой дорогѣ? спросилъ я. — «Да другой и не видать, отвѣчалъ вожатый: выбрать нѣзъчего, ваша милость. Притомъ, съ этого возвышенія мы, можетъ-быть, увидимъ море. Это будетъ намъ очень полезно». Надобно было спѣшиться. Вожатый пошелъ впередъ, лошадка за нимъ, а потомъ я тащился слѣдомъ, ухватясь обѣими руками за хвостъ. Получивъ нѣсколько изрядныхъ толчковъ и ободравъ колѣни, потому что непрерывно спотыкался на острые камни, мы наконецъ взобрались на вершину холма, но взоры наши все еще тонули въ мрачной безпредѣльности: передъ нами разстилалась новая степь.

— Надобно переночевать здѣсь, сказалъ я.

Но вдругъ вожатый схватилъ меня за руку. «Видите, сударь, свѣтъ! вскричалъ онъ: это отъ очага въ какой-нибудь хижинѣ. Это вѣрно». Обративъ глаза по его указанію, я тоже примѣтилъ слабый свѣтъ и, отправившись въ ту сторону, мы скоро нашли нѣсколько дрянныхъ лагучъ. — «Постучись, сказалъ я вожатому, и спроси не пустятъ ли насъ на ночь». Онъ повиновался.

— Можете ли вы дать ночлегъ кавалеру, который боится ночи и духовъ? спросилъ вожатый.

— Слава Богу, можно, отвѣчалъ рослый мужикъ, стоя въ отворенныхъ дверяхъ съ зажженною лучиной. Войдите, господа, войдите. И ваша *cavaleadura* пусть войдетъ.

Эта жалкая хижина была разгорожена на три отдѣленія. Въ первомъ лежала солома, второе служило конюшней, а въ третьемъ мы нашли семейство хозяина. Меня приняли за Каталонца и какъ этотъ народъ владѣетъ большими имѣніями въ Коркувюнѣ, то я воспользовался заблужденіемъ почтенныхъ хозяевъ. Они сказали намъ, что до Коркувюна остается еще двѣ добрыхъ мили и что дорога туда очень трудна. «Не хотите ли поужинать?» спросилъ хозяинъ, поставивъ передъ нами кусокъ свпцаго сала и дюжину яицъ. Между-тѣмъ мой вожатый продолжалъ болтать съ Галиціянами и хотя я съ трудомъ слѣдовалъ за нитью бесѣды, однако жъ понималъ, что рѣчь пре-

и мушкетерство шла о l'Estadea, колдуняхъ и привидѣн-
яхъ.

— Есть ли у васъ что-нибудь похожее на постель? спро-
силъ я, поужинавъ.

— Нѣтъ, отвѣчая мнѣ: мы спимъ на полу, подлѣ оча-
га, или на соломѣ въ конюшнѣ.

Я слишкомъ долго путешествовалъ, чтобъ быть разбор-
чивымъ. Когда мнѣ указали лѣтвицу на сѣноваль и ска-
зали, что я найду тамъ свѣжую солому, я проворно по-
лѣзъ туда, свернулъ плащъ вмѣсто подушки подъ голову и
растянулся на соломѣ. Мало-по-малу говоръ затихъ, о-
говъ потаёвъ и я проспалъ глубокимъ сномъ до вторыхъ
пѣтуховъ.

Было прекрасное осеннее утро, когда мы оставили га-
лиційскую хижину, чтобы отправиться въ Коркувионъ.
«Если вамъ опять случится быть въ нашей сторонѣ, за-
ѣзжайте: мы всегда гостямъ рады», сказала гостеприим-
ный хозяйникъ, принимая отъ меня нѣсколько песetas. Я
обѣщала опять заѣхать, но была намѣрена по возможно-
сти избѣгать такого ночлега, потому что, если нужно вы-
бирать гдѣ провести ночь, подъ открытымъ ли небомъ
или въ галицiйской хижинѣ, то послѣднее едва-ли не ху-
же.

Черезъ часть пути мы увидѣли море. Латвицы не безъ
причины дали этому краю названiе *Финистерре*; лучшаго
краю свѣта представить себѣ невозможно. На цѣломъ
Земномъ Шарѣ нѣтъ другаго мѣста, такого обрывистаго и
дикаго, какъ берегъ Галицiи отъ устья Миньо до мыса
Финистерра. Это—длинная цѣвь горъ, которая отъ вре-
мени до времени впадаетъ въ материкъ и образуетъ глубо-
кое заливъ Вьго и Поитеведра. Горы эти имѣютъ дикiй,
величественный видъ, который поражаетъ воображенiе че-
ловѣка, и сѣверный путешественникъ, переплывши Оке-
анъ и завидѣвъ берега этой много-хвальной Испанiи, съ
восхищенiемъ восклицаетъ: «Да! это — Испанiа! Этотъ
безплодный, дикiй и строгiй край служитъ вѣрною эмбле-
мою генiевъ, которыхъ произвелъ. Да! здѣсь должны бы-
ли родиться Альбы, Филиппы, Кортесы, Пизарро, всѣ тѣ
люди, которыхъ никто не прогнѣшилъ въ прошедшихъ вѣ-

какъ и которые загли кровью и пожаромъ настоящіе. Далъ эти колоссальныя горы, полу-покрытыя туманами, напоминають имена, которыя, подобно гигантскимъ мрачнымъ привидѣніямъ безпрерывно поражаютъ взоръ сквозь частое покрывало минувшаго».

Достигнувъ Коркувиона, мой вожатый зашелъ въ кабакъ, спросить, далеко ли до Финистерра. Вышелъ человекъ совершенно пьяный и вскричалъ:

— Вы отправляетесь на Финистерръ, кавалеры?

— Да, любезный, отвѣчалъ я.

— О! стало-быть, вы отправляетесь въ гости къ лихой шайкѣ пьяницъ (*fato de bogachos*), продолжалъ онъ: съ вами тамъ могутъ не ладно пошутить.

Солнце въ то время тысячами огней освѣщало гигантскія горы и кое-гдѣ на скалахъ прозябали хвойныя растенія. Мы пошли вдоль морскаго берега. Мирныя волны, сладко журча, набѣгали умирать на бѣломъ пескѣ. «Не тамъ ли, думалъ я, не тамъ ли Святой Іаковъ нѣкогда проповѣдывалъ Испанцамъ Евангеліе? Не тамъ ли нѣкогда высился гордый и богатый городъ, котораго торговля простиралась во всѣ концы извѣстнаго въ то время міра».

— Какъ называется эта деревня? спросилъ я прохожую женщину, указывая на нѣсколько развалившихся домовъ.

— Это не деревня, а городъ, господинъ кавалеръ, отвѣчала Галиціанка: это—Дуіо.

Такъ проходитъ слава мірская! Нѣсколько развалинь—единственный остатокъ богатаго и гордаго Дуіо.

Былъ полдень, когда мы прибыли въ Финистерре, деревню, лежащую на южной сторонѣ мыса того же имени и состоящую изъ сотни дворовъ. Нѣсколько человекъ, которыхъ мы тамъ встрѣтили, смотрѣли на насъ какъ на заморскихъ звѣрей. Но мы не обратили на это никакого вниманія, прошли деревню и остановились у одного Кастильца, который содержалъ здѣсь лавочку.

Едва прибывши, я думалъ уже, какъ бы отправиться далѣе, потому что мнѣ до-крайности хотѣлось взобраться на скалу финистеррскую. Но не безъ труда совершилъ я этотъ путь. Солнце некло насъ прямо въ голову. Изнуренный зноемъ и усталостью я нѣсколько разъ принужденъ былъ

ложиться на землю, между-тѣмъ какъ вожатый мой скакалъ съ утеса на утесъ, словно коза. Скала далеко выдается въ море. Въ ногахъ у насъ, на полдень, лежала Финнистеррская Губа, въ которой безчисленныя стада сардинокъ играли на солнцѣ и по временамъ китъ-высовывалъ изъ воды черную голову, пуская частый дождь въ поздрей. На сѣверной сторонѣ мыса есть другая губа, по имени Roca do mar de fogo или Верхняя Губа. Она усѣяна подводными камнями и скалами, на которыхъ въ бурю волны океана расшибаются съ страшнымъ ревомъ. Даже при спокойномъ морѣ въ этой губѣ вѣчно гудятъ глухой шумъ, напоминающій пловцамъ объ опасностяхъ, которыхъ должно избѣгать.

Воротившись въ деревню, я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, собравшихся передъ домомъ, гдѣ я остановился. Поклопившись имъ, я поспѣшилъ броситься на гадкую постель, потому что уже едва волочилъ ноги. Я былъ намѣренъ подѣ вечеръ собрать народъ, сказать проповѣдь и прочесть что-нибудь изъ Библіи. Но послѣдствія покажутъ, какъ я могъ исполнить это намѣреніе. Самыя страшныя сповидѣнія тревожили мой сонъ. То мнѣ казалось, будто я лежу на днѣ ужасной пропасти; то меня преслѣдовали гадкія, страшныя лнца; то я терялъ вожатаго и слышалъ его отчаянный крикъ въ глубинѣ какого-нибудь рва. Я находился еще подѣ вліяніемъ этихъ тревожныхъ видѣній, какъ-вдругъ, кто-то схватилъ меня за плечо и почти стащилъ съ постели. Я открылъ глаза и увидѣлъ чело-вѣка въ рыбацкомъ платьѣ, стараго, но еще дюжого и сильного. Лицо его было почти совсѣмъ закрыто густою бородой. Въ рукахъ онъ держалъ старое, ржавое ружье.

Я. Что тебѣ нужно? Кто ты?

Онъ. Не твое дѣло. Я присланъ *юстиціей*. Иди за мною. Ступай-ка, ступай, Calgos. Лучше не упярайся.

— Калросъ? подумалъ я: что значить это имя?

Огромная толпа заслонила лѣстницу: мужчины, женщины и дѣти, почти нагіе, казалось, прибѣжали посмотреть на удивительную вещь. «Калросъ! Калросъ!» вскричало нѣсколько голосовъ, когда я появился въ сопровожденіи чело-вѣка, который съ важностью держалъ меня за плечо. «Онъ на-

конецъ пришелъ на Финистерре, продолжали голоса: но отсюда ужъ *юстиція* не дастъ ему уйти!» Помѣръ-того какъ мы подвигались впередъ, толпа увеличивалась. Одни кричали, другіе бранились. Даже больные заставляли выносить себя на улицу, чтобы посмотреть на страшнаго Карлоса. Я видѣлъ между прочимъ бѣднаго кадѣку, который, несмотря на возраженія жены непремѣнно хотѣлъ слѣдовать за нами, но потерялъ въ толпѣ свой костыль и припрыгивая на одной ногѣ кричалъ во все горло: «*Sag- gojo! Sambien vou yo!*»

Меня привели къ алькаду, старому брюзгѣ, въ длинный покой, увѣшанный, уставленный и заваленный парусами, мачтами, сѣтями и всѣми принадлежностями рыбацьяго ремесла. Толпу не безъ труда прогнали. Потомъ алькадъ, помолчавъ, расправилъ усы и спросилъ:

— Кто ты? гдѣ твой паспортъ? зачѣмъ ты пришелъ въ Финистерре?

— Я Англичанинъ, отвѣчалъ я: вотъ мой паспортъ. Я приѣхалъ сюда просто, для моего удовольствія.

Этотъ отвѣтъ, казалось, озадачилъ моихъ судей: они переглянулись, потомъ принялись разсматривать мой паспортъ.

— Этотъ паспортъ не испанскій. Онъ, кажется, французскій, продолжалъ алькадъ.

Я. И не удивительно! я самъ не Испанецъ, оттого и паспортъ у меня не испанскій.

Алькадъ. Какъ! такъ ты не сознаешься, что ты король донъ Карлосъ?

Я. Кто это—донъ Карлосъ? Я никогда не слыхивалъ о такомъ королѣ.

Алькадъ. Слышите? слышите? Какая дерзость! Онъ говоритъ, что никогда и не слыхивалъ о донъ Карлосѣ, о претендентѣ, который хочетъ сдѣлаться королемъ!

Я. Если вы подъ донъ Карлосомъ разумѣете донъ Карлоса, такъ это иное дѣло: нельзя сказать, чтобы не слыхивалъ. Но если я донъ Карлосъ, то стало-быть выходить, что этотъ урокъ, мой вожатый изъ Падрона, котораго вы, кажется, тоже арестовали, — долженъ быть цѣфантъ донъ Себастьянъ, племянникъ донъ Карлоса?

Алькадь. Ну, ну! видите? самъ сознается! Мы такъ и думали. Насъ не проведешь!

Я. Хорошо придумали! Положимъ, правда, что оба они горбаты, и претендентъ и его племянникъ. Но какъ же я—донъ Карлосъ? Развѣ я похожъ на Испанца? При томъ претендентъ гораздо меньше меня ростомъ.

Алькадь. Знаемъ мы! У него довольно платья, на то, чтобы перерядиться и прибавить или убавить росту, какъ вадумается.

На такой убѣдительный аргументъ возражать было нечего. Толпа со всѣхъ сторонъ кричала: «Это онъ, онъ! Карлосъ! Карлосъ!» Алькадь съ торжествующимъ видомъ осмотрѣлся вокругъ и оказалъ:

— Впрочемъ, если онъ не Карлосъ, такъ долженъ быть главный его генералъ. Лучше всего будетъ разстрѣлять ихъ тотчасъ же. Въ Мадридѣ и то считаютъ насъ карристами, потому что мы еще не разстрѣляли ни одного мятежника. Надобно разстрѣлять ихъ обоихъ: это непременно долженъ быть главный генералъ донъ Карлоса, а это—его адъютантъ.

— Это еще не доказано, сказалъ грубый голосъ.

Тотъ, кто такимъ образомъ подалъ голосъ въ нашу заштиту, стоялъ у дверей въ видѣ стражи.

— Это еще не доказано, продолжалъ онъ, подходя къ намъ: я пристально вглядѣлся въ этого человѣка и полагаю, что онъ Англичанинъ. Развѣ я не знаю Англичанъ, чтò ли? Вѣдь я былъ подлѣ адмирала Нельсона, когда его убили!

Эти слова разсердили алькада.

— Какой онъ Англичанинъ! вскричалъ алькадь: такой же Англичанинъ какъ ты! Если бы онъ былъ Англичанинъ, онъ пріѣхалъ бы моремъ, на кораблѣ, съ грузомъ какихъ-нибудь. А этотъ пріѣхалъ сухимъ путемъ и, первое дѣло, пошелъ осматрѣть портъ и гору. Онъ осматривалъ мѣстность, хотѣлъ построить крѣпость. Зачѣмъ ему сюда пріѣзжать, если онъ не главный генералъ донъ Карлоса?

«Алькадь правъ, подумалъ я: я поступилъ безразсудно, пріѣхавши сюда, къ полу-варварскому народу, безъ всяка-

те благовидного поводу. Я старался доказать ему, что единственною цѣлью моею было посѣтить невиданный край и полюбоваться на живописное мѣстоположеніе. Но такіе доводы казались алькаду отчаянною глупостью.

— К чему ты лазилъ по горамъ? спросилъ онъ.

— Чтобы посмотреть на великолѣпную даль.

— *Disparato!* Я сорокъ лѣтъ живу въ этомъ городѣ и никогда не лазилъ на эту крутизну и не полѣзъ бы даже за двѣ унціи золота. Ты мѣршилъ землю, для крѣпости. Я это знаю.

Antonio de la Trava el Valiente de Finisterra, — какъ звали нашего защитника, — не испугался гнѣва алькада. Онъ продолжалъ увѣрять, что у Англичанъ много денегъ, что они рыскаютъ по свѣту, для того чтобы проматывать ихъ и оттого дорого платятъ за вещи ни кому другому не нужныя и ни на что негодныя. Потомъ онъ произнесъ два слова, которыя зналъ по-англійски, *Knife* и *fork*, и пришелъ въ восторгъ, когда я перевелъ ихъ по-испански.

— Этотъ человекъ не Карлосъ и не Испанецъ: онъ Англичанинъ! вскричалъ Антонио де-ла-Трава: онъ Англичанинъ! Я ручаюсь, я, Антонио де-ла-Трава, «финистеррскій храбрець»!

На это уже никто не смѣлъ возражать. Рѣшили отослать меня въ Коржувюнъ, къ городскому головѣ.

— Но что же намъ дѣлать съ его племянникомъ? замѣтилъ потомъ алькадъ: этотъ, ужъ конечно, не Англичанинъ. Эй! любезный! скажи-ка, кто ты, какъ твое имя?

Вожатый. Я — Севастіанилло, бѣдный матросъ въ Падрона. А господинъ мой теперь вотъ этотъ богатый и могущественный Англичанинъ. У него два корабля съ грузомъ сокровищъ на вискоскомъ рейдѣ. Я уже рассказывалъ вамъ объ этомъ, когда вы меня взяли подъ стражу.

Алькадъ. А гдѣ твой паспортъ?

Вожатый. У меня нѣтъ паспорта. Кому прійдетъ въ голову носить паспортъ туда, гдѣ никто не умѣетъ читать? Развѣ меня нѣтъ въ паспортѣ моего господина?

Алькадъ. Нѣтъ. А такъ какъ у тебя нѣтъ паспорта и такъ какъ ты сознаешься, что тебя зовутъ Севастіанилло,

то мы сейчасъ разстрѣляемъ тебя. Надобно же разстрѣлять хоть одного мятежника! Антонио де-ла-Трава, возьми этого чортова племянника и разстрѣлай тотчасъ же передъ домомъ.

Антонио де-ла-Трава. Съ удовольствіемъ, сеньоръ алькадъ. До этого человѣка мнѣ дѣла нѣтъ: я вижу, что онъ не Англичанинъ. Съ рожи-то, кажется, онъ колдунъ, *нивіего* (облачникъ, летатель на облакахъ) или какой-нибудь демонъ изъ тѣхъ, что бури разносятъ. Впрочемъ въ Падронѣ всѣ—воры и пьяницы. Падронцы такъ часто надували меня, что я съ удовольствіемъ разстрѣляю одного изъ нихъ.

Я вступился и сталъ доказывать, какъ неосновательно разстрѣливать человѣка полуматнаго по одному подозрѣнію, что онъ племянникъ донъ-Карлоса, который вовсе не донъ-Карлосъ.

— Я одинъ виновенъ, продолжалъ я, потому что я привелъ этого человѣка сюда и, разумѣется, не позволю, чтобы ему сдѣлали зло покуда я въ состояніи защищать его.

— Ну, хорошо, возразилъ алькадъ, такъ отведите ихъ обоихъ въ Коркувионъ. Пусть ихъ тамъ повѣсятъ. А вы, господа, продолжалъ онъ обращаясь къ намъ, вы сами извольте заплатить за содержаніе конволя. Намъ нѣмзъчего на свой счетъ провожать всѣхъ бродягъ, которые жалуютъ къ намъ непрошеные.

— Я самъ провожу ихъ, вскричалъ Антонио: это Англичанинъ, слѣдовательно богатъ, заплатить хорошо. Но уже поздно; пора въ дорогу. Пожалуйте, господинъ кавалеръ.... Однако жъ напередъ нужно обьискать. У васъ нѣтъ оружія? Надо обьискать: вѣрнѣе.

Такимъ образомъ я отправился въ Коркувионъ съ двумя вожатыми.

Я. Вамъ не страшно, сеньоръ Антонио де-ла Трава, провожать такимъ образомъ двухъ арестантовъ, которые легко могутъ одолѣть васъ.

Антонио. А развѣ я не el Valiente de Finisterra, «финистеррскій храбрецъ?» Развѣ мнѣ прилично знать, что такое страхъ?

Я. Кто вамъ далъ это прозваніе el Valiente?

Антоніо. Меня въ цѣломъ краѣ такъ называютъ. Когда Французы пришли на Финистерръ, уничтожатъ укрѣпленія, я собственными руками убилъ тронхъ. Я былъ на скалѣ, на которую вы лазили нынче утромъ, и оттуда стрѣлялъ по непріятелю. Трое солдатъ увидѣли меня и вздумали преслѣдовать. Съумасшедшіе! Я двоихъ застрѣлилъ, а третьяго прикладомъ пришибъ. Съ-тѣхъ-поръ меня и прозвали финистеррскимъ храбрецомъ.

Я. Но какъ же вы служили въ англійскомъ флотѣ? Кажется, вы говорили, что находились при Нельсонѣ, когда онъ былъ убитъ?

Антоніо: Да, ваши Англичане взяли меня въ плѣнъ и, какъ я, можно сказать, выросъ на морѣ, то меня и опредѣлили въ службу.... Девять мѣсяцевъ служилъ. Такимъ образомъ я былъ и въ трафальгарскомъ сраженіи. У васъ что-то есть въ лицѣ и въ голосѣ, что напоминаетъ Нельсона. Да, господинъ кавалеръ, не будьте вы Англичанинъ, я ни за что не вступился бы за васъ.... Но вотъ мы и въ Дуіо. Не худо бы, кажется, освѣжиться немного?

Мы остановились и Антоніо освѣжился порядочнымъ количествомъ вина.

— Что за человекъ—алькадъ коркувіонскій? спросилъ я финистеррскаго храбреца, когда мы опять отправились въ путь.

— О! вовсе не похожій на нашего! отвѣчалъ онъ: это — молодой сеппогато (баричъ), недавно прибывшій изъ Мадрита, очень добрый и ученый. По-англійски говоритъ лучше меня.

Была ночь, когда мы достигли Коркувіона. Антоніо, уже неспособный отвѣчать за свои поступки, упалъ на порогъ алькадога дому, потомъ, съ гнѣвомъ поднявшись, едва не выломилъ дзери прикладомъ. Хорошенькая служанка отворила.

— Это вы, Антоніо? сказала она: что вамъ нужно, въ такую пору?

— Я привелъ арестантовъ, mi puñda, отвѣчалъ Антоніо де-ла-Грава.

— Ave Maria! вскричала служанка: да они намъ бѣды надѣлають!

— Не бойся, моя красавица, не бойся. Проводи меня къ алькаду.

Служанка перекрестилась, затворила дверь, оставивъ насъ на темной улицѣ, а сама повела Антонио къ своему господину. Черезъ четверть часа Антонио воротился.

— Пойдемте. Его милость прійметъ васъ.

Алькадъ коркувионскій, молодой человекъ очень благовидной наружности, сидѣлъ за письменнымъ столомъ, когда мы вошли.

Алькадъ. Я вижу, что вы Англичанинъ. Мнѣ говорятъ, что васъ арестовали въ Финистерре.

Я. Да, и безъ храбраго Антонио де-ла-Трава я, можетъ-быть, уже не былъ бы въ-живыхъ.

Алькадъ. Жители Финистерра добрые кристианосы. Покажите мнѣ вашъ паспортъ.... Въ совершенномъ порядкѣ. Глупо, что васъ приняли за карлиста. Но я почитаю себя счастливымъ, что вижу васъ здѣсь. Сдѣлайте милость, забудьте грубости, которыя вамъ надѣлали. Вы совершенно свободны. Но вамъ нужно пристанище на ночь. Позвольте мнѣ распорядиться.

Мнѣ отвели чистую и совершенно комфортабельную комнату и хорошенькая служанка принесла мнѣ отличный ужинъ.

— Не угодно ли вамъ еще чего-нибудь? спросила она, уходя.

— Нѣтъ, очень благодаренъ. Я никогда не забуду гостепрѣмства алькада коркувионскаго.

Такъ кончилось приключеніе, которое сначала-было пришло видъ довольно грозный».

Почтенный миссіонеръ жилъ съ цыганами, съ разбойниками, съ контрабандистами, съ либералами, съ восторженными (exaltados) и съ абсолютистами, уговаривая всѣхъ и каждого читать Ветхій Заветъ и не находя нигдѣ охотниковъ, по зато встрѣчая повсюду самыя странныя, забавныя и самыя неспрѣтныя приключенія. Недоразумѣнія съ испанской полиціей насчетъ цѣли его путешествія и

настоящаго смыслу его проповѣдей привели его въ мадридскую тюрьму.

«Хотя *Cresel de la Corte*, куда меня засадили, главная тюрьма въ Мадритѣ, однако жъ она не дѣлаетъ большой части испанской столицѣ. Вѣроятно, эта тюрьма была построена не для настоящаго своего назначенія, потому что не такъ еще давно стали строить дома нарочно для заключенія преступниковъ. Вообще во всѣхъ государствахъ встарину тюрьмы дѣлали изъ укрѣпленныхъ замковъ, монастырей и покинутыхъ дворцовъ. Это до-сихъ-поръ водится на материкѣ Европы, особенно въ Испаніи и Италіи. Этими нѣскольکو объясняются частые побѣги, нужда, нечистота и нездоровый воздухъ во всѣхъ старинныхъ тюрьмахъ.

Я не берусь подробно описать тюрьму *de la Corte*. И въ самомъ дѣлѣ невозможно дать точнаго понятія о зданіи, которое такъ неправильно и въ которомъ столько закоулковъ. Ограничусь главными чертами. Въ этой тюрьмѣ два двора для прогулки заключенныхъ. Три стороны передняго двора, окруженнаго высокою галереей, заняты тремя большими залами со сводами (*salobozos*); въ каждую изъ нихъ на ночь помѣщаются отъ ста до полутора-ста преступниковъ, которые днемъ могутъ гулять сколько имъ угодно. Другой дворъ гораздо меньше. По сторонамъ его два грязные, отвратительные покоя. Здѣсь содержатся самые мелкіе и бѣдные воры. Одинъ изъ этихъ покоевъ былъ, если возможно, еще отвратительнѣе и страшнѣе другаго. Его звали курятникомъ, *gallinera*. Тутъ содержалась тюремная мелюзга, несчастные дѣти, лѣтъ пятнадцать, шестнадцать, оборванные, почти нагіе. Жильцы этихъ двухъ комнатъ спали на землѣ. Счастливейшіе изъ нихъ обыкновенно ложились на *tanta* или войлокъ изъ подъ сѣдла, а тощій тюфякъ почитался у нихъ верхомъ роскоши.

Кромѣ этихъ *salobozos*, которые окнами выходили на дворъ, было еще множество отдѣльныхъ каморокъ, расположенныхъ въ разныхъ частяхъ зданія. Нѣкоторыя изъ нихъ были вовсе безъ оконъ и назначались преступникамъ, съ которыми приказано было обращаться строже

нежели съ другими. Женщины содержались отдѣльно. Множество маленькихъ компатокъ дверями выходили въ главную галерею и были заняты заключенными за долги и политическими преступниками. Наконецъ, въ томъ же зданіи, была маленькая *capilla*, часовня, гдѣ приговоренные къ смерти проводили три послѣдніе дня своей жизни, глазъ-на-глазъ съ своимъ духовникомъ.

Я не скоро забуду мое первое воскресеніе въ тюрьмѣ. Воскресеніе въ Мадридѣ, это день праздника у арестантовъ. Въ этотъ священный день они потѣшаются тѣмъ, что одѣваются въ свое лучшее платье и, надобно сказать, что воры — самый тщеславный народъ на свѣтѣ: никто больше ихъ не хлопочетъ о вниманіи своего общества и приличной состоянію пышности наряда. Встарину знаменитый Sheppard любилъ выходить въ костюмѣ изъ Генуэзскаго бархату, и почти всегда, при появленіи въ публикѣ, у боку его болталась шпага съ серебрянымъ эфесомъ.

Во и Гейвардъ, герой новѣйшаго времени, были всегда одѣты лучше всѣхъ въ Лондонѣ. Итальянскіе бандиты часто одѣваются чрезвычайно богато, и даже цыганскій воръ удивительно чувствителенъ къ прелестямъ туалета. Шанка Арамъ-паши, атамана шайки разбойниковъ, которая въ концѣ прошлаго столѣтія опустошала Венгрію, была украшена золотомъ и драгоценными камнями, цѣною, говорятъ, на четыре тысячи червонцевъ. Испанскіе воры такъ же любятъ наряжаться, какъ и братья ихъ по ремеслу въ другихъ земляхъ. Главное ихъ наслажденіе, — въ тюрьмѣ пли на свободѣ, — нарядиться въ чистое и бѣлое бѣлье и гордо прохаживаться, отнюдь не въ тѣни, а на солнцѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, для испанскаго еора надѣтъ бѣлое какъ снѣгъ бѣлье — верхъ франтовства. Сверхъ своей рубашки съ широкими рукавами, они надѣваютъ только зеленый или голубой шелковый жилетъ съ серебряными пуговицами, которыя служатъ только украшеніемъ, потому что жилетъ никогда не застегивается. Кромѣ-того они носятъ широкіе шаравары, похожіе на турецкіе, подпоясанные ярко-краснымъ кушакомъ; а голова ихъ всегда

повязана пестрымъ платкомъ чрезвычайно яркихъ цвѣтовъ. Легкіе башмаки и шелковые чулки довершаютъ нарядъ испанскаго вора. Эта одежда очень живописна и хорошо идетъ къ жаркому климату Полуострова, но въ ней столько женскаго кокетства, что она составляетъ очень странную противоположность съ ремесломъ людей, которые носятъ такое платье. Не думайте однако жъ, чтобы каждый воръ былъ въ-состояніи такъ безумно роскошничать. Нѣтъ; между прочими встрѣчается множество несчастныхъ, у которыхъ едва есть какія-нибудь лохмотья, чтобы прикрыться, и въ толпѣ преступниковъ, содержащихся въ мадридской тюрьмѣ, едва можно было насчитать десятка два такихъ франтовъ. За то на этихъ счастливицевъ смотрѣли какъ на высшую аристократію, какъ на *gente de geritacion*.

Изъ этихъ людей съ бѣлымъ бѣльемъ одинъ отецъ съ своимъ сыномъ особенно поразили меня. Отецъ, человѣкъ атлетическаго сложенія и росту, воръ по ремеслу, пзвѣстный въ Мадридѣ своею необычайною ловкостью, сидѣлъ тогда въ тюрьмѣ за страшное убійство, совершенное ночью въ одномъ домѣ въ Караманкелѣ. Сынъ, мальчикъ лѣтъ семи, или меньше, былъ его соучастникомъ въ преступленіи. Яблоко недалеко упало отъ яблони. Этотъ мальчишка былъ точь-въ-точь отецъ въ маленькихъ размѣрахъ. На немъ тоже была очень бѣлая рубашка, жилетъ съ серебряными пуговицами, шелковый платокъ на шеѣ, и, что смѣшнѣе всего, на его красномъ кушакѣ висѣлъ огромный ножъ. Замѣтно было, что негодяй-отецъ гордился своимъ сыномъ, потому что всячески заботился объ этомъ маленькомъ висѣльникѣ, качалъ его у себя на колѣнахъ и иногда вынималъ сигару изъ своихъ жесткихъ усовъ, чтобы всунуть ее въ ротъ сыну. Этотъ ребенокъ былъ также пгрушкой всѣхъ другихъ товарищей отца: всякій на перерывѣ старался приласкать его, потому что отецъ былъ одинъ изъ *valientes* тюрьмы. Сколько загадокъ насвѣтъ! Какой иракъ и сколько тайнъ закрываютъ источники того, что мы зовемъ порокомъ и добродѣтелью! Можемъ ли мы обвинять этого ребенка, если онъ станетъ такимъ же человѣкъ, какъ его отецъ? Справедливо ли

будеть впоследствии наказанъ несчастнаго, за то, что онъ невольно окруженъ разбойниками, одѣтъ какъ онъ и за то, что онъ сынъ вора по ремеслу?

Что меня въ то время больше всего удивляло, такъ это хорошее поведеніе воровъ.... Не думайте, чтобы я этимъ сказалъ негѣпость: надо судить обо всемъ по сравненію и здѣсь точкою сравненія должно быть поведеніе арестантовъ въ другихъ земляхъ. И въ Мадридѣ изрѣдка случалось мнѣ замѣтить порывы ихъ дикаго веселья, и тамъ случаются ссоры, которыя они обыкновенно кончаютъ съ помощью своихъ длинныхъ ножей, гдѣ-нибудь за угломъ, на заднемъ дворѣ. Но вообще они держатъ себя гораздо выше того, чего можно бы ожидать отъ людей такого роду. Разумѣется, это зависитъ не отъ способу обузданія, не отъ неусыпнаго надзору, потому что нигдѣ на свѣтѣ не смотрятъ такъ мало за арестантами какъ въ Испаніи и нигдѣ ихъ такъ безпечно не оставляютъ на собственный произволъ. Начальство смотритъ только за тѣмъ, чтобы преступники не могли уйти, а до остальнаго имъ дѣла нѣтъ. Не обращаютъ никакого вниманія на ихъ поведеніе, ни на удобства ихъ жизни, и нисколько не заботятся о нравственномъ ихъ преобразованіи. Однако жъ въ мадридской или въ какой-нибудь другой испанской тюрьмѣ посѣтителя никогда не оглушаютъ страшными проклятіями, ругательствами, какъ всегда бываетъ въ тюрьмахъ другихъ земель. Возьмите хоть Францію, которая такъ гордится своею образованностью, и подите посмотрѣть съ высокихъ галерей на дворы Бисетрской тюрьмы: ваше зрѣніе и вашъ слухъ будутъ поражены отвратительными картинами разврата и раздражающими звуками проклятія. А я видѣлъ въ мадридской тюрьмѣ величайшихъ злодѣевъ, мерзавцевъ, которыхъ преступленія слушать страшно и былъ пораженъ тихостью.... я едва не сказалъ, благородствомъ.... ихъ поведенія. Отличительныя черты Испанцевъ — важность и хладнокровіе, и воръ, который за своимъ ремесломъ кровожаденъ, неумолимъ и алченъ какъ волкъ, можетъ быть ласковымъ и вѣжливымъ, когда захочетъ, и иногда находитъ удовольствіе въ приятномъ поведеніи.

Одновременно жъ, кажется, что я не очень много потерялъ, выходя и кончивъ мое знакомство съ этими людьми въ тюрьмѣ, и ни разу не встрѣтившись съ ними на большихъ дорогахъ и въ *desproblados*.

Самый жалкій и самый замѣчательный изъ всѣхъ арестантовъ былъ одинъ Французъ. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, средняго роста, тонкій и худой какъ бѣлая часть его соотечественниковъ.

По кранологiи образованiе его головы не обѣщало ничего хорошаго, и въ выраженiи его лица было что-то злобѣщее. На немъ не было шапки и вся его одежда, хотя казалась почти новою, состояла изъ очень толстаго сукна. Онъ обыкновенно стоялъ въ отдаленiи отъ другихъ, скрестивши руки на груди, прислонясь къ стѣнѣ и по цѣлымъ часамъ мрачно и угрюмо смотря на окружавшiе его предметы. Онъ не былъ признаваемъ за *valiente*. Его лѣта не допускали до такой честолюбивой роли. Но онъ внушалъ всѣмъ какой-то почтительный страхъ, можетъ-быть, ужасными ругательствами, которыми изрѣдка осыпалъ тѣхъ, на кого разсердится. Онъ очень хорошо говорилъ по-испански и, что меня очень удивило, бойко говорилъ на бискайскомъ нарѣчiи съ моимъ слугою Франческо, который изъ оконъ своей комнаты свелъ очень короткое знакомство со многими арестантами, гулявшими по двору, шутилъ съ ними и острлялъ какъ съ старыми друзьями.

Однажды, прохаживаясь по двору, куда мнѣ всегда былъ открытъ свободный входъ, я подошелъ къ Французу, который стоялъ въ своемъ обыкновенномъ положенiи, и предложилъ ему сигару. Я самъ не курю, но въ Испанiи, если хотите сойтись съ низшимъ классомъ, надо непременно имѣть въ запасѣ нѣсколько сигаръ, для раздачи: это считается большою любезностью. Французъ страшно посмотрѣлъ на меня и мнѣ показалось, что онъ хочетъ отказаться и въ-добавокъ разругать меня. Я однако жъ повторилъ свое предложенiе, положи руку на сердце. Арестантъ тотчасъ сдѣлалъ претивительную гримасу, медленно и низко поклонился, взялъ сигару и вскричалъ:

— Ахъ, извините! слишкомъ много чести для такого несчастнаго какъ я.

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ я, развѣ мы не товарищи по тюрьмѣ, въ чужой землѣ, и развѣ поэтому не должны другъ другу помогать? Позвольте мнѣ надѣяться на вашу помощь, въ случаѣ нужды.

— Да, да, да! вскричалъ онъ въ восторгѣ, ваша правда! Иностранцы должны помогать другъ другу въ этой.... варварской странѣ. Послушайте, прибавилъ онъ шопотомъ, если вы хотите уйти и если вамъ нужна моя помощь, то моя рука и мой ножъ всегда къ вашимъ услугамъ. Мнѣ вы можете довѣриться; я не то, что эти.... люди.

Сказавъ это онъ гнѣвно и презрительно посмотрѣлъ на другихъ арестантовъ.

— Вы, кажется, не любите ни Испаніи ни Испанцевъ? возразилъ я: они, вѣрно, поступили съ вами несправедливо? За что они васъ заперли сюда?

— Такъ, ни за что, то есть, за бездѣлицу. Но чего же путнаго я ждать отъ этихъ животныхъ! А вы какъ сюда попали? Мнѣ, кажется, говорили что-то о Цыганахъ, о колдовствѣ?

— Но вы, возразилъ я, не за мнѣнія ли ваши вы сюда попали?

— Ахъ, Боже мой, совсѣмъ нѣтъ! я не занимаюсь такими глупостями. У меня вовсе нѣтъ мнѣній. Я попался.... да какое кому дѣло за что я попался! Меня засадили сюда и морятъ голодомъ.

— Какъ жалко видѣть такого прекраснаго человѣка въ такомъ ужасномъ положеніи! Но скажите, неужели вы ничего не получите кромѣ тюремной порціи? Неужели у васъ нѣтъ друзей?

— Друзей? въ этой землѣ? Вы, вѣрно, шутите! Здѣсь нѣтъ друзей, если вамъ не на что ихъ купить. Я умру съ-голоду. Я продамъ все мое платье, одно за другимъ, чтобы только жить,—потому что тюремная порція ужасно мала, да кому же половину ся класть къ себѣ въ карманъ Битый (такъ арестанты звали смотрителя тюрьмы). Рубище, которое вы теперь видите на мнѣ, я получилъ отъ двухъ или трехъ благотворительныхъ особъ, которыя иногда бываютъ въ тюрьмѣ. Я продамъ бы и послѣднее, если

бы за него что-нибудь дали; а какъ теперь у меня нѣтъ ни гроша, такъ черезъ мѣсяцъ мнѣ свернуть шею, если не успѣю какъ-нибудь вырваться. Я уже говорилъ вамъ, что я ничего не сдѣлалъ.... сущую бездѣлицу. Но несчастіе и бѣдность здѣсь главныя преступленія.

— Я слышалъ, какъ вы говорили по-бискайски. Вы, вѣроятно, изъ французской Бискаіи?

— Я родомъ изъ Бордо, но долго жилъ въ Ландахъ и въ Бискаіи, занимаясь своимъ ремесломъ. Я вижу, что вамъ очень хотѣлось бы знать мою исторію, только я вамъ не расскажу ее: въ ней нѣтъ ничего особеннаго. Однако жъ вотъ я и докурить вашу сигару. Вы можете дать мнѣ другую и даже прибавить къ ней піастръ, потому что мы здѣсь умираемъ съ-голоду. Будьте увѣрены, что я не говорилъ бы такъ Испанцу. Вамъ—другое дѣло: я уважаю вашихъ соотечественниковъ; я хорошо знаю ихъ; я видѣлъ ихъ при Мандѣ и въ *другомъ-то* мѣстѣ.

Вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать — при Ватерлоо. И въ его исторіи нѣтъ ничего особеннаго!

Я далъ ему сигару и піастръ. Онъ взялъ, опять сложилъ руки крестомъ, оперся о стѣну и мало-по-малу впалъ въ свою задумчивость. Я опять сталъ-было заговаривать, смотря ему прямо въ лицо, но мнѣ казалось, что онъ не видалъ и не слышалъ меня.

Этого человѣка черезъ мѣсяцъ потомъ казнили. Бездѣлицу, о которой онъ говорилъ, составляли — воровство и убійство, совершенныя при слѣдующихъ обстоятельствахъ: вмѣстѣ съ двумя другими злодѣями онъ нанялъ въ отдаленномъ мѣстѣ города домъ, и распустилъ слухъ, будто покупаютъ всякаго рода драгоценности. Многіе приносили ему товаръ и двое или трое уже заплатились жизнью за свою довѣрчивость, когда эта страшная торговля была открыта. Мнѣ очень хотѣлось поговорить наединѣ съ этимъ страннымъ злодѣемъ, и я просилъ алькада позволить ему отобѣдать со мною въ моей комнатѣ. Но алькада отвѣчалъ мнѣ съ милой улыбкой и почтительнымъ поклономъ: «Монсеньоръ и, позвольте мнѣ прибавить, мой другъ: вы просите такого, что выше моей власти. Я вполне убѣжденъ въ благородныхъ чувствахъ, внушаемыхъ

вамъ философіей, но это невозможно. Выберите лучше кого-нибудь другаго изъ всѣхъ *господъ*, которые находятся подъ моимъ надзоромъ, и я охотно позволю вамъ. Я даже позволю снять съ избраннаго вами оковы, чтобы онъ могъ удобнѣе наслаждаться вашимъ обществомъ. Но у этого злодѣя — самый проклятый нравъ изъ всей моей семьи, и я убѣжденъ, что онъ сѣиграетъ съ вами каку-нибудь штуку, чтобы только вырваться. Господинъ кавалеръ, *те реза*, мнѣ тягостно, однако жъ я долженъ вамъ отказать. Повторяю вамъ, просите кого хотите, хоть самого Вальсейро, который, что объ немъ ни говорятъ, — человѣкъ порядочный и умѣетъ вести себя вѣжливо. Если вамъ угодно, онъ сегодня же будетъ вашимъ гостемъ.

Вальсейро содержался въ одной изъ верхнихъ комнатъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими злодѣями, и обвиненъ былъ въ сообщничествѣ съ знаменитымъ разбойникомъ Пепе Канделасомъ, когда тотъ ограбилъ одну Француженку, шодистку королевы. Они связали несчастную и до-чиста ограбили весь ея магазинъ, всего пѣстровъ на пятьсотъ или шестьсотъ. Канделасъ былъ уже казненъ, но Вальсейро, хотя былъ злодѣемъ гораздо болѣе закоренѣлымъ, однако жъ успѣлъ сохранить свою жизнь.... деньгами. Смертная казнь была замѣнена ему двадцати-лѣтнею каторжною работою на галерахъ. Я пошелъ къ этому человѣку и нѣсколько времени говорилъ съ нимъ сквозь рѣшетку его двери.

Когда я изъявилъ мое сожалѣніе объ его несчастномъ положеніи, онъ отвѣчалъ, что это ровно ничего не значить. — «Меня, говорилъ онъ: недѣль черезъ шесть переведутъ на работы, а тамъ, съ помощью нѣсколькихъ золотыхъ любезностей, мнѣ легко будетъ уйти». — Куда же уйти? спросилъ я. — «Можно уйти къ Маврамъ, или къ Англичанамъ, въ Гибралтаръ. Даже, если вздумается, ворочусь въ Мадридъ и буду жить, какъ жилъ до-сихъ-поръ, насчетъ почтенныхъ горожанъ. Городъ великъ и у меня здѣсь много друзей, особенно между женщинами», прибавилъ онъ съ улыбкой. Я заговорилъ съ нимъ о несчастной кончинѣ его товарища Канделаса. Онъ нахмурился и сталъ смотрѣть на меня изъ-подлобья.

— Будь онъ проклятъ! вскричалъ наконецъ Вальсейро. Дружба злодѣевъ никогда не можетъ быть продолжительна. Вѣроятно, эти два товарища поссорились въ тюрьмѣ. Канделасъ обвинялъ Вальсейро въ безчестности, говоря, что во многихъ случаяхъ, послѣ общей работы, Вальсейро присвоивалъ большую часть добычи.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать, чѣмъ кончилась исторія Вальсейро. Черезъ нѣсколько времени послѣ-того, какъ меня выпустили изъ тюрьмы, ему надоѣло спадать въ заперти. Онъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами, продѣлалъ въ кровлѣ отверстіе, убѣжалъ, тотчасъ же возвратился къ прежнимъ своимъ привычкамъ и съ удивительною смѣлостью снова принялся обкрадывать Мадритъ и его окрестности. Последнее его похищеніе — верхъ совершенства воровской практики. Наскучивъ обыкновеннымъ уличнымъ воровствомъ, Вальсейро рѣшился на продѣлку, которая могла бы доставить ему средство уѣхать за границу и дожить свой вѣкъ въ блестящемъ до-вольствѣ.

Въ Мадритѣ жилъ королевскій контролеръ Габиріа, родомъ Бискаецъ, богачъ, у котораго было два сына, прекрасные дѣти двѣнадцати и четырнадцати лѣтъ. Я часто встрѣчалъ ихъ, когда они гуляли по живописнымъ берегамъ Мансанареса. Оба они учились въ одномъ мадритскомъ пансіонѣ, и Вальсейро рѣшился употребить страстную привязанность отца къ дѣтямъ въ свою пользу. Онъ придумалъ украсть этихъ дѣтей и возвратитъ не иначе, какъ за огромный выкупъ. Это предпріятіе отчасти удалось. Однажды утромъ два соучастника Вальсейро пріѣхали въ наемной каретѣ въ пансіонъ, и, съ помощью подложнаго письма, выманили обоихъ дѣтей какъ-будто для того, чтобы отвезти ихъ въ загородный домъ отца, а на самомъ дѣлѣ увезли въ подземелье, за плѣтень отъ Мадрита, между Эскуріаломъ и деревнею Форре-Лодонестъ, и остались тамъ стеречь ихъ, между-тѣмъ какъ Вальсейро въ Мадритѣ, торговался съ отцомъ о цѣнѣ за выкупъ. Но отецъ похищенныхъ дѣтей былъ человекъ чрезвычайно твердый и дѣятельный. Вмѣсто-того, чтобы согласиться на условія, какія письменно предлагалъ ему зло-

дѣи, онъ тотчасъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ отъяскавію похищенныхъ. Сотни людей, пѣшихъ, конныхъ бродили по окрестностямъ и меньше нежели черезъ недѣлю нашли дѣтей подлѣ подземелья. Сторожа, увидя опасность, бѣжали, но вскорѣ были схвачены. Вальсейро очень благоразумно разсудилъ, что послѣ этого жить въ Мадридѣ ему уже неудобно, и рѣшился бѣжать. Не извѣстно, гдѣ онъ хотѣлъ скрыться, у Мавровъ или въ Гибралтарѣ, только онъ былъ узнанъ и схваченъ недалеко отъ Мадрита. Конецъ коротокъ: судили, казнили, и Габиріа съ своими сыновьями присутствовалъ при казни, спокойно сидя въ своей коляскѣ.

Такъ кончилось поприще Вальсейро.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

(Цѣны на серебро, безъ пересылки.)

- HISTOIRE DE ST.-AUGUSTIN, sa vie, ses oeuvres, son siècle, influence de son genie, par Poujoulat.** 3 vol., in-8., Paris 1844 (6 r.).
- OEUVRES DE ST.-DENYS L'AREOPAGISTE, traduit du Grec, par l'Abbé d'Arbois.** 1 vol., in-8., Paris, 1843 (2 r.).
- PRÉCIS DE DROIT PUBLIC ET ADMINISTRATIF, suivi d'une bibliographie indiquant les ouvrages sur le droit administratif, par Foucart.** Un vol., in-8., Paris, 1844 (2 r. 15 c.).
- ETUDES DE PHILOGIE ET DE CRITIQUE, par. M. Ouvaroff.** Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- ECONOMIE POLITIQUE. — Recueil de monographies. — Examen des questions sociales, agricoles, manufacturieres et commerciales, par M. M. Burat, M. Chevalier, Dunoyer, Dussart, Say, Villermé, etc.** 2 vol., grand in-8., a 2 col. Bruxelles, 1845 (6 r. 85 c.).
- ETUDES SUR L'HISTOIRE DE LA TERRE et sur les causes des révolutions de sa surface, par Boucheporn.** Un vol., in-8., Paris, 1844. (2 r. 15 c.).
- DE L'ECLAIRAGE AU GAZ. Developpement sur la composition der gaz destinés à l'éclairage, sur la construction des fourneaux et des cheminées, etc., par. R. d'Hurcourt.** Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- LE BON JARDINIER, Almanach pour 1845, par. M. M. Poiteau, Vilmorin, Neuman, Pepin.** Un gros vol. in-12., Paris, 1845 (2 r.).

- L'HOMŌEOPATHIE**, appliquée aux maladies de femmes, par Dulac. Paris, 1845 (25 c.).
- SYMPTOMATOLOGIE HOMŌEOPATIQUE**, ou tableau synoptique de toute la matière médicale pure à l'aide duquel se trouvent immédiatement tous symptôme ou groupe de symptôme cherché, par Lafitte. Un vol., in-4., Paris, 1845 (1 r.).
- TRAITÉ DES MALADIES DES ARTICULATIONS**, par Bonnet. 2 vol., in-8., et atlas in-4., Paris, 1845 (7 r. 15 c.).
- LETTRES SUR LA CHIMIE**, par Liebig, trad. de l'allemand. Un vol., in-12. Paris, 1845 (83 c.).
- DE L'ARMÉE ET DE SON APPLICATION AUX TRAVAUX D'UTILITÉ PUBLIQUE**, par le general Oudinot. Un vol., in-8., Paris, 1845 (1 r. 15 c.).
- TABLES BALISTIQUES GÉNÉRALES** pour le tir élevé, par Otto, traduit, de l'allemand par Rieffel. Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r. 15 c.).
- DICTIONNAIRE DE L'ARCHITECTURE** du moyen âge, contenant tous les termes techniques, pour faire ou comprendre les descriptions des monuments. par Berty. Un beau vol., in-8., elucidé par plus de 280 vignettes sur bois. Paris, 1845 (2 r. 30 c.).
- HISTOIRE DE L'ART MONUMENTAL DANS L'ANTIQUITÉ** et au moyen âge, suivi d'un traité de la peinture sur verre, par Batissier. Un magnifique vol., gr. in-8., orné d'un grand nombre de vignettes, Paris, 1845 (4 r. 50 c.).
- LA FRANCE AU 19 SIÈCLE**, illustrée dans ses monumens et ses plus beaux sites, dessinés d'après nature, par T. Allom, avec un texte descriptif par Ch. Delille. L'ouvrage paraît par livraisons, composée de 2 gravures sur acier avec le text, in 4. (35 c.).
- DESCRIPTION DES MACHINES** et procédés cosignés dans les brevets d'invention de perfectionnement et d'emportation etc, tome 53, in-4., avec planche, Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- REMARQUES SUR LA LANGUE FRANCAIRE** au 19 siècle, sur le style et la composition, par F. Wey. 2 vol., in-8., Paris, 1845 (4 r. 25 c.).
- ETUDES SUR LES HYMNES DES RIG-YÉDA**, par F. Nève. Un vol., in-8., Paris 1846 (85 c.).
- HISTOIRE DE LA POESIE DES HEBREUX**, par Herder, trad. de l'allemand par Carlowitz. Un vol., in-8., Paris, 1845 (2 r.).
- HISTOIRE PHYSIQUE ET POLITIQUE** de l'île de Cuba, par Ramon de la Sagra, 2 vol., in-8., Paris, 1844 (4 r. 25 c.).
- ANNUAIRE DES VOYAGES ET DE LA GEOGRAPHIE** pour 1843, publié par Lacroix. Un vol., in-18., Paris (43 c.).
- VOYAGE SCIENTIFIQUE** DANS L'ALTAY ORIENTAL et les parties adjacentes de la frontière de Chine, fait par ordre de S. M. L'Empereur, par Tchihatcheff. Un vol in-4., avec atlas in folio, Paris, 1844 (43 r.).

EXPLORATION DU TERRITOIRE DE L'OREGON, des Californies et de la mer Vermelle, exécutée pendant les années 1840 à 1842, par Dufcot de Moiras. 4 vol. in-8., avec un atlas gr. in folio, Paris, 1844 — 45 (23 с.)

(Всѣ эти книги можно получить въ магазинѣ Я. А. Исмаилова, комиссіонера Императорскаго Гвардейскаго Корпуса, въ С.-Петербургѣ, въ Гостиномъ Дворѣ, № 22.)

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ

СОЧИНЕНІЯ.

(Цѣны на серебро.)

Для всего оркестра.

- AUBER.** Ouverture de l'opéra: La Sirène, à grand orchestre (4 r. 29 с.)
DONIZETTI. Ouverture de l'opéra: la Favorite (4 r. 29 с.),
OSERKE. Ouverture de l'opéra: Reodora. (3 r. 72 с.).
HALÉVY. Ouverture de l'opéra Charles VI (4 r. 29 с.).
 — Ouverture de l'opéra la Reine de Chypre (4 r. 29 с.).
KALLIWODA. Ouverture pastorale, op. 108 (4 r.)
 — Ouverture Solennelle, op. 126 (4 r. 29).
KITTL. Ouverture de concert, op. 22 (5 r. 15 с.).
LARITZKY. Charlotten-walzer, op. 96 (2 r. 85 с.).
 — Vereinigungs-tänze. Walzer, op. 98 (2 r. 85 с.).
 — Neuer Jammersgrün-galop, op. 99 (2 r. 29 с.).
 — Wien-Prager-Eisenbahn, 3 Polkas, op. 101 (2 r. 85 с.).
 — Natalien-Walzer, op. 104 (3 r. 15 с.).
LISST. Seconde marche hongroise (2 r. 29 с.).
RIETZ. Ouverture zum Singspiele «Fery und Bätely», op. 12 (2 r. 85 с.).
STRAUSS. Volksgarten, Quadrille, op. 157 (2 r. 85 с.).
 — Salon-polka, op. 161 (1 r. 72 с.).
 — Orpheus-Quadrille, op. 162 (2 r. 85 с.).
 — Fest-Quadrille, op. 161 (2 r. 85 с.).
 — Rosen ohne Dornen. Walzer, op. 166 (3 r. 15 с.).
 — Auroras Festklänge. Walzer, op. 164 (2 r. 85 с.).
 — Wiener Früchteln. Walzer, op. 167 (2 r. 85 с.).
 — Willkommen-Rufe. Walzer, op. 168 (2 r. 85 с.).

Дуэты для фортепиано и скрипки.

- BAZZINI.** Deux morceaux de salon: № 1. «Ave Maria». № 2. «Toujour heureux». op. 16 (1 r. 72 с.).

- BERIOT et WOLFF.** Souvenirs de Boulogne. Deux duos concertants pour piano et violon, op. 48 № 1. Sérénade variée. № 2. Divertissement pastoral, à 1. ronb, 43 cop. (2 r. 86 c.).
- GADE.** Sonate pour piano et violon, op. 6 (2 r. 86 c.).
- HELLER et ERNST.** Pensées fugitives pour piano et violon. Cah. 1. Passé. Souvenir. Romance (1 r. 72 c.).
- Cah. 2. Lied. Agitato. Abchied. (2 r.).
- Cah. 3. Réverie. Un Caprice. Inquiétude. (1 r. 72 c.).
- Cah. 4. Prière. Intermezzo. Thème original (2 r. 58 c.).
- Grand duo pour piano et violon, op. 14, sur Don Sebastian (2 r. 29 c.).
- HEISELT.** Duo pour piano et violon, op. 14 (2 r. 29 c.).
- KALKBRENNER et PANOÛKA.** Duo sur la Juive de Halevy, op. 164 (2 r.).
- Duo sur la Favorite de Donizetti, op. 166 (2 r.).
- Duo sur l'opéra: la Reine de Chypre de F. Halevy, op. 167 (2 r.).
- Duo sur l'opéra Charles VI de F. Halevy, op. 168 (2 r.).
- KÜFFNER.** 69-me Potpourri pour piano et violon (ou flûte) sur des motifs de l'opéra la Part du Diable, op. 318 (1 r. 72 c.).
- 70-me Potpourri pour piano et violon (ou flûte) sur des motifs de l'opéra Thomas Riquiqui, op. 319 (1 r. 72 c.).
- LOUIS.** Fantaisie brillante sur la Reine de Chypre, op. 118.
- 12 Mélodies—Études pour piano et violon, op. 120 № 1. 2. (3 r. 72.).
- REISSIGER.** Grande Sonate pour piano et violon, op. 178 (3 r. 72 c.).
- THALBERG et BERIOT.** Grand duo concertant sur des motifs de Semiramide, op. 54 (2 r.).
- VIEUX-TEMPS.** Grande sonate en quatre parties, pour piano et violon, op. 12 (4 r. 58 c.).

Для одного фортепиано.

- SEYER.** Variations sur le duo des Puritains, op. 47 (1 r.).
- BERNARD.** Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St. Petersbourg arrangés pour le Piano:
- № 1. Bellini. Quintetto de la Sonnambula (30 c.).
- 2. Rossini. Canzonet'a du Parlier de Seville (20 c.).
- 3. Donizetti. Air final de la Lucia di Lammermoor (75).
- 4. Donizetti. Sextetto de la Lucia (30 c.).
- 5. Bellini. Air final de la Sonnambula (60 c.).
- 6. Bellini. Cavatine de la Sonnambula (30 c.).
- 7. Bellini. Duo de la Sonnambula (40 c.).
- 8. Donizetti. Cavatine de l'opéra: Maria di Rohan (30 c.).
- 9. Beriot. Air chanté dans l'Elisire d'amore, par M-me Viardot-Garcia (60 c.).

- 10. Raffe. Air favori, chanté dans *Don Pasquale*, par M-me Viardot-Garcia (75 c.).
 - 11. Donizetti. Nocturne de l'opéra *Don Pasquale* (30 c.).
 - 12. Donizetti. Quatuor de l'opéra *Don Pasquale* (30 c.).
 - 13. Donizetti. Sérénade de l'opéra *Don Pasquale* (30 c.).
 - 14. Donizetti. Cavatine à la Polacca de l'opéra *Linda di Chamounix* (30 c.).
 - 15. Donizetti. Trio de l'opéra *Lucrezia Borgia* (75 c.).
- DAMCKÉ.** Romance sans paroles, op. 17 (50 c.).
- 5. Mélodies, op. 26 № 1. Un Souvenir de voyage. № 2. L'espérance № 3. Chansonnette allemande. № 4. Réverie. № 5. Barcarolle (1 r. 30 c.).
- DOEHLER.** La Carlotta, première Polka originale, op. 56 (50 c.).
- Andante sur une romance de l'opéra *Don Sebastian*, op. 54 (1 c. 43 c.).
 - Deuxième ballade, op. 53 (1 r. 15 c.).
- DREYSCHOCK.** Le Vallon, Idylle, op. 26 (60 c.).
- GOEFFERT.** Cavatine de l'opéra *Marie de Rohan*, transcrite (60 c.).
- HERZ.** Fantaisie et variations sur plusieurs motifs de la *Sirène*, op. 141 (1 r. 72 c.).
- Le Succès de salon. 1-e Suite, op. 142
 - № 1. Variations sur une cavatine de Vaccai. (1 r. 15 c.).
 - № 2. Variations sur un thème de Beethoven (1 r. 15 c.).
 - № 3. Les Ramiers, 2 valse de Lanner, variées (1 r. 15 c.).
 - Le Succès de salon 2-de Suite, op. 143
 - № 1. Mazurka favorite (85 c.).
 - № 2. La Marguerite. Mélodie originale (85 c.).
 - № 3. Tarentelle brillante (1 r. 15 c.).
 - Lutine. Yalse brillante, op. 143 (1 r.).
- KULLAK.** La Gazelle. Pièce caractéristique, op. 22 (1 r.).
- LACOMBE.** Douces pensées. Mélodie (60 c.).
- LISZT.** Faribolo Pastour. Chanson tirée du poème de Françonetto de Jamin, transcrite (85 c.).
- Chanson de Béarn, transcrite (85 c.).
 - Marche funèbre de Don Sebastian, variée (1 r. 43).
- LEOPOLD DE MEYER.** Maclmudier, air guerrier des Turques, op. 22 (1 r. 15).
- Bajazett, air national des Turques, op. 23 (1 r. 15 c.).
 - Fantaisie sur des motifs de l'opéra *Lucrezia Borgia*, op. 24 (2 r.).
- THALBERG.** Grande sonate, op. 56 (4 r.).
- Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: *I Puritani*, op. 57 № 1.
 - Fantaisie sur des thèmes de l'opéra: «*Der Freischütz*» de Weber, op. 57 № 2. (1 r. 43 c.).

- Grand caprice sur la marche de l'Apothéose de Berlioz, op. 58 (3 r.).
 — Nocturne nouveau (60 c.).

(Въ музыкальномъ магазинѣ Г. Бернарда на Певскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской въ домѣ Паскаля, № 11.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго іюня шестая тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: RAFF, le Fugitif, pensée musicale; LISZT, Faribolo Pastour, Chanson tirée du Poème de Françonetto de Jasmin, transcritе; GUTMANN, Nocturne. ДАМСКЕ, Souvenir de voyage, Melodie; ДОНИЦЕВ. Elisa. Troisième Polka originale. ДАВИД. Adieux à Clarence, Mélodie. АЛЯБЬЕВЪ. Цвѣтокъ; «Романсъ» слова Жуковскаго. Литературное прибавленіе № 6. (Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп.).

=

МОДЫ.

=

— Новыя лѣтнія матеріи для платьевъ—по большей части полосатыя, а нѣкоторыя съ мелкими разводами. Кисей-барежъ для легкихъ платьевъ матеріи прелестная, удивительная и въ большомъ употребленіи теперь въ Петербургѣ. Примѣчательно хороши кисей-барежи полосатыя, густаго голубаго цвѣту съ бѣлымъ, покрытые тонкими коричневыми разводами. Тафты-хамелеоны съ крупными клѣтками всё-еще въ милости: такія платья убираютъ двумя или одной очень широкой оборкой. Юбки дѣлаютъ примѣтно короче прошлогоднихъ; корсажи, при легкихъ

платяхъ—высокіе и по большей части сборчатые. Чрезвычайно хороши вновь появившіяся старинныя кофты: вверху покрой обыкновенныхъ, гладкихъ впереди застегнутыхъ лифовъ; но отъ талии, куски, составляющіе корсажъ, спускаются кругомъ вершма на два, даже и на три, образуя отъ спинки нѣсколько складокъ, расходящихся на бокахъ, тогда какъ передніе куски лежатъ свободно и гладко. Эти кофты убираютъ кругомъ и вверху аграмантами или собраннымъ всерединѣ двойнымъ рюшемъ изъ той же матеріи. Но такіе корсажи дѣлаются только изъ плотныхъ матерій, изъ частаго бархату, кашмиру, гродѣфрику, пу-де-соа. Изъ легкихъ матерій дѣлать ихъ не способно и не красиво.

— Рукава, вообще, прямые, гладкіе вверху и свободные, почти широкіе, у кисти руки.

— Мантіи, по предсказаніямъ, основаннымъ на красотѣ уже явившихся образцовъ, будутъ господствовать кружевные, бѣлые и черныя, но болѣе черныя: онѣ въ родѣ большихъ платковъ съ округленными концами и обшиты вокругъ широкимъ кружевомъ.

— Лучшими и изящными шляпками нынче считаются соломенно-кружевные, убранныя синими лентами, или бѣлыми и бѣлымъ строусовымъ перомъ.

— Бѣлые кашмировые бурнусы съ бѣлымъ подбоемъ и широкими аграмантами, перешитыми мелкимъ бѣлымъ стеклярусомъ, получаютъ полное и вполне заслуженное преимущество передъ всеми другими плащами. Очень милы также байковые, клѣтчатыя яркихъ цвѣтовъ, съ однимъ маленькимъ воротничкомъ, обшитые крученой бахромой, но они ужъ слишкомъ обыкновенны. Весь Петербургъ нынче—клѣтчатый.

MA. 18 1947

